

**Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
Фонд «Русский мир»
Институт русского зарубежья
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко
Конгресс Русских общин Республики Молдова**

**Международная научно-практическая конференция
«Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, 19-21
апреля 2017 г.)**

**International Scientific and Practical Conference «Intercultural
Dialogue and Challenges of the Present» (Orel, April 19-21, 2017)**

Орел, 2017

УДК 316.4
ББК – 60.0

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО "Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева".
Протокол № 3 от 23 ноября 2017 года.

Научное издание

Межкультурный диалог и вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции. Сборник научных статей / под общ. ред. В.П. Степанова, Т.В. Серegiной; предисл. проф. В.П. Степанов, Т.В. Серегина, Т.Н. Гелла: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. – Орел, 2017. – 598 с.

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» знакомит читателя с анализом общественных трансформационных процессов современности в преломлении к геополитическим стратегиям и ситуации, складывающейся в условиях развития стран новых демократий на бывшем постсоветском пространстве. Особое внимание участники конференции уделили проблеме феномена самопровозглашенных идентичностей Абхазии, Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Приднестровья, ДНР и ЛНР. Серьезное внимание было уделено этнокультурным, в том числе и этноязыковым процессам в странах бывших союзных республик.

Книга рассчитана на политиков, государственных деятелей, ученых, журналистов, студентов общественных специальностей, всех интересующихся современными этническими процессами и этногражданским строительством.

УДК 316.4
ББК – 60.0

ISBN: 978-5-9929-0563-2

© авторы докладов и сообщений
© ОГУ им. И.С. Тургенева

Содержание

Степанов В.П., Серегина Т.В., Гелла Т.Н. Международная научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, 19-21 апреля 2017 г.) International Scientific and Practical Conference «Intercultural Dialogue and Challenges of the Present» (Orel, April 19-21, 2017).....	12
Приветствие ректора Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева Ольги Васильевны Пилипенко участникам конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности».....	18
Приветствие ректора Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко Степана Иордановича Берила участникам международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности»	20
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ REPORTS OF THE PLENARY SESSION: INTERCULTURAL DIALOGUE AND CHALLENGES OF CONTEMPORANEITY.....	21
Пантелеев С.Ю. (Москва, Российская Федерация), Panteleev S.Yu. (Moscow, Russian Federation) Разделённый статус русского народа как этнополитическая проблема. The divided status of the Russian people as an ethnopolitical problem.....	21
Степанов В.П. (г. Орел, Российская Федерация), Stepanov V.P. (Orel, Russian Federation) Серегина Т.В. (г. Орел, Российская Федерация) Seriogina T.V. (Orel, Russian Federation) Феномен русскокультурности в условиях ближнего зарубежья России. The phenomenon of Russian culture in the conditions of Russia's near abroad.....	29
Сальников Е.В. (г. Орел, Российская Федерация), Salnikov E.W. (Orel, Russian Federation) Феномен самопровозглашения и его субъекты: экстремисты, мятежники, революционеры, демократы или граждане? The phenomenon of self-Declaration and its agents: extremists, rebels, revolutionaries, democrats or citizens?.....	40
Бенон Газинский (Ольштын, Польша), Benon Gazinsky (Olshtain, Poland) Декларация Шумана от 9 мая 1950 года. Европейский союз - ретроспективный обзор и перспективы. Schuman's declaration of 9th of May 1950 European Union – retrospective review and perspectives.....	49
Алексеев А.П. (Москва, Российская Федерация), Alekseev A.P. (Moscow, Russian Federation) Пост-культура информационной эпохи: конфликты и безопасность. Post-Culture in Information Era: Conflicts and Security.....	67
Ныгусие Кассае В. Михаэль (г. Москва, Российская Федерация), NigussieKassaieV. Michael(Moscow, Russian Federation) К вопросу о защите и сохранении культуры и языков малочисленных коренных	

<i>народов Африки. The problems of protection of minority languages & cultures in Africa.....</i>	74
Заркович Весна (Приштина/Лепосавич, Сербия), Zarkovic Vesna(Pristina / Leposavic, Serbia) Корни современного конфликта в Косово и Метохии. The roots of contemporary conflicts in Kosovo and Metohija and role of the great powers.....	85
РОССИЯ ВНЕ РОССИИ: ФЕНОМЕН САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ RUSSIA OUTSIDE RUSSIA: THE PHENOMENON OF SELF-PROPELLED IDENTITIES	99
Пахарь Л.И. (г. Орел, Российская Федерация), Pakhar L.I. (Orel, Russian Federation) Проблема сохранения российской этнической идентичности как фактор государственной безопасности. The problem of preserving Russian ethnic identity as a factor of state security.....	99
Бабилунга Н.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика) Babilunga N.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaja Moldavskaia Respublika) Приднестровская государственность: из прошлого в настоящее. Transnistrian statehood: from the past to the present.....	108
Гелла Т.Н. (г. Орел, Российская Федерация), Gella T.N. (Orel, Russian Federation) Проблемы формирования российской и европейской идентичности в начала XXI столетия: сопоставительный анализ. The Problems of the Formation of Russian and European Identity at the Beginning of the XXI Century: Comparative Analysis.....	119
Аванесян В.М. (Степанакерт, Нагорный Карабах), Avanesyan V.M. (Stepanakert, Nagorno-Karabakh) Проблема Нагорного Карабаха: история и современность. The problem of Nagorno-Karabakh: history and modernity.....	129
Vožidar Zarković (Kosovska Mitrovica, Serbia), Заркович Божидар (г. Косовска-Митровица, Сербия), Dejan Gašić (Kosovska Mitrovica, Serbia), Гашич Деян (г. Косовска-Митровица, Сербия) Serbian-albanian conflict: medieval perspective. Сербско-албанский конфликт: средневековая перспектива.....	140
Куракина О.Д. (Москва, Российская Федерация), Kurakina O. D. (Moscow, Russian Federation) Русский мир: от межкультурного диалога к Союзному государству. Russian World: from Intercultural Dialogue to the Union State.....	152
Алексеева И. Ю. (Москва, Российская Федерация), Alekseeva I. Yu. (Moscow, Russian Federation) Образ «Мы»: проблемы информационно-психологической защиты. Self-image of historical community: Issues of psychological information.....	162
Петракова Л. Е. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Petrakova L. E. (Tiraspol, Pridnestrovskaja Moldavskaia Respublika) Становление и развитие единого образовательного	

пространства России и Приднестровской Молдавской Республики (2000–2016 гг.). Formation and development of a single educational Space of Russia and the Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika (2000-2016).....	170
Щукина Н.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Shchukina N.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika) Защита социальных прав трудящихся-мигрантов на уровне межправительственных соглашений государств-участников СНГ. The protection of social rights of migrant workers at the level of CIS member States' Intergovernmental Agreements.....	179
Симиндей В.В. (г. Москва, Российская Федерация), Simindey V.V. (Moscow, Russian Federation) Историческая политика Латвии и нарушение прав русского и русскоязычного населения. The historical policy of Latvia and the violation of rights Russian and russian-speaking population.....	187
Шорников П.М., Шорников А.П. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика) Shornikov P.M., Shornikov A.P. (Tiraspol, Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika) Почему не был ратифицирован базовый российско-молдавский договор? Why was not ratified the base of the russian-moldovan treaty?	195
Абрамов М.А., Срибный В.Н., Круглов С.В. (г. Саратов, Российская Федерация). Abramov M.A., Sribny V.N., Kruglov S.V. (Saratov, Russian Federation) Анализ эффективности системы формирования культуры межнационального общения будущих офицеров войск Национальной гвардии российской федерации. Analysis of effectiveness of system formation in the culture of interethnic communication of future officers in the National guard troops of Russian Federation.....	203
Янковский В.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Yankovsky V.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika) Особенности формирования гражданской идентичности в условиях молдо-приднестровского конфликта. Features of formation of a civil identity in conditions moldovan-transdniestrian conflict.....	209
Голубев А.В. (Москва, Российская Федерация) Golubev A.V. (Moscow, Russian Federation) Инокультурные представления на постсоветском пространстве: историческая динамика Foreign culture representations in the former Soviet Union: Historical dynamics.....	213
Ковалева Е.В. (г. Орел, Российская Федерация), Kovaleva E.V. (Orel, Russian Federation) Оценка идеи политического объединения человечества в польской философии XIX – XX веков. Reviewing of the idea of humanity's political integration in Polish XIX-XX cc. philosophy.....	220
Бабурова Н.Б. (г. Москва, Российская Федерация), Baburova N.B. (Moscow, Russian Federation) Фактор жертвенности в российском политическом процессе: народ и власть. The sacrificial factor in the Russian political process: people and power.....	228

Старостенко К.В. (г. Орел, Российская Федерация), Starostenko K.V. (Orel, Russian Federation) Государственная национальная политика: перспективы реализации. State National Policy: Prospects for Implementation.....	236
Мапельман В.М. (г. Москва, Российская Федерация), Mapelman V.M. (Moscow, Russian Federation) Этические аспекты полиэтнического существования: особенности и проблемы. Ethical aspects of a multi-ethnic existence: peculiarities and problems.....	243
Букарский В.В. (Кишинев, Республика Молдова), Bukarski V.V. (Chishinau, Republic of Moldova) Этнический фактор в избирательном процессе Республики Молдова. Ethnic factor in the electoral process of the Republic of Moldova.....	251
Санькова С.М., Шевченко П.А. (г. Орел, Российская Федерация), Sankova S.M., Shevchenko P.A. (Orel, Russian Federation) Феномен современного национализма на примере Франции. Phenomenon of modern nationalism on the example of France.....	259
Чекулаев А.А. (г. Орел, Российская Федерация), Chekulaev A.A. (Orel, Russian Federation) Геополитическая парадигма национальных интересов государства. Geopolitical paradigm of national interests of the state.....	269
Сорока И.А. (г. Орёл, Российская Федерация), Soroka I.A (Orel, Russian Federation) К вопросу об особенностях политической культуры современной России. To the question about the peculiarities of the political culture in modern Russia.....	278
Шумилкина О.Г. (г. Орёл, Российская Федерация), Shumilkina O.G. (Orel, Russian Federation) Глобализация и проблема преемственности этнокультурных традиций. Globalization and the problem of continuity in ethnocultural traditions.....	283
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE PAST AND PRESENT.....	290
Назарова Г.Ф. (г. Орел, Российская Федерация), Nazarova G.F. (Orel, Russian Federation) Парадигмы русской национальной культуры и национальной ментальности (к постановке проблемы). Paradigms of Russian national culture and national mentality (to the formulation of the problem).....	290
Михайлович В. (г. Лепосавич, Сербия), Mikhailovich V. (Leposavic, Serbia) Традиционные и современные свадьбы (венчания) в балканских странах: подавление фольклорных обычаев в результате европейского и американского влияния. Traditional and modern weddings in the Balkan countries: suppression of folklore customs as a result of European and American influence.....	295
Голигузова Н.И. (г. Орел, Российская Федерация), Goliguzova N.I. (Orel, Russian Federation) Место и роль нравственных ценностей в процессе межэтнического и межгосударственного взаимодействия. The place	

<i>and role of moral values in the process of inter-ethnic and inter-state interaction.....</i>	305
Хохлова Е.И. (г. Орёл, Российская Федерация), Khokhlova E.I.(Orel, Russian Federation) Трактовка русского национализма в отечественной философии «серебряного века» (на примере воззрений С.Н. Булгакова). Interpretation of Russian nationalism in the domestic philosophy of the "Silver Age" (based on the views of S.N. Bulgakov).....	312
Родов Г.Д. (Комрат, Гагаузия, Республика Молдова), RodovG.D. (Comrat, Gagauzia, RepublicofMoldova) Роль трудов российских ученых В.А. Мошкова и В.В. Радлова в изучении истории гагаузов. The role of the works of Russian scientists V.A. Moshkova and V.V. Radlov in the study of the history of the Gagauzians.....	317
Леонтьева О.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), LeontievaO.V. Tiraspol, The Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika) Основные характеристики политической элиты Приднестровья в контексте электорального цикла 2015-2016 гг. Basic characteristics of the Pridnestrovien political elite in the context of the 2015-2016 electoral circle.....	320
Коренев Д.М. (г.Орел, Российская Федерация), Korenev D.M. (Orel, Russian Federation) Народный костюм как средство политического манипулирования (на примере Украины). Folk costume as a means of political manipulation (on the example of Ukraine).....	329
Королев Ю.А. (г. Орел, Российская Федерация,) Korolyov Yu. A. (Orel, Russian Federation) Путь суфия: мистический опыт ислама. The Sufi path: the mystical experience of Islam.....	340
Губаненкова С.М. (г. Орел, Российская Федерация), Gubanenkova S.M.(Orel, Russian Federation) Роль туранского компонента в русской культуре (на основе идей педставителей евразийства). The role of Turan component in Russian culture (on the basis of the ideas of the eurasianism).....	350
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE PAST AND PRESENT.....	350
Финогентов В.Н. (г.Орел, Российская Федерация), Finogentov V. N. (Orel, Russian Federation), Кононова Е.С. (г.Орел, Российская Федерация), Kononova E. S. (Orel, Russian Federation) Мировоззренческая революция как императив современной эпохи. The worldview revolution as an imperative of the modern era.....	360
Терехов С.В. (г. Орел, Российская Федерация), Terekhov S.V. (Orel, Russian Federation) Философско-мировоззренческий кризис и глобальные проблемы современности. Philosophical-worldview crisis and global problems of our time.....	369
Лысенко В.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), LysenkoV.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaia	

Respublika) Особенности форм государственно-частного партнёрства. Characteristic features of state-private partnership.....	375
Алымова Н.И. (г. Орел, Российская Федерация), Alytova N.I. (Orel, Russian Federation) Диалог поколений: духовно-нравственные и политические ориентиры российского студенчества в начале XX и XXI вв. Dialogue of generations: the spiritual, moral and political orientations of the Russian students in the early twentieth and twenty-first centuries.....	382
Вострикова В.В. (г. Орел, Российская Федерация), Vostrikova V.V.(Orel, Russian Federation) Проблема сохранения национальной идентичности России в отечественной либеральной мысли начала XX в. The problem of preserving the national identity of Russia in the domestic liberal thought of the early twentieth century.....	388
Райлян Н.Р. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Raylyan N.R. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaiia Respublika) Социокультурная принадлежность приднестровцев. Socio-cultural belonging of Transnistrians.....	398
Ковалева М.В. (г. Мценск Орловской области, Российская Федерация) Kovaleva M.V. (Mtsensk, Oryol region, Russian Federation) Разрывы памяти о прошлом на территории Мценского края в этническом и культурном аспектах. Historical-memory breaches in the territory of the Mtsensk region in ethnic and cultural aspects.....	402
Негруль В.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Negrul V.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaiia Respublika) Экономическое сотрудничество как инструмент «мягкой силы» в решении политических межрегиональных конфликтов. Economic cooperation as a tool of «soft power» in political inter-regional conflict.....	410
Бойко О.А. (Орёл, Российская Федерация), Boiko O.A. (Orel, Russian Federation) Этнические архетипы «свои» - «чужие» в современной культуре. Ethnic archetypes of «one's own» - «alien» in modern culture....	419
Антонова М.А., Коськов С.Н. (г. Орел, Российская Федерация), Antonova M.A., Koskov S.N., (Orel, Russian Federation), Лебедев С.А. (г. Москва, Российская Федерация), Lebedev S.A. (Moscow, Russian Federation) Современный социум и мировоззренческая проблематика. Modern society and philosophical perspectives.....	427
Бойко А.А. (г. Орел, Российская Федерация), Boyko A.A. (Orel, Russian Federation) Глобальные проблемы человечества сквозь призму ноосферной концепции. Global problems of mankind through the prism of the noosphere concept.....	433
Рябцев И.А. (г. Кишинев, Республика Молдова), Ryabtsev I.A. (Chisinau, Republic of Moldova) Политические потрясения и миграции русского населения Бессарабии в 1897-1930 гг. Political turmoil and migration of the Russian population of Bessarabia in 1897-1930.....	441

Масленников А.А. (Орловская область, Мценский район, Российская Федерация), Maslenikov A.A. (Orel Region, Mtsensk District, Russian Federation) О необходимости экстраполяции методологических принципов концепции И. Лакатоса на культурные традиции. About the necessity of extrapolation of the methodological principles of the concept of I. Lakatos to the cultural traditions.....	448
ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА GENDER FACTOR AS A CHALLENGE TO THE MODERN WORLD.....	453
Луценко Э.М. (г. Москва, Российская Федерация), Luschenko E.M. (Moscow, Russian Federation), Некрасова У.С. (Австралия), Nekrasova U.S. (Australia), Некрасова Н. А. (г. Москва, Российская Федерация), Nekrasova N.A. (Moscow, Russian Federation) Роль женщины в обществе: традиции и инновации. The role of women in society: traditions and innovations.....	453
Баркова Л.А., Некрасов С.И. (г. Москва, Российская Федерация), Barkova L.A., Nekrasov S.I. (Moscow, Russian Federation) Понятия пол и гендер применительно к российской действительности. Concepts of sex and gender applying to Russian activity.....	459
Санькова С.М. (г. Орел, Российская Федерация), Sankova S.M. (Orel, Russian Federation) Трансформация представлений о семье в современном западном обществе. Transformation of ideas of a family in modern western society.....	463
Желтикова И.В. (г. Орел, Российская Федерация), Zheltikova I.V. (Orel, Russian Federation) Женская утопия: гендерная специфика жанра. Feminist Utopias: the gender specificity of the genre.....	469
Грошовкина Н.А. (г. Тирасполь Приднестровская Молдавская Республика), Groshovkina N.A. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika) Гендерный подход к анализу целостности общества. Gender approach to the analysis of integrity of society.....	480
Романова С.Я. (Комрат, АТО Гагаузия Республика Молдова), Romanova S.Y. (Comrat, ATU Gagauzia Republic of Moldova) Проблемы гендерной социализации в Гагаузии. Issues of gender socialization in Gagauzia.....	489
Ноздрунов А.В. (г. Орел, Российская Федерация), Nozdrunov A.V. (Orel, Russian Federation) Статус «гендера» в модальности традиционного типа регуляции: прошлое и настоящее. «Gender» status in a modality of traditional type of regulation: its past and present.....	497
Мясникова Н.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Myasnikova N.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika) Гендерная политика в ПМР и РМ: тенденции и риски. Gender policy in the DMR and the RM: trends and risks.....	505
В.В. Петрунин (г. Орёл, Российская Федерация), V.V. Petrunin (Orel, Russian Federation). Гендерная проблематика социальной доктрины Московского Патриархата. Gender Issues in the Social Doctrine of the	

Moscow Patriarchate.....	514
Грибакина Т.Э. (г. Орел, Российская Федерация), Gribakina T.E. (Orel, Russian Federation) Проблема андрогинности в социокультурной динамике. The problem of androgyny in the socio-cultural dynamics.....	520
СЛОВО И ЭТНИЧНОСТЬ: В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	
A WORD AND ETHNICITY: IN THE SEARCH FOR CONSENSUS IN A MULTI-ETHNIC CULTURE.....	528
Ефтимиевич-Михайлович М.С. (г. Приштина / Лепосавич, Сербия), Efthymievich-Mikhailovich M.S. (Pristina / Leposavic, Serbia)	
Традиционное и современное как вызовы поэтического искусства (Влияние Арсения Тарковского на поэзию современного сербского поэта Желько Медича). Traditional and modern as challenges of poetic art (The influence of Arseniy Tarkovsky on modern Serbian poet Zeljko Medic's poetry).....	528
Мартинкус П.П. (Москва, Российская Федерация), Martinkus P.P. (Moscow, Russian Federation) Развитие навыков межкультурной коммуникации в процессе преподавания философии в техническом ВУЗе. Development of skills of intercultural Dialogue in the course of philosophy in Technical University.....	543
Зайковская Т.В. (Кишинев, Республика Молдова), Zaikovskaya T.V. (Kishinev, Republic of Moldova) Этнокультурные особенности цветообозначений (на материале русского и румынского языков). Ethnocultural features of color descriptions (on the material of Russian and Romanian languages).....	550
Родина В.А. (г. Орел, Российская Федерация), Rodina V.A. (Orel, Russian Federation) К вопросу о существовании лингвистической относительности в виртуальном пространстве. To a question of existence of linguistic relativity in virtual space.....	559
Кривошапова Н.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Krivosheparova N.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika) Слово и этничность. Атрибутивная этничность как определяющий фактор в образовании этнических групп. Word and ethnicity. Attributive ethnicity as the determining factor in the formation of ethnic groups.....	564
Рожкова Н.В. (г. Орел, Российская Федерация), Rozhkova Natalia (Orel, Russian Federation) О роли художественной литературы в межкультурном диалоге (на материале произведений Германа Гессе). About a role of artistic literature in intercultural dialogue (based on the works of Hermann Hesse).....	570
Щукина О.В. (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика), Shchukina O.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika) Особенности обучения иностранному языку в контексте развития этноязыковых процессов в поликультурной среде. Features of	

<i>teaching a foreign language in the context of the development of ethno-linguistic processes in a multicultural environment.....</i>	579
Ильина Ю.А. (г. Орел, Российская Федерация), Iliina Yu.A.(Orel, Russian Federation) Интернет как медиа среда в системе современной коммуникации. The Internet as media environment in the system of modern communication.....	584
Организационный комитет международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» 19 – 21 апреля 2017 г.	590
Список участников международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» г. Орел, 19-21 апреля 2017 г.	592

**Международная научно-практическая конференция
«Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, 19-21
апреля 2017 г.)**

**International Scientific and Practical Conference «Intercultural
Dialogue and Challenges of the Present» (Orel, April 19-21, 2017)**

19–21 апреля 2017 года в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева состоялась научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности», организованная философским факультетом ОГУ им. И.С. Тургенева при поддержке администрации университета. Соорганизаторами конференции выступили: Фонд «Русский мир», Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, Конгресс Русских общин Республики Молдова.

Конференция объединила усилия исследователей и практиков в деле обсуждения актуальной проблематики – этносоциальной комфортности в полиэтническом многополярном мире. Заявленная тема конференции затронула интересы различных наук, имеющих выход на изучение человека и социума: философии, социологии, этнологии, политологии, антропологии, истории и языкознания и пограничных с ними дисциплин.

Современные этносистемы испытывают постоянные внутренние и внешние вызовы в связи с трансформационными процессами современности: активным развитием информационных технологий, открытием границ, увеличением миграционных процессов, геополитическими колебаниями мира. Комплексный подход, заложенный в основу проведения форума, позволил взглянуть на поднимаемую проблему под разными углами научного освещения, что способствует не только теоретическим достижениям, но и послужит делу выработки определённых практических рекомендаций. На это обратила внимание в своем выступлении на пленарном заседании ректор Орловского госуниверситета им. И.С. Тургенева профессор О.В. Пилипенко, подчеркнувшая, в частности, важную составляющую межкультурных связей в науке и образовании.

Слова поддержки форуму в лице своего представителя С. Пантелеева, исполнительного директора Института стран ближнего зарубежья, эксперта Фонда «Русский мир», высказал директор Фонда «Русский мир» В.В. Кочин. Сергей Юрьевич Пантелеев затронул серьезную проблему геополитического значения – сохранения влияния русской культуры для укрепления имиджа российского государства и поддержки русского и русскоязычного населения вне пределов России, уделив особое внимание соотечественникам в Украине.

В контексте оптимизации межкультурного диалога на территории постсоветского пространства особое значение принадлежит России. В

этом ключе резонансно прозвучала мысль профессоров В.П. Степанова и Т.В. Серединой о важности сохранения и поддержки русскокультурного населения ближнего зарубежья, включающего в себя симпатизантов российского государства, причем не только этнических русских, но и представителей других этносоциальных сообществ, проживающих в странах бывших союзных республик, воспитанных на ценностях русского языка и русской культуры. От их поддержки и развития в немалой степени зависит прочность добрососедства сопредельных с Россией стран новых демократий, расширение положительного имиджа русскокультурности, что в немалой степени будет способствовать укреплению статуса Российской Федерации.

В докладе В.П. Степанова и Т.В. Серединой было обращено внимание на необходимость сохранения в русскокультурном пространстве, причём не только за пределами России, но и в самом русском государстве, чувства исторической преемственности. Сейчас широко используется переписывание общих страниц советской истории, героических событий XX века, в которых принимали участие представители разных национальностей. По сути, планомерно осуществляется попытка забыть и переформатировать историю целого столетия. И в этом контексте упускается из виду одна из выработанных в исчезнувшей стране ценностей – чувство интернационализма. А ведь именно это чувство, ныне редко вспоминаемое, позволило назвать возникшие в ходе распада СССР места конфликтов локальными, не дало развиться этногражданскому противостоянию вширь.

Выступившие на пленарном заседании профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Алексеев, профессор РУДН Нгусие В. Микаэль, профессор университета Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша) Бенон Газинский подчеркнули важность обсуждения глобальных вопросов межкультурного диалога как фундаментальной составляющей формирования условий строительства новой России и русского мира.

С приветствиями от дружественных научно-образовательных центров непризнанных и частично признанных государств (Приднестровье, Нагорный Карабах, Донецкая Народная республика) выступили профессора С.А. Осипова, В.М. Аванесян, М.Н. Кушаков.

В своем выступлении проректор по науке и международным отношениям Арцахского университета профессор Валерий Михайлович Аванесян подчеркнул важность учета в меняющемся мире многополярности интересов, необходимость поиска компромиссов и налаживания межкультурного диалога в спорных ситуациях.

Тема межкультурного диалога, особо актуального для конфликтных зон русского мира, нашла своё отражение в работе круглого стола «Россия вне России: феномен самопровозглашенных идентичностей», объединившего усилия специалистов России и ближнего зарубежья в

деле обсуждения проблемы сохранения и распространения русской культуры и российского влияния в ближнем зарубежье. Данной проблеме уделялось серьезное внимание в докладах участников круглого стола, представлявших новейшие государственные образования: Петра и Александра Шорниковых, Светланы Осиповой, Натальи Щукиной и других коллег из Приднестровья, Валерия Аванесяна из Нагорного Карабаха, Светланы Романовой и Георгия Родова из Гагаузии (Республика Молдова).

Участники круглого стола обратили внимание на ряд общих тенденций, наметившихся в ходе эскалации конфликтов в регионах, которые вплоть до настоящего времени продолжают оставаться точками напряженности и именуется непризнанными или частично признанными государствами. Этнополитические и геополитические трансформации выработали особые сценарии событий, происходивших в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии. Свой путь автономного строительства налаживает сегодня Гагаузия.

Понятно, что в силу специфики региональных особенностей невозможно выработать единый подход к решению проблем горячих точек. Поэтому особую роль в ходе нормализации и оптимизации обстановки в таких регионах призваны играть подобные встречи экспертов, способствующие обмену опытом в деле построения мирного будущего с учетом интересов конфликтующих сторон. Наиболее чётко это проявилось на представительстве участников из Республики Молдова.

Обращая внимание на уникальность разрешения каждой из возникших этнонациональных проблем, эксперты круглого стола сошлись во мнении, что всё же существует общий фундамент, от которого следует двигаться дальше – это межкультурный диалог. Не случайно именно это словосочетание легло в основу названия конференции.

Одной из ключевых тем, вокруг которой были построены доклады и шли дискуссии, стала тема идентичности и её проявлений в современном сообществе.

Проблему формирования идентичности в системе общих и особенных проявлений в ценностях современного многополярного мира на примере «Восток – Запад» рассмотрела профессор Т.Н. Гелла, которая пришла к выводу, что процесс формирования некой общеевропейской идентичности представляется достаточно сложным, неоднозначным, требующим успешного развития многих факторов, которые в своем многообразии создали бы благоприятные условия для единения европейцев в условиях меняющегося мира и современного облика Европы. В докладе делается вывод о необходимости целенаправленных усилий общества и власти, направленных на достижение того, чтобы в

повседневной практике граждане разных национальностей чувствовали Россию общим домом.

Многоаспектные вопросы межкультурного диалога нашли своё отражение на секционных заседаниях конференции.

Наиболее многочисленна по составу участников и спектру раскрываемых проблем на международной конференции секция «Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем». Как уже говорилось, одной из ключевых тем, вокруг которой были построены доклады и шли дискуссии, стала тема идентичности и её проявлений в современном сообществе.

При характеристике современности в контексте построения ценностей обращает на себя внимание героизация прошлого (победа в Великой Отечественной войне, полет Гагарина в космос и т.п.). Вызвал интерес вопрос инокультурных представлений на постсоветском пространстве и их исторической динамики. Этой теме был посвящен доклад руководителя Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН А.В. Голубева.

К сожалению, в последнее время редко обращаются к нравственным проблемам современности, потому особое звучание приобрел доклад профессора В.М. Мапельман «Этические аспекты полиэтнического существования»

Где найти золотую середину в меняющемся мире между ценностями глобализации и сохраняющими свою значимость национальными ценностями? Этот вопрос обозначил ещё один круг дискуссии – изучение соотношения глобального в национальном и наоборот (доцент А.А. Чекулаев, доцент О.Г. Шумилкина и др.).

В своем выступлении специалисты, ориентировавшиеся на проблему будущего, – профессор В.Н. Финогентов и доцент Е.С. Кононова – рассмотрели тему формирования ценностного мира планетарной идентичности в контексте современных мировоззренческих трансформаций.

Выступая в дискуссии на эту тему, профессор Т.В. Серегина, в частности, отметила, что в процессе глобализации формируется новый культурный тип общности, не совпадающий с национальным (локальный). Он объединяет людей не по национальному происхождению, а по общности культурных предпочтений, т.е. на основе выбора своей культурной идентичности. Глобализация создает не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей, и различает их по характеру сделанного ими культурного выбора.

Наряду с докладами на общетеоретические темы, на заседании секции прозвучало немало интересных выступлений, носящих узко предметную направленность. Например, рассмотрению особенностей

формирования гражданской идентичности в условиях молдо-приднестровского конфликта был посвящен доклад Посла Южной Осетии в Приднестровье В.В. Янковского. О соотношении этнического и религиозного факторов в избирательном процессе Республики Молдова рассуждал исполнительный директор молдавского отделения Изборского клуба В.В. Букарский.

Гендерные отношения в современном мире – тема брендовая не только в среде обывателей, но и в научных кругах, потому одной из насыщенных докладами секций стала секция под названием: «Гендерный фактор как вызов современного мира».

Особое внимание обратили на себя доклады доцентов И.В. Желтиковой «Женская утопия: гендерная специфика выражения социальных ожиданий» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел), Н.А. Грошовкиной «Гендерный подход к анализу целостности общества» (ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь), А.В. Ноздрунова «Понимание гендера в модальности традиционной регулятивной системы: прошлое и настоящее» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел), профессора С.М. Саньковой «Трансформация представлений о семье в современном обществе» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел).

Яркие, интересные наблюдения по проблеме гендерной социализации в Гагаузии прозвучали в докладе научного сотрудника научно-исследовательского Центра Гагаузии им. М.В. Маруневич (Республика Молдова) С.Я. Романовой. Автор, в частности, подчеркнула, что в условиях построения гагаузской автономии стал меняться и расти статус женщины, увеличился процесс её вовлеченности в конкурентные социальные отношения с мужчинами, что привело к разительным переменам во всех институтах общества. Следует добавить, что сейчас башканом (высшим должностным лицом) Гагаузии впервые стала женщина.

«Слово и этничность: в поисках консенсуса в полиэтнической культуре» – название ещё одной секции, объединившей специалистов, рассматривающих межкультурный диалог через сохранение ценностей языка и языковые трансформации.

В процессе распада СССР и формирования стран новых демократий тема языка стала одним из обсуждаемых направлений в практической деятельности и науке. Язык сразу вышел за рамки привычной филологии и стал активно рассматриваться целым спектром научных направлений: этнополитологией, этносоциологией, этнолингвистикой. Не остались в стороне философская наука и история. Доклады на секции получились разнообразными, а диалог насыщенным и разнообразным.

Целый блок выступлений был посвящён распространению слова через СМИ: об этом шла речь в докладах И.С. Душаковой «Медийная репрезентация истории: выстраивание идентичности» (РГГУ, Москва),

доцента Ю.А. Ильиной «Масс медиа в системе социальной коммуникации и современный человек» (ОГУ им. И.С. Тургенева, Орел).

Теме слова в формировании этнических ценностей было посвящено интересное и яркое выступление доцента Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко Н.В. Кривошаповой.

Состоявшаяся в Орловском государственном университете им. И.С. Тургенева научно-практическая конференция «Межкультурный диалог и вызовы современности» объединила 95 специалистов из ведущих научных центров России, Франции, Республики Молдова, Польши, Доминиканской республики, самопровозглашенных государственных Приднестровья, Нагорного Карабаха, ДНР.

Подводя итоги состоявшейся международной научно-практической конференции, участники форума обратили внимание на важность рассмотрения подобных тем в регионах России. Высказывания о том, что проблема, заявленная конференцией, должна подниматься либо в столичных центрах, либо в регионах, непосредственно сталкивающихся с проявлениями вызовов межкультурного противостояния, явно устарели. Подобный подход глубоко ошибочен. Именно широкая география рассмотрения проблемы, вовлечение в её изучение новых научно-образовательных центров позволяет рассмотреть её в новом ракурсе, с привлечением новых сил, которые, как правило, порождают новые идеи и подходы. Кроме того, для регионов очень важен опыт и экспертная оценка событий, что позволит обойти многие острые углы и избежать уже сделанных ошибок.

Участники конференции полагают целесообразным сделать Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева постоянно действующей площадкой для научно-исследовательской деятельности по проблемам межкультурного диалога как внутри России, так и в ближнем зарубежье.

Участники конференции пришли к мнению, что начатый разговор нужно сделать регулярным и выразили решение проводить подобные встречи раз в два года.

Ниже уважаемый читатель получит возможность познакомиться с материалами международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности».

Степанов В.П., профессор, зав. каф. социальной антропологии и этнонациональных процессов философского ф-та ОГУ им. И.С. Тургенева, сопредседатель оргкомитета международной научно-практической конференции

Серегина Т.В., профессор, декан философского ф-та ОГУ им. И.С. Тургенева, член оргкомитета международной научно-практической конференции

Гелла Т.Н., профессор, декан исторического ф-та ОГУ им. И.С. Тургенева, член оргкомитета международной научно-практической конференции

**Приветствие ректора Орловского государственного
университета им. И.С. Тургенева Ольги Васильевны Пилипенко
участникам конференции «Межкультурный диалог и вызовы
современности»**

***Уважаемые участники конференции
«Межкультурный диалог и вызовы современности»!***

От имени ректората Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева позвольте поприветствовать вас в стенах нашего вуза и поблагодарить за участие в разработке столь значимой и актуальной проблемы современности, как межкультурный диалог.

Основная государствообразующая сила России – его народ.

Население Российской Федерации полиэтнично. Сохранение и укрепление межэтнического мира, языковая гармония, сохранение и приумножение уникального культурного наследия сегодня – это не просто слова, это важнейшая стратегическая задача учёта интересов человеческого фактора россиян, с ориентацией на устойчивое развитие.

Одновременно на процессы этносоциальной комфортности современной России продолжают оказывать влияние геополитические стратегии современности, в которые подпадают, в том числе, многочисленные государства новых демократий, ранее входившие в состав одной большой страны.

Заявленная тема конференции затрагивает интересы различных наук, имеющих выход на изучение человека и социума. Сегодня вопросы этничности продолжают интересовать целый ряд антропологических дисциплин. Уже оформились пограничные направления науки: этнополитология, этнолингвистика, этнопсихология и этносоциология. Активно развивается отечественная фольклористика – наука, изучающая народное творчество и музыкальное искусство.

Современные этносистемы испытывают постоянные внутренние и внешние вызовы в связи с трансформационными процессами современности, активным развитием информационных технологий, открытием границ. Меняющийся этнический состав в отдельных регионах и мегаполисах не только России, но и Европы является данностью времени и, безусловно, требует пристального и беспристрастного изучения и освещения учеными и практиками.

Комплексный подход, закладываемый в основу проведения предлагаемого форума, позволит взглянуть на поднимаемую проблему под разными углами научного освещения, будет способствовать выделению не только теоретических достижений, что, безусловно, важно, но и послужит делу выработки определённых практических рекомендаций.

Конференция призвана объединить усилия исследователей и политиков-практиков в деле обсуждения актуальной проблематики – этносоциальной комфортности полиэтнического сообщества.

Русскокультурное пространство распространяется далеко за пределы границ России. Русский мир и русское слово представлены во многих странах мира и наиболее ярко в границах бывшего СССР, где вплоть до настоящего времени идёт процесс утверждения новых государственных. Это порой вызывает внутреннее противостояние новых демократий, что за последнюю четверть века привело к появлению ряда горячих точек и непризнанных государственных. Именно они и выступают особыми анклавами русского мира, требующими внимания и пристального изучения. Не случайно в рамках конференции предусмотрена работа круглого стола «Россия вне России: феномен самопровозглашенных идентичностей (Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, Донецк, Донбасс, Луганск)». И мы рады приветствовать на нашей научной площадке представителей Приднестровья, Нагорного Карабаха, Донецкой Народной Республики.

К обсуждению злободневных проблем межкультурного диалога присоединились наши уважаемые коллеги из Австралии, Польши, Сербии, Республики Молдова, Доминиканской республики, различных научно-образовательных центров Российской Федерации. От имени оргкомитета конференции выражаю слова признательности Фонду «Русский мир» и Институту стран русского зарубежья за поддержку нашего начинания.

На базе нашего университета сегодня проходит значимое событие. На конференции собрались люди, профессионалы своего дела, которые действительно переживают за судьбы своих государств, республик. Межкультурный диалог и тема конференции, которая сегодня выбрана – это именно то направление, которое тесно связывает людей, несмотря на экономические и политические ситуации, складывающиеся в мире. Я надеюсь, что сегодняшняя международная конференция позволит определить новые подходы к межкультурному диалогу, к воспитанию молодежи в том направлении, которое должно прививать любовь и патриотизм к каждому государству, к каждой республике. Уже сейчас мы задумываемся над тем, чтобы конференция стала традиционной. Университет открыт для диалога и сотрудничества. Успехов всем нам в нашей деятельности. Мира и дружбы!

**Приветствие ректора Приднестровского
государственного университета им. Т.Г. Шевченко
Степана Иордановича Берила
участникам международной научно-практической конференции
«Межкультурный диалог и вызовы современности»**

Уважаемые участники и гости конференции!

От имени Учёного Совета и профессорско-преподавательского состава Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко разрешите приветствовать вас и поздравить с началом работы высокого научного форума в стенах Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева!

Приднестровский государственный университет, являясь ведущим классическим научно-исследовательским вузом Приднестровской Молдавской Республики, постоянно нацелен на исследование наиболее востребованных и значимых проблем жизнедеятельности общества и государства. Отрадно, что сегодняшняя конференция является плодом совместных усилий российских и приднестровских ученых.

В XXI веке человечество в полной мере ощутило всю степень серьезности обострения глобальных проблем и противоречий межкультурного общения, разрешение которых потребует максимальной сплоченности и умения принимать осознанные и согласованные решения. Одновременно возникают новые типы коммуникаций, новые способы хранения и передачи информации в человеческих сообществах. Именно сейчас, когда в мире происходит глобальная расстановка сил и приоритетов, роль науки в формировании мирового межкультурного диалога неоспорима.

Важным и необходимым видится скрупулезный научный анализ вопросов межкультурного взаимодействия, выявление общих тенденций и опорных точек, элементов преемственности и новизны в построении диалога в новых условиях.

Выражу уверенность в том, что сегодняшний форум, несомненно, соответствует вызовам времени, и совокупный научный потенциал участников конференции позволит продемонстрировать значимость возможностей науки в поиске истины.

**ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ВЫЗОВЫ
СОВРЕМЕННОСТИ
REPORTS OF THE PLENARY SESSION:
INTERCULTURAL DIALOGUE AND CHALLENGES OF
CONTEMPORANEITY**

*Пантелеев С.Ю. (Москва, Российская Федерация)
Panteleev S.Yu. (Moscow, Russian Federation)*

**Разделённый статус русского народа как этнополитическая
проблема**

The divided status of the Russian people as an ethnopolitical problem

Аннотация. В докладе идет речь о проблеме разделённого статуса русского народа, о положении русского населения в новом зарубежье. Освещаются различные стороны этого многогранного явления: языковое разделение, информационное разделение, религиозное и т. п.

Ключевые слова: русские, разделённый народ, соотечественники за рубежом, Россия, национальная политика.

Abstract. The report deals with the problem of the divided status of the Russian people. On the situation of the Russian population in the “new abroad”, various aspects of this multifaceted phenomenon are touched upon: language separation, information separation, religious, etc.

Key words: Russians, divided people, compatriots abroad, Russia, national policy.

Уважаемые участники конференции! Прежде всего, хочу отметить, что наша встреча отличается злободневностью и безусловно актуальна для обсуждения проблемных вопросов, возникающих в трансформационный период у русских, прежде всего живущих за пределами России. Я представляю Институт стран русского зарубежья и выполняю почетную миссию быть представителем Фонда «Русский мир» на этой конференции.

Мне приятно увидеть среди приехавших принять участие в конференции добрых знакомых-единомышленников и новые лица, в том числе молодых исследователей. Желаю уважаемым участникам конференции интересных докладов и живых дискуссий.

Свое выступление хочу начать небольшой цитатой: «В основу национального внешнеполитического курса должно быть положено чёткое понимание, что, несмотря на своё положение разделённой нации, русские являются единым народом, объединённым глубоким и

неизменным чувством принадлежности ко всей многовековой истории российского государства и его будущему. Внешняя политика Российской Федерации должна исходить из исторически преемственных интересов русского народа и быть нацелена на обеспечение условий для его полнокровного развития и единства» (Обращение I Всемирного русского собора «О понимании национальных интересов России и русского народа»).

Данному высказыванию через месяц исполнится 24 года. Именно тогда, в мае 1993 года, под председательством митрополита Кирилла, будущего Патриарха Московского и всея Руси, собрался Первый Всемирный русский народный собор, впервые чётко заявивший, что русские в результате распада единого государства стали разделённым народом, имеющим право на воссоединение.

В одном из итоговых документов Собора, в частности, было сказано: «Всемирный Русский Собор считает русских в сложившихся условиях разделённой нацией и просит Верховный Совет России и международные организации признать де-юре статус русских как разделённой нации и их право на воссоединение» (I Всемирный русский собор. Резолюция секции «О русской нации»//<http://www.vrns.ru/documents/54/1279/#.WPStJ0XygdU>).

По сути, тогда, на ещё дымящихся руинах СССР, Всемирный русский собор выдвинул концепцию русских как разделённого народа, ожидая от российской власти восприятия данной идеи и её практической реализации во внешней политике, в том числе в целях защиты прав 25 млн русских людей, оказавшихся не по своей воле за пределами России.

На деле, как мы с вами хорошо знаем, данная концепция оказалась не востребована тогдашней российской властью. Более того, фактически на протяжении всех 90-х «русский вопрос» оказался чуть ли не под запретом. При этом не сказать, что сам тезис о русских как разделённом народе не развивался концептуально – о нем писали многие мыслители, публицисты, общественные деятели и политики, причем очень разные – В. Распутин, А. Солженицын, В. Кожин, В. Жириновский, А. Проханов, Г. Зюганов и многие другие... Но скорее он стал достоянием «патриотической оппозиции», оказавшись невостребованным ни властью, ни интеллектуальными кругами, имевшими влияние на власть.

И безусловно был прав А. Солженицын, писавший в 1998 г., что «российские власти, занятые своими расчётами, интригами и провалами... не нашли в себе твёрдости или смелости сделать решительное движение в защиту соотечественников, брошенных в СНГ» (Солженицын 1998, с. 64.).

Почему так произошло? Прежде всего – потому, что российское государство в 90-е гг. пребывало в иной социально-политической парадигме. Связь «русской темы» с «патриотической оппозицией», да

ещё на фоне «войны ветвей власти», делала для Ельцина и его окружения эту тему неприемлемой. Но, естественно, вопрос не только (и не столько) в этом. Вопрос в природе тогдашней российской власти, которая возникла в результате поражения в холодной войне и распада СССР. Для нее в принципе «русский вопрос» почти всегда ассоциировался с «шовинизмом» и «русским фашизмом».

На концептуальном уровне в этот период национальная проблематика стала развиваться на основе конструктивистского подхода, предполагавшего строительство единой гражданской российской нации. При этом русские, де-факто государствообразующий народ, составляющий более 80 % населения России, рассматривался просто как один из многочисленных российских этносов. Важно подчеркнуть, что при рассмотрении русских исключительно как этноса, как родства по крови игнорировалась сложная культурно-цивилизационная природа русского народа, вбиравшего в себя традиционно различные этносы и выполнявшего интеграционные функции в семье российских народов.

Тот же подход фактически повторялся в начавшейся складываться в это время концепции в отношении нового русского зарубежья – «соотечественники за рубежом», где упор стал делаться не столько на 25 млн русских, оказавшихся за пределами РФ после распада СССР, сколько на представителей всех народов, входивших в состав Российской империи и Советского Союза и их потомков, да ещё не делось различия между эмигрантами и теми, кто оказался за пределами России не по своей воле, а в результате развала единого государства.

Конкретные нормативно-правовые рамки этот подход приобрел в 1999 г., когда был принят Федеральный закон № 99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», который на сегодняшний день является базовым в регулировании отношений Российского государства и соотечественников за рубежом. С момента принятия данного закона и по настоящее время ведутся острые дискуссии о том, кто же такие «соотечественники за рубежом», т.к. неоднократно эксперты указывали на то, что определение, данное в законе, чрезмерно размыто, расширительно, декларативно и фактически не соответствует правоприменительной практике.

В закон с тех пор несколько раз вносились правки, направленные на его конкретизацию, но споры о том, кто же такие соотечественники, так и не утихли. Вместе с тем эти попытки конкретизации были не случайны, потому что с приходом к власти В.В. Путина, в отличие от предыдущего периода, началась систематическая деятельность государства в выстраивании осмысленной политики в отношении зарубежных соотечественников.

Отчётной точкой здесь может считаться 2001 год, когда был проведен I Всемирный конгресс российских соотечественников, на

котором В.В. Путин впервые обратился к термину «Русский мир», заметив, что он «выходит далеко за границы русского этноса» (Конгресс соотечественников 2001, с. 5). Соответственно, с этого времени и сам термин «русские» начинает избавляться от негативных коннотаций предыдущего периода и становится, скажем так, официально употребимым.

Впрочем, это вовсе не означало изменения концептуальных основ реализации как национальной политики в целом, так и политики в отношении зарубежных русских в частности, которая до сих пор продолжает строиться на конструктивистской основе, считающей нацию несуществующим, воображаемым явлением. По сути при этом подходе нация – не что иное, как постмодернистский симулякр, имитация, придуманная реальность.

В этом отношении показательна была недавняя дискуссия, связанная с разработкой т.н. «закона о российской нации». Инициаторы пошли ещё дальше в «конструировании» нации, чем раньше, когда декларировалось строительство «гражданской нации россиян». Теперь автор идеи Вячеслав Михайлов заявлял, что «"Российская нация" – это термин не гражданско-политический, а этнический... это должно быть зафиксировано на конституционном уровне» (Михайлов Вячеслав. «Российская нация» – это цель). Не удивительно, что в итоге рабочая группа по подготовке концепции законопроекта решила переименовать его в закон «Об основах государственной национальной политики», а руководитель группы академик Валерий Тишков объяснил это тем, что «общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности» (Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»). При этом многие критики законопроекта справедливо указывали на то, что документ не учитывает интересы русского народа – реально существующего и де-факто государствообразующего, в том числе русских, проживающих за рубежом (Михаил Димулин. О «русской нации», русском народе и межнациональном согласии; Всеволод Чаплин поддержал идею закона о российской нации; Кафтан: «Закон о российской нации» похоронен из-за неприятия русского и других народов).

Возвращаясь же к вопросу о русских как разделённом народе, следует подчеркнуть, что, конечно, наиболее мощную поддержку данной концепции дал не кто иной, как Президент России В.В. Путин в своей знаменитой «Крымской речи». Напомним, что, говоря о распаде СССР, он сказал тогда буквально следующее: «Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире... Российское государство, что же

оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду. Наша страна находилась тогда в таком тяжёлом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы. Но люди не могли смириться с вопиющей исторической несправедливостью» (Президент России. Обращение Президента Российской Федерации).

При этом рассматривать это высказывание только в «крымском контексте» неверно, т.к. В.В. Путин неоднократно обращался к этому вопросу – как до крымских событий, так и после (Президент России. Интервью журналу «Тайм»; Президент России. Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS; Президент России. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай»).

Если учитывать, что осмысление данного вопроса идет уже более 25 лет – с момента распада СССР – и за это время накоплен богатейший эмпирический материал, то вполне можно говорить о том, что перед научным сообществом, прежде всего перед специалистами, занимающимися этнополитической проблематикой, стоит задача теоретического осмысления идеи о русских как разделённом народе. С целью её дальнейшего развития и воплощения в конкретные практические действия, в том числе и связанные с изменением ранее исповедовавшихся подходов по работе с русскими, оказавшимися за пределами России.

Первым шагом в этом направлении, на мой взгляд, должно стать раскрытие самого тезиса о русских как разделённом народе. Иначе говоря – что мы понимаем под этим понятием? В чем заключается данное разделение и в каких формах оно проявляется?

Год назад, выступая в Крыму на II Ливадийском форуме, я предложил свою трактовку раскрытия данного понятия (Сергей Пантелеев. Русские – разделённый народ: раскрытие понятия).

На мой взгляд, разделённое состояние русского народа на современном этапе проявляется в следующих формах.

Политическое разделение. Русские, ставшие в результате распада СССР гражданами других государств, в силу объективных причин, даже несмотря на факты дискриминации их национальных прав, преимущественно воспринимают именно эти государства в качестве «своих». Этому способствует и целенаправленная политика политических режимов стран их проживания, направленная на формирование политической лояльности, а в конечном счете – на ассимиляцию русских.

Разделение семей. Множество русских семей оказались разрезаны государственными границами. Широко распространенным стало явление, когда дети, в силу большей мобильности, оказались в России, а родители остались в бывших национальных республиках. Наличие границ, в ряде случаев – визового режима, затрудняет общение родственников между собой, способствует разрыву семейных связей. Нынешняя ситуация на

Украине является примером того, как между ближайшими родственниками проходит радикальное политико-идеологическое размежевание, вплоть до участия в гражданской войне по разные стороны конфликта.

Идеологическое разделение. Формирование в республиках бывшего СССР этнократических режимов опиралось на историческое мифотворчество, во многом носящее русофобский и антироссийский характер. Глубоко внедрённое в систему образования и пропаганды, оно направлено, в том числе, на формирование негативного восприятия России проживающими в этих странах русскими, формирование из них особых, отличающихся от российских русских, групп, как-то: «казахстанские русские», «европейские русские» – или же полное забвение какой-либо связи с русскими и Россией, как это происходит на Украине.

Информационное разделение. Этому же активно способствует информационная политика государств проживания зарубежных русских. Во всех странах наблюдается общая картина использования масс-медиа в целях ассимиляции русского населения. СМИ, пытающиеся отстаивать права и законные интересы русских общин, а тем более – способствовать формированию общего информационного пространства России и Русского мира, сознательно маргинализируются. Наблюдается ограничение, а нередко и запрет вещания российских СМИ, прежде всего – ТВ-каналов новостного и просветительского формата. Ряд стран (страны Прибалтики, Украина) фактически находятся в состоянии информационной войны с Россией, сознательно демонизируя образ России и русских.

Языковое разделение. Вытеснение русского языка из всех сфер общественной жизни, включая образование и СМИ, приводит к катастрофическому падению уровня знания русского языка русской молодёжью, вытеснению его в бытовую сферу и даже возникновению региональных «новоязов» на основе русского. Одновременно русский язык из фактора консолидации целенаправленно превращается в фактор разделения – «русскоязычие» превращается в антипод «русскости», информационно-пропагандистская антирусская деятельность на русском языке является самой эффективной и разрушительной (пример – оба киевских «майдана» (2004 и 2013-2014 гг.) были преимущественно русскоязычными).

Религиозное разделение. Несмотря на ряд позитивных тенденций, связанных с усилением роли православной церкви в жизни русских общин, деструктивные процессы наблюдаются также в религиозной сфере. Они связаны с активным прозелитизмом среди русских в постсоветских республиках агрессивных тоталитарных сект протестанского и иного толка, тенденциями перехода русских в ислам, в

том числе в его радикальные течения. Особое беспокойство вызывают раскольнические процессы в православной среде, прежде всего на Украине: выделение неканонических «церквей» с самозванными «патриархами», насильственные захваты храмов Московского патриархата и даже факты убийства священников.

Культурно-цивилизационное разделение. Все вышеперечисленные факторы в конечном счете, на фоне усилившейся в начале XXI века геополитической и цивилизационной конкуренции, свидетельствуют о явно выраженных тенденциях по «растаскиванию» русских по локальным региональным субкультурам, вписанным в крупные цивилизационные образования, чаще всего являющиеся враждебными (или по крайней мере – конкурентными) по отношению к православной русской цивилизации. Так, в Странах Прибалтики наблюдаются процессы образования субкультуры «европейских русских», на Украине – агрессивно-русофобствующей группы «русскоязычных украинцев» (по сути – бывших русских), в Центральной Азии – различных групп «азиатских русских», занимающих подчинённое положение в окружающем исламском мире.

Обозначенные формы разделения не исчерпывают темы, но, на наш взгляд, обозначают основные проблемные места в контексте задачи по раскрытию тезиса о русских как разделённом народе.

Литература:

1. I Всемирный русский собор. Резолюция секции «О русской нации» // <http://www.vrns.ru/documents/54/1279/#.WPStJ0XygdU>
2. Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»//<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58be037c9a7947ec1775ca3e>
3. Всеволод Чаплин поддержал идею закона о российской нации//<http://nsn.fm/society/chaplin-ponyatiya-russkogo-naroda-v-zakone-voobshche-ne-sushchestvuet.php>;
4. Вячеслав Михайлов. «Российская нация» - это цель//https://life.ru/t/%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsielОбращение I Всемирного русского собора «О понимании национальных интересов России и русского народа»//<http://www.vrns.ru/documents/54/1270/#.WPSnfEXygdU>
5. Кафтан: "Закон о российской нации" похоронен из-за неприятия русского и других народов // http://zavtra.ru/word_of_day/kaftan_2017-03-07
6. Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11-12 октября 2001 года. Итоговые материалы. М. 2001. С. 5.

7. Михаил Димурин. О "российской нации", русском народе и межнациональном согласии//<https://ria.ru/analytics/20161102/1480543704.html>;
8. Президент России. Обращение Президента Российской Федерации//<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
9. Президент России. Интервью журналу «Тайм»//<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24735>;
10. Президент России. Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50380>;
11. Президент России. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>
12. Сергей Пантелеев. Русские – разделённый народ: раскрытие понятия//<http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=35961>
13. Солженицын А.И. Россия в обвале. М.1998. С. 64.

References:

1. I Vsemirnyj russkij sobor. Rezolyuciya sekcii «O russoj nacii» // <http://www.vrns.ru/documents/54/1279/#.WPStJ0XygdU>
2. Zakon o rossijskoj nacii pereimenovali iz-za «negotovnosti obshchestva»//<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58be037c9a7947ec1775ca3e>
3. Vsevolod CHaplin podderzhal ideyu zakona o rossijskoj nacii//<http://nsn.fm/society/chaplin-ponyatiya-russkogo-naroda-v-zakone-voobshche-ne-sushchestvuet.php>;
4. Vyacheslav Mihajlov. «Rossijskaya naciya» - ehto cel'//https://life.ru/t/%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsielObrashchenie_I_Vsemirnogo_russkogo_sobora_«O_ponimanii_nacional'nyh_interesov_Rossii_i_russkogo_naroda»//http://www.vrns.ru/documents/54/1270/#.WPSnfEXygdU
5. Kaftan: "Zakon o rossijskoj nacii" pohoronen iz-za nepriyatiya russkogo i drugih narodov // http://zavtra.ru/word_of_day/kaftan_2017-03-07
6. Kongress sootchestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. 11-12 oktyabrya 2001 goda. Itogovye materialy. M. 2001. S. 5.
7. Mihail Dimurin. O "rossijskoj nacii", russkom narode i mezhnacional'nom soglasii//<https://ria.ru/analytics/20161102/1480543704.html>;
8. Prezident Rossii. Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii//<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
9. Prezident Rossii. Interv'yu zhurnalu «Tajm»//<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24735>;

10. Prezident Rossii. Interv'yu amerikanskomu zhurnalistu SCharli Rouzu dlya telekanalov CBS i PBS // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50380>;
11. Prezident Rossii. Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>
12. Sergej Panteleev. Russkie – razdelennyj narod: raskrytie ponyatiya//<http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=35961>
13. Solzhenicyn A.I. Rossiya v obvale. M.1998. S. 64.

Степанов В.П. (г. Орел, Российская Федерация)
Stepanov V.P. (Orel, Russian Federation)
Сергина Т.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Seriogina T.V. (Orel, Russian Federation)

Феномен русскокультурности в условиях ближнего зарубежья России

The phenomenon of Russian culture in the conditions of Russia's near abroad

Аннотация. В статье рассматривается проблема динамики феномена русскокультурности в ближнем зарубежье России, ещё недавно входившем в пространство единого большого государства, которое исчезло с политической карты мира. Сохранение этого сообщества и его поддержка представляют собой важное и перспективное направление национальной безопасности России. Важно оно и для самих носителей русскокультурности, проживающих вне РФ. Обращается внимание на важность и перспективность сохранения исторической памяти и положительного опыта прошлого, в частности, чувства интернационализма и добрососедства, которое веками вырабатывалось в поликультурном пространстве России, а позже СССР. Именно эти черты позволили локализовать возникшие на пространстве бывшего Союза конфликты, не дав разгореться большой братоубийственной гражданской войне.

Протекающие в России процессы этногражданского строительства свидетельствуют о сохранении многочисленных проблем, требующих своевременного решения как внутри страны, так и по отношению к русскокультурному сообществу за изменившимися границами государства.

Ключевые слова: русскокультурное население, ближнее зарубежье России, межкультурный диалог, национализм, язык.

Abstract. The article deals with the problem of the dynamics of the phenomenon of Russian culture in the near abroad of Russia, which was

recently included in the space of a single large state, that disappeared from the political map of the world. The preservation of this community and its support represent an important and promising direction of Russia's national security. It is also important for the native speakers of Russian culture, living outside the Russian Federation. Attention is drawn to the importance and prospects of preserving the historical memory and positive experience of the past, in particular the feelings of internationalism and good neighborliness, which for centuries have been developed in the multicultural space of Russia, and later the USSR. It was these features that made it possible to localize conflicts that arose on the territory of the former Soviet Union as local ones, without allowing a large fratricidal civil war to erupt.

The processes of ethnocultural construction that are taking place in Russia testify to the preservation of numerous problems that require timely solutions both within the country and in relation to the Russian cultural community over the changed borders of the state.

Key words: Russian-cultural population, Russia's near abroad, intercultural dialogue, nationalism, language.

Союзные республики, входящие в состав Российской империи, формировали свои буржуазные элиты и, соответственно, ценности в ходе капитализации хозяйственных отношений и формирования единого капиталистического рынка в XIX веке. Близкая по глобальности и по территориальному охвату ситуация сложилась в ходе построения советской системы ценностей.

Здесь не говорится о положительной или отрицательной сторонах жизни при царе-батюшке и не выносятся на обсуждение достижения или промахи советского строя. Внимание обращается на то, что данные процессы осуществлялись в одной стране. В ходе глобальных вызовов это приводило к серьезным, качественным преобразованиям жизни, а вместе с ними – к формированию новых общих ценностей.

Начало 90-х. Время раскола, или Эйфория независимости

Как помнят все присутствующие, в ходе трансформационных процессов Москва, за несколько лет до распада страны, пытаясь сохранить контроль за национальными регионами, инициировала создание Народных фронтов, которые, однако, быстро превратились в механизм, способствовавший не только расколу советской системы, но и всплеску регионального национализма. Сегодня уже однозначно можно констатировать, что в немалой степени расколу способствовал и внешний фактор (При правительстве Ельцина работало около 100 американских консультантов).

Эйфория свободы, прокатившаяся по постсоветскому пространству, привела к новому состоянию, которое предугадывал в своем творчестве

В. Высоцкий: «Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?!» (Высоцкий В. Дайте собакам мяса).

Этот процесс сопровождался совершенно объяснимой волной этнической мобилизации. В его ходе произошли всплески этноревитализации, спровоцированные новыми условиями жизни, в которую неожиданно оказались погружены все. Подобные настроения в обществе, в котором из общей массы стали выделяться этнические сегменты, привели к построению ряда национальных государственных образований на базе бывших союзных республик.

Когда мы говорим об этнотрансформационных процессах, необходимо подчеркнуть, что все участники этого нового соревнования – построения успешного капиталистического общества в новых государственных – имели в большинстве своем этноцентрические ориентиры, направленные на формирование новых ценностей вокруг титульных этносов бывших союзных государств. Исключение в этом списке составила только Молдавия, в которой представители наиболее мобилизованной и хорошо финансировавшейся из-за рубежа части интеллигенции, по сути, отказались от молдавской идентичности и провозгласили себя и свой народ румынами. Как хорошо известно, данная тема до сих пор остается актуальной в сообществе современной Молдовы.

Говорить о том, что процесс формирования новых государственных образований прошел гладко в постсоветском пространстве, а шире – постсоциалистическом, было бы, конечно, ошибкой. На очерченной территории возникли очаги этнического противостояния. Отдельные народы и сообщества, исторически оказавшиеся в составе иных республик, стали требовать самоопределения и формирования собственной государственности. Так произошло в Грузии, в ходе кровавых событий выделились две уже частично признанные государственные единицы – Абхазия и Южная Осетия. Так случилось и с Молдовой, от которой откололось Приднестровье.

В ходе самоутверждения новых государственных всплыло и затянувшееся историческое противостояние между народами. Ярким примером тому выступает азербайджано-армянский конфликт в Нагорном Карабахе.

Ряд представителей из названных горячих точек находятся в этом зале, и отдельные болезненные стороны происходящего они осветят подробнее.

В качестве ещё одного пункта, выносимого на обсуждение, необходимо назвать следующий – *Постсоветское пространство во многом берет пример с России.*

Но и сама Россия, в которой уделяется постоянное внимание этнонациональному строительству, сталкивается с внутренними вызовами и внешними резонансами.

Вопрос построения политической нации «сверху» для ряда политических сил и их идеологов выглядел достаточно заманчивой перспективой, что привело к тому, что в окружении Президента стали все чаще говорить о необходимости построения политической нации в России. Выступая в 2016 г. в Астрахани, на заседании Совета по межнациональным отношениям, Президент России Владимир Путин поддержал предложение о создании Федерального закона о российской нации (Владимир Путин призвал разработать закон о российской нации).

Однако в ходе продвижения проекта документа на различных уровнях стали возникать разного рода противоречия, вылившиеся в итоге во мнение рабочей группы по подготовке концепции законопроекта о российской нации, которая решила переименовать его в закон «Об основах государственной национальной политики». Об этом сообщает газета «Коммерсантъ» со ссылкой на руководителя группы академика Валерия Тишкова (Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»).

«Так спокойнее. Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности», – объяснил решение рабочей группы В. Тишков (Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»).

Сложившаяся ситуация в определённой степени подтвердила мнение российского исследователя А.И. Миллера, подчеркнувшего, что «в России нация-государство как идентификация граждан и система образов, а также как набор определённых практик, механизмов и институтов пока далеко не до конца сформирована» (Согрин 2011, с. 121). Следует добавить: произошедший после распада Союза ССР симбиоз сложившихся ценностей жителей одной страны не мог за столь короткий срок окончательно наполниться новым ценностным содержанием. Тем более, что этому в немалой степени мешали объективные и субъективные процессы, отражающиеся на этногражданском строительстве.

Как станет складываться нациестроительство в России, будет в немалой степени зависеть от устойчивости внутрироссийских социально-экономических и политических процессов, а также отработанности системы общепатриотического воспитания со стороны элиты, которая редко проявляла в данном вопросе единство взглядов.

В Российском государстве исторически сложилось «перетягивание каната» между западниками и славянофилами. Сохраняется оно и после распада СССР.

Несколько слов о феномене русскокультурности

Сегодня много говорится о миграционных потоках представителей арабского мира в европейские страны. В определённом смысле Россия тоже выступает своего рода центром, куда устремлены экономические интересы стран новых демократий, бывших составных частей одного государства. Находясь не в лучшей социально-экономической форме, Россия тем не менее отличается от бывших союзных республик большей устойчивостью и стабильностью. Одновременно было бы неверным утверждать, что эти молодые независимости связывает с Россией только меркантильный финансовый интерес, отнюдь! Категорически ошибочно сбрасывать со счетов историческое наследие. А это, к сожалению, часто делается. Между тем историческое наследие включает в себя ценности этноязыковой и во многом этнокультурной общности. Заложенные в годы строительства коммунизма, эти ценности не могли пропасть в одночасье. Можно утверждать, что постсоветскому пространству позволяют выжить советские ценности интернационализма и русскокультурного поля. Мы настаиваем именно на этом термине, а не на привычном – «русскоязычие».

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о русскокультурности. Среди экспертов, рассуждающих о советском и постсоветском пространстве, используются разные термины и дефиниции: «русские», «русскоязычные» и др. Мы не случайно обращаем внимание на термин «русскокультурные», то есть воспитанные на ценностях русской культуры. Причем из числа русскокультурных нельзя исключать тех, кто впитал отдельные ценности русского мира наряду со своей родной этнической культурой. К русскокультурным ценностям, распространенным среди поколений бывших союзных республик, сформировавшихся в годы советской власти, относится прежде всего относительно свободное владение русским языком. Это, кстати, даёт возможность немалому числу представителей республик новых демократий жить и работать в России, продолжая рассматривать её, наряду со своей этнической республикой, если не второй родиной, то знакомым, а в лице новых поколений – узнаваемым пространством. В литературе также встречается близкий термин – «русскоориентированные», но, на мой взгляд, дефиниции этих понятий так или иначе отражают вовлечение человека в определённое культурное поле.

Важно подчеркнуть, что население России в целом не изменило своего отношения к не менее знакомым представителям бывших союзных республик. Это также свидетельствует о сохранившемся чувстве интернационализма, особенно заметного в российской глубинке, менее подвергшейся трансформациям, которые успели пережить российские мегаполисы. Причем следует отличать отношение к этим представителям на бытовом уровне и со стороны властей, которые зачастую реагируют на

выходцев из тех или иных народов в зависимости от политики определённого государства. Например, пришел к власти в Молдове пророссийски ориентированный Додон – и молдавские трудовые мигранты, лишённые разрешения работать в России, вновь получили возможность поехать на заработки.

Вопрос относительно трудовых мигрантов в России обретает цивилизованные формы. Человек, принявший решение приехать на заработки в страну, должен подтвердить знание русского языка, основ истории и законодательства, соблюдать последнее, платить налоги и не вести экстремистскую деятельность.

Население даже крупных городов России также привыкло к увеличению числа работающих в их городах представителей других республик. По большому счету это реальный облик современной Москвы и Петербурга. Постепенно данная тенденция распространяется и на другие регионы России. Например, в городе Орле всё чаще можно увидеть водителей маршрутных автобусов с кавказского региона. Представительницы Кавказа давно реализуют молочные продукты на рынках города.

К чему мы затрагиваем советские ценности? Не потому, что Ваши покорные слуги – большие симпатизанты советской системы, просто невозможно рассуждать о современных процессах, вырвав из контекста семидесятилетний кусок истории, а по сути весь XX век. А ведь именно это мы наблюдаем на страницах массы учебников не только на постсоветском пространстве (в странах Балтии, Молдове, Украине), но и в самой России (Учёные о фальсификации истории России; Указание Ленина о борьбе с попами – фальшивка: кто за ней стоит?). История избирательно фильтруется, и из нее исчезают не только факты, но и понятие непрерывности процесса; кроме того, наблюдается:

- сужение границ русского государства и влияния русской культуры;
- формирование убеждения об ущербности всего, что было и продолжает оставаться связанным с Россией;
- противопоставление России и Запада;
- противопоставление России и фронтальных территорий, исторически входивших в её состав, и мн. др.

Современный мир сталкивается с противоречием. С одной стороны, продолжают наблюдаться тенденции, направленные на сохранение государственных границ, а с другой стороны, этнические процессы идут постоянно, и, в определённых случаях, это сказывается на устойчивости государственных границ. Собственно, это произошло с Советским Союзом. Как справедливо подчеркивают исследователи, резкое сокращение границ государства в одночасье оставило миллионы русских, которые ещё вчера легли спать в одной стране (где их этнос, как бы то ни было, был государствообразующим, а язык – государственным), а

назавтра проснулись в других государствах, где их статус резко изменился, и они превратились в национальные меньшинства со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Историки и другие гуманитарии, сидящие в зале, помнят многочисленные обидные термины, использовавшиеся большевиками для дискредитации идейных врагов революции: буржуи, нэпманы, эксплуататоры и т.п. Процессы развала Союза осуществлялись с помощью подходов, сходных с большевистскими, когда «до основания» разрушались многие достижения советской системы. Так, стал использоваться презрительно-уничижительный термин «совок», подчеркивающий неприспособленность людей к меняющемуся миру и приверженность к советским ценностям.

Между тем мало кто обратил внимание на локальность этнических конфликтов и ограниченность тех территорий, на которых они происходили. Не есть ли это (безусловно, наряду с другими факторами) проявление пресловутого советского интернационализма, все ещё присущего большинству населения, что позволило не ввергнуть огромную территорию бывшего СССР в состояние гражданской войны?

Русскокультурное население в ближнем зарубежье на протяжении всего постсоветского времени не только обрело новый социальный и политический статус, но и оказалось в состоянии привыкания, поиска утраченного чувства комфортности. Обрести его наиболее сложно именно на переходном этапе. В такое время мы живем...

Очевидно, что состояние и положение русскокультурного населения будет зависеть от статуса и положения гаранта этнокультурной стабильности новых русских диаспор – России.

Тенденции построения этнической политики в государствах новых демократий определяются характеристикой новых этноцентристских элит, для поведения которых характерно применение известного кредо «разделяй и властвуй». Речь идет о целенаправленном разделении этносоциальных сообществ в странах постсоветского пространства по этническому признаку, что позволяет ослаблять влияние исторически сложившейся обобщающей роли русской культуры, тем самым подвергая трансформации ценности культурного кода, сформировавшегося в сообществе.

Важно отметить, что, как это ни парадоксально, русскокультурное население вне России находится в состоянии выбора между неминуемым процессом инкультурации и аккультурации с титульным населением или миграцией. Надежда на начало процесса собирания русских земель после крымских событий в контексте российской политики вокруг русскокультурного населения ближнего зарубежья заставляет рассматривать прецедент с Крымом скорее как исключение, нежели как тенденцию.

О тенденции можно говорить, когда существуют прецеденты событий, разворачивающихся по сценарию, который подобен крымскому, числом более трех. Извините за взыскательность, но пока оно не наблюдается.

Борьба за язык. В профессиональной среде хорошо известно, что язык выступает одним из устойчивых идентификаторов идентичности, даже при учете многосложных составляющих этого понятия.

Если говорить о русскокультурности, то русский язык в поддержке данного явления имеет первостепенное значение, так как именно он является тем связующим звеном, которое позволяет сохранять и транслировать русскокультурность на пространстве русского влияния.

Обсуждению этого злободневного вопроса, наряду с не менее острыми сторонами меняющейся повседневности, посвящена работа секций нашей конференции «Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем» и «Слово и этничность: в поисках консенсуса в полиэтнической культуре».

В период происходящих трансформаций можно констатировать наличие двух закономерных процессов. С одной стороны, можно говорить не только о сокращении русского языкового пространства, но и о серьезных изменениях в русскокультурном коде.

В ходе государственного строительства Россия приращивала свои земли, распространяла своё влияние на фронтальные территории. В ходе распада СССР влияние русскокультурности в бывших союзных республиках резко сократилось. Этому способствовали национальные движения, повлиявшие на статус того русского языка в ряде бывших союзных республик и, соответственно, приведшие к изменению положения его носителей.

Говоря о фронтальном русскокультурном пространстве, можно утверждать, что оно переживает очевидную трансформацию, связанную с естественным ограничением трафика русскокультурности, что объясняется изменением этнической политики в странах новых демократий. Сокращение процента русскокультурного населения вызвано ещё и тем, что в течение переходного времени наблюдается сокращение русскоязычного населения (опять хочу обратить внимание на термин). Под данным понятием мы рассматриваем тех жителей постсоветской вне-России, которые просто не знают другого языка. В советское время подобными лицами выступали представители высококвалифицированных профессий, направленные в союзные республики и оставшиеся там трудиться, а также их дети, которых родители стремились научить прежде всего востребованному русскому языку. Подобной тенденции следовал и небольшой процент представителей титульных национальностей бывших союзных республик. Так, согласно последней переписи СССР 1989 г., в Молдавии было зафиксировано 200 тыс.

молдаван, назвавших русский своим родным языком. Понятно, что в каждой республике была своя специфика. Например, как ни странно это звучит в сравнении с процессами, переживаемыми в современной Молдове, в советское время данная республика была одной из наиболее лояльных к русскому языку в сравнении с той же Грузией, Азербайджаном и странами Балтии.

Исследователь Е.И. Филиппова обратила внимание на одну важную деталь, подчеркнув мысль о специфике этнической идентификации в странах постсоветского пространства и отдельных бывших советских республик. Автор, в частности, пишет: «По-видимому, только в России (и, возможно, постсоветских странах) существует такое парадоксальное понятие, как “лица, не владеющие родным языком”, поскольку родной язык традиционно трактуется в нашей стране как язык “своей” национальности. Как следствие, утрата языковых навыков не связывается здесь напрямую с утратой идентичности, ведь номинально “родной язык” остается прежним» (Филиппова 2013, с. 11).

В настоящее время тенденция меняется. Замороженный процесс инкультурации в культуры этнических титульных сообществ постсоветского пространства набирает силу. А число русскоязычного населения сокращается в силу естественной убыли возрастного населения, миграции трудоспособного и отъезда, в том числе, русскоязычной молодежи.

В немалой степени этому способствуют и этнокультурные организации, благопритствующие своей деятельностью утечке русскоязычной и русскокультурной молодежи в Россию.

В зале находится уважаемый Валерий Иванович Клименко, председатель Конгресса русских общин Республики Молдова. Деятельность его организации многогранна. В ней, в частности, функционирует Русский интеллектуальный центр, способствующий дополнительному образованию русскокультурной молодежи для поступления в вузы России. При этом понятно, что большинство избравших этот путь обратно не вернуться. Более того, встав на ноги, они перетянут к себе и своих близких, как это часто происходит. И это несколько не критика организации Валерия Ивановича, а скорее констатация действительного процесса уменьшения русскокультурного населения в стране.

В новых для постсоветского пространства рыночных отношениях спрос всегда порождает предложение. Не было бы инициативы Валерия Ивановича помогать обустривать свою жизнь молодым людям, сделавшим выбор в пользу России, появился бы другой лидер и занял бы данную этносоциальную нишу.

Подобному подходу способствует политика самой России, которая в настоящее время концентрирует большее внимание на обустройстве

своего внутреннего мира, пытаясь восполнить дефицит людских ресурсов русскокультурными мигрантами и симпатизантами из стран ближнего зарубежья, оставляя фронтальные территории в определённом стратегическом вакууме.

Спустя двадцать с лишним лет после распада Союза ССР в обществе стали формироваться новые ценностные ориентиры. Спала эйфория, царившая в национальных сообществах в 90-е гг. Региональные языки этнических групп, изучаемые в отдельных образовательных структурах (дошкольных, начальных, средних, высших), сталкиваются с постоянным недобором. Такое положение объясняется целым рядом факторов. Начнем с экономического – дети, получив знание родного языка, могут его использовать только в местах компактного проживания своей этносоциальной группы или в семье. Кроме того, представители этнических меньшинств, изучив родной язык, получают дополнительный стимул для выезда на этническую родину: болгары – в Болгарию, украинцы – на Украину, русскокультурные (не только русские) – в Россию.

Обращает на себя внимание тенденция сокращения желающих обучаться в вузах на языках этнических меньшинств. Причем аналогичная ситуация имеет место и в России (Ярлыкапов 2013, с. 93).

Сегодня вполне можно утверждать, что, наряду с расчетом на пассионарный стержень этноязыковой русскокультурности, немалую роль продолжает играть инструменталистское начало в формировании и укреплении этнокультурных ценностей.

В данном докладе были отмечены лишь отдельные штрихи многогранной темы. Многочисленные доклады, которые прозвучат на данной конференции, позволят углубиться в отдельные её аспекты, дадут толчок для новых идей, помогут исправить допущенные просчеты и ошибки.

Когда готовилась данная конференция, организаторам приходилось слышать от коллег, в том числе из регионов и отдельных горячих точек, высказывания о том, что проблема, заявленная конференцией, должна подниматься либо в столичных центрах, либо в регионах, непосредственно сталкивающихся с проявлениями вызовов межкультурного противостояния. Считаю подобный подход глубоко ошибочным. Именно широкая география рассмотрения проблемы, вовлечение в её изучение новых научно-образовательных центров позволяет рассмотреть проблему в новом ракурсе, с привлечением новых сил, которые, как правило, порождают новые идеи и подходы. Кроме того, в регионах очень важен опыт и экспертная оценка событий, что позволит обойти многие острые углы и избежать дальнейших ошибок.

Литература:

1. Владимир Путин призвал разработать закон о российской нации//http://zavtra.ru/events/vladimir_putin_prizval_razrabotat_zakon_o_rossijskoj_natsii (дата обращения: 02.11.2016).
2. Высоцкий В. Дайте собакам мяса//<http://www.megalyrics.ru/lyric/vladimir-vysotskii/daitie-sobakam-miasa.htm> (дата обращения: 12.04.2017).
3. Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»//<http://www.afn.by/news/i/222151> (дата новости и дата обращения: 07.03.2017).
4. При правительстве Ельцина работало около 100 американских консультантов // <http://matveychev-oleg.livejournal.com/4843183.html> (дата обращения: 10. 04. 2017).
5. Согрин 2008 – Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова) // *Общественные науки и современность*, 2011, № 1. С. 121. со ссылкой на «Наследие империй и будущее России». М., Новое литературное обозрение, под общ. ред. А.И. Миллера, 2008. С. 121.
6. Учёные о фальсификации истории России//<http://starove.ru/istfaq/falsifications/falsification-rgb/> (03.04.2017); Указание Ленина о борьбе с попами – фальшивка: кто за ней стоит?//<http://redstar2012.livejournal.com/37403.html> (03.04.2017).
7. Филиппова 2013 – Филиппова Е.И. Судьба языков в глобализирующемся мире // *Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог*. М., 2013. С. 11.
8. Ярлыкапов 2013 – Ярлыкапов А.А. Меньшинство внутри меньшинства: ногайский язык // *Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог*. М., 2013. С. 93.

References:

1. Vladimir Putin prizval razrabotat' zakon o rossijskoj natsii//http://zavtra.ru/events/vladimir_putin_prizval_razrabotat_zakon_o_rossijskoj_natsii (data obrashheniya: 02.11.2016).
2. Vysotskij V. Dajte sobakam myasa//<http://www.megalyrics.ru/lyric/vladimir-vysotskii/daitie-sobakam-miasa.htm> (data obrashheniya: 12.04.2017).
3. Zakon o rossijskoj natsii pereimenovali iz-za «negotovnosti obshhestva»//<http://www.afn.by/news/i/222151> (data novosti i data obrashheniya: 07.03.2017).
4. Pri pravitel'stve El'tsina rabotalo okolo 100 amerikanskikh konsul'tantov//<http://matveychev-oleg.livejournal.com/4843183.html> (data obrashheniya: 10. 04. 2017).

5. Sogrin 2008 – Sogrin V.V. CHto est' rossijskaya natsiya i rossijskij narod (Obobshhayushhaya rabota V.A. Tishkova)//Obshhestvennye nauki i sovremenost', 2011, № 1. S. 121. so ssylkoj na «Nasledie imperij i budushhee Rossii». M., Novoe literaturnoe obozrenie, pod obshh. red. A. I. Millera, 2008. S. 121.

6. Uchyonye ofal'sifikatsii istorii Rossii // <http://starove.ru/istfaq/falsifications/falsification-rgb/> (03.04.2017); Ukazanie Lenina obor'bespopami – fal'shivka: kto zanej stoit? // <http://redstar2012.livejournal.com/37403.html> (03.04.2017).

7. Filippova 2013 – Filippova E.I. Sud'bayazykov globaliziruyushhemsyamire // Yazykimen'shinstv: yuridicheskij status i povsednevnyye praktiki. Rossijsko-frantsuzskij dialog. M., 2013. S. 11.

8. Yarlykapov 2013 – Yarlykapov A.A. men'shinstvo vnutri men'shinstva: nogajskij yazyk // Yazyki men'shinstv: yuridicheskij status i povsednevnyye praktiki. Rossijsko-frantsuzskij dialog. M., 2013. S. 93.

Сальников Е.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Salnikov E.W. (Orel, Russian Federation)

Феномен самопровозглашения и его субъекты: экстремисты, мятежники, революционеры, демократы или граждане?

The phenomenon of self-Declaration and its agents: extremists, rebels, revolutionaries, democrats or citizens?

Аннотация. Автор предлагает концепцию трёх бинарных субъектов самопровозглашения: мятежник – революционер (патриот); гражданин – экстремист; добровольцы – foreign fighters.

Ключевые слова: самопровозглашенные республики, государство, власть, мятежники, граждане, экстремисты, добровольцы, революционеры, патриоты.

Abstract. The author suggests conception of three binary subjects of self-declaration: rebel - revolutionary (patriot); citizen (democrat) – extremist; volunteers – foreign fighters.

Key words: self-declared republics, state, government, rebels, citizens, extremists, volunteers, revolutionaries, patriots.

На первый взгляд самопровозглашение кажется феноменом, сопутствующим социально-политической жизни человеческих обществ с древнейших времен. В этом случае мы указываем на сущностный корень данного явления, сводимый к утверждению независимости и манифестации собственного права населения на политическое

самоопределение. В конечном итоге предельным основанием здесь выступает свобода, что позволяет мыслителям как древности, так и современного мира сводить вопрос самопровозглашения к человеческой природе и фундаментальным характеристикам существования личности. Подобный подход образует магистральное видение феномена самопровозглашения, которое становится воплощением общей воли политического сообщества, по необходимости являющейся, как демонстрировали Ж.-Ж. Руссо и Г. Гегель, ещё и волей разумной.

В этой простой и предельно ясной парадигме удивительной оказывается проблема самопровозглашенных государств, которая всё острее и острее встаёт перед современным мировым сообществом. Если самопровозглашение есть манифестация универсальной свободы в акте общей воли, то как может не состояться признание этой свободной воли? Признаем, что попрание свободы общей воли членов политического сообщества чужой волей не может быть ничем иным, кроме как политическим произволом и диктатом, что не столько ослабляет, сколько усиливает тенденцию к самопровозглашению. Деспотизм внешнего насилия не способен повлиять на устойчивость тенденций свободы, оставаясь в рамках исключительно экстенсивного ей противостояния. Следовательно, противостояние самопровозглашению может быть состоятельным только в том случае, когда подрываются сами основы манифестации свободы, а именно ставится вопрос о субъекте самопровозглашения. Иначе говоря, в зависимости от того, кто является субъектом самоопределения, мы и можем говорить о наличии или отсутствия в данном случае манифестации свободы в акте общей воли.

К числу исходных в историко-политическом плане субъектов самоопределения без сомнения можно отнести термин «*rebellorum*», который мы встречаем в большинстве римских хроник, повествующих о случаях мятежа, связанных с отпадением провинций или регионов, что в славянской традиции соответствовало термину «мятежник». Описывая крупное восстание в Суздальской земле в 1024 году, «Повесть временных лет» говорит о том, что был «мятеж велик» (Повесть 1950, с. 99).

При этом подчеркнем, что время активного использования термина приходится на тот длительный период, когда мы наблюдаем такие формы политического устройства общества, как республика, полисное устройство, монархии, империи, деспотии и сатрапии, но не государства. Здесь государство трактуется в строго определённом смысле как понятие, используемое для обозначения уникального варианта социально-политической организации общественной жизни. Мы солидарны с позицией видного представителя политической философии К. Шмитта, который полагал, что «государство (*Staat*) – есть в высшей степени единичное, конкретное, обусловленное временем явление, которое следует датировать эпохой с XVI по XX столетие христианского эона и

которое вышло из этих четырех веков, из Ренессанса, Гуманизма, Реформации и Контрреформации» (Schmitt 1991, s.19).

Как подчеркивает Ю.С. Пивоваров, это было формирование абсолютно нового «типа власти, который характерен для Западной Европы, начиная с XVI-XVII столетий (а затем – и для “дочерних предприятий” фаустовской цивилизации по всему свету). А “state” есть понятие, с помощью которого описывается этот (и никакой другой) тип власти» (Пивоваров 2006, с. 9), не сводимый к иным, бывшим до него формам организации политической жизни, таким как, например, *polis*, *res publica*, *regnum*, *imperium*.

Поэтому, когда мы здесь говорим о феномене самопровозглашения, мы говорим о самопровозглашении в ситуации, когда политика не самостоятельна и не самодостаточна. Следовательно, власть и её основания проистекают не из неё самой, но из иного источника, скажем, религиозного или традиционного, следовательно, самопровозглашение здесь и задается, и исчерпывается бинарной логикой власть – мятежники («*rebellorum*»). Их мятежность есть утверждение инаковости, но в силу ино-оснований власти в политике эта инаковость также стремится к внеполитической фиксации себя. Ярким примером, подтверждающим это положение, выступают Гуситские войны от Пражской дефенестрации 1419 года до окончания активной фазы противостояния в 1436 году, что никак не было связано с утверждением чистой политической субъектности. В отличие от, скажем, второй Пражской дефенестрации, итогом которой в широком смысле стал Вестфальский мир.

В чистом виде вопрос о феномене самопровозглашения мог быть поставлен только в условиях суверенной политической власти, монополюбно реализующей легитимное насилие для построения социального единства. В теоретическом плане философские построения Н. Макиавелли (а в плане практической политики Вестфальский мир 1648 года) устанавливают совершенно иные конститутивные принципы построения социального пространства, где верховной оказывается политическая власть.

Теперь политики было достаточно для самопровозглашения, что сразу же отражается и в субъекте этого самопровозглашения. Подтверждением этого выступает факт появления нового субъекта самопровозглашения – революционера, равнозначного (*hic!*) патриоту, что знаменовало собой Бостонское чаепитие 1773 года.

Обратим внимание на разницу английской (1640 г.), Славной (1688 г.) и французской (1789 г.) революций, не связанных с самопровозглашением, и Американской революции 1775-1783 годов. Во Франции герцог Лианкур уже 14 июля 1789 года на восклицание короля после известий об измене французской гвардии, об осаде и взятии Бастилии (при этих известиях, которые советники скрыли от него,

удивленный монарх воскликнул: «Да ведь это бунт») отвечает: «Нет, Ваше Величество, это не бунт, а революция». Здесь наименование субъекта задается процессом – революцией (Минье 2006).

В самопровозглашенном американском государстве не события его образования именуются революцией, а субъекты самопровозглашения из простых мятежников (rebels) становятся революционерами и патриотами. Мятежник сам по себе в чистом виде эпохи до новоевропейского государства не является субъектом самопровозглашения. Он становится им лишь в государстве, приобретая бинарность. Мятежниками они являются для правительства Британии, а патриот и революционер были в то время синонимами для самонаименования субъектов самопровозглашенного государства.

Любовь советской историографии к термину «революция» и «революционер» не должна здесь затемнять предмет нашего исследования. Терминологически не субъект процесса самопровозглашения получает здесь наименование, но сам процесс самопровозглашения терминологически обращается в революцию под влиянием того, что его субъекты уже не являются мятежниками. Они революционеры и патриоты, что в ту пору выступало синонимом, и в своем значении применительно к североамериканским колонистам указывало на их противостояние английскому парламенту и власти британской короны.

Здесь может показаться, что наше исследование есть «спор о словах, не имеющий отношения к сути вещей» и потому не представляющий научной значимости. Напротив. В вопросе терминов гуманитарное знание вообще, а социально-политическое в частности демонстрирует характерную особенность, заключающуюся в том, что, как точно замечает Х. Арендт, «каждое новое явление нуждается в новом определении, в новом слове для его обозначения – независимо от того, создается ли это слово специально, чтобы обозначить новый опыт, или же для определения совершенно нового смысла используется некий старый термин. Сказанное вдвойне справедливо в сфере политики, где речь занимает наипервейшее место» (Арендт 2011, с. 41).

Таким образом, возникновение новоевропейского государства (state) привело к тому, что мятежник уступает новому субъекту самопровозглашения – революционеру/патриоту. Этот процесс является выражением нового подхода к вопросу о государственности – декларативной государственности. Согласно классическим канонам декларативной теории государственности существование государства не зависит от его международного признания (Миньяр-Белоручев 2012, с. 166). Государство – это постоянное население, определённая территория и собственное правительство. События конца 18 века в Северной Америке являлись по своей сущности воплощением декларативной

теории государственности, когда утверждение наличия государства явилось самодостаточным и не требовало иного признания. Правда, при этом бинарная логика субъекта самопровозглашения власть – мятежники не могла остаться прежней, что и воплотилось в появлении нового политического субъекта, получившего контекстуальное наименование революционер, патриот. В условиях декларативности нам не важно, что вы думаете о нас, что для иных мы мятежники. Мы самоименуемся революционерами/патриотами, и этого нам достаточно.

Достаточно быстро как на американском, так и на европейском континенте государственность как результат декларативности замещается конститутивной теорией государственности. В этом случае, помимо территории, населения и самоуправления, требуется ещё и признание в системе международных отношений. При этом третьи лица, сторонние для противостояния «власть – мятежники», оказываются в очень сложной ситуации. Поддерживая мятежников, они задают возможность раскола в собственном государстве, отказывая в поддержке восставшим, они делают проблематичными собственные основания, собственную исходную декларативность. В этой ситуации естественным образом возникают попытки выработать некие критерии, в соответствии с которыми то или иное волеизъявление признается свободным и достаточным для обоснования государственности. Как следствие возникают и новые субъекты самопровозглашения. Таковыми оказываются уже экстремисты (аналог – ультраисты) и подлинные граждане – борцы за демократию (демократы).

Примечательно в историческом отношении то обстоятельство, что одно из первых терминологических употреблений термина «экстремизм» мы наблюдаем в ходе Гражданской войны в США между Севером и Югом. Впервые, пожалуй, его употребил в своей речи в 1850 г. Д. Вебстер (Webster 1851, p. 53), связывая экстремизм с насилием. Употребление категории «экстремизм» Г. Вилсоном в его книге «История взлета и падения рабовладельческой власти в Америке» (Wilson 1872-77) позволяет трактовать отрицание компромиссов как политическую характеристику, отождествляемую с экстремистами. Категорию экстремизма встречаем у Джеймса Блейна (Blain 1884-86) и Джозии Гринелла (Grinnell 1895). В общем смысле эта категория используется как общее обозначение для части южан – представителей крайней формы оппозиционных политических сил. При этом относилась она преимущественно к наиболее стойким, фанатичным приверженцам рабовладельческих идей.

Оставляя в стороне интересные содержательные особенности группы, маркируемой термином экстремизм, мы в рамках темы настоящего исследования должны обратить внимание на то, что, во-первых, воля части граждан исключается из общего конститутивного

основания и исключает возможность самопровозглашения. Во-вторых, к числу конституирующих для определения границ этой группы факторов относятся оценочные характеристики в силу неопределённости того, что значит крайность (как очень верно заметил А.В. Коровиков, «абсолютно неясно, где у взглядов можно найти края и как их опознать» (Коровиков 1990, с. 7)) в рамках политической борьбы, которая по необходимости насильственна, а смысл существования власти в новоевропейском государстве сводится к установлению суверенного права на осуществление насилия.

В противоположность экстремистам те субъекты, которые удовлетворяли предъявляемым требованиям, объявлялись настоящими субъектами самопровозглашения, чья воля могла и должна была учитываться. Эта была воля свободных людей, подлинная общая разумная воля, утверждающая свободу. При этом заметим, что в ситуации неопределённости концепта демократии, его критериев, различия моделей демократии критерий для признания субъекта борцом за демократию оказывался столь же оценочным, как и критерий отнесенности к экстремизму.

Эту логику существования двух бинарных субъектов самопровозглашения мятежники (повстанцы) – революционеры (патриоты) и экстремисты (ультаристы) – граждане (борцы за демократию) мы наблюдаем на протяжении двух третей XX века, когда вопрос о самопровозглашении являл собой выражение борьбы колоний за своё освобождение от власти метрополии. Субъекты самопровозглашения в бывшей колонии именовали себя революционерами, метрополия объявляла их мятежниками, а с позиции третьих стран речь шла об экстремистах или же о демократах.

Конституирующая теория и само наличие третьих стран, во многом определяющих судьбу самопровозглашенного государства, порождает ещё одного также бинарного субъекта самопровозглашения. Речь идет о поддержке со стороны третьих стран на уровне правительства или отдельных граждан процессов самопровозглашения. Исходная бинарность здесь составляла пара добровольцы (*volunteer*) – наемники (*mercenary*). Феномен добровольческих отрядов и групп поддержки широко известен на протяжении конца XIX – начала XX веков. Пожалуй, первым массовым примером добровольчества явилась англо-бурская война. Наибольшее же влияние на умы современников произвела Гражданская война в Испании, где добровольцы сражались в рядах обеих конфликтующих сторон.

Применительно к вопросу самопровозглашения бинарность данного субъекта задавалась уже не только конститутивной концепцией государственности, но и отказом от принципа равноправия государств и принципа невмешательства. Фундаментальным моментом здесь было

участие третьих государств и их граждан вне и помимо устоявшейся системы международных отношений. Только когда внешнее участие есть участие непризнаваемое и добровольческое и может быть поставлен вопрос о том: Че Геварра – доброволец, содействовавший обретению свободы кубинским народом, или наёмник, насильственным путем способствовавший приходу к власти антинародной диктатуры Кастро?

Принципиальным моментом в анализе данного субъекта будет то, что его бинарность также носит оценочный характер. Такие конституирующие признаки, как оплата участия в боевых действиях, нахождение в рядах вооруженных сил правительства или повстанцев являются малоприменимыми к конкретному анализу, ибо любой доброволец должен на что-то жить и потому получает оплату в денежном или ином эквиваленте. И здесь начало XXI века порождает новую бинарность. Наёмники однозначно выводятся из числа субъектов самопровозглашения за счет институализации этой отрасли. Появление частных военных кампаний завершило краткую эпопею отнесения наёмников к числу субъектов самопровозглашения. Но это не означало, что теперь все граждане мира могут выступать субъектами самопровозглашения, способствовать ему, независимо от собственного гражданства. В современной западной политической науке всё большее и большее употребление приобретает термин «foreign fighters» для обозначения тех сторонних сил, чья воля, в отличие от добровольцев, учитываться не будет (Barret 2015).

Так, термин «foreign fighters» активно применяется для обозначения тех лиц, которые участвуют в сирийском конфликте на стороне сил, противостоящих правительственным войскам президента Б. Асада. Это не наёмники, но и не добровольцы. Их участие в конфликте признаётся, но их позиция в вопросе самопровозглашения не учитывается, что исключает возможность декларативной постуляции государства и его последующего признания.

Подводя итог предпринятому анализу, мы видим три бинарные пары субъектов:

- мятежники (повстанцы) – революционеры (патриоты);
- экстермисты (ультраисты) – граждане (борцы за свободу);
- добровольцы – «foreign fighters».

В основе данной бинарности лежат оценочные критерии. Причем оценка даётся со стороны власти, противостоящих ей сил и третьих стран. Это многообразие субъектов могло возникнуть только в ситуации доминирования конститутивной модели государственности и отказа от декларативной модели. Будем категоричны, вне конститутивной модели всё это многообразие субъектов становится иллюзорным. Начало XXI века характеризуется резким падением престижа международных организаций и разрушением прежней системы международных

отношений. В этих условиях конститутивность становится проблематичной, а характеристики субъектов самопровозглашения приобретают характер ярлыков, не отражая внутренней сути. Конститутивная теория государственности может вдохнуть обратную жизнь в субъектов самопровозглашения, наполнить их реальным смыслом только в условиях формирования устойчивой и справедливой системы международных отношений.

Литература:

1. Арндт 2011 – Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011.
2. Беликов 2011 – Беликов Ю., Крикунов А. Наемники и патриоты // Родина. 2011. № 6.
3. Жарков 2008 – Жарков А.В. Англо-Бурская война глазами русских добровольцев. //Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. №2.
4. Коровиков 1990 - Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Политиздат, 1990.
5. Минье 2006 – Минье Ф. История французской революции с 1789 по 1814 гг. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. Электронный режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1005497/Mine_-_Istoriya_Francuzskoy_revolyucii_s_1789_po_1814_gg..html. (Дата обращения 2 апреля 2017)
6. Миньяр-Белоручев 2012 – Миньяр-Белоручев К. Непризнанные государства в системе международных отношений: опыт Северной Америки. //Власть. 2012. № 5. С. 166-169.
7. Наумов 2011 – Наумов А.О. Иностранцы добровольцы армии Франко в гражданской войне в Испании (на примере Ирландской бригады). //Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 2-1.
8. Пивоваров 2006 – Пивоваров Ю.С. Между казачеством и кнутом. К столетию русской конституции и русского парламента // Полис. - 2006. - №2.
9. Повесть 1950 – Повесть временных лет. Ч. 1. – М-Л., Наука, 1950.
10. Трояновская 2011 - Трояновская М.О. США и суверенные республики Нового Света (конец XVIII – первая четверть XIX века). //Новая и новейшая история. 2011. № 6.
11. Эбзеева 2012 – Эбзеева З.А. Уголовно-правовая характеристика наемничества. //Современное право . 2012. № 5. С. 123-128.
12. Barret 2015 - Barret R. Foreign Fighters in Syria. – NY: TSG, 2015.

13. Blain 1884-86 – Blain J. Twenty Years in Congress. - Norwich, 1884-86.
14. Grinnell 1895 - Grinnell J. Men and Events of Forty Years. - Boston, 1895.
15. Schmitt 1991 – Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947 - 1951. - Berlin, 1991..
16. Webster 1851 - Webster D. Works. - Boston.1851. .
17. Wilson 1872-77 - Wilson H. History of the Rise and Fall of the Slave Power in America. NY. - 1872-1877.

References:

1. Arendt 2011 – Arendt H. O revoljucii. M.: Evropa, 2011.
2. Belikov 2011 – Belikov Ju., Krikunov A. Naemniki i patrioty. //Rodina. 2011. № 6.
3. Zharkov 2008 – Zharkov A.V. Anglo-Burskaja vojna glazami ruskih dobrovol'cev. //Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni. 2008. №2.
4. Korovikov 1990 – Korovikov A.V. Islamskij jekstremizm v arabskih stranah. M.: Politizdat, 1990.
5. Min'e F 2006 – Min'e F. Istorija francuzskoj revoljucii s 1789 po 1814 gg. M.: Gosudarstvennaja publichnaja istoricheskaja biblioteka Rossii, 2006. Jelektronnyj rezhim dostupa:http://www.e-reading.by/bookreader.php/1005497/Mine_-_Istorija_Francuzskoy_revoljucii_s_1789_po_1814_gg..html. (accessed, April, 2, 2017)
6. Min'jar-Beloručev 2012 – Min'jar-Beloručev K. Nepriznannye gosudarstva v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: opyt Severnoj Ameriki. //Vlast'. 2012. № 5. S. 166-169. S. 166.
7. Naumov 2011 – Naumov A.O. Inostrannye dobrovol'cy armii Franko v grazhdanskoj vojne v Ispanii (na primere Irlandskoj brigady). //Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2-1. S. 55-59.
8. Pivovarov 2006 – Pivovarov Ju.S. Mezhdu kazachestvom i knutom. K stoletiju ruskoj konstitucii i russkogo parlamenta // Polis. 2006. №2. S. 9.
9. Povest' vremennyh let. Ch. 1. – M-L., Nauka, 1950. S. 99.
10. Trojanovskaja 2011 – Trojanovskaja M.O. SShA i suverennye respubliki Novogo Sveta (konec XVIII – pervaja chetvert' XIX veka) //Novaja i novejšhaja istorija. 2011. № 6. S. 48-66.
11. Jebzeeva 2012 – Jebzeeva Z.A. Ugolovno-pravovaja karakteristika naemnichestva //Sovremennoe pravo. 2012. № 5. S. 123-128.
12. Barret 2015 – Barret R. Foreign Fighters in Syria. – NY: TSG, 2015.

13. Blain 1884-86 – Blain J. Twenty Years in Congress. - Norwich, 1884-86.
14. Grinnell 1895 – Grinnell J. Men and Events of Forty Years. - Boston, 1895.
15. Schmitt 1991 – Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947-1951. Berlin, 1991.
16. Webster 1851 – Webster D. Works. - Boston.1851.
17. Wilson 1872-77 – Wilson H. History of the Rise and Fall of the Slave Power in America. NY. 1872-1877.

Бенон Газинский (Ольштын, Польша)
Benon Gazinsky (Olshtain, Poland)

**Декларация Шумана от 9 мая 1950 года.
Европейский союз - ретроспективный обзор и перспективы**

**Schuman's declaration of 9th of May 1950
European Union – retrospective review and perspectives**

Интеграция означает координацию, а не ассимиляцию.
Иегуди Менухин, Конгресс Европы,
Гаага, 8-10 мая 1948 года.

Аннотация. В данной статье рассматривается Европейский союз в поворотный момент своей истории. В связи с почти пятикратным увеличением числа государств-членов с первоначальных пяти потребность в новом институциональном и правовом подходе стала насущной.

В статье даётся обзор политического контекста происходящего интеграционного процесса. Несмотря на то, что отголоски «холодной войны» уходят в прошлое и угроза крупномасштабного конфликта значительно снизилась, появляются новые вызовы, такие как терроризм, массовый наплыв беженцев, организованная преступность, экологические проблемы. На мировой экономической и политической сцене появляются новые «игроки» в связи с возрастанием влияния Китая, Индии и других развивающихся рынков.

Представленный в статье исторический взгляд на ранние стадии развития Европейского союза, возможно, позволит лучше понять интеграционные процессы и в будущем найти более рациональные решения и раскрыть основы единства Европейских государств: общие культурные ценности и мирное развитие.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская интеграция, история, политика.

Abstract. This article considers the European Union in a turning point of its history. In respect of almost fivefold increase in the number of Member States from the original five, the need for the new institutional and legal approaches has become vital.

The article gives us an overview of the political context of the ongoing integration process. Despite the fact that echoes of the “cold war” are fading and the risk of a large-scale conflict has decreased significantly, new challenges are emerging, such as terrorism, massive inflow of refugees, organized criminal activity, environmental issues. There are new “players” on the global economic and political scene due to the increasing influence of China, India and other emerging markets.

Historical view on early stages of the development of the European Union which is presented in the article will possibly improve our understanding of integration processes and will possibly help us to find more rational solutions as well as revealing foundations of unity of the European States in the future: shared cultural values and peaceful development.

Key words: European Union, European integration, history, politics.

Спустя шестьдесят пять лет после принятия декларации Шумана Европейский Союз оказался в поворотной точке своей истории в связи с тем, что с 2004 года он увеличился на тринадцать стран-членов, что по сравнению с первоначальными пятнадцатью составляет более чем 80%-ный рост. Новая Европа сталкивается сегодня с вызовами третьего тысячелетия, в котором весь мир совсем не такой, каким был шестьдесят лет назад.

Набора институциональных и правовых решений Европейских сообществ, принятых для шести государств, оказалось недостаточно. Даже сам Маастрихтский договор предусматривал необходимость его дальнейшего пересмотра. Первой не вполне успешной попыткой ввести подобные изменения был Амстердамский договор, подписанный в 1997 году и последующий Ниццкий договор, заключенный в декабре 2003 г. Летом 2003 года Европейским конвентом был представлен проект «Договора о введении Конституции для Европы». Этот договор был отклонен после его провала на национальных референдумах во Франции и Нидерландах. Тем не менее, абсолютное большинство решений, предложенных в указанном договоре, было включено в Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г.

Вступление Европейских государств на путь сотрудничества, как предлагалось в мае 1950 года Жаном Монне и Робером Шуманом, стало результатом осмысления опыта предыдущих поколений и всех исторических эпох. Как справедливо отмечал Ежи Лукашевский (2002, с. 11): «Будущее нельзя отделить от настоящего. История – процесс непрерывный. Это как река, верховье которой влияет на участки нижнего

течения. Те, кто не знает первопричин и мотивов европейской интеграции, не смогут понять тенденций, традиций, писанных и неписанных правил, определяющих её теперешнее направление развития».

Данная работа представляет собой попытку обратиться именно с этой точки зрения к основополагающим вопросам будущего объединенной Европы, к которым, в первую очередь, относятся формирование общих ценностей, суверенитет и мирное развитие.

Европа как сообщество

Сегодня довольно распространенной тенденцией является не проводить различий между Европейским сообществом как институтом, берущим начало в 1950-е годы, и европейским сообществом как таковым, не требующим написания с заглавной буквы. Благодаря этой общности понятие Европа не сужается до географического термина, а пронизывается богатыми культурными, политическим и социальными смыслами, составляющими наследие европейской цивилизации. Три ключевых культурных течения участвовали в становлении Европы как сообщества. Старейшим из них была древнегреческая цивилизация. Тот факт, что слово «демократия» происходит из греческого языка, является неслучайным. Оно возникло там же, где и разные ветви философии, литературы и искусства.

Вторым центром европейской культуры был древний Рим. Благодаря ему большинство европейских и других государств имеют одинаковый алфавит. Средством передачи универсальных ценностей стала законодательная система, да и сам латинский язык (Kubiak, 2003).

Третьим источником является христианство, которое было привнесено в Европу извне, но именно отсюда оно распространяется по всему миру. Целый ряд европейских государств был сформирован под влиянием христианской культуры. Ярким примером является Польша, где принятие христианства ознаменовало начало письменной истории государства и нации.

Интеграция в сфере экономики также возникла в далеком прошлом. Римские деньги имели широкое хождение и за пределами империи. Города Польши подчинялись Магдебургскому праву. Многие города Европы входили в Ганзейский союз. Экономическая интеграция ускорилась в 19 веке, в эпоху паровых двигателей, электричества и бурного развития новой системы капитализма. Классики экономической мысли, такие как Д.С. Милль и А. Смит, заложили теоретические основы современной экономики, а Д. Рикардо объяснил пользу международного обмена материальными товарами в своей теории сравнительных преимуществ.

Среди мыслителей прошлого, пионеров идеи единства Европы, были и поляки. В своей работе «О вечном договоре между государствами»

Войцех Б. Ястшембовский представил проект Европейской конституции, который для 19 века был достаточно прогрессивным.

К сожалению, на смену дальнейшей интеграции в Европе пришла внезапно разразившаяся первая мировая война. В период между первой и второй мировыми войнами важная роль в интеллектуальных дебатах принадлежала Рихарду Н. Куденхове-Калерги, чья книга «Пан-Европа» стала источником вдохновения при создании Панъевропейского союза. Среди проектов объединения, предложенных политиками, концепция Соединенных Штатов Европы привлекает особое внимание. Концепция была представлена на заседании Лиги Наций в июне 1929 года Аристидом Брианом, неоднократно избранным министром иностранных дел и премьер-министром Франции (Marszałek, 1996).

Начало второй мировой войны заставило многих задуматься о том, почему не удалось избежать новой войны несмотря на то, что предыдущая разразилась всего двадцать лет назад, а также предпринятые попытки предотвратить возможный конфликт.

Предложение начать сотрудничество, которое обеспечило бы международный мир, было сформулировано Жаном Монне, одобрено французским министром иностранных дел Робером Шуманом и официально объявлено 9 мая 1950 года. Спустя год в рамках Парижского договора было создано Европейское объединение угля и стали – организация, заложившая основу современного Европейского Союза.

В первые годы становления правовых и институциональных основ Европейских сообществ важную роль в этом процессе сыграли Робер Шуман, Конрад Аденауэр и Альчиде Де Гаспери. Эти политики были католиками, хорошо известными своими религиозными убеждениями. Следует отметить, что в тот период в 1955 году Совет Европы утвердил небесно-голубой флаг с кругом из двенадцати звезд на нём, являющийся одним из традиционных символов богородицы. По этому случаю Советом Европы были выделены средства на установку витража в кафедральном соборе Страсбурга (Łaptos, Prazuch, Pytlarz, 2003).

Оглядываясь на прошедшие этапы формирования Европы как культурного сообщества, а также на предшествующие десятилетия развития Европейских сообществ, следует отметить отдаление от основополагающих принципов, которые, очевидно, первоначально и вдохновляли на создание европейских структур.

Существует немало примеров, наглядно иллюстрирующих эту точку зрения. Одним из них является проект договора о принятии Конституции Европы, предложенный Европейским конвентом в июле 2003 года. В преамбуле к этому документу содержится ссылка на наследие древней Греции и Рима, тогда как существование христианства тщательно умалчивается. Более того, в последнем предложении преамбулы содержатся такие слова: «благодарны членам Европейского конвента за

составление проекта Конституции от лица граждан и государств Европы», т.е. документа, который получил продвижение и поддержку по иронии судьбы, вследствие отклонения договора во Франции и Нидерландах (Gaziński, 2004).

Таким образом, чрезвычайно важно размышлять над основами европейского единства. В этой связи следует напомнить, что Иоанн Павел II неоднократно предупреждал, что демократия, формируемая без внутреннего связующего элемента, т.е. без системы ценностей, может быть легко превращена в тоталитаризм (цитата по Sojka, 2000, с. 252-253): «именно угроза объединения демократии с этическим релятивизмом лишает жизнь гражданского общества долговечных моральных опор, вместе с тем лишая их способности видеть правду, так как в отсутствие абсолютных истин подобные идеи и убеждения, являясь ориентиром для политической деятельности и задавая её направление, могут быть с лёгкостью использованы ради целей, необходимых властям. История учит тому, что демократия, не подкреплённая ценностями, может быть легко трансформирована в открытый или замаскированный тоталитаризм».

Вопрос суверенитета

Слово «суверенитет» происходит от прилагательного «суверенный» (от фр. *souverain* – верховный, главный) и относится к сфере политики, обозначая «независимость от любой власти в отношениях с другими государствами». Такого рода суверенитет был распространён в некоторых бывших абсолютных монархиях, а также в тоталитарных государствах времен Гитлера или Сталина, существовавших не так давно. На сегодняшний день в определённой степени суверенными являются Соединённые Штаты Америки.

Сегодня невозможно измерить суверенитет по двоичной системе счисления, всесторонне рассмотреть его в статике, допуская лишь существование суверенитета или его отсутствие. При подобном подходе скрытыми останутся как экономические, так и политические и культурные взаимные связи, накопленные странами во время глобализации.

Более того, суверенитет не является независимым переносчиком высших ценностей. Поэтому добровольное ограничение суверенитета часто осуществляется для получения других благ и преимуществ, тем более что суверенитет, снижаясь по одному из аспектов, расширяется в другом. Государства объединяют различные международные институты, и объединённые группы получают, таким образом, много экономических и социальных благ, отказавшись от части своего суверенитета. Они получают возможность принимать совместные решения, касающиеся не только их самих, но и всего сообщества, к которому они принадлежат (Richardson, 1996).

Вопрос суверенитета был среди ключевых при обсуждении причин катастрофических событий второй мировой войны и способов предотвращения подобных трагедий в будущем, которые могут оказаться ещё более чудовищными с учетом возможности применения сегодня ядерного оружия.

Одно из предложений было сделано Уинстоном Черчиллем в его речи в Цюрихе в сентябре 1946 г., и касалось оно восстановления дружеских взаимоотношений между Германией и Францией. Кроме того, он поддерживал создание такой европейской объединенной группы, в которой «военная мощь каждого отдельно взятого государства станет менее весомой, так как небольшие страны станут столь же важными, как и большие, таким образом, гордясь своим участием в общем деле» (цитата по Salmon, Niwill, 1997, с. 26).

Автором проекта послевоенного устройства Европы, положившего начало становлению современного Европейского союза, является французский политик Жан Монне. Он считал утопической идею построения Европейской федерации в краткосрочный период. По его мнению, возведение величественной конструкции сообщества должно проводиться постепенно с учетом благоприятных возможностей и в подходящее время.

Как полагали и Жан Монне, и Уинстон Черчилль, первостепенным условием нового Европейского устройства являлось примирение Германии и Франции. Оно должно было быть осуществлено совместными усилиями правительств и наций. К этому проекту планировалось привлечь и другие демократические европейские страны. Это соглашение предполагало одинаковый статус Германии и Франции. Подобное предложение, сформулированное в соответствии с принципами партнёрства и представленное пять лет спустя после окончания мировой войны, позволило Германии намного легче вернуться обратно в семью мировых государств.

Монне был убежден, что единство Европы не может быть построено путем реализации одного единственного проекта. Он утверждал, что интеграция должны быть начата с одного избранного сектора экономики и затем расширена на другие области. Предполагалось, что интеграция обеспечит мир, и, следовательно, её цель была политической по природе. Средством её реализации была экономика. Жан Монне предлагал, чтобы интеграция охватывала два ключевых сектора промышленности, которые в то время определяли военный потенциал военной промышленности. Это были угольная и сталелитейная промышленность. Ещё одним аргументом в поддержку подобного решения был тот факт, что очагом конфликтов между Германией и Францией был бассейн реки Рур. Создание предлагаемого сообщества позволяло решить споры мирным путем с помощью посредничества наднациональных институтов.

План, предложенный Монне, получил одобрение Министра иностранных дел Франции. Он был официально объявлен 9 мая 1950 года и получил название декларации Шумана. Переговоры были начаты, и год спустя был подписан Парижский договор, согласно которому было учреждено Европейское объединение угля и стали. Оно начало свою работу в 1952 году (Gillingam, 1991).

Следует отметить, что именно принцип ограничения суверенитета в пользу институтов Сообщества, представляющих государства, заложил основы проекта европейской интеграции, которая с течением времени привела к становлению структур, называемых Европейским союзом в Маастрихтском договоре. Постепенно росла правомочность институтов Сообщества. Она завершилась компромиссом между сторонниками дальнейшей интеграции и её противниками.

Страх, связанный с отказом от части своего суверенитета, наблюдается в обществе стран-кандидатов на вступление в Европейский союз¹ с момента его первого пополнения такими странами, как Великобритания, Дания и Ирландия в 1973 году и до последних двенадцати присоединившихся в период с 2003 по 2007 год стран. В Норвегии членство в Сообществе было отклонено дважды, прежде чем по окончании переговоров получило одобрение на национальном референдуме с незначительным перевесом. Вопрос присутствия в Европейском союзе до сих пор является водоразделом в норвежском обществе.

Споры о будущем Европейского союза, таким образом, связаны с одним из самых фундаментальных дискуссионных вопросов, который представляет собой спор между сторонниками федеративной модели и её противниками.

Предначертано ли Европе стать федерацией?

Слово «федерация» происходит из латинского языка (*federatio* означает союз) и обозначает структуру, в которой объекты, составляющие её, передают часть своих прав федеральным органам, представляющим их.

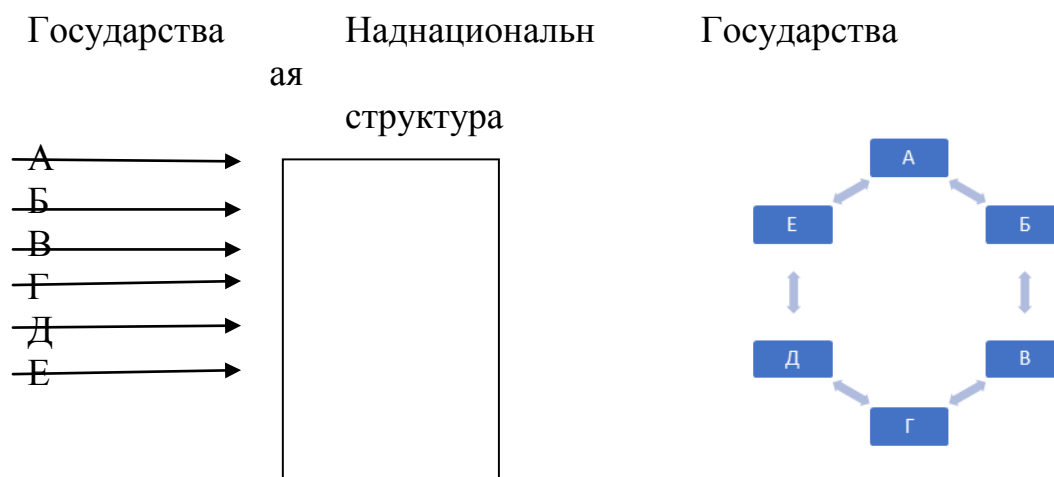
В 20 веке под влиянием бурно развивающихся событий был предложен целый ряд так и не получивших своего воплощения идей создания федерации. Среди них концепция маршала Юзефа Пилсудского о создании федерации, которая среди прочего подразумевала вхождение в нее Польши и Украины. В период, предшествующий началу второй мировой войны и в самом её начале велись переговоры о федерализации Польши и Чехословакии. В конце 1939 года в связи с опасностью, исходящей от Германии, рассматривалось предложение о создании франко-британского союза.

В это время в рамках федеративного союза был учрежден Исследовательский институт. Британские авторы опубликовали

несколько книг о перспективах европейской федерации, которые внесли значительный вклад в усиление федеративного движения в разных странах, включая Италию. Во время войны сторонники федерализма рассматривали её в качестве надежного решения вопроса внешней угрозы со стороны Германии и защиты от потенциально возможного начала нового военного конфликта. Вопросы подобного рода обсуждались среди прочих в Манифесте Вентотене, написанного итальянскими сторонниками принципов федерализма Альтьеро Спинелли и Эрнесто Росси в 1941 году, а также в принятой в Женеве в июле 1944 года представителями Движения Сопротивления девяти европейских государств «Декларации европейского Движения Сопротивления». В тот же год в США правовым комитетом пятого конгресса Пан-Европы был разработан проект Конституции Соединенных Штатов Европы.

Авторы концепции создания Европейского объединения угля и стали Жан Монне и Робер Шуман были прагматиками. Они считали идею образования европейской федерации в короткий послевоенный период утопической, хотя и выступали в её поддержку в более длительной перспективе. Следует отметить, что созданное по их концепции Европейское объединение угля и стали учредило Высший руководящий орган, наделенный наднациональными полномочиями. Государства-члены отказывались от части своих полномочий, передавая их данному институту. Таким образом, в первом Сообществе уже отмечалось явное начало федеративного устройства.

Два последующих Сообщества, созданные шестью годами позже, – Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом) – носили другой характер. В их случае самые важные решения принимались не наднациональными институтами, а являлись результатом межправительственных соглашений (Рисунок 1).

а) Передача полномочий по наднациональному ответственному за принятие решений институту: бывший Высший руководящий орган, теперь Европейская комиссия. Источник: исследование автора

Рисунок 1. Модель функционирования институтов Сообщества

Такое значительное изменение стало результатом влияния нескольких факторов. Формула Европейского экономического сообщества была намного шире формулы, принятой двумя другими Сообществами, которые ограничивались секторами, являющимися из их названий. На практике Европейское экономическое сообщество охватывало всю остальную экономику. Таким образом, в этом случае поддержание федеративного характера структур, ответственных за принятие решений, вызвало бы необходимость ограничения суверенитета стран-членов во многих новых областях. По этому вопросу не было политического согласия, тем более, что во второй половине 1950-х угроза, исходящая от блока восточноевропейских стран, значительно снизилась. В результате это перестало быть главной движущей силой в сфере оборонной политики, какой она являлась в период создания Европейского объединения угля и стали.

Другая формула ЕЭС и Евратом, а также меняющиеся политические условия способствовали тому, что в течение последующих десятилетий основное направление интеграции задавалось не политикой и вопросами обороноспособности, а все чаще и чаще экономикой (Dedman, 1996).

Спор между сторонниками федеративного устройства и его противниками многократно поднимался на протяжении всей истории Сообщества и всё ещё актуален. В июне 1979 года проходили первые всеобщие выборы в Европейский парламент, а уже в июне 1980 года Агостино Спинелли, известный своими федеративными убеждениями, направил депутатам письмо, в котором критиковал модель функционирования структур Сообщества и способов достижения договоренности о принимаемых решениях. Он предлагал консолидировать правовые основы, рассредоточенные по отдельным договорам, а также другие изменения через принятие Договора о Европейском союзе. Данное письмо нашло весьма скромный отклик. Всего девять депутатов пришли на встречу в одном из ресторанов Страсбурга. Именно так так называемый клуб «Крокодил» начал свою деятельность (название клуба связано с названием ресторана, в котором состоялась встреча). Вследствие того, что была образована и другая группа, охватывающая противников федеративного устройства и названная клубом «Кенгуру», Европейский парламент стал форумом для

дебатов между федералистами и сторонниками межправительственного подхода (Swann, 1996, с. 43-44).

Предложение, призванное ограничить круг вопросов, решаемых на основе принципа единогласия, и усилить значение Европейского парламента и других институтов, носило название плана Геншера-Коломбо и было представлено в начале 1981 года. В ходе дискуссий в июне 1983 года Европейский совет принял Торжественную декларацию о Европейском союзе, в которую не вошли многие факты.

Следующий шаг был сделан Парламентом, который в феврале 1984 года принял предварительный договор, учреждающий Европейский союз. Этот проект не был юридически обязательным. Он скорее являлся выражением мнения относительно будущего объединенной Европы. Год спустя, несмотря на протесты со стороны Великобритании, Дании и Греции, было решено собрать межправительственную конференцию для подготовки нового договора.

В результате переговоров был принят Единый европейский акт, ставший компромиссом между сторонниками различных путей развития. Он, однако, не удовлетворял интересов сторонников более тесной интеграции и не соответствовал ожиданиям депутатов, которые были прописаны в проекте договора о европейском союзе. Так, на церемонии подписания Договора в феврале 1986 г. Европейский парламент и комиссия были представлены только вице-президентами, в чем проявилась весьма сдержанная его оценка.

В то время Европейскую комиссию возглавлял Жак Делор, один из самых динамичных её президентов, назначившийся на этот пост два срока подряд (10 лет). Соглашения в рамках Единого европейского акта были лишь промежуточными этапами на пути дальнейшей интеграции. В сфере экономических решений вышеупомянутый Договор предусматривал создание единого европейского рынка до конца 1992 г. Естественным дополнением этого этапа была программа введения единой валюты. Ранний проект валютного союза предусматривал реализацию так называемого плана Вернера с ноября 1970 г. Идея единой валюты была снова упомянута в докладе Делора в 1989 г. В этот раз он был хорошо принят, а программа экономического и валютного союза было включена в Маастрихтский договор 1992 г.

Этот договор также являлся компромиссным. В рабочей версии договора, являющегося исходным материалом для будущих работ, содержалось положение о Европейской федерации. В силу решительного протеста со стороны Великобритании оно было удалено из договора².

Последующие договоры – Амстердамский и Ниццкий – не содержат никаких принципиально новых решений. Мы не найдем никаких отсылок к федерации как одной из целей интеграции и в Лиссабонском договоре. Поэтому в споре о будущем Европы задаются вопросы о том, должна ли

она превратиться в Европейскую федерацию. Спор между сторонниками федеративного устройства и межправительственного подхода, вероятнее всего, продлится ещё долго. Как и прежде, он придаст очертания той модели, по которой будет происходить дальнейшая интеграция.

Интеграция против европейской безопасности

Как уже отмечалось, обеспечение мира в послевоенной Европе являлось основополагающим принципом проекта интеграции Монне. Менее чем через полгода с момента представления этой программы Шуманом Франция выдвинула другой проект, называемый планом Плевена. Он предусматривал создание единой европейской оборонительной структуры.

Переговоры, начатые в феврале 1951 г., привели к подписанию министрами иностранных дел шести европейских государств договора о создании Европейского оборонительного сообщества. В семнадцати подробных соглашениях, протоколах и декларациях к договору среди прочего были определены принципы кооперации между будущей европейской армией и НАТО, отношения между новыми институтами и Великобританией, а также детально изложены принципы финансирования сообщества и его институтов.

Спустя несколько месяцев в сентябре 1952 г. в Люксембургской резолюции содержалось волеизъявление о создании Европейского политического сообщества. Для подготовки проекта новой системы была создана новая команда во главе с Полем-Анри Спааком, который был предварительно одобрен шестью странами-членами в марте 1953 г. Он предусматривал замену существующего Европейского объединения угля и стали и предлагаемого Европейского оборонного сообщества Европейским сообществом. Предполагалось, что институты Европейского сообщества будут носить наднациональный характер: двухпалатный парламент, состоящий из Народной палаты и Сената. Народная палата, формируемая по результатам всеобщих выборов, должна была состоять из 268 депутатов. Деление кресел должно было происходить согласно численности населения в государстве, при этом исключалась вероятность получения большинства мест двумя самыми большими государствами. Франция предположительно должна была получить семьдесят мест в нижней палате (были учтены её территории, находящиеся за рубежом), Германия и Италия – по 63 места каждая, Бельгия и Нидерланды – по 30 мест, Люксембург – 12. Сенаторы, общей численностью 87 человек, должны были назначаться парламентами стран-членов.

Европейское политическое сообщество в двухлетний период после учреждения Народной палаты должно было перенять полномочия Европейского объединения угля и стали, а также Европейского оборонного сообщества.

Так же, как и в проектной версии договора, здесь содержались положения, касающиеся оснащения Сообщества институтами федерального характера, которые были направлены на ограничение его полномочий по целому ряду вопросов. Так, требовалось единогласное согласие Совета Министров стран-членов при принятии Исполнительным Советом любых действий международного характера. Принцип единогласия должен был применяться и при ратификации международных соглашений и договоров.

Начало переговоров пришлось на период значительных политических изменений как в мире, так и в некоторых отдельно взятых странах-членах. Смелый проект Европейского сообщества был с энтузиазмом принят в некоторых федералистских кругах. Он был одобрен на втором Гаагском конгрессе, состоявшемся с 8 по 10 октября 1953 г. Круг участников был ограничен представителями шести государств-членов, в то время как главы и парламенты отдельных стран отнеслись к проекту весьма сдержанно. Однако самые значительные изменения произошли во Франции, которая с 1952 по 1954 годы в связи со сменой правительства постепенно отошла от позиции инициатора проектов Сообщества, превратившись в одного из самых обструкционистских и сложных партнёров по переговорам.

Первый раунд переговоров проходил в Риме с 22 сентября по 9 октября 1953 г. Именно тогда была принята идея о проведении прямых выборов в будущий парламент. Самую смелую позицию заняла Германия, голландцы поддержали идею таможенного союза, в то время как позиция Франции была наиболее осторожной и сдержанной.

Главной темой второго раунда переговоров, проходивших в Париже с 12 декабря 1953 г. по 8 марта 1954 г., были институциональные вопросы. Обозначилось расхождение мнений относительно роли верхней палаты парламента и принципов единого рынка (этот опыт впоследствии нашел применение в переговорах об учреждении Европейского экономического сообщества). Не было достигнуто и соглашение о слиянии Европейского объединения угля и стали и Европейского оборонного сообщества.

Предполагалось, что эта фаза переговоров получит оценку Совета министров Европейского объединения угля и стали 30 мая 1954 г. Однако они были отложены по причине растущих трудностей в переговорном процессе.

Спустя несколько месяцев 30 августа 1954 г. идее Европейского политического сообщества был нанесён смертельный удар французским парламентом, который под предлогом процессуальных ограничений решил не выносить ратификацию договора на голосование. Таким образом, далеко идущий проект политического и оборонного сотрудничества был разрушен на несколько десятилетий вперед. Тем не

менее, идея создания единого рынка не пострадала. Она вновь возникла спустя несколько лет на переговорах по Римскому договору о создании Европейского экономического сообщества.

Вопрос о европейской обороноспособности, не рассматривающийся на протяжении пятидесяти лет, неоднократно поднимался на разных этапах. Уже в 1958 г. де Голль инициировал предварительные переговоры по вопросу политической кооперации. Год спустя было внесено предложение о регулярных встречах (каждые три месяца) министров иностранных дел стран-членов при организационной поддержке небольшого секретариата. В июле 1961 г. во время саммита лидеров стран-членов в Бонне была собрана комиссия, возглавляемая Кристианом Фуше, французским послом в Бельгии. Она должна была определить пути более тесного политического сотрудничества. Предложения, внесённые комиссией, носят название плана Фуше и направлены на создание «союза государств». Во время переговоров название «Европейский союз» появляется несколько раз (в документе от января 1962 г. имеется ссылка на «союз государств и европейцев»).

В конечном итоге, столкнувшись со значительным расхождением мнений, план Фуше провалился. Последующий акт подписания договора между Францией и Германией в январе 1963 г. только утвердил некоторых политиков во мнении, что эти страны желают занимать доминирующую позицию.

Спустя несколько лет вопросы сотрудничества по вопросам внешней политики снова будут подняты в докладе Давиньона 1970 г. В нём предлагались регулярные встречи министров иностранных дел и лидеров стран-членов. Начавшийся диалог носил название Европейского политического сотрудничества. Однако область этого сотрудничества была крайне ограниченной (Łastawski, 2003).

Сотрудничество в сфере внешней политики было одобрено Единым европейским актом (Статья 30). Условием принятия единой позиции в форме межправительственных соглашений был принцип единогласия. Также было выражено волеизъявление о более тесном сотрудничестве по вопросам обороны. Институциональные рамки общей политики в сфере международных отношений и в области обороны, изначально созданные Договором о Европейском союзе, являющимся вторым столпом Европейского союза, были в дальнейшем дополнены Лиссабонским договором через назначение «министра иностранных дел» Европейского союза.

Великобритания и европейская интеграция

В речи в Цюрихе, которая уже цитировалась в рамках этой статьи (Salmon, Niwill, 1997, с. 27-28), Уинстон Черчилль также сказал: «Время скоротечно (...). Если мы хотим построить Объединённые Штаты Европы, какое бы название они носили, нам нужно начинать сейчас (...).

Первый шаг заключается в учреждении Совета Европы (...). Это должно быть сделано в кратчайшие сроки. Он должен быть возглавлен совместно Францией и Германией».

Слова о Совете Европы стали реальностью менее чем через три года. Интересно отметить: Черчилль заявлял, что работа по созданию структур Европейского сообщества должна вестись совместно Германией и Францией. Он не упомянул свою страну не без причины на то, т.к. Великобритания выступала за интеграцию послевоенной Европы, но не хотела принимать в этом процессе непосредственного участия, ограничиваясь ролью катализатора или посредника в процессе рождения объединенной Европы. Однако она не смогла найти себе роль в этом проекте. Таким образом, страна не откликнулась на призыв Шумана 9 мая 1950 г. Великобритания не входила в Европейское объединение угля и стали, несмотря на очевидное давление со стороны США.

Упомянутое неучастие Великобритании являлось результатом влияния нескольких факторов. Во-первых, существовало убеждение, что мир в Европе будет в достаточной мере обеспечен, если бывшие противники, Германия и Франция, будут участвовать в этой организации. Таким образом, участие Британии не являлось необходимым. Во-вторых, стал очевидным традиционный изоляционизм, т.е. ощущение собственной непохожести и отличности от «континента». В-третьих, трансатлантическое сотрудничество и связи со странами Британского Содружества Наций³ были для Великобритании важнее связей с Европой. В-четвертых, Великобритания выступала за свободную формулу интеграции, которая ограничивалась бы установлением зоны свободной торговли. Она выступала против идеи таможенного союза и тем более политической интеграции, которая играла такую важную роль в концепциях «отцов-основателей Европы». В-пятых, не только сама модель британской сельскохозяйственной отрасли отличалась от французской модели, но и сам взгляд на то, что должно представлять собой будущее общей сельскохозяйственной политики.

Британцы демонстрировали такое же сдержанное отношение и к проекту Европейского оборонного сообщества. После его краха в 1954 г. британская делегация участвовала в переговорах о создании Европейского экономического сообщества, возглавляемых Полем-Анри Спааком. Однако делегация удалилась с них после того, как шесть государств-членов согласились, что целью будущего сообщества станет создание таможенного союза, в то время как британцы стремились всего лишь к созданию зоны свободной торговли.

Когда три сообщества были созданы, Великобритания выступила с собственной интеграционной инициативой. Она учредила ЕАСТ, Европейскую ассоциацию свободной торговли, совместно с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией. К ассоциации

позже присоединились Финляндия, Исландия и Лихтенштейн. Предложение Великобритании о заключении соглашения между ЕАСТ и ЭЭС, которое предположительно должно было расширить зону свободной торговли для обеих групп, было отклонено Францией. Ещё одно британское предложение о том, чтобы связать членство в ЕАСТ и ЭЭС, было отклонено генералом де Голлем, который управлял в то время Францией.

Характерно, что уже в 1960 г., т.е. менее чем через год после начала деятельности ЕАСТ, Великобритания решила присоединиться к европейским сообществам. Её примеру последовали Дания, Ирландия и Норвегия. Трудные переговоры привели к совершенно неожиданному результату 14 января 1963 г. Генерал де Голль во время пресс-конференции выразил своё несогласие с присоединением Великобритании к сообществу. Стороны в переговорах узнали о позиции Франции по этому вопросу от журналистов (Kaiser, 1996)!

В 1967 г., когда британским премьер-министром стал Гарольд Вильсон, Великобритания повторно обратилась с заявлением о приёме в члены сообщества. Так же, как и в первый раз, оно было отклонено Францией. Для того, чтобы изменить положение дел, нужно было дожидаться ухода де Голля с политической сцены. Его преемник, президент Жорж Помпиду, уже во время своей первой пресс-конференции, состоявшейся 10 июля 1969 г., заявил о том, что не возражает против британского членства в сообществе. Следующие переговоры состоялись в июне 1970 г. В январе 1973 г. Великобритания вместе с Данией и Ирландией стали членами Европейского сообщества.

Отказ от участия в сообществах на этапе их создания означал добровольный отказ Великобритании от лидерства в тот момент, когда она была единственной среди стран-членов страной победительницей во второй мировой войне. Путь Великобритании к членству в определённой мере объясняет её отношение к европейской интеграции – частую сдержанность к федералистским предложениям, которые ограничивали суверенитет стран-членов. Он также помогает лучше понять разницу во взглядах Франции и Великобритании на европейские проблемы и, что далеко не менее важно, предпосылки недавнего референдума по «брекситу».

Заключение

Опыт прошлого, как гласит старая общеизвестная максима *historia magistra vitae est* (история – учитель жизни), позволяет нам лучше понять настоящее и указывает, каким образом следует строить будущее. Изучение европейской интеграции учит тому, что вопросы, которые волновали Европу несколько десятилетий назад, всё ещё удивительным образом являются актуальными.

Во-первых, следует задать вопрос, почему шесть стран решили сотрудничать. Создание Европейского объединения угля и стали имело фундаментальную политическую цель: обеспечить мир и предотвратить новую войну. Для этого инициаторы интеграции использовали экономику, начав с двух ключевых для того времени секторов. Цель была достигнута государствами, которые совсем недавно и в далеком прошлом находились в состоянии войны. Процесс примирения продолжался, а сотрудничество становилось все более тесным. Лучшим примером этого может служить роль, которую сыграли Франция и Германия в процессе объединения Европы.

В отличие от экономической интеграции, политическая интеграция проходит медленно и сопровождается многочисленными ошибками. Самое последнее предложение касательно создания такого института, как «министр иностранных дел», содержалось в Лиссабонском договоре. Тем не менее, общая внешняя политика, включающая сферу обороны, все ещё является скорее некой отдалённой перспективой, нежели четким планом.

Как и в прошлом, вопрос суверенитета является по-прежнему актуальным. Концепции федеративного устройства, существовавшие как в период между мировыми войнами, так и во время войн, оказались иллюзией. Победу над концепцией наднациональной интеграции одержала концепция поэтапной интеграции. Первое из созданных сообществ было более федералистским по сравнению с двумя последующими, так как орган, принимающий в нем решение, являлся наднациональным институтом, в то время как в двух последующих сообществах решения принимались межправительственными соглашениями.

Не менее важно отметить, что фундаментальный вопрос, касающийся будущего Европы, заключается в том, на каких ценностях оно будет построено. Политики того времени, Робер Шуман, Конрад Аденауэр и Альcide Де Гаспери, полностью отдавали себе отчет в том, насколько уникальными и неповторимыми были происходящие события. Они хотели построить будущее Европы на уважении к её культурному наследию. Предлагают ли политики, не упоминающие христианское прошлое Европы, в обмен иные точки опоры для культурных ценностей?

Более чем пятидесятилетний опыт европейской интеграции также учит, каким долгим, длящимся целыми десятилетиями, был путь к компромиссу, путь от идеи к её воплощению. В этом процессе уже более двенадцати лет принимают участие страны Восточно-центральной Европы, включая Польшу.

Примечания:

1. Процесс расширения, замедлившийся в последнее время в связи с текущим внутренним кризисом, ещё не завершён. В качестве

стран-кандидатов признаны: Албания, Македония, Черногория, Сербия и Турция.

2. После подписания договора Джон Мейджор сказал: «Великобритания эффективно использовала переговоры в Маастрихте, чтобы усилить полномочия правительств стран-членов. Сейчас ясно, что Сообщество останется союзом суверенных национальных государств. Именно этого и ожидают люди, того, что решения будут приниматься парламентами их стран (цитата по Gaziński, 2002, с.70).

3. Клеменент Эттли в речи в Палате общин отмечал: «Меня беспокоит любое предложение о том, что мы могли бы сблизиться с Европой больше, чем с Британским Содружеством. Страны Содружества – наши ближайшие друзья (...) мы не только европейская держава, мы также являемся членом большого Содружества наций и Империи» (Дебаты Палаты общин, 5-ая серия сб.450, сб. 1314-19). Энтони Иден также высказывался в подобном духе.

Литература:

1. Черчилль 1997 – Черчилль В. Выступление в Цюрихе, сентябрь 1946 года. Салмон Т., Нэйвлл В. (сост.), Строительство Европейского Союза. Документальная история и анализ (стр. 26-28) Манчестерская университетская пресса, 1997.

2. Дидман 1996 – Дидман М.Ю. Происхождение и развитие Европейского Союза 1945-1995. История европейской интеграции. Лондон, 1996.

3. Иоанн Павел II 2000 – Иоанн Павел II. Encyclical: Veritatis splendor, n. 101. Сойка А. (ed.), Европа завтрашнего дня (р. 252-253). Краков: Издательство: М., 2000.

4. Газински 2004 – Газински В. В какой конституции нуждается объединенная Европа? Тетради Богословские – Фолия хеоложика, 2004. 1 (39). С. 32-46.

5. Газински 2002 – Газински В. Евросоюз не только для начинающих. Ольштын: Издательство Littera, 2002.

6. Жиллингэм 1991 – Жиллингэм Ж. Уголь, сталь и возрождение Европы 1945-1955, немцы и французы от Рурского конфликта до Европейского сообщества. Кембриджский университет Пресс, 1991.

7. Кайзер 1996 – Кайзер В. Использование Европы. Злоупотребление европейцами. Великобритания и европейская интеграция 1945-1963 гг., Хаундсмайллс, 1996.

8. Кубяк 2003 – Кубяк С. Красота и горечь Европы. происходит Греков и Римлян. Москва: Мир Книги, 2003.

9. Łaptos, Prażuch, Pytlarz 2003 – Łaptos Ю., Prażuch В., Pytlarz А. История Европейского Союза, Краков: Издательство Albatros, 2003.

10. Ластавски 2003 – Ластавски К. От идеи европейской интеграции, ет АЛ ТВП, Варшава 2003, с. 421, " J. (2002). Цель: Европа. Девять эссе о строителях европейского единства. Варшава: Noir sur Blanc.
11. Маршал 1966 – Маршал А. Из истории европейской идеи международной интеграции, Система: Университет в Лодзи, 1966.
12. Ричардсон 1966 – Ричардсон Дж. (изд.). Европейский Союз. Власть и выработка политики. Лондон: Роутледж, 1966.
13. Сван 1996 – Сван Д. Европейская экономическая интеграция; Общий рынок, Европейский союз и другие страны. Челтенхэм: Э. Эдгар, 1996.

References:

1. Churchill W. 1997. Speech in Zurich, September 1946. T. Salmon, W. Niwll (eds.), Building European Union. A Documentary History and Analysis (p. 26-28) Manchester University Press.
2. Dedman M.J. (1996) The Origins and Development of the European Union 1945-1995. A History of European Integration. London.
3. John Paul II, (2000). Encyclical: Veritatis splendor, n.101. Sójka, A. (ed.), Europa jutra (p. 252-253). Kraków: Wydawnictwo: M.
4. Gaziński B. (2004). Jakiej konstytucji potrzebuje zjednoczona Europa? Zeszyty Teologiczne – Folia heologica, 1 (39), 32-46.
5. Gaziński, B. (2002). Unia Europejska nie tylko dla początkujących. Olsztyn: Wydawnictwo Littera.
6. Gillingam J. (1991). Coal, Steel and Rebirth of Europe 1945-1955, The Germans and French from Ruhr Conflict to European Community. Cambridge University Press.
7. Kaiser W. (1996). Using Europe. Abusing the Europeans. Britain and European Integration 1945-1963, Houndsmills.
8. Kubiak Z. (2003). Piękno i gorycz Europy. dzieje Greków i Rzymian. Warszawa: Świat Książki.
9. Łaptos J., Prażuch, W., Pytlarz, A. (2003). Historia Unii Europejskiej, Kraków: Wydawnictwo Albatros.
10. Łastawski K. Od idei do integracji europejskiej, WSP TWP, Warszawa 2003, s. 421, Łukaszewski J. (2002). Cel: Europa. Dziewięć esejów o budowniczych jedności europejskiej. Warszawa: Noir sur Blanc.
11. Marszałek A. (1996). Z historii europejskiej idei integracji międzynarodowej, Łódź: Uniwersytet Łódzki.
12. Richardson J. (ed.), (1966). European Union. Power and Policy Making, London: Routledge.
13. Swann D. (1996). European Economic Integration; The Common Market, European Union and Beyond. Cheltenham: E. Edgar.

Алексеев А.П. (Москва, Российская Федерация)
Alekseev A.P. (Moscow, Russian Federation)

Пост-культура информационной эпохи: конфликты и безопасность

Post-Culture in Information Era: Conflicts and Security

Аннотация. Рассматривается феномен пост-культуры, возникающий в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: пост-культура, конфликты, мультикультурализм, образование, интеллектуальный суверенитет.

Abstract. The author considers phenomenon of post-culture emerging under conditions of rapid progress of information and communication technologies.

Key words: post-culture, conflicts, multiculturalism, education, intellectual sovereignty.

Тема данной конференции – «Межкультурный диалог и вызовы современности». На подобные темы много говорится и пишется, однако они, конечно же, далеко не исчерпаны. В каждую эпоху существуют свои особенности взаимодействия культур. Эти особенности обусловлены разными факторами, в числе которых – технологические возможности, характерные для той или иной эпохи. Особую роль во взаимодействии культур играют информационно-коммуникационные технологии.

В середине XX века энтузиасты компьютеризации и информатизации общества рисовали радужные картины будущего. Предполагалось, что доступ к огромным информационным ресурсам, открываемый развитием компьютерной техники и средств связи, позволит принимать разумные решения на благо всего общества и, в конечном счете, на благо всего человечества. Будущее информационное общество мыслилось как общество бесконфликтное, где осуществляются надежды на достижение социального согласия и преодоление международной разобщенности. Подобные установки нашли выражение и в знаменитой «Окинавской хартии глобального информационного общества» (Okinawa Charter... Web), подписанной в 2000 году лидерами стран так называемой большой восьмерки, включавшей и Российскую Федерацию. Сегодня этот документ читается со сложными чувствами. Слишком велико расхождение с современной реальностью содержащихся здесь слов о перспективах достижения мира и согласия в международных делах,

свободы обмена информацией и знаниями, взаимной терпимости, уважения к особенностям других и т.д.

Происходящее в мире сегодня подтверждает скорее прогнозы и предсказания другого рода. Эти прогнозы также были сделаны в середине XX века. Авторы подобных прогнозов (Nora 1980) видели информационное общество как общество культурных конфликтов, где особое значение приобретёт борьба за язык. При этом имелись в виду не только национальные языки, но и языки компьютерных баз данных. К началу XXI века стали острее осознаваться не только возможности, но и опасности, которые несёт с собой развитие информационных технологий. Здесь можно упомянуть о таких проблемах, как информационный империализм, разжигание разного рода конфликтов, разрушение исторических общностей. Более того, мы являемся свидетелями процессов разрушения нормативно-ценностного каркаса культуры (Gruzd 2016).

В характеристике современных процессов всё чаще используется такое слово, как «пост-культура», и это отнюдь не является лингвистической эквилибристикой. Речь идёт о серьёзных явлениях и проблемах, которые, несомненно, нуждаются в философском осмыслении.

В начале XX века в русском языке ещё употреблялось такое, ныне забытое, выражение, как «необработанный ум». Оно употреблялось применительно к людям, чьё сознание в силу жизненных условий осталось «неокультуренным» (латинское слово “cultura” означает «возделывание», «воспитание»). Сегодня вряд ли можно встретить человека, чей ум не подвергался бы целенаправленной обработке. Напротив, за сознание человека ожесточённо борются различные конкурирующие силы, используя все более изощрённые способы воздействия. В этих условиях уместно говорить не о недостатке культуры в упомянутом выше смысле, а о состоянии «посткультуры».

Мы живем в эпоху быстрых изменений, которые во многом связаны с высокой скоростью развития информационно-технологической сферы. Это затрудняет формирование новых культур, поскольку культура предполагает наличие определённой традиции, а для того, чтобы сложилась традиция, требуется время. Традиция требует устойчивости, постоянства, однако едва ли не важнейшей ценностью современного общества становится изменение. Показательна в этом отношении культура интернета, или социальных сетей в интернете, не являющаяся культурой в собственном смысле слова. Недолговечность форм, текучесть сознания, неуважение к правилам языка, деградация стилей общения распространены здесь до такой степени, что уместно говорить не о культуре, а о пост-культуре.

К характерным чертам пост-культуры информационной эпохи можно отнести такие явления, как моральный релятивизм, выдвижение на первый план так называемой эффективности (критерии которой зачастую отрываются от смысла деятельности в соответствующих областях), экспансия рыночного мышления в сферы искусства, науки, образования. Классические ценности, веками составлявшие нормативный каркас культуры, оттесняются на задний план, а то и вовсе объявляются устаревшими, мешающими достичь успеха в конкуренции. Речь идет прежде всего о таких ценностях, как истина, справедливость, честность, благородство, долг, добро. Эти понятия больше не находятся в фокусе общественного внимания, не становятся предметом обсуждений, зачастую люди стыдятся употреблять соответствующие слова.

Симптоматичным выглядит появление такого горько-ироничного неологизма, как «пост-правда». Возможно, вскоре в наш обиход войдут такие слова, как «пост-истина», «пост-порядочность», «пост-красота»...

Может ли сложившаяся ситуация никак не влиять на диалог культур (который, конечно же, необходим)? Субъект межкультурного диалога принадлежит к определённой культуре, является наследником тех или иных традиций. Но должен ли субъект межкультурного диалога игнорировать то обстоятельство, что сам он находится в ситуации пост-культуры? Как совместить бытие в культуре и бытие в пост-культуре? Возможен ли выход из пост-культуры? Возможно ли возникновение новых культур?

Склонность занять конформистскую позицию («что ж, такова реальность, ничего не поделаешь, нужно приспособливаться, выживать и, если возможно, выигрывать») понятна и объяснима. Однако подобная позиция опасна – прежде всего потому, что наступление «посткультуры» существенно затрудняет формирование адекватной информационно-ориентировочной основы человеческой деятельности.

Создаются благоприятные условия для расцвета манипулятивных технологий воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание. Эти воздействия, осуществляемые в интересах тех или иных субъектов, представляющих собственную корысть как благо объекта манипуляции или общее благо, имеют мощный (непосредственный или побочный) деструктивный эффект. Блокируются способности объекта манипуляции к самостоятельному принятию решений и разумной деятельности, к реализации собственных творческих возможностей. В подобного рода воздействиях всё шире используются знания, полученные наукой для иных целей и в иных ценностных системах. Это и знания о человеке, получаемые психологией для помощи человеку, и данные исторической науки, и результаты исследований в области филологии, и другие знания.

В эпоху посткультуры манипуляции человеком перестают быть тем, чего следует стыдиться. Манипуляциям специально обучают. Приведем один, но весьма характерный пример. Стокгольмской школой экономики в Петербурге (школа изначально предназначалась для бизнес-образования руководителей в России) в 2004 г. была издана книга А. Барда и Я. Зодерквиста «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» (Бард 2004). В книге среди множества других интересных идей есть и соображение, состоящее в том, что русскую революцию 1917 г. можно было предотвратить, если бы царь вдруг публично признался в своем атеизме. Здесь мы не будем оценивать глубину познаний авторов о предреволюционной ситуации в России. Главное состоит в том, что авторов ничуть не смущает то обстоятельство, что российский император был верующим человеком. Вопрос о соответствии «признания в атеизме» реальности даже не затрагивается. Манипулятора в подобных случаях интересуют лишь способы создания сенсаций, отвлекающих внимание от болезненных противоречий общества. Подобные установки вписываются в контекст «аттенционализма» (от английского “attention” – внимание), выдвигающего внимание на роль главной ценности общества, на фоне которой истина и достоверность выглядят малозначимыми. Десять лет назад приведённый пример воспринимался аудиторией весьма эмоционально. Однако сегодня, в условиях глобальной информационной войны, мы видим более вопиющие примеры манипуляций. И это – свидетельство того, что культура коммуникации перерождается в посткультуру.

Поиск ответа на вопрос о том, каким образом, какими путями можно выйти из состояния «посткультуры», – дело весьма непростое. Это творческая задача, предполагающая социально-историческое творчество. Однако четверть века назад в нашей стране на государственном уровне фактически был провозглашен отказ от такого рода творчества. Смыслом истории новой России стало заимствование западных образцов, а также выполнение рекомендаций, которые предлагаются для развивающихся стран глобальными структурами, где ведущая роль, как правило, принадлежит США. Такие установки подавались как позволяющие экономить силы, средства и время, а потому рациональные и позволяющие действовать эффективно. Однако сомнения в высоком качестве упомянутых образцов и рекомендаций оказались отнюдь не беспочвенными.

Так, долгое время образцом для подражания считалась политика мультикультурализма. Российские авторы, призывавшие проводить такую политику, провозглашали её необходимым условием создания цивилизованного жизнеустройства в нашей стране. Прославление мультикультурализма закончилось, как известно, тем, что в странах Западной Европы провал соответствующей политики был признан

публично главами государств. На деле же достаточно здравого смысла, чтобы предвидеть опасности, вытекающие из наличия в рамках одного общества совершенно разных форм жизнеустройства, не имеющих общей основы. Когда-то эти формы относили к разным стадиям социального и культурного развития, а позже объявили «просто» разными культурами, имеющими различия, воспеваемые в постмодернистском стиле.

Разумнее было бы стремиться к тому, чтобы в процессе диалога культур возникали новые, объединяющие культурные формы, не провоцирующие конфликты, но позволяющие их предотвращать. В этом контексте актуальны не только вопросы защиты классических ценностей, но и вопросы продвижения классических ценностей с использованием современных средств, включая информационно-технологические средства и социо-гуманитарные технологии неманипулятивного характера.

Особая роль в таких процессах принадлежит интеллектуальному классу. Но каково положение интеллектуального класса в современной России и, прежде всего, положение учёных и преподавателей? Парадоксальность ситуации в нашей стране состоит в том, что в ходе так называемого реформирования научно-образовательной сферы реализуются установки на отказ от интеллектуального суверенитета российского общества. Под интеллектуальным суверенитетом понимается возможность самостоятельного принятия решений (и, что очень важно, подготовки решений), самостоятельного определения ценностей, приоритетов, целей и механизмов достижения этих целей (Алексеев 2016). Деятельность по уничтожению интеллектуального суверенитета разворачивается в условиях, когда государством провозглашается курс на политический (военно-политический, геополитический) суверенитет.

Представители общественности, стремящиеся отстоять российский суверенитет в сфере образования, как правило, критикуют российских чиновников. Однако переживаемое нами так называемое реформирование отнюдь не является плодом творческой мысли этих чиновников. И ЕГЭ, и битва за места в рейтингах вузов, и библиометрические гонки, и изнурительная отчётность, и утверждение статуса преподавателя как наёмного работника в сфере услуг – всё это соответствует установкам такой организации, как Всемирный банк. Об этом свидетельствует содержание докладов Всемирного банка, находящихся в открытом доступе (автор этих строк не имеет доступа к закрытой информации и не занимается конспирологией). Как известно, Всемирный банк предоставляет кредиты на проведение реформ в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, к числу которых относят и Россию.

Обратимся к опубликованному в начале XXI в. докладу «Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи

высшей школы». Текст на английском языке издан в 2001 г. (Constructing... 2001), русский перевод вышел в 2003 г. (Формирование... 2003). В докладе Россия упоминается в одном ряду с Бангладеш, Индонезией, странами Африки южнее Сахары и т.д. (Формирование... 2003, с. 15). Мы можем прочесть здесь о необходимости таких механизмов, как измерение знаний, аккредитация, национальные экзамены, рейтингование. Все это – в целях якобы обеспечения качества, прозрачности, доступности образования (Формирование... 2003, с. XXIV).

Банковские идеалы эффективности распространяются на сферу образования и науки, создавая серьёзные угрозы интеллекту человека и общественному интеллекту. В области российского образования реализуется «Стратегия 2020» (Стратегия... 2012), фактически воспроизводящая установки Всемирного банка. Российские ученые и преподаватели рассматриваются как товар, причем товар заведомо некачественный, а сопротивление научно-педагогического сообщества рассматривается как помеха, которую необходимо преодолеть. Это предусмотрено и в упомянутом докладе Всемирного банка, утверждающем: «Предполагаемые реформы, которые могут изменить устоявшуюся практику и затронуть групповые интересы, всегда встречают активное сопротивление со стороны тех, чьим интересам будет нанесён наибольший ущерб в результате запланированного перераспределения власти» (Формирование... 2003, с. XXVI).

Российской общественности не известны условия участия Российской Федерации в программах Всемирного банка и условия кредитов, предоставляемых на так называемую модернизацию российского образования. Однако становится все более очевидным, что нахождение в матрице Всемирного банка не позволяет не только решать, но даже осознавать задачи мобилизации общественного интеллекта, мобилизации в научно-образовательной сфере – не ради борьбы за места в рейтингах, а для выживания и развития страны.

Литература:

1. Алексеев 2016 – Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5-14.
2. Бард 2004 – Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Перевод со шведского языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
3. Стратегия... 2012 – Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной

работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: ВШЭ, 2012.

4. Формирование... 2003 – Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. М.: Весь мир, 2003.

5. Constructing... 2001 – Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education”. Wash.: The World Bank, 2001.

6. Gruzd 2016 – Gruzd A., Jacobson J., Wellman B., Mai P. Understanding Communities in an Age of Social Media: the Good, the Bad, and the Complicated // Information, Communication & Society. 2016. V. 19. Issue 9. Pp. 1187-1193.

7. Nora 1980 - Nora S., Minc A. The Computerization of Society. A Report to the President of France. Cambridge, L., 1980.

8. Okinawa Charter... Web – Okinawa Charter on Global Information Society. Ministry of Foreign Affairs of Japan. <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html> (accessed February 7, 2017).

References:

1. Alekseev A.P., Alekseeva I.Ju. Informacionnaja vojna v informacionnom obshhestve // Voprosy filosofii. 2016. № 11. S. 5-14.

2. Bard A., Zoderkvist Ja. Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma / Perevod so shvedskogo jazyka. – SPb.: Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004.

3. Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education”. Wash.: The World Bank, 2001.

4. Formirovanie obshhestva, osnovannogo na znanijah. Novye zadachi vysshej shkoly. Doklad Vsemirnogo banka. M.: Ves' mir, 2003.

5. Gruzd A., Jacobson J., Wellman B., Mai P. Understanding Communities in an Age of Social Media: the Good, the Bad, and the Complicated // Information, Communication & Society. 2016. V. 19. Issue 9. Pp. 1187-1193.

6. Nora S., Minc A. The computerization of Society. A Report to the President of France. Cambridge, L., 1980.

7. Okinawa Charter on Global Information Society. Ministry of Foreign Affairs of Japan. <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.html> (accessed February 7, 2017).

8. Strategija-2020: Novaja model' rosta – novaja social'naja politika. Itogovyj doklad o rezul'tatah jekspertnoj raboty po aktual'nyh problemam social'no-jekonomicheskoj strategii Rossii na period do 2020 g. M.: VShJe, 2012.

Ныгусие Кассае В. Микаэль (г. Москва, Российская Федерация)
Nigussie Kassaie V. Michael (Moscow, Russian Federation)

**К вопросу о защите и сохранении культуры и языков
малочисленных коренных народов Африки**

**The problems of protection of minority languages & cultures in
Africa**

«...С исчезновением даже одного языка безвозвратно теряется богатство красок яркого ковра культурного многообразия. А с ним также теряются возможности, традиции, наследие, уникальность образа мышления и выражения – бесценные ресурсы, способствующие улучшению качества жизни будущих поколений» (Международный год языков <http://www.un.org/ru/events/iyl/multilingualism.shtml>)

«...With the disappearance of even one language the bright carpet of cultural diversity irretrievably lost its riot of colour. Opportunities, traditions, heritage, unique system of thought and expression are lost along with it - precious resources ameliorating the quality of the next generation's life» International Year of Languages <http://www.un.org/ru/events/iyl/multilingualism.shtml>

Аннотация. В этой статье рассматривается характер и масштабы защиты языков и культур меньшинств в Африке. В нём даётся оценка того, насколько система ООН по правам человека охраняет языки и культуры меньшинств в Африке и меры, принятые на международном уровне для улучшения их защиты. В заключение автор предлагает возможные меры, которые могут быть приняты для улучшения защиты языков и культур меньшинств в Африке.

Ключевые слова: Африка, языки меньшинств, ООН, ЮНЕСКО, АС, Коичиро Мацуура, колониализм, постколониальная Африка, конфликты, монотонность, полиэтничность

Abstract. This article explores the nature and scope of protection of minority languages & cultures in Africa. It assesses to what extent the UN human rights system protects minority languages & cultures in Africa and the measures which were taken at the international level to improve their protection. In conclusion the author proposes possible measures that can be taken to improve the protection of minority languages and cultures in Africa.

Key words: Africa, Minority languages, UN, UNESCO, AU, Koichiro Matsuura, Colonialism, Postcolonial Africa, Conflicts, Monotonicity, Polyethnicity.

На Африканском континенте проживает около 107 этносов с численностью населения более 1 млн человек каждый, а 24 превышают 5 млн человек. Наиболее крупными являются: арабы в северной, северо-восточной и восточной Африке, хауса в Нигерии, Нигере, Бенине, Судане, Того, Гане, Буркина-Фасо, йоруба в Нигерии, Бенине, Того, фульбе в Гвинее, Камеруне, Нигерии, Сенегале, Центральноафриканской республике, Буркина-Фасо, Бенине, Мали, Нигере, Гамбии, Гвинее-Бисау, Гане, Чаде, Сьерра-Леоне, Мавритании, Судане, игбо в Нигерии, оромо и амхара в Эфиопии (Африка энциклопедический справочник 1986).

Среди африканских языков, доля носителей которых составляет более 10 млн человек, можно выделить: амхарский и оромо в Эфиопии, игбо, хауса и йоруба в Нигерии, малагасийский на Мадагаскаре, суахили в Танзании, Кении и Демократической Республике Конго, суданский в Судане, фула в странах южной Сахары, фульбе в Гвинее, шона в Зимбабве.

В настоящее время на Африканском континенте происходит гораздо больше конфликтов, чем на других. Этноконфессиональные конфликты являются самими острыми для всех государств данного континента.

Некоторые исследователи полагают, что нынешние проблемы африканского общества, в том числе межэтнические конфликты, насаждались европейскими колонизаторами, разделившими Африку на несколько территориальных образований в конце XIX в. (Francis M. Deng Ethnicity: An African Predicament Africa. Режим доступа. Режим доступа http://www.brookings.edu/articles/1997/summer_africa_deng.aspx; Tongkeh Joseph Fowale African Conflicts, the Role of Ethnicity Tribal conflicts and the Politics of chaos in Africa Режим доступа. <http://tongkeh-joseph-fowale.suite101.com/african-conflicts-the-role-of-ethnicity-a113737>; Innocent Maja What are minority languages? Режим доступа <http://aflat.org/node/23>; Towards the Human Rights Protection of Minority Languages in Africa. Режим доступа http://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/5848/maja_2007). Но нельзя полностью согласиться с таким выводом.

То, что при формировании будущих независимых «территорий» колонизаторы чаще всего не считались с историческим расселением африканских этносов и устанавливали границы без учета традиционных этнических, экономических, политических и культурных факторов, определявших многообразные (включая миграционные) связи племен, это факт. Но наивно было бы делать вывод о том, что колонизаторы во время своего ухода из Африки запланировали этноконфессиональные конфликты с целью продолжения своего господства.

На наш взгляд, колонизаторы не могли действовать иначе, кроме как делить Африку между собой политическими границами. Это было обусловлено прежде всего следующими обстоятельствами. Во-первых,

при подписании Заключительного акта Берлинской «Африканской» конференции, 14-26 февраля 1885 г. (<http://istmat.info/node/27251>) европейцы не ставили перед собой задачу соблюдать этнические границы в Африке. Во-вторых, они действовали при практически «полном отсутствии» информации об этническом составе делимого ими континента.

Моноэтнических государств в Африке почти нет. Поэтому этническая стратификация (неравномерное распределение этносов во многонациональной «территории», неравные возможности доступа к благам и социальным ресурсам) является одной из наиболее актуальных проблем стран Африки.

Колониалисты попытались заблокировать выход на поверхность этнических интересов, вовлечение этносов в политику. В те времена различные этносы, инкорпорированные в одной территории, установили отношения по вертикали (этнос-метрополия), а не по горизонтали (этнос-этнос). Поэтому этническая иерархия имела место лишь по отношению к центральной власти (колонизатору). Но после 1960 годов начались разногласия, приводившие к серьёзным конфликтам, даже переходящим в стадию геноцида, как это было в Руанде (<http://africaners.com/istoriya-afriki/genotsid-v-ruande/>) в 1994 г. или в Судане вплоть до настоящего времени (<http://www.genocide.ru/lib/genocides/darfur.htm>).

Этнополитические конфликты, нашедшие своё выражение в больших и малых войнах на этнической и территориальной почве в Африке, привели к многочисленным жертвам среди мирного населения. Это также стало причиной широкомасштабной стихийной миграции и вынужденных перемещений населения, которые затронули миллионы людей. При этом наиболее уязвимыми оказались малые коренные народы.

Как известно, Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2008 год Международным годом языков и просила ЮНЕСКО играть роль ведущего учреждения по проведению этого Года. В опубликованном Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) выпуске издания «Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing» («Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения») за 2002 год сообщалось, что опасность исчезновения угрожает половине из почти 6000 языков, на которых говорят народы мира, и вместе с ними могут оказаться безвозвратно утерянными невосполнимые знания и проявления человеческой мысли (<http://www.un.org/ru/events/iyl/multilingualism.shtml>). Исчезновение языков происходит постоянно, и это явление не ново. Однако за последние примерно 30 лет языки стали исчезать намного быстрее. Опаснее всего положение тех языков, на которых говорит менее тысячи человек. Это 28% всех языков, и большинство из них принадлежит

малочисленному населению Африки, пишут немецкие исследователи (Ken Hale, Michael Krauss, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto 1992, pp. 1-42). В Африке каждые две недели умирает один язык (UNESCO (2003) Sharing A World of Difference <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001323/132384e.pdf>).

19 февраля 2009 г. в Париже ЮНЕСКО представила электронную версию нового издания Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения (www.unesco.org/culture/endangeredlanguages/atlas). Это цифровое интерактивное пособие содержит последние данные о приблизительно 2500 таких языков.

Как отметил тогдашний Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, «исчезновение языка влечет за собой исчезновение многочисленных форм нематериального культурного наследия и, в особенности, драгоценного наследия традиций и устных форм выражения общин – поэзии и легенд, даже поговорок и шуток. Утрата языков наносит ущерб связи между человечеством и биологическим разнообразием, поскольку языки являются носителями богатейших знаний о природе и вселенной» (ЮНЕСКО назвало находящиеся под угрозой исчезновения языки. <http://www.segodnya.ua/>).

В Африке серьезная опасность угрожает более чем 350 языкам. Опасность угрожает малым коренным народам в дельте рек Нила, Конго и Нигера. Особенно сложная ситуация сложилась вокруг языков малых коренных народов стран Африки, экономика которых развивается быстрыми темпами: Нигерия, Кения, Эфиопия, Судан и т.д. Кроме того, малые коренные народы страдают от войн, сокращения пастбищ и уменьшения водных ресурсов. Многие представители малых коренных народов не в силах жить в этих катастрофических условиях, они вынуждены переселяться в чужие края, в крупные города. В новой обстановке они прекращают говорить на родном языке и, подвергаясь культурной ассимиляции, перестают быть частью своей экосистемы.

Согласно документам ООН, «сохранение и защита языков коренных народов является основополагающим правом народов». Принимая резолюцию 2000/22 Экономического и Социального Совета о создании Постоянного форума по вопросам коренных народов, вспомогательного органа Совета, Организация Объединенных Наций и государства-члены обязались разрешать проблемы, возникающие перед коренными народами, в частности, в области сохранения языков и культур. Кроме того, было решено ежегодно 21 февраля отмечать международный год родного языка с целью поощрения языкового и культурного разнообразия и многоязычия.

Также многие учреждения Организации Объединенных Наций, такие, как ПРООН, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и

Международная организация труда (МОТ), представили в мае 2006 г. доклады Постоянному форуму. В них указывается, что на местах организуется всё больше курсов подготовки на языках коренных народов и что на этих языках выпускаются многочисленные публикации с целью обеспечения права коренного населения. Но, как показывает практика, программы системы ООН адресованы в основном малочисленным народам Европы, Америки и Азии. Кроме того, необходимо упомянуть, что существующие резолюции, конвенции и программы глобальных и региональных организаций являются лишь рекомендациями, а не обязательными для исполнения.

Резолюцией 61/295 от 13 сентября 2007 г. Генеральная ассамблея ООН приняла декларацию о правах коренных народов, дебаты по которой продолжались больше чем 20 лет (Рабочая группа по коренным народам была создана в 1982 г. решением Экономического и Социального Совета ООН). Декларация (права коренных народов рассматриваются также и в других документах ООН, в том числе в Конвенции № 169 Международной организации труда и Конвенции о биологическом разнообразии) предусматривает защиту гражданских свобод коренных народов, а также их прав на землю и природные ресурсы, однако она не является обязательной для государств членов ООН к исполнению. За принятие декларации проголосовали 143 члена ООН, 11 воздержались и четыре (Австралия, Канада, Новая Зеландия и США) высказались против, утверждая, что этот документ не соответствует их законодательству.

Считается, что в мире живет около 370 млн. представителей коренных народов. В начале XXI века эти народы, как никогда раньше, подвергаются мощному давлению со стороны национальных правительств, которые заинтересованы в «освоении» территории проживания коренных народов (по данным ООН, в мире к коренным народам относятся 370 млн человек в более чем 70 странах, многие из которых находятся на грани исчезновения).

Декларация ООН призывает государства, на территории которых проживают коренные народы, предоставить им больший контроль над землей и природными ресурсами, а также вернуть им ранее конфискованные земли или выплатить компенсацию. Но не все государства готовы выполнять статьи декларации. Во многих странах Африки, экономика которых зависит от иностранных инвесторов, поощряется деятельность строительных, сельскохозяйственных, деревоперерабатывающих, горнодобывающих и туристических и развлекательных компаний, так как, как правило, малочисленные коренные народы занимают территории, богатые ресурсами.

Безусловно, декларация ООН о правах коренных народов является выдающимся документом современности. В ней впервые сделана попытка разобрать и закрепить международные стандарты, принципы и

нормы по статусу коренных народов. Иными словами, речь идет о том, чтобы их спасти от дальнейшего вымирания и притеснения.

Многие положения Декларации являются революционными. Например, коренные народы не подлежат принудительному выселению со своих земель. Они имеют право возродить свою историю, язык, традиции и философию. Они также имеют право укреплять и поддерживать свою особую духовную связь. Например, в статье IV Декларации справедливо отмечается, что коренные народы имеют право на автономию или самоуправление, но только в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам. Но эти права не закреплены в конституциях многих государств, где записаны только общие декларативные нормы, касающиеся статуса коренных народов.

Спорным является и вопрос о собственности на землю, где живут коренные народы. Как известно, уже существует Конвенция МОТ № 169 от 27 июня 1989 г. о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, где признаётся право коренных народов на земли, которые те традиционно занимают (эта норма снова получила отражение и в новой Декларации ООН о коренных народах). Но так как она противоречит Конституциям многих стран Африки, а главное, из-за вопроса о собственности на землю, они не ратифицировали её. Например, в Эфиопии собственником земли и недр является государство (см. статью 40 конституции Федеративной демократической республики Эфиопии 1994 г.).

В 2001 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) была принята Всеобщая декларация о культурном разнообразии. Организация перешла от охраны всемирного культурного и природного наследия к защите различных форм нематериального культурного наследия, шедевров устного творчества. Кроме того, в деятельность ЮНЕСКО входит сохранение культурных объектов в зоне вооруженных конфликтов на основании Гагской конференции 1954 г. (Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Информация об осуществлении Гагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта и двух протоколов к ней от 1954 г. и 1999 г. Доклад о деятельности в 1995–2004 гг. Режим доступа <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001407/140792R.pdf>). Организация занимается и проблемами дискриминации в области образования и неграмотности, изучением национальных культур и подготовкой национальных кадров.

То, что ЮНЕСКО начала заниматься сохранением культурных объектов в зоне вооруженных конфликтов, это шаг вперёд. Но возникает вопрос: как известно, каждый язык, малый или великий, является не только уникальным хранилищем информации о говорящем на нём

народе, о его культуре, его истории и его эволюции, но и является ценным инструментом для понимания окружающей его природы, так имеет ли смысл сохранять культурные объекты без сохранения языка носителей этих культур?

В наши дни культура и языки, в частности, малочисленных народов, исчезают или находятся на грани исчезновения по другим причинам. 1) Из-за политического давления со стороны центральных властей, под предлогом модернизации жизни малых коренных народов власти распространяют, как правило, государственный язык – язык большого этноса. 2) Из-за экономического давления. Обычно эти народы живут на берегах рек, в тропических лесах или в пустынях. Центральные власти, как правило, строят дамбы, плотины или вынуждают малые народы заниматься хозяйством, которое не отвечает их нуждам и разрушает образ их жизни. Эти громадные проекты совершенно не нужны малым народам. 3) Культурно-языковое давление. Когда у представителей национальных меньшинств, говорящих на своем родном языке, нет шансов на рынке труда. Их обязуют пользоваться государственным языком. 4) Психологическое давление. Национальные меньшинства становятся объектами или достопримечательностями для туристов. Туристические компании привозят на территорию, где проживают национальные меньшинства, туристов из Европы, Америки, Азии, при этом местные жители от этого ничего не имеют. Многие туристические компании утверждают, что местные жители охотно позируют перед фотоаппаратами и видеокамерами, но это не так. Когда чужой человек смотрит на образ жизни местного жителя, тому это может быть неприятно, особенно, когда его фотографируют. При этом никого не волнует, что объект фотографирования может испытать сильный шок. 5) В местах пребывания туристов разрушается экосистема. Некогда чистые бассейны рек, поля, леса постепенно превращаются в мусорные свалки.

В условиях, когда большинство наступает на языки и культуру меньшинств и не считает их ценностью, это может привести к пагубным последствиям. ЮНЕСКО настаивает на необходимости разработки учитывающих языковые и культурные особенности школьных программ, в которых бы признавались, уважались и поощрялись история, ценности, языки и устные традиции. Наверное, призыв ЮНЕСКО был услышан в Европе и Америке, и поэтому малочисленные народы там защищены лучше, чем в Африке, т.к. мероприятия по сохранению языка и культуры тесно связаны с финансовыми возможностями представителей этих народов. Даже если программы по сохранению языка и культуры этих народов существуют, то, как правило, они совсем не финансируются или недостаточно финансируются.

Во многих странах центральные власти поддерживают национальные меньшинства в целях сохранения языков в некоторых

регионах. Общины получают автономии. Некоторые малочисленные коренные народы пытаются передать свой язык детям. Но этого недостаточно. Начинать надо с сохранения среды обитания этих народов. В связи с этим в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 года была подписана Конвенция (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml) о биологическом разнообразии, представляющая собой международный юридически обязательный договор, три основные цели которого заключаются в сохранении биоразнообразия, устойчивом использовании биоразнообразия и совместном получении на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. Её общей задачей является стимулирование деятельности, ведущей к созданию устойчивого будущего. Несмотря на его прогрессивность, документ не ратифицирован большинством государств – членом ООН.

Для того, чтобы сохранять культуру и языки малочисленных народов ООН и АС, необходимо: во-первых, принимать обязательно для всех государств декларацию по защите культур и языков малочисленных коренных народов; во-вторых, как известно, одним из инструментов ООН в предупреждении и предотвращении конфликтов или кризисных ситуаций является гуманитарная интервенция. Полагаем, что гуманитарную интервенцию прежде всего необходимо направлять туда, где вытесняются малочисленные коренные народы.

Как известно, Россия является одним из немногих государств, где малочисленные народы защищены законом (Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>). Кроме того, Россия является единственной страной, имеющей опыт по созданию алфавитов, литературы, домов культуры и т.д. для малочисленных народов. Африканским странам было бы целесообразно перенять опыт России по сохранению и развитию языка культуры малочисленных коренных народов.

Сегодня во многих университетах преподаются языки народов Африки, но больших народов. В институтах изучаются культуры и языки народов Африки, но это культуры больших народов. Языками и культурами малочисленных коренных народов Африки ни национальное правительство, ни международные организации практически не занимаются. Может быть, есть ученые-энтузиасты, которые исследуют языки и культуру малочисленных коренных народов Африки, но, как правило, их деятельность заканчивается документированием языка, отличительных свойств культур. Для сохранения языков и культур малочисленных коренных народов этого недостаточно.

Необходимо создать центр ООН по исследованию, изучению и сохранению культуры и языков малых коренных народов. Для этого необходимо подготовить специалистов из числа представителей малых коренных народов. Было бы целесообразным создать такой центр на базе российских вузов, так как на протяжении более чем 120-ти лет российские ученые и учебные заведения накопили большой теоретический и практический опыт благодаря тому, что они готовили и продолжают готовить кадры, представляющие многие этносы, в том числе представителей малочисленных народов Африки.

Источники и литература:

1. Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения» (1996, 2001). Режим доступа www.unesco.org/culture/indangeredlanguages/atlas
2. Африка энциклопедический справочник Т-І. М. 1986
3. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
4. Доклад о населении Африки Департамента социальных вопросов Комиссии Африканского союза за 2006 г. Режим доступа. <http://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-statistical-yearbook/african-statistical-yearbook-2009/>
5. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Информация об осуществлении Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта и двух протоколов к ней от 1954 года и 1999 года. Доклад о деятельности в 1995–2004 гг. Режим доступа <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001407/140792R.pdf>
6. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция МОТ 169). Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml
7. Конвенция о биологическом разнообразии. Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml
8. Конституция Федеративной демократической республики Эфиопии 1994 г. Режим доступа <http://worldconstitutions.ru/archives/77>
9. Население Африки. Режим доступа <http://ru.worldstat.info/Africa>
10. ЮНЕСКО назвало находящиеся под угрозой исчезновения языки. Режим доступа <http://www.segodnya.ua>

11. UNESCO (2003) Sharing the World of Difference. Режим доступа http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=16059&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
12. Francis M. Deng Ethnicity: An African Predicament Africa. Режим доступа. Режим доступа http://www.brookings.edu/articles/1997/summer_africa_deng.aspx;
13. Innocent Maja What are minority languages? Режим доступа <http://aflat.org/node/23>,
14. Innocent Maja Towards the Human Rights Protection of Minority Languages in Africa. Режим доступа http://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/5848/maja_2007.
15. Ken Hale, Michael Krauss, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayesva Jeanne and Nora C. England Endangered Languages Language Vol. 68, No. 1 (Mar., 1992), pp. 1-42 Published by: Linguistic Society of America Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/416368>
16. The world's languages in crisis: A 20-year update A paper presented at the 26th Linguistics Symposium: Language Death, Endangerment, Documentation, and Revitalization University of Wisconsin, Milwaukee, 20–22 October 2011 Final revision for proceedings volume: 15 Jan 2013/. Режим доступа [http://www-01.sil.org/~simonsg/preprint/Wisconsin %20Symposium](http://www-01.sil.org/~simonsg/preprint/Wisconsin%20Symposium).
17. Tongkeh Joseph Fowale African Conflicts, the Role of Ethnicity Tribal conflicts and the Politics of chaos in Africa Режим доступа. <http://tongkeh-joseph-fowale.suite101.com/african-conflicts-the-role-of-ethnicity-a113737>

References:

1. Atlas mirovyyh yazykov, nahodyashchihsya pod ugrozoy ischeznoveniya» (1996, 2001). Rezhim dostupa www.unesco.org/culture/ endangeredlanguages/atlas
2. Afrika ehnciklopedicheskij spravochnik T-I. M. 1986
3. Vseobshchaya deklaraciya YUNESKO o kul'turnom raznoobrazii. Rezhim dostupa http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
4. Doklad o naselenii Afriki Departamenta social'nyh voprosov Komissii Afrikanskogo soyuza za 2006 g. Rezhim dostupa. <http://www.afdb.org/en/knowledge/publications/african-statistical-yearbook/african-statistical-yearbook-2009/>
5. Zashchita kul'turnyh cennostej v sluchae vooruzhennogo konflikta informaciya ob osushchestvlenii Gaagskoj konvencii 1954 goda o zashchite kul'turnyh cennostej v sluchae vooruzhyonnogo konflikta i dvuh protokolov k

nej ot 1954 goda i 1999 goda. Doklad o deyatel'nosti v 1995–2004 gg. Rezhim dostupa <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001407/140792R.pdf>

6. Konvenciya o korennyh narodah i narodah, vedushchih plemennoj obraz zhizni v nezavisimyh stranah (Konvenciya MOT 169). Rezhim dostupa http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

7. Konvenciya o biologicheskom raznoobrazii. Rezhim dostupa http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml

8. Konstituciya Federativnoj demokraticeskoy respubliki Efiopii 1994g. Rezhim dostupa <http://worldconstitutions.ru/archives/77>

9. Naselenie Afriki. Rezhim dostupa <http://ru.worldstat.info/Africa>

10. YUNESKO nazvalo nahodyashchiesya pod ugrozoy ischeznoveniya yazyki. Rezhim dostupa <http://www.segodnya.ua>

11. UNESCO (2003) Sharing the World of Difference. Rezhim dostupa http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=16059&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

12. Francis M. Deng Ethnicity: An African Predicament Africa. Rezhim dostupa http://www.brookings.edu/articles/1997/summer_africa_deng.aspx;

13. Innocent Maja What are minority languages? Rezhim dostupa <http://aflat.org/node/23>,

14. Innocent Maja Towards the Human Rights Protection of Minority Languages in Africa. Режим доступа http://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/5848/maja_2007.

15. Ken Hale, Michael Krauss, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayeva Jeanne and Nora C. England Endangered Languages Language Vol. 68, No. 1 (Mar., 1992), pp. 1-42 Published by: Linguistic Society of America Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/416368>

16. The world's languages in crisis: A 20-year update A paper presented at the 26th Linguistics Symposium: Language Death, Endangerment, Documentation, and Revitalization University of Wisconsin, Milwaukee, 20–22 October 2011 Final revision for proceedings volume: 15 Jan 2013/. Режим доступа <http://www-01.sil.org/~simonsg/preprint/Wisconsin%20Symposium>.

17. Tongkeh Joseph Fowale African Conflicts, the Role of Ethnicity Tribal conflicts and the Politics of chaos in Africa Режим доступа. <http://tongkeh-joseph-fowale.suite101.com/african-conflicts-the-role-of-ethnicity-a113737>

Заркович Весна (Приштина/Лепосавич, Сербия)
Zarkovic Vesna(Pristina / Leposavic, Serbia)

Корни современного конфликта в Косово и Метохии ¹

The roots of contemporary conflicts in Kosovo and Metohija and role of the great powers

Аннотация. Косово и Метохия в составе Старой Сербии представляют собой область, в которой пересекались интересы великих держав. Особенно это стало очевидно после Берлинского конгресса, который показал всю слабость Османской империи, как и намерение Австро-Венгрии освоить Балканский полуостров. Основным препятствием для выживания первой и продвижения второй империи были Сербия и Черногория, которые полагались на Россию. Исполнителями турецких и австрийских планов были арнауты, представленные в качестве защитников Османской империи, которым было навязано мнение, что сербы были главными виновниками всех бед. Поэтому арнауты предпринимают действия, направленные против сербского населения, чтобы изгнать его с территории Старой Сербии. В работе указываются основные направления деятельности великих держав и арнаутов как их партнёров, что является корнем современного конфликта на территории Косово и Метохии.

Ключевые слова: Косово и Метохия, сербы, арнауты, Австро-Венгрия, Россия.

Abstract. Kosovo and Metohija as part of Old Serbia represent an area in which the interests of the Great Powers crossed. This became especially evident after the Berlin Congress, which showed all the weakness of the Ottoman Empire, as well as the intention of Austria-Hungary to master the Balkan Peninsula. The main obstacle to the survival of the first and the promotion of the second empire was Serbia and Montenegro, which relied on Russia. The executors of the Turkish and Austrian plans were Albanians, represented as defenders of the Ottoman Empire, who were forced to believe that the Serbs were the main culprits of all ills. Therefore the Albanians undertake actions directed against the Serbian population in order to expel it from the territory of Old Serbia. The main directions of the activities of the Great Powers and the Albanians as their partners are pointed out, which is the root of the modern conflict in the territory of Kosovo and Metohija.

Key words: Kosovo and Metohija, Serbs, Albanians, Austro-Hungary, Russia.

Территория Косова и Метохии, поверхность которой была 10877 квадратных километров, имела не только географическое, но и

стратегическое значение: вместе с Македонией являлась связующим звеном между Западной и Средней Европой, с одной стороны, и Азией и восточными странами, с другой. Важность этих областей, через которые проходили основные торговые пути, стала очевидна и великим державам в конце XIX и начале XX века, прежде всего России, Австро-Венгрии, Англии, Франции, Германии и Италии. Помимо этих стран, свои интересы здесь видят и балканские страны: Сербия, Черногория, Болгария и Греция. Значение статуса Косова и Метохии лучше всего выражается в начале двадцатого века в словах Михайла Вуича, премьер-министра Королевства Сербии, который в письме к Гавре Вуковичу, министру иностранных дел Черногории, говорит: «... кто правит Косово, тот имеет ключ от Македонии» (Војводић 1999, с. 339). Судьба народов, населявших эту область, зависела именно от соотношения сил между великими державами, их планами и стремлениями. Численность населения составляла около 3,5 миллионов, из которых наиболее многочисленны были сербы (1 200 000), затем арнауты (700 000), болгары (700 000), турки (300 000), греки (300 000), цинцары – представители остатков романизированных жителей в балканских странах (более 100 000), в то время как остальное население состояло из евреев, армян и цыган (Хаџи 1906, с. 66-67.).

После сербско-турецкой войны 1876-1878 годов, в которой Сербия воевала на российской стороне, и Берлинского конгресса, на основании решений которого Старая Сербия (о понятии Старая Сербия См.: Батакович 2014, с. 24-37) и Македония остались в пределах турецкого государства, а Новопазарский санджак (регион) был дан под управление Австро-Венгрии, интерес к этой области увеличивается. Особенно это проявляется в момент создания и существования Призренской лиги, когда столкновения между арнаутским и сербским населением, которые до этого были в основном на религиозной основе, превратились в столкновения на национальной почве, за которыми часто стояли интересы великих держав. Наиболее заинтересованы в поддержании отношений между сербами и арнаутом были Россия и Австро-Венгрия. Первая в основном играла роль защитницы христианского населения, в то время как вторая наиболее часто использовала различные средства и являлась косвенной причиной конфликтов между сербами и арнаутом для того, чтобы захватить и освоить Балканы.

Поворотным моментом в событиях является Берлинский конгресс и его решения. Ещё во время сессии конгресса в Призрене собрались представители арнаутов из различных частей Османской империи. Своим заседанием и выводами они хотели предвосхитить решения Берлинского конгресса по вопросу Османской империи. Представители арнаутов были мусульманского вероисповедания, и этот съезд имел мусульманский характер. В организации съезда обвинили Австро-Венгрию, которая, в

свою очередь, обвинила Великобританию (Растович 2015, с. 70.). То, что британское правительство явилось инициатором создания Лиги, считал и австро-венгерский консул в Призрене Елинек (Храбак 1988, с. 13). Подтверждением этого стало и мнение Ильи Ставрича, управителя Призренской семинарии, который о заседании Лиги в письме от 24 июня 1878 г. проинформировал Симу Андреевича Игуманова. В письме говорится, что в течение весны того года британские дипломаты из Стамбула и Сараева приезжали в Призрен и Печ и разговаривали с арнаутскими вождями. Со слов некоторых арнаутских вождей стало известно, что англичане предлагали им деньги и помощь для военных нужд, как только они поднимут восстание и войдут в Косово (Војводић 1989, с. 6-7). Аналогичное мнение имел и Йован Хаджи Васильевич, который сообщил верховному командованию сербской армии, что «четыре англичанина, сполна снабженные деньгами, работали над тем, чтобы вожди различных арнаутских племён объединились в один совет в Призрене и пришли к выводу, что арнаутские племена борются против Сербии и Черногории, а в случае соглашения с Высокой портой, и против России» (Хаџи 1909, с. 45). Ряд британских дипломатов внимательно следили за функционированием Лиги и информировали об этом свои правительства (Растовић 2015, с. 68-75).

Влияние английской дипломатии среди арнаутов подтверждает и так называемый Скадарский меморандум от 18 июня 1878 года, адресованный на имя лорда Биконсфильда (Дизраэли), представителя Великобритании на Берлинском конгрессе, в котором группа арнаутов римско-католического вероисповедания требует сформировать одну автономную область, чьим покровителем будет не Австро-Венгрия или Италия, а Великобритания.

Выводы Лиги в Призрене были изменены несколько раз, как менялся и сам характер Лиги. Первая программа Лиги, называемая Карарнаме, имела ярко выраженный протурецкий характер, состояла из 16 пунктов, в которых не упоминается Албания или албанский народ, а говорится только о мусульманах. Вторая программа, принятая 2 июля 1878 г. и известная под названием Талимат, была гораздо радикальней. Она содержала 19 пунктов, в которых требовалось формирование местных комитетов Лиги во всех вилайетах, где живут албанцы.

Третья программа Лиги была ещё более радикальной. Она была создана Стамбульским комитетом и опубликована 27 сентября 1878 г. Программа была принята в ноябре Лигой, и, по существу, в ней содержится требование автономии, выраженное в пяти пунктах (Драшкић 2000, с. 61-62; 68-69). Для академика Димитрия Богдановича Лига представляет собой главным образом инструмент турецкой политики и политики европейских держав, прежде всего Австрии, Италии и Англии,

как средство манипуляции албанским народом в проведении балканской политики (Богдановић 1985, с. 142).

В соответствии с программами и ситуацией на местах меняется и характер Лиги. Вначале он был очень проосманский и главной его задачей считалась защита территорий Османской империи от славянских христианских государств. После завершения Берлинского конгресса и его решений о расширении Сербии и Черногории Лига начинает внедрять практические меры в целях предотвращения реализации решений. Дело доходит до открытых конфликтов членов Лиги и сербской армии. На изменение характера Лиги особенно влияет попытка территориального расширения Черногории. Согласно первому решению, Черногории должны были принадлежать Плав и Гусине, области, населенные мусульманами. После сопротивления Лиги от этого отказались, и было принято новое решение, по которому Черногории должны перейти области Хоти и Грюде. Великие державы рассчитывали на то, что эта область населена представителями римско-католического вероисповедания и что они не будут возражать. Тем не менее возникло новое сопротивление с участием арнаутов римско-католического вероисповедания. С этого момента Лига принимает новый, проарнаутский характер. В конце отказались и от этого предложения, а к Черногории после открытого конфликта между турецкой армией с арнаутами присоединена область Улциня. Лига поменяла свой проосманский характер на проарнаутский, конечно же, под влиянием предложений некоторых стран – представителей великих держав.

Наибольшую выгоду от заседания Берлинского конгресса имела Австро-Венгрия. Она получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также часть Новопазарского санджака «*au dela Mitrovitza*» (Србија 1930, р. 345). Это неоднозначное решение было впоследствии предметом различных интерпретаций: это «за Митровицей» было по направлению на восток или на запад. В первом случае и сама Косовская Митровица находилась бы на территории, где могли бы действовать австро-венгерские гарнизоны. Мандат, который был дан Австро-Венгрии, позволял ей осуществление своей политической программы, известной ранее и воплощенной в пустую фразу *drang nach Osten*. Это было первым шагом.

Самым большим препятствием на пути достижения австрийской программы были молодые славянские государства, находившиеся на пути из Вены в Салоники. Ещё в 1879 г. Бисмарк публично подчеркивал, что Сербия и Черногория являются «камнем преткновения на пути Австрии». Поэтому её действия в предстоящем периоде будут направлены против этих стран, что в конечном итоге и приведёт к Первой мировой войне. Действия Австрии отличались от её публичных выступлений: она официально выступает за сохранение Османской империи. Главный

противник в реализации этого плана для неё после Сербии – Россия, которая была покровителем балканских православных славян. Австрия нейтрализует её двумя соглашениями в 1897 и 1903 годах, одно из которых, известное как Соглашение из Мирцштега, является особенно важным (Торовић 1992, с. 37-38).

Открытые действия Австрии против сербов разоблачили бы её в глазах России и других стран, поэтому она воспользовалась другим методом. Австрия распространяла слухи среди арнаутов о том, что главными виновниками их плохого положения являются сербы, которые пытаются расширить границы своего государства на области, принадлежащие Османской империи. Разные австрийские агенты всех вероисповеданий, римско-католические священники, а также некоторые турки из арнаутских рядов распространяли такие слухи. Агенты и члены арнаутского бея за свою работу были подкуплены деньгами и другими наградами. Австрийская пропаганда не сразу распространилась среди арнаутов, это осуществлялось постепенно и в корреляции с событиями на местах.

На территории Старой Сербии, которая примерно совпадала с границами Косовского вилайета, после Берлинского конгресса появилось большое количество мусульманских беженцев (мухаджиров) из округов, которые принадлежали Сербии: Нишского, Пиротского, Топлицкого и Враньского, из Черногории, а также из Боснии и Герцеговины, которая была оккупирована Австро-Венгрией. Большинство из этих мухаджиров поселилось в области Косова и Метохии, так как Османская империя рассчитывала на них как на защиту своих границ. Этому способствовало и недовольство мухаджиров из-за того, что они покидают свои дома, а также их приверженность мусульманскому османскому государству. Из пришедших мухаджиров были созданы целые деревни, районы в некоторых городах, но они селились и в сербских поселениях. Так возникла знаменитая «Боснийская окраина» в Митровице, которая до сих пор является источником конфликта в северной части разделённого города.

Сложившейся ситуацией, за исключением Австрии, почти никто не был удовлетворён. Прибывающие мухаджиры, недовольные из-за своего положения, оказывали давление на местное сербское население, которое в большом количестве эмигрировало в Сербию. В период с 1876 по 1912 год в Сербию из Старой Сербии переехало около 400 000 человек (Јовановић 1941, с. 39). В отличие от этого, приезжее арнаутское население увеличило процент арнаутов в общей численности населения. Таким образом, этническая структура населения резко изменилась в ущерб сербам. Причиной выселения было давление, которое приехавшие и, в меньшей степени, местные арнауты совершали по отношению к сербам, а также поощрительное отношение к этому турецких властей.

Часть сербов выселилась в области, присоединенные к Сербии, совершив обмен поместьями с арнаутами из этих краев. Другая часть разбежалась в страхе потерять свою жизнь, поскольку действия турецких властей в первые годы после Берлинского конгресса были направлены против сербов. Лучший пример этого – создание полевого военного суда в Приштине в день провозглашения Королевства Сербии 22 февраля 1882 г. Полевой военный суд приговорил 241 человека к смертной казни, к пожизненному заключению или изгнанию по обвинению в участии в рядах сербской армии во время войн с Турцией в 1876-1878 годах. Палачи без суда убили 7000 человек (Историја српског народа VI/1, 1983, с. 293).

Те сербы, которые не сразу поддались давлению, со временем, в связи с экономической ситуацией, вынуждены были эмигрировать. Прибывшие мухаджиры, которые поселились в деревне, были расселены на общей земле, в так называемых коммунах, которые сербы использовали для разведения и содержания скота. Потеряв эти земли, сербы были не в состоянии заниматься животноводством, благодаря которому они жили. Со временем всё больше и больше семей беднело и попадало в ситуацию, когда было очень тяжело прокормить семью. Это дополняется и грабежами новоприбывшего населения, которое также живет в нищете, так как оно не привыкло обрабатывать землю.

Сербы, жившие в городах, тоже были в плохой ситуации. К тому времени, наряду с греками и цинцарами, они владели торговлей, которую начали перенимать прибывшие арнауты. Переселенное мухаджирское население не имело земли и способа, возможности содержать свои семьи, и оно начинает торговать, оказывая давление на своих соотечественников, чтобы те не покупали у сербов, у которых снизились продажи и прибыль. Кроме того, некоторые люди брали в долг у сербских торговцев, дающих товар в кредит, а впоследствии ничего не оплачивали. Если сербы отказывались дать им товар, они докладывали об этом местным властям или своим соплеменникам, после чего следовала месть. Есть достоверные факты, которые свидетельствуют о том, что таким образом богатые купцы превращались в нищих. Таковы лишь некоторые примеры экономического спада у сербов, из-за которого всё большее их число перемещалось в освобожденную Сербию.

Мусульманские собственники тоже были недовольны пришедшими новосёлами. Некоторые аги и беги публично заявляли, что, пока есть сербы, которые им обрабатывают землю, и они будут иметь пользу от земли. Когда на их место придут беженцы, всем будет невыгодно.

В такой политической и экономической неупорядоченной ситуации существовали и другие факторы, влияющие на отношения между арнаутами и сербами. Одним из них был нерешенный национальный вопрос (нуфуский вопрос) (Јагодић 2008, с. 343-353). Этот вопрос вызывал волнения и среди других народов. Армянский вопрос и

греческое восстание на Крите 1895-1896 годов особенно повлияло на ухудшение ситуации. Греко-турецкая война, которая разразилась после критского восстания, привела к мобилизации арнаутов. Большое количество населения записалось в добровольцы и получило оружие. Многие даже не пошли на фронт, а те, кто пошел, после возвращения удержали оружие. Возмущённые за предоставление автономии Криту, который присоединился к Греции, они срывают свой гнев на местном сербском населении (Зарковић 2014, с. 131-132).

В такой ситуации легко воспринималась австрийская притча о том, что сербы – главные виновники их сложной экономической ситуации, поэтому убийства, изгнания, грабежи, поджоги и другие формы угнетения стали обычным явлением. Это не могли скрыть представители тех стран, которые смотрели благоприятно на идею сохранения Османской империи. На изменение их отношения особенно повлиял армянский вопрос. Поэтому всё чаще можно было услышать жалобы великих держав Турции, чтобы она провела реформы, которые бы способствовали исправлению положения христиан. Высокая порта и султан согласились с этим и обязались провести реформы, но реализация обещаний задерживалась, откладывалась и, наконец, о них забывали. В очередной раз султан издал приказ (ираду) о проведении реформы, но её реализация не осуществилась (Микић, 1988, с. 43-44).

Реформы, которые все чаще упоминались, влияли на ещё один фактор, который был на руку австрийской пропаганде, распространявшей среди арнаутов мнение, что, если бы не сербы, не было бы никаких реформ. Таким образом, арнауты все чаще предпринимали нападения на сербов. Для того, чтобы привлечь внимание турецких властей к этой проблеме и проинформировать мировую общественность, министр иностранных дел Сербии Стоян Новакович переписывался со своим турецким коллегой Тефиком пашой и в письмах поименно представил каждый случай убийства сербов в период с 1898 по 1899 год. Из этой переписки формируется так называемая «Голубая книга», которую сербское правительство намерено было раздать участникам Первой гаагской конференции мира в 1899 г. (*Преписка о арбанаским насиљима у Старој Србији (1898-1899)* 1899). К сожалению, из-за политической ситуации и давления Австро-Венгрии на династию Обреновичей эта книга никогда не попала в Гаагу. Тем не менее, она была опубликована и свидетельствовала о страданиях сербов.

Плохая ситуация продолжилась и в первом десятилетии XX века. Австрия по-прежнему плела интриги среди арнаутов. Их главным человеком был Хаджи Мулла Зека из Печи. Он был убит в 1902 год, а убийцей был Адем Заим, также арнаут из Печи. Это убийство вызвало целую маленькую войну между их племенами (Јагодић 2009, с. 69). Австро-Венгрии был нанесен непоправимый урон, в чем она сразу же

обвинила Сербию. Потеря не помешала продолжать действовать. Под её влиянием произошла и так называемая Колашинская афера, когда арнаутский башибузук (иррегулярные части турецкой армии) с молчаливого согласия турецкой армии предпринял ожесточенные репрессии против сербов в Ибарском Колашине и других деревнях, расположенных между Косовской Митровицей и Новым Пазаром под предлогом поиска оружия (Зарковић 2008). Только благодаря тому, что в эти события вмешалась Россия, то есть её консул в Скопле Виктор Машков, удалось избежать большего преследования сербов. Машков вместе с капитаном Ритихом и корреспондентом газеты «Новое время» Святковским прибыл в Митровицу, Колашин и Новый Пазар и лично повлиял на то, чтобы нападения на сербов прекратились (Зарковић 2012, с. 369). Оказалось, что сербы из этого региона (сейчас это север Косова), где они были абсолютным большинством, представляют угрозу для австрийских планов по установлению связей с Турцией. Это стало известно в 1907 г., когда Эренталь объявил план строительства железнодорожной линии по маршруту Увац (граница Боснии и Герцеговины) – Косовская Митровица. Таким образом, железная дорога проходила бы напрямую от Берлина до Багдада (Војводић 2000, с. 279-303). Планы по её строительству портили этнические обстоятельства на месте. Там в основном проживали сербы, которые к каждому шагу Австрии относились с недоверием. Планируемые железнодорожные пути не могли их избежать ни в одном из существующих вариантов, а в соседстве с ними колея не была в безопасности, как и телеграфные столбы, которые сербы иногда разрушали и прерывали связь между Митровицей и Новым Пазаром. Из-за аннексии Боснии и Герцеговины и Молодой турецкой революции австрийцы отказались от своих планов, но только временно, что показала Первая мировая война.

Колашинская афера, в конечном счете, в дополнение к другим причинам, привела к реформной кампании в 1903 г. и открытию российского, а затем австро-венгерского консульства в Косовской Митровице. Это ещё более разозлило арнаутов и привело к тому, что свой гнев они вымещали на сербах и на российских дипломатах. Первого русского консула в Косовской Митровице Григория Степановича Щербину в 1903 г. постигла та же участь, что и первого сербского консула в Приштине Луку Маринковича тринадцать лет назад. Оба были убиты, потому что они стремились защитить сербский народ в этом регионе. Сербы вспоминают с особым пиететом слова Григория Щербины: «Вы, сербы, несчастливы, что я погибну. Моя смерть принесёт вам свободу». В том же году в монастыре (Битоль) был убит и другой русский консул Ростковский (Никшић 1988, с. 371-372). Был отмечен поступок его вдовы, которая вернула ордена свои и своего мужа и отказался принять предлагаемые деньги на том основании, что она не

продает кровь своего мужа (Архив САНУ, Оставштина Михаила Ристића. Бр. 14234, Конзулат Краљевине Србије у Битољу (Михаило Г. Ристић) – Министарству иностраних дела Краљевине Србије у Београду, ПП бр. 505, 29. Јула/11. Августа 1903; *Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903-1914*, књ. I, св. 1, Београд: САНУ, 1991, док. Бр. 133, с. 279.). Обоих, и Щербину, и Ростковског, убили арнаути, служивши в турецкој армији (Зарковић Руске дипломате... 2012, с. 129-145).

Реформна акција в Старој Србији и Македонији не принесла сербам уллученија их полоденија. Австро-Венгрии как представительнице великих держав, которые распределили между собой подконтрольные территории в Косовском и Битольском вилайетах, удалось обосноваться в Скопле, и таким образом её путь в Салоники был открыт. Россия, занятая войной с Японией, молчаливо уступила Австрии, которая этим умело воспользовалась. Реализации её планов помешало начало Молодой турецкой революции в 1908 г. Провозглашённые цели сторонников Молодой турецкой революции разбивались при наделении правами сербов и других христиан на Балканах. Главными противниками были Арнаути. Положение сербов после прихода представителей Молодой турецкой революции не уллучилось, а улхудшилось. В 1910 г. произошла крупная акция по изгнанию сербов из их поместий под предлогом выдачи документов на право владения недвижимым имуществом. После того, как они остались без земли, многие сербы бежали в Сербию или в города, где они дождались освобождения в 1912 г.

Арнаути в самом начале Первой балканской войны вооружались, поклявшись защищать Османскую империю от Србији и Черногории. Их организованное сопротивление не проявилось, а сербская армия быстро освободила Старую и Южную Сербию. Прибытие сербской армии навело порядок и соблюдение законности в этих районах. С этим не смогла смириться Австро-Венгрия, которая оказала давление на Сербию и другие страны, и под её влиянием 28 ноября 1912 г. была образована Албания.

Ситуация на Балканах в значительной степени была вызвана действием великих держав, в первую очередь Австро-Венгерской империи, которая, используя арнаутов, пыталась достичь поставленных целей. Её влияние было иногда более, а иногда менее очевидным, но, конечно же, всегда присутствовало. Другие великие державы действовали в соответствии со своими интересами. И сегодняшние события в Косово и Метохии являются результатом влияния великих держав. Арнаути, как и сто и более лет тому назад, стали только исполнителями этой политики. Великие державы знают, что нарушают международное право и порядок, прячутся за действиями арнаутов, оставляя для них видимую часть дел. Современные события являются лишь продолжением тех, из второй половины XIX и начала XX века. Разница лишь в бесцеремонном

поведении, которое великие державы показывают сегодня намного откровенней, чем сто лет назад.

Примечания

¹. Работа была написана в рамках проекта Материальная и духовная культура Косово и Метохии (эв. №. 178028), который был одобрен и финансируется Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

Список источников:

- ¹. Архив САНИ, Наследие Михайла Ристича.
- ². The Great European Treaties of the Nineteenth Century (Великие европейские договоры девятнадцатого века // под ред. А. Окс, Б. Р. Моуот), The Clarendon Press, Oxford, 1930.
- ³. Документы о внешней политике Королевства Сербии 1903-1914// книга I, св.1, САНИ, Белград, 1991.
- ⁴. Никшич 1988 – Никшич М. Ситуация в Турции в Косово и Метохии в течение последнего десятилетия их правления // Современники о Косово 1852-1912, Белград, 1988, Сербское литературное объединение, 366-389. (Под редакцией Душана Т. Батаковича).
- ⁵. Переписка о арнаутском насилии в Старой Сербии с 1898 по 1899// Государственный Дом печати, Белград, 1899.
- ⁶. Сербия 1878. Документы // Сербское литературное объединения, Белград, 1978.
- ⁷. Arhiv SANI, Nasledie Mihajla Risticha.
- ⁸. The Great European Treaties of the Nineteenth Century (Velikie evropejskie dogovory devyatnadcatogo veka// pod red. A. Oks, B. R. Mouot), The Clarendon Press, Oxford, 1930.
- ⁹. Dokumenty o vneshnej politike Korolevstva Serbii 1903-1914// kniga I, sv.1, SANI, Belgrad, 1991.
- ¹⁰. Nikshich 1988 – Nikshich M. Situaciya v Turcii v Kosovo i Metohii v techenie poslednego desyatiletija ih pravleniya// Sovremenniki o Kosovo 1852-1912, Belgrad, 1988, Serbskoe literaturnoe ob"edinenie, 366-389. (Pod redakciej Dushana T. Batakovicha).
- ¹¹. Perepiska o arnautskom nasilii v Staroj Serbii s 1898 po 1899// Gosudarstvennyj Dom pečhati, Belgrad, 1899.
- ¹². Serbiya 1878. Dokumenty// Serbskoe literaturnoe ob"edineniya, Belgrad, 1978.

Литература:

1. Војводић, Михаило. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд: САНУ, 1999. с. 339.

2. Хаџи Васиљевић, Јован. „Стара Србија и Македонија (са гледишта географског, историјског и политичког)“, Братство, 1906, XI, с. 66-67.
3. О понятии Старая Сербия вид: Батакович, Д.Т. Косово и Метохија – историја и идеологија, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. сс. 24-37.
4. Братство, 1906, XI, сс. 66-67. 70. (Раствович, Александр. Соединенное Королевство и Косовский вилайет 1877-1912. Белград: Институт по издательству учебников, 2015. с. 70.)
5. Храбак, Богумил, „Први извештаји дипломата великих сила о Призренској лиги“, Призренска арбанашка лига (1878-1881). Београд: аутор, 1988. с. 13.
6. Војводић, Михаило: «Берлински конгрес и Призренска лига». Историјски гласник, 1989, 1-2, с. 6-7.
7. Хаџи Васиљевић, Јован. Арнаутска лига – арнаутска конгра – и Српски народ у Турском царству (1878-1882), Београд, 1909, с. 45.
8. Раствовић, Александар. Велика Британија и Косовски вилајет 1877-1912. Београд: Завод за уџбенике, 2015. с. 68-75.
9. Драшкић, Сретен. Европа и албанско питање (1830-1921). Прилози проучавању историје Албаније од почетка националног препорода (1830) до Конференције амбасадора у Паризу (1921), Београд: Српска књижевна задруга, 2000, с. 61-62 и 68-69.
10. Богдановић, Димитрије. Књига о Косову, Београд: САНУ, 1985. с. 142. (Богданович, Дмитрий. Книга про Косово, Белград: САНИ, 1985. с. 142.)
11. Србија 1878 Документи. Београд: Српска књижевна задруга, 1978. с. 565; *The Great European Treaties of the Nineteenth century*, Ed. A. Oakes, R. V. Mowat, Oxford: The Clarendon press, 1930. p. 345.
12. Ђоровић, Владимир. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку, Београд: Библиотека града Београда, 1992, с. 37-38.
13. Јовановић, Јован М. Јужна Србија од краја XVIII века до ослобожења, Београд: Издавачко и књижарско предузеће Геца Кон, 1941, с. 39.
14. Историја српског народа VI/1, Београд: Српска књижевна задруга, 1983. с. 293.
15. Јагодић, Милош. «Нуфуско питање: проблем званичног признавања српске нације у Турској 1894-1910». Историјски часопис, 2008, књ. LVII, с. 343-353.
16. Зарковић, Весна. „Критско питање и ситуација у Косовском вилајету“, Баштина, 2014, св. 37, с. 131-132.
17. Микић, Ђорђе. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века (од чифчијства до банкарства). Београд: САНУ, 1988. с. 43-44.

18. Преписка о арбанаским насиљима у Старој Србији 1898-1899. Београд: Државна штампарија, 1899.
19. Јагодић, Милош. Српско-албански односи у Косовском вилајету (1878-1912). Београд: Завод за уџбенике, 2009. с. 69.
20. О Колашинској афере см: Зарковић, Весна. Афера у Ибарском Колашину 1901-1902. године, Лепосавић: Институт за српску културу Приштина/Лепосавић, 2008.
21. Зарковић, Весна. «Извештај Богдана Раденковића о боравку Виктора Машкова у Косовској Митровици, Ибарском Колашину и Новом Пазару 1901. године (I)», Мешовита грађа – Miscellanea, 2012, књ. XXXIII, с. 369.
22. Војводић, Михаило. «Србија и Еренталов план о грађењу новопазарске железнице», Србија и Балканско питање (1875-1914), Нови Сад: Матица српске, 2000. с. 279-303.
23. Никшић, Милан. «Стање у Турској на Косову и Метохији за време последње деценије њихове владавине», Савременици о Косову 1852-1912, Београд: Српска књижевна задруга, 1988. 371-372. (приредио Душан Т. Батаковић).
24. Архив САНУ, Оставштина Михаила Ристића. бр. 14234, Конзулат Краљевине Србије у Битољу (Михаило Г. Ристић) – Министарству иностраних дела Краљевине Србије у Београду, ПП бр. 505, 29. јула/11. августа 1903; Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903-1914, књ. I, св. 1, Београд: САНУ, 1991, док. бр. 133, с. 279.
25. Зарковић, Весна. «Руске дипломате на удару атентатора у Косовском и Битољском вилајету почетком XX века», Баштина, 2012, св. 32, с. 129-145.

References:

1. Батакович 2014 – Батакович Д.Т., Косово и Метохија – историја и идеологија // Издање Уралског универзитета, Екатеринбург, 2014.
2. Богданович 1985 – Богданович Д. Книга про Косово // САНУ, Белград, 1985.
3. Хаджи Васильевич 1909 – Хаджи Васильевич Й. Арнаутска лига – арнаутска конгра – и Србски народ в Османској империји (1878-1882) // Белград, 1909.
4. Хаджи Васильевич 1906 – Хаджи Васильевич Й. Стара Србија и Македонија (с точки зрения географической, исторической и политической) // Братство XI, Белград, 1906. С. 49-144.
5. Войводич 1989 – Войводич М. Берлински конгрес и Призренска лига // Исторически вестник 1-2, Белград, 1989. С. 1-21.
6. Войводич 2000 – Войводич М. Србија и Еренталов план о строитељству новопазарској железној дороги // Србија и Балкански проблем (1875-1914) // Српска матица, Нови Сад, 2000. С. 279-303.

7. Войводич 1999 – Войводич М. Сербия в международных отношениях в конце девятнадцатого и начале двадцатого века // САНИ, Белград, 1999.
8. Драшкич 2000 – Драшкич С. Европа и албанский вопрос (1830-1921). Приложения к изучению истории Албании с начала национального возрождения (1830 г.) до Конференции послов в Париже (1921) // Сербское литературное объединение, Белград, 2000.
9. Заркович 2008 – Заркович В. Афера в Ибарском Колашине 1901-1902 гг. // Институт Сербской культуры Приштина / Лепосавич, 2008.
10. Заркович 2014 – Заркович В. Критский вопрос и ситуация в Косовском вилайете // Наследие, тетр. 37, Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, 2014, 123-137.
11. Заркович 2012 – Заркович В. Отчет Богдана Раденковича о пребывании Виктора Машкова в Косовской Митровице, Ибарском Колашине и Новом Пазаре в 1901 году (I) // Смешанный материал - Разное, т. XXXIII, Исторический институт, Белград 2012. С. 365-385.
12. Заркович 2012а – Заркович В. Русские дипломаты как мишень для аттентаторов в Косовском и Битольском вилайетах в начале двадцатого века // Наследие 32, Институт Сербского культуры, Приштина / Лепосавич, 2012. С. 129-145.
13. История сербского народа, кн. VI / 1 // Сербское литературное объединение, Белград, 1983.
14. Ягодич 2008 – Ягодич М. Национальный вопрос: проблема официального признания сербского народа в Турции с 1894 по 1910 год // Исторический журнал, том. LVII (2008), Институт истории, Белград, 2008. С. 343-354.
15. Ягодич 2009 – Ягодич М. Сербско-албанские отношения в Косовском вилайете (1878-1912) // Институт для издательства учебников, Белград, 2009.
16. Йованович 1941 – Йованович Й. М. Южная Сербия с конца восемнадцатого века до освобождения // Издательское и торговое предприятие Геца Кон, Белград, 1941.
17. Микич 1988 – Микич Дж. Общественные и экономические условия косовских сербов в девятнадцатом и начале двадцатого века (от чигчийства до банковского дела) // САНИ, Белград, 1988.
18. Растович 2015 – Растович А. Соединенное Королевство и Косовский вилайет 1877-1912 // Институт по издательству учебников, Белград, 2015.
19. Храбак 1988 – Храбак Б. Первые доклады дипломатов великих держав о Призренской Лиге // Призренская арнаутская лига (1878-1881), автор, Белград, 1988.

20. Чорович 1992 – Чорович В. Отношения между Сербией и Австро-Венгрией в двадцатом веке // Белград городская библиотека, Белград, 1992.

References:

1. Batakovich 2014 –Batakovich D. T., Kosovo i Metohiya – istoriya i ideologiya// Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, 2014.

2. Bogdanovich 1985 – Bogdanovich D. Kniga pro Kosovo// SANI, Belgrad, 1985.

3. Hadzhi Vasil'evich 1909 – Hadzhi Vasil'evich J. Arnautskaya liga – arnautskaya kongra – i Serbskij narod v Osmanskoj imperii (1878-1882)// Belgrad, 1909.

4. Hadzhi Vasil'evich 1906 – Hadzhi Vasil'evich J. Staraya Serbiya i Makedoniya (s tochki zreniya geograficheskoj, istoricheskoi i politicheskoi) // Bratstvo XI, Belgrad, 1906. S. 49-144.

5. Vojvodich 1989 – Vojvodich M. Berlinskij kongress i Prizrenskaya liga// Istoricheskij vestnik 1-2, Belgrad, 1989. S. 1-21.

6. Vojvodich 2000 – Vojvodich M. Serbiya i EHrentalov plan o stroitel'stve novopazarskoj zheleznoj dorogi// Serbiya i Balkanskij vopros (1875-1914)// Serbskaya matica, Novi Sad, 2000. S. 279-303.

7. Vojvodich 1999 – Vojvodich M., Serbiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah v konce devyatnadcatogo i nachale dvadcatogo veka// SANI, Belgrad, 1999.

8. Drashkich 2000 – Drashkich S. Evropa i albanskij vopros (1830-1921). Prilozheniya k izucheniyu istorii Albanii s nachala nacional'nogo vozrozhdeniya (1830 g.), do Konferencii poslov v Parizhe (1921)// Serbskoe literaturnoe ob"edinenie, Belgrad, 2000.

9. Zarkovich 2008 – Zarkovich V. Afera v Ibarskom Kolashine 1901-1902 gg.// Institut Serbskogo kul'tury Prishtina / Lepsavich, Lepsavich, 2008.

10. Zarkovich 2014 –Zarkovich V. Kritskij vopros i situaciya v Kosovskom vilajete// Nasledie, tetr. 37, Institut serbskoj kul'tury, Prishtina-Lepsavich, 2014, 123-137.

11. Zarkovich 2012 – Zarkovich V. Otchet Bogdana Radenkovicha o prebyvanii Viktora Mashkova v Kosovskoj Mitrovice, Ibarskom Kolashine i Novom Pazare v 1901 godu (I)// Smeshannyj material - Raznoe, t. XXXIII, Istoricheskij institut, Belgrad 2012. S. 365-385.Zarkovich 2012a – Zarkovich V. Russkie diplomaty kak mishen' dlya attentatorov v Kosovskom i Bitol'skom vilajetah v nachale dvadcatogo veka// Nasledie 32, Institut Serbskogo kul'tury, Prishtina / Lepsavich, 2012. S. 129-145.

12. Istoriya serbskogo naroda, kn. VI / 1// Serbskoe literaturnoe ob"edinenie, Belgrad, 1983.

13. YAgodich 2008 – YAgodich M. Nacional'nyj vopros: problema oficial'nogo priznaniya serbskogo naroda v Turcii s 1894 po 1910 god.// Istoricheskij zhurnal, tom. LVII (2008), Institut istorii, Belgrad, 2008. S. 343-354.
14. YAgodich 2009 – YAgodich M. Serbsko-albanske otnosheniya v Kosovskom vilajete (1878-1912)// Institut dlya izdatel'stva uchebnikov, Belgrad, 2009.
15. Jovanovich 1941 – Jovanovich J.M. YUzhnaya Serbiya s konca vosemnadcatogo veka do osvobozhdeniya// Izdatel'skoe i torgovoe predpriyatie Geca Kon, Belgrad, 1941.
16. Mikich 1988 – Mikich Dzh. Obshchestvennye i ehkonomicheskie usloviya kosovskih serbov v devyatnadcatom i nachale dvadcatogo veka (ot chigchijstva do bankovskogo dela)// SANI, Belgrad, 1988.
17. Rastovich 2015 – Rastovich A. Soedinennoe Korolevstvo i Kosovskij vilajet 1877-1912// Institut po izdatel'stvu uchebnikov, Belgrad, 2015.
18. Hrabak 1988 – Hrabak B. Pervye doklady diplomatov velikih derzhav o Prizrenskoj Lige// Prizrenskaya arnautskaya liga (1878-1881), avtor, Belgrad, 1988.
19. CHorovich 1992 – CHorovich V. Otnosheniya mezhdru Serbiej i Avstro-Vengriej v dvadcatom veke// Belgrad gorodskaya biblioteka, Belgrad, 1992.

**РОССИЯ ВНЕ РОССИИ:
ФЕНОМЕН САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

**RUSSIA OUTSIDE RUSSIA:
THE PHENOMENON OF SELF-PROPELLED IDENTITIES**

*Пахарь Л.И. (г. Орел, Российская Федерация)
Pakhar L.I. (Orel, Russian Federation)*

**Проблема сохранения российской этнической идентичности
как фактор государственной безопасности**

**The problem of preserving Russian ethnic identity
as a factor of state security**

Аннотация. В данной статье автор поднимает животрепещущие вопросы безопасности российского общества. В статье предлагается ряд мер, которые следует осуществлять в области социальной и

национальной политики, чтобы постоянно поддерживать устойчивое и процветающее развитие России.

Ключевые слова: государство, безопасность, этнос, этническая общность, нация, гражданство, русский, россиянин, национализм, русофобия, сепаратизм, унитаризм, экстремизм, конфессия, некоммерческие организации.

Abstract. The author raises the burning questions of the security of the Russian society. The article suggests measures in the field of social and national policies that will contribute to the stability and prosperity of Russia.

Key words: state, security, ethnos, ethnic community, nation, citizenship, Russian, nationalism, Russophobia, separatism, unitarism, extremism, confession, non-profit organizations.

В условиях развернувшейся, особенно в последние годы, информационной войны и, более того, принявшей характер гибридной войны западных стран против России остро встает вопрос национальной безопасности и суверенитета. Чаще всего проблема национальной безопасности ассоциируется с военной мощью, охраной государственных границ, борьбой с агентами влияния, иностранной разведкой и пр. Но это далеко не так. В современных условиях обнаруживаются, кроме военных, ряд важнейших аспектов проблемы безопасности, в том числе экономический, политический, духовный, экологический, социальный. В свою очередь, каждый отмеченный аспект безопасности складывается из многих элементов, требующих защиты. Так, например, духовная безопасность включает в себя защиту национальной ментальности, культуры, языка, религиозной веры, образованности и нравственных ориентиров нации и пр., частным проявлением которых следует считать этническую безопасность.

В отличие от других стран, Россия исторически формировалась как многонациональное государство. Согласно данным Росстата в России на 1 января 2016 г. население составляло 146 миллионов 544,710 тысяч постоянных жителей. Она занимает 9-е место в мире по численности населения. По национальному составу по данным переписи 2010 г. в России проживают более 200 национальностей (этнических групп), среди которых основная масса населения русские – 81% от общей численности жителей страны, 3,9% – татары, 1,4% – украинцы, 1,1% – башкиры, по 1% составляют чуваша и чеченцы и 0,9% армяне. Кроме русских, численность которых около 117 миллионов человек, эти отмеченные этнические группы по численности более 1 миллиона человек.

На территории страны проживают коренные малочисленные народы. В единый перечень коренных малочисленных народов, проживающих главным образом в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, включены 45 народностей, 5 из них проживают в европейской части

страны. Эти народности, по численности менее 50 тыс. человек, осознают себя самостоятельными этническими общностями. Они проживают на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционный для них образ жизни, хозяйствования и промыслы. Традиционным образом жизни малочисленных народов является исторически сложившийся способ жизнеобеспечения, основанный на историческом опыте предков в области природопользования. Они сохраняют обычаи и верования, самобытность социальной организации управления общностью и самобытную культуру. Этому способствует природный ареал, в котором они проживают. Наибольшую численность среди коренных малочисленных народов нашей страны имеют ненцы (41, 3 тыс. чел.), наименьшую – кереки (8 чел.).

Учитывая многонациональный состав российского населения, этническая безопасность России предполагает в первую очередь создание благоприятных, соответствующих культурным ценностям и традициям, условий жизнедеятельности для всех этнических групп безотносительно к их численности. Этническая безопасность включает в себя сохранение ментальности отдельных наций и народностей в их самобытной духовной сущности. В современном мире существуют внешние угрозы сохранению этносов. Так, этнической идентичности угрожают процессы вестернизации и глобализации, которые грубо навязываются западным обществом остальному мировому сообществу как некие цивилизационные стандарты. Это ломает внутренние скрежи этносов, подрывает их укоренённость в своих истоках, нарушает гармоничное существование с окружающей природой и обществом. Если процесс экономической глобализации – естественная закономерность развития современного мирового хозяйства, а всякий изоляционизм в экономической области ведёт к застою и отставанию в развитии страны, то глобализация в политической и культурной сфере имеет ярко выраженный негативный характер. В частности, грубое навязывание западных мировоззренческих установок, ценностных ориентаций на семейные и общественные отношения, формирование потребительских взглядов на жизнь, эстетических вкусов массового сознания подрывает исконную ментальность народов, проживающих совместно не одно столетие на территории нашей страны, делает их манкуртами, не помнящими своих корней. К сожалению, такая подрывная деятельность осуществляется средствами западной пропаганды не только извне. Внутри страны она ведётся при помощи так называемых некоммерческих организаций, созданных под эгидой Фонда Сороса, западных религиозных сект и т.п. Причём внедряются они в наше духовное и социальное пространство с ведома властей и действуют достаточно длительное время без контроля с их стороны. Так, не одна сотня человеческих жизней была покалечена деятельностью секты свидетелей

Иеговы к моменту её запрета. Вызывает сожаление и тот факт, что наши СМИ, центральные каналы TV, радио мало уделяют внимания ознакомлению своей аудитории с российской культурой, историей, кино, современной литературой и пр. Мы практически редко видим на центральном телевидении и слышим по радио концерты народных оркестров, но зато нас регулярно знакомят с американской поп-культурой и рок-группами. Даже в сканворде вопросов о географическом и политическом устройстве США больше, чем о своей стране. Если так будет продолжаться, то через одно-два поколения жители нашей страны будут чувствовать себя больше американцами, чем россиянами.

Однако для нашей многонациональной страны существует и другая внутренняя угроза этнической безопасности. Россия как государство исторически возникло благодаря объединению под единым центром значительного числа наций и народностей. Разрушить это единение – значит уничтожить Россию как государство. Существует мнение, что россиянин – это название некой обобщённой этнической общности, проживающей на территории России. Однако это не так. Понятие «россиянин» означает не этническую общность, а принадлежность личности к гражданству России, т.е. гражданина Российской Федерации. Российская этническая идентичность складывается из множества этносов, интегрированных в единстве этого многообразия. Таким образом, россиянин – это политическая общность, состоящая из разных народов и народностей. Именно поэтому наши заклятые «друзья» всегда старались пробить брешь между народами России, посеять недоверие, вражду и тем самым подорвать страну изнутри. В этой связи этническая безопасность России состоит в сохранении взаимного уважения, дружбы, братских отношений между всеми народами и народностями во всех уголках необъятной территории нашей Родины.

Этническое многообразие населения нашей страны сопровождается и интегрируется в многоконфессиональности, поэтому этническая идентичность неразрывно связана со свободой вероисповедания. В стране проживают представители всех трёх мировых религий, ряда национальных, в том числе православные, католики, протестанты, включая отдельные протестантские секты, мусульмане, буддисты, иудеи и др. Среди северных малочисленных народностей распространено язычество. В советский период, особенно в 20 –30-е годы, церковь находилась в стеснённых обстоятельствах, признание в вере в бога, а тем более пропаганда религиозных взглядов преследовались государством. Страна жила по законам воинствующего атеизма. Это вызывало у некоторой части населения внутренний дискомфорт. Негласный запрет религиозной веры и стал впоследствии в 90-е годы одной из причин возрастающего интереса населения к религии и церкви. Одновременно в это время наблюдается активная экспансия религиозной идеологии в

социальную жизнь, причём не всегда с миролюбивых позиций. На этом фоне в стране возник религиозный экстремизм, в частности, на Северном Кавказе.

Таким образом, сохранение этнической идентичности в условиях современной России в обязательном порядке должно включать в себя поддержание традиционных для её народов форм вероисповедания. Это становится тем более актуальным в связи с активизацией деятельности проповедников из тоталитарных сект различного толка, появлением новоявленных богов, гуру и т.п., которые из чисто корыстных целей зомбируют сознание людей, делают их лёгкой добычей в своих неблагоприятных делах. В итоге человек ломает свою судьбу, уходит из семьи, порывает с обществом, становится неадекватным в оценке происходящего. В таком состоянии он даже может добровольно надеть пояс шахида и подорвать себя в любом общественном месте. Следовательно, важнейшим фактором государственной безопасности является сохранение национального самосознания в устойчивом состоянии, что означает поддержание исторически присущих ему нравственных и религиозных чувств и взглядов.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения России складывался в течение нескольких столетий. Известно, что дискриминация – это умаление прав человека по признакам национальности, расы, вероисповедания и др. Основными формами дискриминации являются апартеид, геноцид и сегрегация. В царской России были элементы сегрегации, например, требование оседлости на определённых территориях для евреев, что ограничивало их проживание в других регионах и в крупных городах. Одновременно имело место политическое неравенство в правах отдельных сословий. Следует признать, что своеобразием формирования многонационального и одновременно многоконфессионального синтеза народов России в единое государство в советский период было официальное отсутствие на государственном уровне каких-либо серьезных фактов дискриминации по национальному признаку. В то же время существовал так называемый 5-й пункт в анкетах, который позволял на местах ограничивать, например, поступление в высшие учебные заведения и на работу лицам еврейской национальности, отдавать предпочтение в национальных республиках при приеме на работу лицам коренной национальности. Но в Конституции СССР было провозглашено равенство всех наций и народностей, право наций на самоопределение вплоть до отделения. В Верховном Совете СССР были представители от всех республик, краев и областей, а также наций, принимавшие общегосударственные решения. Советская власть заботилась о развитии культуры, образования, науки; во всех без исключения республиках были свои Академии Наук. В каждой республике работали национальные школы, развивались национальные

языки, были свои союзы писателей, издавалась художественная литература на родном языке, работали национальные театры и т.д. Русский язык естественным образом, без всякого принуждения стал языком межнационального общения и общим государственным языком народов СССР. Примера такого же благополучия национальных отношений трудно найти в мировой практике. Именно дружба и единение народов Советского Союза стали залогом нашей общей победы в Великой Отечественной войне. Однако просчёты в национальной политике, недальновидная политика в области культуры, вмешательство и давление со стороны партийных органов в творческий процесс, политическая цензура в отношении средств массовой информации, абсолютизация классовой борьбы, заидеологизированность общественной жизни породили в 60-70-е годы явление диссидентства, которое расшатывало устои советского общества и способствовало развалу страны в 90-е годы.

Строительство социализма в СССР обеспечивало на макроуровне сближение наций, ломку национальных перегородок, создание интернационального единства экономической жизни. Но на бытовом уровне сохранялось отчуждение по национальному признаку, национальная неприязнь, снобизм, причем в большей степени в национальных республиках, чем в РСФСР. На русскую нацию возлагали ответственность за все неудачи в стране. Подчеркивая принципиальное различие между национальными отношениями при социализме и капитализме, Ленин писал: «Мы хотим *добровольного* союза наций, – такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии» (Ленин 1974, с.43). Но желания не всегда осуществляются на практике. Если в годы военных невзгод народы Советского Союза сплотились в борьбе с общим врагом, то в мирное время заявил о себе национальный эгоизм, стремление заполучить для своих республик как можно больше выгод.

Развитие и сближение наций в период строительства социализма было взаимообусловленным процессом. В этом диалектическом единстве ведущей тенденцией было сближение наций, что вызывало скрытое раздражение у правящих национальных элит. В этом они видели угрозу для своей национальной идентичности. Следовательно, яд национализма подспудно накапливался в национальном сознании на фоне общего, казалось бы, благополучного, межнационального общения. Властные структуры либо не замечали этого, либо не считали серьезной опасностью для целостного существования советского общества. Однако в конце 80-х годов национализм заявил о себе в полной мере, в том числе в ряде национальных конфликтов на Кавказе. Некоторые из них до сих пор не разрешены. Таким образом, заявившая о себе в полной мере ранее дремлющая в подсознании идеология национализма способствовала быстрому разрушению страны. Более того, после распада СССР

идеология национализма переросла в фашистскую идеологию и открыто проявилась в прибалтийских республиках и на Украине.

Особая роль в созидании социализма принадлежала русской нации как самой многочисленной. По призыву партии и комсомола русские люди направлялись в национальные республики для решения текущих общегосударственных задач, в том числе строительства крупных предприятий, электростанций, мостов и т.п., подготовки национальных кадров. Многие из них, создав семьи, оставались жить в национальных республиках и работать на их благо и процветание, что позволило в кратчайшие сроки осуществить индустриализацию ранее отсталых регионов бывшей Российской Империи. После распада Советского Союза эти люди оказались вне России, стали фактически изгоями, лишились гражданства, даже права учиться на родном языке, говорить на русском в общественных местах. Многие национальные республики вышли из состава Союза, имея высокую материально-техническую базу, чем, к сожалению, не смогли умело воспользоваться. Негативно оценивая своё социалистическое прошлое, они сознательно разрушали свою экономику, демонстративно разрывали хозяйственные связи с Россией. Более того, войдя в состав Евросоюза, прибалтийские республики, например, отказались от суверенной экономической политики, став заложниками экономической евроинтеграции. Все это не могло не сказаться на качестве и уровне жизни местного населения. Однако в своих неудачах власти до сих пор продолжают винить Россию и своё социалистическое прошлое, разжигают русофобские настроения в обществе, объявляют Россию злейшим врагом и потенциальным агрессором. Такова оказалась плата России за созданное в братских республиках материальное благополучие и добрые дела.

В последней четверти XX в. события в стране Советов развивались в негативном русле. В результате недальновидной экономической политики в середине 70-х годов на фоне роста денежной массы населения возникло противоречие между спросом и потреблением, производством товаров и запросами населения. Сформировался устойчивый дефицит на товары первой необходимости: продукты питания, мебель, бытовую технику и т.п. Увеличился разрыв по уровню жизни населения между центром и периферией, отдельными республиками, краями и областями. На этом фоне возникла теневая экономика, коррупция, злоупотребление служебным положением и т.д. Некоторые представители республиканских элит почувствовали себя недооценёнными, ущемлёнными и обделёнными финансово центральными органами власти. Как следствие экономического неблагополучия к концу 80-х годов в национальных республиках возобладали настроения сепаратизма, укрепились позиции национализма, появилось взаимное недоверие, вспомнились былые обиды, что привело в итоге к распаду СССР.

Учитывая этот горький опыт, необходимо признать, что для сохранения многонациональной российской этнической идентичности нужна сильная, разносторонне развитая, включая все отрасли промышленности и сельского хозяйства, экономика. Другими словами, нужна экономика хорошо сбалансированная, мало подверженная внешнему воздействию и конъюнктуре. В конечном итоге качество жизни определяет устойчивость и жизнеспособность функционирования государства со сложным национальным и конфессиональным составом. Это подтверждает известный тезис исторического материализма: общественное бытие определяет общественное сознание.

В условиях многонациональной и многоконфессиональной страны этническая безопасность обеспечивается взвешенной социальной и национальной политикой. Национальная политика государства включает в себя теорию и практику межнациональных отношений. В её компетенцию входит решение целого ряда социальных, политических и экономических вопросов. *Первой* важнейшей задачей национальной политики в многонациональной стране является законодательное установление политического равенства всех наций и народностей, не допускающее наличия как национальных привилегий, так и национальных ограничений. *Вторая* задача состоит в создании условий для всестороннего развития каждой личности, её творческой самореализации вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности. *Третья* задача заключается в поддержке всестороннего экономического развития и культурного сотрудничества между отдельными национальными республиками, развитие отношений дружбы и взаимопомощи. *Четвертая* задача решается не только в рамках национальной политики, но и социальной политики в целом. Она состоит в проведении на государственном уровне системы мероприятий, имеющих целью достижение выравнивания экономического и культурного уровня развития отдельных регионов страны. Учитывая опыт распада СССР, *пятая* задача национальной политики в многонациональной стране состоит в пресечении всякой пропаганды национального превосходства, нетерпимости, неуважения к другой нации, национальной исключительности как на бытовом, так и публичном уровне. За разжигание межнациональной вражды, особенно в средствах массовой информации и Интернете, должно неумолимо следовать не только административное, но и уголовное наказание.

Отношения между народами называются национально-этническими. В их основе лежат разнообразные национальные потребности и интересы этносов. В процессе жизнедеятельности национально-этнических общностей наблюдаются две основные тенденции развития: первая – стремление к самостоятельности и этнической консолидации вплоть до государственного самоопределения, вторая – стремление к

межэтнической интеграции, расширению сотрудничества вплоть до ассимиляции с более крупным этносом. В социальной политике должны учитываться потребности и интересы национально-этнических общностей на всех уровнях управления. При учёте потребностей и интересов национально-этнических общностей в формировании и реализации социальной политики в полиэтническом и многоконфессиональном обществе следует избегать двух крайностей: *сепаратизма и унитаризма*. Когда на первый план выдвигаются интересы национально-этнических общностей, проживающих на той или иной территории, в ущерб общегосударственным интересам и лицам другой национальности, провоцируются социальные и национальные конфликты и сепаратистские настроения. Следовательно, нельзя потакать, подкупать, ублажать ради внешнего благополучия национальные элиты. Это вызывает опасную реакцию и со стороны русского населения, когда появляются разрушительные лозунги типа «Россия для русских». Надо через социальную политику корректировать национальные отношения в государстве, чтобы избежать возможных потрясений. Другая крайность связана с унитаристской тенденцией в проведении социальной политики, когда не уделяется должного внимания интересам национально-этнических общностей, проживающих на конкретных территориях. В этом случае надо через социальную политику корректировать национальную с учётом местных особенностей.

Если в социальной политике на местном и общегосударственном уровне противопоставляются интересы разных национально-этнических общностей, неизбежны национально-этнические и социальные конфликты. Причины их возникновения разные. В первую очередь следует отметить проведение социальной политики, неадекватной интересам национально-этнических общностей. Другой причиной конфликтов может стать кризис в области экономики и социальной сферы, что имело место в 80-е годы в СССР. Когда обнаружился тотальный дефицит на товары длительного пользования, перебои с продуктами, возникло недовольство общественным строем, обострилась национальная неприязнь, столкновения на национальной почве. Ранее мирно соседствующие люди разных национальностей превратились в заклятых врагов. Таким образом, чтобы избежать повторения событий конца прошлого века, необходимо решать комплексно экономические и социальные вопросы, причем ключ к решению проблем лежит в области экономики. Когда есть работа и приличный заработок, национальные и социальные конфликты появляются значительно реже. Для своевременного решения национальных проблем государство должно проводить взвешенную и продуманную национальную политику, подкреплённую адекватной социальной политикой. Другими словами, в полиэтническом и многоконфессиональном обществе социальная и

национальная политика должны разрабатываться в тесной взаимосвязи и не противоречить друг другу. Это и будет залогом устойчивого и процветающего развития российского общества.

Литература:

1. Ленин 1974 – Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.40. М., 1974. – С.43.

References:

1. Lenin 1974 – Lenin V.I. Pis'mo k rabochim i krest'yanam Ukrainy po povodu pobed nad Denikinym // Lenin V.I. Poln. sobr. soch., t.40. M., 1974. – S.43.

*Бабилунга Н.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Babilunga N.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika)*

Приднестровская государственность: из прошлого в настоящее

Transnistrian statehood: from the past to the present

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки создания в различных формах приднестровской государственности в XX в., которые во многом определялись так называемым Бессарабским вопросом, его возникновением в 1918 г. и возрождением в 1990 г. Формирование в течение многих десятилетий и столетий определённого менталитета многоэтнического и поликультурного населения на землях Приднестровья способствовало рождению и укреплению здесь гражданской идентичности как реального осознания людьми своей общности. Эта гражданская общность и является основой для создания и развития тех форм государственности, которые приемлемы для населения Приднестровья

Ключевые слова: Приднестровье, Молдова, Приднестровская Молдавская Республика, государственность, поликультурность, многоэтничность, менталитет, идентичность, этнические конфликты, Приднестровский конфликт, Бессарабский вопрос.

Abstract. The article considers the historical prerequisites for the creation in different forms of Transnistrian statehood in the 20th century, which were largely determined by the so-called Bessarabian issue and its emergence in 1918 and the revival in 1990. The formation for many decades and centuries of a certain mentality of a multi-ethnic and multicultural population on the lands of Transdnistria contributed to the birth and strengthening of civil identity

here as a people's real awareness of their community. This civic community is the basis for the creation and development of those forms of statehood that are acceptable to the population of Transnistria.

Key words: Transnistria, Moldova, the Transnistrian Moldovan Republic, statehood, multiculturalism, multi-ethnicity, mentality, identity, ethnic conflicts, the Transnistrian conflict.

2 сентября 2017 г. наш народ отметит 27-летие образования Приднестровской Молдавской Республики. Более четверти века успешного существования и развития приднестровской государственности само по себе является неким феноменом современного мира и проходящих глобальных процессов на постсоветском пространстве. Приднестровская Молдавская Республика, объявившая при своем создании историческую, культурно-политическую и социальную преемственность от упраздненной в 1940 г. Молдавской Автономной ССР в составе Украины, несмотря на непризнанность, является исторической реальностью, с которой приходится считаться остальному миру. И если первая государственность на Днестре в виде МАССР просуществовала почти 16 лет (с 12 октября 1924 по 2 августа 1940 гг.), то вторая государственность в виде ПМР существует уже более 26 лет (с сентября 1990 г. по настоящее время).

При этом государственность нашей республики укрепляется и развивается практически во всех сферах экономической, политической, культурной и общественной жизни, в то время как государственность нашей соседки Республики Молдова усилиями её прошлых и нынешних властей вгоняется в перманентный кризис, выход из которого эти власти видят в самой ликвидации данной государственности и аншлюсе Молдовы Румынией. Более того, все позитивные инициативы рационально мыслящего недавно избранного всенародно президента Молдовы И.Н. Додона торпедируются и сводятся на нет политической «элитой» антироссийского союза олигархов с маргиналами, уже почти три десятилетия управляющих этой страной.

И первая государственность на Днестре, которая возникла в условиях нерешённости Бессарабского вопроса при оккупации королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья с 1918 по 1940 гг.; и вторая государственность на Днестре в конце XX в., возникшая при искусственном возрождении властями Молдовы Бессарабского вопроса как политической проблемы, – обе они связаны очень прочными нитями с крупнейшими геополитическими подвижками в данном районе Европы на протяжении минувшего столетия.

Конфигурация современных государственных границ Приднестровской Молдавской Республики определялась в XX веке. Во многом на неё оказывали влияние случайные факторы, в том числе

территориально-государственное размежевание двух союзных республик – Украины и Молдавии. Эта земля была и остаётся частью очень важного в геополитическом отношении региона Европы, который протянулся с севера на юг вдоль Днестра от Карпат до Черного моря. На всем обозримом протяжении человеческой истории Днестр играл исключительно важную роль, являясь естественной границей между различными этнокультурными зонами Восточной Европы. И это не случайно.

Земли, простирающиеся к Востоку от Днестра, являются составной частью славяно-православной цивилизации «срединной земли», Евразии. Они никогда не входили в островную сферу влияния или «береговую зону», которая имеет свойство переходить из одного геополитического пояса в другой и обратно, как это постоянно происходит с Пруто-Днестровским междуречьем – исторической территорией Бессарабии, называемой некоторыми исследователями «Европейской Месопотамией». В отличие от береговой, «дисконтинентальной» зоны, в какую, несомненно, входит территория Республики Молдова, Приднестровье уже несколько столетий, включая и наши дни, является частью такого культурно-исторического и цивилизационного феномена, как Русский мир, объединяющего в своем пространстве различные православные народы и государства, в том числе и ПМР, подобно тому, как понятие «Германия» у немцев оставалось единым всегда, несмотря на существование в различные эпохи множества германских государств.

Самоидентификация многонационального народа Приднестровья как неотъемлемой части православного русского пространства в самом широком значении этого слова подчёркивает значение этой сравнительно небольшой территории в системе восточно-христианской цивилизации, где граничат влияния Русской Православной Церкви и автокефальной Румынской Православной Церкви, находящейся в авангарде экуменизма и сближения с Ватиканом. Постоянно укрепляя и наращивая с помощью Запада своё присутствие и активность в Молдове, эта сила приобретает всё более и более чёткий политический характер, придавая Приднестровскому региону одну из ключевых ролей в геополитической системе координат восточно-христианской цивилизации.

И если в романовской России XIX века и в советской России XX века Приднестровье большую часть времени не играло почти никакой геополитической роли в играх политиков на «великой шахматной доске», то после разрушения сначала царской Российской империи, а затем и советской супердержавы СССР Приднестровье приобретает всё большее и большее значение для успеха или, наоборот, неуспеха в создании атлантистами «санитарного кордона» между Россией и Европой (особенно Германией). Тем самым ставится задача ослабить возможность установления между ними интеграционных связей в рамках

стратегического союза, а тем более – внешнеполитической оси Москва – Берлин (или даже Берлин – Москва – Токио), которая может ослабить контроль США (НАТО) над европейскими странами и в других регионах мира.

Для современной России, пытающейся после десятилетий предательства, смуты и неустройства снова занять подобающее место в мире в соответствии со своей ролью в развитии человеческой цивилизации, Приднестровье становится очень важным геополитическим регионом в условиях, когда Молдова кардинально сменила ориентацию с евразийской на атлантическую. Это тем более важно, когда «независимые» государства «ближнего зарубежья» и бывшего советского блока, вышедшие из-под контроля Москвы, охотно становятся послушным орудием в осуществлении мондиалистской политики США на европейском континенте и сознательно превращают свои территории в «санитарный кордон» на службе у США по формуле «независимость от ближнего и зависимость от дальнего».

В отличие от этих стран российского «ближнего зарубежья», добровольно ставших на путь колониальной подчиненности Западу и рекламирующих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное – свою неколебимую верность России. Возможно, поэтому многие политики, в том числе и депутаты Государственной Думы России, неоднократно сравнивали Приднестровье с «Брестской крепостью» на юго-западных рубежах православно-славянского мира, крепостью, не продавшейся и не сдававшейся на милость врагам России.

Геополитически Днестр уже много веков, да и, пожалуй, всегда в обозримой истории, является условным пограничьем между германороманским миром Запада и восточнославянской цивилизацией огромных пространств Евразии. После объявленной руководством республики Молдова твердой переориентации своих устремлений в сторону Запада, Приднестровье с начала 90-х гг. XX в. прочно утверждается в качестве юго-западного форпоста восточнославянской православной цивилизации, её геополитических интересов, духовных ценностей и культурного влияния. Поэтому так ощутимо в этих землях воздействие различных факторов мировой политики, с такой непримиримой ожесточенностью в первые десятилетия XXI века растёт наступление западных политиков на ослабленную Россию, чтобы окончательно выдавить её присутствие из Приднестровья, максимально сузить влияние Кремля на Юго-Западе Европы.

При этом Молдове как наиболее яркому и типичному примеру несостоявшегося на развалинах Советского Союза государства отводится достаточно примитивная и подчинённая роль политического киллера. Её

задача – насильственное уничтожение приднестровской государственности и насаждение здесь «демократии» полунацистского молдавского толка. Главными «демократизаторами» станут шизоидные субъекты типа Илашку, Нантоя, Рошки, Дабижи, Виеру, Лари и проч. И это, видимо, является довольно важным элементом планов Запада, поскольку он вовсе не спешит предложить Молдове и Приднестровью выход из политического кризиса на действительно демократических принципах, наработанных им в течение многих столетий (Швейцарской конференции, например, или Аландских островов в Финляндии). Умиротворение кризиса и снятие напряжения в таком случае не сопровождалось бы вытеснением из данного региона Европы восточнославянского присутствия и православного духовного влияния.

Именно поэтому западные страны запретили правителям Молдовы соглашаться на предложенный Россией реальный и выполнимый сценарий разрешения конфликта и установления прочного мира на Днестре («план Козака»). Конфликт между Канадой и Квебеком или Англией и Шотландией разрешается западными политиками совсем не так, как на Днестре. Не выдвигая своих проектов, основанных на собственном федералистском опыте и принципах субсидиарности, Запад подталкивает Молдову на «восстановление конституционного порядка и территориальной цельности», подобно тому, как он подталкивает киевскую хунту на продолжение массового кровопролития в Новороссии, не позволяя даже выполнять подписанные им же «Минские договоренности». Строятся даже планы совместного выступления против государственности ПМР кишинёвского и киевского режимов.

Почему? Все очень просто. Только новая кровавая авантюра фанатиков-русофобов в руководстве Молдовы, как и на Украине, может вызвать существенный отток населения из региона, – бегство и депортации, заселение «освобождённых» земель колонистами из Румынии, а вместе с тем – желанное изменение здесь геополитической ситуации в сторону романо-германского вектора. Что в принципе невозможно в Канаде или, скажем, в Чехословакии, то вполне осуществимо и желательно для евробюрократии на нашей родине.

Этим, главным образом, и объясняется столь упорное неприятие западными политиками и дипломатами идей мирного развода Молдовы и Приднестровья, признания приднестровской государственности или хотя бы обустройства честной федерализации Молдовы и Приднестровья в рамках единого демократического государства с гарантированными правами человека и правами населяющих эти земли народов. При этом восстановление власти кишинёвского этнототалитарного режима над приднестровскими землями представляется западными политиками вроде Мак-Кейна, Сороса и других патологических русофобов чуть ли не в виде первостепенной задачи мирового сообщества. Понятно, что эти разговоры

подхватываются и тиражируются их клиентами в Молдове или Румынии, Украине или Прибалтике как священная мантра для ежедневного бессмысленного повторения. Но какие на то существуют международно-правовые обоснования?

Продолжающееся в Молдове зомбирование собственных граждан антинаучным и абсурдным курсом «история румын» и вся стратегия агрессивного румынизма последней четверти века являются лучшим доказательством преемственности власти и политики в этой стране при калейдоскопической смене всевозможных правительств, – «фронтистских», «центристских», «коммунистических», «либеральных». Но зададимся простым вопросом: при чем здесь «восстановление конституционного порядка и территориальной целостности» Молдовы?

Иными словами, – какой именно «конституционный порядок» должен быть восстановлен на «оккупированной румынской земле», и о какой вообще «территориальной целостности» нам постоянно толкуют в Кишинёве и других столицах? О целостности Румынии? Или о целостности непонятого государственного образования, провозгласившего себя при своем создании оккупированной румынской землёй и продолжающего упрямо рекламировать себя в качестве некоего осколка то ли республики, то ли королевства?!

Однако то, что вполне естественно выглядит для правителей Молдовы конца XX – начала XXI в., по меньшей мере странно звучит в устах западных политиков и дипломатов, гордящихся (трудно сказать, по праву ли?) своим здравомыслием, рассудительностью и самодостаточностью. Ещё полтора десятилетия назад посол США в Молдове г-жа Мэри Пэнделтон, как, впрочем, и её современные коллеги, неустанно втолковывала нам, что «жителям приднестровского региона» не нужна «государственность», повторяя «простые» истины о том, что Соединенные Штаты придают огромное значение «самоопределению», которое, по её мнению, «не включает в себя права на отделение или права игнорировать международно признанные нормы». Как и её нынешние коллеги, посол искренне «хотела бы, чтобы люди Приднестровского региона поняли, что с международных позиций Приднестровью невозможно получить статус «государства в конфедеративном соглашении». Видимо, «объективность» такого рода политиков и имел в виду великий русский писатель Александр Солженицын, когда с горечью констатировал: «Молдавия объявила себя независимой – пожалуйста, пожалуйста, это самоопределение. Приднестровье, которое ни сном, ни духом к этой Молдавии не относится, Сталин его прирезал для показухи перед Румынией, – Приднестровье – это сепаратизм, этого не может быть».

А, собственно, почему – «не может быть»? На каком таком основании приднестровцам отказано в приемлемой для них форме

государственности? Исторические исследования показывают, что Приднестровские земли с глубокой древности в силу своего географического положения являлись лакомым куском и очень часто включались в состав разнообразных государственных формирований.

Ситуация в Приднестровском регионе МССР складывалась несколько по-своему благодаря уникальным историческим особенностям этой территории. После присоединения Днестровско-Бугского междуречья к России в конце XVIII в. и после выдворения кочевых ногайцев с этих земель они заселяются, главным образом, молдаванами, украинцами и русскими. Вот уже более двухсот лет национальная структура населения Приднестровья обладает устойчивой стабильностью, причем все три основных этноса, составляющие единый народ Приднестровья, не претерпевают в удельном весе каких-либо существенных колебаний. Они находятся в условиях неизменного равновесия, к тому же ни один из них не представляет собой достоверного большинства¹. Никто из них не только не объявляет себя «коренным», но и не выдвигает себя в качестве единственного этноса, который испытывает жгучую потребность в ускоренной программе «национального возрождения» за счет прочих, провозглашения одного государственного языка и подавления, законодательного ограничения всех других языков и культур.

В Приднестровье за последние несколько сотен лет не сложилось этнического большинства, которое пожелало бы объявить себя «титულიной» нацией в ущерб прочим, «нетитულიным» или так называемым «некоренным» народностям. Но почему же тогда 2 сентября 1990 г. съезд депутатов всех уровней в Тирасполе провозгласил Приднестровскую **Молдавскую** Республику (ПМР), а не Приднестровскую Народную Республику? Мудрое решение отцов-основателей приднестровской государственности преследовало цель — создать именно молдавскую государственность в условиях, когда национальная элита Молдовы взяла курс на отказ от своей молдавской идентичности, на усиленную и насильственную румынизацию молдавского этноса и утверждение румынской идентичности.

Приднестровье стало единственным государством на Земле, где молдаване могут не опасаться оскорблений за свою национальную идентичность, где они могут писать на родном языке, пользуясь исторически присущей молдавскому языку кириллической графикой, гордиться своей молдавской историей и развивать своё молдавское искусство. И приднестровские молдаване всё правильно поняли. Они выступили вместе с остальными приднестровцами против прорумынского национализма и насаждавшегося в Молдове агрессивного румынизма. Кишинёвскому режиму не удалось расколоть единый народ Приднестровья по этническому признаку.

Самоидентификация населения Приднестровья представляет собой явление, в очень сильной степени отличающееся от идентификации населения Республики Молдова (РМ). Для менталитета населения ПМР не характерны болезненная раздвоенность сознания и глубокое противоречие в определении своей национальной идентификации, которые характерны для молдавского населения РМ последнего десятилетия благодаря усилиям элиты национальной интеллигенции прорумынской ориентации. Свою румынскую идентичность признаёт в ПМР лишь считанное в единицах количество респондентов- молдаван.

Вообще, молдаване Приднестровья в массе своей не путаются в определении. Кто они на самом деле, – молдаване или румыны, «испорченные русификацией», как это внушает кишиневская пропаганда. Так же и приднестровские украинцы гораздо ближе чувствуют свою связь с молдаванами и русскими соседями, чем с «щірыми» и «свідомыми» галичанами Львовщины и Галичины. Да и русские приднестровцы отдают себе отчет в своих чисто приднестровских особенностях, отличающих эту общность от сибиряков или новгородцев, туляков или воронежцев. То же можно сказать и о болгарах, армянах, евреях Приднестровья. Все вместе они чувствуют весьма остро и явственно свою региональную идентичность, которая и является мощным государствообразующим фактором.

В большинстве смешанных сёл и городах люди, как правило, сносно общаются на двух, а то и трёх языках. Большинство семей – смешанные во многих поколениях. Ни у кого это не вызывает никаких комплексов ущемлённости, а тем более навязчивого желания силой вдруг устранить какую-то «историческую несправедливость». Если где-то и появляются изредка подобные субъекты, то они воспринимаются сообществом как маргиналы в виде попросту говоря «малохольных». И никому не приходит в голову в чем-то обвинять русский язык, который объединяет всё многоэтническое общество и понятен практически 100% населения. Язык, общая региональная идентичность приднестровцев, общая историческая судьба, общие беды и трагедии – всё это сплачивает людей и устраняет малейшую возможность национальной непримиримости или конфликтности. Поэтому для жителей ПМР столь режет слух общепринятый газетчиками и даже учёными термин «Приднестровский конфликт», – никакого конфликта в Приднестровье не было и нет; есть агрессия и блокада нашего народа со стороны Молдовы и украинских властей.

В конце XX в. вместе с коллегами из России и США приднестровские исследователи изучали проблемы самоидентификации приднестровцев разных языков и этносов. На вопрос: «С населением какого из соседних государств Вы видите наибольшее сходство?» – лишь 15% всех респондентов ответили: «С населением Молдовы» (32% респондентов молдаван, 6% – русских, 8% – украинцев). С населением

России обнаружили сходство также 15% (13% всех респондентов молдаван, 23 – русских, 13 – украинцев), с населением Украины – 9% (7% – русских и украинцев). Но большинство приднестровцев видят в своем народе уникальный этносоциальный и культурный феномен, ибо наибольшее количество (44%) ответили, что «отдельные черты сходства с населением соседних государств, несомненно, есть... но в целом население Приднестровья уникально». Это признали 39% респондентов молдаван, 47% – русских и 40% – украинцев.

Таким образом, вопрос о государственности не явился для населения Приднестровья искусственным и навязанным извне, как это зачастую преподносится средствами массовой информации Молдовы. Он полностью и гармонично соответствует исторически сложившимся особенностям и менталитету приднестровского населения. Согласно социологическому опросу 1998 г. только 9% всех опрошенных отрицательно ответили на вопрос: «Считаете ли вы, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность?» Более 70% являются активными сторонниками своей республики, двое из десяти не определились. Лишь 6% приднестровцев видят будущее региона в качестве части Молдовы как унитарного государства. За федеративные отношения с Молдовой высказались 18% опрошенных, за независимость ПМР – 15%, федеративные отношения с Россией – 22%, вхождение в союз Белоруссии и России — 28%. Следовательно, 83% жителей Приднестровья являются республиканцами и выступают за укрепление государственности ПМР, более тесные отношения с восточными соседями.

Неудивительно, что, как только созрели необходимые политические условия для возрождения государственности на р. Днестр, республика была создана в течение нескольких месяцев. Необходимо отметить, что за полтора года до развала СССР власти Молдовы провозгласили путь на выход из Советского Союза и создание независимого государства, что сразу лишало население Приднестровья союзного гражданства и ставило его перед угрозой возможного включения в состав Румынии. Приднестровцы начали борьбу за свои права, сначала робко, неумело, осторожно. Они посылали письма и петиции в различные органы власти с просьбой предоставить статус государственного не только румынскому языку, но и русскому. Отказ! Они просили о создании на их территории свободной экономической зоны в составе Молдовы. Отказ! Они просили предоставить им статус самоуправляемой автономии в рамках Молдовы. Отказ!

При этом кишинёвский режим издавал воинственные кличи, собирал нацистские военизированные формирования для похода против «пришельцев», а средства массовой информации в унисон с правительством развернули самый настоящий милитаристский психоз в стране с радикальными лозунгами типа «Утопим русских в жидовской

крови!» Однако всё это являлось лишь прелюдией к широкомасштабной агрессии Молдовы против ПМР в начале марта 1992 г., через несколько месяцев после официального развала СССР в Беловежской Пуще. А затем последовало неспровоцированное нападение в июне 1992 г. на мирный незащищённый город Бендеры вооружённых до зубов маршалом Шапошниковым подразделений регулярной армии, полиции и спецслужб Молдовы.

Однако они получили ожесточённый отпор всего многонационального народа Приднестровья и потерпели сокрушительное поражение в районе активных боевых действий. Общественность Молдовы, одурманенная националистической пропагандой и милитаристским психозом, оказалась в шоке и стала приходить в себя. Военнослужащие Молдовы отказывались воевать против своих братьев и соседей, были готовы повернуть оружие против тех, кто развязал бойню на Днестре и послал их на смерть. Массовое бегство населения от войны означал, что Молдова начинает терять свою армию, а недовольство населения политикой безумных авантюристов типа Снегура и Друка грозило перенести пожар гражданской войны на территорию самой Молдовы. В конце июля 1992 г., в результате подписания между Россией и Молдовой при участии приднестровской стороны Соглашения о прекращении огня и мирном разрешении конфликта, была создана трёхсторонняя Объединённая контрольная комиссия (ОКК) и определены зоны безопасности. Российские миротворцы разъединили враждующие силы.

Чего же добилось руководство Молдовы агрессией против ПМР? С той и другой стороны тысячи убитых, десятки тысяч раненых, изувеченных, покалеченных; сотни детей-сирот, тысячи несчастных семей, потерявших дорогого, любимого человека; миллионы лей, миллионы рублей материальных убытков и потерь. Эта война четко выявила моральные издержки и политические потери Молдовы как государства-агрессора, с одной стороны, и единение народа Приднестровья перед лицом смертельной опасности, политические симпатии общественности мира к ПМР как государству-жертве агрессии, с другой стороны.

Всего этого можно было легко избежать, не допустить пролития крови, убытков, раскола Молдавии. Стоило только почувствовать обеспокоенность сотен тысяч людей и создать компромиссные лингвистические законы. Стоило лишь принять предложение об основании в Приднестровье свободной экономической зоны или организации Приднестровской автономной республики в составе МССР. Стоило (какая малость!) не избивать и не изгонять из парламента депутатов от Приднестровья, внимательно выслушать их. Стоило всего лишь проявить минимум понимания устремлений народа Приднестровья и на высшем

уровне договориться о взаимном делегировании полномочий между властями РМ и ПМР. Стоило начать кропотливый поиск взаимоприемлемых решений федеративной реконструкции унитарной Молдовы.

Однако такова, очевидно, природа мононациональной тоталитарно-бюрократической элиты, которая представляет интересы и силы мракобесия, национальной и социальной дискриминации собственных сограждан. Для того, чтобы пойти на переговоры с молодым государством – Приднестровской Молдавской Республикой, народ которой желает жить в правовом цивилизованном государстве, где права человека являются высшей государственной ценностью и целью системы, национал-бюрократическая олигархия должна была бы изменить силам, которые она представляла, изменить самой себе. Цветы в её представлении были хороши для реки Прут и братьев-румын, а для разрушения мостов в Приднестровье использовались силы полиции, карабинеров, регулярной армии, рекрутов из «волонтеров»; использовались танки, тяжелая артиллерия, авиация, миномёты и пулемёты. Ибо, как высказался тогдашний символ «национального возрождения», проживающий в Москве писатель Ион Друцэ, если оставить в Молдове два государственных языка, тогда будет «привет вашей бабушке».

Провал военно-террористических авантур военщины и национал-экстремистов Молдовы способствовал укреплению международного авторитета ПМР, разрыву дипломатической и экономической блокады, несмотря на крайне осторожное отношение мирового сообщества к процессам признания «самопровозглашённых» государств. В настоящее время ни у кого (в том числе и в правящих кругах Республики Молдова) не вызывает сомнения полная экономическая, государственная, политическая юрисдикция законно избранных властей ПМР над территорией Приднестровья, как и то, что органы государственной власти республики созданы и функционируют стабильно и слаженно по воле народа, а не в результате заговора «белых воротничков», «коммунистических директоров», «шовинистов-сепаратистов» и прочих страшилок газетной пропаганды национал-олигархического режима Молдовы.

К сожалению, приходится констатировать, что экономическая блокада, мировой финансовый кризис и другие внешние обстоятельства чрезмерно затрудняют пользование гражданами ПМР этими конституционными правами. Но эти трудности не являются имманентными, присущими нашей системе изначально. Они лишь факт сегодняшнего бытия и беспрецедентного давления извне.

Способна ли национал-бюрократическая система Молдовы принять новые идеи создания цивилизованного демократического общества и перестроиться в соответствии с ними? Это означало бы её само-

ликвидацию, а потому она не пойдёт на это ни за что. Но приход к власти трезвомыслящих социалистов в Молдове даёт небольшой проблеск надежды. Что будет в будущем? Покажет время. Но сейчас можно твёрдо сказать, что время уже показало правильность выбора, сделанного народом Приднестровья много лет тому назад. Жертвы и лишения были не напрасными, – приднестровская государственность существует, развивается, имеет будущее.

Примечания:

1. Молдаване составляют приблизительно 33,5 %, русские – 30%, украинцы – около 30%, болгары – 2, почти столько же евреи, гагаузы и белорусы – по 0,6%.

*Гелла Т.Н. (г. Орел, Российская Федерация)
III Gella T.N. (Orel, Russian Federation)*

Проблемы формирования российской и европейской идентичности в начала XXI столетия: сопоставительный анализ

The Problems of the Formation of Russian and European Identity at the Beginning of the XXI Century: Comparative Analysis

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса становления национальной идентичности в современной России. В ней освещаются три проблемы: исторический аспект вопроса национальной идентичности в СССР, проблема формирования европейской идентичности в рамках ЕС. Основной акцент в статье сделан на анализе современного состояния процесса формирования новой национальной идентичности у граждан современной России.

Ключевые слова: национальный идентичность, европейская идентичность, национальный менталитет, российская идентичность, «русские», «россияне».

Abstract. This article is devoted to the analysis of the process of cultivating Russian national identity. Three major questions are focused upon: the historical aspect of cultivating national identity in the USSR; problems of creating European identity within the European Union. The article emphasizes the analysis of the problems and perspectives for forming new national identity in modern Russia.

Keywords: national identity, European identity, national mentality, Russian identity, «Russian people», «rossiyane».

Национальная политика относится к теоретическим и актуальным практическим проблемам современности. Важнейшим аспектом национальной политики является вопрос о национальной идентичности. Что такое национальная идентичность, или, по-русски, национальное самосознание?

В годы существования Советского Союза формировались и существовали социалистические нации и народности. Шло национальное государственное строительство, т.е. деление страны на союзные республики и автономные округа, таким образом, чтобы каждая республика и округ имел свою титульную нацию. Таких было 53 образования. Эта конструкция называлась социалистическим федерализмом и просуществовала она до 1991 г., т.е. до распада Советского Союза. У каждой этнической общности появилась национальная государственность, у каждого народа возникло собственное государство: у украинцев – Украина, у казахов – Казахстан, у латышей – Латвия и т.д. «Фактически, – как отмечает академик В.А. Тишков, – это была бомба, заложенная внутри государственного устройства, которая взорвала наше историческое государство. В результате получился колоссальный катаклизм или даже, как сказал Владимир Путин, геополитическая катастрофа» (Тишков 2010, с. 7).

Тем не менее, в советское время вместо нации существовало другое объединяющее понятие – «советский народ», «советские люди». По мнению В.А. Тишкова, советский народ представлял собой реальную общность. Советский народ был как бы продолжением исторического русского народа, который существовал до советской власти (Тишков 2010, с.8). «Русский народ» – понятие достаточно древнее, более того, в XVIII веке наш язык назывался не русским, а российским.

Понятие русского сознания, русской национальной идентичности не исключает существование этнонации. Часто можно услышать «я не русский, я россиянин» из уст татар, чеченцев, бурят и т.д. То есть эти две формы идентификации не исключают друг друга. И русская идентичность и самосознание являются кросс- или надэтнической формой. Конечно, мы один народ, несмотря на наше разнообразие. И единственный вариант утверждения национальной идентичности в нашей стране – это утверждение идентичности как общероссийской. Формирование русской идентичности входит в перечень основных поручений Президента России В.В. Путина на 2015 г., а на заседании Совета при президенте РФ по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. он одобрил идею о принятии закона о русской нации (Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31.10.2016).

И вот здесь мы сталкиваемся с рядом специфических особенностей данного процесса. Почему в современных условиях возникает проблема

формирования российской идентичности? Эксперты указывают на различные причины: влияние распада СССР, духовно-нравственный кризис в стране, социально-экономическая нестабильность, социальное неравенство, слабое развитие гражданского общества.

Когда мы обращаемся к данной проблеме, то хочется провести определённые параллели, если они, конечно, уместны, с формированием европейской идентичности.

В июне 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы государств Европейского Сообщества приняли решение поставить в практическую плоскость формирование у граждан своих стран общей европейской идентичности. За прошедшие годы предпринято немало конкретных шагов, призванных способствовать достижению этой цели. Были учреждены такие символы единой Европы, как флаг, гимн, общий праздник «Дня Европы». Жители стран, присоединившихся к Шенгенскому соглашению, стали пользоваться безвизовым режимом. Была введена единая европейская валюта. Жителям стран Евросоюза был предоставлен статус «гражданина Союза», учреждены единые общеевропейские водительские права и многое другое. Существует единый рынок, увенчанный – по крайней мере, для большинства членов ЕС – единой валютой, есть конституционные договоренности. Есть амбициозные планы по общей внешней политике и политике безопасности и т.д. (Dahrendorf, 2003). Европейский Союз вырос и в настоящее время включает 28 государств (до тех пор, пока Великобритания не вышла ещё из его состава).

Безусловно, формирование коллективной европейской идентичности, предполагающее глубокие изменения в общественном сознании, является длительным процессом. В первую очередь речь идёт о формировании у жителей Евросоюза чувства «двойной» идентичности, сочетающего в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране, и к Европе в целом.

О том, что это длительный процесс, свидетельствуют социологические данные, проводимые различными институтами под эгидой Еврокомиссии.

Российский историк Григорий Вайнштейн, опираясь на результаты европейских социологических исследований, приводит интересные данные о соотношении «национальных» и «общеевропейских» чувств у жителей Евросоюза. Если в 1994 г. в среднем 33% опрошенных считали себя только гражданами своей страны, то к концу 2004 г. этот показатель возрос только до 41%. Если же учитывать тех, кто считали себя одновременно и гражданами своей страны, и гражданами Европы, то в их сознании компонент «национальной идентичности» явно сохраняет доминирующее значение (Вайнштейн 2009, с.124).

Говоря о сложности процесса формирования европейской идентичности, необходимо учитывать и ещё один важный момент – само понятие «европейская идентичность». Что значит быть европейцем? Это жители всех стран Европейского континента, в том числе таких, как Турция? Или это только жители стран Европейского Союза? Показательно, что в официальных документах Европейской комиссии нет чётко выраженного отношения к этому вопросу. Так, в Аналитическом докладе «Гражданство Европейского Союза», представленном в марте 2010 г. Европейской комиссией, отмечалось, что учреждение гражданства Европейского Союза предполагает институционализацию его правового статуса с целью укрепления и усиления европейской идентичности, а также с тем, чтобы граждане Европы могли максимально участвовать в европейском интеграционном процессе. Но при этом в самом докладе речь в большей степени идет о гражданстве жителей стран-членов Европейского Союза (Eurobarometer 2010, p.4). В таком случае, что делать жителям стран, не являющимися членами ЕС? Например, Норвегии и Швейцарии.

Сложность определения сущности европейской общности с помощью политических или географических парадигм выдвигает на первый план критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, предлагая обратить внимание на религиозные, культурные, политические традиции. Но и здесь не всё просто. Насколько жители стран-членов ЕС понимают своё «ессовское гражданство»? В том же Аналитическом докладе приводятся данные, что, хотя большинство граждан ЕС (79%) заявили о своем знакомстве с термином «гражданин Европейского союза», только 43% говорят, что они знают его значение, и 32% опрошенных из 27 стран ЕС хорошо информированы о своих правах как граждан Европейского Союза. При этом более чем две трети (67%) респондентов считают, что они плохо или вообще не информированы о своих правах как граждане ЕС (Eurobarometer 2010, p. 5, 12). В связи с этим, можно сделать вывод, что процесс формирования общеевропейской идентичности в политико-правовом поле в рамках Евросоюза будет достаточно сложным и продолжительным. По данным 2015 г. уже подавляющее большинство опрошенных говорят, что они знакомы с термином «гражданин Европейского Союза» (87%), и чуть более половины всех респондентов (52%) утверждают, что они знают, что означает этот термин (Flash Eurobarometer 430, 2015, p, 5). Быть гражданином ЕС означает: право переехать и жить свободно в рамках ЕС; право на защиту со стороны дипломатических и консульских учреждений в любой другой стране ЕС; право обращаться с петицией в Европейский парламент и жаловаться в Европейский омбудсмен; право голосовать и выдвигать свою кандидатуру в Европарламент и муниципальные выборы.

Может ли в таком случае выступать в качестве цементирующей платформы некая культурная общность европейцев? Спецификой общеевропейской культуры является её многообразие и разнообразие.

Многие сторонники идеи европейской идентичности видят в культурном плюрализме континента достоинство и одну из отличительных особенностей европейской культуры – «единство и многообразие».

Проблема языковой разобщённости населения европейского континента также остается далеко не решённой.

Если брать современную исследовательскую литературу, то рассматривая вопрос об европейской идентичности, большинство аналитиков начинают говорить об мультикультурализме, о проблеме иммиграции и активизации национальных правых партий в странах-членах ЕС. Есть пессимистические высказывания о перспективах складывания европейской идентичности. В частности, венгерский независимый исследователь Александр Свитич, сравнивая европейскую и советскую идентичность, отмечал, что Евросоюз, гордо позиционирующий себя как воплощение «единства в многообразии», не имеет такой доминирующей нации. Если некоторые члены Евросоюза могут рассматриваться как экономические или политические лидеры, то господствующей этничности в регионе не существует. Европа слишком лингвистически разнообразна, чтобы допустить, что какой-либо один язык сможет представить общую идентичность. То, что искусственный язык эсперанто не был принят в качестве официального в Евросоюзе, является более чем красноречивой иллюстрацией. На первый взгляд, очевидно, что в современном ЕС отсутствует официальная идеология. Европейские политики никогда не пытались создать идентичность, где в качестве ключевых ценностей выступали бы солидарность, равенство и справедливость. Отсутствует также и крупная внешняя угроза, которая могла бы способствовать объединению разных людей в регионе (Svitych 2013).

Что же касается России, то одной из важнейших проблем её современного состояния является формирование национальной идентичности. Страна «зависла» на промежуточной ступени между распадающейся советской идентичностью и так пока и не сложившейся до конца национально-государственной идентичностью. Как считают некоторые российские исследователи, само слово «россиянин» не вошло в сознание и в язык большинства людей, которые предпочитают идентифицировать себя прежде всего по этническому (например «русский», «татарин», «башкир» и т.д.) и конфессиональному («православный», «мусульманин», «атеист») признаку или же по месту жительства («москвич», «петербуржец», «сибиряк» и т.п.) (Пантин 2008, с 34).

Современная российская идентичность включает следующие измерения: национальная идентичность, территориальная идентичность, религиозная идентичность и, наконец, идеологическая, или политическая, идентичность.

На современном этапе, как отмечал В.Федоров, гендиректор ВЦИОМ, можно констатировать несколько исследовательских подходов к оценке России как многонационального государства. Например, *неосоветский подход* рассматривает нынешнюю Россию как «Советский Союз без идеологии» и требует в той или иной форме восстановить СССР. На политической сцене это мировоззрение в основном представляет Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ).

Другой подход рассматривает Россию как многонациональное государство в нынешних границах и как правопреемницу Российской империи и СССР. Необходимости в территориальном расширении сегодня нет, но своя собственная территория, включая нерусские регионы, считается священной и неразделимой. В соответствии с этим подходом, Россия также имеет преимущественные интересы и даже миссию на территории бывшего СССР. Поэтому она должна, с одной стороны, стараться разными способами интегрировать это пространство, а с другой, защищать права своих соотечественников, живущих в новых независимых государствах. Этот подход разделяется большинством россиян и провозглашён президентом Путиным и партией «Единая Россия».

Третий подход утверждает, что Россия – это государство русских, что имперское и советское прошлое – равно трагические страницы истории, которые нужно закрыть. Вместо этого желательно воссоединение населённых русскими земель, таких, как Крым, Северный Казахстан и др. В то же время часть территорий, прежде всего Северный Кавказ и особенно Чечню, лучше, наоборот, отдать (Федоров 2013).

Необходимо констатировать тот факт, что абсолютное большинство россиян считает сохранение территориальной целостности и единства России важнейшим элементом российской идентичности, важнейшим принципом, которым должна руководствоваться страна.

Но при этом существуют факторы, которые отрицательно сказываются на процессе формирования общероссийской идентичности. В частности, не надо забывать такой фактор, как православная составляющая российской идентичности – её неспособность помочь моральному возрождению российского общества, в котором сегодня царят неуважение к праву, бытовая агрессия, отвращение к производительному труду, пренебрежение моралью, полное отсутствие взаимного сотрудничества и солидарности.

Каков же идеологический аспект понимания россиянами своей принадлежности к России? И что в их понимании представляет Россия как государство?

Общественный идеал современных россиян можно обрисовать так. Россия – это независимое и влиятельное, авторитетное в мире государство. Это экономически высокоразвитая держава с достойным уровнем жизни, конкурентоспособной наукой и промышленностью. Многонациональная страна, где русский народ играет особую, центральную роль, но уважаются и защищаются права людей всех национальностей. Это страна с сильной центральной властью, возглавляемая президентом с широкими полномочиями. Это страна, где торжествует закон, и все перед ним равны. Страна восстановленной справедливости в отношениях людей друг с другом и с государством.

Что определяет понятие «русский»? Что лежит в его основе – биологический фактор или социальный? В докладе «Российская идентичность в социологическом измерении», подготовленном рабочей группой Института социологии РАН (2008 г.), приводятся следующие данные: 38% опрошенных россиян полагают, что «русские – это те, кто воспитан на русской культуре и считает её своей». Но с другой стороны, 33% респондентов главным фактором, определяющим «русскость», называют «наличие русских родителей», 32% россиян считают, что русский – это тот, кто любит Россию, 27% – тот, кто сам называет себя русским, 20% – тот, кто имеет российское гражданство, 13% – тот, кто говорит по-русски, и, наконец, 11% – тот, кто исповедует православную веру (Российская идентичность 2008, с. 13).

В 2013 г. картина несколько иная: на вопрос «Кого бы вы могли назвать русским?» 35% респондентов ответили: «Того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры», «Того, кто русский по происхождению, по крови» – 16 % (*чаще других – жители Москвы и Санкт-Петербурга*); «Того, для кого русский язык является родным – 14%», «Того, кто честно трудится во благо России» – 11%, «Того, кто считает себя русским» – 10%, «Того, кто придерживается русской православной веры и её традиций» – 6%, «Того, кто проживает на территории России» – 5%, «Затрудняюсь ответить» – 2% (Современная российская идентичность 2013, с. 5).

Интересны комментарии, которые дали респонденты во время своих ответов: «Русские – это славяне (Екатеринбург)»; «Русские – национальная принадлежность»; «Дагестанец – россиянин, но русским он не будет по определению (Екатеринбург)»; «Мусульманин не может быть русским. Он официально россиянином может быть по паспорту, а русским – нет (Калининград)»; «Русские – это национальность, но, возможно, и менталитет (Москва)»; «Человек сам себя определяет. Определяет он себя чеченцем, определяет он себя русским, тем он и

является (Калининград)» (Современная российская идентичность 2013, с. 5).

Что же консолидирует россиян? Что способствует им чувствовать свою принадлежность к единой нации? По проведённым исследованиям установлено, что самым значимым фактором для идентификации является государство: оно набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян – 60-75%. Среди других консолидирующих представлений 20-35% респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», историческое прошлое, родную землю, природу, язык и культуру. Обычаи, черты характера и иное называли до 10% респондентов. Это вполне естественно, ведь речь идет о российской идентичности, которая не случайно часто россиянами воспринимается как государственная, страновая. Именно за счёт такого восприятия она так быстро становилась массовой (Дробижева 2012).

На современном этапе существует ряд проблем, которые негативно влияют на процесс формирования общероссийской нации. В частности, к ним можно отнести проблему межэтнических отношений.

Одним из главных вызовов национальной идентичности россиян сегодня следует назвать вопрос о праве выходцев из трудоизбыточных республик Северного Кавказа, не теряя своего языка и веры, свободно переселяться в крупные мегаполисы и исконно русские области. Хотя юридически никаких препятствий этому нет, процесс внутренней миграции вызывает сильнейшее напряжение и ведёт к усилению русских националистических настроений, включая самые экстремистские (Федоров 2013).

Этнополитические установки даже тех, кто чувствует себя «больше россиянином, чем человеком своей национальностью», не отличаются существенно в более лояльную сторону. 68% из них ответили, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям каких-либо национальностей. Чаще всего в этом случае имеются в виду люди, приехавшие из республик Северного Кавказа и Центральной Азии. 61% одобрили бы метод сталинского прошлого и нынешней Франции периода Н. Саркози – принудительное выселение каких-либо национальностей из города или села, в котором они живут (Дробижева 2012).

То мнение, что государство – общий дом для российских народов и все они должны обладать равными правами, никто не должен иметь никаких преимуществ, остаётся наиболее распространённым, но оно с каждым годом становилось все менее поддерживаемым. В 90-е гг. это мнение было мнением очевидного большинства (64-65%), а в 2000-е годы оно становилось всё менее и менее поддерживаемым: с 61% до 47% в 2011 г. Зато доля людей, которые полагали, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны

иметь больше прав», выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составляли 45% (25% в 1995 г.) (Дробижева 2013).

Таким образом, в российском обществе наблюдается рост националистических настроений, которые проявляются как против представителей ряда народов, входящих в состав Российской Федерации, так и эмигрантов из стран ближнего зарубежья, а подчас и территорий Северного Кавказа, входящих в состав Российской Федерации. В связи с этим на повестке дня стоит вопрос о роли национальных идей в формировании общероссийской национальной идентичности, в строительстве и функционировании многонационального государства и, как следствие, в предотвращении ксенофобских, националистических и интолерантских настроений и движений в России.

Проблема формирования российской национальной идентичности в рамках многонационального государства как одного из инструментов в противодействии националистическим настроениям актуальна на сегодняшний день. Это осознают как представители государственных структур, так и институтов гражданского общества, что отражено в Докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Национальная идентичность и будущее России». В частности, в нём отмечается: «...Российская идентичность есть. Идентичность, благодаря которой мы практически безошибочно отличаем своих по выражению лица, существует. Её нельзя и бессмысленно искусственно конструировать – нужно жить с тем, что есть, пестуя лучшие черты национального характера и осознавая свои слабости, а главное – свою силу» (Доклад МДК «Валдай» 2014, с. 27). Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

Литература:

1. Вайнштейн 2009 – Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Вайнштейн Г.И. Полис. М. 2009. № 4. С. 123–134.

2. Доклад МДК «Валдай» 2014 – Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». «Национальная идентичность и будущее России». М. Февраль 2014.

3. Дробижева 2012 – Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Дробижева Л.М. Вестник Российской нации. М. 2012. № №4-5. С. 17-34. <http://рос-мир.рф/node/1139>

4. Дробижева 2013 – Дробижева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Дробижева Л.М. Российский Совет по

международным делам. М. 25.06.2013.
http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top.

5. Заседание Совета по межнациональным отношениям.
31.10.2016. Астрахань.

<http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/53173>

6. Пантин 2008 – Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Пантин В.И. Полис. М. 2008. № 3. С. 29-39.

7. Российская идентичность в социологическом измерении / Рабочая группа Института социологии РАН // Российская идентичность в социологическом измерении. Полис. М.2008. № 3. С. 9-28.

8. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Социологический опрос. М., ФЦИОМ. 2013.

9. Федоров 2013 – Федоров В. Российская идентичность и новые вызовы // Федоров В. Валдай. Международный дискуссионный клуб. 19.08.2013

http://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130819/957220962.html

10. Dahrendorf 2003 - Dahrendorf Ralf. Anti-Americanism and Europe's Identity / Copyright: Project Syndicate/Institute for Human Sciences, February
[//http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11/English](http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11/English)

11. Eurobarometer 2010 - Eurobarometer Flash EB. European Union Citizenship Analytical Report. Brussels 2010. March. No 294.
http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_294_en.pdf

12. Flash Eurobarometer 2016 - Flash Eurobarometer European Union citizenship. Report. Brussels. 2016. March. № 430.
http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/2016-flash-eurobarometer-430-citizenship_en.pdf

13. Svitych 2013 - Svitych Alexander. Why European Identity Will Never Work: Case Study 'EU Vs. USSR'//Svitych Alexander. The Global Journal. April 24, 2013. <http://theglobaljournal.net/article/view/1075/>

References:

1. Vajnshtejn 2009 – Vajnshtejn G.I. Evropejskaya identichnost': zhelaemoe i real'noe//Vajnshtejn G.I. Polis. М. 2009. № 4. S. 123-134.

2. Doklad MDK «Valdaj» 2014 – Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». «Nacional'naya identichnost' i budushchee Rossii». М. Fevral' 2014.

3. Drobizheva 2012 – Drobizheva L. M. Rossijskaya identichnost' i soglasie v mezhehtnicheskikh otnosheniyah: opyt 20 let reform // Drobizheva L. M. Vestnik Rossijskoj nacii. М. 2012. № №4-5. S. 17-34. <http://ros-mir.rf/node/1139>

4. Drobizheva 2013 – Drobizheva L. Problemy tolerantnosti v otnoshenii k migrantam//Drobizheva L. Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam. M. 25.06.2013. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top
5. Zasedanie Soveta po mezhnacional'nym otnosheniyam. 31.10.2016. Astrahan'. <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/53173>
6. Pantin 2008 - Pantin V.I. Politicheskaya i civilizacionnaya samoidentifikaciya sovremennogo rossijskogo obshchestva v usloviyah globalizacii // Pantin V.I. Polis. M. 2008. № 3. S. 29-39.
7. Rossijskaya identichnost' v sociologicheskom izmerenii /Rabochaya gruppa Instituta sociologii RAN//Rossijskaya identichnost' v sociologicheskom izmerenii. Polis. M.2008. № 3. S. 9 – 28.
8. Sovremennaya rossijskaya identichnost': izmereniya, vyzovy, otvety. Sociologicheskij opros. M., FCIOM. 2013.
9. Fedorov 2013 - Fedorov V. Rossijskaya identichnost' i novye vyzovy // Fedorov V. Valdaj. Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub. 19.08.2013 http://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130819/957220962.html
- 10.Dahrendorf 2003 - Dahrendorf Ralf. Anti-Americanism and Europe's Identity / Copyright: Project Syndicate/Institute for Human Sciences, February // <http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11/English>
- 11.Eurobarometer 2010 - Eurobarometer Flash EB. European Union Citizenship Analytical Report. Brussels 2010. March. No 294. http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_294_en.pdf
- 12.Flash Eurobarometer 2016 – Flash Eurobarometer European Union citizenship. Report. Brussels. 2016. March. № 430. http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/2016-flash-eurobarometer-430- citizenship_en.pdf
- 13.Svitych 2013 – Svitych Alexander. Why European Identity Will Never Work: Case Study 'EU Vs. USSR'//Svitych Alexander. The Glibal Journal. April 24, 2013. <http://theglobaljournal.net/article/view/1075/>

Аванесян В.М. (Степанакерт, Нагорный Карабах)
Avanesyan V.M. (Stepanakert, Nagorno-Karabakh)

Проблема Нагорного Карабаха: история и современность

The problem of Nagorno-Karabakh: history and modernity

Аннотация. В статье анализируются исторические, экономические и политические причины народного движения в Арцахе в 1988 г. Автором также рассматриваются события, приведшие к войне 1991-1994 гг., развязанной Азербайджаном в ответ на мирные требования армян Нагорного Карабаха. Этапы государственного строительства, которые

привели к построению жизнеспособного государства, опирающегося на современную демократическую систему ценностей, нашли своё отражение в представленной статье. Не обойдён вниманием процесс урегулирования азербайджано-карабахского конфликта с точки зрения восстановления полноценного формата с участием Республики Арцах в качестве полноправной стороны переговоров с учётом решения Будапештского саммита ОБСЕ 1994 года.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, Арцах, азербайджано-карабахский конфликт, народное движение, независимость, свобода, демократические ценности.

Abstract. The article deals with the analysis of the historical, economic and political reasons of the people's movement in Artsakh in 1988. The author observes the events which have led to a war 1991-1994, launched by Azerbaijan in response to peaceful requirements of Armenians of Nagorno-Karabakh. The stages of the state construction which have led to creation of the viable state leaning on the modern democratic system of values have found the reflection in the submitted article. The process of settlement of the Azerbaijani-Karabakh conflict from the point of view of restoration of a full-fledged format with participation of the Artsakh Republic as the full party of negotiations taking into account the decision of the Budapest summit of OSCE of 1994 was observed.

Key words: Nagorno-Karabakh, Artsakh, Azerbaijani-Karabakh conflict, people's movement, independence, freedom, democratic values.

Автор данной статьи, не будучи действующим политиком ни в прошлом, ни в настоящем, попытался с точки зрения исторического мышления, используя научный метод познания, проанализировать факты и события, которые произошли в Нагорном Карабахе (Арцахе) ¹ с 1988 г. по настоящее время. Другими словами, строгий научный анализ и без политической конъюнктуры.

Итак, в сентябре 1991 г. на совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного советов народных депутатов была принята Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской республики в границах Нагорно-Карабахской автономной области и сопредельного Шаумяновского района бывшей Азербайджанской ССР ². Следует особо подчеркнуть, что процесс самоопределения арцахского народа был осуществлён в полном соответствии с действующим на тот момент законодательством СССР ³ и нормами международного права. Институционально Декларация о независимости была закреплена референдумом от 10 декабря 1991 г. о статусе НКР, где 99,89% участников высказались за её независимость, а 6 января 1992 г. парламент НКР первого созыва – Верховный совет НКР ⁴ – принял Декларацию «О государственной независимости Нагорно-Карабахской республики».

Однако без февральских событий 1988 г. не было бы Декларации о независимости, т.е. этому акту предшествовали более значимые события. 13 февраля 1988 г. от здания Степанакертского педагогического института началось шествие к площади Ленина, где прошел митинг с участием студентов и преподавателей вуза. В последующие дни митинги стали массовыми. В них принимали участие практически все предприятия и учреждения г. Степанакерта с привлечением людей из 5 районов автономной области. Движение стало общенародным, т.е. никак не «кучка экстремистов», как передавало тогдашнее советское телевидение в программе «Время».

Историку важно понять причины этих событий. Однозначно, это не «цветная революция», привнесенная извне. Важную роль сыграла в этом народном движении историческая память. Ведь на этой земле веками жили армяне и оставили глубокий след, который выражался в наличии более трёх тысяч армянских исторических памятников архитектуры, в том числе церквей, монастырей, крепостей и малых архитектурных памятников. Среди них такие шедевры средневековой армянской архитектуры, как монастыри Гандзасар (XIII в.), Амарас (IV в.)⁵, Дадиванк (IV в.), и вне зависимости от многочисленных захватчиков: римлян, персов, арабов, турок-сельджуков, монголо-татар, вновь персов, турок – ареал остался армянским. И вдвойне трагично, когда по решению Кавказского бюро большевистской партии 1921 г. эти армянские территории были противозаконно переданы в состав вновь созданной Азербайджанской ССР. 95% населения области составляли армяне. В 1923 г. была образована Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО), территория которой составила около четверти исторического Арцаха, т.е. национально-государственное устройство состоялось в виде автономии и государствообразующей нации. Самое главное – прервалась связь с Арменией.

Вместе с тем, народное движение в своей основе было вызвано экономическими, политическими, культурными факторами.

Совершим небольшой экскурс в историю, причем свидетелями выступают не какие-то неизвестные историки, географы, философы, а мыслители, которые давно и навечно утвердились в исторической науке.

Итак, в знаменитом труде Страбона (1 в. до н.э.) «География» Арцах упоминается как часть древней Армении с плодородными землями и многочисленной конницей (Страбон 1994, с.230, 231, 232). Северо-Восточной границей Армении, по свидетельству античных историков, являлась река Кура. «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией, Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир (так именовалась Кура в древнегреческих и римских работах) (Птолемей 1947, с.251). «Это племя (албанцев), рассеявшееся по Кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, составляющей

границу Армении и Иверии» (Плиний Старший 1953). Об этом упоминают и азербайджанские историки. Так, основоположник азербайджанской историографии А.К. Бакиханов (1794-1846) в своем труде «Гюлистан-Ирам» указывает, что река Кура является границей между Арменией и Ширваном (Албанией Кавказской) (Бакиханов 1926, с.8). Византийский император Константин Порфирородный (913-959), направляя письмо на имя князя Хачена 6, адресует его «в Армению». Побывавший в начале XV века в Карабахе немец Ганс Шильтбергер («Путешествие Ганса Шильтбергера по Европе, Азии и Африке» 1866) отмечал, что равнинный Карабах «лежит в Армении».

После падения Армянского царства Аршакидов в 428 г. Арцах перешёл под владычество Персии. Но уже в конце V в. в Арцахе было создано государство, просуществовавшее вплоть до VIII в., во главе которого стоял княжеский род Араншахигов⁷.

В VIII в. начались арабские завоевания. Значительные территории современного Южного Кавказа стали частью «провинции Арминия» в составе Арабского Халифата. Хаченское княжество также вошло в состав данного образования, сохранив при этом свою государственность. С восстановлением Арменией в IX-XI вв. Хаченское княжество (Арцах) также получил самостоятельность.

Хаченское княжество успешно противостояло нашествию сельджуков (XI-XII вв.). Во времена монгольских нашествий (XII-XIII вв.) Хаченское княжество, а также Киликийское армянское царство были единственными частями Армении, которые благодаря умелой дипломатии практически избежали порабощения.

В XV-XVII вв. Хаченское княжество – последний осколок древнеармянской государственности. В XV в. вслед за вторжением в Южный Кавказ Тамерлана в равнинные части Карабаха проникли тюркские племена. Именно в это время в равнинном Карабахе впервые появился тюркский элемент.

В XVII в. на месте Хаченского княжества образовалось 5 крупных меликств (княжеств): Варанда, Хачен, Дизак, Джраберд, Гюлистан. В середине XVII – начале XVIII вв. пять армянских меликств Карабаха объединились на равных правах и создали государственное образование, известное в истории под названием «меликства Хамсы» (от арабского слова «хамса» – «пять»), территория которого превышала 15 тыс. км². Именно эти пять меликств и руководили борьбой армянского народа против персидского и османского господства (XVII – XVIII вв.).

В записи грузинского царя Ираклия II от 1769 г. говорится: «*Хамса (т.е. 5 меликств Арцаха) составляет владение ... народ весь армянского закона, в том владении находится армянский патриарх*». К этому времени восходит и установление персидского владычества над Карабахом. Однако карабахские меликства сохранили полное внутреннее

самоуправление, которое было подтверждено в начале XVII в. грамотой шаха Аббаса I.

Шах Аббас для создания опоры своей власти переселил на Южный Кавказ полукочевые тюркские племена. А с целью развития в Иране ремёсел многие карабахские ремесленники вместе с семьями вывозились в различные регионы этой страны. Одновременно тюркские племена, занимавшиеся кочевым скотоводством, вытесняли оседлое армянское население в Карабахские горы. Вследствие этого к XVIII в. этнический состав равнинного Карабаха изменился в пользу тюрков.

Документально сохранилась многолетняя переписка армянских меликов (князей) Карабаха с российским двором, в том числе с императорами Петром I и Павлом I, с некоторыми европейскими державами, начавшаяся ещё в первой четверти XVIII в.

В 1722-1723 гг. во время войны России с Персией Петр Великий принял ряд мер по созданию военно-политического союза России, Карабаха и Грузии. Был разработан план освобождения Закавказья и воссоздания армянского и грузинского государств.

В 1783 г. Г.А.Потемкин в своем рапорте Екатерине II сообщает: *«Не имел ещё повеления в<ашего> и<мператорского> в<еличества>, я дал резолюцию ген<ерал>-пор<учику> Потёмкину об Ибраим-хане Шушинском, сближающую его к повиновению. Тут предлежит рассмотрению, чтобы при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим в. и. в. обещаниям, данным чрез меня армянским меликам»* (подчеркнуто мною – В.А.). Автором приведены эти исторические события, высказывания русских императоров, чтобы показать целенаправленную государственную политику России в отношении автохтонного населения региона Южного Кавказа, или, по выражению кардинала Ришелье, Raison d'Etat, в действии.

В 1813 г. Карабах (Арцах) по Гюлистанскому договору между Российской империей и Персией был присоединён к России ⁸.

К 1917 г. территория Карабаха в административном отношении состояла из Джеванширского, Шушинского, Карягинского, Казахского, Елизаветопольского (Гянджинского) уездов Елизаветопольской губернии, который включал практически весь Карабах. Основными национальностями были армяне и тюрки. При этом в западной части губернии доминировали армяне, а в восточной – тюрки. В горных районах соотношение армян и тюрков составляло 229 тыс. к 50 тыс.

После февральской и октябрьской революций в 1917 г. на Южном Кавказе началось формирование независимых государств. В мае 1918 г. независимость провозгласили Грузия, Армения и Азербайджан. Но если Армения и Грузия имели многовековую историю государственности, то

государство под названием Азербайджан появляется впервые. Ввиду этого оно начало предъявлять территориальные претензии к сопредельным государствам. Понадобилось почти два десятилетия, прежде чем этноним «азербайджанцы» в 1936 г. вошел в употребление. До этого они упоминались как «кавказские татары» или «тюрки».

Азербайджано-карабахский конфликт начался в 1918 г., когда Азербайджанская республика предъявила территориальные претензии к Армении, в том числе и на Нахичевань, Зангезур и Нагорный Карабах (Арцах), в котором, как уже упоминалось, 95% населения составляли коренные жители армяне.

В 1988 г. начался новый этап азербайджано-карабахского конфликта. В ответ на мирные требования армян Нагорного Карабаха, которые составляли уже к тому времени 80% населения Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО)⁹, Азербайджан осуществил акты геноцида против мирного населения как НКАО (Марага), так и армян Азербайджана (Сумгаит, Баку, Кировабад (Гянджа)).

В 1991 г. Нагорно-Карабахская республика после референдума о независимости подверглась широкомасштабной агрессии со стороны Азербайджана.

В результате национально-освободительной войны 1991-1994 гг. и операции по принуждению Азербайджана к миру Армия Оборона НКР также освободила 7 районов исторического Карабаха, которые были противоправно отторгнуты Азербайджаном от Карабаха в 1923 г. Азербайджанская армия оккупировала часть Нагорно-Карабахской республики (полностью Шаумяновский район, частично Мартакертский и Мартунинский районы).

4-5 мая 1994 г. прошла встреча глав парламентов Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении в Бишкеке (Кыргызстан) при посредничестве Межпарламентской Ассамблеи СНГ. «Бишкекский протокол» стал основой для заключения соглашения о прекращении огня в зоне конфликта. 9-11 мая 1994 г. прошло оформление российским посредником договоренности о повсеместном прекращении огня. Документ подписан главами оборонных ведомств Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении. Соглашение о прекращении огня вступило в силу 12 мая 1994 г. В настоящее время урегулированием конфликта занимаются сопредседатели Минской группы ОБСЕ – Россия, Франция, США¹⁰.

Анализируя экономические факторы народного движения, следует подчеркнуть, что власти Советского Азербайджана, стремясь держать Карабах в постоянной зависимости, проводили такую экономическую политику, которая обеспечивала ограниченный ассортимент производимых товаров и экстенсивное развитие по всем направлениям: по официальным статистическим данным того времени, показатель

функционирования основных фондов в 1989 г. сократился на 33% по сравнению с 1980 г. Экономическая политика провозгласившего независимость Арцаха с самого начала была направлена не только на обеспечение стабильного экономического роста (9-10% в год), но и на решение вопросов энергетической и продовольственной независимости. В 1980-1987 годах действующая в стране единственная ГЭС в год производила в среднем 50 млн. кВт/ч, а в настоящее время в Арцахе действует 13 малых ГЭС, которые в общей сложности ежегодно в среднем производят более 220 млн. кВт/ч электроэнергии.

В НКР развивается горнорудная промышленность, старт которой был в 2002 г., и ещё одной из развивающихся отраслей стал туризм, который целенаправленно игнорировался властями Азербайджана. В автономной области азербайджанские власти, по крайней мере, в идеале, должны были обеспечивать свободное развитие армянского языка и культуры. Как раз наоборот. Азербайджанское руководство обвиняло армян в национализме и сепаратизме, что в свою очередь сыграло не последнюю роль в разгорании национально-освободительного движения.

В Степанакертском педагогическом институте на историческом факультете не проходили как предмет историю армянского народа, и это в армянской области.

В политическом факторе важную роль сыграла антицерковная и антинациональная политика, проводимая Азербайджаном. В 1930-х годах Арцахская епархия прекратила своё существование. По данным 1931 г., в крае функционировало 112 действующих церквей и 18 монастырей, а в них службу несли 276 священнослужителей и монахов. В своё время Его Святейшество католикос всех армян Вазген I обратился к бакинским властям с просьбой разрешить, чтобы в Арцахе действовала хотя бы одна церковь, но его просьбу отклонили.

Таким образом, исторический аспект проблемы Нагорного Карабаха не оставляет никаких сомнений по поводу этнической принадлежности данной территории Южного Кавказа.

Что представляет из себя Арцах на современном этапе?

Прежде всего, отметим, что республика Арцах – состоявшееся государство, где эффективно функционируют все ветви власти, развиваются демократические институты и гражданское общество. Причём этих успехов Арцах добился в условиях неурегулированности азербайджано-карабахского конфликта и деструктивной политики Азербайджана, не скрывающего намерения решить конфликт силовым путем. Апрельские события 2016 г. тому яркое подтверждение¹¹. Но возобновления боевых действий исключать нельзя, тем более в условиях непрекращающейся милитаристской риторики, антиармянской пропаганды в Азербайджане, постоянных нарушений азербайджанской стороной режима прекращения огня на линии соприкосновения,

героизации военных преступников, торпедирования любых конструктивных предложений. Однако силовой вариант решения азербайджано-карабахского конфликта не имеет перспективы. Поэтому необходимо направить усилия на недопущение возобновления боевых действий и решать все вопросы за столом переговоров. Арцах, познав войну на собственном опыте, больше всего ценит мир.

Важнейшую роль в становлении и развитии демократического общества играет арцахский парламент. С момента провозглашения независимого государства и по настоящее время были пять парламентских выборов с обязательным участием международных наблюдателей. В мае 2015 г. состоялись очередные, пятые по счету, выборы депутатов Национального Собрания НКР. На выборах присутствовали около 110 международных наблюдателей из 30 стран, в частности, из Франции, Германии, Австрии, Израиля, Венгрии, Бельгии, Чехии и Эстонии, а также представители политических партий из РФ. По их оценкам, выборы «в целом прошли в условиях демократической и конкурентной борьбы при очень высокой явке избирателей и соответствовали основным принципам и требованиям международного права». Национальное собрание состоит из 33 депутатов. По итогам парламентских выборов, прошедших в мае 2015 г., в Национальное собрание вошли 5 партий, которые сформировали соответствующие фракции: «Родина», «Демократия», «Дашнакцутюн», «Движение-88», «Возрождение». В Национальном собрании действуют 7 постоянных комиссий. Особенностью парламента 6-го созыва является то, что он является профессиональным и действует на постоянной основе.

В общей сложности за 25 лет своего существования орган законодательной власти НКР принял 1447 законов.

Приоритетным направлением внешней политики НКР является достижение международного признания независимости республики. В этом процессе активную роль играет парламентская дипломатия. Помимо стабильных связей с парламентариями различных стран, в Национальном собрании 6-го созыва действуют также институционализованные структуры, такие, как круг дружбы «Арцах – Франция» (с 2013 г.), группа дружбы «Арцах – Литва» (с 2013 г.), группа дружбы «Арцах – Европарламент» (с 2014 г.). С 2006 г. проводятся различные мероприятия в здании Конгресса США, посвященные независимости НКР. С конца 90-х годов сформировались тесные связи с парламентами Республики Абхазия, Республики Южная Осетия и Приднестровской Молдавской Республики¹². Естественно, сложились тесные межпарламентские отношения между Национальными собраниями республик Армения и Арцах. Уже долгие годы действует межпарламентская комиссия «Национальное собрание НКР – Национальное собрание РА», которая два раза в году проводит свои заседания, поочередно в Ереване и в

Степанакерте. За признание независимости Арцаха с соответствующими декларациями высказались американские штаты Массачусетс, Род-Айленд, Мэн, Луизиана, Калифорния, Джорджия, Гавайи, австралийский штат Новый Южный Уэльс, Страна Басков, а также целый ряд крупных городов, таких как мегаполис Лос-Анжелес.

Теперь о роли России в урегулировании азербайджано-карабахского конфликта, или роли России вне России. Российская Федерация является одной из трёх стран – сопредседателей Минской группы ОБСЕ. В качестве таковой она сыграла важнейшую роль как в перемирии 1994-1995 гг., так и в ходе и после апрельской агрессии Азербайджана против Арцаха в 2016 г. Россия и другие сопредседатели Минской группы признают, что без участия Арцаха в качестве полноправной стороны переговорного процесса урегулировать азербайджано-карабахский конфликт попросту нереально.

Русский язык играет важную роль в арцахском обществе, что является, в первую очередь, результатом исторических, культурных и экономических связей между Арцахом и Россией, между армянским и русским народами. Кроме того, в России проживает самая многочисленная армянская диаспора в мире. Одна из самых больших школ в республике – это русская школа № 3 им. Александра Грибоедова в столице Арцаха городе Степанакерте. В вузах Арцаха имеются отделения русского языка и литературы, в республике вещают российские и русскоязычные телеканалы, радиостанции.

Однако Россия постепенно теряет свои позиции и представленность, которые сформировались естественным путем в течение нескольких столетий.

Это очень наглядно проявляется на фоне увеличения разных проектов и мероприятий в НКР со стороны двух сопредседателей США и Франции¹³.

Мы, конечно, с пониманием относимся к специфике отношений между РФ и Азербайджаном, но не обязательно быть политическим экспертом, чтобы оценить тонкую игру нашего соседа (да и Турции) с Россией.

Нам это напоминает ситуацию столетней давности, когда под предлогом экспорта «красной революции» на юг, Турция получила крупные подарки в виде армянских территорий Нахичевани и Нагорного Карабаха.

Таким образом, анализируя факты и события исторического, экономического, политического характера, автор полагает, что путь к независимости был долгим и кровопролитным, а строительство новой государственности сложным и тернистым. И, тем не менее, путь государственного строительства, пройденный в условиях войны и блокады, привел к построению жизнеспособного государства,

опирающегося на современную демократическую систему ценностей, которая способна отстоять безопасность арцахского народа. Демократия и свобода нужны не для внешнего употребления, а чтобы дышалось свободно на родной, собственной земле.

Примечания

1. 20 февраля 2017 г. состоялся референдум в Нагорном Карабахе, в результате которого была одобрена новая конституция с президентской формой правления, где «республика Нагорный Карабах» была переименована в республику Арцах, с указанием, что названия Нагорный Карабах и Арцах тождественны – ст.1, стр.4. Арцах является историческим названием Нагорного Карабаха.

2. Азербайджан провозгласил свою независимость от Советского Союза 30 августа 1991 г. Декларация Верховного совета Азербайджанской республики о восстановлении государственной независимости Азербайджанской республики, принятая на внеочередной сессии Верховного Совета. Баку, 30 августа 1991г. Газ. «Бакинский рабочий», 3 сентября 1991г., а также: Конституционный акт о государственной независимости Азербайджанской республики. Баку, 18 октября 1991г. Газ. «Бакинский рабочий», 7 ноября 1991г.

3. Закон СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР от 3 апреля 1990 г. Статья 2. Решение о выходе союзной республики из СССР принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума (народного голосования). Статья 3. В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области (подчеркнуто мною – В.А.) и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своём государственно-правовом статусе. Свод законов СССР, т.1, М., 1990 г., с 44-46. Право наций на самоопределение закреплено в Уставе ООН и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (28 июля – 1 августа 1975 г.).

4. Выборы народных депутатов в высший орган государственной власти были проведены 28 декабря 1991 г.

5. Создатель армянской письменности Месроп Маштоц основал первую в Армении школу с обучением на основе нового армянского алфавита (405 г.) именно в монастыре Амарас, расположенном в Мартунинском районе НКР.

6. Одно из названий Арцаха, позже ставшее названием одного из княжеств – меликств Нагорного Карабаха.

7. Это время правления царя Арцаха Вачагана III Благочестивого. При нем была принята Конституция на общенародном собрании, которая состояла из 21 канона. Конституция оставила глубокий след в жизни не только Арцаха, но и всей Армении, по сути, став основным законом страны, регулирующим все нормы жизни, включая формирование правового сознания, законопослушности, правовой культуры и государственного мышления. Как правовое и политическое учреждение Ашхаражохов (мировое собрание) в целом, выполнял роль своеобразной демократической структуры, с элементами общенационального согласия, благодаря которому в принятии важнейших национальных решений участвовали духовные и светские правители, представители разных сословий. Одновременно следует подчеркнуть, что история карабахского парламентаризма восходит именно к конституции Вачагана III Благочестивого.

8. В середине XVIII в., воспользовавшись внутренней междоусобицей карабахских князей, вождь одного из тюркских кочевых племен Панах сумел обосноваться в крепости Шуши. Он провозгласил Карабах ханством, а себя ханом. Это нашло поддержку персидского двора. Но Нагорный Карабах всё равно оставался армянским государственным образованием.

9. За время существования НКАО азербайджанские власти проводили по отношению к ней политику дискриминации, целью которой было изменение этнического облика края, деарменизация области и превращение её в азербайджанскую этнотерриториальную единицу. Именно это азербайджанские власти сделали с другим армянским образованием – Нахичеванской автономной республикой.

10. Институт Сопредседателей Минской группы был учрежден на Будапештском саммите ОБСЕ 1994 г., также было решено, что республика Арцах будет выступать в качестве полноправной стороны переговоров. Данный саммит стал учредительным, поскольку именно на нем были приняты решения о трансформации СБСЕ в ОБСЕ.

11. В ночь на 2 апреля Азербайджан начал крупномасштабные военные действия по всей линии соприкосновения с применением авиации, танков, артиллерии и других видов современной техники, и лишь героизм армянских сил самообороны позволил остановить противника. Понеся большие потери, Азербайджан попросил Россию о посредничестве, и военные действия с 5 апреля были приостановлены.

12. 1 ноября 2007 г. в Республике Абхазия, в г. Сухуми, на учредительном съезде ректоров университетов самоопределившихся государств была создана Ассоциация университетов самоопределившихся государств – АУННГ. 8 апреля 2016 г. была проведена международная онлайн-конференция, где была принята резолюция, осуждающая агрессию Азербайджана против Нагорного Карабаха.

13. В последнее время русская община НКР не приглашается на соборы «Русского мира», и даже заморожен проект строительства русской церкви, а ведь это гуманитарная область.

Литература:

1. Страбон, География, XI, 14,4/ВДН, №1, с.230,231,232. Птолемей . Географическое руководство, 11,3/ВДН, 1947, №1, с.251.
2. Плиний Старший. Естественная история кн. XV, 39/Античная география, М.1953.
3. Бакиханов А., Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, с.8.
4. Одно из названий Арцаха, позже ставшее названием одного из княжеств – меликств Нагорного Карабаха.
5. « Путешествие Ганса Шильтбергера по Европе, Азии и Африке» , Одесса, 1866.

References:

1. Strabon, Geografiya, XI, 14,4/VDN, №1, s.230,231,232. Ptolemej . Geograficheskoe rukovodstvo, 11,3/VDN, 1947, №1, s.251.
2. Plinij Starshij. Estestvennaya istoriya kn. XV, 39/Antichnaya geografiya, M.1953.
3. Bakihanov A., Gyulistan-Iram, Baku, 1926, s.8.
4. Odno iz nazvanij Arcaha, pozzhe stavshee nazvaniem odnogo iz knyazhestv – melikstv Nagornogo Karabaha.
5. « Puteshestvie Gansa SHil'tbergera po Evrope, Azii i Afrike» , Odessa, 1866.

Božidar Zarković (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Заркович Божидар (г. Косовска-Митровица, Сербия)
Dejan Gašić (Kosovska Mitrovica, Serbia)
Гашич Деян (г. Косовска-Митровица, Сербия)

Serbian-albanian conflict: medieval perspective

Сербско-албанский конфликт: средневековая перспектива

Abstract. The article discusses the current Serbian-Albanian conflict. Shows its medieval origins in the period of the Ottoman Empire

Key words: Serbs, Albanians, Kosovo and Metochia, conflict, Middle Ages

Аннотация. В статье рассматривается современный сербско-албанский конфликт. Показываются его средневековые истоки в период существования Османской империи

Ключевые слова: сербы, албанцы, Косово и Метохия, конфликт, средние века

Today, the relations between Serbs and Albanians are in the world observed in the light of the latest events, which as it is known culminated in the Albanian secession of Kosovo and Metohija from Serbia and the proclaiming of its independence on March 17, 2008. This took place after bombing of the Federal Republic of Yugoslavia by the NATO alliance, which lasted 78 days during the spring in 1999, and was followed by numerous separatist movements of the Albanian minority in Yugoslavia, starting from 1968 onwards. Albanian separatist movement in Serbia which was a part of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, had various forms: from street demonstrations and political obstructions in the provincial assembly, parallel elections and boycott of the state institutions, to the guerilla war and terrorist actions against the state institutions. Their actions were supported by some European countries, individuals and organisations. The separatist Albanian movement was enabled by the fall of the bloc division of the world, and resulted in massive violation of international law and applying of double standards in regard to the solution of political problems. Even the main sponsors of the movement, who did not want to allow this to the others, confessed that it was a precedent itself. However, it is more than obvious that such actions caused new hotspots similar to the the ones in Kosovo and Metohija.

Political and military actions were followed by media production, with the aim of justifying the activities of certain countries. In addition, “scientific literature”, which offered different views on some until then indisputable truths, soon appeared. We are today, witnessing a phenomenon of a new, revisionist historiography, which is trying to look differently at some events from the past, and, what is even worse, to find the ones to be blamed for it, which are, now, on the other side. All events occurring between Serbs and Albanians were followed by such literature. Entering the final phase, just before bombing in 1998 a British historian Noel Malcolm published a book on the history of Kosovo, which soon became a handbook for the foreign clerks and soldiers who arrived in Kosovo and Metohija after the withdrawal of Serbian army in 1999 (Malcolm 1998). The response by Serbian historians who also published a book did not have the same effect (Екмечић 2000). To tell the truth, the book by Noel Malcolm was not accepted warmly by some Western historians and was also criticized. It should be emphasized that Malcolm wrote a similar book about Bosnia and Herzegovina during the wartime in the first half of the nineties in the XX century in this ex-Yugoslav republic (Malcolm 1994). Both books caused fierce and opposing reactions. Most disagreements were concerned with events at the end of the XIX century and during the XX

century. One is under the impression, that this historian followed war events writing new books as they went on.

The Middle Ages was a period of the creation of new European nations and that is why it is interesting to find out what historical sources say on the relations between Serbs and Albanians in that period. According to the writings of the Byzantine historian Constantine VII Porphyrogenitus, the Serbs settled the Balkan Peninsula during the reign of the Emperor Heraclius (610–641), according to the assumptions of the historians in the fourth decade of the VII century. This Byzantine Emperor and a writer noted down the names of each Serbian ruler from ca. 780. The existence of Serbian state with a Serbian ruler can be followed from that time until the fall of Serbian Despotate under the Turkish rule in 1459, although certain Serbian regions had already been occupied, while the other remaining ones were slowly falling under the Turkish rule up to the end of the XV century. The period of Turkish occupation of Kosovo and Metohija lasted until 1912.

There are few data on the presence of the Albanians in the Balkans, particularly in Kosovo and Metohija, which is a fact indicative enough. Serbian medieval sources use the term Arbanasi, which like the term Albanians, comes from the Greek language, being mentioned such as follows: Ἀλβανοί, Ἀρβανῖτες, Ἀλβάνης, Ἀλβάνεω. The Albanians were first mentioned in the book by the Byzantine historian from the XI century Michael Attaleiates (ca.1030 - 1085). There is concurrence of his work and later Ottoman sources over one thing: *statehood and confession of Arbanasi are inseparable from the Roman ones* (Bekkerus 1853, p. 9; Ducellier 1988, p. 36-37). They present only one community that exists within the Byzantine Empire (Тирковић 1988, p. 325). It is the source image of the XI century, in which Arbanasi settled the part of Arbanon – the part of a larger region of Kroja, without direct access to the sea, and in the mountainous valleys of the river Shkumbin, which is a part of Byzantine topic of *Durrës* (Ducellier 1968, pp. 353-368).

Historic sources mention Arbanasi only sporadically, but they did so more frequently as the Middle Ages were nearing its end. Although Arbanasi were mentioned specifically, there was no mention of the Albanian state that would leave trace in history. The attempts of certain noblemen from the territory of the present day Albania to take rule over some regions did not last longer than their lives. Regardless of their origin, Byzantine, Latin and Slavic sources on Arbanasi equally convey the news: *they are Nomadic people* (Ducellier 1981, pp. 1-702), which is testified by later Anonymous Description of Eastern Europe, where it is written down "they always move from one place to another, and have no towns, fortresses or villages (Живковић 2013, pp. 116, 118-119) Their mobility is the reason they are to be found in a large area towards the end of the Middle Ages, but it was also a barrier for creating the more lasting state. Following the cattle, and during the XV century seeking for some other jobs, they were always faithful and loyal subjects of the states they lived in. This

was observed by the Ottomans, who after the occupation of the Balkan countries regarded them with favour, unlike the other nations, which a French historian Fernard Braudel emphasizes: “Albanians were ready to serve anybody, the Turks in particular“ (Brodell 1995, p. 25). It should be emphasized that certain Byzantine historians, such as Anna Komnene in the XI century, uses the term in the administrative, not in the ethnic sense. It was a region both Serbian and Byzantine states were fighting for the influence prevalence.

Serbian sources concerning Serbian-Albanian relations had numbered from the end of the XII century, so had the Byzantine ones. At the end of the XII century Dimitri Progoni`s attempt to liberate himself from the Byzantine power was noted down, but he had no success. His efforts were supported by the Roman church, which spread its jurisdiction from the lake of Skadar towards the south, thus it was noted down around 1187 that the archbishopric of Kroja fell under the influence of Roman Catholicism. It was also noted down that one part of Albanians, at that moment, remained faithful to the tradition of Orthodoxy, in the area of Upper and Lower Pilot (latin Polatum, “both Pilots“ from Serbian hagiographies, or district Cupelnich near Presbyter Diocleas) that were within the state of Stefan Nemanja (Abulafia 2008, p. 780). These very regions are the largest Serbian–Albanian symbiosis at the beginning of the XIII century, which is the territory that remained, with some minor exceptions, within the Serbian state territory during its medieval existence.

Relations between Serbs and Albanians strengthened during the XIII century, especially after 1204 and the Fourth Crusade, when Latin states were formed on the Byzantine territory. Part of the Albanians who remained faithful to Orthodoxy wanted to either live with the Serbs in symbiosis or to join the Greek despotat of Epirus. Confessional tolerance of Serbia which was reflected in the ties Serbian rulers kept with the pope in Rome or the fact that a part of Serbian population in the maritime region confessed Roman Catholic religion, directed Albanians (regarding their religious division) to having closer relations with Serbs. That is how a marriage between an Albanian mega archon Gregory, the son of Dimitri Kamonas and a daughter of Stefan the First-Crowned Komnena (Komnenija) took place. The marriage was confirmed in 1216 by the act of the Synod of Ohrid archbishopric, signed by Dimitri Homatin, who was a chartophylax at that time (Ducellier 1981, p. 160). This was, otherwise, the second marriage of Gregory so was the Komnena`s, who had been married to Dimitri, the son of the Albanian noble Progoni who led a rebellion against Byzantium at the end of the XII century.

During the XIII century Arbanasi are still in their source region, but they widen the territory considerably, particularly in the area of the river Devoll (Стојановић 1934, p. 205). They are exposed to various influences, while especially the strong one was of the Anjou from the Southern Italy. Charles I d`Anjou (1226–1285) occupied *Durrës* in 1271, and in the following year occupied most of its territory and proclaimed himself the king of Albania. It

was only one of his numerous titles, but its importance lies in the fact that the term Albania is being mentioned for the first time. The arrival of the Anjou was followed by a period of an enormous influence of Roman Catholicism on the Albanians (Бартл 2001, pp. 26-27; Abulafia 2008, pp. 790-791). The Anjou control of Albania strengthened the aristocratization of the country, however, archonts took over Byzantine or Serbian titles and legal terminology – *sevast* (lower local position mostly related to land-registry), *kaznac* (someone who collects ruler's income), *origin*, *meal*, *trade* – which is particularly obvious during the second half of the XIV century and in the XV century, where the majority of Albanian noble families possessed beside Latin the Serbian scriptoria as well (Ćirković 1999, „севаст“, pp. 660-661 (Љ. Максимовић); „казнац“, pp. 268 (М. Благојевић); „баштина“, pp. 31-33 (Р. Михаљчић, С. Ђурковић); „оброк“, pp. 458 (М. Благојевић); „трговина“, pp. 741-744 (С. Ђурковић)). Some of them had only the Serbian ones, their knowledge of Latin being rather poor, which is testified by a letter in which the Dubrovnik authorities advise Sigmund of Luxembourg (the king of Hungary from 1387 to 1437), who was their ruler at the time, not to write in Latin to Andrea Thopia, because he has only Serbian scribes, and is forced to send letters to maritime regions to be read, therefore no secret can be kept (Михаљчић 2001, p. 18-19). Although Charles II, also kept his title of the King of Albania, the real power of Anjou had weakened after 1282 and after the death of his father Charles I. The part under their power was taken over by the King Milutin during the offensive 1283–1284 when he came to the shores of the Holy Mountain, while the remaining territory with a city of *Durrës* was taken over from the Byzantines in 1296 at the latest. The widening of Serbian territory onto the Byzantine one during the king Milutin's rule enabled Arbanian migration towards the South and South-East, where they settled in Macedonia and at random in Thessaly (Ducellier 1992, pp. 75-91). There followed a period when a great number of Arbanasi nobles was included into the Serbian feudal system with high titles, thus the Serbian king in a Venetian document was registered as *Ser Urossius rex Servie, Chelmie, Dioclie, Albanie et maritime regionis*, similarly to his son Stefan Dečanski later (1321-1331) *Ser Steffanus regis Urosii filius, rex Dioclie, Albanie, Chelmie et maritime regionis* (Радић 2007, pp. 91-97).

The mention of Arbanasi is found in the title of the Emperor Stefan Dušan in 1346, which is not surprising, as the whole territory of the present Albania, apart from *Durrës*, was under his power. He settles Arbanasi in Thessaly, as a barrier towards the Byzantium, but also as the population necessary to cover a huge territory under his rule. This data testifies that the relations between Arbanasi and Serbs were closer than the ones with the Greeks despite the indisputable Byzantine cultural influence. There is an impression in the scientific circles that it was the Serbian occupation of Byzantine regions, especially after 1348, that strengthened Arbanasi and widened the territory they

had settled in. It is fundamentally proved firstly by the death of Dušan`s noble Preljub, and then of the Byzantine despot Nikephoros II Orsini in the conflict with Arbanasi in Thessaly. Nikephoros II having taken power over Thessaly after Dušan`s death and expulsioin of his half-brother Simeon Siniša started settling only the Greeks in his region not having trust in Serbs and Arbanasi. With the aim to reduce the number of Arbanasi settlers in former Dušan`s regions, the despot *Manuel Kantakouzenos* moved a great number of them into Morea ca. 1350 to serve as soldiers, or farmers, due to the reduced population of the peninsula (Maisano 1990, 37: 1). Their huge presence in Thessaly is testified by the fact that the army of Simeon Palaiologos, the half-brother of the Emperor Dušan, when he was on his way to central territories of Serbian Empire in 1356, consisted of Serbs, Albanians and Greeks (Ферјанчић 1988, pp. 296-297). It was then, that Despot titles were given to Arbanasi Gjin Bua and Peter Losha, who ruled over the area around Acheloos and Angelocastron, i.e. around Arta and Roga (Ферјанчић 1960, p. 168). As noted down in the Chronicle of Ioannina, Simeon Palaiologos was asked to give them the title of a master and a ruler. It was Toma Preljubović, the son of caesar Preljub who was killed in the conflict with Arbanasi. Toma ruled until 1384 and because of continuous conflict with Arbanasi was named in chronicles as an Albanian killer (Ἀλβανοκτόνος) (Donald 1993, pp. 287-288).

Since then it was no longer a surprise for the regions of Aetolia and Epirus that they were settled by the Albanians. Even a `historian of the fall of Constantinople`, Laonikos Chalkokondyles, wrote that during the middle of the XV century under the rule of Charles Thopia (he ruled in some parts of the present day Albania 1359 – 1338) *they settled the hills and valleys of these regions but they did not live in cities* (Ферјанчић 1988, pp. 299). One more wave of Albanians settled on the Peloponnese during the reign of the despot Theodor I Palaiologos, but the Byzantine sources since then never mentioned them other than the strangers (Zakythinis 1975, pp. 101-105).

A great symbiosis between Serbs and Arbanasi at the end of the XIV century is also certified by strong cultural relations between Arbanasi and Serbian Orthodox believers, Catholics and Moslems gathered round the holy person and spreading of his cult - St. Jovan Vladimir (Shën Joan Vladimiri), the monastery Shin Jon near Elbasan was named after him (Зарковић 2016, pp. 209-237.). This monastery was renovated after the earthquake destruction by very Charles Thopia in 1381 who left inscription in Latin, Serbian and Greek language about it (Новаковић 2002, p. 227). This testifies that the cultural influence Byzantium had over the Arbanasi was taken over by Serbian one. It is this saint, a Serbian prince from the end of the X century and the beginning of the XI century (he was killed on May 22, 1016), who testifies even today on the mutual relations and Serbian cultural influence. The holy relics of the saint had been kept in the monastery of Shin Jon until 1995, when they were moved to the Albanian Orthodox church in Tirana.

The cultural and diplomatic relations were enriched by marriages in the late Middle Ages also, having culminated in shared battles against the Ottomans, which is testified by the fact that George, the son of Charles Thopia, married Vuk Branković's sister, and also by the fact that the daughter of the ruler of Elbasan George Araniti's – Angelina, married a blind despot Stefan, the son of Đurađ Branković, who together with her son Maxim was a donor of Krušedol monastery and a late saint of Serbian Orthodox church (Веселиновић 2005). The symbiosis is testified also by the fact that the mother of today's most famous Albanian hero George Kastrioti Skanderbeg was Serbian by the name Vojislava. His brothers had Serbian (Slavic) names: Staniša and Repoš, while the third one, like George, had a Christian name – Constantine (Јиречек 1990, p. 368). Their father Ivan together with his sons in 1426 donated Serbian monastery of Hilandar on the Holy Mountain two villages: Radostuše and Trebište and issued a charter of this (Новаковић 1912, p. 467). At the same time, he bought from Hilandar for himself and his sons four adelphates (lifelong keeping in case they had to seek shelter in the monastery) (Ćirković 1999, p. 2) and pyrgos (tower) of Saint George for 60 florins (Korablev 1915, p. 562-563). That is why the pyrgos of Saint George was later known as the Arbanasi pyrgos.

While some Arbanasi followed Serbian army and the state towards the south and Byzantium, the others in the central Serbian territory followed the cattle or jobs. Their presence of more significance was noted in the times of the Emperor Dušan, who during the construction of the monastery of St. Archangels near Prizren donated his endowment apart from eight Vlach katuns, also nine katuns (shepherds' communities) of Arbanasi (Мишић 2003, p. 94, 125). This crysobull testifies what is also codified by Dušan that Arbanasi in Medieval Serbia were both an ethnic and social category i.e. that they are shepherds equal with Vlachs (Ćirković 1999, p. 14-15).

Apart from being shepherds, Arbanasi in Medieval Serbia, particularly from the end of the XIV century and during the XV century, were also present in towns, as miners and, especially, as clerics in Roman Catholic churches. In searching for work they accepted even less paid positions such as chaplains and priests (Ђирковић 1988, p. 331-332). The existing data mention a small number of the presence of Arbanasi in towns. Thus, in Novo Brdo, the largest urban centre in the Balkans in the first half of the XV century, a trade book of the tradesman Mihailo Lukarević from Dubrovnik, out of 1200 named debtors only for the two of them states that they are Arbanasi (Arbanexo). This is a number not worth mentioning if we know that the book states as debtors 9 people from Zeta, as well as the ones from Braničevo, Kratovo and others (Ђирковић 1988, p. 335).

It should be assumed that there were, in percentages, more Arbanasi in Novo Brdo and in the other towns than it was noted down in the trade book by Mihailo Lukarević. The reason they are not mentioned more lies in the

assimilation process. The assimilation was spontaneous, without force, motivated by a wish to be incorporated into the majority community thus gaining a better position in the society. The fact that there was no force applied is testified by numerous colonies of maritime traders and Sasi (Saxons) miners, as well as by high state positions held by foreigners in certain times. These newcomers were not only completely free, but also enjoyed certain privileges and autonomy such as: judicial, confessional and business ones. The example is certified by the writer from Novo Brdo Martin Segon, who was a canon of the Roman Catholic church in Novo Brdo, who had moved to Padova, where he studied and earned his doctoral degree in “both laws” – Canon and the Civil one. At the end of his life he was the archbishop of Ulcinj and wrote a number of papers, out of which the most significant one is the one which tells us about the roads which can be used for attacking the Turks. He says for himself that he is “natione Catharensis origine autem Servian(us) ex Novomontio aliter Novobardo”.

There are many examples on the symbiosis of Serbs and Arbanasi in the Middle Ages, but those of linguistic nature are certainly some of the most significant ones. Numerous toponyms which are found across the present day Albania, although changed partially or in some cases totally from 1964 onwards, testify the presence of the Slavs and Serbs on the complete territory of Albanian state formed on November 28, 1912. The toponyms were collected and published by a Russian scientist A. M. Seliscev (Селищчев 1981).

To talk about the relations between Serbs and Albanians during the Middle Ages is a very extensive task and a very complex issue that cannot be reduced to a paper of this extent. The examples stated in the paper have the aim to show that those relations during the Middle Ages were totally different. Although the conflicts were present, shared activities and mutual influences between them prevailed. The Serbs being more numerous and also being a nation that created a strong and powerful state, attracted and “absorbed” other smaller communities, Arbanasi being only one of them. Serbia took over the role from Byzantium, which withdrew towards the South and South-East after the arrival of the Slavs. The central part of the Balkans was left to Serbia, the Eastern one to Bulgaria and the Western one to Hungary. Numerous material monuments, apart from the linguistic ones testify even today about it. It is natural that the Albanians, as a smaller community, culturally undeveloped as it had no alphabet and language standard, inclined towards larger, economically and culturally more developed nation. For this reason, exactly, Byzantine sources do not look upon them differently from the other Christians especially the Serbs. Modern researchers of the past are aware of the fact that the real results can be reached only on the basis of clarification of the sociological, cultural and undoubtedly political and diplomatic relations, due to permeation, and also assimilation of Medieval Arbanasi with the neighbouring nations and as a rule almost never beyond confessional context (Гарашанин

1988, pp. 1-375; Gasparis 1998, pp. 1-384; Храбак 2005, pp. 7-55, посебно pp. 27-30). Thus, Serbs and Arbanasi in Medieval sources are not competitors, nor are their relations of extreme conflict nature, until the first half of the XV and the arrival of the Ottomans. The conflict between Serbs and Albanians began during the rule of the Ottoman Empire in the Balkans. Arbanasi have inclined, as the time passed by, to the Ottomans, as they had done earlier to the Serbs and to a lesser extent to the Byzantines. However, incorporation into the Ottomans meant converting religion too. For an incomplete nation, insufficiently formed and divided confessionally, it was not a difficult task, but it caused an even wider gap between them and Serbs who remained Christians. The very act of the change of religion had left traces in the very Albanian corpus which divided into three confessions. The inclination towards someone stronger is best seen at the end of the XIX century, when Arbanasi of the Islamic confession became the most devoted defenders of the weakened Ottoman Empire. It was exactly the period after the Congress of Berlin (1878) that caused the largest conflicts between Serbs and Albanians, and contemporary political situation has its roots in that period. It should not be forgotten that the Congress of Berlin was held and brought the decisions under the influence of Great Powers and that their activities and influences on contemporary events are still present.

Literature:

1. Abulafia 2008 – The New Cambridge Medieval History, vol. V, c. 1198-1300, ed. D. Abulafia, Cambridge: Cambridge University Press, 20082.
2. Бартл 2001 – Бартл, П. Албанци од средњег века до данас, Београд: CLIO, 2001.
3. Bekkerus 1853 – Michaelis Attaliothae. Historia / opus a Wladimiro Bruneto de Presle, inventum descriptum correctum; recognovit Immanuel Bekkerus, Impensis Ed. Weberi, Bonnae, 1853.
4. Brodel 1995 – Brodel, F. Mediteran: prostor i vreme, Beograd: Centar za geopoetiku, 1995.
5. Веселиновић 2005 – Веселиновић, А. Бранковићи: родослов, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.
6. Гарашанин 1988 – Илири и Албанци (Les Illyriens et les Albanais), ур. Гарашанин, М. Научни скуп САНУ, књ. 39, Одељење историјских наука, књ. 10, Београд 1988.
7. Gasparis 1998 – Οι Αλβανοί στο Μεσαίωνα (The mediaeval Albanians), ed. Gasparis, C. Αθήνα : Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών, 1998.
8. Donald 1993 – Donald, D. M., The Last Centuries of Byzantium 1261 – 1453, London: Cambridge University Press, 19932.
9. Ducellier 1968 – Ducellier, A. L'Arbanon et les Albanais au XIe siècle, Travaux et Mémoires, Paris: Centre de recherche d'histoire et civilisation Byzantines, 1968, pp. 353-368.

10. Ducellier 1981 – Ducellier, A., La façade maritime de l' Albanie au Moyen Age: Durazzo et Valona du XIe au XVe siècle, Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen Age XIII, Thessalonique: Institute for Balkan Studies, 1981.
11. Ducellier 1988 – Ducellier, A. Les Albanais dans l'empire byzantine: de la communauté à l'expansion [Οι Αλβανοί στο Μεσαίωνα], Αθηνά, 1988, pp. 17-45.
12. Ducellier 1992 – Ducellier, A., Imhaus, B., Doumerc, B. and de Miceli, J., Les chemins de l'exil: bouleversements de l'est européen et migrations vers l'ouest à la fin du moyen âge, Paris : A. Colin, 1992.
13. Екмечић 2000 – Екмечић, М. и др. Одговор на књигу Ноела Малколма „Косово – кратка историја“, Историјски институт САНУ, Београд, 2000.
14. Живковић 2013 – Anonymi Descriptio Europae Orientalis (Аноним опис источне Европе), /Живковић, Т. Петровић, В. Узелац, А./, Београд: Историјски институт, 2013.
15. Zakythinos 1975 – Zakythinos, D. A., Le Despotat grec de Morée, vol. I, éd. Ch. Maltézou, London: Variorum, 1975.
16. Зарковић 2016 – Зарковић, Б., Свети Јован Владимир у литератури и традицији српског народа у XX веку, Црквене студије, Ниш, 2016, год. XIII, бр. 13, pp. 209-237.
17. Јиречек 1990 – Јиречек, К. Историја Срба, књ. прва, Београд: Змај, 1990, 368.
18. Korablev 1915 – Korablev, B, Actes de Chilandar. Actes slavs, Византийский временникъ. Приложение къ XIX тому, 1915.
19. Maisano 1990 – Giorgio Sfrance, Cronata, a cura di R. Maisano, Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1990.
20. Malcolm 1994 – Malcolm, N. Bosnia. A short history, New York University Press, New York, 1994.
21. Malcolm 1998 – Malcolm, N. Kosovo. A short history, New York University Press, New York, 1998.
22. Михаљчић 2001 – Михаљчић, Р. Словенска канцеларија арбанашке властеле, Изворна вредност старе српске грађе, Српска школска књига, Knowledge, Београд 2001.
23. Мишић 2003 – Мишић, С, Суботин–Голубовић, Т. Светоарханђеловска хрисовуља, Београд: Историјски институт, 2003.
24. Новаковић 1912 – Новаковић, С. Законски споменици српских држава средњег века, Београд: СКА, 1912.
25. Новаковић 2002 – Новаковић, С. Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима: легенда о Владимиру и Косари, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002.

26. Радић 2007 – Радић, Р. Краљ Милутин у венецијанском документу из 1313. године, Манастир Бањска у доба краља Милутина, Косовска Митровица – Ниш, 2007, pp. 91-97.
27. Селищчев 1981 – Селищчев, А. М, Славјанското население в Албанија, Софија: Наука и изкуство, 1981.
28. Стојановић 1934 – Стојановић, Љ. Старе српске повеље и писма, књ. 1, Дубровник и суседи његови. Део II, Београд: Српска краљевска академија, 1934.
29. Ћирковић 1988 – Ћирковић, С. Албанци у огледалу јужнословенских извора, Илири и Албанци, САНУ, Београд 1988.
30. Ћирковић 1999 – The Lexicon of Serbian Middle Ages (Лексикон српског средњег века), eds. S. Ћирковић – R. Мihaljčić, Belgrade: Knowledge, 1999.
31. Ферјанчић 1960 – Ферјанчић, Б, Деспоти у Византији и јужнословенским земљама, Београд: Научно дело, 1960.
32. Ферјанчић 1988 – Ферјанчић, Б. Албанци у византијским изворима, Илири и Албанци, Београд, 1988, pp. 285-322.
33. Храбак 2005 – Храбак, Б., Ширење арбанашких сточара по равницама и словенски ратари средњовековне Албаније, Арбанашке студије, књ. 1, Београд: Архивар 2005, pp. 7-55.

References:

1. Abulafia 2008 – The New Cambridge Medieval History, vol. V, c. 1198-1300, ed. D. Abulafia, Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
2. Bartl 2001 – Bartl, P. Albanci od srednjeg veka do danas, Beograd: CLIO, 2001.
3. Bekkerus 1853 – Michaelis Attaliothae. Historia / opus a Wladimiro Bruneto de Presle, inventum descriptum correctum; recognovit Immanuel Bekkerus, Impensis Ed. Weberi, Bonnae, 1853.
4. Brodel 1995 – Brodel, F. Mediteran: prostor i vreme, Beograd: Centar za geopoetiku, 1995.
5. Veselinović 2005 – Veselinović, A. Brankovići: rodoslov, Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2005.
6. Garašanin 1988 – Iliri i Albanci (Les Illyriens et les Albanais), ur. Garašanin, M. Naučni skup SANU, knj. 39, Odeljenje istorijskih nauka, knj. 10, Beograd 1988.
7. Gasparis 1998 – Oi Albanoí sto Mesaíōna (The mediaeval Albanians), ed. Gasparis, C. Athéna : Institoúto Byzantinón Ereunón, 1998.
8. Donald 1993 – Donald, D. M., The Last Centuries of Byzantium 1261 – 1453, London: Cambridge University Press, 1993.
9. Ducellier 1968 – Ducellier, A. L'Arbanon et les Albanais au XIe siècle, Travaux et Mémoires, Paris: Centre de recherche d'histoire et civilisation Byzantines, 1968, pp. 353-368.

10. Ducellier 1981 – Ducellier, A., La façade maritime de l' Albanie au Moyen Age: Durazzo et Valona du CHIe au XVe siècle, Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen Age XIII, Thessalonique: Institute for Balkan Studies, 1981.
11. Ducellier 1988 – Ducellier, A. Les Albanais dans l'empire byzantine: de la communauté à l'expansion [Oi Albanoí sto Mesaíōna], Athēna, 1988, pp. 17-45.
12. Ducellier 1992 – Ducellier, A., Imhaus, B., Doumerc, B. and de Miceli, J., Les chemins de l'exil: bouleversements de l'est européen et migrations vers l'ouest à la fin du moyen âge, Paris: A. Colin, 1992.
13. Ekmečić 2000 – Ekmečić, M. i dr. Odgovor na knjigu Noela Malkolma „Kosovo - kratka istorija“, Istorijiski institut SANU, Beograd, 2000.
14. Živković 2013 – Anonymi Descriptio Europae Orientalis (Anoniv opis istočne Evrope), /Živković, T. Petrović, V. Uzelac, A./, Beograd: Istorijiski institut, 2013.
15. Zakythinos 1975 – Zakythinos, D. A., Le Despotat grec de Morée, vol. I, éd. Ch. Maltézou, London: Variovum, 1975.
16. Zarković 2016 – Zarković, B., Sveti Jovan Vladimir u literaturi i tradiciji srpskog naroda u XX veku, Crkvene studije, Niš, 2016, god. XIII, br. 13, pp. 209-237.
17. Jireček 1990 – Jireček, K. Istorija Srba, knj. prva, Beograd: Zmaj, 1990, 368.
18. Korablev 1915 – Korablev, B, Actes de Chilandar. Actes slavs, Vizantijskij vremennik. Priloženie k XIX tomu, 1915.
19. Maisano 1990 – Giorgio Sfrance, Cronata, a cura di R. Maisano, Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1990.
20. Malcolm 1994 – Malcolm, N. Bosnia. A short history, New York University Press, New York, 1994.
21. Malcolm 1998 – Malcolm, N. Kosovo. A short history, New York University Press, New York, 1998.
22. Mihaljčić 2001 – Mihaljčić, R. Slovenska kancelarija arbanaške vlastele, Izvorna vrednost stare srpske građe, Srpska školska knjiga, Knowledge, Beograd 2001.
23. Mišić 2003 – Mišić, S, Subotin–Golubović, T. Svetoarhandelovska hrisovulja, Beograd: Istorijiski institut, 2003.
24. Novaković 1912 – Novaković, S. Zakonski spomenici srpskih država srednjeg veka, Beograd: SKA, 1912.
25. Novaković 2002 – Novaković, S. Prvi osnovi slovenske književnosti među balkanskim Slovenima : legenda o Vladimiru i Kosari, Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2002.

26. Radić 2007 – Radić, R. Kralj Milutin u venecijanskom dokumentu iz 1313. godine, Manastir Banjska u doba kralja Milutina, Kosovska Mitrovica – Niš, 2007, pp. 91-97.
27. Selišćev 1981 – Selišćev, A. M, Slavânskoto naselenie v Albaniâ, Sofiâ: Nauka i izkustvo, 1981.
28. Stojanović 1934 – Stojanović, LJ. Stare srpske povelje i pisma, knj. 1, Dubrovnik i susedi njegovi. Deo II, Beograd: Srpska kraljevska akademija, 1934.
29. Ćirković 1988 – Ćirković, S. Albanci u ogledalu južnoslovenskih izvora, Iliri i Albanci, SANU, Beograd 1988.
30. Ćirković 1999 – The Lexicon of Serbian Middle Ages (Leksikon srpskog srednjeg veka), eds. S. Ćirković – R. Mihaljčić, Belgrade: Knowledge, 1999.
31. Ferjančić 1960 – Ferjančić, B, Despoti u Vizantiji i južnoslovenskim zemljama, Beograd: Naučno delo, 1960.
32. Ferjančić 1988 – Ferjančić, B. Albanci u vizantijskim izvorima, Iliri i Albanci, Beograd, 1988, pp. 285-322.
33. Hrabak 2005 – Hrabak, B., Širenje arbanaških stočara po ravnicama i slovenski ratari srednjovekovne Albanije, Arbanaške studije, knj. 1, Beograd: Arhivar 2005, pp. 7-55.

Куракина О.Д. (Москва, Российская Федерация)
Kurakina O. D. (Moscow, Russian Federation)

Русский мир: от межкультурного диалога к Союзному государству

Russian World: from Intercultural Dialogue to the Union State

Аннотация. Русский мир в ответ на вызовы современности вновь нуждается в собирании земель и народов в Союзное государство на духовных основаниях, заповеданных русскими мыслителями.

Ключевые слова: Русский мир, моноэтничность, полиэтничность, духовные основания, синархия, Союзное государство.

Abstract . Russian world in response to the challenges of today again is in need of gathering lands and peoples in the Union State, on spiritual grounds commanded by Russian thinkers.

Key words: Russian world, the mono-ethnicity, poly-ethnicity, spiritual foundations, synarchy, the Union State.

Мы начинаем жить в новые времена, когда идеи, которые долгое время можно было услышать только в рамках социально-философских

дискуссий, начинают обретать черты реальности, становятся путеводными знаками эпохи. Во времена распада Советского Союза всем казалось, что эволюционная трансформация Страны с отказом от атеистической идеологии и сохранением социальных гарантий для основной массы населения невозможна. Все разговоры о Союзе Советских Синархических Республик, который должен был прийти на смену СССР могли вызвать лишь снисходительную улыбку. Синархия, буквально в переводе с греческого означающая «со-властие», в отечественной философской мысли используется для обозначения «со-начала» Божественного начала и человеческого, в социальном плане ведущего к утверждению «общенародной Синархической Державы», построенной на духовных основаниях (Куракина 1993, с. 165).

Лозунг свободы во всем, в том числе и в вероисповедании, ибо перестали преследовать за религиозные убеждения, был доведен до своего абсурда, позволившего кучке партактива поделить между собой всю государственную собственность. Народу была кинута кость «гласности», «приватизации», «перестройки», в то время как из страны вывозились несметные богатства, являвшиеся общим достоянием. Для управления процессом неслыханного грабежа «эффективные менеджеры» по заокеанским калькам, начали процесс развала страны, прежде всего по линии отделения и признания самостоятельности союзных республик, которые в свое время были предусмотрительно нарезаны большевиками из российских губерний.

Этносы, которые были составной частью полиэтнического мира (сначала Российской империи, а затем пришедшей ей на смену Советской), в лице своего этнократического руководства, провозгласили свою самостийность и начали борьбу за отделение и построение моноэтнических государственных образования. При этом большая часть населения, воспитанная в идеологии советской общности народов СССР, проявила пассивность в противостоянии малой, но хорошо организованной группе «самостийщиков», которые на протяжении десятков лет подпитывались западными спонсорами. После катастрофического распада великой державы Госдеп не постеснялся обнародовать цену своей операции по развалу Советского Союза, мотивируя тем, что миллиардные затраты оправдали себя полностью, и обошлись в гораздо меньшие суммы по сравнению с открытым столкновением капиталистического лагеря с социалистическим.

Русский мир, столетиями собираемый русским этносом в полиэтническую Российскую государственную общность, в результате «перестройки» был планомерно разбит на составные части, манипулируя этническим фактором как линией отделения от единого Советского союза. Все новоявленные этнократические «султанаты», никогда прежде не имевшие своей отдельной от Российской империи государственности,

провозгласили себя моноэтническими, за исключением Российской Федерации, для которой была уготована участь дальнейшего разделения по тому же этническому принципу (на башкортостан, калмыктостан, татарстан и т.д.). Русский народ, имевший после развала Советского союза гораздо больше основания по стандартам ООН для провозглашения своего государствообразующего статуса и, соответственно, моноэтничности и моноконфессиональности, чем например прибалтийские титульные этносы, поскольку русский этнос в РФ составляет более восьмидесяти процентов, в силу ряда причин не объявил о своей титульности в рамках Российской Федерации. До сих пор считается, что население РФ является полиэтничным, тогда как даже Украина с гораздо меньшим процентом титульного этноса, объявляет себя моноэтничной со всеми вытекающими отсюда последствиями. С одной стороны, то что русский народ даже в конституции страны не объявлен ни титульным, ни государствообразующим может привести к дальнейшему развалу России по образцу Советского союза, на что неоднократно указывали некоторые массмедиа; с другой стороны, русский народ как носитель имперского сознания, отказываясь от естественного права на титульность, жертвенно берет на себя обязанность по сохранению и приумножению полиэтничного многообразия Русского мира.

Пришло время переосмыслить происшедшее в широкой перспективе давно минувшего и современных событий, которые разворачиваются на наших глазах и грозят изменить весь ход истории. Две юбилейные даты, тесным образом взаимосвязанные друг с другом, перевернувшие жизнь на одной седьмой части суши – четверть века со времени распада Советского Союза, отмеченного в прошлом году, и столетний юбилей распада Российской империи, который «празднуют» в этом, – обязывают заново взглянуть на полиэтничную общность Русского мира и понять каким образом мы можем сохранить свою самобытную этническую идентичность в условиях форсированной глобализации. От того как ответит на этот вопрос Россия, быть может, зависит судьба всего мира, ибо издревле Русский мир присоединял к себе новые земли путем включения малых народов в единую полиэтничную русскую нацию, в противовес тому, как страны Западной Европы строились по модели моноэтнического нивелирования нетитульных этносов. Современная Россия становится полигоном выработки синархической модели этносистемы, объединяющей на единых духовных основаниях различные этносы, которые готовы принимать эти ценности в качестве первооснов своего бытия.

Революционные события в разных странах мира, происходящие в век новейших информационных технологий чуть ли ни на наших глазах в прямом эфире, не оставляют никакого сомнения в скрытом или даже

явном режиссировании больших масс населения для смены власти в интересах третьих стран. До недавнего времени такой третьей страной выступали США. Более того, как показали последние выборы, вершителями судеб мира стала не консервативная (охранительная) её часть, которая даже не была в достаточной мере представлена в международных средствах массовой информации, а транснациональные круги глобалистского толка, поставившие перед собой задачу создания мультикультурного хаоса в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке и т.д. Россия дважды в двадцатом веке столкнулась с притязаниями либерально-глобалистского «осьминога» на земли Русского мира, который в целях получения максимальных прибылей пошел на развал страны, физическое устранение лучших из лучших, присвоение и грабеж природных ресурсов и культурных ценностей. Главным направлением на разрушение национальной самобытности России стала атака на полиэтническую целостность Русского мира, который должен был согласно подобным планам погрузиться в хаос межнациональных конфликтов, один из которых в наше время так ловко разыгран на Украине.

Между курсом на мульти- и моно-культурализм (или национализм) – казалось нет выбора, однако та и другая модель в наше время провалились, одна в Германии, другая на Украине, вплоть до вооруженного противостояния в гражданской войне. Для Русского полиэтнического мира обе эти модели в равной мере неприемлемы, поскольку Западная Европа построила свою национальную (немецкую, французскую, итальянскую) титульность на устранении полиэтнического мира в своих странах, что порой выплескивается в некоторых странах в движение об отделении от основного государства. О мультикультурализме также говорить не приходится, поскольку даже его сторонники пришли к выводу о его провале, ибо некогда христианская Европа, забывшая о своих культурных ценностях ничем не может противопоставить себя даже незначительным вкраплениям радикального ислама.

Российская империя собиралась в единое государство на совсем других принципах, о чем писал еще Н.Я. Данилевский в шестидесятых годах девятнадцатого века, опровергая расхожее мнение европейцев о том, что Россия якобы является «ненасытным завоевателем», ибо «никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез», скорее русский народ терпел много неправд и утеснения, но «сам никого не утеснял», а «воздвигнутое им государственное здание не основано на костях поправленных народностей» (Данилевский 2002, с. 42). Русский мир, в отличие от европейской колониальной системы, воздвигался путем присоединения малых этносов к единому полиэтническому целому на добровольных началах,

обеспечивая им тем самым защиту и сохранение от посягательства агрессивных соседей и приобщая их к более высокой христианской культуре.

Россия в своем поступательном развитии, по мысли Данилевского должна была явить первое в мире «четырёхосновное» государство, в котором наряду с развитыми религиозной, эстетически-научной и политико-правовой основой, характерными для всей европейской цивилизации того времени, должен получить развитие и социально-экономический вопрос. Данилевский в заключении своей книги «Россия и Европа» писал: «Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырех-основным культурно-историческим типом. Особенно оригинальной чертой его должно быть в первый раз имеющее осуществиться удовлетворительное решение общественно-экономической задачи» (Данилевский 2002, с. 510). Семидесятилетний опыт Советского Союза, казалось, и был направлен на решение последнего вопроса, путем перехода от капитализма к социализму, созданию социалистического государства обеспечивающего социальную справедливость в распределении общенациональных доходов, что до сих пор остается притягательным для многих народов Земли, терпящих социальное неравенство, задаваемое транснациональными монополиями. Однако Социалистический лагерь во главе с СССР построенный преимущественно на социально-экономических основаниях потерпел крушение под напором этнического «парада суверенитетов» его составных частей, вплоть до распада и самого Советского Союза.

Руководствуясь лозунгами перехода от капитализма к коммунизму-социализму, и обратно, дважды в течении одного столетия проводился катастрофический слом государственного устройства нашего отечества, сопровождаемый неисчислимыми бедами народа. В условиях современных вызовов дихотомия «капитализм - социализм», введенная в научный обиход еще в XIX веке, бесконечно устарела, на что в свое время неоднократно указывали русские философы В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, С.Н.Булгаков и др., переводя суть проблемы в плоскость духовного противостояния. Для русских религиозных мыслителей характерно считать, что в основе любой культуры лежит «культ», религиозный культ, как почитание, поклонение высшей реальности, вокруг которого оформляется религиозная обрядность, искусство, культура. В нашем отечестве таким истоком явилось христианство, православие, из которого произошло разворачивание православных ценностей во всех направлениях: философии, социологии, научном мышлении, архитектуре, музыке, поэзии, морали. Славянофилы в качестве задачи развития самостоятельной русской философии выдвинули программу создания целостного христианского мировоззрения, опирающегося на самобытное православие русского

народа, одним из аспектов которого является разрешение проблемы социального устройства человечества. Наряду с учением о богочеловеческом достоинстве личности, центральной в русской философии является проблема организации общества на христианских началах соборности по образцу церковного устройства (А.С. Хомяков). Соборность означает сочетание свободы и единства многих, объединенных взаимной любовью к абсолютным ценностям.

Современное состояние «цивилизованного общества», согласно В.С. Соловьеву, является «ненормальным» в нравственном смысле, в силу самого «общего принципа современного общества», в котором верховное значение принадлежит вещественному богатству. Такое общество он называет «плутократией». Плутократия «безнравственна и отвратительна как извращение общественного порядка, как превращение низшей и служебной по существу своему области, именно экономической, в высшую и господствующую, которой все должно служить средством и орудием» (Соловьев 2001, с. 125). На такое недолжное состояние социума В.С. Соловьев дает ответ в своем учении о «теократии», как власти духовного начала над всеми формами человеческого общежития. Опираясь на традиционные ценности отечественной культуры, базирующиеся на христианстве, Соловьев очерчивает социально-религиозный идеал «всемирной организации истинной жизни». В противовес ложности природного существования он призывает к теократическому строительству как главенству Церкви для осуществления царства Божия на земле.

Заветы русских религиозных мыслителей не могут не учитываться и в наши беспокойные времена также, как и исторический опыт минувшего столетия. Противостояние, и соответственно, разрушение современной России провозглашено в качестве цели военной доктрины НАТО и происходить оно может по уже отработанным сценариям, как в начале прошлого века под лозунгами социальной справедливости, либо, так и в его конце под лозунгами отстаивания этнокультурной самобытности, требующей самостоятельного государственного устройства. Однако опыт вновь провозглашенных государственных образований, возникших в результате распада СССР, показывает, что «демократический» Запад не допускает проявления у них этой самостоятельности ни в политике, ни в социальной сфере, ни в этнокультурной, вбирая их в сферу своего влияния на униженных условиях третьесортных стран и забирая их территории под строительство военных баз, направленных против непокорных. Вызовы современности, собственно, не оставляют для России иного выбора, как перехода от межкультурного диалога со странами бывшего СССР к построению Союзного государства на единственно бытийных, духовных основаниях, ибо все другие не выдержали испытания временем.

Русский мир стоит на пороге нового собирания земель и народов на государственном уровне, как издревле русские первопроходцы присоединяли полупустынные земли Сибири и Дальнего Востока к владениям Русской короны. То, что «самопровозглашенные идентичности», такие как Абхазия, Приднестровье, Донбасс и др., не способны в одиночестве сохранить свою независимость, все более становится понятным народам их образующим, и процесс присоединения к Российской Федерации, ждет только своего «заветного часа», в том числе способности самого Русского мира перейти от диалога к действию, от симфонии согласия к синергии действия, результатом которых должна стать Синархия со-начала духовного и социокультурного. О необходимости выработки этой «новой государственной организации» пророчески предупреждал И.А. Ильин, когда после расчленение России, которое будет сопровождаться длительным хаосом, всеобщим распадом и разорением, должно последовать «новое собирание русских территорий и российских народов в новое единство» (Ильин 1992, с. 435).

Возвращение Крыма в состав России вызвало всеобщее ликование Русского мира, каким ожидается и дальнейшее воссоединение, некогда отпавших самопровозглашенных идентичностей. И если высшие государственные структуры находятся еще в состоянии некоторого социально-политического ожидания, то ничто не мешает представителям Русского мира, в лице общественных организаций, отдельных партий, социальных движений, объявить о признании «непризнанных и частично-признанных» государств и о потенциальном согласии на вхождении их в состав единого Союзного государства. И тогда под напором обстоятельств и общественного мнения «признание непризнанных» произойдет и на высшем государственном уровне, несмотря на протесты недругов страны, ибо в отличие от Запада мы не покоряем другие народы, не похищаем чужие ресурсы и территории, а возвращаем свои исконные земли, восстанавливая тем самым шаг за шагом единое тело Российской государственности, призванной в веках для спасения рода человеческого.

О высшем призвании России немало написано славянофилами начиная с ранних – И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Наиболее ярко это «всеевропейское и всемирное» назначение русского человека смог выразить Ф.М. Достоевский в речи подготовленной по случаю открытия памятника А.С. Пушкину в 1880, в которой объясняет, что «стать настоящим русским» означает «стать братом всех людей, *всечеловеком*». Достоевский верит, что «будущие грядущие русские люди поймут уже до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь

окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» (Достоевский 1984, с. 147).

В начале двадцатого века выдающийся русский мыслитель Л.А. Тихомиров, разочаровавшись в революционных идеях и ставший пламенным защитником «Монархической государственности», пишет о том, что нет ни одного крупного деятеля русской мысли, который бы не свидетельствовал о том, что «русская национальность есть мировая национальность», которая никогда не замыкалась в круге племенных интересов, но всегда несла «идеалы общечеловеческой жизни», всегда в своей жизни умела дать место «множеству самых разнообразных племен». Именно эта черта и делает русский народ «великим мировым народом» и во имя этой «великой общечеловеческой миссии русский народ может требовать себе руководства другими народами». Тихомиров спрашивает, как же можно отказаться от «религиозного воздействия на другие народы», если «Россия -- носительница христианской миссии, дела Божия»? (Тихомиров 2002, с. 168).

Русский мир, вновь собирая лишь временно отпавшие от себя земли и народы бывшей Российской Империи и Советского Союза, в лице своих лучших представителей, должен осознавать принципы, на которых возможно такое строительство в современных условиях, учитывая, как положительный опыт, так и отрицательный. Речь идет о добровольном присоединении, прежде всего, новообразованных непризнанных государственных образований с преобладающим православным славянским населением. О критериях вхождения в государственную структуру Русского мира можно будет еще долго дискутировать, но некоторые принципы, следуя заветам русских мыслителей, необходимо озвучить и сейчас. Это – Православное вероисповедание, преобладание славянского населения, русский язык. Не исключено, что по мере собирания Русского Православного мира в его состав захотят войти и некоторые Православные страны Запада, вспомним Сербию в период бомбардировок её НАТО. О возможности вхождения таких стран в Союзное государство, конечно, необходимо подумать заранее и предусмотреть статус ассоциированного членства, о чем начинают заявлять некоторые новые лидеры бывших соцстран (хотя не будем забывать предупреждений К.Н. Леонтьева о «психологии балканских славян»). Но собирание Русского мира будет невозможно без ответа на вопрос о социально-экономической справедливости, который был поставлен в СССР и так или иначе решался на протяжении всех семидесяти лет.

При построении Союзного государства мы вновь сталкиваемся с необходимостью найти такие управленческие решения, которые должны поставить во главу социального развития высшие духовные ценности,

которыми только и может жить русский человек. Известный философ права и государствовед Н.Н. Алексеев (1879-1964), размышляя о государственном устройстве советской России, писал что современный момент русской истории является «переходным», ибо рано или поздно «коммунистическая партия потеряет власть». Противник Октябрьской революции, участник Добровольческой белой армии, идеолог евразийского движения, он считал, возобладавшие в 1917 году «идеи демократии, диктатуры и социальной справедливости» должны остаться и стать основами будущего периода русской истории, но должны быть исправлены, «освобождены от материализма и преображены в смысле религиозном». «Установления московской монархии ушли в вечность, в целом своем они уже не возвратимы. Будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде» (Алексеев 1998, с. 116).

До недавнего времени о существенной роли Церкви в государственном управлении РФ можно было рассуждать лишь как о неких идеальных построениях русских мыслителей. Однако, в рамках Международных Рождественских образовательных чтений все большее значение начинают приобретать Парламентские встречи, на которых Патриарх Кирилл начал выступать в Государственной думе с ежегодными, если хотите, Пасторскими посланиями законодательного характера. Особенно примечательным оказались последние V Рождественские Парламентские встречи «1917-2017: уроки столетия», которые были отмечены не только в Церковной среде, но и в лице спикера Государственной Думы были восприняты как новая форма совместных «слушаний», на которых социально-экономические проблемы, озвученные Патриархом как нравственной совестью Православного народа, должны быть услышаны на законодательном уровне.

Помимо традиционных для пасторского послания вопросов нравственного характера, Патриарх обратил внимание на проблему формулирования «общенациональных идей, определяющих вектор развития государства и общества», которое невозможно «вне духовно-нравственного контекста». Святейший Патриарх Кирилл выразил убеждение, что невозможно понять душу и мотивы поступков русского человека без глубокого изучения русской истории, ибо Крещение Руси поставило «христианские ценности в центр жизни народа и государства», которые стали «основанием для формирования нового общества на просторах Руси -- общества, построенного на стремлении к небесному, к высоким духовным идеалам, к живому и непрерывному поиску Бога». Христианизация страны, по мнению Патриарха, послужила не только формированию единого государства, но и дальнейшему развитию

государственной системы, основополагающей для которого явилось то, что «христианские духовно-нравственные ценности легли в основу самосознания и национальных культур многих народов исторической Руси» (Патриарх Кирилл 20017).

В заключение необходимо отметить, что уроки прошедшего столетия не должны пройти даром, о чем нам постоянно напоминают великие русские философы и мыслители, призывая к возрождению на духовных основаниях Великой России, включающей все народы и племена как Российской империи, так и Советского Союза. Собрания народов и земель Русского мира в единое Православное государство, которому мы усваиваем название Православная Синархия является неотложной задачей наших дней. Только провозглашение Христианских ценностей, как духовных основ государственного домостроительства, может дать надежду на солидарность и поддержку всего мирового сообщества, в том числе и представителей других мировых религий, в противостоянии современным вызовам. Воспользовавшись древним сакральным термином, мы говорим о Синархии как о Со-началии Бога и Человека, исполняющего Божественный заповеди. В социологическом плане Синархия – это соборная структура общества, когда функции данного уровня исполняются существом соответствующего нравственного уровня и бытия. Применительно к организации современного общества, Синархия связана с со-началием выборного народовластия в лице государственных органов и нравственной Иерархией, являющейся нравственной совестью человеческого сообщества, роль которой выполняет Церковь, как «богочеловеческий организм» (А.С.Хомяков). Синархическое собрание народов полиэтнического Русского мира в единую Русскую нацию, никого не ущемляя, ни малого народа и ни большого, возвышает каждого в соответствии с тем насколько он готов служить Божественному замыслу Правды, Добра и Справедливости.

Литература:

1. Алексеев 1998 – Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Данилевский 2002 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2002.
3. Достоевский 1984 – Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1984. Т.26.
4. Ильин 1992 – Ильин И.А. Россия есть живой организм // Русская идея. М., 1992. С. 430-435.
5. Куракина 1993 – Куракина О.Д. Ноосферная Синархия: проблема выбора социокультурной доминанты // Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993. С. 153-165.

6. Патриарх Кирилл 2017 – Патриарх Кирилл. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на V Рождественских Парламентских встречах 26 января 2017 года / <http://www.patriarchia.ru/db/print/4790140.html>

7. Соловьев 2001 – Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Полн. соб. соч. в 15 т. М., 2001. Т.3.

8. Тихомиров 2002 – Тихомиров Л.А. Что значит жить и думать по-русски? // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 2002. С. 133-263.

References:

1. Alekseev 1998 – Alekseev N.N. *Russian people and the state*. М., 1998.

2. Danilevsky, 2002 – Danilevsky N.I. *Russia and Europe*. М., 2002.

3. Dostoevsky 1984 – Dostoevsky F.M. *Pushkin* // Full.Coll.Op. 30 V. М., 1984. V. 2

4. Ilyin 1992 – Ilyin I.A. *Russia is a living organism* // Russian idea. М., 1992. P. 430-435.

5. Kurakina 1993 – Kurakina O.D. *Noosphere Synay: the problem of choice of socio-cultural dominant* // Kurakina O.D. Russian kosmizm as a sociocultural phenomenon. М., 1993. P. 153-165.

6. Patriarch Kirill 2017 – Patriarch Kirill. *Report of his Holiness Patriarch Kirill V Christmas Parliamentary meetings 26.01.2017* / <http://www.patriarchia.ru/db/print/4790140.html>

7. Soloviev 2001 – Soloviev V.S. *Criticism of abstract beginning* // Full.Coll.Op. 15 V. М., 2001. V.3.

8. Tikhomirov 2002 – Tikhomirov L.A. *What it means to live and think in Russian?* // Tikhomirov L.A. Christianity and politics. М., 2002. P. 133-263.

*Алексеева И. Ю. (Москва, Российская Федерация)
Alekseeva I. Yu. (Moscow, Russian Federation)*

Образ «Мы»: проблемы информационно-психологической защиты

Self-image of historical community: Issues of psychological information

Аннотация. Вопросы формирования образа «Мы» как само-образа исторической общности людей рассматриваются в контексте проблематики информационно-психологической безопасности, исторической памяти и исторического сознания.

Ключевые слова: образ «Мы», само-образ, информационно-психологическая безопасность, историческая память, историческое сознание.

Abstract. The author explores collective Self-image of historical community in the context of psychological information security, historical memory and historical consciousness.

Key words: Self-image of historical community, “We”-image, psychological information security, historical memory, historical consciousness.

Многие вопросы национального, культурного и цивилизационного самосознания являются, по сути, вопросами конструирования, сохранения и преобразования образа «Мы» как «само-образа» определённой исторической общности людей. С таких позиций соответствующие проблемы могут быть поняты как проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности общества и его частей. Такие проблемы имеют и сходство, и различия с проблемами обеспечения информационно-психологической безопасности личности.

Термин «информационно-психологическая безопасность» был введен в употребление российскими психологами в 90-х годах XX века. В 1995 г. Институтом психологии РАН была проведена 1-я научно-практическая конференция по этим проблемам, а за прошедшее после этого время накоплен опыт их изучения (Войскунский 2010).

Сохраняет актуальность предложенная Г.В. Грачёвым характеристика информационно-психологической безопасности личности как «состояния защищенности психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе» (Грачев 2003, с. 145). Попытки сформулировать аналогичное определение информационно-психологической безопасности общества сталкиваются с трудностями, обусловленными особенностями общества как системы, которая не может быть «сведена» к совокупности индивидов. Сложный характер устройства и функционирования имеющихся в обществе организаций и институтов, структур и механизмов управления, эффектов взаимодействий с другими социумами – всё это позволяет лишь в самом отвлеченном смысле говорить о необходимости и возможности формирования адекватной информационно-ориентировочной основы жизнедеятельности общества в целом.

Применительно к обществу представляется полезным предложенное А.А. Малюком определение информационной безопасности как «такого состояния рассматриваемой системы, при котором она, с одной стороны,

способна противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних информационных угроз, а с другой – её функционирование не создает угроз для элементов самой системы и внешней среды» (Малюк 2004, с. 12). К проблемам информационной безопасности технических систем относят вопросы защиты информации от несанкционированной модификации, искажения, уничтожения, злонамеренного использования, вопросы обеспечения должного качества информации, а также способы защиты людей и технических систем от разрушающего воздействия информации. Аналогичные проблемы возникают не только в технических, но также в биологических, социальных и биосоциальных системах. Полное отсутствие как внешних, так и внутренних угроз достижимо лишь в идеальной ситуации. На деле же обеспечение безопасности требует мер, направленных на защиту от имеющихся угроз и предотвращение возникновения новых. При этом не всегда возможно провести чёткое различие информационно-технической и информационно-психологической безопасности.

Проблемы формирования образа «Мы» как само-образа общества (или части общества) связаны и с проблемами обеспечения необходимого уровня психологического потенциала. Индивидуальный психологический потенциал определяется как «интегральная характеристика совокупности всех психологических свойств индивида, лежащих в основе его возможностей осуществлять продуктивную жизнедеятельность», а популяционный психологический потенциал – как «системное свойство социума, возникающее на базе психологических свойств и определённой организации составляющих его людей, лежащее в основе возможностей социума осуществлять продуктивную жизнедеятельность» (Смолян 1997, с. 6-7). Продуктивная жизнедеятельность характеризуется в самом общем виде как «устойчивая жизнедеятельность, направленная на удовлетворение естественных биологических и духовных потребностей людей, их прогрессивное развитие и обеспечение всё большей независимости человеческого общества от неблагоприятных условий среды» (Смолян 1997, с. 6-7). С этих позиций информационно-психологическая безопасность понимается как такая ситуация в системе «человек – информационная среда», которая не вызывает снижения индивидуального или популяционного психологического потенциала за допустимые пределы.

В идеале, обеспечение информационно-психологической безопасности предполагает разработку и осуществление мер, направленных и на сохранение психологического потенциала, и на обеспечение адекватной информационно-ориентировочной основы поведения человека; при этом поддержание психологического потенциала и обеспечение адекватной информационно-ориентировочной основы может мыслиться как двуединая задача. В реальных же условиях нередки

ситуации, когда предоставление человеку адекватной информации (а адекватность связывается с достоверностью сведений) может приводить к понижению его психологического потенциала, затруднять и даже подавлять продуктивную жизнедеятельность.

Стремление использовать в решении проблем информационно-психологической безопасности имеющийся опыт изучения механизмов психологической защиты естественно и правомерно. Проблемами психологической защиты личности занимался ещё З. Фрейд, искавший способы избавления своих пациентов от невротических состояний. Психологическая защита призвана предотвращать нарушения внутренней устойчивости личности, которые могут возникать под влиянием обстоятельств частной жизни или факторов социального порядка. Приёмы психологической защиты достаточно эффективны в решении задачи сохранения психологического потенциала, однако многие из них основываются не на предоставлении защищаемой личности достоверной информации, всесторонне характеризующей ситуацию, а на преднамеренном искажении ситуации. Так, в структурной теории механизмов психологической защиты Р. Плучека в качестве основного объекта защиты выделяется позитивный образ Я («самообраз»). Собственно же защита организуется как «...последовательное искажение когнитивной и аффективной составляющей эксквизитной ситуации с целью ослабления эмоционального напряжения, угрожающего индивиду в случае, если бы ситуация была отражена в предельно возможном для него соответствии с реальностью» (Романова 1996, с. 29-30). Такие приемы, используемые психиатром или психологом, подчиняющимся нормам профессиональной этики в индивидуальной работе с пациентом, оказывают благотворное воздействие на последнего. Однако если подобные приёмы используются для воздействия на социальные группы или на отдельных индивидов в корыстных интересах субъекта воздействия (коммерческих, политических или других), то их можно квалифицировать как манипуляции.

Манипулятивным считают психологическое воздействие, «искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко 1996, с. 59). Успех манипуляции определяется тем, что у человека – объекта манипулирования – создается впечатление, что он сам управляет своим поведением, осуществляя осознанный выбор на основе рационального анализа ситуации. Не случайно задачи обеспечения информационно-психологической безопасности рассматриваются некоторыми учеными, прежде всего, как задачи защиты от негативных информационно-психологических воздействий, основной разновидностью которых являются манипуляции. «Негативные информационно-психологические воздействия, пишут В.Д. Аносов и В.Е.

Лепский, – это прежде всего манипулятивные воздействия на личность, на её представления и эмоционально-волевую сферу, на групповое и массовое сознание, инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия» (Аносов 1996, с. 7).

Проблемы информационно-психологической защиты от манипуляций актуальны не только для личностей, но также для социумов и выделяемых по разным основаниям групп. В создании образа «Мы» как образа культурно-исторической общности большую роль играет историческая память, которая закономерно становится сферой применения манипулятивных технологий. Подобные манипуляции осуществляются через электронные и печатные СМИ, литературу, социальные сети, разнообразную аудио- и видеопродукцию. Для постсоветского пространства достаточно типичным является положение дел, когда информационная политика, направленная на повышение психологического потенциала так называемой «титупьной нации», игнорирует вопросы информационно-психологической безопасности других этнических групп и культурно-исторических общностей. Это выражается, в частности, в создании негативного образа России и русских. Свой вклад в формирование такого образа вносят не только СМИ и публицистика, но и виды литературы, претендующие на статус научной и использующиеся в качестве учебной.

Показательны в данном отношении результаты масштабного исследования, проведенного в рамках проекта «Формирование у молодежи неконфронтационных, интеграционных взглядов на историю в России и странах постсоветского пространства». В ходе данного исследования был осуществлен сбор и частичный перевод 187 школьных учебников и учебных пособий по истории 12 стран, ранее имевших статус советских республик. Это Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Узбекистан, Украина, Эстония. Анализ соответствующих материалов представлен в докладе «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» (Освещение... 2009) и других публикациях. «Анализ школьных учебников истории постсоветских стран, – пишет А.И. Филиппов, – показывает, что, за исключением Белоруссии и (в меньшей степени) Армении, все остальные страны пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки истории, основанной на мифах об автохтонности, о прародине, о лингвистической преемственности, о славных предках, о высокой культурной миссии, об этнической однородности, о заклятом враге. При этом в качестве

«заклятого врага» используется образ России и русских» (Филиппов 2015, с. 48). Усилия, прилагавшиеся Россией и русскими для социально-экономического развития национальных окраин (включая строительство железных дорог, городов и заводов, открытие университетов и театров), оцениваются с позиций националистической историографии как проявление эксплуатации и русификации, а положительные изменения в жизни нерусских народов – как происходившие вопреки «имперскому центру» и его политике. В сознании бывших советских народов формируется «образ России как зловещей империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их предков» (Филиппов 2015, с. 61-62).

Усвоение подобным образом подаваемой информации и дезинформации становится обязательным и для русских школьников, живущих в упомянутых странах. Это не может не оказывать негативного влияния на формирование как личностного, так и этнокультурного самосознания новых поколений русских людей за пределами Российской Федерации. В рассматриваемых случаях на государственном уровне предпринимаются (или, как минимум, одобряются) попытки повысить психологический потенциал общества в целом, понижая при этом психологический потенциал его части. Но можно ли утверждать, что таким образом обеспечивается информационно-психологическая безопасность целого? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, поскольку информационно-психологическая безопасность предполагает формирование адекватного образа «Мы» и модели мира с надежной фактологической основой принятия решений.

Для современного российского общества характерно чрезвычайное разнообразие в способах описания национального прошлого, оценки исторических событий и конструирования образа «Мы». Отражение такого разнообразия в учебной литературе (когда разные учебники представляют противоречащие друг другу версии отечественной истории) создаёт специфические трудности в усвоении школьниками исторических знаний и формировании исторического сознания новых поколений. Осознанная на государственном уровне проблема учебника российской истории не является проблемой собственно исторической науки. Так, в современных российских дискуссиях немаловажное место занимает проблема фальсификации истории. При этом фальсификация трактуется в широком смысле слова, охватывающем не только подделку, уничтожение или сокрытие документов, но также тенденциозный отбор и толкование фактов, позволяющее изобразить отсутствующие в реальности связи между фактами. Однако тенденциозный отбор и истолкование, в отличие от уничтожения и подделки, обычно подаётся как реализация права автора на собственную точку зрения. Автор исторического повествования реализует и право применять (или не применять) современные моральные

нормы, оценивая события, происходившие в иные эпохи и в обществах с иной моралью.

Следует согласиться с авторами, подчеркивающими, что историческое сознание не сводится к исторической памяти, но проецирует опыт прошлого в настоящем и ориентируется на будущее (Дмитриева 2015, с. 132). Не только историческая память влияет на представления о настоящем и будущем, но и сами эти представления неизбежно влияют на видение прошлого.

Не будет преувеличением сказать, что проблема учебника истории сегодня – это проблема всего российского общества. Она касается не только школьных учителей и ученых-историков, но и ученых-психологов, а также людей других профессий и родов деятельности. Не являются исключением и исследователи, занимающиеся комплексными проблемами информационной безопасности и информационно-психологической безопасности.

Информационно-ориентировочная основа общественной жизнедеятельности представляет собой не просто набор каких-либо фактов (односторонне характеризующих ситуацию), а достаточно сложную картину человека и общества с их настоящим, прошлым и возможным будущим. Информация, используемая в создании такой картины, в идеале должна быть достоверной, объективной, всесторонне характеризующей ситуацию, и при этом соответствующей целям выживания и развития социального субъекта – как индивидуального, так и коллективного.

Литература:

1. Аносов 1996 – Аносов В.Д., Лепский В.Е. Исходные предпосылки информационно-психологической безопасности // Брушлинский А.В., Лепский В.Е. (ред.). Проблемы информационно-психологической безопасности. М., 1996.
2. Войскунский 2010 – Войскунский А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 48-53.
3. Грачев 2003 – Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М. 2003.
4. Дмитриева 2015 – Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы её формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132-137.
5. Доценко 1996 – Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 1996.

6. Малюк 2004 – Малюк А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. М., 2004.
7. Освещение... 2009 - Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. М., 2009.
8. Романова 1996 – Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты. Генезис, функционирование, диагностика. МПГУ, Мытищи, 1996. С. 29–30.
9. Смолян 1997 – Смолян Г.Л., Заракровский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М., 1997.
10. Филиппов 2015 – Филиппов А.И. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. Вып. 12. С.44-62.

References:

1. Anosov V.D., Lepskij V.E. Ishodnye predposylki informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti // Brushlinskij A.V., Lepskij V.E. (red.). Problemy informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti. М., 1996.
2. Vojskunskij A. E. Informacionnaja bezopasnost': psihologicheskie aspekty // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010, no1. pp. 48–53.
3. Grachev G.V. Lichnost' i obshhestvo: informacionno-psihologicheskaja bezopasnost' i psihologicheskaja zashhita. М. 2003.
4. Dmitrieva O. O. Istoricheskaja pamjat' i mehanizmy ee formirovanija: analiz istoriograficheskikh koncepcij v otechestvennoj nauke // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 6 (361). Istorija, vol. 63, pp. 132-137.
5. Docenko E.L. Psihologija manipuljacji: fenomeny, mehanizmy, zashhita. М., 1996.
6. Maljuk A.A. Informacionnaja bezopasnost': konceptual'nye i metodologicheskie osnovy zashhity informacii. М., 2004.
7. Osveshhenie obshhej istorii Rossii i narodov postsovetskih stran v shkol'nyh uchebnikah istorii novyh nezavisimyh gosudarstv / Pod red. A.A. Danilova, A.V. Filippova. М., 2009.
8. Romanova E.S., Grebennikov L.R. Mehanizmy psihologicheskoy zashhity. Genезis, funkcionirovanie, diagnostika. MPGU, Mytishhi, 1996, pp. 29–30.
9. Smoljan G.L., Zarakovskij G.M., Rozin V.M., Vojskunskij A.E. Informacionno-psihologicheskaja bezopasnost' (opredelenie i analiz predmetnoj oblasti). М., 1997.

10. Filippov A.I. Shkol'naja istorija i obshhestvennoe mnenie v postsovetskih stranah // Istorija i istoricheskaja pamjat': mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: Sarat. gos. un-t, 2015, vol. 12, pp. 44-62.

*Петракова Л. Е. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Petrakova L. E. (Tiraspol,
Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika)*

**Становление и развитие единого образовательного пространства
России и Приднестровской Молдавской Республики (2000–2016 гг.)**

**Formation and development of a single educational Space
of Russia and the Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika (2000-
2016)**

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы и аспекты формирования единого образовательного пространства России и Приднестровья, определены цели и задачи интеграционных процессов в образовании, представлены примеры сотрудничества и взаимодействия в области основного общего и высшего уровней образования как принципа взаимодействия государственной и международной политики двух стран в образовательном процессе.

Ключевые слова: единое образовательное пространство, образовательные стандарты, приоритеты образования, меморандум о сотрудничестве.

Abstract. The main stages and aspects of formation of consistent educational space of Russia and Transnistria are reviewed in this article. Also the author determines purposes and problems of integration processes in education and examines the examples of cooperation and interaction in the secondary and higher education levels as a principle of interaction of the state and international policy of two countries in the educational process

Keywords: consistent educational space, educational standards, education priorities, memorandum of cooperation

Понятие единого образовательного пространства возникло в конце XX века в Европе. Оно предполагало создание унифицированной европейской образовательной программы в целях разработки системы единых требований к образовательному уровню выпускников учебных учреждений и достижения конвертируемости документов об образовании, возможности трудоустройства в условиях формирующегося тогда Единого европейского сообщества.

Прежде чем говорить об этапах становления и развития единого российско-приднестровского образовательного пространства, обратимся к значению самого термина. Единое образовательное пространство – это принцип государственной и международной политики в сфере образования и его организации в исторически, экономически, религиозно, национально и политически разнородных территориях. Оно обеспечивается единой стратегией развития, созданием единой информационной системы, координацией нормативных и содержательных основ, выработкой единых правил приёма в учебные заведения (Безрукова, 2000).

В педагогической науке понятие «единое образовательное пространство» определяется как 1) целостная, преемственная, гуманистическая педагогическая система, функционирующая в границах территориального деления (области, региона); 2) механизм гуманизации воспитательно-образовательного процесса, пространство, где корректируются, диагностируются деятельности (Педагогическая терминология: [Педагогика] URL: <http://www.pedpro.ru/termins/138.htm>). Для России и Приднестровья этот принцип особенно важен, в том числе, как средство сохранения общерусского сознания и духовной близости наших многонациональных народов.

17 ноября 2015 г. на заседании межведомственной рабочей группы Совета при Президенте РФ по науке и образованию Наталья Третьяк, первый замминистра Минобрнауки РФ, отметила, что главными инструментами для формирования единого образовательного пространства служат разработанные и утверждённые федеральные государственные образовательные стандарты, а также созданные на их основе примерные образовательные программы, и именно благодаря внедрению этих механизмов можно достичь качественных результатов в образовании (Единое образовательное пространство как залог устойчивого развития российского образования [Третьяк Наталья.] URL: <http://tretjak-natalja.ru/edinoe-obrazovatelnoe-prostranstvo/>).

Образовательные процессы, которые происходят в едином пространстве, направлены на формирование личности, гражданской позиции молодого человека. Его ключевые параметры – это единство всех составляющих: содержания образования, единства воспитательного пространства, критериев оценивания знаний и умений. Отвечать единым требованиям должны и условия, в которых происходит учебный процесс. Это подразумевает обеспечение образовательных учреждений необходимыми методическими пособиями, единый подход к оснащению профильных кабинетов, соблюдение общих для всех СанПиНов.

Кардинальные изменения, происходящие в 1990-е на всём постсоветском пространстве, отразились на состоянии системы образования и в Приднестровье. Демократизация и развитие

вариативности образовательных учреждений, учебников, образовательных технологий были отличительными позитивными последствиями этого процесса. Однако, с другой стороны, это вело к нарушению преемственности различных уровней образования, разбалансировке системы. Именно поэтому Правительство Приднестровской Молдавской Республики в декабре 1998 г. приняло Концепцию и программу реформирования системы образования и науки на территории Приднестровья (ЦГА ПМР. Ф. 1026. Протокол № 1. Заседание коллегии МНО и документы к нему за 1998–1999 уч. год от 24.09.1998). В документе закреплялись основные приоритеты государственной образовательной политики, нацеленной на формирование гибкой, открытой, разноуровневой системы образования в условиях сохранения образовательных связей с Россией и последующее вхождение в образовательное пространство стран СНГ.

Модернизация отрасли выразилась в введении новых государственных образовательных стандартов: за основу были взяты соответствующие стандарты РФ с включением республиканского компонента по ряду предметов, позволяющего реализовывать этнокультурную и историко-патриотическую специфику края и идеи Приднестровской государственности (Концепция модернизации образования в ПМР на период до 2008 года 2003, с. 9). С 1993 г. в Приднестровье проходил процесс стандартизации образования синхронно с Россией, в условиях взаимного сотрудничества, получения приднестровцами педагогической, методической, консультативной помощи. Основные принципы государственной политики ПМР в сфере образования были закреплены в Конституции ПМР, в Законах «Об образовании», «О языках», «О науке и научно-технической политике», в Доктрине образования и др. (Конституция ПМР, 2016; Закон ПМР «О языках в Приднестровской Молдавской Республике», 1992; Закон ПМР «О науке и государственной научно-технической политике», 1997; Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики «Об утверждении доктрины образования в Приднестровской Молдавской Республике», 2005).

30 мая 2000 г. Министерство образования Российской Федерации и Министерство народного образования Приднестровья заключили Меморандум о взаимовыгодном сотрудничестве в области образования (Берил, 2010, с. 241). Тем самым был закреплен принцип вступления Приднестровья в единое образовательное пространство России. Документ регламентировал разработку и внедрение в образовательный процесс единых стандартов образования, развитие согласованного нормативно-правового и учебно-методического обеспечения образовательного процесса, преподавание в ПМР по учебно-методическим комплексам и комплектам учебников, приобретаемых в России, продолжение работы по

обеспечению взаимного признания и эквивалентности документов об образовании стран-участниц СНГ как фактора, способствующего академической и профессиональной мобильности (Берил, 2010, с. 242).

Процесс дальнейшего развития единого образовательного пространства обсуждался на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 16 ноября 2006 г. в г. Санкт-Петербурге. Итогом работы стало принятие постановления 27–12 об утверждении «Модельного образовательного кодекса для государств-участников СНГ». Документ определил основы правового регулирования в области образования, принципы образовательных отношений, условия дисциплинарной и материальной ответственности в системе образования, а также было сформулировано значение термина «единое образовательное пространство» как «пространство, характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, уровней образования, нормативных сроков обучения на каждом уровне, положений и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров, равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в государственном и муниципальном образовательном учреждении на территории государств-участников СНГ...» (Информационный бюллетень, 2007, с. 103–221). Через год, в 2007 г., итоговая аттестация выпускников приднестровских общеобразовательных учебных учреждений проходила в форме ЕГЭ по тестам РФ, а с 2008 г. стало возможным поступление в вузы России без процедуры признания национальных документов (Руководителю Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки РФ, 2008, с. 2).

Следующим этапом интеграции стало подписание 2 июля 2014 г. меморандума о сотрудничестве между Министерством образования и науки РФ и Министерством просвещения ПМР о взаимодействии в дошкольном, общем образовании, дополнительном образовании детей, среднем профессиональном, высшем, дополнительном профессиональном образовании, науке, а также в воспитании и молодежной политике (Приднестровье и Россия подписали семь меморандумов о сотрудничестве [point.news] URL: [https:// point.md/ru/novosti/politika/pridnestrovje-i-rossiya-podpisali-7-memorandumov-o-sotrudnichestve.](https://point.md/ru/novosti/politika/pridnestrovje-i-rossiya-podpisali-7-memorandumov-o-sotrudnichestve)). Кроме того, документ предусматривал договорённость о создании совместных информационных ресурсов в области образования, обмен документацией по вопросам образования и науки с целью обеспечения единых требований с ориентацией на мировые стандарты, установление прямых связей между организациями образования, развитие непосредственных сотруднических контактов между научно-техническими центрами, институтами и учёными.

Меморандум 2014 г. вывел сотрудничество двух министерств на новый уровень. С. Фадеева – в 2012–2015 гг. министр просвещения Приднестровской Молдавской Республики – в этой связи отмечала: «...мы рассчитываем на создание единого информационного ресурса по тем нормативным документам, которые регламентируют на сегодняшний день сферу образования и науки РФ и ПМР для того, чтобы разрабатывать эти документы в едином концептуальном ключе... Мы будем направлять нормативные программные документы по развитию системы образования в Минобрнауки РФ для проведения экспертизы и тем самым способствовать сохранению единого образовательного пространства с РФ и синхронного изменения наших образовательных систем» (Сотрудничество приднестровского Минпроса и российского Минобрнауки [Первый приднестровский] URL: <https://tv.pgtrk.ru/news/20140704/21135>). К сегодняшнему дню можно делать выводы о уже сформировавшемся российско-приднестровском образовательном пространстве. Образовательная деятельность на общеобразовательной ступени основана на российских ГОС и продолжает эволюционировать в едином законодательном поле, включая не только изменения конъюнктуры исторического образования в свете утвержденного нового Историко-культурного стандарта, изменений в других сферах общего образования, преподавания по новым учебно-методическим комплексам, разработанным в России и переданным в дар ПМР (Приднестровским старшеклассникам представители Правительства вручили новые учебники [Приднестровская Молдавская Республика Официальный сайт правительства] URL: <http://gov-pmr.org/item/5631>), но и требований к итоговой аттестации выпускников в форме ЕГЭ, уровни и требования к которым изменяются на протяжении ряда последних лет.

В высшей школе, Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко, который является центром интеграции системы образования Приднестровья в российское образовательное пространство, ещё с 2011 г. начат процесс перехода на Федеральные государственные образовательные стандарты 3-го поколения (Приказ ректора Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, 2011).

Постоянно расширяется география сотрудничества ПГУ с российскими вузами и научными центрами. Приведу несколько примеров:

– Договор о сотрудничестве между Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации и Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко от 4 июля 2003 г.;

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко от 28 сентября 2006 г.;

– Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией образования и Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко от 24 мая 2007 г.;

– Приказ Южного отделения Государственной академии наук «Российская академия образования» о создании в ПГУ им Т.Г. Шевченко Ассоциированного научного центра ЮО РАО № 4 от 17 июня 2008 г. и др. (Берил, 2010, с. 223–229).

Эти документы стали правовой основой для проведения аттестации ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Распоряжением Министерства образования и науки РФ Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки № 329–05 от 26 октября 2004 г., г. Москва «Об аттестации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко» было положено начало процедурам аттестации и аккредитации ПГУ. 3 июня 2005 г. Управлением лицензирования, аттестации и аккредитации за № 05–510 Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки МОН РФ было подготовлено Заключение по аттестации ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Очередная аттестация университета была выполнена через пять лет в мае 2010 г., затем в 2015 г. Таким образом, подтверждена эквивалентность дипломов главного приднестровского вуза российским.

О состоявшейся интеграции университета в российскую научно-образовательную систему и эффективное взаимодействие с образовательными системами других стран СНГ профессор С.И. Берил заявил ещё в 2011 году в своей программе кандидата на должность ректора (Берил 2011, с. 3).

После официального визита в апреле 2012 г. заместителя Председателя Правительства РФ, Специального представителя Президента РФ по Приднестровью Д.О. Рогозина и его встречи с профессорско-преподавательским составом университета начался новый этап развития ПГУ им. Т.Г. Шевченко как российского вуза:

– подготовлен и одобрен в международном департаменте Министерства образования и науки РФ проект создания Консорциума вузов-партнёров – Приднестровского государственного университета (ПГУ) и Воронежского государственного университета (ВГУ);

– для повышения темпа процесса интеграции ПГУ в систему образования и науки России выделены значительные финансовые средства для модернизации электронных ресурсов университета;

– принято принципиальное решение об открытии в ПГУ двух российских диссертационных советов с участием в их работе ведущих российских ученых из вузов-партнёров и государственных академий наук и многое др.

Выбор российских государственных образовательных стандартов позволил обеспечить легитимность дипломов ПГУ в частности, и легитимность приднестровских документов об образовании в целом, что

обеспечило реализацию права на образование в условиях непризнанной государственности.

Сегодня можно констатировать, что единое информационное российско-приднестровское пространство состоялось и ПГУ присоединился к информационному portalу России, что отметил в своей речи президент Академии информатизации образования Я.А. Ваграменко во время своего визита в Приднестровье (Центр СМИ, с. 3). Приднестровские ученые публикуются в научных журналах, принимают участие в международных конференциях и подготовке высококвалифицированных кадров. Только за период 2006-2011 гг. проведены 52 международные научные конференции, заключено более пятидесяти соглашений и договоров о сотрудничестве с десятью странами ближнего и дальнего зарубежья, в том числе с РАН, РАО, Федеральным агентством по образованию (Берил 2011, с. 3).

Таким образом, можно с уверенностью заявить о вхождении приднестровского образовательного пространства в единое российское поле и перманентно продолжающемся взаимном сотрудничестве во всех областях этого многогранного образовательного процесса.

Литература:

1. Безрукова 2000 – Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург. 2000.
2. Берил 2011 – Берил С.И. 10 лет устойчивого развития. Программа кандидата на должность ректора Приднестровского Государственного Университета им. Т.Г. Шевченко профессора С.И. Берила / С.И. Берил // Приднестровский университет. 06 нояб. 2011. С.3.
3. Берил 2010 – Берил С.И. Туннельный переход. Размышления ректора. Издательство Приднестровского Университета. Тирасполь, 2010.
4. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О языках в Приднестровской Молдавской Республике» от 8 сентября 1992 г. // – URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=36286>. – 27 февраля 2017.
5. Единое образовательное пространство как залог устойчивого развития российского образования [Третьяк Наталья]. URL: <http://tretjak-natalja.ru/edinoe-obrazovatelnoe-prostranstvo/>. — 15 марта 2017.
6. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О науке и государственной научно-технической политике» от 24 марта 1997 г. № 38-3 // – URL: <http://www.zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=36343>. 27 февраля 2017.
7. Информационный бюллетень 2007 – Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. N 39 (часть 2). С. 103-221.

8. Конституция Приднестровской Молдавской Республики: принята на всенародном референдуме 24 дек. 1995 г. (текущая редакция по состоянию на 20 авг. 2016 г.) [Официальный сайт Президента Приднестровской Молдавской Республики]. URL: <http://president.gospmr.ru/pravovye-akty/konstitutsiya-pmr/>. – 18.03.2017.

9. Концепция модернизации образования в Приднестровской Молдавской Республике на период до 2008 года 2003 – Концепция модернизации образования в Приднестровской Молдавской Республике на период до 2008 года. Тирасполь. РИО ПГУ.2003. С. 9.

10. Педагогическая терминология [Педагогика]. – URL: <http://www.pedpro.ru/terms/138.htm>. 5 апреля 2017.

11. Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики «Об утверждении доктрины образования в Приднестровской Молдавской Республике» от 18 марта 2005 г. № 2109 // – URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=37163>. 27 февраля 2017.

12. Приднестровье и Россия подписали 7 меморандумов о сотрудничестве [point.news]. – URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/pridnestrovje-i-rossiya-podpisali-7-memorandumov-o-sotrudnichestve>. 15 марта 2017.

13. Приднестровским старшеклассникам представители Правительства вручили новые учебники [Приднестровская Молдавская Республика Официальный сайт правительства]. – URL: <http://gov-pmr.org/item/5631>. 12 октября 2015.

14. Приказ ректора ПГУ им. Т.Г. Шевченко 2011 – Приказ ректора Приднестровского Государственного Университета им. Т.Г. Шевченко № 40-ОД от 19.01.2011 г. «О введении в действие содержания ФГОС-3 в основные образовательные программы, реализуемые в ПГУ им. Т.Г. Шевченко». Текущий архив Приднестровского Государственного Университета им. Т.Г. Шевченко.

15. Руководителю Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки РФ 2008 – Руководителю Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки РФ: письмо № 02-16/630 от 18.07.2008 г. Текущий архив МП ПМР.

16. Сотрудничество приднестровского Минпроса и российского Минобрнауки [Первый приднестровский]. – URL: <https://tv.pgtrk.ru/news/20140704/21135>. 09 марта 2017.

17. ЦГА ПМР. Ф. 1026. (Протокол №1. Заседание коллегии МНО и документы к нему за 1998-1999 уч. год от 24.09.98 года). Д. 128. Л. 33-34.

18. Центр СМИ 2011 – В едином информационном пространстве / Центр СМИ // Приднестровский университет. 28 окт. 2011. С. 3.

References:

1. Bezrukova 2000 –Bezrukova V.S. Osnovyduhovnoj kul'tury (jenciklopedicheskijslovar' pedagoga). – Ekaterinburg. 2000.
2. Beril 2011 – Beril S.I. 10 let ustojchivogo razvitija. Programma kandidata na dolzhnost' rektora Pridnestrovskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. T.G. Shevchenko professora S.I. Berila / S.I. Beril //Pridnestrovskij universitet.06 nojab. 2011. S.3.
3. Beril 2010 – S.I. Beril. Tunnel'nyj perehod. Razmyshlenija rektora. Izdatel'stvo Pridnestrovskogo Universiteta. Tiraspol', 2010. S.311.
4. Zakon Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki «O jazykah v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike» ot 8 sentjabrja 1992 g. // – URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=36286>. 27 fevralja 2017.
5. Edinoe obrazovatel'noe prostranstvo kak zalog ustojchivogo razvitija rossijskogo obrazovanija [Tret'jak Natal'ja]. URL: <http://tretjak-natalja.ru/edinoe-obrazovatel'noe-prostranstvo/>. 15 marta 2017.
6. Zakon Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politike» ot 24 marta 1997 g. № 38-Z // URL: <http://www.zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=36343>. 27 fevralja 2017.
7. Informacionnyj bjulleten' 2007 – Informacionnyj bjulleten'. Mezhparlamentskaja Assambleja gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 2007. N 39 (chast' 2). S. 103-221.
8. Konstitucija Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki: prinjata na vsenarodnom referendume 24 dek. 1995 g. (tekushhaja redakcija po sostojaniju na 20 avg. 2016 g.) [Oficial'nyj sajt Prezidenta Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki]. URL: <http://president.gospmr.ru/pravovye-akty/konstitutsiya-pmr/>. 18.03.2017.
9. Koncepcija modernizacii obrazovanija v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike na period do 2008 goda 2003 — Koncepcija modernizacii obrazovanija v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike na period do 2008 goda. Tiraspol'. RIO PGU.2003. S. 9.
10. Pedagogicheskaja terminologija [Pedagogika]. – URL: <http://www.pedpro.ru/terms/138.htm>. 5 aprilja 2017.
11. Postanovlenie Verhovnogo Soveta Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki «Ob utverzhdenii doktriny obrazovanija v Pridnestrovskoj Moldavskoj Respublike» ot 18 marta 2005 g. № 2109 // URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=37163>. 27 fevralja 2017.
12. Pridnestrov'e i Rossija podpisali 7 memorandumov o sotrudnichestve [point.news].– URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/pridnestrovje-i-rossiya-podpisali-7-memorandumov-o-sotrudnichestve>. 15 marta 2017.
13. Pridnestrovskim starsheklassnikam predstaviteli Pravitel'stva vruchili novye uchebniki [Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika

Oficial'nyj sajt pravitel'stva]. – URL: <http://gov-pmr.org/item/5631>. 12 oktjabrja 2015.

14. Prikaz rektora PGU im. T.G. Shevchenko 2011 – Prikaz rektora Pridnestrovskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. T.G. Shevchenko № 40-OD ot 19.01.2011 g. «O vvedenii v dejstvie soderzhanija FGOS-3 v osnovnye obrazovatel'nye programmy, realizuemye v PGU im. T.G. Shevchenko». Tekushhij arhiv Pridnestrovskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. T.G. Shevchenko.

15. Rukovoditelju Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki RF 2008 – Rukovoditelju Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki RF: pis'mo № 02-16/630 ot 18.07.2008 g. – Tekushhij arhiv MP PMR.

16. Sotrudnichestvo pridnestrovskogo Minprosa i rossijskogo Minobrnauki [Pervyj pridnestrovskij]. – URL: <https://tv.pgtrk.ru/news/20140704/21135>. – 09 marta 2017.

17. CGA PMR. F. 1026. (Protokol№1. Zasedanie kollegii MNO i dokumenty k nemu za 1998-1999 uch. god ot 24.09.98 goda). D. 128. L. 33-34.

18. Centr SMI 2011 – V edinom informacionnom prostranstve/Centr SMI // Pridnestrovskij universitet. 28 okt. 2011. S. 3.

*Шукина Н.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Shchukina N.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskajaia Moldavskaia Respublika)*

Защита социальных прав трудящихся-мигрантов на уровне межправительственных соглашений государств-участников СНГ

The protection of social rights of migrant workers at the level of CIS member States' Intergovernmental Agreements

Аннотация. В статье рассматриваются правовые акты СНГ в области регулирования социально-трудовых прав мигрантов, предлагаются варианты повышения эффективности регулирования возникающих правоотношений.

Ключевые слова: трудящиеся-мигранты, социальные права, защита социальных прав.

Abstract. The article deals with the legal acts of the CIS in the field of regulation of migrants' social and labor rights, proposes options for improving the management of emerging legal relationships.

Keywords: migrant workers, social rights, protection of social rights.

Трудовая миграция как социальное явление и процесс, затрагивающий права и интересы государств и межгосударственных образований, является одним из проявлений процессов глобализации и развития. В то же время миграция представляет серьёзный вызов с точки зрения прав человека, обеспечения достаточного и достойного жизненного уровня, принципов социальной справедливости и равенства каждого.

Рынок труда многих государств обеспечивается трудовыми ресурсами благодаря политике привлечения иностранной рабочей силы, а также во многом за счет так называемого «теневое» рынка труда, где широко применяется и в первом и во втором случае труд трудящихся-мигрантов. Общемировые проблемы, связанные с использованием труда мигрантов, являются предметом исследования ученых-специалистов в различных областях знаний: демографии, экономики, политологии, социологии, психологии, права и др. Исследователи отмечают особенности и специфические черты миграционных процессов в зависимости от региона, типа миграции, количества мигрантов, причин миграции и др. Эти особенности находят своё отражение и в правовом регулировании возникающих правоотношений как на уровне национального законодательства, так и в международных правовых актах.

Для комплексного анализа и понимания социальных процессов, происходящих на территории стран – участниц Содружества независимых государств, представляется необходимым обратиться к проблеме миграции внутри СНГ, тем более, что, помимо вышеперечисленных причин, немаловажную роль в процессах трудовой миграции и миграции в целом в рамках СНГ играют исторические факторы и последствия развития социально-политической ситуации в самостоятельных государствах – бывших республиках СССР.

Государства-участники СНГ столкнулись с массовой миграцией после распада единого государства. И если в начале 90-х годов трансграничное перемещение было связано с возвращением людей на свою историческую родину, то к концу десятилетия причинами миграции стали в основном экономические причины. Любые социальные явления, тем более имеющие межгосударственное значение, требуют на определённом этапе своего развития нормативного регулирования.

Начиная с начала 90-х годов, на уровне СНГ был подписан ряд межправительственных соглашений, затрагивающих права мигрантов, а также несколько двусторонних межгосударственных соглашений о социальной защите и трудовой деятельности мигрантов. Эксперты отмечают, что более эффективными являются двусторонние соглашения, поскольку законодательные акты, принятые на уровне Содружества, практически не работают, так как, во-первых, они не подкреплены в финансовом отношении, а во-вторых, не предпринимаются усилий по

унификации законодательства в сфере трудовой миграции (Аналитический сборник 2012, с. 32).

Вместе с тем необходимо отметить некоторую активизацию в правотворческом процессе, связанную с общим пониманием необходимости решения вопросов миграции в регионе на основании комплексного подхода. Акцент в оценке миграционных процессов с преваляровавшего в предыдущие периоды концептуального подхода «миграция – безопасность» сделан на более конструктивный подход «миграция – развитие». Развитие легальной миграции как альтернативы незаконной миграции, создание единого рынка труда как механизма выравнивания регионального дисбаланса трудовых ресурсов свидетельствуют о стремлении государств – участников СНГ – не просто реагировать совместно на наиболее острые проблемы, возникающие в связи с миграцией, но и выстраивать согласованную систему управления миграционными процессами, которая позволила бы в максимальной степени использовать позитивный потенциал миграции в интересах всех участвующих сторон (Официальный сайт исполкома СНГ).

В основу комплексного подхода регулирования процессов в области миграции положены четыре принципа: организованность, защита, интеграция, сотрудничество.

Подтверждение на реализацию такого подхода в области миграции нашло своё закрепление в Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств (принята Советом глав государств СНГ 5 октября 2007 года) и Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года (утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 года).

В качестве одного из приоритетных направлений сотрудничества в области миграции является формирование общего рынка труда, создание правовых, экономических и организационных условий для перехода к свободному перемещению рабочей силы. Советом глав государств СНГ в октябре 2007 года принята Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств, основная цель которой – создание единого миграционного пространства, включающего свободное передвижение граждан и функционирование общего рынка труда.

В целях эффективного регулирования трудовых миграционных потоков Советом глав правительств СНГ 14 ноября 2008 года подписана Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств. Конвенция направлена на создание условий для обеспечения равенства прав как трудящихся-мигрантов и членов их семей, так и граждан принимающей стороны во всем, что касается условий жизни и работы. Документ также призван способствовать созданию благоприятных

условий для перемещения рабочей силы по территориям стран Содружества, повышения эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально-экономического развития принимающей стороны.

По инициативе Совета руководителей миграционных органов государств – участников СНГ – 20 ноября 2009 г. Советом глав правительств СНГ принят Комплексный план первоочередных мер, направленных на практическую реализацию принципов, заложенных в Декларации о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств.

Регулированию собственно социально-трудовых отношений с участием мигрантов в государствах СНГ традиционно уделялось достаточно внимания. 13 ноября 1992 г. решением Совета глав правительств СНГ был создан Консультативный Совет по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ, в состав которого вошли руководители министерств и ведомств, регламентирующих вопросы труда, миграции и социальной защиты населения. На Консультативный Совет была возложена выработка согласованной политики по важнейшим проблемам, представляющим взаимный интерес.

Основным правовым документом явилось Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г., закрепляющее основополагающие права трудовых мигрантов и направления сотрудничества государств в данной сфере. В развитие норм этого документа в рамках Содружества принят ряд соглашений, регламентирующих вопросы сотрудничества государств по всему спектру социально-трудовых отношений: охраны труда; взаимного признания прав на возмещение вреда; расследования несчастных случаев на производстве; нормирования труда; регулирования социально-трудовых отношений в транснациональных корпорациях.

Заслуживает внимания ряд соглашений, направленных на обеспечение равенства прав трудящихся-мигрантов, а также гарантирующих соблюдение права на социальное обеспечение и социальную защиту при наличии трудового стажа в условиях, отклоняющихся от нормальных. Так, на уровне Совета глав Правительств СНГ принят ряд документов, важных с точки зрения международно-правовой регламентации социально-трудовых прав. Так, Соглашение о сотрудничестве по применению Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих и Квалификационного справочника должностей служащих (Саратов, 13 января 1999 г.) предусматривает разработку и принятие Межгосударственного

классификатора профессий рабочих и должностей служащих, действие которого способствует унифицированному подходу к наименованиям профессий рабочих и должностей служащих в документах, подтверждающих трудовую деятельность (Содружество 1999).

Соглашение о регулировании социально-трудовых отношений в транснациональных корпорациях, действующих на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (Бишкек, 9 октября 1997 г.) в качестве первоочередных целей его заключения имеет обеспечение социальной защиты граждан, охрану и улучшение условий их труда и предполагает установление механизма сотрудничества субъектов социально-трудовых отношений на уровне корпораций. Договорные обязательства сторон включают в том числе взаимные обязательства работодателя и работника по вопросам условий и оплаты труда; использования части прибыли на социальное развитие; установления социальных гарантий работникам при сокращении рабочих мест вследствие ликвидации, реорганизации, приостановления деятельности предприятия или организации; обеспечения дополнительного социального и пенсионного страхования (ст. 4). Целый ряд соглашений посвящен вопросам обеспечения прав субъектов в области охраны и безопасности труда: Соглашение о порядке разработки и соблюдении согласованных норм и требований по охране труда к взаимопоставляемой продукции (Москва, 12 апреля 1996 г.); Соглашение о сотрудничестве в области охраны труда (Москва, 9 декабря 1994 г.); Соглашение о порядке расследования несчастных случаев на производстве, происшедших с работниками при нахождении их вне государства проживания (Москва, 9 декабря 1994 г.); Соглашение о взаимном признании прав на возмещение вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей (Москва, 9 сентября 1994 г.) Закрепленные на уровне указанных соглашений обязательства сторон нашли своё отражение в национальном законодательстве стран СНГ, где в период до 2001 – 2002 гг. были приняты трудовые кодексы и Законы об охране труда, нормы которых основаны на международно-правовых актах, в том числе актах СНГ.

Среди международных актов в сфере социального и пенсионного обеспечения следует отметить, что большинство заключённых соглашений основано на принципе взаимности и признания социальных прав граждан государств – участников СНГ, независимо от государства – участника СНГ, в котором осуществлялась трудовая деятельность (в частности, обеспечение пенсионных прав: Решение о переводе пенсий, назначенных в СССР, в другие государства <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html> - reestr/view/text?doc=635 (Минск, 26

июня 1992 г.), Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения (Москва, 13 марта 1992 г.) и ряд двусторонних соглашений (Рекомендации Международной научно-практической конференции 2016).

Ряд социальных гарантий и льгот в государствах – членах СНГ – гарантируется лицам, принимавшим участие в боевых действиях либо ликвидации последствий техногенных катастроф и аварий (Решение о проезде инвалидов и участников Великой Отечественной войны (Минск, 23 мая 2008 г.), Решение о предоставлении участникам Великой Отечественной войны права на бесплатный проезд железнодорожным транспортом один раз в году (Санкт-Петербург, 30 мая 2003 г.), Соглашение об установлении для участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет и вдов погибших воинов дополнительных льгот и материальной помощи в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (Москва, 9 декабря 1994 г.), Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение о социальной защите и охране здоровья граждан, подвергшихся воздействию радиации в результате Чернобыльской и других радиационных катастроф и аварий, а также ядерных испытаний от 9 сентября 1994 г. (Санкт-Петербург, 18 октября 2011 г.), Соглашение о взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших военнослужащих (Москва, 15 апреля 1994 г.) (Официальный сайт Исполкома СНГ).

Соглашения и иные акты, принимаемые на уровне Совета глав Правительств СНГ, содержат общие положения и отсылочные нормы, касающиеся социальной защиты и реализации социальных прав трудящихся-мигрантов. Более детальное регулирование отдельные группы общественных отношений получают посредством документов, принятых на заседаниях Консультативного Совета по труду, миграции и социальной защите населения государств – участников СНГ: Система мониторинга и обмена информацией в социально-трудовой сфере (Ереван, 27 ноября 2015 г.); Порядок обмена информацией в области нормирования труда (Москва, 22 ноября 2013 г.); Рекомендации по установлению единых подходов к расследованию повреждений здоровья работников при исполнении трудовых (профессиональных) обязанностей в государствах – участниках СНГ (Ереван, 27 ноября 2015 г.) и др.

Анализ нормативных актов в сфере регулирования социально-трудовых прав трудящихся-мигрантов на уровне СНГ показывает, что для эффективного правового регулирования и практического применения принимаемых международных норм необходим комплексный подход к оценке ситуации на рынке труда СНГ, основанный на сотрудничестве

между государствами, принимающими и направляющими мигрантов и учитывающий интересы каждого из государств, использующих труд мигрантов. Решением экономического совета СНГ от 17 марта 2017 г. утверждена Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств – участников СНГ – и Приоритетные мероприятия по формированию общего рынка труда и регулированию миграции рабочей силы на 2017–2020 годы.

Важность и своевременность данных документов не вызывает сомнений. Следует отметить, что улучшение социального благополучия населения указывается в Концепции в качестве одной из задач формирования общего рынка труда, однако в перечне Приоритетных мероприятий не уделено достаточно внимания данному направлению. Очевидно, что общий рынок труда предполагает и общие или, по крайней мере, сходные меры социальной защиты и социальной поддержки в государствах-членах. В этой связи было бы целесообразно каждый из разделов документа дополнить отдельным пунктом, отражающим направления деятельности по нормативному закреплению, информированию населения, методическому обеспечению формирования общего рынка в части отношений по социальному обеспечению и социальной защите трудящихся-мигрантов. Такой подход представляется более полным и охватывающим все правоотношения, возникающие в процессе реализации социальных прав трудящихся-мигрантов, при этом считаем целесообразным в понятие социальных прав включить права, связанные с трудовой деятельностью, а также право на социальное обеспечение и социальную защиту и право на объединение в профсоюзы (Щукина 2016, с. 128).

Кроме того, интересной в данной сфере является опыт модельного нормотворчества (Сборник 2017), хорошо известный в СНГ и способствующий унификации в правовом регулировании отношений в социальной сфере. В частности, в рамках реализации Перспективного плана модельного законотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 гг., наряду с Рекомендациями по пенсионному обеспечению граждан государств – участников СНГ, было бы целесообразно разработать соответствующие Рекомендации по обеспечению пособиями и компенсациями граждан государств – участников СНГ.

Для трудящихся-мигрантов практическое значение имеет проблема неисполнения достигнутых соглашений в сфере социальной поддержки и обеспечения трудовых прав мигрантов, вместе с тем следует отметить и отсутствие обращений за защитой в компетентные органы. Думается, в данном случае следует обратиться к практической реализации права мигрантов на вступление в профсоюзы и полноценное участие в социально-партнёрских отношениях.

Немаловажным вопросом в сфере правового регулирования отношений с участием трудящихся-мигрантов остаётся вопрос соотношения норм международного права и норм правовых актов СНГ. Этот вопрос требует детального изучения с применением сравнительно-правового метода исследования, однако неизменным в правоприменении должен оставаться приоритет действия норм с более высоким уровнем социальной защиты.

Литература:

1. Аналитический сборник 2012 – Защита социальных и трудовых прав мигрантов на пространстве СНГ. Аналитический сборник, Апрель, 2012 www.mirpal.org/files/files/sbornik_blok_print.pdf (дата обращения: 18.04.2017).

2. Официальный сайт исполкома СНГ – Состояние сотрудничества между государствами – участниками Содружества независимых государств в области миграции и возможные перспективы его развития. <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=13764>(дата обращения: 18.04.2017).

3. Содружество 1999 – Содружество, Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ, № 1(31)1999. <http://docs.cntd.ru/document/901771001> (дата обращения: 18.04.2017).

4. Содружество 1994 – Содружество, Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ, 1994. № 4, с. 84.

5. Рекомендации Международной научно-практической конференции 2016 – Рекомендации секции «Экономическое взаимодействие и совершенствование законодательной базы государств – участников СНГ» в рамках Международной научно-практической конференции «25 лет Содружеству Независимых Государств: итоги, перспективы» (28–29 сентября 2016 года, г. Минск) <http://www.cis.minsk.by/page.php> (дата обращения: 18.04.2017).

6. Щукина 2016 – Щукина Н. Система принципов конституционного права в контексте вопросов реализации социальных прав человека и гражданина // Buletinul Științific al USC, Seria „Științe Sociale” 2016. № 1 (3). С 128.

7. Сборник 2017 – Развитие и деятельность содружества независимых государств в 2016 году (сборник информационно-аналитических материалов, выпуск № 5). Минск. 2017. С.186-193. <http://www.e-cis.info/foto/pages/25851.pdf> (дата обращения: 19.04.2017).

References:

1. Analiticheskiy sbornik 2012 – Zashchita sotsial'nykh i trudovykh prav migrantov na prostranstve SNG. Analiticheskiy sbornik, April,

2012www.mirpal.org/files/files/sbornik_ blok_print.pdf (accessed April 18, 2017).

2. Ofitsial'nyy sayt ispolkoma SNG – Sostoyaniye sotrudnichestva mezhdunarodnykh gosudarstvami – uchastnikami Sodruzhestva nezavisimykh gosudarstv v oblasti migratsii i vozmozhnyye perspektivy yego razvitiya. <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=13764>(accessed April 18, 2017).

3. Sodruzhestvo 1999 – Sodruzhestvo, Informatsionnyy vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG, N 1(31)1999.<http://docs.cntd.ru/document/901771001>(accessed April 18, 2017).

4. Sodruzhestvo 1994– Tekst Soglasheniya opublikovan v Informatsionnom vestnike Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG "Sodruzhestvo", 1994.№4 s. 84.

5. Rekomendatsii Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 2016 – Rekomendatsii sektsii «Ekonomicheskoye vzaimodeystviye i sovershenstvovaniye zakonodatel'noy bazy gosudarstv – uchastnikov SNG» v ramkakh Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «25 let Sodruzhestvu Nezavisimykh Gosudarstv: itogi, perspektivy» (28–29 sentyabrya 2016 goda, g. Minsk)<http://www.cis.minsk.by/page.php>(accessed April 18, 2017).

6. Shchukina 2016 – Shchukina N. Sistema printsipov konstitutsionnogo prava v kontekste voprosov realizatsii sotsial'nykh prav cheloveka i grazhdanina// USC Scientific Bulletin, Series "Social Sciences", 2016.№ 1 (3).P. 128.

7. Sbornik 2017 – Razvitiye i deyatel'nost' sodruzhestva nezavisimykh gosudarstv v 2016 godu (sbornik informatsionno-analiticheskikh materialov, vypusk № 5) Minsk, 2017. S. 186-193.<http://www.e-cis.info/foto/pages/25851.pdf> (accessed April 19, 2017).

Симиндей В.В. (г. Москва, Российская Федерация)
Simindey V.V. (Moscow, Russian Federation)

Историческая политика Латвии и нарушение прав русского и русскоязычного населения

The historical policy of Latvia and the violation of rights Russian and russian-speaking population

Аннотация. Рассматривается националистическая политика Латвии в отношении русского и русскоязычного населения.

Ключевые слова: Латвия, русскоязычное население, русские, латышские лигионеры, «оккупационная политика».

Abstract. The nationalistic policy of Latvia regarding the Russian and Russian-speaking population is under review.

Keywords: Latvia, Russian-speaking population, Russians, Latvian linguists, "occupation policy".

Начиная с 1990-1991 гг. полный пересмотр представлений о событиях, связанных с периодом пребывания в составе СССР, стал использоваться в Латвии на государственном уровне в качестве инструмента для переформатирования общественного сознания и закрепления новой власти. В основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис латышских эмигрантских кругов о прибалтийских странах как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский.

Следует отметить, что концепция «советской оккупации» Латвии послужила оправданием для лишения значительной части населения республики политических и ряда экономических прав. Позорный институт массового «негражданства» является одной из основ созданного в Латвии режима этнократии, что не может не оказывать влияния на официальную историческую науку.

Идеологические основы, которыми руководствуется официальная латвийская историческая наука, документально закреплены в ряде политико-декларативных актов органов власти, к которым следует отнести декларации Сейма ЛР «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г. (полные переводы документов см. в I разделе). Эти документы сохраняют своё действие до сих пор.

В частности, в декларации «Об оккупации Латвии» утверждается, что «во время оккупации СССР целенаправленно осуществлялся геноцид против народа Латвии, тем самым нарушая Конвенцию о недопущении геноцида и осуждении за него от 9 декабря 1948 года... Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пытались уничтожить идентичность народа Латвии».

В декларации «О латышских легионерах во Второй мировой войне» заявлено, что «в тридцатые годы XX века в Европе сформировалось два больших тоталитарных террористических государства. Реализация агрессивных целей этих государств началась с подписания так называемого пакта Молотова-Риббентропа, в результате которого была ликвидирована государственная независимость Латвийской Республики и её попеременно оккупировали как СССР, так и Германия».

В этой же декларации предпринимается попытка преуменьшить нацистские преступления, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и глорифицировать латышских легионеров Ваффен СС из числа

добровольцев: «Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940-1941 годах осуществлял в Латвии геноцид. Сотни человек были расстреляны без приговора суда, десятки тысяч депортированы в отдаленные районы СССР. Германия также в это время допускала военные преступления и геноцид в Латвии, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому некоторые граждане Латвии считали, что, вступая в легион, они защитят себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР, которые позднее действительно последовали».

Далее безапелляционно утверждается: «Целью призванных и добровольно вступивших в легион воинов была защита Латвии от восстановления сталинского режима. Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения. Латышский легион, так же как и финская армия, воевал не против антигитлеровской коалиции, а только против одной из стран-участниц – СССР, которая в отношении Финляндии и Латвии была агрессором».

Этим документом правительству Латвии вменяется в обязанность «заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за рубежом».

Концепции «советской оккупации» и «советского геноцида» являются как минимум спорными, на что неоднократно обращалось внимание российскими историками. Однако в Латвии эти историко-идеологические концепции утверждены на государственном уровне, что не могло не оказать вненаучного влияния на деятельность латвийских историков.

Инфраструктура государственной исторической политики в Латвии включает в себя множество взаимодополняющих элементов с государственным и неправительственным статусом, поддерживаемых титульными СМИ и подпитываемых из латышских эмигрантских кругов.

Механизм перелицовки фактов по лекалам официальной идеологии в Латвии обеспечивается следующими составными частями. Главным «приводным ремнём» официальной Риги, призванным идеологически оформить и фактологически наполнить «оккупационную» риторiku, используемую для выдвижения исторических и финансовых претензий к современной России, а также для обоснования дискриминационной политики в отношении русских в Латвии, является созданная 13 ноября 1998 г. Комиссия историков при президенте ЛР. В состав комиссии из 11 членов во главе с археологом, профессором А. Цауне (в настоящее время комиссия состоит из 14 человек, председательствует академик Латвийской Академии Наук, профессор И. Фелдманис) вошёл также советник президента Латвии по вопросам истории А. Зунда (покинул этот пост в июне 2012 г. «по сокращению штатов», в конце сентября назначен

сопредседателем совместной с Россией комиссии историков вместо И. Фелдманиса). «Президентские историки» активно сотрудничают с МИД ЛР, а также с Министерством образования и науки, готовя базу для составления новых учебных пособий и в целом влияя на школьное преподавание истории. Для придания весомости результатам исследовательской и пропагандистской работы Комиссии были привлечены ученые из ряда стран, получившие статус зарубежных членов, из которых, однако, лишь единицы активно участвуют в работе.

Деятельность комиссии с 1998 г. выстраивалась по пяти основным направлениям, охватывающим эпохи с 1940 по 1991 гг. (руководители рабочих групп – И. Шнейдере, А. Странга, И. Фелдманис, Х. Стродс, Д.Блейере). Ключевыми задачами данной структуры стали обеспечение официальных лиц тезисами для «оккупационной» риторики и презентация на международной арене тематики «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций»; при этом акцент делался на «преступлениях советского тоталитаризма» – с намерением доказать «равенство» двух режимов с точки зрения преступности их идеологии и практики, но при «более тяжких» последствиях для латышей именно «советской оккупации», выразившихся в «геноциде». Обратной стороной этой идеологической натяжки является оправдание и восхваление латышских легионеров Ваффен СС, всего лишь «надеявшихся с помощью Гитлера прогнать Сталина и вернуть независимость Латвии».

Более успешное «разъяснение» латвийской официальной позиции западной аудитории предполагало, наряду с эксплуатацией негативных настроений в отношении СССР, также некоторые уступки и заверения в полном принятии демократических ценностей. В этой связи латышские историки предприняли следующий маневр: приняли активное участие в обсуждении тематики Холокоста, оставляя без должного внимания преступления латышских коллаборационистов в отношении белорусов, русских и украинцев; развивали тезис о борьбе легионеров СС только против СССР, а не всей антигитлеровской коалиции; сделали попытку вывести из-под уравнивания коммунистической и нацистской идеологии «еврокоммунизм», с учетом его интеллектуального багажа, а также актуальности и влияния левых настроений в Западной Европе. Постепенно латвийские историки и политики пришли к выводу, что можно признать геноцид евреев на территории Латвии, рассчитывая на то, что Израиль и еврейские общины в США и ряде других стран отступят от критики в адрес Латвии за её политику в отношении других национальностей и восхваление ветеранов Ваффен СС как «национальных героев и жертв советского тоталитарного режима».

В значительной степени этот манёвр удался: за редкими исключениями, критические высказывания в адрес латвийского

правительства или правосудия звучат лишь со стороны некоторых международных еврейских организаций, занятых поиском военных преступников и мониторингом антисемитизма в мире. Латвийские власти в 2005 г. даже пообещали вернуть еврейской общине собственность или выплатить компенсацию за то недвижимое имущество, которое ей не вернули в порядке реституции. Но в дальнейшем практическая реализация этой договоренности была отложена в долгий ящик (под нажимом националистов, настаивавших на том, что «евреи активно поддерживали советских оккупантов», при этом «за всё должны платить не латыши, а русские»). Однако, по сути, произошло признание правопреемницей довоенной общины нынешней еврейской общины Латвии, которая по своему происхождению, насколько известно, более чем на половину состоит из евреев, приехавших в Латвию в советский период. Здесь мы видим наглядное проявление двойного стандарта: представители других национальностей, поселившиеся в Латвии после 1940 г., были лишены политических и ряда экономических прав.

В числе других звеньев цепочки по политической инструментализации истории стоит упомянуть следующие структуры: «Музей оккупации Латвии» (выставочно-исследовательский центр, внесённый МИД ЛР в протокол для обязательного посещения зарубежными официальными делегациями; организует различные мероприятия: от методических семинаров для подготовки в соответствующем ключе школьных учителей до вечеров антисоветских анекдотов (в 2018 г. планируется его расширение); Военный музей Латвии (собирает документы из частных коллекций и артефакты «подвигов» латышских легионеров СС, проводит специфические выставки, конференции, презентации книг, например, о кавалерах гитлеровских железных крестов); Центр документации последствий тоталитаризма при Бюро по защите Конституции – главной латвийской спецслужбы (хранит агентурно-учетные карточки – «мешки КГБ», ранее активно участвовал в презентациях репрессивной деятельности советских спецслужб и ретушировании связей руководств Политуправления полиции Латвии Абвером и СД накануне и в ходе Второй мировой войны).

В соответствии с декларацией Сейма ЛР от 12 мая 2005 г. была создана правительственная комиссия по подсчету ущерба от «советской оккупации» под председательством руководителя департамента обеспечения Госканцелярии Эдмундса Станкевичса (в полном варианте «Комиссия по определению количества жертв и массовых мест захоронений тоталитарного коммунистического режима оккупации СССР, обработке информации по репрессированным и массовым депортациям и подсчету ущерба, нанесенного латвийскому государству и его жителям»).

28 апреля 2008 г. Кабинет министров Латвии заслушал информационное сообщение о промежуточных итогах и планах работы комиссии, в котором её глава Э. Станкевичс заверил руководство страны, что работа идёт полным ходом, при этом называть конкретные сроки её завершения и какие-либо предварительные финансовые цифры не стал. Однако, согласно сообщениям латвийских СМИ, в кулуарах правительства и Сейма фигурировал ориентир в 50 млрд долларов. Члены комиссии отчитались за уже проведенные 20 заседаний и несколько загранкомандировок, в том числе в Россию. К результатам своей деятельности они отнесли разработку методики подсчета дохода на душу населения Латвии в 1935-1940 годы, а также сбор макроэкономических показателей страны за этот период для последующего сравнения с данными государств, сохранивших рыночную экономику в послевоенный период. Сообщалось также, что ведётся работа по созданию оптимальной модели «альтернативного прошлого». Однако вопрос о том, чем прямое наложение показателей, без учета реальных или действительно наиболее вероятных геоэкономических и социально-политических условий, отличается от «средней температуры по палате», так и остался без ответа.

Комиссия Э. Станкевичса сосредоточила своё внимание и на демографических потерях республики за советский период и влиянии фактора размещения советских войск на территории Латвии. Разработчики полагают, что выведенная ими формула позволит подсчитать предположительные потери от не произведенного ВВП за счёт «выпадения» из экономики республики почти 58 тысяч репрессированных и сосланных всех возрастных групп в сталинский период. Охват последующих лет вызвал некоторые сложности, однако члены комиссии нашли экологический ущерб, а также косвенные демографические потери Латвии в участии её жителей в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС и действиях советских войск в Афганистане.

В последние годы латвийские политики и официальные историки приступили к переформатированию структур, ответственных за возвращение «национально-исторической идентичности» латышей, пропаганду и детализацию «оккупационной» версии истории пребывания Латвии в составе СССР, а также за обоснование историко-финансовых претензий к современной России. Катализатором изменений стал глубокий экономический кризис в Латвии, повлекший за собой сокращение государственных расходов и перевод в 2009-2010 гг. пропагандистских структур на преимущественно внебюджетное финансирование. При оценке эффективности государственной исторической политики ЛР также звучала критика в адрес «паркетных» учёных, не сумевших продемонстрировать достаточную гибкость и продуктивность в своей работе. Судя по информации латвийских СМИ,

дополнительным стимулом перевода активности в плоскость НГО стали надежды на получение устойчивого финансирования историко-политических изысканий из еврофондов, подкреплённые предварительными договоренностями об этом ряда националистических депутатов Европарламента от Латвии. Однако оказалось, что без государственного софинансирования многие проекты не могут рассчитывать на покрытие всех затрат из еврофондов.

11 октября 2010 г. в Риге состоялась презентация работы нового фонда «Малая библиотека истории Латвии». Председателем правления фонда стал по совместительству председатель Комиссии историков при президенте Латвии И. Фелдманис. Комментируя необходимость создания фонда, он отметил: «Мы пришли к выводу, что во многих вопросах, в том числе в интерпретации истории, мы потеряли «гандикап», имевшийся после восстановления независимости. Ставится под сомнение даже легитимность латвийской государственности». По его словам, одним из мотивов образования новой структуры стало осознание того, что «Латвия находится под постоянным влиянием российского информационного поля». Миссия фонда состоит в том, чтобы выработать «иммунитет» у латышей к «русско-советским мифам» и ослабить их влияние на западную общественность, а основная концепция характеризуется девизом в духе ультраправых речёвок: «Нация, государство, Европа».

Активисты предложили президенту ЛР «хитрую» концепцию получения политических дивидендов и избегания имиджевых потерь от эксплуатации военно-исторической тематики. В её основе лежит идея выделить небольшую часть «лояльных» ветеранов-красноармейцев местного происхождения (как правило, этнических латышей) и организовать их публичное «примирение» с легионерами СС на основе признания континуитета Латвийской Республики и «оккупационных» постулатов. Софистическая формула «примирения» предложена следующая: *«Ни легионеры, ни красноармейцы не воевали под правильными знаменами, но и у тех, и у других основной враг был правильный!»* Пропагандистский эффект от реализации этой затеи рассчитан не только на внутреннюю аудиторию, но и на внешнюю: Латвия-де уже все встречные шаги по примирению в обществе сделала, «мяч» на стороне России.

5 ноября 2013 г. правительство Латвии возобновило работу Комиссии по подсчёту ущерба от так называемой «советской оккупации». Лоббистом данного решения выступило министерство юстиции, контролируемое национал-радикалами из Национального союза. Состав комиссии подчеркивает её госстатус: среди её членов – представители прокуратуры, министерств экономики, обороны, иностранных дел и регионального развития, а также Военного музея, Центра исследования

Балтии и Севера, Музея оккупации, Общества исследования оккупации, Латвийского университета.

О мотивации воссоздания «умершей» комиссии ещё в 2012 г. поведал министр юстиции Янис Борданс. По его мнению, ответственной за «советскую оккупацию» Латвия считает правопреемницу Советского Союза – Россию. При этом министр-радикал не рассчитывает на получение российской компенсации, но надеется, что подсчёт ущерба поможет убедить русскую общину Латвии в реальности «советской оккупации». То есть русские латвийцы должны «знать своё место» и отказаться от каких-либо правозащитных претензий и требований.

При этом собственно историческая наука в современной Латвии подвергается существенному давлению со стороны государства, задающего жёсткие идеологические рамки интерпретации событий XX века. Модель «единственно верного» объяснения исторических событий зафиксирована рядом деклараций Сейма ЛР и постоянно «разъясняется» историкам в заявлениях государственных деятелей. В этой ситуации говорить о свободе исторической дискуссии в Латвии по «проблемным» вопросам истории XX века не приходится.

«Оккупационная риторика» является для официальной Риги краеугольным камнем в трёх специфических сферах: 1) сохранение позорного института «неграждан», 2) проведение дискриминационной политики по отношению к русскоязычному населению страны (в т.ч. граждан ЛР и постоянно проживающих граждан РФ), 3) выдвижение историко-политических и материальных претензий к современной России, в том числе на международно-политических и международно-правовых площадках (ОБСЕ, ЕСПЧ, Европарламент, диалог Россия-ЕС и др.).

С целью «обоснования» сформулированных на государственном уровне историко-идеологических тезисов в Латвии создана сложная система учреждений, осуществляющих интеллектуальное «сопровождение» концепций «советской оккупации» и «советского геноцида». Это, в свою очередь, привело к созданию замкнутой группы официальных историков, позиционирующих себя как хранителей латвийской «исторической правды». Представители этой корпорации сохраняют свои политические позиции даже при ротации находящихся у власти элит, а их неакадемические конкуренты отличаются лишь явным креном в сторону смежных с историей социально-политических дисциплин и предложением, как им кажется, более «хитрой» тактики по манипуляциям социальной памятью.

Получая поддержку со стороны национал-радикальной части политического класса страны, официальные латвийские историки имеют возможность блокировать или притушить любые научные дискуссии по «проблемным» вопросам истории.

Шорников П.М., Шорников А.П.
(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)
Shornikov P.M., Shornikov A.P.
(Tiraspol, PridnestrovskaiiaMoldavskaiaRespublika)

Почему не был ратифицирован базовый российско-молдавский договор?

Why was not ratified the base of the russian-moldovan treaty?

Аннотация. Осенью 1997 г. министерства иностранных дел России и Молдовы подготовили к ратификации проект Базового межгосударственного договора. Однако в парламенте Республики Молдова часть оппозиции расценила проект как прелюдию вывода из Приднестровья контингента российских войск – акт, создающий угрозу аннексии Молдовы Румынским государством. В статье рассмотрена работа фракции «Социалистическое Единство» по предотвращению опасного развития событий.

Ключевые слова: Базовый договор, Движение «Единство», Социалистическая партия Молдовы, фракция «Социалистическое Единство».

Abstract.In the autumn of 1997 the year of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and Moldova prepared to ratify the draft Interstate Treaty Base. However, in the Parliament of the Republic of Moldova part of the opposition described the project as a prelude to withdrawal from Transnistria contingent of Russian troops - the Act that creates the threat of annexation of Moldova by the Romanian State. The work of "Socialist Unity" to prevent dangerous development is considered in the article.

Keywords: The base contract, "Edinstvo" Movement, the Socialist Party of Moldova, a fraction of the "Socialist Unity".

Осенью 1997 г. внешнеполитические ведомства Российской Федерации и Республики Молдовы завершили подготовку к ратификации проекта Базового российско-молдавского договора. На его скорейшей ратификации особенно настаивал президент Молдовы П.К. Лучинский. Депутатам парламента Республики Молдовы проект был роздан в начале октября. Требовалось выработать позицию фракции по вопросу о ратификации этого документа Парламентом Молдовы. Специалиста по международному праву среди парламентариев не нашлось, но участник фракции «Социалистическое Единство» депутат М.И. Сидоров, в прошлом – член Верховного Суда Молдавской ССР, был юристом высокого класса. Один из авторов этой статьи, П.М. Шорников, в то время председатель Движения за равноправие «Единство» и

сопредседатель фракции, попросил оценить проект Базового договора также ученого-юриста бывшего депутата В.Ю. Лебедева.

На заседании Республиканского Совета Движения за равноправие В.Ю. Лебедев заявил: оценивать проект Договора следует исходя не из того, что в нем есть, а из того, что отсутствует. В проекте, отметил он, нет упоминаний о праве России защищать интересы русского и русскоязычного населения Молдовы; отсутствуют и гарантии дальнейшего присутствия российских войск в Приднестровье. Президент Молдовы П.К. Лучинский и «kozyревский» МИД Российской Федерации, заключил Совет «Единства», ведут дело к «урегулированию» Приднестровского конфликта без учета интересов Молдавии и России.

Оценки, сформулированные Лебедевым, Шорников изложил при обсуждении вопроса во фракции. М.И. Сидоров согласился с этим заключением, а председатель Социалистической партии Молдовы и лидер фракции В.Б. Сеник назвал проект Базового договора капитулянтским со стороны «режима Ельцина», сдающего стратегические интересы России. Затем деятель СПМ Д.Г. Зиду поставил следующий вопрос: «Что будет с молдавской государственностью в случае вывода российских войск из Приднестровья?» «Лучинский, – разъяснил В.Б. Сеник, – намерен использовать свои московские связи для того, чтобы добиться вывода российских войск из Приднестровья и ликвидации Приднестровской республики. А потом нам устроят «унирию» («объединение» – П.Ш.) с Румынией». Решение фракции – выступить против ратификации Договора – было принято единогласно. Однако ожидалось прибытие с визитом в Кишинев председателя Государственной думы Г.Н. Селезнева, и принятие соответствующего заявления депутаты отложили.

Встреча с российской делегацией состоялась 28 октября 1997 г. На вопрос Сеника о том, означает ли ратификация Договора согласие России с проводимой в Молдове национальной политикой, Селезнев ответил: Россия не вправе вмешиваться во внутренние дела других суверенных государств. На вопрос Шорникова «А как же защита прав человека?» он ответил в том же духе. Представители СПМ и «Единства» обосновали отрицательное отношение фракции «Социалистическое Единство» к ратификации российско-молдавского Базового договора несоответствием проекта национально-государственным интересам Молдавии и России. Распечатку текста с обоснованием этой позиции вручили председателю Государственной думы. Это не помешало ему в информации об итогах визита в Кишинев заявить по поводу ратификации Базового договора нечто прямо противоположное: «...ряд пророссийски ориентированных парламентариев Республики Молдова указывал на опасность для российско-молдавских отношений дальнейшего затягивания этого вопроса».

19 ноября участники фракции «Социалистическое Единство»

обсудили текст сообщения и приняли Заявление, в котором прописными буквами отметили: «На встрече 28 октября 1997 года представителей фракции с делегацией Госдумы РФ ЧЁТКО И ОДНОЗНАЧНО БЫЛА ИЗЛОЖЕНА НАША ПОЗИЦИЯ О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАТИФИКАЦИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИЗЛОЖЕНЫ МОТИВЫ, КОТОРЫМИ МЫ РУКОВОДСТVOВАЛИСЬ». Помимо этого, наши аргументы были вручены делегации в письменном виде. Аналогичное мнение было выражено руководителями этнокультурных обществ Республики Молдова на встрече с делегацией Госдумы РФ. Заявление отправили по факсу в адрес Государственной думы и передали в СМИ («Единство» считает ратификацию преждевременной // Приднестровье. 1997. 22 ноября).

В конце ноября П.М. Шорникову позвонил знакомый ему по правозащитной работе председатель Конгресса русских общин Д.О. Рогозин; ранее КРО и «Единство» совместно провели кампанию по освобождению троих российских офицеров, по ложному обвинению приговоренных в Молдове к тюремному заключению. Председатель КРО задал вопрос, свидетельствующий о его осведомленности о сути дела, в тот момент самого важного для Молдавии: «Что Вы думаете о Базовом договоре?» «Дело, – ответил депутат, – не в его содержании, а в его смысле. Там многого не хватает. Что, Дума умывает руки?» «Не совсем так, – пояснил Рогозин, – в Думе намечаются слушания по вопросу о ратификации Договора, и вашему Парламенту будет выслано приглашение поучаствовать в них. Кто поедет от вас?» Шорников ответил, что решит Моцпан, председатель Парламента и лидер мажоритарной Аграрно-демократической партии. «Надо, – заключил лидер КРО, – чтобы поехали Вы».

Шорников надеялся повлиять на позицию российского МИД и попросился на прием к послу Российской Федерации в Молдове А.В. Папкину. О решении, принятом фракцией «Социалистическое Единство», посол уже знал. Рассчитывая, что наша точка зрения найдёт отражение в его докладе в МИД, Шорников предсказал эффект домино: за ратификацией Базового договора последует требование о выводе российских войск из Приднестровья, ликвидация ПМР и аннексия Молдовы Румынией. Отвечает ли этот неизбежный ряд дальнейших событий интересам России? Исходя из интересов Молдавии, сказал он далее, мы, Движение «Единство» и Социалистическая партия, согласиться с ратификацией не можем.

А.В. Папкин этот прогноз оспаривать не стал; видимо, он был того же мнения. На просьбу обеспечить фракции «Социалистическое Единство» приглашение на слушания ответил: «Устроим!». Решив, что это выходит за пределы служебных возможностей посла, Шорников

подстраховался: съездил в Тирасполь и договорился с председателем Верховного Совета ПМР Г.С. Маракуцей о его или Сеника включении в состав приднестровской делегации. Но Папкин сдержал слово, официальное приглашение Думы фракция «Социалистическое Единство» получила.

Выступить на слушаниях её участники делегировали Шорникова. Особенно настаивал на этом лидер СПМ. «С русскими о правах русских, – разъяснил он, – должен говорить русский!» При участии М.И. Сидорова, других участников фракции, а также В.Ю. Лебедева были выработаны предложения по доработке проекта Базового договора, на деле призванные предотвратить его преждевременную ратификацию.

Правящей в Молдове Аграрно-демократической партии ратификация Базового договора требовалась не для улучшения условий сотрудничества с Россией, – оно и так не встречало препятствий, – а в целях демонстрации внешнеполитического успеха перед парламентскими выборами 1998 г. Инициативу президента П.К. Лучинского лидер аграриев Д.Г. Моцпан поддержал, не просчитав вероятных последствий ратификации. Но узнав о решении, принятом фракцией «Социалистическое Единство», счёл бессмысленным направлять на слушания кого-либо из депутатов-лучинистов. 8 декабря Шорников вылетел в Москву.

Слушания на тему «Россия-Молдавия-Приднестровье. Стратегические интересы России» состоялись в Государственной думе 9 декабря 1997 г. На слушаниях председательствовал руководитель Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Г.И. Тихонов. О позиции фракции «Социалистическое Единство» по вопросу о ратификации Договора он знал. Накануне заседания предупредил П.М. Шорникова: «Вам слово я дам ближе к концу. Не возражаете?» Для успеха демарша лучше всего было подвести итог дискуссии, и Шорников, естественно, возражать не стал.

Распад СССР, сказал Тихонов во вступительном слове, привел и к расколу «нашей дружбы». Затем он напомнил, что договор между Молдовой и РСФСР был заключен ещё в 1990 г., но не был ратифицирован. Вторично он был предложен первому составу Государственной думы, но вновь не был ратифицирован. В третий раз договор был предложен ныне действующей Думе. Предварительно был подписан Меморандум, но Договор 1990 г. и Меморандум во многом не соответствуют положению, существующему в настоящее время. Эта констатация ставит под сомнение целесообразность ратификации Договора.

Ратифицировать Договор призвали депутаты сотрудники МИД и личные представители Президента РФ Б.Н. Ельцина: руководитель российской делегации на переговорах с Молдовой **В.С. Китаев**, юрист-международник **О.О. Миронов**, представитель Президента по

урегулированию Приднестровского конфликта **И.Е. Карлов**. Ссылаясь на неназванные государственные интересы России и, главное, на необходимость объяснить «мировому сообществу», почему не ратифицирован Договор, чиновники туманно сулили в случае его ратификации общее улучшение молдавско-российских отношений, а Приднестровью – «широкую автономию», обходя вопросы о том, что это означает и, особенно, будет ли действовать в такой автономии статья 7 закона РМ «О функционировании языков...» – главный фактор политического противоборства в Молдавии.

Иную позицию заняли ораторы, с МИД РФ не связанные. Председатель Комитета по вопросам геополитики **А.В. Митрофанов** выступил против одинаковых подходов к Приднестровью и Чечне: Чечня – одно, Приднестровье – другое. Не Приднестровье начало вооруженный конфликт 1992 г., и любые параллели здесь неуместны. И наконец, России по примеру Запада следует иметь двойные стандарты внешней политики, «для нас – один, для других – другой. В зависимости от ситуации». Министр Российской Федерации по сотрудничеству с государствами СНГ **А.Л. Адамишин** высказал мнение, что в контексте межгосударственных экономических отношений ратификация российско-молдавского Базового договора не представляет собой чрезвычайную необходимость. В Молдове, отметил он далее, существуют два сообщества. Решение вопроса только с одним из них некорректно как в юридическом, так и в политическом плане. Он высказался против передачи Молдове российских арсеналов, находящихся в Приднестровье.

Ратификация Базового договора, отметил представитель Министерства обороны генерал-полковник **В.А. Богданчиков**, предполагает – в соответствии с так и не ратифицированным Думой межгосударственным договором от 21 октября 1994 г. – вывод из Приднестровья 3-тысячного российского контингента, занятого охраной запасов вооружения, боеприпасов и техники. В чьи руки может попасть это вооружение? Генерал выразил мнение, что интересы России требуют сохранения её военного присутствия в этом стратегически важном регионе.

Депутат Государственной думы генерал-полковник **А.М. Макашов**, также подчеркнув значение военного присутствия России в Приднестровье, оспорил утверждение чиновников МИД о том, что ратификация Базового договора выгодна России: она выгодна Соединенным Штатам. Кроме того, в случае «урегулирования» вопроса о Приднестровье населению региона придется участвовать в выплате полутора миллиардов долларов, полученных Молдовой от Международного валютного фонда. Он осудил политику односторонних уступок Западу, проводимую уже 10 лет. Эта политика подрывает уважение к России. Представитель Таможенного комитета **А.М. Коровин**

призвал отложить ратификацию до тех пор, когда между Молдовой и Приднестровьем будет установлен взаимоприемлемый статус переговорного процесса.

Заместитель министра иностранных дел Молдовы **В.В. Шова** пытался представить ратификацию как чисто процедурный вопрос, завершение некоего рутинного бюрократического процесса. Он перечислил предшествующие варианты проекта молдавско-российского Договора и попытался убедить присутствующих в том, что ратификация варианта, предлагаемого ныне, никаких угроз никому не несет. Но на вопросы из зала, отчасти подготовленные представителями Приднестровья, Шова отвечал честно. Он признал, что представительство национальных меньшинств в органах власти и управления Молдовы не обеспечено, а проводимую в РМ политику национальной дискриминации «объяснил» ещё незавершенной приватизацией государственной собственности. Изменений в национально-кадровой политике Кишинева он не пообещал и на будущее. В то же время, повторив доводы Г.Н. Селезнева, попытался поставить под сомнение право России защищать интересы соотечественников, проживающих в других государствах.

В зале присутствовали президент Приднестровья И.Н. Смирнов и группа депутатов Верховного Совета ПМР, но слово получил только **Г.С. Маракуца**. По поводу упомянутого В.В. Шовой постановления Парламента Молдовы от 23 июня 1990 г. относительно пакта Молотова-Риббентропа, согласно которому образование Молдавской ССР объявлялось незаконным актом, он отметил, что депутаты, представлявшие Приднестровье, в этом заседании не участвовали. Текст Базового договора, отметил Маракуца далее, также подготовлен без участия представителей Приднестровья, а инициатор его ратификации П.К. Лучинский за восемь месяцев пребывания на посту Президента РМ сделал для объединения Молдовы с Румынией больше, чем его предшественник Снегур за четыре года. Аграрии, составляющие сегодня парламентское большинство, в своё время голосовали за дискриминационные законы, за выход Молдавии из состава Союза. В качестве желаемых предпосылок ратификации Договора Маракуца назвал следующие пункты: Молдова должна просить прощения у народа Приднестровья за несчастья и страдания 1992 г. и выстроить государственно-правовые отношения с ПМР. А затем перешел к критике позиции МИД России: «С каким бы вопросом ни обратились мы в любое учреждение Российской Федерации, нам отвечают: а есть ли у вас разрешение от Молдовы? А что скажет по этому вопросу Молдова? Мы говорим, давайте решим вопрос об университете, о школьных учебниках. А как на это посмотрит Молдова?» Отметив недопустимость дальнейшего существования таких порядков, председатель Верховного

Совета ПМР призвал страны – гаранты Приднестровского урегулирования – выработать, наконец, механизм реализации гарантий.

Намек Г.С. Маракуцы на то обстоятельство, что ратификация Договора есть антироссийский ход Лучинского, депутаты поняли, но думские «демократы» не переставали толковать, что приднестровцы выступают против ратификации Договора исходя из «личных» интересов. Ещё более враждебно встретили они выступление председателя думского подкомитета по делам приграничных областей и казачества **А.Г. Мартынова**, который отметил: само существование Приднестровья улучшает положение русских в других государствах Ближнего Зарубежья, только позиция ПМР замедлила движение Молдовы по пути румынизации и объединения с Румынией. Приднестровье – союзник России, и его следует защищать.

При «упразднении» СССР, напомнил **Д.О. Рогозин**, было отдано предпочтение праву наций на самоопределение, а не сохранению государственной целостности Союза. Молдове была предоставлена такая возможность – и последовали трагические события в Приднестровье. Сегодня единой Молдовы не существует. Почему Приднестровью, несмотря на кровопролитие, не предоставлена возможность воспользоваться тем же правом на самоопределение? Лидер Конгресса русских общин призвал признать Приднестровскую Молдавскую Республику как политическую реальность.

Представителю парламентской оппозиции Молдовы Тихонов, как и обещал, дал слово одним из последних. На заявление о том, что ратификация Договора сделает аннексию Молдовы Румынией неизбежной, думские «демократы» могли ответить: «А нам какое дело?» Иной вопрос – права человека. **П.М. Шорников** напомнил о неучтенных при подготовке Договора интересах русских и других «нетитульных» граждан Молдовы, привел статистические данные, свидетельствующие о дискриминации национальных меньшинств в сфере труда, в доступе к образованию и к социально-значимой информации на русском языке. Что смог сделать МИД России для защиты интересов русскоязычного населения? Не только в Молдавии, но и в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Азербайджане, Казахстане? Присутствующие знали: ничего. А если Базовый договор будет ратифицирован? «Извините, господа, – сказал я, – русские от Казахстана до Эстонии не поймут вас, если вы попытаетесь их убедить, что существуют какие-либо отличия между национальными интересами русской нации и государственными интересами Российской Федерации».

Не высказываясь против ратификации Базового договора в принципе, Шорников назвал условия, которыми следует её обставить: этому акту должно предшествовать подписание предварительного протокола, в котором в юридически обязывающей форме были бы

закреплены предоставление русскому языку статуса второго государственного языка Республики Молдова, обеспечение сообществу национальных меньшинств представительства в органах публичного управления, соответствующего его доле среди населения, реальное обеспечение гражданам Молдовы возможности получать школьное, профессиональное и высшее образование на родном языке, а также права на двойное гражданство. Последнее предложение представляло собой продолжение дискуссий в Совете соотечественников о праве русских Ближнего Зарубежья на российское гражданство как второе. Председательствующий меня понял.

Министром иностранных дел уже был академик Е.М. Примаков; его отсутствие на слушаниях свидетельствовало о нежелании «проталкивать» ратификацию Договора. А чиновников МИД депутаты воспринимали как «людей Козырева», проводников его капитулянтского курса. Указание на допущенные ими недоработки убедило думцев в том, что Базовый договор к ратификации не готов. Критику в адрес МИД РФ продолжила депутат Думы **Ж.М. Лозинская**, а её коллега **К.И. Ершков** напомнил о недавнем участии подразделений Национальной армии Молдовы в маневрах войск НАТО, о заявлении министра национальной безопасности РМ о том, что он может физически уничтожить руководство ПМР. Можно ли доверять такой власти?

Закрывая слушания, **Г.И. Тихонов** дал понять, что ратификация Договора представляет собой некий политический ход Лучинского: «Здесь много говорилось о друзьях. Мы с Петром Кирилловичем также старые друзья, ещё с Таджикистана. Но дружба – дружбой, а служба – службой» (Стенографическая запись слушаний 9 декабря 1997 г. См.: Днестровская правда. 1998. 25 января). Реакция депутатов не оставляла места для сомнений в том, что ратификация Договора не состоится.

Материалы слушаний проекта молдавско-российского договора оказались востребованы. 25 декабря 1997 г., когда на ратификацию в Думе был представлен проект Базового договора России с Украиной, лидер ЛДПР В.В. Жириновский, проявив знание аргументации участников слушаний 9 декабря, подверг его уничтожающей критике. Ратификация российско-украинского договора не состоялась. Видимо, учитывая это обстоятельство, от вынесения на обсуждение Государственной Думы также Базового российско-молдавского договора Г.Н. Селезнев воздержался, ратификация этого документа также была предотвращена.

Базовый российско-молдавский договор не был ратифицирован потому, что не соответствовал национально-государственным интересам Молдавии и России. События подтвердили обоснованность и патриотический характер позиции, занятой в 1997 г. Движением «Единство» и Социалистической партией Молдовы. Официальный

Бухарест и поныне рассчитывает осуществить «аншлюс» Республики Молдова, поэтому молдавско-румынский Базовый договор и Соглашение о границах также не подписаны.

*Абрамов М.А., Срибный В.Н., Круглов С.В.
(г. Саратов, Российская Федерация)
Abramov M.A., Sribny V.N., Kruglov S.V.
(Saratov, Russian Federation)*

**Анализ эффективности системы формирования культуры
межнационального общения будущих офицеров войск
Национальной гвардии российской федерации**

**Analysis of effectiveness of system formation in the culture of
interethnic communication of future officers in the National guard troops
of
Russian Federation**

Аннотация. Тема культуры межнациональных отношений в коллективе курсантов – одна из актуальнейших для многонациональных вооружённых сил России. Сегодняшние курсанты будут определять положение в вооруженных силах на ближайшую перспективу. Насколько изменилось значение культуры межнациональных отношений в комплексе проблематики воинского коллектива с советского времени? – На этот вопрос отвечает авторское эмпирическое исследование, результаты которого представлены в аннотируемой статье. В работе делается вывод, что продолжительное общение в многонациональном воинском коллективе, объединённом решением общих проблем, содействует разрушению негативных этнических гетеростереотипов.

Ключевые слова: культура межнациональных отношений, национальный вопрос, этнические гетеростереотипы, воинский коллектив, полиэтничность, этнопатриотизм, конфликты на межнациональной почве, национально-культурный менталитет

Abstract. The theme of culture of interethnic relations in the team of students is one of the most important multinational of Russia's armed forces. That is students will determine the situation in the armed forces in the near future. How has changed the importance of culture of interethnic relations in the complex issues of the military collective from the Soviet era? – This question answered by empirical study, the results of which presented in the annotated article. The work concluded that prolonged exposure in a multinational military staff, the joint solution of common problems, contributes to the destruction of negative ethnic heterostereotypes.

Key words: culture of interethnic relations, the national question, ethnic heterostereotypes, a military team, multi-ethnicity, etnopoetics, ethnic conflicts, national-cultural mentality

Советская социокультурная реальность уже довольно давно ушла в прошлое, однако воспитательная работа в воинских коллективах до сих пор во многом построена на решении того комплекса проблем, который был присущ последним десятилетиям существования СССР. В этот комплекс входят, прежде всего, проблемы дедовщины, землячества, межрелигиозных противоречий, межнациональных отношений. Эти проблемы достались в наследство российским вооруженным силам и до сих пор являются актуальными. Однако важно не проглядеть новых причин неуставных отношений, чтобы они не разрослись в условиях игнорирования и замалчивания подобно проблемам воинских коллективов последних десятилетий существования советской власти. В этой связи важно обозначить приоритеты воспитательной работы и определить место проблемы межнациональных отношений в воинском коллективе на фоне старых проблем, известных с советского времени, и проблем, характерных для постсоветской России. Анализ этой проблемы наглядно раскрывает специфику современного воинского коллектива переменного состава и показывает пути не только к её разрешению, но и к разрешению всей совокупности его болевых точек.

Авторами статьи было проведено исследование межнациональных отношений в коллективе курсантов Саратовского военного Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации (СВКИ ВНГ Российской Федерации) методом анонимного письменного опроса. Было опрошено 554 из 1019 обучающихся, или 54% от списочной численности переменного состава курсантских батальонов на 2-й семестр 2009-2010 учебного года. В число опрошенных вошли курсанты, присутствующие на самоподготовке. Курсантам 1-5 курсов были предложены 32 вопроса, охватывающие основные аспекты проблемы межнациональных отношений.

Результаты опроса показывают, что курсантский коллектив СВКИ ВНГ Российской Федерации является многонациональным при несомненном количественном преобладании представителей титульной нации – русских (набор 2005-2009 гг.). 62,4% от общего числа опрошенных курсантов указали национальность «русский», 13,4% – «представитель мусульманских народов Кавказа», по 4,7% – соответственно, «представитель немусульманских народов Кавказа» и «представитель неславянских и немусульманских народов северной и центральной России», 3,3% – «представитель другой славянской национальности» (помимо русских), 3,3% указали национальную принадлежность «другая». Таким образом, в курсантской среде СВКИ ВНГ Российской Федерации представлены все основные группы народов нашей

страны (с учетом основных религиозных, географических, этнокультурных признаков).

Национальный вопрос имеет большое значение для курсантов: среди традиционных проблем воинских коллективов он поставлен курсантами на первое место (дедовщина – 15%, землячества – 18%, проблема межрелигиозных отношений – 19%, национальный вопрос – 19%). Притом фактор национальных различий уступает проблемам наличия-отсутствия значимых социальных связей и разницы между уроженцами города и деревни (их поставили на первое место среди факторов влияния на отношения в воинском коллективе, соответственно, 11, 18 и 17% опрошенных) и равен по значимости фактору разницы в имущественном положении (также 11% опрошенных). Это показывает, что *на смену традиционному для советского времени набору проблем приходит новый, характерный для современного российского общества*. Разумеется, оно унаследовало советскую социокультурную реальность, но это – уходящая натура. Чтобы решались действительно значимые для современного общества проблемы, следует сосредотачивать общественное внимание прежде всего именно на них. Это, как показывают результаты нашего исследования, в широком смысле, проблема социального неравенства (включая сюда иерархическую и экономическую составляющие) и не менее остро стоящая проблема социокультурного барьера между жителями городов и сел.

Материалы распределения ответов на первый вопрос анкеты («Как Вы можете оценить межнациональные отношения в Вашем воинском коллективе?») показывают, что в целом оценка межнациональных отношений среди курсантов военного института (в дальнейшем – ВИ) высокая (поскольку 93% курсантов дало только положительную или нейтральную оценку межнациональных отношений в своем коллективе). В целом количество негативных оценок межнациональных отношений снижается от младших курсов к старшим. Вероятно, это происходит по причине разрушения в процессе общения негативных этнических гетеростереотипов.

Характерно, что склонность к радикальным способам разрешения межнациональных противоречий выше на старших курсах, отличающихся относительно однородным этническим составом. Казалось бы, следует порадоваться растущей этнотолерантности молодежи. Однако снижение доли сторонников того мнения, что применение физической силы в разрешении межнациональных отношений может быть оправданным в ответ на агрессивные действия, говорит и о снижении склонности к самопожертвованию ради национальных интересов, которые являются интересами государства. Данные опроса свидетельствуют о возрастании меркантилизма и индивидуализма молодежи, что является одним из

выражений изменения этнокультурных ценностей российского общества в целом за последние годы.

Следует отметить, что в рамках изучаемого коллектива мы имеем дело в первую очередь не с непосредственно социокультурными противоречиями религиозного или национального характера: 89% опрошенных курсантов отметили, что истинной причиной межнациональных споров являются разногласия по службе, принимающие национальную форму. В связи с этим служебная нагрузка выступает как мощный фактор, обостряющий межнациональные противоречия. По этой причине от командиров и начальников требуется особое методическое мастерство сплочения коллектива.

В целом отношение к товарищам иной национальности «с уважением и без особой настороженности» отмечают 59% опрошенных, «с уважением, но с настороженностью и подозрением» – 24% и «как к не заслуживающим уважения» – 13%. Притом 47% давших ответы отмечают «в целом дружественное» отношение со стороны представителей иных национальностей. Здесь мы видим разницу между собственной оценкой своего отношения и восприятием со стороны (собственное отношение курсантов к представителям других народов получило более высокую оценку, чем отношение с их стороны).

В проведенном анкетировании было уделено внимание и крайним формам обострения межнациональных отношений. При ответе на вопрос: «Приходилось ли Вам применять физическую силу в разрешении межнациональных противоречий?» в подавляющем большинстве – негативные ответы (две трети). Необходимо отметить, что в отношении частоты случаев физического насилия ответы курсантов принципиально противоположны ответам членов экстремистских молодёжных группировок, где «влияние жестокости неформального окружения проверялось вопросами о том, были ли случаи, когда испытуемого сильно избивали в драках и как часто это случалось. Что таких случаев не было, заявили 14% опрошенных, изредка били – 16%, иногда – 24%, часто – 46%» (Аминов, Оганян 2005, с. 72). Немаловажную роль в том, приходилось ли человеку испытывать на себе физическое насилие, играет его собственный выбор. Так, среди членов экстремистских молодёжных группировок «не подвергавшихся сильным избиениям, у 60% не было ни одного неблагополучного друга: все те, кто подвергался избиениям более или менее часто, имели в своем числе друзей наркоманов, пьяниц, судимых, стоящих на учете в милиции» (Аминов, Оганян 2005, с. 73). Следует отметить, что так называемое «гражданское» общество в значительно большей мере находится в состоянии войны, чем воинские коллективы, удерживающие это гражданское общество от впадения в последние степени озверения.

Как и следовало ожидать, количество ответивших, что им пришлось повышать голос в связи с противоречиями на межнациональной почве,

несколько больше, чем ответивших, что им довелось применять физическую силу: соответственно, 33 и 27%. Любопытно, что формы амплитуд ответов на вопрос «Приходилось ли Вам применять физическую силу в разрешении межнациональных противоречий?» и ответов на вопрос «Приходилось ли Вам повышать голос в связи с противоречиями на межнациональной почве?» не совпадают. Вероятно *«голосовая разрядка» помогает избежать перехода конфликта в силовую стадию.* Это заставляет задуматься о полезности обсуждения различных проблем, стоящих перед коллективом. Лучше всего (и для этого больше всего возможностей) занять обучаемых различными полезными делами, по мере чего потребность в излишних словопрениях (а тем более в «разборках») отпадёт.

Распределение ответов на вопрос «Как изменилось за период службы Ваше отношение к представителям других национальностей?» таково: 47% ответов – «улучшилось», 46% – «осталось прежним», 6% – «ухудшилось». Несомненно, что в целом военная служба в Саратовском военном институте содействует улучшению взаимопонимания различных народов, способствует взаимообогащению людей благодаря ознакомлению с разными культурными традициями.

Что касается неуставных взаимоотношений в целом, то даже их свидетелей не более 10% от числа ответивших на вопросы анкеты. Неуставные отношения в военном институте, несомненно, закономерностью не являются и вытеснены в область маргинальных проявлений. Часть межнациональных противоречий в военном институте (89%) имеет иную природу. Следовательно, к маргинальным проявлениям можно отнести и межнациональные противоречия в курсантской среде. Однако, несомненно, следует воспитывать культуру межнациональных взаимоотношений: простор для развития в этом направлении есть. Следует шире и глубже, начиная с поступающих в вуз, проводить разъяснительную работу среди обучаемых. Необходимо внедрять идею индивидуальной ответственности человека, являющуюся одним из принципов демократического правового государства. Эта идея предполагает неэтичность упреков в том или ином национальном и социальном происхождении, насмешек над особенностями внешности, имени и фамилии, а тем более безосновательных оскорблений и порицаний. Неэтично и нелогично упрекать человека в том, что от него не зависит, а тем более наказывать за это (что имело место в практике тоталитарных государств).

Большинство курсантов имеет высокую толерантность, что должно положительно отразиться не только на том коллективе, где они служат ныне, но и на тех, которыми они будут руководить по окончании вуза. Умение не поддаваться на провокации и выдержка – неотъемлемые качества будущих офицеров войск национальной гвардии.

Исходя из имеющихся данных, можно выявить следующую зависимость межнациональных отношений и финансово-материальной обеспеченности курсантов: на 1-2 курсах, где заметно выше число состоятельных курсантов (относящихся к последней из отмеченных групп) и ниже число малообеспеченных курсантов, значительно ниже и межнациональная напряженность. То есть, *фактор социально-экономической (классовой) солидарности явно сильнее фактора межнациональных различий, и второй из них является производным от первого.* Таким образом, повышение благосостояния общества в целом может положительно сказаться на решении национальной проблемы.

Общее видение курсантами следствий фактора полиэтничности коллектива таково: негативно его оценивают в общей сложности 30% курсантов; позитивно – 40%. Не ответили на вопрос – 19% курсантов. Это подтверждает ранее обнаруженную нами тенденцию к преимущественно позитивной оценке межнациональных отношений в курсантском коллективе военного института. Эту оценку подтверждает то, что на 1 и 2 курсах, где больше представителей различных наций, межнациональные отношения заметно лучше, чем на остальных. Сама жизнь подтверждает, что полиэтничность – положительный социальный фактор, который учит все этносы социокультурной общности толерантности, повышает в ней культуру общения. Не случайно, что распад многонационального Советского Союза привел к откату российского общества по многим направлениям, в том числе и социокультурной сфере, назад.

В рамках опроса желающие курсанты заявили свои предложения по улучшению межнациональных отношений в их коллективе. Общий лейтмотив их предложений таков: для хороших межнациональных отношений в военном коллективе необходимо равное отношение со стороны командиров и начальников к представителям всех национальностей, но с учетом национально-религиозных особенностей.

В заключение следует отметить эффективность ныне существующей системы воспитания курсантов СВКИ ВНГ Российской Федерации в плане создания здорового климата межнациональных отношений. Наряду с этим надо отметить усложнение на современном этапе комплекса проблем, присущих воинскому коллективу, в связи с чем перед военными воспитателями встаёт насущная необходимость быть не просто грамотными профессионалами, но и, в лучшем значении этого понятия, современными людьми, знающими ценности молодежи и её проблемы.

Исходя из результатов анкетного опроса и в определённой мере рассматривая курсантский коллектив как модель российского общества, необходимо подчеркнуть вторичность идейно-религиозного кризиса и кризиса межнациональных отношений в нашем обществе по отношению к социально-политическому, социально-экономическому и социокультурному. Притом, как ни парадоксально, истинный

этнопатриотизм – это не национализм, а интернационализм – учёт интересов той этнокультурной среды, в которой живет народ. Тем, кто хочет реализовать в России политику «разделяй и властвуй» и посорить народы, которые близки в плане культуры и прекрасно уживаются между собой, следует помнить, что в России есть живой пример дружбы народов – войска национальной гвардии Российской Федерации, которые готовы защитить эту дружбу народов и то лучшее, что есть в национальных ценностях каждого из народов России.

Литература:

1. Аминов, Оганян 2005 – Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Триада, Лтд, 2005.
2. Гогиберидзе 2006 – Гогиберидзе Г.М. Этнокультурная направленность образования как фактор формирования межэтнической толерантности подростков // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия "Гуманитарные науки". Северо-Кавказский государственный технический университет. 2006. № 4. С. 1-5.

References:

1. Aminov D.I., Oganjan R.Je. *Molodezhnyj jekstremizm*. M.: Triada, Ltd, 2005.
2. Gogiberidze G.M. *Jetnokul'turnaja napravlennost' obrazovanija kak faktor formirovanija mezhjetnicheskoi tolerantnosti podrostkov // Sbornik nauchnyh trudov SevKavGTU. Serija "Gumanitarnye nauki". Severo-Kavkazskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet. 2006. № 4. P. 1-5.*

*Янковский В.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Yankovsky V.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika)*

Особенности формирования гражданской идентичности в условиях молдо-приднестровского конфликта

Features of formation of a civil identity in conditions moldovan- transdnestrian conflict

Аннотация. Рассматриваются тенденции и процесс формирования приднестровской идентичности в условиях непризнанности самопровозглашенной государственности. Автор приходит к выводу, что в случае объединения двух берегов Днестра может произойти разрушение приднестровской государственности и размывание гражданской

идентичности, интернационального по своей сути и построенной на принципах «Русского мира».

Ключевые слова: конфликты на межнациональной почве, государственное строительство, национализм, Приднестровье, Республика Молдова.

Abstract. The article considers trends and formation of the Transnistrian identity in conditions of non-recognition of the self-proclaimed statehood. The author comes to the conclusion that in the case of a merger of the two banks of the Dniester can be the destruction of the Transnistrian statehood and the blurring of civil identity which is international in nature and built on the principles of "Russian world".

Key words: ethnic conflicts, state-building, Transnistria, Republic of Moldova, nationalism.

Один из разработчиков цивилизационной теории Арнольд Тойнби в своих работах увязывает успешность развития цивилизации с умением творческого меньшинства находить ответы на вызовы природного мира и человеческой среды.

Среди вызовов русской православной и западной цивилизациям учёный выделяет наличие постоянного внешнего давления. При этом очевиден идеологический, религиозный и этнический «разогрев» точек соприкосновения цивилизаций. Чаще всего напряжённость цивилизационных границ проявляется в виде конфликтов, но до поры до времени может быть нивелирована политической энергетикой единых идеологических государств, каким был, к примеру, Советский Союз.

После развала СССР цивилизационные границы вновь обозначились, в том числе в форме новых государств. Одно из таких государств – Приднестровье – де-факто существующая, де-юре непризнанная страна с населением немногим более 500 тысяч человек, жители которой сегодня объединены общим мировоззрением, сформировавшимся в процессе интенсивной ассимиляции культур, этносов и исторического опыта народов.

Важно отметить, что население Приднестровья изначально формировалось как многонациональная общность. Первопричиной объединения жителей края стало вхождение в 18 веке региона в состав Российской империи. Среди других значимых консолидирующих факторов можно выделить православное вероисповедание, русский язык как язык межнационального общения, культуру и традиции, общее историческое прошлое. Здесь сложились три примерно равные по значению этнические группы – русская, молдавская и украинская.

В начале 90-х, отстаивая право на защиту своих интересов, приднестровцы прошли путь от требований свободной экономической зоны в 1990 г. до конфедерации, закреплённой Постановлением

Верховного Совета в 1993 г. после отражения вооружённой агрессии со стороны Молдовы. Собственная государственность воспринималась приднестровцами как защита от попыток разделить народ по сортам: на «хозяев» и «оккупантов».

Надо сказать, что на Днестре столкнулись две идентичности, в основе которых, с одной стороны, лежала молдо-румынская языковая политика и национализм, с другой – интернационализм и русский язык как форма межнационального общения. Приднестровское государство появилось как результат небывалого подъёма, всплеска общественной активности, роста и укрепления сил гражданского общества, не свойственных в то время Советскому Союзу.

Именно приднестровцы стали инициаторами политической забастовки в Молдавской ССР, протеста, направленного против национального неравенства, против нарушения прав человека. Десятки тысяч людей выступили в защиту своего человеческого достоинства. История СССР подобных примеров не знала.

Это не был «пассивный протест» в виде «кухонных анекдотов» про «вождей» – это был пример готовности идти на реальные потери в борьбе за свои гражданские права.

С 1989 по 1990 годы во всех населённых пунктах Приднестровья прошли референдумы о целесообразности создания Приднестровской республики. Кстати, референдум в г. Рыбница, состоявшийся 3 декабря 1989 г., стал первым референдумом в истории Советского Союза. В Приднестровье в условиях распада СССР Советы трудовых коллективов взяли на себя функции будущих органов управления.

Люди многих национальностей, объединившись, доказали, что Приднестровская республика может стать домом для всех, а не собственностью какой-то одной титульной нации.

Статья вторая принятой в 1991 г. Конституции Приднестровья начинается словами: «Многонациональный народ Приднестровья, являющийся единственным источником его суверенитета, осуществляет государственную власть...» Таким образом, термин «многонациональный народ Приднестровья» можно рассматривать в качестве первого посыла к общегражданской идентичности.

Сплочение народных масс вокруг «приднестровской идеи» и успешное отражение вооружённой агрессии Республики Молдова в 1992 г. можно считать отправными точками приднестровской гражданской идентичности.

Этот краткий экскурс в прошлое региона представляется важным с точки зрения анализа причин зарождения в Приднестровье гражданской идентичности. Становление и закрепление гражданской идентичности в дальнейшем происходило также под влиянием конфликта, который со временем лишь менял свои формы.

После относительно недолгого периода совместной работы сторон конфликта в рамках переговорного процесса с участием гарантов и посредников Республика Молдова при поддержке Украины и Европейского Союза предприняла очередную масштабную попытку удушения Приднестровья. Выйдя в 2001 году из переговорного процесса, Молдова стала системно проводить экономические, финансовые, политические, информационные и другие меры давления, направленные на демонтаж приднестровской экономики, запугивание и ограничение передвижения жителей. Приднестровье планомерно принуждали к односторонним уступкам.

Однако агрессивные шаги молдавских и украинских властей по отношению к жителям Приднестровья были восприняты приднестровцами как вызовы государственности и сложившемуся образу жизни. Реакцией стала консолидация гражданского общества, вылившаяся в массовые митинги, заявления общественных организаций и другие акции. Так, в апреле 2006 г. после перекрытия границы для приднестровского экспорта, вызвавшего остановку большинства приднестровских предприятий, на подъёме патриотических настроений в Тирасполе прошёл съезд депутатов всех уровней, в ходе которого был инициирован вопрос о проведении всенародного референдума. На референдум был вынесен вопрос выбора вектора геополитического развития республики и общества.

Необходимо отметить, что в самые тяжелые дни блокады 2006 г. приднестровцы получили действенную поддержку от Российской Федерации, признавшей факт экономической блокады Приднестровья и выполнившей свои функции государства-гаранта процесса урегулирования. В тот период для приднестровцев чрезвычайно важной стала атмосфера единения с народом России. Свыше 46 регионов России оказали помощь Приднестровью. Первый гуманитарный автокараван с медикаментами и продовольствием, несмотря на все препятствия со стороны властей Украины и Молдовы, уже 25 марта 2006 г. прибыл в блокированное Приднестровье. Жители республики встречали его, как в 1944 г. встречали освободителей.

На референдуме приднестровцы однозначно высказались о продолжении курса на независимость с последующим присоединением к Российской Федерации. Несмотря на то, что итоги референдума не были признаны международным сообществом, он был чрезвычайно важен с точки зрения внутренней консолидации общества, признания населением республики своей единой гражданской идентичности.

В завершение, возвращаясь к вопросу урегулирования конфликта с Республикой Молдова, необходимо отметить, что в настоящее время в Молдове идёт борьба двух государствообразующих идеологий: румынизма и молдовенизма.

В свою очередь, Приднестровская республика, созданная гражданами как защита от агрессивного национализма, придерживается принципиально иной идеологии, в связи с чем механическое включение Приднестровья в состав унитарной Молдовы, на чём настаивают кишинёвские власти, приведёт к разрушению приднестровской государственности и размыванию гражданской идентичности, построенной на принципах «Русского мира», интернационального по своей сути.

Голубев А.В. (Москва, Российская Федерация)
Golubev A.V. (Moscow, Russian Federation)

**Инокультурные представления на постсоветском пространстве:
историческая динамика**

**Foreign culture representations in the former Soviet Union:
Historical dynamics**

Аннотация. В статье содержится характеристика инокультурных представлений, их исторической динамики и развития на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: инокультурные представления, внешнеполитические стереотипы, постсоветское пространство

Abstract. The article contains the characteristic of foreign culture representations, their historical dynamics and development in the former Soviet Union.

Keywords: Foreign culture representations, foreign policy stereotypes, former Soviet Union

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур (проблемы имэджинологии), находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, изучаются всё более активно. В частности, появились работы на материале российской истории, посвящённые механизмам формирования, функционирования инокультурных представлений и стереотипов, динамике их изменения. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях ожесточенных дискуссий о месте России в современном мире, трудно переоценить.

Представления об иных этносах, странах, культурах – неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит своё место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те

или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов: от того, кто выступал их носителем («книжники», естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т.д.

Изучение истории взаимовосприятия сразу же выводит на очень важные исторические сюжеты. Например, рассматривая на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего средневековья и кончая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости/закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец, его, если угодно, «культурное бессознательное» (здесь имеются в виду некие устойчивые, очень древние механизмы, существующие в любой культуре, которые этой культурой и её носителями не отрефлектированы, но оказывают на неё сильное, порой определяющее влияние).

Исследуя специфику восприятия внешнего мира различными социальными слоями и группами, мы вынуждены по-новому взглянуть на их взаимоотношения и эволюцию этих взаимоотношений. Что такое воспринимающее мир «российское общество» XIX века? Это то, что мы иначе именуем «образованным классом». А «советское общество» в отношении к миру? Это практически все социальные слои и группы, от министров и академиков до пожилых колхозников, которых «беспокоил Гондурас».

Или другой аспект – формирование образа России в мире. Это нас выводит и на дипломатию вообще, и на культурную дипломатию, и на специфику западноевропейской цивилизации, и на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

Представления о внешнем мире, бытующие в общественном сознании, весьма разнообразны. Можно говорить о разных уровнях этих представлений, об их происхождении и специфике бытования, о содержании и эмоциональной окрашенности и т.п. Важность изучения инокультурных представлений давно признана зарубежными и российскими историками; в России это направление исследований в последние два десятилетия развивается особенно динамично. Ряд обстоятельств делает это развитие особенно успешным: во-первых, от культурологических работ, декларирующих, на основе отдельных примеров, общие положения имэджинологии, российские исследователи

перешли к конкретно-историческим исследованиям, основанным на обширной источниковой базе. В оборот вводятся, помимо многочисленных архивных документов, писем и дневников, новые виды источников: слухи, карикатуры, материалы устной истории и т.д. Наконец, пока скорее как исключение, появляются первые междисциплинарные проекты. Многие молодые исследователи изначально избирают это научное направление, о чем говорит ряд защищённых в последние годы по этой проблематике диссертаций. Тем не менее в российской историографии ещё не утвердилась единая терминология, продолжаются дискуссии и по основным понятиям, связанным с этим направлением.

На наш взгляд, первый уровень инокультурных представлений составляют стереотипы – упрощённые, устойчивые, эмоционально окрашенные представления о внешнем мире, основанные, как правило, не на личном, а на групповом опыте.

В истории международных отношений давно подмечено, что в кризисных ситуациях не только общественное мнение, но и позиция политических элит формируется прежде всего под воздействием давно усвоенных и достаточно примитивных стереотипов.

Среди стереотипов выделяются стереотипы общения, поведения, восприятия. Понятно, что инокультурные представления включают в себя прежде всего стереотипы восприятия. Эти стереотипы различаются по содержанию и по специфике повлиявшей на их возникновение информации, но механизмы их формирования идентичны.

Наиболее распространённой категорией, которая традиционно упоминается в качестве основного типа инокультурных представлений, являются этнические (этнокультурные) стереотипы. Этнокультурные стереотипы – это обобщённые представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русский «авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя.

Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определённых чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть ещё представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д.

Помимо этнокультурных стереотипов, существуют и другие виды стереотипов, связанные с восприятием иной культуры. Для традиционного общества наиболее характерными, помимо этнических, являются географические стереотипы, а именно достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопропространственные представления,

которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями.

В процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу географические и этнические стереотипы дополняются и частично вытесняются внешнеполитическими и культурными, которые включают в себя, помимо прочего, представления о политике разных государств, их национальной истории, культуре, современной жизни. Прежде всего на основе культурных стереотипов возникают так называемые образы, отличающиеся от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы.

Итак, «образ другого» как сложная, синтетическая категория являет собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами. Соотношение и сочетание этих элементов зависит от степени рационализации/мифологизации сознания субъекта восприятия, его образованности, мировоззрения, личного опыта взаимодействия с другой культурой, влияния социального и культурного окружения.

Представления русских об иностранцах вообще трудно определить сколько-нибудь однозначно: они формировались в зависимости от исторической эпохи, от конкретной ситуации, от образовательного уровня и социального статуса носителей этих представлений. Если речь идет о периоде до XX века, то для представителей придворной знати определяющее значение имел опыт общения с иностранцами, а часто и личные впечатления от поездок за рубеж. Но основная масса населения получала информацию о внешнем мире в виде слухов и легенд. Лишь в редких случаях носителями информации выступали очевидцы, чаще всего отставные солдаты, иногда паломники.

Переломным моментом явилась эпоха Петра. Сначала «Великое посольство», затем регулярная отправка представителей знатных родов для обучения в страны Европы, приток иностранных специалистов и изменения в быту, последовавшие в результате царских указов, сделали своё дело. По крайней мере, среди высшего дворянства обычным стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранялось вплоть до XX в.

Однако историческая логика вела не только к росту информированности высших слоев. Уже в XVII в., оставаясь опасным и враждебным, Запад перестаёт быть ненужным и неинтересным. Проходит несколько десятилетий, и Россия последовательно включается в процесс

модернизации, что в данном случае означало в значительной мере вестернизацию.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформ политического строя, роста социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, распространения образования, наконец, формирования гражданского общества, включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. И, в частности, радикально меняются механизмы восприятия внешнего мира.

Обычно эти процессы происходят эволюционно: новые представления о мире формируются среди интеллектуальной и политической элиты, затем постепенно захватывают средние слои общества и, наконец, по мере распространения социальных реформ, введения всеобщего образования и т.п., распространяются на широкие массы населения. В России этот процесс, однако, имел свою специфику. Его эволюционное развитие (как и процесс формирования гражданского общества в целом) было сильно заторможено и даже деформировано в силу целого ряда обстоятельств. В результате в начале XX в. происходят без преувеличения революционные изменения в этой области.

В начале XX в. в массовом сознании происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов, отражённых прежде всего в фольклоре, стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, представления о немцах, англичанах, поляках как фольклорных персонажах в значительной степени сменяются представлениями о Германии, Великобритании, Польше как геополитической реальности. Именно эти представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В ещё большей степени на массовое сознание повлияла первая мировая война. Но и она, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям: свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне...

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и всё расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдалённых районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность,

имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой ещё не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов – за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренялись в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдалённое представление. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям.

Говоря об обществе в целом, необходимо подчеркнуть, что пропаганда служила только лишь *основным материалом* для формирования массовых стереотипов, которые порой упрощали её положения и оценки до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного». Растущая изоляция общества, всё в большей степени сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объективной информации. И всё же Запад оставался многоликим, причём его разные, иногда прямо противоположные, ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

Вторая мировая война многое изменила в представлениях о внешнем мире. Сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно представителями интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Впрочем, позитивных изменений ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев – личными контактами советских граждан с союзниками, но и в ряде случаев также личные впечатления от увиденного в Европе в 1944-1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьёзным изменениям в массовом сознании.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда – идеологические

кампании конца 40-х – начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

С конца 1950-х по 1985 г. в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. Именно в это время они в значительной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) вытесняются инокультурными стереотипами.

С 1985 г. начинается сложный, противоречивый, но довольно быстрый и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Но близкое знакомство с реальным Западом, а главное, результаты перестройки и последовавших за ней реформ привели к тому, что произошла ретроградная инверсия, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековым и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

Однако вышеупомянутая ретроградная инверсия избирательна и непрочна; более того, она скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в гораздо более благоприятной для этого внешней среде. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; но одновременно идёт процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы.

Однако ситуация после 1991 г. привела к тому, что состоявшийся переход от традиционных этнических стереотипов к внешнеполитическим происходит вторично, но уже в гораздо более узких рамках. На наших глазах этнические стереотипы, относящиеся к представителям бывших союзных республик, опять-таки вытесняются внешнеполитическими. Конечно, это пока относится лишь к нескольким государствам, наиболее последовательно и далеко «отходящим» от России. Прежде всего это страны Прибалтики, причем, что характерно, если этнические стереотипы различают, скажем, эстонцев и латышей, то внешнеполитические стереотипы относятся ко всем трём странам одновременно. Следующей в этом ряду оказалась Грузия, особенно после событий августа 2008 г. И теперь на наших глазах то же самое происходит с Украиной. Стереотип весёлого и хитрого «хохла» сменяется

представлениями об Украине как полуразрушенном, а нередко и фашистском государстве. Последняя оценка, конечно, весьма спорна, но она уже занимает достаточное большое место в современном российском массовом сознании.

Конечно, тон здесь задаёт пропаганда и политические высказывания, в том числе и на самом высоком уровне. Можно привести в высшей степени показательный пример – накануне 9 мая В.В. Путин поздравил лидеров Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Абхазии, Южной Осетии, а также граждан Грузии и Украины. Показательно как вполне объяснимое отсутствие в этом ряду Прибалтики, так и подчеркнутое отделение народов Грузии и Украины от их руководства.

Можно предположить, что постепенно процесс формирования внешнеполитических стереотипов захватит всё постсоветское пространство. И только в достаточно отдаленной перспективе (речь идет как минимум о десятилетиях) можно ожидать формирования инокультурных стереотипов.

*Ковалева Е.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Kovaleva E.V. (Orel, Russian Federation)*

Оценка идеи политического объединения человечества в польской философии XIX – XX веков

Reviewing of the idea of humanity's political integration in Polish XIX-XX cc. philosophy

Аннотация. В статье рассматривается идея объединения человечества и её оценка польскими философами второй половины XIX – XX веков, сравниваются позиции польских и русских мыслителей по данной проблеме.

Ключевые слова: единство человечества, космополитизм, польская философия.

Abstract. The article deals with the idea of humanity's political integration as viewed, in late XIX- XX cc., by Polish and Russian thinkers.

Key words: unity, mankind, cosmopolitanism, Polish philosophy.

Актуализация темы мировой политической интеграции и единства человечества обусловлена процессами, которые принято связывать с понятием «глобализация». Процессы глобализации широко затрагивают культурную, социальную и политическую сферы жизни современного мира. С одной стороны, они являются естественным следствием демографических и экономических изменений, а с другой, имеют

сторонников и идеологов, выступающих за распространение и усиление влияния наднациональных и межгосударственных организаций. При этом, как отмечает Г.С. Калиева, сторонники глобализации сосредотачивают внимание на возможных негативных следствиях «абсолютного суверенитета». Среди них называют в первую очередь «опасность возникновения диктаторских режимов» и противоречие политики, проводимой отдельной страной, «интересам мирового сообщества» (Васюков 2006, с. 28). Идея «всемирной федерации», распространившаяся в 60-70-х годах XX века, была вызвана также осознанием необходимости предотвращения новой мировой войны.

Несмотря на то, что реальные предпосылки политического объединения человечества наметились лишь в последние десятилетия, идеи мирового единства имеют глубокие корни. Понятие «космополитизм» возникает ещё в античности, а идея мирового политического лидерства и господства восходит к европейскому средневековью. Генетически она связана с западной церковной доктриной «вселенского папства». С ослаблением папства доктрина переживает крах, и одновременно на её основе складывается идея универсального государства. Её первым выразителем был Данте Алигьери. Он не только разработал идею универсальной монархии, но и «впервые выдвинул и обосновал концепцию светского государства» (Кембаев 2012, с. 48). Универсализмом, переживанием единства мира и человечества были проникнуты философские концепции Кузанского, Фичино, Бруно. «Испанская монархия» Томмазо Кампанеллы переводит этот универсализм в сферу политики.

Существенный вклад в развитие идеи мирового объединения вносит эпоха Просвещения. Для философии XVII-XVIII вв. в целом был характерен интерес к политическим и социальным проблемам, их оценке и поискам путей практического решения. При этом, наряду с идеей мировой монархии, появляется мечта о мировой республике. К планам объединения человечества с большей или меньшей степенью заинтересованности обращается целый ряд мыслителей, начиная А. Каменским, выдвинувшим идею всемирного Сената, и заканчивая Кантом, предвидевшим «совершенное гражданское объединение человеческого рода». Кроме того, идеологами Просвещения впервые вводятся и разрабатываются такие «глобалистские» концепты, как «мировая литература» (Гёте) и «мировая культура» (Гердер) (Тиханов 2011, с. 137).

Утверждению идеи объединения человечества способствовало в этот период распространение идеи прогресса как явления не только европейского, но и общемирового. Прогресс начинает связываться с успехами научной, технической и хозяйственной деятельности. Очевидно, что поступательное развитие науки, техники, распространение

знаний и созидательной деятельности тормозятся разрушительными войнами. Прогресс, по мнению большинства мыслителей, предполагает состояние устойчивого мира. Тема «вечного мира», открытая в начале XVIII в. Ш.-И. де Сент-Пьером, в дальнейшем занимает таких мыслителей, как Бентам, Руссо и Кант. Наиболее радикальным способом предотвращения военных конфликтов многим из них представляется учреждение единого государства или федерации европейского или мирового масштаба.

Не случайно Французская революция, явившаяся практическим итогом просветительской идеологии, «проходила под знаком космополитизма» (Антипова 2005, с. 2), то есть представляла собой попытку перешагнуть национальные и культурные границы. Это символически изображала процессия, проследовавшая в 1790 г. к дверям Народного собрания: «Впереди шествовал эльзасский барон Анархасис Клоотс, за ним шли китаец, испанец, англичанин, австриец, негр и в довершение всего – халдей, выражая тем самым единство наций» (Антипова 2005, с. 2).

Идеология Романтизма, выступившая антитезой Просвещению, обратилась к идее независимости и самобытности культур. Смена парадигмы, однако, не привела к полному устранению просветительских установок, но лишь к смещению их на периферию. Просветительский рационализм сохраняет свои позиции в теории воспитания, в методологии науки и, в значительной степени, в социальной и политической философии. Идеи универсализма и космополитизма остаются в поле зрения и западноевропейских, и русских мыслителей. Своё преломление они находят и в польской философии.

Рассматривая ряд работ польских мыслителей, современный исследователь Ян Зубилевич приходит к выводу, что отрицание духовной общности человечества и перспектив его объединения является наиболее распространённой среди них позицией (Zubelevicz 2011, с. 22). Её разделяет целый ряд философов XIX-XX веков, таких, как Людвиг Гумплович, Феликс Конечный, Генрих Эльзенберг, Богуслав Волниевич, Збигнев Мусай.

Характерны взгляды крупного представителя социал-дарвинистской теории второй половины XIX в. Людвиг Гумпловича (1838–1909). История для него начинается с борьбы рас, которая затем переходит в борьбу этносов и, наконец, в столкновения социальных групп: классов, сословий, партий. Так или иначе человечество всегда было, есть и будет разделено на враждующие друг с другом группы: «Не идиллическое состояние мира, как это представляли себе некоторые философы и поэты, но вечная война была нормальным состоянием человечества во все времена. В итоге, история, как и современность, представляют нам картину неустанных боёв племен против племен, этносов против этносов,

народов и наций против народов и наций, государств против государств. Вот главное содержание истории. Цель этих боев всегда одна и та же, а именно, если называть вещи своими именами: эксплуатация чужих» (Gumplowicz 1995, с. 150). Следует заметить, что Гумплович не только утверждает разобщённость племен и народов как норму, но и усматривает в ней положительный смысл: внешняя конфронтация служит, по его убеждению, важным фактором внутреннего сплочения.

Феликс Конечный (1862-1949), чьи философские идеи существенно расходятся с идеями Гумпловича, тем не менее, имеет сходный взгляд на идею единства человечества. В его историософской концепции центральным является понятие «цивилизация». Он рассматривает историю в духе Данилевского и Шпенглера, как историю отдельных цивилизаций, делая при этом особый акцент на складывающихся между ними отношениях конкуренции и борьбы. По его мнению, «каждая цивилизация, пока она жива, стремится к экспансии, поэтому везде, где соприкасаются друг с другом две жизнеспособные цивилизации, между ними должна возникнуть борьба. Всякая жизнеспособная цивилизация активна, умирающая – пассивна. Противостояние продолжается, пока одна из враждующих цивилизаций не будет уничтожена» (Konieczny 1999, с. 50).

Современные польские мыслители Богуслав Волниевич и Збигнев Мусай развивают динамическую теорию исторического развития сообществ (20). Сообществом при этом называется «эксклюзивная», то есть самобытная и самодостаточная масса людей, которую объединяет некая прочная духовная связь. При этом для каждого члена сообщества сумма его внутренних связей превышает сумму его внешних связей. Особенности такого сообщества – это, в частности, стойкость, духовность, то есть не-утилитарность, устремлённость к жизни и выживанию, забота о воспитании детей, которое должно быть направлено на передачу традиций и сохранение самобытности. Забота о воспитании детей является первым и необходимым условием существования сообщества. Самобытность означает, что сообщество разделяет людей на «своих» и «чужих». Без «чужих» не может быть и «своих». «Чужие» составляют антропологический фон, необходимый для внутреннего укрепления сообщества. Поэтому невозможно универсальное сообщество, которое будет включать в себя всё человечество (Musiał, Wolniewicz 2011).

Этот краткий обзор позволяет заметить, что национальная или цивилизационная обособленность зачастую рассматривается польскими философами не только как единственно возможное состояние человечества, но и как позитивный фактор, способствующий формированию этически верных ориентиров и выживанию наиболее перспективных сообществ. Если вспомнить исторические и политические

реалии Польши XIX – первой пол. XX в., приверженность польских мыслителей подобным взглядам представляется закономерной. Проблема политической независимости и национального самоопределения остро стояла перед обществом. Разделённость польского этноса, особенно нахождение части его в составе чуждой католическому духу Российской империи воспринималось как ситуация, требующая преодоления. И тут нельзя не отметить определённую «контрарность» позиций польской и русской мысли в отношении идеи объединения человечества. Достаточно вспомнить, что два направления русской философии, возникших в конце XIX в., – космизм и всеединство. Концепция основателя философии всеединства Владимира Соловьёва включала в себя учение о «вселенской теократии» как о цели человеческой истории. При этом особое внимание он уделял проблеме взаимоотношений России и Польши. «Являясь передовыми борцами западного начала, поляки видят в России враждебный их духовному существу Восток, силу чуждую и темную и притом имеющую притязание на будущность и потому несравненно более опасную, чем, например, турки и мусульманский Восток», – пишет он (Соловьёв 2007, с. 26). И в то же время, по свидетельству Е.Н. Трубецкого, утверждает, что задача России состоит в том, чтобы «возвыситься над противоположностью запада и востока и явить себя *третьим Римом*, который примиряет в себе первые два» (Трубецкой 1995, с. 473).

Учение родоначальника русского космизма, Николая Федорова, также ставило цель объединение человечества. Только совместные организованные усилия всех людей могут, по его мнению, привести к победе над смертью и освоению космоса.

Анти-универсалистская историософская концепция Н.Я. Данилевского в России не получила ни достаточной поддержки, ни серьезного развития. Учение Соловьёва о вселенской теократии также не нашла сколько-нибудь серьезного продолжения в русской философии начала XX в. Однако в этот период в России набирает силу и, в конечном счете, одерживает победу распространившийся на российской почве марксизм – учение, призывающее к мировой революции и созданию единого коммунистического государства.

Осознанно или неосознанно, польская мысль, утверждая ценность автономии наций и государств, утверждала свою собственную автономность. И, как бы в противовес русской философии, находившейся в период своего формирования и расцвета под воздействием идей романтизма и немецких классиков, польская философия первой половины XX в. продолжает заложенную Просвещением традицию рационализма. Приверженность рационализму и интерес к философии науки как к прямому продолжению «линии Просвещения» обнаруживают, в частности, представители Львовско-Варшавской школы, определившей

развитие польской мысли в первой половине и середине XX в. Именно среди представителей этой школы обнаруживается философ, чьи высказывания о возможном объединении человечества расходятся с «традиционными» для польской философии взглядами – это Тадеуш Котарбиньский (1886 – 1981).

Прежде всего Котарбиньский известен как автор концепции «реизма», продолжившей традиции номинализма, а также как автор работ по праксеологии. Однако немалое место в творчестве мыслителя, особенно в период 50-х – 60-х годов, занимали работы по этике, аксиологии и антропологии. С этими направлениями его мысли связаны и суждения о возможном объединении человечества.

Первые намётки будущей этической концепции были сделаны Котарбиньским ещё в 20-е годы – уже тогда он выделил её существенный принцип: «независимость». Этика, по его мнению, не должна находиться в зависимости ни от религиозных установлений, ни от тех или иных философских концепций. Она должна базироваться на здравом смысле, который объединяет всех людей, и на «совести» как на общем для всех ощущении «должного».

Независимость этики с точки зрения Котарбиньского – залог её универсальности. Независимая и универсальная этика способна объединить людей, принадлежащих к разным культурам и конфессиям. Сочувствуя многим установкам христианской и, конкретно, католической этики, он в то же время не желает с ней солидаризироваться, поскольку «католицизм является лишь одним из религиозных вероисповеданий, сложившихся на земле и находящихся в состоянии антогонизма. Это его большое ограничение и недостаток с точки зрения единства мира» (цит по: Ruścian 2015, с. 53). Из этого высказывания Котарбиньского видно, что состояние единства мира мыслится им как желательное, а независимая этика разрабатывается как этика будущего объединённого мира.

Субъекта, руководствующегося принципами независимой этики, Котарбиньский характеризует как «практического реалиста». Ему надлежит «смотреть трезво на мир, принимать за отправную точку то, что сейчас существует, соблюдать условия и границы возможностей деятельности и верно определять иерархию значимости при определении принципов действий и конкретных планов» (Kotarbiński 1957, 685). Первый принцип означает, что в видении мира следует остерегаться эмоциональности, предрассудков, предубеждений, иллюзий и т.д. Пафос борьбы с предрассудками как некритично усвоенными знаниями – характерная черта новоевропейского рационализма и, в особенности, Просвещения. Что касается иерархии значимости, то действия должны быть направлены в первую очередь на избегание жизненных ошибок и на борьбу со страданиями. И главными источниками страданий являются

смерть и болезнь. А основные потребности человека как существа в первую очередь биологического касаются поддержания жизни и здоровья. Этика Котарбиньского характеризуется им как этика «заботливого опекуна», или этика борьбы со страданием. Он исходит из предположения, что страдания и, соответственно, желание их избежать, – то, что объединяет людей. Страдания одного человека понятны другому и вызывают сопереживание.

Последовательный материализм и пансоматизм не позволяет Котарбиньскому оценить возможную силу «субъективных» негативных переживаний. Его «пансоматическая» антропология и связанная с ней этика «опекуна» и подводят основание под идею объединения человечества в рамках мирового государства. Объединение оказывается не только возможным – на основе общего страха перед страданиями, но оно и необходимо для борьбы с ними. Цель уменьшения страданий и болезней как их главного источника может быть решена средствами, которые требуют концентрации интеллектуальных усилий всего человечества. Более того, такая цель оправдывает жёсткие политические средства, которых может потребовать создание мирового государства: переживания индивида от ущемления личной свободы оказываются меньшим злом, чем общие для всех физические страдания.

Находя объединение человечества возможным, Котарбиньский в то же время замечает препятствия на пути его достижения, которые связаны с культурным, национальным и этническим разнообразием. Нивелировка этих различий, их сведение к минимуму требует рациональных и планомерных усилий. Эти усилия должны быть направлены на воспитание нового человека. При этом Котарбиньский использует понятие «рационализация», которое играет большую роль в его идее мирового объединения. Основными путями рационализации являются: всемерное развитие науки и техники, а также упорядочивание форм организации совместной деятельности (Kotarbiński 1987, с 125-129).

Существенную причину разногласий Котарбиньский усматривает в культурных различиях, основанных на разнообразии религиозных верований. Религиозные мифы, по его мнению, особенно опасны для единства человечества. В процессе поэтапной рационализации все культуры должны отказаться от части своих принципов и прав в пользу создания общечеловеческой культуры.

Вторым фактором, противодействующим процессу объединения, является национальная дифференциация и языковые различия. Котарбиньский описывает два вида патриотизма: эмоциональный и рациональный. Первый является патриотизмом в традиционном понимании с предпочтением своих и недоброжелательностью по отношению к иностранцам, другой – патриотизмом гражданина мира. Рациональный патриот является унивесалистом, то есть космополитом, и

такого рода патриотизм надо воспитывать. Противоречия экономических интересов являются третьим источником конфликтов внутри государства и между государствами. Котарбинским предлагается введение рационального социализма, который устранил бы источник стихийных элементов в экономике и сведет к минимуму столкновения интересов (Schrade 2004, 191-199).

Подведя некоторый итог, можно сделать вывод, что к положительной оценке идеи единства человечества Котарбинского приводит следование рационалистической традиции Просвещения. Так же, как и у просветителей, её основу у Котарбинского составляют антиклерикализм, космополитизм, социалистические установки, вера в возможности научного и технического прогресса.

Литература:

1. Антипова 2005 – Антипова Т.А. Космополитическое и национальное в культуре на рубеже XVIII и XIX веков [Электронный ресурс]. Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 2005. http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109164206&archive=0217&start_from=&ucat=&
2. Калиева 2015 – Калиева Г.С. Идея мирового государства и права в контексте глобализации // Вестник КазНУ, Серия юридическая. 2015. № 2 (74). С. 28-31.
3. Кембаев 2012 – Кембаев Ж.М. Политико-правовая история идеи единой Европы с древнейших времен до современности. Алма-Ата, 2012.
4. Соловьев 2007 – Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М, 2007.
5. Тиханов 2011 – Тиханов Г. Космополитизм в дискурсивном ландшафте модерности: два контекста выражения в эпоху Просвещения (Пер. с англ. А. Мурашова) // НЛЮ: независимый филологический журнал. 2011. № 110. С. 135–155.
6. Трубецкой 1995 – Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. Т. I. М., 1995.
7. Gumplowicz 1995 – Gumplowicz L. System socjologii // Sto lat socjologii polskiej : Od Supińskiego do Szczepańskiego / wybór tekstów pod red. J. Szackiego. Warszawa : PWN, 1995.
8. Koneczny 1999 – Koneczny F.O. ładu w historii. Warsaw: Nortom, 1999.
9. Kotarbiński 1957 – Kotarbiński T. Realizm praktyczny // Kotarbiński T. Wybór pism t. 1. Warszawa: PWN, 1957. S. 680-698.
10. Kotarbiński 1987 – Kotarbiński T. Znaczenie racjonalizacji jako środka zbliżenia kultur odmiennych // Kotarbiński T. Pisma etyczne, red. J. Smoczyński. – Wrocław: Ossolineum, 1987.

11. Musiał, Wolniewicz 2011 — Musiał Z., Wolniewicz B. Ksenofobia i wspólnota. Przyczynek do filozofii człowieka. – Komorów: Wydawnictwo Antyk – Marcin Dybowski, 2010. S. 17-89.

12. Puścian 2015 – Puścian D. Refleksje na temat niezależności w koncepcji etycznej Tadeusza Kotarbińskiego // Człowiek, ęwiat, Polityka, № 6-7, 2015. S. 50-55.

13. Schrade 2004 – Schrade U. Zjednoczona ludzkość w ujęciu Tadeusza Kotarbińskiego // Schrade U. Międzywojenna polska myśl narodowa. Od patriotyzmu do globalizmu. Kraków: Arcana, 2004. S. 170-199.

14. Zubelevicz 2011 – Zubelevicz J. Tadeusz Kotarbinski o zjednoczeniu ludzkosci // Гуманітарний вісник ЗДІА, Запоріжжя, 2011. № 45. С. 21-28.

References:

1. Antipova T. A. Kosmopoliticheskoe i nacional'noe v kul'ture na rubezhe XVIII i XIX vekov [EHlektronnyj resurs] — Minsk: Belorusskaya cifrovaya biblioteka LIBRARY.BY, 2005. http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109164206&archive=0217&start_from=&ucat=&

2. Kalieva G. S. Ideya mirovogo gosudarstva i prava v kontekste globalizacii / Vestnik KazNU, Seriya juridicheskaya, 2015. – № 2 (74). – S. 28-31.

3. Kembraev ZH. M. Politiko-pravovaya istoriya idei edinoj Evropy s drevnejshih vremen do sovremennosti. Alma-Ata: ACADEMPRESS, 2012.

4. Solov'ev. V. S. Nacional'nyj vopros v Rossii. M: AST, 2007.

5. Tihanov G. Kosmopolitizm v diskursivnom landshafte modernosti: dva konteksta vyrazheniya v ehpoju Prosveshcheniya (Per. s angl. A. Murashova) / NLO: nezavisimyj filologicheskij zhurnal. – 2011. – № 110. – S. 135–155.

6. Trubeckoj E.N. Mirosozercanie V.S. Solov'eva. T. I. M.: Moskovskij filosofskij fond, 1995.

*Бабурова Н.Б. (г. Москва, Российская Федерация)
Baburova N.B. (Moscow, Russian Federation)*

**Фактор жертвенности в российском политическом процессе:
народ и власть**

**The sacrificial factor in the Russian political process: people and
power**

Аннотация. Освещён вопрос гонения русских в республиках бывшего СССР в период последней четверти XX века.

Ключевые слова: жертвенность, жертва, русский.

Abstract. The question of the persecution of Russians in the republics of the former USSR during the last quarter of the twentieth century is covered in the article.

Keywords: sacrifice, victim, Russian.

Зло действительно банально, и справедливость – всего лишь поиск путей его оправдания, искоренение зла мостит дорогу в ад. Ханна Арендт писала о суде над Эйхманом: «Защитник — и это очевидно — предпочел бы, чтобы его клиент заявил о собственной невиновности на том основании, что согласно существовавшим при нацизме законам он не совершил ничего противозаконного, что его обвиняют не за преступления, а за «принятые в государстве законы», не подлежащие юрисдикции другого государства (*par in parent impetium pop habet**), что его долгом было подчиняться этим законам и что, говоря словами Сервациуса, он совершил действия, «за которые, в случае победы, награждают, а в случае поражения — отправляют на виселицу» (Арендт 2008, с. 42). История холокоста победителей из числа народов СССР научила только одному: победителей награждают, а весь остальной мир – гонения на евреев больше невозможны.

Распад СССР обнажил националистические тенденции в республиках и навёл на них лупу, привлекая к ним особое внимание. Республиканский национализм был следствием и основанием одновременно для формирования полноценных суверенитетов бывших советских республик. Для них произошла историческая подмена процессов: в то время, когда большинство наций формировало свои национальные суверенитеты, они вошли в большую авангардную конфедерацию – СССР – и пропустили естественное время для формирования национального государства. В конце XX в. иных основ формирования государства, кроме этнической и национальной, по объективным причинам – исторически незавершённого национального строительства в начале XX века и отсутствия иного исторического опыта формирования суверенитета – не виделось. Ещё больше подстёгивали настроения суверенизации по крайней мере два исторических опыта: интернациональная помощь СССР в борьбе угнетаемых народов за освобождение от колониалистов (проекция на собственный опыт) и однозначно провалившийся проект авангардного конфедеративного государства (начальный этап формирования советского союзного государства 1920-х годов), в котором они участвовали. Опыт коммунистической России, социальной революции, воплощённая утопия, возможность изменения институциональных условий стали толчком для социального развития в мире. Очевидная влюблённость в искусство и культуру, признание наилучшей иллюстрации, визуализации для мира будущего и очевидный же испуг от кардинальных социальных изменений

породили в мире движение в противофазе с целью не допустить институциональных поломок подобной русской, приняв лучшие и актуальнейшие социальные практики. Однако авангард СССР, изменив мир, стал разрушительной силой для субъекта авангарда, сердце Данко выгорело, Данко умер, СССР превратился в монстра и разрушился.

Я не случайно говорю «коммунистическая Россия», «институциональная поломка, подобная русской» вместо привычных «советская Россия» и «советский опыт», так как для мира «русский» – брендовое наименование, имеющее отношение к политической, географической, институциональной характеристике и не несущее обозначение этноса. Русский – внешнее наименование политической практики, распространённой в Восточной Европе и далее за Уралом, выходящее за рамки «российского» и понятия «россияне».

Националистические тенденции, связанные с распадом СССР, обозначили русских как институциональное явление политики последней четверти XX в. Формирование полноценных суверенитетов в бывших союзных республиках было связано со столкновением институциональных факторов и выбором путей дальнейшего существования и развития. Националистически ориентированные потребности полного суверенитета вступили в острое взаимодействие с применением оружия с потребностями суверенитета в рамках конфедерации СССР. В политической риторике это отразилось как этническое взаимодействие титульных наций новых суверенитетов и русских. Однако говорить об этнических гонениях на русских в странах Балтии, Молдавии очень сложно – список погибших со стороны, не поддерживавших националистические суверенитеты, включает не в первую очередь людей с русскими фамилиями, в первую очередь представителей титульных этносов республик (Бомешко 2015, Бугай 2011, Круглов 2008, Молдавия 2004, Сапожникова 2016). Этим людям было присвоено наименование русский по причине поддержки политических институтов, свойственных понятию «русский». Таким образом, конфликт развивался в институциональной плоскости русских политических институтов и нерусских политических институтов, по принципу иной политической традиции.

Вследствие этого процесса русские, включая названных таковыми, пережили два очень разных явления. Во-первых, лишение суверенитета как внутри преемницы СССР Российской Федерации, так и, что более очевидно, в национальных государствах. Люди столкнулись с необходимостью новой институционализации и ресоциализации, вливания в иную государственность за пределами Российской Федерации на правах национального меньшинства, а в некоторых случаях и вовсе без прав. Во-вторых, преобразование суверенитета. Это явление больше касается России: формирование новой суверенности с ампутированным

сознанием окраин, уменьшением собственной территории, национальности и суверенитета, неопределённостью в осознании и принятии новых национальных характеристик, включения в первую очередь институциональных признаков для определения «свой-чужой», формирование образа врага для маркера «чужой». Сложность этих процессов не в последнюю очередь была связана с неопределённостью самих институтов, которые разрушались, создавались, преобразовывались со скоростью невозможной для осознания и адаптации со стороны людей, что привело к архаизации сознания институтов и опоре на первичные моральные и политические установки (Аузан 2016), вернувших нас в социально-антропологическое прошлое.

Политические процессы на территории бывшего СССР в конце XX в. вылились в две разные стороны (проявления) одного и того же антропологического явления – жертвы. В странах новых суверенитетов произошла массовая виктимизация поведения людей, не согласных с выбранным политическим маршрутом, подкреплённая стереотипом жертвы «чужого» (по Р. Жирару) для русских, которыми (как я уже писала выше) были обозначены все, принявшие русские политические институты.

Массовые гонения «чужих» свойственны многим культурам (европейцы же последнее массовое гонение совершили против евреев в период Второй Мировой войны). Стереотип гонения чужого очень удобен для решения внутренних политических проблем, он, проявляя рудименты магического мышления в политической идеологии, отвлекает от решения насущных сложностей и просто объясняет причину неприятностей, также просто предлагается очевидное решение: «чужого» необходимо уничтожить. «К нему (магическое мышление) чаще всего обращаются в случае бедствия — и оно прежде всего является системой обвинения. Играет роль колдуна и действует сверхъестественным способом, чтобы причинить зло ближнему, всегда *другой*» (Жирар 2010, с. 92). Стигмат чужого или другого вливается во «врага» (по К. Шмитту), «лишь самостоятельно может каждый из них (*участники конфликта*) решить, означает ли в данном конкретном случае инобытие чужого отрицание его собственного рода существования, и потому оно [инобытие чужого] отражается или побеждается, дабы сохранён был свой собственный, бытийственный род жизни» (Шмитт 2016, с. 302).

Шмитт отмечал, что в осознании, проецировании, агрегации врага он предстаёт как злой и безобразный, стереотипное представление о евреях в Европе конца XIX в. рисует самый неприглядный образ – от физического уродства до совершенно аморального поведения, а они были основным чужим, врагом и виновным в Европе на протяжении многих веков. Свидетельства, представленные в К. Ланцманом в «Шоа» (Ланцман 2012), вызывают ужас не столько своим содержанием, сколько принятием

немцами, поляками массовых убийств еврейских семей как должного. Все активно воевавшие европейские нации окутаны неприятнейшими стереотипами – не континент, а скотный двор, субъекты непригляднейших качеств.

И решение об отрицании собственного рода существования в инобытии другого было принято, и выразилось оно в уничтожении физическом, социальном или политическом чужого. Русским были приписаны все стереотипы гонений: 1) социальный и культурный кризис, то есть обобщенная обезразличенность; 2) «обезразличивающие» преступления; 3) признаки виктимного отбора, метки обезразличенности предполагаемых виновников преступлений; 4) само насилие. «Смысл этой процедуры — в том, чтобы переложить на жертв ответственность за кризис и воздействовать на него либо уничтожив названные жертвы, либо, по крайней мере, исторгнув их из общины, которую они «оскверняют»» (Жирар 2010, с. 45).

Наличие системного кризиса в последней четверти XX века отрицать невозможно, следовательно, невозможно отрицать и обезразличенность, потерянность, невозможность найти границы и правила, определить правильность и справедливость поступков – этим проблемам посвящено множество серьёзных и не очень серьёзных исследований последних 25 лет. Русские были обвинены по самым тяжким социальным и культурным обвинениям, которые только возможны: преступления против верховной власти, против женщин и детей, против основных социальных устоев (их попытаюсь квалифицировать как религиозные преступления, так как речь идёт об измене коммунистической идеологии). Русские были виктимизированы как меньшинство (статистика нам здесь не поможет – не важно количество, важно самовосприятие титульных народов), русская культура в мгновение ока превратилась из великой в оккупационную и убивающую культуры титульных народов, русский язык из языка межнационального общения в символ порабощения и насильственной русификации. В условиях, не предполагающих адаптации, именно русские были признаны индивидами, испытывающими трудности с адаптацией (например, знание языка титульной нации). И ещё одним важным виктимным признаком русских стала социальная аномалия, связанная с властью русских, которая могла не быть реализована этническими русскими в республиках СССР, но была властью из Москвы, то есть русской.

Русские в России тоже не избежали гонительских стереотипов. Социум в России традиционно устроен так, что стереотип виктимных признаков «чужой» присваивать было некому. Большинство русских общин гомогенно, еврейские погромы – редкость в истории России, но в 1990-х годах активизировался антисемитизм, в современной истории России официально чужой был определён как «лицо кавказской

национальности», и есть примеры кавказских погромов, но для начала 1990-х годов этот стереотип неактуален, он сложился позже – после чеченских войн.

Гонительские стереотипы русских в России сложились по другим виктимным признакам. Прежде всего, обострились социальные конфликты, связанные с нетерпимостью к иным физическим признакам: инвалидность, национальность. Презрение вызывали те, кто не смог быстро сориентироваться в изменившейся социальной реальности и продолжал отстаивать ценности, уже неактуальные для нового общества. Кризис был настолько обескураживающим, что проявились предельные случаи виктимных признаков: гнев коллектива навлекали любые крайние качества – успех и поражения, красота и уродство, пороки и добродетели, привлекательность и несносность. Основным виктимным признаком стали молодость, сила, мужественность. По отношению к носителям этих признаков проявился феномен вменённой жертвы – от них требовалась жертвенность по отношению ко всему остальному социуму, так как именно они могли обеспечить уничтожение чужих и врагов. Внутренних врагов власть имущие того периода предоставить не могли ввиду отсутствия основного институционального звена – идеологии, а старые внешние враги, которые долгие годы были в ходу, в рамках новой политической риторики стали друзьями. Заряд вменённой жертвы сработал в самостоятельном поиске врагов и чужих, так как необходимо было обеспечить защиту самых близких людей – произошло формирование ОПГ. Парад суверенитетов подстегнул виктимизацию, так появились чужие – чеченцы и кавказцы в целом.

Основной же виктимный признак сложился в рамках социальных аномалий и был направлен на элиты, власть имущих и богатых, что более интересно, и на нищих, людей с асоциальным поведением, что более обыденно. Виктимизация богатых и власть имущих породила социальные искривления, которые Россия до сих пор не в состоянии перейти, и это касается не только отношения населения к власти, но власти к населению и самой себе. Власть в России производит впечатление бандита, совершающего набег, а не оседлого бандита, планирующего ещё долгое время собирать ренту с территории (в терминологии М. Олсона), и связано это, на мой взгляд, не с порочностью элит, не с неопределённостью легитимности, как юридической, так и политической, а с продолжающимся социальным кризисом и присвоенным признаком виктимности, который означает, что правление может закончиться в любой момент, что может состояться террор против власти. Эти опасности не позволяют принять власть в полном объёме, то есть начать нести полную ответственность за всё происходящее на подвластной территории и установить полноту суверенитета, так как отсутствие ответственности и полноты суверенитета *как бы* нивелирует и власть, то

есть снимает признак виктимности. Но это не решает проблему, а усугубляет её, так как круг замыкается: кризис – признак виктимности – безответственность – грабёж – кризис. Ненависть к богатым и власть имущим не является характерным признаком власти, она – характерный признак кризиса, так как следует из подвижных, неясных правил игры, отсутствия эффективного функционирования институтов.

По итогам событий распада СССР русские, несомненно, были подвержены гонениям как за пределами России, так и в самой России, однако возможность какого-либо преследования гонителей весьма сомнительна, так как преследование совершалось не в рамках этнических чисток, а в рамках институциональных взаимодействий, где понятие русский окончательно потеряло этническую составляющую и приобрело форму институциональной характеристики. Избежание и урегулирование подобных конфликтов лежит за рамками понятия русский и относится к сфере гуманитарной безопасности, под которой «следует понимать выработанную в результате международных соглашений совокупность правил (правовых режимов), определяющих взаимодействие государств, иных национальных, транснациональных и частных акторов, способствующих реализации человеком права на выбор средств и способов обеспечения персональной безопасности, условий своего существования, а также приемлемые и неприемлемые формы поведения этих акторов на международной арене по защите права человека на выбор» (Борисов 2017, с. 56).

Русский в современном мире – тот, кто придерживается институциональных установок, свойственных признакам государства, а не говорит на русском языке (о практике русской культуры в быту говорить невозможно, культура изменчива и соответствует времени и правилам времени), российский, россиянин – обозначение принадлежности Российской Федерации, этнос, скорее всего, великорусский.

Литература:

1. Арндт 2008 – Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.
2. Аузан 2016 – Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2016.
3. Бомешко 2015 – Бомешко Б.Г. История приднестровской войны. 1992 года. Тирасполь, 2015.
4. Борисов 2017 – Борисов А.В. Гуманитарная безопасность: подходы к определению // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. М. 2017. № 1 (11). С. 45-60.

5. Бугай 2011 – Бугай В.Ф. Латвия-1991. Январь – август. Как это было на самом деле // <https://imhoclub.lv/ru/material/latvija-1991-janvar-avgust#.TrOrUIEXGok>
6. Жирар 2010 – Жирар Р. Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинда. СПб., 2010.
7. Круглов 2008 – Круглов Т. Виновны в защите Родины, или РУССКИЙ. М., 2008.
8. Ланцман 2016 – Ланцман К. Шоа / Пер с фр. П. Каштанова. М., 2016.
9. Молдавия 2004 – Молдавия: современные тенденции развития / Под ред. Е.М. Кожокина; Рос. ин-т стратегич. исслед. М., 2004.
10. Олсон 2012 – Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.
11. Сапожникова 2016 – Сапожникова Г. Кто кого предал. Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. М., 2016.
12. Шмитт 2016 – Шмитт К. Понятие политического /Пре. с нем. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016.

References:

1. Arendt Kh. Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime. М., 2008.
2. Auzan A. Ekonomika vsego. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'.М., 2016.
3. Bomeshko B.G. Istoriya pridnestrovskoi voiny. 1992 goda. Tiraspol', 2015.
4. Borisov A.V. Gumanitarnaya bezopasnost': podkhody k opredeleniyu // Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir. М. 2017. № 1 (11). S. 45-60.
5. Bugai V.F. Latviya-1991. Yanvar' – avgust. Kak eto bylo na samom dele // <https://imhoclub.lv/ru/material/latvija-1991-janvar-avgust#.TrOrUIEXGok>
6. Kruglov T. Vinovny v zashchite Rodiny, ili RUSSKII.М., 2008.
7. Lantsman K. Shoa / Per s fr. P. Kashtanova. М., 2016.
8. Moldaviya: sovremennye tendentsii razvitiya / Pod red. E.M. Kozhokina; Ros. in-t strategich. issled. М., 2004.
9. Olson M. Vlast' i protsvetanie: Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury. М., 2012.
10. Sapozhnikova G. Kto kogo predal. Kak ubivali Sovetskii Soyuz i chto stalo s temi, kto pytalsya ego spasti.М., 2016.
11. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo /Pre. s nem. A.F. Filippova. SPb., 2016.
12. Zhirar R. Kozel otpushcheniya / Per. s fr. G. Dashevskogo; Predisl. A. Etkinda. SPb., 2010.

Старостенко К.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Starostenko K.V. (Orel, Russian Federation)

Государственная национальная политика: перспективы реализации

State National Policy: Prospects for Implementation

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования и реализации государственной национальной политики в Российской Федерации с момента распада Советского Союза по настоящее время. Автор утверждает, что сегодня Россия предстаёт как уникальная полиэтническая цивилизация, скреплённая общими историческими ценностями и единым культурным (цивилизационным) кодом, в результате чего перед высшим политическим руководством страны стоит задача формирования новой модели национальной политики.

Ключевые слова: многонациональное государство, национальная политика, межнациональные и межэтнические отношения, стратегия.

Abstract. The article analyzes the process of formation and implementation of the state national policy in the Russian Federation from the moment of the collapse of the Soviet Union to the present. The author claims that today Russia appears as a unique multiethnic civilization, bound together by common historical values and a single cultural (civilizational) code, as a result of which the task of forming a new model of national policy is facing the country's top political leadership.

Key words: multinational state, national policy, interethnic and interethnic relations, strategy.

Для эффективного функционирования многонационального государства, каковым является Россия, необходим системный подход к развитию этносов и наций как центральных субъектов современной политики, нахождению путей и средств разрешения возникающих в обществе национальных и этнических противоречий, укреплению сотрудничества в сфере политических отношений. Этому способствует проводимая правительством страны национальная политика – совокупность законодательных, организационных и идеологических мер, направленных на организацию жизни этносов и взаимоотношений между ними.

Практика показывает, что для гармоничного развития межнациональных отношений в многонациональном государстве требуется проведение научно обоснованной национальной политики, детерминированной историческими особенностями и традициями этнических групп. Это поможет результативно выстроить стратегию

управления национальными (федеративными) отношениями, предотвратить национальные противоречия, часто перерастающие в острые этнополитические конфликты.

Несомненно, что главной целью многонационального и федеративного государства является обеспечение мира – предотвращение конфликтов как внутри (создание эффективного механизма урегулирования любых споров, могущих возникнуть среди этнических сообществ), так и между ним и другими суверенными государствами. Для этого государство должно обладать необходимой силой, чтобы исключить любую опасность как внутри, так и извне, что в полной мере относится к Российской Федерации.

После распада Советского Союза перед российским руководством встала серьезная задача – предотвращение дальнейшего распада. Ситуация осложнялась тем, что историко-формационные преобразования, которые произошли в России в 1990-х гг., глубоко затронули все бывшие советские этнонации: одни стали обладателями суверенитета, а другие оказались под диктатом новых суверенов. Многие из «обиженных», подстегиваемые внутренней амбициозной национальной элитой, начали раздувать претензии, мифологизировать своё этнонациональное прошлое, подчеркивая свою исключительность и призывая к собственной государственной суверенности. Первостепенную положительную роль в укреплении национальных отношений и стабилизации этнонациональной ситуации сыграл Федеральный договор, сдержавший процессы дезинтеграции. В дальнейшем принятие Конституции РФ на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. свидетельствовало о серьезном продвижении по пути становления России как демократического, федеративного и многонационального государства.

В последующем в Российской Федерации на законодательном уровне неоднократно обсуждались вопросы, связанные с решением проблем в сфере национальной политики и межэтнических отношений: предупреждение и разрешение этнических конфликтов; политическое и социально-экономическое развитие этнических сообществ; удовлетворение этнокультурных потребностей народов России; административно-территориальное устройство и разграничение властных полномочий; борьба с проявлением различных форм экстремизма, национализма и ксенофобии; защита прав коренных малочисленных народов; регулирование миграционных процессов; совершенствование механизмов реализации национальной политики и законодательства (Трофимов 2007, с. 4).

Все вышесказанное потребовало принятия целого ряда правовых актов, направленных на регулирование протекающих этнополитических процессов. К таковым можно отнести следующие федеральные законы: «О национально-культурной автономии», «О государственном языке

Российской Федерации», «О языках народов РФ», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», «О противодействии экстремистской деятельности», «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и др.

Важное место в укреплении российской государственности принадлежит Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, принятой 15 июня 1996 г. Авторы Концепции заложили в документ основную цель – сохранение и укрепление единой российской государственности, несмотря на то, что терминологические нюансы в таких понятиях, как «национальные отношения», «межнациональные отношения», «национальные культуры народов РФ», «межнациональный мир и согласие», сохраняли определённый эклектизм концепций гражданской нации и этнонации (Кузиванова 2015, с. 145).

Необходимо отметить, что формирование нормативно-правовой базы государственной национальной политики в Российской Федерации осуществлялось как на федеральном, так и региональном уровне. В Конституциях республик – субъектах РФ – нашло отражение положение о гарантиях основных прав и свобод человека, зафиксирован принцип культурного плюрализма, признающего право проживающего на её территории русского населения и других коренных этносов на сохранение и развитие своей культуры. В отдельных субъектах РФ (например, Бурятии, Татарстане, Саха, Удмуртии и др.) принимались собственные Концепции национальной политики. В ряде субъектов РФ был принят ряд законов о государственном языке субъекта РФ и языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории субъекта РФ, например, «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», «Закон Республики Карелия о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», Закон Республики Алтай «О языках», Закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории ХМАО» (Ильин 2012, с. 109).

Анализируя условия функционирования современного многонационального государства, необходимо выделить наиболее базовые из них: безопасность, внутреннюю сплочённость и территориальную целостность, суверенность экономического, военного, политического потенциала, устойчивость развития в долгосрочной перспективе, социальность, то есть ту часть социальной ответственности, которую государство возлагает на себя. Таким образом, основная задача

государства – с помощью активно проводимой политики обеспечить единство между различными политическими, социокультурными, национальными, этническими, религиозными или иными группами и направить потенциал противоборствующих сил в одно созидательное русло.

Национальная политика в многонациональном государстве выполняет исключительно важную ценностную функцию. Ценности, свойственные гражданскому обществу и дополненные традиционными нравственными ценностями этнических и национальных сообществ, образуют весьма развитую и специфическую систему, свойственную и возможную к осуществлению политической деятельности, набор методов и средств которой предопределяет выбор властных целей для реализации политических императивов и приоритетов. Всё это предусматривает в целях эффективно осуществляемой этнонациональной политики в государстве проведение комплексного анализа общества в целостности его истории, национально-культурной традиции, современного потенциала, мотивации действий с учётом различий всех этнонациональных слоёв населения. Также необходимо подчеркнуть, что на формирование и процесс реализации национальной политики любого государства оказывают влияние ряд факторов: геополитический, этнополитический, общественно-политический, социально-экономический, этнокультурный, конфессиональный и многие другие (Даудов 2013, с. 13-14).

Отметим, что вопросы национальной политики и межнациональных отношений остаются в центре внимания руководства современной России. Так, например, в предвыборной программной статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин особо выделил фундаментальный характер национального вопроса для России «с её многообразием языков, традиций, этносов и культур»; гражданское и межнациональное согласие назвал одним из главных условий самого существования российского государства и призвал к построению модели «государства и цивилизационной общности с таким устройством, которая была бы абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной». По словам В.В. Путина, «самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром», а Россия – это «историческое государство», «государство-цивилизация» (Путин 2012, 23 января).

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ № 1666 от 19.12.2012 г. была принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:0>) В документе

понятие «российская нация» широко используется наравне с терминами «российский народ», «многонациональный народ Российской Федерации», «народы России». Межнациональные отношения трактуются как межэтнические, многонациональность России – как полиэтничность. При этом русский народ в Стратегии – это «системообразующее ядро» Российского государства, благодаря которому «сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов».

В дальнейшем, 19 сентября 2013 г., на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» глава государства В.В. Путин поднял вопрос о необходимости формирования гражданской идентичности, отметив, что формирование идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны (Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>).

На заседании Совета при президенте РФ по межнациональным отношениям в Астрахани Президент России В.В. Путин поручил разработать и принять закон о российской нации, в основу которого должна лечь Стратегия государственной национальной политики. Создание этого закона Путин отнес к вещам, «которые точно нужно реализовать» (Путин подал национальную идею //URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml). Документ уже подготовлен, однако, как отмечает руководитель рабочей группы по его подготовке, академик РАН В.А. Тишков, законопроект «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» будет переименован. Закон может получить название «Об основах государственной национальной политики». Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности. Новая концепция законопроекта будет представлена в апреле. В ней, в частности, пропишут систему мониторинга этноконфессиональных отношений, механизм разграничения полномочий между федеральной, региональными и местными властями, политику государства в отношении малых и коренных народов (Название закона о российской нации изменят из-за неготовности общества // URL: <https://rg.ru/2017/03/07/nazvanie-zakona-o-rossijskoj-nacii-izmeniat-iz-za-negotovnosti-obshchestva.html>).

Таким образом, проводимая российским правительством в постсоветский период национальная политика была направлена на сохранение целостности страны, что предполагало:

- укрепление доверия и сотрудничества между различными

этническими сообществами;

- восстановление и развитие традиционных межнациональных контактов и связей;

- своевременное разрешение возникающих противоречий в сфере межнациональных и межэтнических отношений на основе соблюдения баланса интересов государства, субъектов Федерации и населяющих её народов.

Сегодня Россия предстаёт как уникальная полиэтническая цивилизация, скрепленная общими историческими ценностями и единым культурным (цивилизационным) кодом, в результате чего появилась необходимость в формировании новой модели национальной политики, основными целями которой являются:

- упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);

- сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

- гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;

- обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

- успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов (Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.).

Литература:

1. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения – 19.03.2017)

2. Даудов 2013 – Даудов А.Х. Сущность и особенности национальной политики России: история и современность // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. № 5. С. 7-15.

3. Ильин 2012 – Ильин В.И. Механизмы реализации государственной национальной политики в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук, 2012. № 2. С. 105-116.

4. Кузиванова 2015 – Кузиванова О.Ю. Проблема концептуальных основ современной национальной политики России (к истории вопроса) // Власть, 2015. № 7. С. 143-148.

5. Название закона о российской нации изменят из-за неготовности общества // URL: <https://rg.ru/2017/03/07/nazvanie-zakona-o-rossijskoj-nacii-izmeniat-iz-za-negotovnosti-obshchestva.html> (дата обращения – 19.03.2017)
6. Путин 2012 – Путин В.В. Россия: национальный вопрос / Независимая газета. 2012. 23 января.
7. Путин подал национальную идею // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml (дата обращения – 19.03.2017)
8. Трофимов 2007 – Трофимов Е.Н. Основные направления формирования законодательной базы национальной политики // Власть. 2007. № 5. С. 3-13.
9. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:0> (дата обращения – 19.03.2017)

References:

1. Vystuplenie V.V. Putina na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» 19 sentyabrya 2013 g. // URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (data obrashcheniya – 19.03.2017)
2. Daudov 2013 – Daudov A.H. Sushchnost' i osobennosti nacional'noj politiki Rossii: istoriya i sovremennost' // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. № 5. S. 7-15.
3. Il'in 2012 – Il'in V.I. Mekhanizmy realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politikiv Rossijskoj Federacii // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2012. № 2. S. 105-116.
4. Kuzivanova 2015 – Kuzivanova O.YU. Problema konceptual'nyh osnov sovremennoj nacional'noj politiki Rossii (k istorii voprosa) // Vlast', 2015. № 7. S. 143-148.
5. Nazvanie zakona o rossijskoj nacii izmenyat iz-za negotovnosti obshchestva // URL: <https://rg.ru/2017/03/07/nazvanie-zakona-o-rossijskoj-nacii-izmeniat-iz-za-negotovnosti-obshchestva.html> (data obrashcheniya – 19.03.2017)
6. Putin 2012 – Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros / Nezavisimaya gazeta. 2012. – 23 yanvarya.
7. Putin podal nacional'nuyu ideyu // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml (data obrashcheniya – 19.03.2017)
8. Trofimov 2007 – Trofimov E.N. Osnovnye napravleniya formirovaniya zakonodatel'noj bazy nacional'noj politiki // Vlast'. 2007. № 5. S. 3-13.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70284810/paragraph/1:0> (data obrashcheniya – 19.03.2017)

Манельман В.М. (г. Москва, Российская Федерация)
Mapelman V.M. (Moscow, Russian Federation)

**Этические аспекты полиэтнического существования:
особенности и проблемы**

Ethical aspects of a multi-ethnic existence: peculiarities and problems

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и нравственные последствия реализации наиболее распространенных рекомендаций полиэтнического сосуществования народов.

Ключевые слова: мораль, нравственность, межэтнический конфликт, национальные традиции и обычаи, толерантность.

Abstract. The article discusses social and moral implications of the most common recommendations of a multi-ethnic coexistence of peoples.

Key words: morality, ethics, ethnic conflict, national traditions and customs, tolerance.

Полиэтническое существование – явление в истории не новое, но всегда мозаичное, динамичное и структурно разнообразное. В связи с особенностями его функционирования хотелось бы остановиться на трёх вопросах этического плана, связанных между собой заявленной темой.

Вопрос первый. Термин «этнос» завоевал своё место в науке лишь в 20-е годы XX столетия. С его помощью историческое теоретическое знание попыталось реализовать своё стремление к поиску базовых закономерностей формирования, функционирования и развития исторически сложившихся устойчивых общностей людей, объединённых общими социкультурными признаками. Набор этих признаков в различных направлениях этнологии (этнографии) варьируется, включая в себя особенности происхождения, территорию проживания, внешний вид, язык, обычаи и традиции, специфику хозяйственной деятельности, общность самосознания. Нередко в их число добавляют «менталитет», представляющий собой коллективную характеристику социального сообщества, обобщающую принятые в его рамках взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и иные нюансы духовной жизни людей. Фактически исследователи, вводя в научный оборот термин «этнос», вернулись к его

этимологическому содержанию, восходящему к древнегреческому понятию – «народ».

Однако специалистам-этнологам всё равно пришлось определяться по отношению к существовавшей ранее в исторической науке градации, выделяя род и племя, народность, национальность. При этом произошёл ряд метаморфоз (превращений, преобразований), которые могут быть оценены, в том числе, и с позиции науки этики.

Сложно себе представить современных исследователей, возражающих против её принципов. Они включают в себя честность (осуждение плагиата, недобросовестных заимствований, фальсификаций), бескорыстный поиск и защиту истины, самостоятельность обоснований и доказательств, открытость для независимой проверки и экспертизы, равные требования к научным авторитетам и молодым учёным, ответственность за результаты своих действий (в том числе и за использование тех или иных методов исследований) и социальные последствия внедрения научных открытий. Однако ни для кого не секрет, что фактов их нарушения в сфере науки становится всё больше и больше. Причины этого коренятся как во взаимосвязях внутри научных сообществ (в меньшей степени), так и в их отношениях с обществом и властью (в значительной степени).

В этнологии (этнографии) они тоже нашли своё проявление.

Во-первых, ограничив жизнедеятельность *родовых* и *племенных* объединений первобытным обществом в далеком прошлом, исследователи, как правило, делают лишь «страховочные» упоминания о том, что подобные социальные конгломераты сохранились у некоторых народов и до настоящего времени. Но ведь они действительно продолжают существовать в наши дни на всех континентах (кроме Антарктиды), взаимодействуя с более крупными этническими общностями и развитыми цивилизациями. А раз они не исчезают по объективным причинам, то их квалификация как примитивных едва ли может считаться адекватной.

Во-вторых, предлагаемые определения *народности* фактически совпадают с определениями национальности и нации. Каждое из них наделяется схожими признаками, сопровождаясь указанием его положения по отношению к предшествующей общности. В частности, народность определяется как тип этноса, сложившийся в результате разложения родоплеменных отношений; нация – как тип этноса, сменяющий народность. При этом отличительные признаки народности строго и доказательно прописываются только в отношении предшествующих социокультурных организмов, то есть по сравнению с родом и племенем.

В-третьих, расширяющиеся связи и зависимости всех социальных общностей от политических процессов поставили перед учеными вопрос

об их собственной политической лояльности. Это заставило многих из них «пожертвовать» термином «*национальность*». Однако приходится считаться с тем, что, например, из народности «славяне» вышли национальности «поляки», «чехи», «словаки» (западные славяне), «белорусы», «русские», «украинцы» (восточные славяне), «болгары», «сербы», «словенцы» (южные славяне). Максимально сблизив признаки национальности и нации, этнографы предпочли более удобным отказаться от одного из этих терминов, считая, что таким образом удастся избежать политико-идеологических ловушек и сохранить иллюзию научной объективности.

В-четвертых, если национальности начали складываться на излёте Средневековья, то *нации* возникли лишь в первой половине XIX столетия (в начале индустриальной эпохи). Суть этого по существу уже этнополитического образования в том, что нация – это национальность, обладающая собственной государственностью. А раз так, то отдельные национальности и сложные социальные организмы, утратившие или не обладавшие конкретной национальной спецификой (например, граждане США), подменив её государственной принадлежностью, предстали в виде наций, а другие, для существования которых многонациональность, поликультурность, разноязыкость, полирелигиозность были исторически типичными, такого звания не должны были приобрести (например, русские в России). Ситуация складывалась не просто конфликтная, а взрывоопасная, как, впрочем, рано или поздно всё, что связано с политическими отношениями.

Изъятие из научного лексикона этнологии (этнографии) понятия «национальность» и попытки завуалировать основной признак «нации» – политико-государственную идентичность – не так безобидны, как это может показаться. С одной стороны, это явное нарушение принципов научной этики, а с другой стороны, довольно серьезное препятствие к непредвзятому исследованию особенностей полиэтнического существования.

Вопрос второй. Обращение к этической проблематике и использование этической терминологии в разнообразных научных системах в последнее время обрело чрезвычайную популярность. В этнологии (этнографии) это является не просто оправданным, но и принципиальным моментом. Однако её освоение оказалось крайне слабо связанным у значительного числа этнологов с этико-научными знаниями. Привлекательная специальная этическая и общенаучная терминология нередко используется в вольных трактовках, в виде привычных клише, попадая в таком виде в специальную теоретическую и учебную литературу. Рассмотрим несколько терминов, наиболее часто употребляемых в этнологических контекстах.

– *Мораль, нравственность, этика.* Если обратиться к их номинальным трактовкам, то это действительно близкие по смыслу понятия. Не случайно они довольно часто используются в качестве синонимов. В английском языке одному из них вообще не существует аналога. В этике же, которая является наукой о законах функционирования морали и нравственности, дело обстоит совсем по-другому.

«Мораль» представляет собой исторически обусловленную, периодически обновляемую систему предельных образцов, норм, принципов и оценок поведения людей, характерных для конкретного периода существования общества, закреплённых в системе знаний. Моральные принципы и нормы сложно выработать и сформулировать, но зато в моральной среде гораздо проще существовать. Во многом это происходит потому, что моральные требования существуют только до тех пор, пока есть условия для их нарушения. Как только эти условия изживаются, потребность в таком ориентире пропадает, он превращается в исторический объект.

«Нравственность» же функционирует не в сфере знаний человека, а в сфере его поведения. Она представляет собой способность человека в условиях выбора поступка (между двумя или несколькими ценными и одновременно нереализуемыми рекомендациями) руководствоваться «меньшим злом». Сознательное выполнение одного положительного требования в этом случае обязательно сопровождается сознательным нарушением другого положительного требования. Нравственному поведению в связи с этим должна сопутствовать готовность нести ответственность за результаты своего выбора, то есть либо принять заслуженное наказание, либо реализовывать заранее продуманные способы исправления возникшей ситуации. В отличие от моральной, нравственная среда всегда тяжела и болезненна, как сама жизнь. Человек предпочитает жить в мире моральных идей, а не решать мучительные нравственные проблемы.

Таким образом, данные три термина не являются синонимами и не способны заменять друг друга. Одним словом, моральность может сопровождаться безнравственностью, а нравственность сосуществовать с аморальностью в поведении одного и того же человека.

В межэтнических отношениях чрезвычайно часто совершаемые поступки (на основе нравственного выбора) оправдываются моральными требованиями (чаще всего традиционными). Оступившиеся уверены, что ссылки на намерения, а не искреннее покаяние в полученных результатах, должны облегчить их участь. Пострадавшая сторона нередко такие аргументы признаёт убедительными.

– *Общечеловеческие ценности.* Под ними обычно понимаются «теоретически существующие моральные ценности,... содержание

которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводятся, тем не менее, в любом типе культуры в качестве ценности» (Новейший философский словарь, 1999). Подобные определения свидетельствуют, что общечеловеческие ценности – это моральные, а не нравственные ценности. Кроме того, утверждая, что в каждой культурной традиции существует свой «собственный конкретный» смысл, их сторонники почему-то настаивают на том, что эти ценности умудряются оставаться общечеловеческими для всех народов и на все времена. Создаётся впечатление, что в формулировках подобного рода заключена некая утопическая мечта, нереальная как для существования, так и для воплощения. Регулятивные функции у таких идеально благих требований либо не срабатывают, либо не могут быть задействованы.

С точки зрения этики, «общечеловеческие ценности» – это не общепризнанные, общепринятые, вечные образцы поведения, а те ценностные ориентиры поступков, которые в данный период могут быть нарушены каждым человеком и всем человечеством, независимо от уровня их культуры, образования, религиозной причастности, развития, степени экономического благосостояния, условий социально-политического существования. Это не всеблагие образцы и ориентиры, а показатели главных универсальных тревог в области социального поведения в данный исторический период.

Чтобы ими воспользоваться, надо выявить причины, питающие условия для их нарушения, аннулировать их (изжить, разрушить, свести на нет), постоянно имея в виду, что после этого данная ценность не только перестанет быть общечеловеческой, но и вообще перестанет быть ценностью.

В межэтнических отношениях надо давать себе отчёт в том, что нередко одинаково сформулированные моральные ценности и нормы предполагают различные национальные, традиционные или признанные отдельными этническими сообществами формы и способы их воспитания, закрепления и реализации.

– *Права (человека, ребенка, национальности)*. Термин «права» в этике относится к группе парных категорий и обретает собственный смысл лишь при наличии сопутствующего термина. Таковым для него является «обязанности». Невозможно прописать и обеспечить ничьи права нравственного порядка, не проделав то же самое с обязанностями. Попытка же закрепить права за одними, а обязанности за другими провоцирует произвол одной стороны и несправедливость другой, влекущие за собой конфликты и трагедии. Никакие документы и усилия по их реализации, даже на международном уровне, не в состоянии обеспечить

чьи-либо права без определения обязанностей для этих же групп людей, о чем свидетельствует юридическая практика.

Фактически весь свод международных актов, связанных с правами, в соответствии с которыми обычно создаются аналогичные документы отдельными государствами, либо прописывает обязанности социальных групп так, что они ничем не отличаются от прав, либо вообще не затрагивает данный аспект социальных отношений. Подобный подход прослеживается во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах (1976 г.), в Конвенциях по защите прав женщин (1953, 1957, 1962, 1979 гг.), в Конвенции о правах ребенка (1989 г.), в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995 г.), в Декларации ООН о правах коренных народов (2007 г.) и других аналогичных документах.

– *Свобода*. Это тоже парный термин. Его *vis-à-vis* – «ответственность». А так как свобода – это не «угодное лично мне поведение», а познанная необходимость, то стремящийся к ней человек, решает, по сути дела, вопрос о той мере ответственности, которую он готов нести за свои поступки. Громко взывая к свободе, значительное число людей в современном мире борются по существу не столько за право поступать по собственному усмотрению, то есть за свободу, сколько стремятся к гарантированной личной безответственности за те последствия, которые порождены их поступками и поведением.

При этом важно иметь в виду ещё одно обстоятельство. Значительное число современных межэтнических проблем этического характера формируется теми, кто искренне хотел бы их избежать. Однако для этого далеко не у всех хватает этического образования и нравственной культуры.

В частности, сравнительно недавно в школах была введена дисциплина «Основы религиозных культур и светской этики». При этом организаторы данного нововведения явно либо полностью передоверились представителям церкви, либо были не в курсе, что собой представляет этика как наука. А наука ведь безразлична к подобного рода характеристикам и именно поэтому она не бывает ни светской, ни религиозной. Речь может идти о «религиозной морали» (христианской, мусульманской, иудейской, буддийской и так далее), которая поддерживается соответствующими учениями. Например, «нравственное богословие» в христианстве или мусульманская доктрина нравственности.

Как ответная реакция на введение в школах подобного предмета начался процесс формирования соответствующих учебных дисциплин и создание кафедр теологии в государственных вузах, хотя в нашей

культурной среде они должны были бы называться кафедрами богословия (*теология* всегда соотносилась с латинством и, являясь систематическим изложением вероучений, к науке имела отдалённое отношение). Однако если реальная цель таких новаций – ознакомление учащихся с религией как частью человеческой культуры в прошлом и настоящем, то это вообще-то называется религиоведением.

Третий вопрос. Попытки урегулирования противоречий этнического характера нередко вызывают негативные морально-нравственные последствия, что приводит не столько к их разрешению, сколько к их усугублению. Одна из причин этого связана с тем, что в качестве конечной цели, ожидаемого результата прорисовывается некий исключительно благой образ. И хотя его недостижимость очевидна для всех, составление «беспорочных» образцов подобного рода чрезвычайно распространено и ориентация на них довольно популярна и среди педагогов, и среди родителей, и среди чиновников различного уровня.

Странно при этом, что до сих пор учебные заведения как высшего, так и среднего уровня не проявляют серьезного интереса к наработкам такой учебно-воспитательной дисциплины, как этнопедагогика (Волков 1999; Керимшеева 2011). А ведь она должна была быть одним из обязательных предметов, как минимум в педагогических вузах. Именно этнопедагогика аккумулировала значительно число приёмов и методов формирования безопасной среды межэтнического существования.

Второе обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что любой социальный процесс, в том числе и межэтнический, кроме своих причин, имеет ещё этапы развития. Почему-то главный интерес исследователей на этом пути сосредоточен в основном на конфликтах (конфронтации) и чрезвычайных ситуациях. А ведь, между прочим, это совершенно необязательные этапы: конфликт есть наивысшая стадия развития противоречия, а чрезвычайная ситуация – это состояние, возможность конструктивного вмешательства в которое уже упущена. Само же противоречие может быть локализовано на предшествующих стадиях. Как свидетельствует мировая и отечественная история, в условиях совместного проживания или деятельности представителей различных национальностей (даже коротких по своей продолжительности) разрешают их вполне разумно и драматично. Если же состояние перманентных межэтнических конфликтов не затихает, перерастая в серьезные столкновения, причины следует искать в целенаправленных провокациях.

Третье обстоятельство, значительный опыт (как позитивный, так и негативный) и убедительные навыки межэтнического существования заключены в существовании межнациональных семей. Этот подвижный, постоянно обновляющийся организм способен вырабатывать «противоядие» против многих социальных болезней. Межнациональные

браки и межнациональные семьи должны стать объектом специального исследования прежде всего конфликтологов, культурологов и педагогов.

Четвертое обстоятельство. Нельзя сбрасывать со счёта и то, что вся история нашей страны – это межэтническое существование: совместная жизнедеятельность людей разных национальностей, вероисповеданий, говорящих на различных языках и являющихся носителями разнообразных культур и традиций. При этом богатство национальных культур оказалось не растраченным и не уничтоженным, что не удалось большинству стран мира и почти ни одному государству в Европе. Не случайно в первом ряду идеологических болевых точек по разрушению этнического единства нашего государства была задача – рассорить народы нашей страны, опираясь на принадлежность его к различным национальностям.

Пятое обстоятельство. В условиях глобализации значительное число рекомендаций, якобы направленных на стабилизацию современного неустойчивого и конфликтного межэтнического положения в мире, сориентировано не на выработку стратегии сосуществования, а на формирование некой типовой массы людей, для которой не существует национальной идентичности, заменённой на общую государственную принадлежность. Примером тому может служить энергично «раскручиваемый» процесс, осуществляемый под лозунгом толерантности, проще говоря, к терпимости.

Известный американский философ Дж. Ролз, рассматривавший демократический мир через призму справедливости, писал: «Идея заключается в том, чтобы сведением вместе достаточно многих разумных ограничений в единую концепцию, мы поймем, что одна из представленных альтернатив должна быть предпочтена другим» (Ролз 2010, с. 502). Толерантность действительно везде трактуется как терпимость, в том числе и в соответствующей Декларации ЮНЕСКО (1995 г.). А раз так, то она представляет собой взаимные уступки, что порождает не удовлетворение, а недовольство, и потому даже призыв к терпимости чреват конфликтностью и противоречиями.

Литература:

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика. – М.: Академия, 1999. – 168 с.
2. Керимшеева О.А., Иглина Н.Г. Этнопедагогика и культура безопасности. – Новосибирск: АРТА, 2011. – 184 с.
3. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: В.М. Скакун, 1999. – 896 с. [https://ru.wikipedia.org/wiki //](https://ru.wikipedia.org/wiki//Общечеловеческие_ценности) [Общечеловеческие ценности.](https://ru.wikipedia.org/wiki//Общечеловеческие_ценности)
4. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – 536 с.

References:

1. Volkov G.N. Etnopedagogika. – M.: Akademiya, 1999. – 168 s.
2. Kerimsheeva O.A., Iglina N.G. Etnopedagogika i kul'tura bezopasnosti. – Novosibirsk: ARTA, 2011. – 184 s.
3. Novejshij filosofskij slovar' / Sost. A.A. Gricanov. – Mn.: V.M. Skakun, 1999. – 896 s. [https://ru.wikipedia.org/wiki // Obshchechelovecheskie cennosti.](https://ru.wikipedia.org/wiki//Obshchechelovecheskie_cennosti)
4. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. – M.: LKI, 2010. – 536 s.

*Букарский В.В. (Кишинев, Республика Молдова)
Bukarski V.V. (Chishinau, Republic of Moldova)*

Этнический фактор в избирательном процессе Республики Молдова

Ethnic factor in the electoral process of the Republic of Moldova

Аннотация. В статье анализируются особенности электорального поведения этнических групп Молдовы на примере президентских выборов 2016 года.

Ключевые слова: этнополитический режим, этническое доминирование, этническое сознание, электоральное поведение, квазиэтнос.

Abstract. In the article, the electoral behavior of the ethnic groups of Moldova is analyzed using the case of the presidential elections of 2016.

Key words: ethno-political regime, ethnic domination, ethnic consciousness, electoral behavior, quasi-ethnos.

На политическое поведение индивида оказывает влияние этническая группа, к которой он принадлежит (этносреда). Это внутренняя и внешняя среда человека, каждый элемент которой наделён этнической функцией, интегрирующей или дифференцирующей данного человека с тем или иным этносом или этнической системой (Белова 2011, с. 163). Этнизация политики выражается тем, что этнический фактор становится главным, определяющим политику государства (Сулейманова 2009, с. 89).

При политизированной этничности члены этнокультурной группы исходят из партикуляристской групповой идентичности. Политические взаимодействия происходят не как взаимодействия индивидов. Они воспринимаются членами этнокультурной группы в терминах «мы – они». Политизация этничности – это ответ на вызов со стороны доминирующей группы населения (Вавилова и др. 2013, с. 5-7).

Необходимо отметить, что в Республике Молдова наличествует более мягкий этнополитический режим по сравнению со странами

Балтии. В Молдове нет института негражданства, какой был создан в Латвии и Эстонии. (Гапоненко 2013, с. 14). В Молдове, как и в Литве, был принят «нулевой вариант» гражданства. Поэтому нетитульное население Молдовы, в отличие от вышеуказанных стран, имеет возможность участвовать в политическом процессе.

Однако этнолингвистический раскол в Молдове, тем не менее, присутствует, пусть и в менее выраженной форме, чем в Латвии. В Молдове возникли два социоллингвистических пространства: молдоязычное (центр страны) и русскоязычное (север и юг). Подобно Латвии, Украине и другим странам, здесь также формируется разная историческая память, связанная с событиями 1812, 1918, 1940 и 1991 гг. (подробнее о феномене политизации исторической памяти: Солопенко 2013, с. 73-75).

В Молдове проживают 75,1% этнических молдаван по всей стране. Наибольший процент этнических молдаван – в центральных районах («Молдавские Кодры»). В 14 районах Молдовы этнические молдаване составляют более 90% населения, в 10 районах – более 80%, в муниципии Кишинёв и 6 районах – более 70%. В Окницком районе молдаване составляют 57% населения, в муниципии Бельцы – 54%. Лишь в четырёх районах Молдовы этнические молдаване составляют меньшинство населения – в Тараклийском (около 14%) и в трёх районах Гагаузской автономии (менее 5%).

Все исследователи молдавской идентичности сходятся в уникальности особенностей молдавского самосознания для постсоветского пространства. (Фурман 2007, с. 283). Идентичность молдавского народа расколота на два компонента: молдавских молдаван и молдавских румын, к которым, согласно переписи населения 2014 г., относят себя 7% населения Молдовы (Principalele rezultate...). Этот процесс В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев назвали процессом конструирования румынской идентичности (Тишков, Шабаев 2011, с. 130). На деле этот процесс начался давно, ещё с XVI-XVII веков и наиболее интенсивно с XIX века (Шорников 2007, с. 139).

Таким образом, проблема молдавского этноса – травма самосознания, которая была нанесена объединением с Румынией и проблемой самоидентификации конца 80-х – начала 90-х гг. Подобная проблема существует и в Запрутской Молдове на территории Румынии, где была разгромлена деятельность молдавской партии. Этнические меньшинства Молдовы геополитически определились. Этнические молдаване не определили ни своё культурное, ни своё политическое положение в обществе и вынуждены вести дискуссии о своём самоопределении. Д.Е. Фурман это назвал «квазинациональным расколом». (Фурман 2007, с. 300).

Второй по численности населения этнической группой являются украинцы, хотя, на наш взгляд, этот этноним научно некорректен. Как отмечает П.М. Шорников, до 1917 г. термин «украинцы» в Бессарабии не являлся этнонимом, а означал политическое и национально-культурное движение, направленное на подавление в русинах чувства общерусского единства и на сепарацию малороссов и русинов от великороссов (Шорников 2005, с.166). Однако, поскольку сегодняшние потомки русинов идентифицируют себя как украинцев, мы будем употреблять общепринятый этноним.

Молдавские украинцы, согласно переписи 2014 года, составляют 6,6% населения страны. Они проживают компактно в ряде районов на севере страны. Больше всего этнических украинцев проживают в Окницком районе – 30,7% от всего населения района. Украинцы составляют значительную часть населения Бричанского района (25,55%), муниципия Бельцы (24%), Рышканского (22,51%) и Глодянского (19,51%) районов. Ещё в трёх районах Молдовы доля этнических украинцев превышает 10% – Дондюшанский (12,69%), Фалештский (11,86%) и Дрокиевский (11,31%).

4,6% населения страны составляют гагаузы – уникальный тюркоязычный православный народ, переселившийся в Бессарабию из Болгарии во время религиозных гонений. Гагаузы проживают компактно на юге страны, там после непродолжительного конфликта с центральными властями была создана Гагаузская автономия, где гагаузы составляют 82% населения. В состав автономии входят три района – Комратский, Чадыр-Лунгский и Вулканештский. 16 сёл автономии можно назвать моноэтническими: там гагаузы составляют более 95% населения.

Этнические русские (более корректный этноним – великороссы) составляют 4,1% населения страны и проживают в основном в крупных городах. В городе Бессарабка русские составляют 21,21% населения, в Бельцах – 19,2%, в Кагуле – 17,11%, в Кишинёве – 14%. В сельской местности Молдовы этнические русские представлены в старообрядческих сёлах, наиболее крупное из которых – село Кунича Флорештского района на севере страны. Другие старообрядческие сёла – Старая Добруджа и Сакаровка (Сынжерейский район), Покровка (Дондюшанский район), Егоровка (Фалештский район). На юге Молдовы расположены два села, основанные крестьянами-переселенцами из Орловской, Курской и Рязанской губерний в XIX в. – Троицкое (Чимишлийский район) и Семёновка (Штефан-Водский район).

Наконец, пятой группой населения являются этнические болгары, составляющие около 2% населения страны. В Тараклийском районе на юге Молдовы болгары составляют 65% населения, в том числе в двух крупных городах – Тараклия и Твардица. Более 90% этнических болгар проживают в сёлах Валя Пержей, Кортен и Кайраклия. Этнические

болгарские сёла расположены в других районах страны – Колибабовка, Вознесены, Троица и Троян (Леовский район), Стояновка (Кантемировский район).

В ходе президентских выборов 2016 года в масштабах всей страны победу одержал Игорь Додон, выступавший с программой единства с Россией, отстаивания государственности, независимости от Запада и защиты православных ценностей. За него проголосовали в основном север и юг страны. За его конкурентку Майю Санду проголосовали центр страны и зарубежная диаспора. Отметим в скобках, что российскую диаспору поставили в заведомо неравные условия, открыв на территории России, где, только по официальным данным министерства иностранных дел и евроинтеграции Молдовы, находятся свыше 500 тысяч граждан Молдовы, только 8 участков.

Для нашего исследования весьма информативен второй тур выборов, когда решался спор между двумя полярными векторами развития страны – евразийским, представленным Игорем Додоном, и атлантистским (прозападным), представленным Майей Санду. Перед каждым из голосующих встал вопрос выбора между этими двумя диаметрально противоположными моделями. Те районы, где большинство составляют немолдаване (Гагаузия и Тараклийский район), чётко определились с поддержкой Игоря Додона.

В то же время, районы с молдавским большинством оказались менее определившимися. При этом этнически молдавские районы (где молдаване составляют более 90% населения), расположенные на севере страны (в частности, Шолданештский, Резинский, Сорокский) и на юге (Каушанский, Штефан-Водский районы) отдали предпочтение Игорю Додону. Это и есть молдовенистский электорат, или, по терминологии Д.Е. Фурмана, «молдавские молдаване». В то же время как муниципий Кишинёв и этнически молдавские районы центра страны проголосовали за его соперницу Майю Санду. Это, следуя терминологии Фурмана, «молдавские румыны».

Мы провели ещё одно исследование. Мы рассмотрели результаты 2 тура президентских выборов по населённым пунктам, в которых один из этносов составляет более 90% населения. Мы рассмотрели 40 украинских сёл, 7 этнически русских сёл, 16 этнически гагаузских сёл и 9 болгарских населённых пунктов (включая города Тараклия и Твардица). В этнически украинских населённых пунктах на территории Молдовы Игорь Додон (выступавший за улучшение отношений с Россией и открыто признававший принадлежность Крыма России) набрал более 97% голосов. В этнически русских сёлах Додон получил около 98% голосов. В этнически болгарских населённых пунктах результат Додона – около 97% голосов. Абсолютный рекорд продемонстрировали гагаузские населённые пункты – там Игорь Додон во 2 туре получил около 99%

голосов. Таким образом, в местах компактного проживания этнических меньшинств Молдовы имело место солидарное этническое голосование за определённого кандидата.

В рамках всей Молдовы повторилась ситуация президентских выборов 1996 года, когда этнически молдавское большинство в своём большинстве проголосовало за действовавшего Мирчу Снегура, но этого этнического большинства не хватило, чтобы перевесить поддержку Петра Лучинского молдовенистами и национальными меньшинствами (Фурман 2007, с. 296). При этом в Молдове, как и в Латвии (Солопенко 2013, с. 88), перспективы кандидатов, которые попытались занять центристскую позицию между этими двумя полюсами, объединить эти две полярные социолингвистические системы, обречены на провал. «Молдавские румыны» превратились и для «молдавских молдаван», и для этнических меньшинств в «ненавистную этническую группу» (*resented ethnic group*) (Фарукшин 2016, с. 80). Победу Игоря Додона можно трактовать как реванш этнического большинства молдаван в союзе с этническими меньшинствами против молдо-румынского квазиэтнуса.

Крайне информативными нам представляются и результаты социологических опросов, проведённых социологическими службами в отношении политических предпочтений тех или иных этнических сегментов Молдовы. Так, опрос «Барометр общественного мнения», проведённый Институтом публичной политики осенью 2016 года, показал геополитические предпочтения этнических групп Молдовы относительно перспектив европейской или евразийской интеграции. Согласно данному опросу, предпочтения этнических молдаван и румын (объединённых в общую группу) относительно геополитического вектора Молдовы делятся примерно надвое, при этом большинство представителей этой группы отдаёт предпочтение евразийскому вектору: 38,1% против 35,8%. Этнические украинцы Молдовы отдаёт предпочтение евразийскому вектору в значительном большинстве: 65,9% против 12,8%. И абсолютно предпочитают евразийский вектор европейскому этнические русские Молдовы (78,3% против 2%), а также гагаузы и болгары (80,2% против 4,8%). Вспомним, что Игорь Додон, будучи кандидатом в президенты, последовательно выступал за евразийский вектор, в то время как его соперница во 2 туре Майя Санду столь же последовательно выступала за евроинтеграцию.

Опрос «Социальные давления в 2017 году», презентованный в январе 2017 года Институтом развития и социальных инициатив «Viitorul», представил электоральные предпочтения этнических групп относительно политических партий Молдовы. Нас интересуют две партии с наиболее высоким рейтингом, представляющие два противоположных вектора: Партию Социалистов Республики Молдова (ПСРМ), поддерживающую Президента Игоря Додона, и партию «Действие и солидарность» во главе

с Майей Санду. Согласно данному опросу, ПСРМ наиболее популярна среди гагаузов и болгар (71,8%), украинцев (64,7%) и русских (58,5%). В то же время, среди этнически молдавского сегмента рейтинг ПСРМ гораздо скромнее – 25,1%. Напротив, рейтинг партии Майи Санду наиболее высок среди этнических молдаван – 21,3%. Среди этнических русских рейтинг её партии составляет 6%, среди украинцев – 5,4%, и абсолютно отсутствует поддержка этой политической силы со стороны гагаузов и болгар.

Таким образом, этничность в Молдове является политическим фактором. В ходе президентских и парламентских выборов отчётливо проявляется фактор этнического голосования, когда члены этнической группы отдают голоса в пользу кандидата, выражающего интересы данной этногруппы. Представители различных этнических групп, в основном этнические меньшинства, голосуя за кандидатов, идентифицируемых с данной группой либо противостоящих ненавистной этнической группе (молдо-румынскому квазиэтносу), демонстрируют эффект массового солидарного электорального поведения.

Этнические меньшинства Молдовы недовольны гегемонизмом молдо-румынской этнократической элиты. Это усугубляется этнической мобилизацией наиболее активной части молдавской элиты, которая идентифицирует себя как румын и собирается встроиться (и встроить всю Молдову) в панрумынский проект. Национальные меньшинства Молдовы (как, впрочем, Украины и стран Балтии) естественным способом пытаются сблизиться с Россией, в лице которой они видят своего защитника. Этим объясняется массовая поддержка абсолютно всеми этническими меньшинствами Молдовы евразийского геополитического вектора и голосование за кандидатов, идентифицируемых с этим вектором (сегодня это Игорь Додон и Партия Социалистов).

Республика Молдова может сохраниться на карте мира только как полиэтническое государство. Молдова не является собственностью ни одной из этнических групп. Используя терминологию одного из основоположников евразийства П.Н. Савицкого, Молдова – это территория общего месторазвития всех этносов, населяющих эту страну (Савицкий 1997, с. 283). Гагаузы сформировались как этнос на территории Молдовы. Болгары Молдовы отличаются от болгар, живущих в Болгарии, по многим показателям, в том числе и по ментальности. Подавляющее большинство украинцев Молдовы, как мы показали выше, по своему менталитету и геополитическим предпочтениям резко отличается от украинцев, живущих сегодня на Украине.

Молдове необходима модель «демократии согласия», когда власть и влияние равномерно распределяются между этническими группами (Тишков, Шабаев 2011, с. 173). При этом важно, чтобы за этническими сообществами было закреплено право вето при принятии важных для них

политических решений, о котором писал американский политолог А. Лейпхарт в своей работе «Демократия в многосоставных обществах» (Лейпхарт 1997, с. 60). Одновременно необходим поиск объединяющих основ для всех этнических групп Молдовы, формирование общих ценностей и идеалов. Такой основой, на наш взгляд, должны стать идея молдавской самобытности государственности и самобытности, а также православная духовная традиция. Согласно последней переписи населения, православные составляют 98% верующего населения Молдовы.

Молдавским властям и той части элиты, которая заинтересована в укреплении и развитии государственности Молдовы, надо перестать бояться голоса этнических общин. Как справедливо отмечают В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев, «наличие этнических меньшинств в составе населения способно не разрушать, а напротив, укреплять устои государства при условии, что его внутренняя политика не базируется на этнократических принципах» (Тишков, Шабаев 2011, с. 160).

Литература:

1. Белова 2015 – Белова Е.В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 года // Вестн. Удм. ун-та. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 163-169.

2. Вавилова 2013 – Вавилова В.В., Кайгородова А.Ф., Коротаева Ю.В., Мясенко Ю.В., Панов П.В. Русские меньшинства в странах постсоветского пространства: факторы политизации. Аналитический доклад. – Пермь, 2013. – 39 с.

3. Гапоненко 2013 – Гапоненко А.В. Этнические конфликты в постсоветской Балтии: содержание, формы, механизмы формирования, внешние факторы влияния // Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период. Сб. статей под ред. А.В. Гапоненко. Рига, 2013. С. 9-27.

4. Лейпхарт 1997 – Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 287 с.

5. Савицкий 1997 – Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

6. Солопенко 2013 – Солопенко А.В. Историческая память в электоральном поведении жителей Латвии // Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период. Сб. статей под ред. А.В. Гапоненко. Рига, 2013. С. 73-89.

7. Тишков 2011 – Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. — 376 с.

8. Фарукшин 2016 – Фарукшин М.Х. Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 80-86.
9. Фурман 2007 – Фурман Д.Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны // Прогнозис. 2007. № 1. С. 278-315.
10. Шорников 2007 – Шорников П.М. Молдавская самобытность: Монография. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. – 400 с.
11. Шорников 2005 – Шорников П.М. Парабола забвения: этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века // Русин, № 2 (2), 2005. С. 151-177.
12. Alegeri din 13 noiembrie 2016. <http://cec.md/r/procese-verbale/prezidentiale-t2-2016/> (accesat Aprilie 10, 2017).
13. Barometrul de Opinie Publică. Realizat de CBS “АХА”. – Octombrie 2016. – 97 p.
14. Presiunile sociale în anul 2017. Sondaj national. IDIS “Viitorul” & CBS “АХА”. – Ianuarie 2017. – 60 p.
15. Principalele rezultate ale RPL 2014. <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=5583&parent=0> (accesat Aprilie 11, 2017).

References:

1. Belova 2011 – Belova E.V. Vlijanie jetnicheskogo faktora na rezul'taty parlamentskih vyborov 4 dekabrja 2011 goda // Vestn. Udm. un-ta. 2015. T. 25, vyp. 4. S. 163-169.
2. Vavilova 2013 – Vavilova V.V., Kajgorodova A.F., Korotaeva Ju.V., Mjalenko Ju.V., Panov P.V. Russkie men'shinstva v stranah postsovetskogo prostranstva: faktory politizacii. Analiticheskij doklad. – Perm', 2013. – 39 s.
3. Gaponenko 2013 – Gaponenko A.V. Jetnicheskie konflikty v postsovetskoj Baltii: sodержanie, formy, mehanizmy formirovanija, vneshnie faktory vlijanija // Jetnicheskie konflikty v stranah Baltii v postsovetskij period. Sb. statej pod red. A.V. Gaponenko. Riga, 2013. S. 9-27.
4. Lijphart 1997 – Lijphart A. Demokratija v mnogostavnyh obshhestvah: sravnitel'noe issledovanie/Per. s angl. pod red. A.M. Salmina, G.V. Kamenskoj. – M.: Aspekt-press, 1997. – 287 s.
5. Savickij 1997 – Savickij P.N. Kontinent Evrazija. – M.: Agraf, 1997. – 464 s.
6. Solopenko 2013 – Solopenko A.V. Istoricheskaja pamjat' v jelektoral'nom povedenii zhitelej Latvii // Jetnicheskie konflikty v stranah Baltii v postsovetskij period. Sb. statej pod red. A.V. Gaponenko. Riga, 2013. S. 73-89.
7. Tishkov 2011 – Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. Jetnopolitologija: politicheskie funkicii jetnichnosti: Uchebnik dlja vuzov / Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. – 376 s.

8. Farukshin 2016 – Farukshin M.H. Problema jetnicheskogo golosovaniya v zarubezhnom diskurse // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. №5. S. 80-86.
9. Furman 2007 – Furman D.E. Moldavskie moldavane i moldavskie rumyny // Prognosis. 2007. № 1. S. 278-315.
10. Shornikov 2007 – Shornikov P.M. Moldavskaja samobytnost': Monografija. – Tiraspol': Izd-vo Pridnestr. un-ta, 2007. – 400 s.
11. Shornikov 2005 – Shornikov P.M. Parabola zabvenija: jetnicheskoe samosoznanie rusinov Moldavii v XX – nachale XXI veka // Rusin, № 2 (2), 2005. S. 151-177.
12. Alegeri din 13 noiembrie 2016. <http://cec.md/r/procese-verbale/prezidentiale-t2-2016/> (accessed April 10, 2017).
13. Barometrul de Opinie Publică. Realizat de CBS “AXA”. – Octombrie 2016. – 97 p.
14. Presiunile sociale în anul 2017. Sondaj national. IDIS “Viitorul” & CBS “AXA”. – Ianuarie 2017. – 60 p.
15. Principalele rezultate ale RPL 2014. <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=5583&parent=0> (accesat Aprilie 11, 2017).

Санькова С.М., Шевченко П.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Sankova S.M., Shevchenko P.A. (Orel, Russian Federation)

Феномен современного национализма на примере Франции

Phenomenon of modern nationalism on the example of France

Аннотация. В статье на примере Франции анализируются перспективы национальных движений в Европе как реакции на грозящую утрату национальной идентичности.

Ключевые слова: национализм, свобода, идентичность, Европа, Франция, «Народный фронт», Доминик Веннер, Марин Ле Пен, Эммануэль Макрон.

Abstract. In article on the example of France the prospects of the national movements in Europe as reactions to the threatening loss of national identity are analyzed.

Key words: nationalism, freedom, identity, Europe, France, "Popular front", Dominique Venner, Marine Le Pen, Emmanuel Macron.

В современном мире наблюдается двойственная позиция по отношению к национализму как политическому и историческому явлению. С одной стороны, происходят активные процессы глобализации, ведущие к экономическому, политическому, культурному объединению.

Самым ярким примером такого объединения является создание Евросоюза с единым парламентом, валютой, границами и формирующимся правовым полем. Но пусть и непродолжительная ещё история существования Евросоюза уже показала, что национальный вопрос не только не отступает перед тенденциями глобализации, но, напротив, обостряется, хотя и в новых формах. Одной из форм проявления национализма, безусловно, можно считать английский «Брекзит», за который проголосовало 52% британцев. Примечательно, что через год уже 2/3 из опрошенных респондентов поддержали выход Британии из Евросоюза («Брекзит» 2017).

Но и в других государствах Евросоюза, таких как Германия, Франция, Испания с, казалось бы, давно устоявшимися межнациональными отношениями, именно национальные (этнические) интересы становятся «камнем преткновения» при решении тех или иных государственных и даже общемировых вопросов.

По нашему мнению, национализм в настоящее время является реальным препятствием на пути распространения по всему миру политической системы «свободной демократии», как в своё время он был препятствием к экспорту «русского коммунизма». Ведь так называемые «общечеловеческие ценности», по сути, являются стереотипом поведения, выработанным в конкретных странах в конкретный период их исторического развития, а не «средним арифметическим» суммы всех подлинно мировых нравственных, социальных и политических установок. Именно поэтому «общечеловеческие ценности» справедливо воспринимаются теми народами, которым они навязываются в виде базовой модели общественной жизни, не как цель, а как средство осуществления национальных интересов тех стран, которые эту модель экспортируют.

Ввиду того, что родиной всех ключевых понятий современного политического дискурса – либерализм, национализм, постмодернизм – можно по праву считать Францию, целесообразно рассмотреть именно её современный политический опыт.

События мая 2017 г., связанные с оживлённой предвыборной президентской кампанией, заставили всех признать очевидный факт кризиса, казалось бы, незыблемой политической многопартийной системы, основанной на спектре социальных интересов. Уже в первом туре голосования 2017 г. избиратели отказали в доверии не только крайне-левым и крайне-правым, но и традиционно центристским социалистам. Борьба за президентское кресло развернулась между лидером французских националистов, выступающих за самостоятельный курс развития страны, и активным сторонником дальнейшей интеграции Франции в общеевропейские процессы. Парадоксально, но оба лидера ещё в начале президентской гонки рассматривались СМИ как аутсайдеры

в сравнении со своими признанными конкурентами. Таким образом, каждая из двух сторон, независимо от лидерства, уже одержала определённую победу, оставив далеко позади «традиционные» политические партии. И если победу, в конечном итоге, сторонника общеевропейского единства можно было объяснить объединением всех сил, выступающих против выхода Франции из ЕС, то массовая поддержка ещё вчера казавшихся одиозными националистов вызвала определённую растерянность наблюдателей. Такая стремительная смена приоритетов у избирателя заставила политологов говорить о серьёзном кризисе пятой республики и даже о рождении шестой. Однако настолько ли «стремительной» была эта смена и «непредсказуемы» результаты выбора французов?

18 мая 2013 г. президент Франции Франсуа Олланд подписал закон о легализации однополых браков, выполнив предвыборное обещание своей партии социалистов. Учитывая, на тот момент, низкий рейтинг Олланда, комментаторы отмечали, что закон носит явно популистский характер, детально не проработан, принимается в спешке, без широкого общественного обсуждения. Даже традиционно ориентированные на социалистов французы были озадачены скоропалительностью принятия именно данного закона на фоне нерешённости других социальных проблем. Через три дня после подписания этого закона в парижский собор Нотр-Дам вошел престарелый мужчина и перед алтарем, в присутствии полутора тысяч посетителей, выстрелил себе из пистолета в голову. Покойным оказался 78-летний известный военный историк и эссеист Доминик Веннер. Настоятель собора епископ Патрик Жакен был потрясён и заявил, что обычно самоубийцы выбирали иной способ, прыгая вниз с башен собора, и данный случай единственный за 850-летнюю историю Нотр-Дама. Рядом с убитым полиция обнаружила предсмертное письмо, содержание которого не было предано огласке, хотя особой необходимости в этом не было. Покойный был редактором исторического журнала «Nouvelle Revue d'Histoire», активно общался в соц. сетях, где оставил открытое письмо посетителям своего блога и обращение к слушателям, озвученное консервативной радиостанцией «Courtoisie».

Мировые СМИ, освещая этот инцидент, активно цитировали выдержку из предсмертного обращения Веннера: «Необходимы новые эффектные символические акции, чтобы пробудить лунатиков и встряхнуть одурманенное наркотозом сознание. Наступает время, когда за словами должны последовать дела» (Ультраправый эссеист 2013). Однако самоубийство историка большинство комментаторов связывали именно с его личным неприятием однополых браков. Так, один из видных лидеров французского гей-движения Николя Гуген заметил, что самоубийство историка «акт достойный сожаления, но крайне маргинальный»

(Прокофьев 2013). Мало кто обратил внимание на слова друга Веннера Пьера-Гийома де Ру, издателя последней его книги «Самурай Запада», который заявил: «Суицид Веннера выходит далеко за пределы неприятия закона о гей-браках. Его символический смысл гораздо мощнее и сильно напоминает Мисиму» (Активистка FEMEN 2013). Напоминание о символическом самоубийстве известного японского писателя было далеко не случайно. Веннер меньше всего походил на кабинетного ученого, далёкого от реальной жизни. Участник алжирской войны, выступавший против национальной политики де Голля, отбывший срок заключения за участие в антиправительственной вооружённой организации, организатор в 60-х гг. «группы по изучению европейской цивилизации», Доминик Веннер был заметной политической фигурой, имея у СМИ репутацию антикоммуниста, правого и даже крайне-правого. Однако ни один из видных представителей этих политических течений не отреагировал на самоубийственный демарш Веннера, в отличие от крайне-левых, которые восприняли его как своеобразную идеологическую капитуляцию. Как определил один из лидеров левого движения Алексис Корбьер: «отчаянный жест идеологии отчаяния» (Ляпин 2013).

Единственным политиком, громко заявившим о поддержке Веннера, была лидер довольно одиозного на тот момент «Народного фронта» Марин Ле Пен, чьё мнение сопровождало практически все информационные сообщения о случившемся: «Доминик Веннер заслуживает всяческого уважения. Своим последним и явно политическим поступком он пытался пробудить народ Франции», – заявила она (Ультраправый эссеист 2013).

Такое заявление Ле Пен становится понятным, если вспомнить, что и в некоторых сообщениях СМИ отмечалось, что поступок покойного был связан не только, и даже не столько с законом об однополых браках, сколько с активным неприятием Веннером миграционной политики правительства Франции. Он считал, что французы не должны ограничиваться лишь неприятием однополых браков, но главным образом бороться с опасностью, которую представляет собой «великая замена» народонаселения Европы, в том числе и Франции. В прощальной записке он отмечал: «То, что Франция может оказаться в руках исламистов, есть одна из возможных вероятностей. В течение 40 лет политики и правительства, представляющие все партии (кроме Национального фронта), так же, как и патронат, и церковь, активно этому способствовали, ускоряя всеми способами афро-магрибскую иммиграцию» (Прокофьев 2013).

Однако именно это предостережение Веннера осталось без особого внимания СМИ, так как буквально на следующий день трагедия в Нотр-Дам повторилась как фарс. Вошедшая в собор активистка движения

«Femen» разделась и с криками «Фашизм гори в аду» и «на геев уповаем» игрушечным пистолетом имитировала самоубийство Веннера. На сайте «Femen» появилось приглашение всем «недогитлерам» и «полумуссалини» последовать за «стариком Веннером», а настоятелю Нотр-Дам подсчитать убытки, вызванные поступком Венера, и предъявить счет для оплаты Марин Ле Пен. Таким образом, в общественном сознании самоубийство Веннера опять свелось единственно к проблеме однополых браков.

36 мая в Париже состоялись две примечательные демонстрации сторонников нового закона и защитников традиционной семьи. Обе стороны в своих действиях апеллировали к традиционным европейским ценностям. Если для сторонников однополых браков основополагающим было восстановление «равенства», то защитники традиционной семьи видели прямое нарушение «свободы» выбора у ребенка в случае его усыновления однополый семьей. В защиту традиционной семьи выступило по разным подсчетам от полутора до нескольких сот тысяч человек. Сторонники закона смогли вывести на улицы только 3,5 тыс. человек, однако именно их мнение было принято в расчёт правительством. Сложилась ситуация, когда Франция, став 14 страной в мире, уравнившей в правах традиционные и однополые браки, поставила «общечеловеческие ценности» выше традиционной «воли демократического большинства». Интересно отметить, что в колоннах демонстрантов вели несколько ослов с табличками «Я голосовал за Олланда», но тогда это ещё не связывали с потерей доверия ко всем социалистам. Но уже на выборах 2017 г., во время предварительных опросов, многие французы отметили потерю доверия к социалистам за их политику в последнее десятилетие. И даже на Корсике, старом оплоте социалистов, где всегда были сильны сепаратистские антифранцузские настроения, голоса были переданы «Народному фронту».

Но вернемся к позиции Венера, который, будучи противником однополых браков, одновременно был противником прибытия во Францию новых мигрантов из Азии и Сев. Африки, не разделявших «общеевропейские ценности» и поддерживающих традиционные семейные ценности. Более того, именно в прибытии мигрантов он видел главную опасность для этих ценностей, и именно в изоляции их сохранение и развитие. В предсмертной записке он отмечал: «Поскольку я защищаю идентичность всех народов, живущих на своей земле, я восстаю против преступления, нацеленного на замещение нашего населения». За неделю до самоубийства Веннер дал большое интервью издателю немецкого «право-интеллектуального» издания «Сецессион» Гётцу Кубичеку в связи с выходом своей книги «Шок истории», где отмечал «великую замену» народонаселения в Европе и, в частности, во Франции. При этом он указывал, что ислам не только, и не столько

религия, сколько определённая культурная общность, идущая на смену традиционной европейской. Ссылаясь на мнение Далиля Бобукара, руководителя мечети Парижа, Веннер отмечал, что ислам – это «как религия, общность, закон, так и культура. Мусульмане – не только те, которые практикуют пять несущих колонн ислама, а все, кто принадлежит к этой идентичной общности». Решающее слово здесь «идентичный». Ислам – это, следовательно, не только религия. Он выходит за рамки религии и является «общностью, законом, культурой» (Götz Kubitschek 2013). Следовательно, какие бы законы на каком бы то ни было уровне ни принимало нынешнее поколение приверженцев «общечеловеческих ценностей», все они будут отменены, если войдут в противоречие с «общностью, законом, культурой» нового населения Европы. Объединённая же Европа, открытая для миграции, не отсрочивает час гибели своей «европейской идентичности», а напротив, стремительно ускоряет её. Таким образом, Европа, фактически приняв многие специфические постулаты постмодернистских этических принципов, продвигавшихся под видом «общечеловеческих ценностей», заранее готовит их гибель от представителей иной культурной традиции, их отвергающей. Нынешняя глобализация, по Веннеру, ведёт вовсе не к развитию европейских ценностей и объединению Европы в рамках этих ценностей, а просто к смене доминирования культур. Выход Веннер видел в пробуждении памяти своей идентичности, «которая способна нравственно вооружить европейцев, чтобы они могли сопротивляться своему исчезновению в бездне огромного всемирного смешения рас и глобализации». Традиционно сложившаяся политическая система, по мнению Веннера, уже была не в состоянии справиться с этой проблемой. «Несмотря на сильные стороны политической акции, – говорил Веннер, – отнюдь не политика может возратить европейцам понимание того, что они такое, и точно так же она не может предложить ориентацию для их жизни. Это понимание может появиться только через сильное восприятие идентичности». Лично для себя за неделю до самоубийства Веннер решал эту проблему так, что «одних слов для этого недостаточно. Нужно смочь подтвердить слова действиями, нужно рисковать жизнью, и это должно доходить вплоть до готовности жертвовать жизнью, если это кажется необходимым».

Наше излишне внимательное обращение к Доменику Веннеру и его мыслям, казавшимся многим в 2013 г. досужими домыслами, далеко не случайно. Потребовалось всего пять лет, чтобы Франция увидела полный крах традиционной партийной системы, основанной на избирательной борьбе «правых» и «левых». Традиционные партии набрали рекордно низкие показатели, а многие ещё недавно влиятельные политические лидеры вообще остались далеко за порогом доверия избирателей.

Главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Елена Филиппова, комментируя выборы 2017 г. в интервью русской службе ВВС, отметила: «Французская политическая жизнь со времён Великой французской революции всегда очень чётко структурировалась на "правых" и "левых". И этот разлом во французском обществе перекрывал все другие разломы. Почему, в частности, во Франции никогда не могли играть хоть сколько-нибудь заметную роль сепаратисты, регионалисты, которые там есть? Просто потому, что население голосует либо за левых, либо за правых. И все попытки куда-то от этого отойти успеха не приносили. А теперь произошла некая эрозия как левых, так и правых». Филиппова полагает, что эффект от прошедших во Франции выборов «напоминает разорвавшуюся бомбу», связывая это именно с концом двухпартийной системы, которая «перестала выполнять свои функции».

Второй важный аспект, по мнению Филипповой, заключается в том, что «население постепенно разочаровалось в традиционной политике. Вследствие этой эрозии – как справа, так и слева – получилось, что нет большой разницы, кто у власти, социалисты или центристы. Ни те, ни другие не улучшают ситуацию в стране и не решают проблем граждан. Если посмотреть, какие реальные шаги предпринимали находившиеся у власти социалисты, мы увидим, что социалистического в этих действиях нет ничего. Теперь всё будет по-другому... И заметьте, что явка на выборах во Франции очень высокая» (Смотряев 2017).

Разочаровавшись в традиционной политике, французы остались верны традиционным идеям социальной справедливости. Но теперь они уже перестали их связывать с «правыми», «левыми» и ещё более дискредитировавшими себя «социалистами», связывая свои надежды с «внесистемными» политиками: ещё недавно считавшемуся едва ли не фашистским и крайне-правым «Национальному фронту» Марин Ле Пен и не имеющему никакой чёткой предвыборной программы, год как созданному движению «Вперёд» Эммануэля Макрона. Если «Вперед» с уверенностью победило в столице, где постепенно упомянутая нами в начале «жизнь соло» становится нормой жизни, то за «Национальный фронт» проголосовала провинциальная «одноэтажная Франция», заинтересованная в рабочих местах и развитии для своих детей и внуков. Интересно отметить и тот факт, что если за Макрона активно выступили почти все ведущие французские СМИ, то Ле Пен во многом обязана своим успехом глобальной «всемирной паутине», постепенно превращающейся в «большую деревню». В некотором смысле за «Народный фронт» проголосовали те, кто не хочет «как лучше», а боится «как бы не было хуже». Если Макрон выиграл с движением «Вперед», то за Ле Пен голосовали сторонники «назад», к той Франции, которая не знала кризиса обманутых надежд, связанных с объединением Европы и

наплывом мигрантов. Не случайно за «Национальный фронт» выступили даже «легальные мигранты», уже «вжившиеся» в некогда сложившуюся государственную и культурную среду и, как коренные французы, не желающие её коренной трансформации. Сторонники Ле Пен, голосуя за «Народный фронт», отказались от привычных партий не столько потому, что стали консерваторами, сколько потому, что хотят остаться французами. Впрочем, во втором туре выборов и соперник Марин Ле Пен Эммануэль Макрон тоже с осторожностью, но выдвинул несколько весьма националистических тезисов.

Таким образом, мы можем видеть, что крушение традиционных политических делений на «правых» и «левых», дискредитировавших себя псевдосоциальной демагогией, не только не говорит об утрате собственно идей равенства и справедливости, свойственных европейской цивилизации вообще, особенно Франции после Великой революции, но и о возрождении казалось бы уже устранившегося за ненадобностью понятия «нация», с которым теперь многие связывают защиту этих социальных приоритетов.

Литература:

1. «Брекзит» 2017 – «Брекзит» поддерживают две трети британцев // Англия. Weekly Russian Newspaper. 16.05.2017. Электронный режим доступа: <http://angliya.com/2017/05/16/brexit-podderzhivzjut-dve-treti-britancev/> (дата обращения: 09.05.2017).
2. Активистка FEMEN 2013 – Активистка FEMEN «застрелилась» в Соборе Парижской Богоматери // ВЕСТИ.RU. 22 мая 2013. Электронный режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1087263> (дата обращения: 09.05.2017).
3. Ляпин 2013 – Ляпин Р. «Жест отчаяния». Традиционная Франция потерпела поражение // Однако. 25 мая 2013. Электронный режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/zhest-otchayaniya-tradicionnaya-franciya-poterpela-porazhenie/> (дата обращения: 09.05.2017).
4. Прокофьев 2013 – Прокофьев В. Молитва и пуля // Российская газета. 23 мая 2013 г. № 6084.
5. Смотряев 2017 – Смотряев М. Выборы во Франции: кризис левой идеи? // Русская служба ВВС. 24 апреля 2017. Электронный режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-39698334> (дата обращения: 09.05.2017).
6. Ультраправый эссеист 2013 – Ультраправый эссеист покончил с собой в соборе Нотр-Дам // Русская служба ВВС. 21 мая 2013. Электронный режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2013/05/130521_paris_notre_dame_suicide (дата обращения: 09.05.2017).
7. Götz Kubitschek 2013 – Götz Kubitschek. «Man muß das Leben einsetzen» - Interview mit Dominique Venner // Sezession. 21. Mai 2013. URL: <https://sezession.de/38844> (accessed 09.05.2017).

8. «Брекзит» 2017 – «Brekzit» podderzhivayut dve treti britantsev // Angliya. Weekly Russian Newspaper. 16.05.2017. Jelektronnyj rezhim dostupa: <http://angliya.com/2017/05/16/brexit-podderzhivzjut-dve-treti-britancev/> (accessed 09.05.2017).
9. Aktivistka FEMEN 2013 – Aktivistka FEMEN «zastrelilas» v Sobore Parizhskoy Bogomateri // VESTI.RU. 22 maya 2013. Elektronnyy rezhim dostupa: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1087263> (accessed 09.05.2017).
10. *Lyapin 2013* – Lyapin R. «Zhest otchayaniya». Traditsionnaya Frantsiya poterpela porazhe-nie // Odnako. 25 maya 3013. Elektronnyy rezhim dostupa: <http://www.odnako.org/blogs/zhest-otchayaniya-tradicionnaya-franciya-poterpela-porazhenie/> (дата обращения: 09.05.2017).
11. Prokofev 2013 – Prokofev V. Molitva i pulya // Rossiyskaya gazeta. 23 maya 2013 g. # 6084.
12. Smotryaev 2017 – Smotryaev M. Vyiboryi vo Frantsii: krizis levoy idei? // Russkaya sluzhba VVS. 24 aprelya 2017. Elektronnyy rezhim dostupa: <http://www.bbc.com/russian/features-39698334> (accessed 09.05.2017).
13. Ultrapravyiy esseist 2013 – Ultrapravyiy esseist pokonchil s soboy v sobore Notr-Dam // Russkaya sluzhba VVS. 21 maya 2013. Elektronnyy rezhim dostupa: http://www.bbc.com/russian/international/2013/05/130521_paris_notre_dame_suicide (accessed 09.05.2017).
14. Götz Kubitschek 2013 – Götz Kubitschek. «Man muß das Leben einsetzen» - Interview mit Dominique Venner // Sezession. 21. Mai 2013. URL: <https://sezession.de/38844> (accessed 09.05.2017).

References:

1. «Брекзит» 2017 – «Brekzit» Podderzhivayut Dve Treti Britancev // Angliya. Weekly Russian Newspaper. 16.05.2017. Elektronnyy Rezhim Dostupa: <Http://Angliya.Com/2017/05/16/Brexit-Podderzhivzjut-Dve-Treti-Britancev/> (Data Obrashcheniya: 09.05.2017).
2. Aktivistka Femen 2013 – Aktivistka Femen «Zastrelilas» V Sobore Parizhskoy Bogomateri // Vesti.Ru. 22 Maya 2013. Elektronnyy Rezhim Dostupa: <Http://Www.Vesti.Ru/Doc.Html?Id=1087263> (Data Obrashcheniya: 09.05.2017).
3. Lyapin 2013 – Lyapin R. «Zhest Otchayaniya». Tradicionnaya Franciya Poterpela Porazhenie // Odnako. 25 Maya 3013. Elektronnyy Rezhim Dostupa: <Http://Www.Odnako.Org/Blogs/Zhest-Otchayaniya-Tradicionnaya-Franciya-Poterpela-Porazhenie/> (Data Obrashcheniya: 09.05.2017).
4. Prokofev 2013 – Prokofev V. Molitva I Pulya // Rossiyskaya Gazeta. 23 Maya 2013 G. № 6084.
5. Smotryaev 2017 – Smotryaev M. Vybory Vo Francii: Krizis Levoy Idei? // Russkaya Sluzhba Vvs. 24 Aprelya 2017. Elektronnyy Rezhim

Dostupa: [Http://Www.Bbc.Com/Russian/Features-39698334](http://www.bbc.com/russian/features-39698334) (Data Obrashcheniya: 09.05.2017).

6. Ultrapravyy Esseist 2013 – Ultrapravyy Esseist Pokonchil S Soboy V Sobore Notr-Dam // RusskayaSluzhba Vvs. 21 Maya 2013. Elektronnyy Rezhim Dostupa: [Http://Www.Bbc.Com/Russian/International/2013/05/130521_Paris_Notre_Dame_Suicide](http://www.bbc.com/russian/international/2013/05/130521_Paris_Notre_Dame_Suicide) (Data Obrashcheniya: 09.05.2017).

7. Götz Kubitschek 2013 – Götz Kubitschek. «Man Muß Das Leben Einsetzen» - Interview Mit Dominique Venner // Sezession. 21. Mai 2013. Url: [Https://Sezession.De/38844](https://sezession.de/38844) (Accessed 09.05.2017).

8. «Брекзит» 2017 – «Brekzit» podderzhivayut dve treti britantsev // Angliya. Weekly Russian Newspaper. 16.05.2017. Jelektronnyj rezhim dostupa: <http://angliya.com/2017/05/16/brexit-podderzhivzjut-dve-treti-britancev/> (accessed 09.05.2017).

9. Aktivistka FEMEN2013 – Aktivistka FEMEN «zastrelilas» v Sobore Parizhskoy Bogomateri // VESTI.RU. 22 maya 2013. Elektronnyiy rezhim dostupa: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1087263> (accessed 09.05.2017).

10. Lyapin 2013 – Lyapin R. «Zhest otchayaniya». Traditsionnaya Frantsiya poterpela porazhe-nie // Odnako. 25 maya 3013. Elektronnyiy rezhim dostupa: <http://www.odnako.org/blogs/zhest-otchayaniya-tradicionnaya-franciya-poterpela-porazhenie/> (датаобращения: 09.05.2017).

11. Prokofev 2013 – Prokofev V. Molitva i pulya // Rossiyskaya gazeta. 23 maya 2013 g. # 6084.

12. Smotryaev 2017 – Smotryaev M. Vyiboryi vo Frantsii: krizis levoy idei? // Russkaya sluzhba VVS. 24 aprelya 2017. Elektronnyiy rezhim dostupa: <http://www.bbc.com/russian/features-39698334> (accessed 09.05.2017).

13. Ultrapravyyiy esseist 2013 – Ultrapravyyiy esseist pokonchil s soboy v sobore Notr-Dam // Russkaya sluzhba VVS. 21 maya 2013. Elektronnyiy rezhim dostupa: http://www.bbc.com/russian/international/2013/05/130521_paris_notre_dame_suicide (accessed 09.05.2017).

14. Götz Kubitschek 2013 – Götz Kubitschek. «Man muß das Leben einsetzen» - Interview mit Dominique Venner // Sezession. 21. Mai 2013. URL: <https://sezession.de/38844> (accessed 09.05.2017).

Чекулаев А.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Chekulaev A.A. (Orel, Russian Federation)

Геополитическая парадигма национальных интересов государства

Geopolitical paradigm of national interests of the state

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы геополитики. Автор исследует проблемы и перспективы формирования геополитических интересов России в условиях современных международных отношений. Россия является традиционным геополитическим актором со своими интересами и ценностями.

Ключевые слова: геополитика, международные отношения, геополитические интересы, фактор силы, баланс интересов.

Abstract. Geopolitics questions are considered in the article. The author researches problems and the prospects of forming of geopolitical interests of Russia in the conditions of the modern international relations. Russia is a traditional geopolitical actor with the interests and values.

Key words: geopolitics, international relations, geopolitical interests, the power factor, the balance of interests.

Ещё учёные античного мира заметили естественную связь политической деятельности (под которой они в первую очередь понимали деяния правителей) и географического пространства, где эта деятельность разворачивалась. В связи с этим эффективность внешней и внутренней политики государства определялась, в том числе, и знаниями протяжённости его границ, а также рельефом, климатом, наличием рек – как водных преград и путей сообщения, морей – как особого географического фактора. В начале XX в. шведский ученый Р. Челлен писал: «В своей земле, в очертаниях своей территории обретает государство собственную индивидуальность во всех её проявлениях. В определённой мере в них заключены все возможные силы развития» (Челлен 2005. с. 117). Исследователь также одним из первых стал связывать развитие политической науки с геополитикой или пространственным фактором в политике. При этом формирование государства и его политики, национально-государственной идентичности, связывается геополитиками именно с географией страны.

Таким образом, военные кампании и дипломатические отношения государств тесным образом связаны с географическими характеристиками различных регионов мира. Как правило, недооценка географического фактора являлась фатальной ошибкой любого политика. Так, например, в период второй Пунической войны Рим имел

превосходство на море, что не позволило Карфагену осуществить быстрое военное вторжение на Италийский полуостров. Полководец Ганнибал Барка (247-183 г. до н.э.) был вынужден совершить длительный сухопутный переход с Иберийского полуострова в Северную Италию через территории враждебных племен. В дальнейшем это дало Риму возможность собрать достаточные силы для отпора вторжению Карфагена, а отсутствие морского и регулярного снабжения в армии Ганнибала ускорило процесс его поражения.

Другим примером роли географического фактора в жизни государства может являться русская история. Как отмечал русский философ И.А. Ильин: «...Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм» областей, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению» (Ильин, И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. Т. 1//URL: http://legitimist.ru/lib/ideology/008_i_ilin_nashi_zadachi_tom_1.pdf).

В частности, становление и развитие России тесным образом связано с её геократией (власть географического пространства). Всё русское средневековье прошло в процессе борьбы Руси и Великой степи, в дальнейшем покорение последней и привело к созданию огромного российского государства. При этом активное развитие военно-морского флота в XVIII в. позволило нашей стране окончательно стать одной из ведущих сил мира. Здесь уместно вспомнить слова Александра III, которые наилучшим образом отвечают геополитической реальности мира: «У России есть только два союзника: армия и флот» (Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений//URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/19/19.htm>).

В целом, геополитика как детерминация успешности политической деятельности (мирной и военной) географическими, историческими, социально-психологическими, этнографическими, экономическими факторами, как взаимосвязь политического и пространственно-социального существует давно. В каждом историческом периоде можно наблюдать формирование и развитие определённой системы геополитических координат. Суть данного постулата заключается в следующем: нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими национальными интересами, формирует международную систему отношений, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, а её структура определяет поведение всех международных акторов. Так, например, американский политолог Дж. Модельски отмечает наличие в глобальной политике последних пяти столетий функции лидерства, осуществляемой последовательно сменявшимися друг друга нациями-государствами (Модельски 2005, с. 63). В целом,

исследователь рассматривает проблему мирового лидерства с позиций теории длинных циклов, дифференцируя государства на лидеров и челленджеров (претендентов на мировое лидерство).

В этой системе взаимодействие лидеров и претендентов формирует структуру мировой политики, ведущим трендом которой является национальный интерес государственного актора, который может быть достигнут путем создания различных дипломатических и геополитических коалиций, способных изменить расстановку сил в мире. Подобно тому, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), сдвиги в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами.

Эти размышления в духе политического реализма продолжают оставаться актуальными и сейчас, тем более что международный событийный ряд полностью подтверждает данные суждения (например, конфликты на Ближнем Востоке и на Украине).

Стоит отметить, что современные международные отношения и мировая политика в конце XX в. претерпели значительные геополитические и геоэкономические изменения, повлиявшие на баланс сил в мировом пространстве. Фактически именно в этот период шёл процесс определения будущей глобальной повестки дня, а также начинался процесс построения дипломатических и геополитических коалиций. Так, например, с 1996 по 2000 г. происходил процесс активного дипломатического сближения РФ и КНР. В итоге с 2000 г. действует ШОС, организация с мощным геополитическим потенциалом.

В целом, структурные преобразования в международном пространстве связываются специалистами не только с усилением влияния ведущих акторов международных отношений, но и с возросшей активностью негосударственных субъектов в мировой политике и экономике. В связи с этим геополитические изменения приобрели двойственный противоречивый характер: во-первых, позволили интерпретировать все события, происходящие в мире в соответствии с традиционными представлениями целостных процессов войны и мира, любви и вражды, коренящихся в природе человека, а во-вторых, способствовали формированию новой модели международных отношений, основанной на экономическом и культурном сотрудничестве.

Сегодня в мире продолжают оставаться группы стран, пытающиеся навязать собственнические интересы в сфере международного сотрудничества и безопасности всем остальным акторам, несмотря на то, что на практике доминирование одной страны в мировом пространстве, без учета интересов других стран, чревато дестабилизацией международной системы отношений. Однако в угоду сиюминутным

интересам и властным амбициям, пренебрегая нормами международного права, политические элиты ключевых государств мир-системы с помощью силовых методов продолжают выстраивать собственную систему геополитической безопасности.

Особое место в системе международных отношений принадлежит Российской Федерации, пытающейся укрепить свою национальную безопасность и найти достойное место в новой системе геополитических координат для выстраивания относительно независимой внешнеполитической стратегии из расчёта собственных интересов. Способствует этому наличие у неё ядерного потенциала как гаранта военно-политического сдерживания, выгодное геополитическое положение, а также существование на её территории большого количества энергетических и других ресурсов.

Россия, являясь страной с многовековой историей и культурой, имеет геополитические интересы по всему периметру Евразийского континента, от которых зависит национальная безопасность государства. Можно выделить несколько районов мира, где присутствие нашей страны было постоянным и конструктивным для международных отношений в целом. Во-первых, это Восточная Европа и Балканы, здесь русская политика традиционно конкурировала с германской, французской и османской (турецкой) геополитической линией, сохраняя баланс интересов в регионе. Россия, а затем и Советский Союз гарантировали нерушимость государственных границ региональных стран (например, Хельсинские соглашения 1975 г. провозглашавшие незыблемость границ государств в Европе). Сейчас главным инициатором геополитической трансформации региона не в пользу России выступают США. В итоге в регионе наблюдается нестабильность, после распада СССР произошёл рост числа военных конфликтов и политических пертурбаций вокруг тех территорий и стран, где сохранились прорусские ориентации (Сербия, Босния и Герцеговина, Приднестровье, Прибалтика, Беларусь и, конечно, Украина).

Вторым важным и традиционным для России районом геополитической активности является Средняя Азия и Ближний Восток. Эти регионы тесно связаны между собой геополитически, в них пересекаются интересы многих международных акторов, и они непосредственно примыкают к такому важному для русской внешней политики району, как Кавказ и Каспийское море. Поэтому кризис в Сирии стал вызовом для российской национальной безопасности, и с самого его начала Россия поддерживала правительство Б. Асада и его иранских союзников. В результате данных действий наша страна получила надёжных партнёров в антитеррористической операции против ДАИШ – экстремистской организации, стремящейся распространить своё влияние на территорию Российской Федерации. Москва активно

использует каналы военного сотрудничества с местными странами (например, иранскую и сирийскую территорию для нанесения различных ракетно-бомбовых ударов), что стало предметом раздражения Вашингтона и Анкары. Необходимо отметить, что Россия, Сирия и Иран – это государства, которые заинтересованы в быстром решении данного конфликта, так как он является источником распространения геополитической нестабильности в Евразийском регионе. Более того, ДАИШ и Талибан имеют непосредственное отношение к спецслужбам США и их союзников. В то же время геополитической целью США в регионе является нестабильность, или принцип «управляемого хаоса», который позволяет им сдерживать экономическое развитие своих конкурентов (например, китайский проект нового «Шёлкового пути», а также российско-иранские проекты газового сотрудничества).

Третьим важным районом для русской геополитики остается Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. Здесь главными партнёрами для нашей страны являются Китай и Индия – государства, с которыми традиционно Россия имеет множество экономических и военно-технических связей. Кроме того, уже давно действует ШОС, деятельность которой направлена на консолидацию ресурсов государств региона в борьбе с терроризмом, а также на реализацию совместных экономических и социокультурных проектов. По мнению некоторых отечественных экспертов, Россия и Китай вместе с другими членами ШОС создали систему, которая практически контролирует Азию, а именно, практически весь азиатский континент (ШОС: российское детище стало «занозой» для Запада // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1464159156). Всё это позволяет России диверсифицировать свои геополитические и геоэкономические возможности в условиях санкционного давления Запада, тем самым повысив свою международную роль.

Естественно, что активизация Российской Федерации в регионе не остаётся незамеченной со стороны американской дипломатии, так как стратегическое взаимодействие России и Китая на международной арене рассматривается как апокалипсис внешней политики США. В связи с этим первый официальный визит в Монголию государственного секретаря США Дж. Керри отметился курьёзным фактом из арсенала политики «двойных стандартов» Вашингтона. Дело в том, что из выступления Дж. Керри вся Монголия и мир в целом узнали, что она является «оазисом демократии, зажатым между Россией и Китаем» (Попытка открыть «монгольский фронт»: что кроется за визитом Керри в Улан-Батор? // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1465967176). Но факт остается фактом: по мнению российских экспертов, США явно собираются прощупать монгольскую почву на предмет посевов антироссийских и антикитайских отношений и взглядов (Попытка

открыть «монгольский фронт»: что кроется за визитом Керри в Улан-Батор? // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1465967176).

Но, несмотря на все данные события, как подчеркивает эксперт РИСИ К.Е. Каратаева, «необходимо отметить и возросший взаимный интерес России и Китая к развитию транспортных связей на Дальнем Востоке и созданию коридора в направлении Китай-Монголия-Россия. Всё это, по нашему мнению, свидетельствует о позитивной оценке российского транзитного потенциала основным партнёром России – КНР, который выражает готовность использовать российскую транспортную систему для обеспечения своих внешнеторговых связей. Для России рост объёмов перевозок китайских грузов принесёт не только дополнительные доходы в бюджет страны, но и позволит привлечь инвестиции в модернизацию транспортной инфраструктуры на главных международных направлениях» (Каратаева, К.Е. Россия использует транзитный потенциал Евразии // URL: <http://riss.ru/analitics/31396/>).

В качестве примера успешной кооперации в данном регионе на Петербургском международном экономическом форуме президент России привел ЕАЭС, сотрудничать с которым выразили готовность порядка 40 государств и международных организаций. В.В. Путин предложил «подумать о создании большого евразийского партнёрства с участием ЕАЭС, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, – имея в виду наших партнёров по СНГ – другие государства и объединения» (Раскол в Европе уже произошел, – мнение эксперта // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1466359379).

Таким образом, Россия готова расширить экономическое сотрудничество в регионе за счет подключения к нему в том числе и государств ЕС. Но вопрос стоит в том, готовы ли союзники США по НАТО пойти на это сотрудничество, которое явно выходит за рамки так называемой «атлантической солидарности». При этом, по мнению президента России, Евросоюз остается ключевым партнёром Российской Федерации. Рассуждая о вопросах внешней политики, российский президент затронул тему роли США на мировой арене. Здесь Путин, на наш взгляд, проявил дипломатичность и в духе американского мессианства заявил: «Америка – великая держава. Сегодня, наверное, единственная супердержава. Мы это принимаем. Мы хотим и готовы работать с Соединенными Штатами» (Раскол в Европе уже произошел, – мнение эксперта // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1466359379).

В то же время именно природные богатства Российской Федерации делают её территорию объектом геополитических притязаний ведущих мировых акторов. В частности, об этом в начале XXI в. последовательно писал З. Бжезинский. Американский политолог подчеркивает: «...первоочередная цель американской внешней политики должна

состоять в том, чтобы ни одно государство или группа государств не обладали потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра. Это означает – успешно отсрочить опасность внезапного подъема новой силы, в первую очередь, России и Китая. США преследуют цель сохранить господствующее положение Америки, по крайней мере, на период жизни одного поколения, но предпочтительнее на ещё больший срок. Они должны не допустить восхождение соперника к власти» (Бжезинский, З. Мир как шахматная доска («Junge Welt», Германия). Часть II // URL: http://strateger.net/Novaya_holodnaya_vojna_Zbigneva_Bzhhezinskogo_-_II).

В основе этого принципа лежит оценка того, что держава, получившая господство в Евразии, тем самым получает господство над всем остальным миром. Эта огромная, причудливых очертаний евразийская шахматная доска, простирающаяся от Лиссабона до Владивостока, является ареной глобальной игры, причем доминирование на всём Евразийском континенте уже сегодня является предпосылкой для глобального господствующего положения. И происходит это лишь потому, что Евразия, бесспорно, является самым большим континентом, на котором проживает 75% населения мира и на котором располагаются 3/4 всех мировых энергетических запасов (Бжезинский, З. Мир как шахматная доска («Junge Welt», Германия). Часть II//URL:http://strateger.net/Novaya_holodnaya_vojna_Zbigneva_Bzhhezinskogo_-_II).

В целом, международные события 2014 г. стали отправной точкой в переоценке внешнеполитической, социокультурной и экономической парадигмы российской государственности. Сегодня мы наблюдаем всплеск геополитической активности в мировой политике, ставший катализатором развития нового этапа многополярности международных отношений. Кстати, американский политолог С. Хантингтон ещё в начале 90-х гг. проводил границу России и Западной цивилизации по Днепру, отмечая следующий вариант развития будущей геополитической ситуации. По мнению ученого, «если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными» (Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций // URL: <http://www.politstudies.ru/>). Хантингтон был безусловно прав, делая данный вывод, так как в процессе выстраивания собственной геополитической идентичности Россия в лице её элиты и народа пришли к тем направлениям внешней политики, которые были традиционны для нашей страны на протяжении столетий её истории, т.е. сработал принцип «геократии», проявившийся в крымских событиях, а также в стремлении быть независимым субъектом

международных отношений. Поэтому принцип «геократии» позволял обеспечить нашему государству в разные исторические эпохи преемственность собственной политической линии, а также создать условия для взаимодействия элиты и народа в процессе реализации и защиты государственных интересов. В связи с этим, именно этот принцип стал ведущим фактором в изменении геополитического сознания многих представителей российской элиты на рубеже нового тысячелетия.

Таким образом, геополитическое содержание национальных интересов государства остается по-прежнему актуальным направлением российской внешней и внутренней политики, которое также активно используется в политических концепциях ведущих международных акторов. При этом Евразийский континент сегодня находится в ситуации, схожей с событиями конца 30-х гг. XX в. Во-первых, как и тогда, сейчас в Восточной Европе разворачиваются геополитические баталии вокруг границ лимитрофных государств, где ведущим фактором становится жёсткая сила. На этом фоне концепция «мягкой силы» всё больше уступает жёстким проявлениям государственной мощи. Следовательно, наращивание военно-политической мощи государства становится для России ведущей геополитической задачей, призванной поддержать баланс сил в регионе и реализовать свой главный национальный интерес – обеспечить собственную безопасность в условиях растущей турбулентности международных отношений. Во-вторых, огромные долговые обязательства толкают лидеров Запада на эскалацию конфликтов с теми странами, которые они по-прежнему рассматривают как своих непосредственных геополитических конкурентов. Прежде всего, это Россия и Китай – государства, обладающие значительным геополитическим потенциалом и способные изменить американский мировой порядок не в пользу англосаксонских элит.

Литература:

1. Бжезинский З. Мир как шахматная доска («Junge Welt», Германия). Часть II [Электронный ресурс] // URL: http://strateger.net/Novaya_holodnaya_vojna_Zbigneva_Bzhhezinskogo_-_II (Дата посещения: 20.10.2009)
2. Замятин 2009 – Замятин, Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации [Текст] // Полис, 2009. № 1. С. 94.
3. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. Т. 1. [Электронный текст] / URL: http://legitimist.ru/lib/ideology/008_i_ilin_nashi_zadachi_tom_1.pdf (Дата посещения 20.03.2017)

4. Каратаева К.Е. Россия использует транзитный потенциал Евразии [Электронный ресурс] // URL: <http://riss.ru/analitics/31396/> (Дата посещения 20.05.2016)
5. Модельски 2005 – Модельски Дж. Эволюция глобальной политики [Текст] // Полис, 2005. № 3.
6. Попытка открыть «монгольский фронт»: что кроется за визитом Керри в Улан-Батор? [Электронный ресурс] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1465967176 (Дата посещения 06.06.2016)
7. Раскол в Европе уже произошел, – мнение эксперта [Электронный ресурс] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1466359379 (Дата посещения 20.06.2016)
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Электронный ресурс] // URL: <http://www.politstudies.ru/> (Дата посещения 20.05.2014)
9. Челлен 2005 – Челлен Р.О политической науке, её соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства (Предисловие М.В. Ильина) [Текст] // Полис, 2005. № 2.
10. ШОС: российское детище стало «занозой» для Запада [Электронный ресурс] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1464159156 (Дата посещения 17.05.2016)
11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/19/19.htm> (Дата посещения 20.05.2016)

References:

1. Bzhezinskij, Z. Mir kak shahmatnaya doska («Junge Welt», Germaniya). CHast' II [Elektronnyj resurs] // URL: http://strateger.net/Novaya_holodnaya_vojna_Zbigneva_Bzhhezinskogo_-_II (Data poseshcheniya: 20.10.2009)
2. Zamyatin 2009 – Zamyatin, D.N. Geokratiya. Evraziya kak obraz, simvol i proekt rossijskoj civilizacii [Tekst] // Polis, 2009. № 1. С. 94.
3. Ilin. I.A. Nashi zadachi. Istoricheskaya sudba i budushcheye Rossii. Stati 1948-1954 gg. T. 1. [Elektronnyy tekst] / URL: http://legitimist.ru/lib/ideology/008_i_ilin_nashi_zadachi_tom_1.pdf (Data poseshcheniya 20.03.2017)
4. Karataeva, K.E. Rossiya ispolzuet tranzitnyiy potentsial Evrazii [Elektronnyiy resurs] // URL: <http://riss.ru/analitics/31396/> (Data posescheniya 20.05.2016)
5. Modelski 2005 – Modelski, Dzh. Evolyutsiya globalnoy politiki [Tekst] // Polis. – №3. – 2005.
6. Popyitka otkryit «mongolskiy front»: chto kroetsya za vizitom Kerri v Ulan-Bator? [Elektronnyiy resurs] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1465967176 (Data posescheniya 06.06.2016)

7. Raskol v Evrope uzhe proizoshel, – mnenie eksperta [Elektronnyiy resurs] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1466359379 (Data posescheniya 20.06.2016)
8. Hantington, S. Stolknovenie tsivilizatsiy [Elektronnyiy resurs] // URL: <http://www.politstudies.ru/> (Data posescheniya 20.05.2014)
9. Chellen, R. O politicheskoy nauke, ee sootnoshenii s drugimi otraslyami znaniya i ob izuchenii politicheskogo prostranstva (Predislovie M.V. Ilina) [Tekst] // Polis. – №2. – 2005.
10. ShOS: rossiyskoe detische stalo «zanzoy» dlya Zapada [Elektronnyiy resurs] // URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1464159156 (Data posescheniya 17.05.2016)
11. Entsiklopedicheskiy slovar kryilytyih slov i vyirazheniy [Elektronnyiy resurs] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/19/19.htm> (Data posescheniya 20.05.2016)

Сорока И.А. (г. Орёл, Российская Федерация)
Soroka I.A (Orel, Russian Federation)

К вопросу об особенностях политической культуры современной России

To the question about the peculiarities of the political culture in modern Russia

Аннотация. В статье автор выделяет особенности политической культуры современной России. Анализ политической культуры позволяет найти ответы на ряд вопросов, имеющих значение для объективной оценки хода реформ, уточнения стратегии и тактики развития страны. Среди особенностей политической культуры России особого внимания заслуживают: видение гражданами особой политической роли России, аполитичность, низкая степень вовлечённости молодёжи, трудно предсказуемый менталитет российского общества и др.

Ключевые слова: политическая культура, мессианская роль России, менталитет, аполитичность, суверенитет, политическое поведение, демократические ценности.

Abstract. In the article the author identifies the features of political culture of modern Russia. Analysis of political culture allows to find answers to several questions relevant to an objective assessment of reform progress, defining strategy and tactics of development of the country. The vision of the citizens of the special political role of Russia, political apathy, low level of youth involvement, difficulties in predictability of the mentality of Russian society etc. all these features of political culture of Russia deserve special attention.

Key words: political culture, the Messianic role of Russia, the mentality, indifference to politics, sovereignty, political behavior, democratic values.

Политическая культура – это один из важнейших институтов, который формирует общественное сознание и влияет на все сферы государственного и гражданского бытия. Анализ политической культуры позволяет найти ответы на ряд вопросов, имеющих значение для объективной оценки хода реформ, уточнения стратегии и тактики развития страны. Кроме того, акцентируя внимание на особенностях российской политической культуры, можно проанализировать внедрение зарубежных моделей реформ и западноевропейских ценностей в систему российских ценностей. Политическая культура несёт в себе образцы политического поведения и модели действий, во многом определяет устойчивость и целостность развития общества и личности. Без выявления особенностей политической культуры невозможно вести эффективное прогнозирование и управление в политической сфере, в том числе выстраивать взаимоотношения с другими государствами. Попытаемся выделить и проанализировать особенности политической культуры, которые необходимо учитывать, выстраивая международные отношения с Россией.

Одной из главных политических ценностей россиян является государственный суверенитет, стремление не допустить вмешательство внешних политических акторов во внутренние дела России. В политической культуре России порядок и стабильность занимают более приоритетную позицию, чем демократические свободы: 71% россиян, по данным опроса ВЦИОМ «Порядок или демократия», высказались за порядок даже при условии нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод. То есть российское общество сложно привлечь демократическими ценностями и свободами, оно не всегда их понимает и может правильно ими воспользоваться. Русские люди считают, что чрезмерная свобода деструктивна и вредна для их государства. Они готовы подчиняться, будучи уверенными, что государство будет иметь стабильное развитие без стрессов, мятежей и др.

Следует отметить, что россияне уверены в особом положении своей страны (сильная Россия, отстаивающая мировую истину, которую со всех сторон окружили враги), в её «мессианской» роли важной для всего мира. Важно, что данная идея особенно отстаивалась ещё русскими религиозными философами конца XIX – начала XX вв. В.С. Соловьёвым, Н.А. Бердяевым и закрепились в сознании народа. Современное население страны желает видеть Россию в XXI в. сверхдержавой, страной – наследницей СССР, доминирующей на мировой арене, добывающейся лидерства на постсоветском пространстве. 64% россиян, принявших участие в опросе «Левада-центр» относительно того, как бы они

проголосовали на референдуме за сохранение СССР в 1991 г., высказались за сохранение и восстановление СССР (Общественное мнение 2016). Кроме того, россияне единодушны в абсолютной поддержке нынешней власти, президента и его действий, в том числе огромных оборонных расходов, ведения боевых действий в Сирии, на Украине. «Как это ни парадоксально, но Россия, которая сама зачастую едва справляется с собственными внутренними проблемами, в самые кризисные ситуации оказывается на международной арене тем спасательным кругом, который не даёт другим государствам сорваться в бездну хаоса и вражды. Как нам кажется, этот статус наша страна должна сохранять любой ценой. Для русского народа самовосприятие себя как народа-миротворца – это мощный фундамент укрепления наших культурных ценностей» (Шаненкова 2007).

Россияне гордятся своей страной. Основными предметами национальной гордости являются: история России (90% в 2016 г.), сильная армия, военная мощь страны (90% в 2016 г.), позиция России на международной арене (72% в 2016 г. против 50% в 2013 г.). Следует заметить, что именно национальная гордость формирует общность российского населения и именно гордость за свою страну выражается в патриотизме населения (около 80% россиян в опросе ВЦИОМ признались, что «ощущают себя патриотами») (ВЦИОМ 2016).

Российской политической культуре не присуща целостность, и российский менталитет трудно предсказуем: с одной стороны, россияне мало интересуются внутренней и внешней политикой, не следят за событиями на мировой арене, однако, с другой стороны, российское население в условиях напряжённости и нестабильности может идентифицировать себя с Россией, оно склонно к резкой мобилизации под влиянием важных стратегических целей или пропаганды, примерами чего являются ситуация с Крымом (вся страна вышла на митинги). Также для российской политической культуры характерна неразвитость демократических ценностей и традиций, что обуславливает низкую политическую грамотность и низкий уровень гражданского самосознания. Из-за этого в России отсутствует чёткая и стабильная связь массы гражданского общества и правящих элит. Россияне в малой степени обладают чувством гражданского достоинства и правом считать, что власть зависит от них (как это прописано в Конституции 1993 г.): по данным опроса ВЦИОМ, лишь 14% россиян читали Конституцию и знают основные положения документа, 64% россиян документ не читали, но указали, что «имеют общие представления», оставшиеся 20% заявили, что «не имеют ни малейшего представления» о содержании Конституции РФ 1993 г. (Бердяев 2005). Из-за нехватки демократического опыта следует относительная неразвитость традиций политического участия в

России, что в результате приводит к доминированию подданического типа политической культуры.

Также следует обратить внимание на относительно низкую долю вовлеченности в активную политическую жизнь российской молодежи. На прямой вопрос в исследовании Института социологии Российской Академии Наук: «Приходилось ли Вам за последние год-два участвовать в общественной и политической жизни? И если да, то в какой форме?» менее половины молодых россиян (49%) дали утвердительный ответ. В группах молодежи, которые имели право голосовать (21-23 и 24-26 лет), уровень электоральной активности не превышает 40%. 7% молодых россиян в течение последнего времени участвовали в проведении избирательных кампаний в качестве волонтеров (сбор подписей, работа на избирательных участках и т.д.); 3% – в митингах, демонстрациях, работе общественных формирований (ВЦИОМ 2017). Это приводит к старению политических элит, усилению консервативных настроений в России. Вместе с тем, эту проблему хорошо понимают руководящие структуры в России и пытаются активизировать молодёжь, в первую очередь с помощью деятельности политических партий. Пассивное отношение молодёжи порождает следующую особенность российской политической культуры – аполитичность граждан как во внутренней политике (явка на последние выборы составила 49%), так и относительно мировой политики (57% россиян не высказали никаких предпочтений в преддверии выборов Президента в США в 2016 г.) (Всероссийский центр изучения общественного мнения 2017). Большинство населения занято решением личных социальных проблем, считая, что внутренняя, а тем более внешняя политика государства от них мало зависит.

Хочется выделить такую особенность политической культуры России, как крайне незначительное представительство женщин во властных структурах. Так, в действующем Правительстве РФ только два министра женского пола. По мнению ряда экспертов, во властных структурах России женщины практически не представлены преимущественно из-за «патриархальных ценностей электората» и устойчивой традиции ассоциировать власть с мужской моделью поведения. Однако в условиях развития демократических ценностей, прав и свобод граждан российские женщины стремятся попасть в ряды правящей политической элиты (увеличивается количество женщин-сенаторов и женщин-депутатов).

В целом следует помнить, что российская политическая культура ещё находится в процессе формирования, что связано с переходным характером её состояния в настоящее время: лишь 25 лет назад был совершен переход от тоталитарного политического режима к демократическому. Не следует также забывать, что на современную политическую культуру России влияние оказывают как некоторые

институты западной политической культуры (демократические принципы и ценности), так и восточной политической культуры (патернализм, доминирование государства во всех сферах жизнедеятельности человека, относительная закрытость и обособленность политических элит). Таким образом, российская политическая культура представляет собой синтез западной и восточной политических культур, адаптирующихся к существующей действительности в режиме реального времени.

Литература:

1. Бердяев 2005 – Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения // режим доступа:https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/
3. Общественное мнение –2016. М.: Левада-Центр, 2017.
4. Соловьёв 1989 – Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х т. Т.1 Философская публицистика. М.: Правда 1989.
5. Шаненкова (Сорока) 2007 – Шаненкова (Сорока) И.А. В.С. Соловьёв и Н.А. Бердяев о национализме и особенностях русской души // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы: материалы Всерос. научн. конф. (г. Белгород, 4-7 окт. 2006 г.): в 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. Ч.1. С. 258-262.

References:

1. Berdyaev 2005 – Berdyaev N.A. Russkay ideay. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005.
2. Vserossieskiy centr izucheniay obschestvennogo mneniay // rejim dostupa: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/
3. Obschestvennoe mnenie - 2016. M.: Levada Centr, 2017.
4. Soloviev 1989 - Soloviev V.S. Sochineniay v 2-x t. T. 1 Filosofskay publicistika. M.: Pravda 1989.
5. Shanenkova (Soroka) 2007 – Shanenkova (Soroka) I.A. V.S. Soloviev i N.A. Berdyaev o nazionalizme i osobennostayh russkoy duchi // Chelovek v izmenayescheysae Rossii: filosofskay paradigma. - Belgorod: Izd-vo BelGU, 2007. CH.1. S.258-262.

Шумилкина О.Г. (г. Орёл, Российская Федерация)

Глобализация и проблема преемственности этнокультурных традиций

Globalization and the problem of continuity in ethnocultural traditions

Аннотация. Раскрыта актуальность сохранения культурного наследия через преемственность традиций как основа развития этноса.

Ключевые слова: глобализация, этнос, культура.

Abstract. The article reveals the relevance of cultural heritage conservation through the continuity of traditions as a basis for the development of the ethnic group.

Key words: globalization, ethnicity and culture.

Современная эпоха наполнена сложными, противоречивыми тенденциями, связанными с необратимым изменением облика общества постмодерна – это время оптимистических ожиданий, время появления новых смыслов, ориентиров, перспектив и трагическая пора существенных утрат многих основных констант, на которые традиционно опиралось человечество.

Глобализация как явление современности вбирает в себя множество общемировых процессов и предстаёт как целенаправленное движение к интеграции политической, экономической, культурной, религиозной жизни социума на принципиально новых основаниях, требующих критического переосмысления сложившихся мировоззренческих и нравственных установок. Глобализация находит своё отражение в интенсивно протекающих процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации, затрагивающих все сферы жизнедеятельности общества.

В данный период активно трансформируется сознание современных людей, формируется особая когнитивная матрица, закрепляющая идеал человека как «гражданина мира», человека без национальности. Особенно явственно данный феномен наблюдается в странах, идущих по пути вестернизации, и в западных космополитических мегаполисах с их интернациональным населением и доминированием однотипных моделей поведения и набором ценностных ориентиров.

На фоне острых проблем глобализации на рубеже XX-XXI вв. люди и целые нации столкнулись с решением сложного вопроса самоидентификации, определяющим смысло-жизненные векторы развития социума и индивида. Следствием стремительно меняющихся реалий становится повышение значимости индивида, связанное с расширением

его свободы выбора, возможностей для самореализации, в том числе в этнокультурной среде. Негативные особенности процесса глобализации вызывают естественное желание оградить собственную этническую культуру от деструктивных тенденций, сохранить национальную самобытность и утвердить многообразие идентичностей, среди которых этническая идентичность имеет одно из приоритетных значений.

Этнос соединяет людей общностью территории, языка, культуры, исторической памяти, религии, сознанием собственной ценности, самобытности. Вхождение индивида в лоно культуры открывает для него её своеобразный код, посредством которого возможно принятие ментальности своего этноса, его духовных и ценностных установок, осознанное «вживание» в них. Переживание тождества отношений с определённой этнической общностью позволяет человеку закрепить стереотипы поведения, проложить грань между прочими аналогичными сообществами, между «мы» и «не мы», осознать себя частью некой целостности. Культурное единство этноса становится целью его существования, ядром, вокруг которого образуются жизненные смысловые ориентиры, основой для позиционирования себя в окружающем мире.

Этническая культура имеет сложную структуру, включающую в себя уникальные черты, характерные для конкретного этноса, особую специфическую комбинацию присущих ряду этносов взаимодействующих между собой компонентов культуры, а также индивидуальную форму границ между вариативными и инвариантными способами человеческой деятельности.

Этническая культура развивается как своеобразный, самобытный феномен, раскрывающийся, проявляющий себя в лоне мировой культуры, являющийся её неотъемлемой, значимой частью. Культура, транслирующая сформированную систему ценностей, прочно скрепляется посредством аксиологической оси, придающей этносу стабильность и целостность. Доминантами в иерархии ценностей этноса являются всеобщие нравственные нормы и принципы, реализующиеся в контексте, далеко выходящем за рамки собственной этнической культуры. Посредством приобщения к культурному наследию своего этноса происходит естественное приобщение индивида к общемировому, общечеловеческому культурному пространству, что в целом способствует укреплению международных связей, позволяет выстраивать прочную основу для межкультурного диалога и эффективного практического взаимодействия.

Общество эпохи постмодерна хранит в своей памяти горечь от утраты былых идеологических иллюзий, начинает осознавать хрупкость современного мира и ту опасность, которая таится в гонке за благами, дарованными техногенной цивилизацией. Глобальные проблемы,

встающие перед современным сообществом, вынуждают нас преодолевать разногласия и стремиться к единству, бережно сохраняя при этом собственную специфичность, питавшую народы в течение многих веков их культурно-исторического прошлого.

Осуществление нового миропорядка, связанного с укоренением единого информационно-экономического поля, указывает на наличие двух противоречивых тенденций: с одной стороны, во всех сферах жизнедеятельности общества интенсивно происходят процессы общемировой интеграции, происходит стирание границ и различий; с другой стороны, активно возрождается интерес к самобытности этнической культуры, истории, её традициям, языку. Противостояние обозначенных социокультурных явлений указывает на культурно-этнический парадокс современности и определённые трудности в его эффективном решении.

Наметившаяся в последнее время тенденция к возрождению этнической культуры обусловлена определёнными объективными закономерностями. Очевидно, что идет процесс разрушения сложившейся к XX в. институциональной системы отношений при сохраняющейся связи со своим историческим прошлым и его неизменными генетическими структурами. В рамках этноса происходит осмысление глубокого диссонанса между генетической и современной системами отношений, способствующее высвобождению созидательных или деструктивных потенциалов социума. Подобная конфронтация ведёт к состоянию постоянной культурной, социальной турбулентности, опасной для глобализирующегося мира.

Данные закономерности формируют полярные пути дальнейших перспектив развития общества, определяют выбор либо обособленности, либо целостности существования. Как нам представляется, этническое возрождение в дальнейшем будет связано или с чёткой установкой приоритетов коммуникации между определёнными сообществами по поводу перераспределения жизненно необходимых ресурсов, или с коммуникацией, направленной на поддержание стабильной целостности существования социума.

Глобализм чужд стремлению собрать в диалектическом единстве мозаику разнообразных, самобытных по своему характеру культур. Напротив, здесь можно увидеть желание унифицировать культурное пространство, сделать его однородным и, следовательно, примитивным, доступным для стандартного потребления. Реалиями современного мира является постепенное «размывание» уникальных этнических культур, нивелирование их граней, что неизбежно приводит к гомогенизации культурной среды. Происходит разрыв в преемственности культурных традиций, ведущий к их угасанию и полной утрате.

В эпоху глобализации требуется новое восприятие концепта культурного наследия. Культурное наследие представляет собой «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и бережёнными предыдущими поколениями и представляющими исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для её дальнейшего развития» (Веденин 1997, с. 7).

Культурное наследие в рамках глобализирующегося мира выполняет важнейшую синтезирующую функцию, призванную воодушевлять людей на познание многообразного универсума в его гармонии и диссонансах, раскрывать собственную культурную идентичность.

Понятия «культурное наследование» и «преемственность» не могут в полном смысле слова быть взаимозаменяемыми, поскольку существенной составляющей процесса культурного наследования является критический анализ объективных проявлений преемственности и действия в соответствии с вынесенной им оценкой. Культурное наследие предстаёт как осознанно принятая форма преемственности, вбирающая в себя утвердившие свою духовно-практическую ценность достижения предыдущих поколений, но отнюдь не как тотальное неприятие духовного опыта прошлого. Отрицание каких-либо духовных результатов ушедших поколений новым поколением ставит его существование вне сферы культурного наследования, обрывает возможную генетическую связь с настоящим и будущим.

Преемственность представляется как важнейший элемент передачи накопленного опыта, знаний, ценностных ориентиров для создания теснейшей культурной взаимосвязи между поколениями. В процессе преемственности культурного наследия потомки сознательно принимают, обогащают, адаптируют для себя пришедшие к ним ценностные установки, традиции, способствующие дальнейшему духовному развитию и совершенствованию.

Преемственность культурного наследия возможна благодаря традиции. Традиция способна консолидировать социальную систему. К консолидирующей функции традиции обращались представители западноевропейской и отечественной философской мысли, ищущие дальнейшие пути развития мировой культуры, такие, как И.Г. Гердер, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский. Консолидирующая функция традиции призвана сыграть особую роль в эпоху глобализации, поскольку с её помощью этнос может эффективно противостоять натиску стандартизированных норм и ценностей.

Традиция представляет собой стереотипы деятельности, образцы, обеспечивающие посредством временной передачи новым поколениям аккумулированный социальный опыт. Ценностное содержание традиции воспроизводится осознанно и добровольно. В постоянно изменяющихся реалиях современности традиция не может оставаться консервативной,

диктующей жёсткий алгоритм деятельности. Традиция предстает как активный динамический процесс множественных разнообразных смысловых интерпретаций сложившихся прежде идей, образцов поведения, ценностных концептов, адаптированных к специфике сложившейся ситуации. Естественное движение, развитие духовного наследия этноса, его осмысление в сфере культуры происходит от прошлого через настоящее к будущему, оно вбирает в себя квинтэссенцию опыта современности, передающуюся потомкам. Исторически изменяющиеся условия жизни ведут к тому, что традиции постепенно заменяются новациями, которые в свою очередь со временем вновь будут восприниматься как традиции. Данный процесс закономерен и предопределён, поскольку обусловлен историческим развитием человечества.

Однако традиция, впуская в своё бытийное пространство разнообразные новации, допускающие конструктивное изменение её духовного наполнения, может трансформироваться в «подделку» под исконную традицию с её сакральным содержанием. В подобном случае традиция превращается в фетиш, её смысл становится недоступным и потому неинтересным, потерянным для этнической культуры.

С другой стороны, попытка уберечь этническую самобытность любой ценой оборачивается изоляцией этноса, его вытеснением на периферию культурно-исторического развития. Для того, чтобы уберечь свою этническую культуру от опасности её поглощения трансформирующимся обществом, необходимо найти точную грань между стремлением к самосохранению и готовностью к культурному диалогу и обмену. Примером такого удачного сохранения собственной национальной специфики может послужить современная Япония, в культурной политике которой гармонично уравновешены тенденции к открытости и самодостаточности.

Проблема открытости социума к различным новациям, пришедшим с развитием информационного общества, ещё долгое время будет весьма актуальна по многим причинам. Одна из таких причин заключается в специфике природы самого человека, готового к познанию и принятию новых идей, форм, способов существования и в то же время стремящегося закрепить и сохранить лучшие образцы из опыта прошлых поколений и накопленного ими духовного наследия.

Очевидно, что обращение к духовной культуре этноса, его культурному опыту обеспечит дальнейшее существование и развитие человеческого сообщества.

Литература:

1. Веденин 1997 – Веденин Ю.А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике. Тезисы докладов научно-практической республиканской конференции. – Ставрополь: «СГУ», 1997. - С. 4-9.
2. Глюняева 2006 – Глюняева А.А. Преемственность этнокультурных традиций в глобализирующемся мире // Аналитика культурологии. Выпуск № 6 / 2006. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy#ixzz4fNJeL00> (Дата обращения 4 апреля 2017)
3. Гревцева 2008 – Гревцева А. А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Выпуск № 70 / 2008. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy#ixzz4fNJeL00> (Дата обращения 3 апреля 2017)
4. Русских 2013 – Русских Л. В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Журнал Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Выпуск № 2 / том 13 / 2013. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kulturnaya-etnicheskaya-natsionalnaya#ixzz4fNKMFQqS> (Дата обращения 5 апреля 2017)

References:

1. Vedenin 1997 –Vedenin YU.A. Sovremennyye problemy sohraneniya naslediya // Kul'turnoe i prirodnoe nasledie v regional'noy politike. Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy respublikanskoj konferencii. – Stavropol': «SGU», 1997. - S. 4-9.
2. Tlyunyaeva 2006 – Tlyunyaeva A.A. Preemstvennost' ehtnokul'turnyh tradicij v globaliziruyushchemsya mire // Analitika kul'turologii. Vypusk № 6 / 2006. Nauchnaya biblioteka KiberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy#ixzz4fNJeL00> (accessed, April, 5, 2017)
3. Grevceva 2008 – Grevceva A. A. Kul'turnaya globalizaciya: problemy i paradigmy // Zhurnal Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena Vypusk № 70 / 2008. Nauchnaya biblioteka KiberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy#ixzz4fNJeL00> (accessed, April, 2, 2017)
4. Russkih 2013 – Russkih L. V. Identichnost': kul'turnaya, ehtnicheskaya, nacional'naya // Zhurnal Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. Vypusk № 2 / tom 13 / 2013. Nauchnaya biblioteka KiberLeninka:

<http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kulturnaya-etnicheskaya-natsionalnaya#ixzz4fNKMFQqS> (accessed, April, 2, 2017)/

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ
ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE PAST AND PRESENT**

*Назарова Г.Ф. (г. Орел, Российская Федерация)
Nazarova G.F.(Orel, Russian Federation)*

**Парадигмы русской национальной культуры и национальной
ментальности (к постановке проблемы)**

**Paradigms of Russian national culture and national mentality
(to the formulation of the problem)**

Аннотация. В статье исследуется роль пространства в возникновении и развитии русской культуры; проблема соотношения столичной и провинциальной культур и проявления её в морально-ценностных основаниях. Исследуется этимология слов и понятий «провинция», «провинциализм».

Ключевые слова: культурный космос, синопсис русской культуры, провинция, столица, «Genious loci», экология культуры.

Abstract. In the article, the role of space in the emergence and development of Russian culture is explored; the problem of the ratio of capital and provincial cultures, and its manifestation in moral and value grounds. The etymology of words and concepts "provinces", "provincialism" is investigated.

Key words: cultural space, synopsis of Russian culture, province, capital, "Genious loci", ecology of culture.

Понимание феномена культуры невозможно без анализа культурных форм как в плане генезиса, так и в структурно-типологическом аспекте. Но не менее важно постижение культурного космоса «...в моментальном аспекте целокупного видения или синопсиса...», – отмечает К.А. Свасьян (Свасьян 1987, с. 132).

Анализ русской культуры в её временном и пространственном аспекте также невозможен без рассмотрения её эйдоса, или в буквальном смысле слова умного лика её. «С годами, – читаем мы в одном стихотворении у Хорхе Луиса Борхеса, – человек заселяет пространство образами провинций, царств, гор, заливов, кораблей, островов, рыб, жилищ, орудий труда, звезд, лошадей и людей».

Когда впервые были опубликованы древнерусские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, многих ученых XIX века особенно поразила припевка, с которой начинались некоторые произведения:

*Высота ли, высота поднебесная, глубота, глубота океан-море;
широко раздолье по всей земли, глубоки омуты днепровские...*

Ф. Буслаев – выдающийся исследователь древнерусской литературы – считал, что здесь призвано всё необъятное, чтобы дать эпическому воодушевлению надлежащий простор: и широта земная, и глубина океана, и высота небесная. В мире, в котором формировалась древнерусская культура, а позже русская, много света, много воздуха, и кажется, что нет этому простору ни конца, ни края...

О колоссальной роли пространства в формировании русской культуры писали многие выдающиеся философы. Н.А. Бердяев отмечал, что «необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни» (Бердяев 2005, с. 97); подобной точки зрения придерживался и Н.О. Лосский (Лосский 2005, с. 23).

Поэтому синопсис русской культуры представляется нами как громадные просторы, застроенные деревнями, селами, малыми городами, и лишь только самая незначительная часть её лика есть «столицы».

И наше счастье и шанс в том, что и до сих пор в большей части малых городов страны не истреблен истинно российский дух. Малые города и поселки сегодня являются последними хранителями традиционного российского уклада, самой нашей национальной сущности – скромности, трудолюбия, взаимопомощи, знаний и духовности. Поэтому отсюда может начаться возрождение России.

К сожалению, выбор, сделанный нынешним правительством, – развитие мегаполисов и массовая, лишенная моральных опор, псевдокультура. Это препятствует созданию современного образа жизни, максимально соответствующего национальным особенностям россиян. Теряется надежда на сохранение семьи, традиционных морально-нравственных ценностей: патриотизма, ответственности за свою землю и историю, чувство локтя и взаимовыручки.

Поэтому необходимо глубокое изучение проблем провинциальной культуры России, ибо это и есть её главное национальное достояние.

Различным народам, национальным культурам и в целом мировой культуре несвойственно уничижительное отношение к слову и явлению «провинция». К сожалению, для российской ментальности, культуры характерен негативный оттенок в отношении к данному явлению. Пришло время исследовать роль и значение провинциальной культуры в становлении и развитии культуры народов России, как это уже давно сделано в западноевропейской культурологической мысли.

Исследование проблем Провинциальной культуры потребовало от нас обращения к фундаментальной категории «Genius loci» (гений места, дух места). Длительное время слова «место», «местный» в обыденной речи, в официальных документах сопровождалось отрицательным оттенком.

Еще более пренебрежительно звучали слова «провинция», «провинциальный». Обратимся к этимологии слов «провинция», «провинциальный», «провинциализм».

В русской лексике слово «провинция» и «провинциал» появляются с эпохи преобразований Петра I. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается их происхождение «через нем. Provinziale из латинского provincialis» (Фасмер 1987, с. 812).

По мнению Волина Б.М. и Ушакова Д.Н., «провинция» – местность – территория страны в отличие от столиц (Волин, Ушаков 1939, с. 902), то есть вся громадная территория России – это провинция.

Михельсон М.И., анализируя выражение «провинциальные нравы», подчеркивает их как отсталые порядки, «в противоположность столичным», а слово «провинция» связывает со словами «деревенщина» и «захолустье».

В.И. Даль, исследуя понятие «провинциал», пишет, что это «живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья» (Даль 2003, с. 384). Он же, раскрывая сущность понятия «захолустье», подчеркивает: «Захолустье, глухое место, закоулок или малолюдная часть в городе, отдалённое или малонаселённое, малопроезжее место, затишье» (Там же). Здесь выдающийся исследователь русского языка впервые отмечает не только отрицательное в понятиях «провинция», «захолустье», но и выделяет положительную сторону мест, отдаленных от «столиц»: тишину и покой, присущие им.

Откуда это презрение, совершенно неведомое прочим народам и культурам? Там слово «провинция» есть, да и то оснащённое разными оттенками отношения, но слово «местный» занимает в иерархии ценностей весьма высокую позицию.

Корни данного явления уходят в глубокую древность, связаны со своеобразием возникновения древнерусского города, со спецификой процесса образования русского централизованного государства, в целом с исторической судьбой русского народа. Возможно, был прав П.Н. Милюков, утверждавший, что присоединение отдельных земель к Москве уничтожило своеобразие их развития, местную организацию.

Ещё более усилился этот процесс в послереволюционное время, когда стали воплощаться в жизнь такие идеи марксизма, как представления о значительном преимуществе крупной промышленности над мелкой и средней, необходимости борьбы с «деревенским капитализмом». Сталинская модель индустриализации и коллективизации была практической реализацией подобных воззрений в марксистской теории. В ходе коллективизации и индустриализации местные отличия подлежали безоговорочному выравниванию.

Борьба со всеми «местными» сопровождалась гигантскими перемещениями масс людей во время первой мировой и гражданской

войн, в ходе коллективизации и индустриализации. Переселение рабочих семей в буржуазные центры городов, сложение феномена «коммунальной» квартиры усиливали перемешивание населения страны. Всё это не позволяло складываться устойчивым социальным связям, хотя и новым (ибо исторические традиции были уже утеряны).

В середине 50-х гг. реалиям «местного» угрожала новая напасть – благо: жилищная программа С.Н. Хрущева, которая, несомненно, была социальным благом, но средства её воплощения носили примитивный технократический характер. Если раньше многообразие облика «мест» подавлялось психически, то теперь индустрией домостроения.

В 60-70-х гг. в «местном» была пробита новая брешь – появились неперспективные села, города. В 70-80-х гг. городу, селу – месту – особенно сильно угрожал и по-прежнему угрожает вандализм. Этот вандализм (выбитые стекла, расписанные стены лифтов, сброшенные с постаментов скульптуры) непростителен, но хотя бы объясним. В какой-то степени вандализм – это и заброшенный, неряшливый вид жилого пейзажа. Дело в том, что в силу исторической традиции русские люди никогда публично место не воспринимали как «своё».

К середине 80-х гг. распад в городах России достиг максимума. Малогабаритные квартиры выталкивали подростков в свободное время за пределы семейного Места, и отсутствие мест публичного досуга, засилье в центре городов учреждений, административных зданий привело к формированию «безместного» поколения, бродящего по сторонам микрорайонов, захватывающего чердаки и подвалы. В настоящее время низкий уровень жизни большей части населения России, невозможность приобретения квартир ещё более усугубили эту проблему.

Деятельность современного аппарата управления, бюрократии по-прежнему основана на традиционной технократической логике. Технократическое сознание не в состоянии признать право на индивидуальность, непохожесть, провинциальность – всё то, на чем основана подвижная реальность. Ныне власть предержащие стремятся сделать свою жизнь особенно комфортной. Отсюда утилитарное отношение к природным, культурно-историческим заповедникам. Подобное угрожает экологии культуры, разрушает природно-исторический ландшафт «Места».

Место необходимо понимать, ощущать, любить. «Безместность» массового сознания подмывает фундамент обыденной культуры больше, чем что-либо другое. Когда П. Флоренский называл культуру борьбой с мировым выравниванием, он подразумевал и борьбу с выравниванием мест. Для того, чтобы в мире «безместных» людей возникли места, необходимы глубокие изменения в сознании людей, их ментальности.

Литература:

1. Бердяев 2005 – Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2005.
2. Волин, Ушаков 1939 – Волин Б.М., Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. III. М.: Гос. Изд-во иностранных и русских словарей, 1939. С. 902.
3. Даль 2003 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: АЛМА–ПРЕСС, 2003. С.588.
4. Лосский 2005 – Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Издательский совет РПЦ, изд-во «ДАРЪ», 2005.
5. Свасьян 1987 – Свасьян К.А. Человек как творение и творец культуры // Вопросы философии. 1987. № 6.
6. Фасмер 1987 – Фасмер М. Энциклопедический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987. С. 371.

Reference:

1. Berdyaev 2005 – Berdyaev N.A. Sudba Rossii. M.: AST, 2005.
2. Volin, Ushakov 1939 – Volin B.M., Ushakov D.N. Tolkovyj slovar russkogo yazyka. T. III. M.: Gos. Izd–vo inostrannyx i russkix slovarej, 1939. S. 902.
3. Dal 2003 – Dal V.I. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. T. III. M.: ALMA–PRESS, 2003. S.588.
4. Losskij 2005 – Losskij N.O. Karakter russkogo naroda. M.: Izdatelskij sovet RPC, izd–vo «DAR», 2005.
5. Svasyan 1987 – Svasyan K.A. Chelovek kak tvorenie i tvorec kultury // Voprosy filosofii. 1987. № 6.
6. Fasmer 1987 – Fasmer M. Enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka. T. III. M.: Progress, 1987. S. 371.

Михайлович В. (г. Лепосавич, Сербия)
Mikhailovich V. (Leposavic, Serbia)

Традиционные и современные свадьбы (венчания) в балканских странах: подавление фольклорных обычаев в результате европейского и американского влияния¹

Traditional and modern weddings in the Balkan countries: suppression of folklore customs as a result of European and American influence

Аннотация. В статье рассматривается свадебный обряд на Балканах. Традиционная свадьба исчезает под влиянием вестернизации, что приводит к постепенной унификации наций с точки зрения свадебного обряда

Ключевые слова: свадьба, модернизация, Балканы, народная традиция, народные костюмы, обычаи

Abstract. The article describes the wedding ceremony in the Balkans. Traditional wedding disappears under the influence of Westernization, which leads to a gradual unification of nations in terms of wedding rituals

Key words: wedding, modernization, Balkan, folk tradition, folk costume, customs

Многовековая культурная дистанция стран Балканского полуострова от европейских стран привела к образованию индивидуальных элементов культуры, которые сильно отличались от европейских модных тенденций. Сближение балканских стран с Европой, безусловно, влияет на все аспекты жизни, науку, культуру и другие сферы. Одним из наиболее эффективных способов передачи этих влияний являются СМИ, которые навязывают молодому поколению современные европейские и американские модные тенденции.

Вступлению в брак в каждой традиции сопутствуют многочисленные обычаи символического характера. Начиная со знакомства, включая помолвку и вплоть до самого обряда венчания (который иногда может занять несколько дней), заключение брачного союза сопровождают народные обычаи, песни и другие элементы народной традиции. Культурологическое и политическое сближение стран Запада и балканских стран приводит к постепенному появлению новых обычаев, которые часто находятся в противоречии с народной традицией.

¹ Работа написана в рамках проекта «Материальная и духовная культура Косова и Метохии» (рег. № 178028), который был одобрен и финансируется Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия

Фольклорная близость соседних балканских стран указывает на неустойчивость государственных границ в области народной культуры, на единый уникальный менталитет балканских народов. В данной статье основное внимание будет направлено на аналогии составных элементов балканских свадебных обычаев. Отметим, что такое рассмотрение не предполагает унифицированность балканского региона с точки зрения национальных традиций. Напоминаем, что многочисленные различия существуют и существовали, но ради выделения модернизации как процесса, который постепенно стирает уникальность народных традиций балканских стран по сравнению с западными странами, эти различия не будут выделены.

Влияние других культур на народную традицию одного народа не является новым явлением. То, что мы называем народной традицией балканских стран, на самом деле является специфическим слиянием различных культурных влияний. Важным событием в истории балканских стран, которое в значительной степени влияло на наличие целого ряда общих черт в их национальных культурах, конечно же является многовековое турецкое владычество. Пять веков сосуществования балканских и турецкого народов оставило след в народной традиции сербского и соседних ему народов. Как подчеркивает Соня Цветкович, «если мы движемся воображаемой линией Ориент-экспресса (название поезда) и слушаем фольклорную, или фольклором вдохновлённую музыку на пространствах вдоль этой колеи, то мы не сможем точно распознать и сделать различия между национальными музыкальными субъектами, поскольку сферы их проникновения сотрут эти границы» (Цветковић 2011, с.134).

Остатки восточной традиции в значительной степени можно увидеть в области языка и народных костюмов, чьи элементы и сегодня имеют турецкие названия (например, присутствие шаровар *šalvar* как в женском, так и мужском костюме всех балканских стран), хотя некоторые из стран с помощью национальных движений в течение XIX в. пытались подавить такого рода вещественные доказательства турецкого влияния. Например, затерявшиеся следы востока в Болгарии являются результатом национального движения, которое властвовало в течение XX в. Болгарские помаки, как специфическая группа мусульманских болгар, были подвержены санкциям во второй половине XX в., и им было юридически запрещено сохранять элементы своей традиции, которые показывают чёткие аналогии с турецкой традицией. Наложены были штрафы за ношение мусульманской одежды типа шароваров, вуалей и даже платков (Silverman 1989, с.11).

Тем не менее, восточные элементы могут рассматриваться как часть национальной идентичности балканских народов. Многочисленными являются элементы традиции балканских стран, которые показывают

чёткие аналогии с турецкими обычаями. Если мы сосредоточимся на отношениях мужчин и женщин в рамках свадебного веселья, то можем отметить ясную сепарацию и, в некотором роде, деградацию женщин по отношению к мужчинам. В мусульманском вероисповедании женщине предопределена второстепенная роль, которая основана на её отделении и скрывании от мужчины. Этот элемент в некоторых странах ещё сохранён, особенно в местах, которые населяет мусульманское население. Например, в некоторых частях Косова и Метохии, именно в тех, где находилось значительное сосредоточение мусульманского албанского населения, различия полов ясно и очевидно показаны в рамках народных танцев даже сербского населения, «существуют танцы, которые “позволены” женщине и которые ей “не позволены”» (Шијаковић 2005, с. 331). Во многих регионах не было разрешено танцевать женщинам и мужчинам в одном хороводе. Иногда не позволяется исполнение «мужских» и «женских» танцев в одном и том же пространстве (Јанковић 1948, с. 6-8), поэтому два пола разделяются в разных комнатах или даже в разных зданиях (Призрен, Гнилане, Пасьян).

Наряду с этим, некоторые обычаи могут быть соотнесены с турецким владычеством, но без прямой связи, в виде перенесённых восточных элементов. Если мы сосредоточимся на свадебных обычаях, то мы можем упомянуть об одном из старых обычаев некоторых районов Косова и Метохии, который в настоящее время утрачен. В день свадьбы невеста не присутствовала на свадьбе, а была закрыта со свекровью в отдельной комнате и там проводила всё время, пока гости праздновали. Одна из последних свадеб, которая сохранила этот обычай, состоялась в 1982 г. (!) в деревне Граничане, в окрестностях Лепосавича, на севере Косова и Метохии. Сегодня жители говорят, что этот обычай сохранялся, чтобы защитить невесту от «дурного глаза», что она пряталась, чтобы никто не притронулся к её свадебному платью или чтобы ей никто не мог «наворожить», тем самым разрушить её семейное счастье и, возможно, оставить без детей. Тем не менее, если мы посмотрим на исторические обстоятельства, которые сопровождали сербский народ во время рабства под турками, мы поймем, что есть практическая причина для введения этого «обычая». Известно, что одно из турецких «злодеяний» против нашего народа было, когда забирали невесту в день свадьбы, чтобы она провела первую ночь с агой. Именно по этой причине сербский народ ввел практику скрывания невесты и определил её «стражу» – свекровь. Люди даже вспоминают, что когда-то невесту уводили в подвалы или амбары, что подтверждает основную цель этого обычая «сохранения невесты» (Михајловић 2015, с. 166). Сегодня в Македонии и Черногории есть похожий обряд, который может быть связан с вышеизложенным. В некоторых районах существовала традиция, чтобы первую ночь невеста проводила со свекровью, для которой существует множество

интерпретаций. Некоторые авторы связывают этот обычай с известным обычаем отсрочивания начала брачной жизни (Gasparini 1955, с. 165-168), другие – с символикой соединения невесты с семьей её мужа (Кулишић 1956, с. 234).

Аналогичные традиционные свадебные обычаи балканских народов.

Их трансформация и подавление путем введения европейских и американских «тенденций»

Одним из ярких показателей модернизационных процессов является изменение возрастной границы для вступления в брак. Раньше был обычай, что девушка до восемнадцати лет вступала в брак, в противном случае она считалась слишком стара для брака. Для мужчин эта граница была немного свободнее, но и от них ожидалось вступление в брак до двадцати лет. В настоящее время этот возраст считается преждевременным для брака, граница перемещается до тридцати лет для женщин и ещё больше для мужчин (конечно, с некоторыми исключениями). Таким образом, во всех странах, а не только на Балканах, особенно в городской среде, обычно подразумевается получение высшего образования, которое родители требуют от детей до вступления в брак.

В некоторых сельских районах, особенно в Албании, всё ещё сохраняется практика договорных браков. Этот обычай предполагает, что будущий брак находится исключительно в руках семей, которые согласны, что через своих детей достигнут слияния. Чаще всего эти семьи были одного класса и статуса в обществе. В Албании существовала даже помолвка нерождённых детей. Обычай был таков, что во время встречи двух беременных женщин на особых праздничных мероприятиях они договаривались о будущей свадьбе своих нерождённых детей, если они будут противоположного пола. Этот обычай исчез полностью после Второй мировой войны (Xhemaj 2006, с. 9). Значительно более широкое распространение получил обычай, предполагавший помолвку несовершеннолетних детей, который присутствовал во всех странах на Балканах. Эмансипация женщин приводит к повышению уровня осознания нового способа воспитания детей в духе равенства полов и самостоятельности каждого молодого человека. Такое воспитание приводит к пониманию брака как результата самостоятельного выбора двух независимых лиц, без влияния внешних факторов семьи. Таким образом, модернизация общества ведёт к подавлению договорных браков. Следует отметить наличие в прошлом браков, которые заключались через посредника – «свахи», аналогию этому можно найти в современных брачных агентствах.

Традиционная свадьба может иметь три основных этапа: помолвка, свадебные приготовления и свадьба. Во время приготовления к свадьбе характерна подготовка подарков будущей невесты для членов семьи её жениха. Эти подарки могут быть разнообразны, но по-прежнему

неотъемлемой частью являются подарки ручной работы, показывающие умение невесты вязать, вышивать и т.д. Современная невеста сосредоточена исключительно на подготовке себя и своего внешнего вида в день свадьбы. Обмен подарками в некоторых районах всё ещё сохраняется, но на основе даров, которые ближайшие родственники молодожёнов преподносят друг другу как знак уважения и как современный вид прежнего наследия.

В деревнях до сих пор уважают обычай совершать помолвку как вид договоренности между семьями и дачи обещания между двумя молодыми людьми, особенно в Сербии. Часто жених и невеста тогда встречались в первый раз. В помолвке участвуют ближайшие родственники будущих молодожёнов, и всегда соблюдается символика нечётного числа. Одной из главных составляющих этого обычая является официальное предложение, которое семья жениха делает семье невесты. неотъемлемой частью этого события являются ракия² и каравай, которые сопровождают почти все важные события в жизни каждого человека (рождение, брак, смерть). Если мы посмотрим на сегодняшние современные свадьбы, то можем сделать современную параллель для этих элементов: шампанское и свадебный торт, которые, как полагают, переняты со свадеб Западной Европы (Guigova 2013, с.85).

Тем не менее, в некоторых районах Косова и Метохии был обычай «дачи задатка» до помолвки как какой-то вид соглашения между будущими молодожёнами. Этот обычай предполагает, что парень даёт деньги девушке в качестве своего рода своеобразного предложения о браке или заключения договора между будущими супругами³. Только во время помолвки девушке давали в подарок кольцо обручения. Сегодня именно это кольцо является символом договора будущих молодожёнов. Сам акт помолвки в наше время считается абсолютно интимным делом молодого человека и девушки, семья тут исключается, и ей только сообщают о том, что помолвка состоялась. Обручение молодого человека и девушки под влиянием голливудских модных тенденций обязательно должно быть романтичным и помпезным. Чтобы сохранить традиции, некоторые семьи в малых городах и сёлах балканских стран организуют традиционную помолвку, хотя символика такого действия оказывается тривиальной и без какого-либо значения.

Приглашение на свадьбу также претерпело трансформацию под влиянием западных тенденций. Раньше приглашение делалось лично, а в некоторых районах с соблюдением некоторых традиционных элементов (например, в Сербии – с факелом, украшенной бутылкой ракии, которая является символом приглашения). Сегодня гости приглашаются при помощи открыток, отправленных по почте, что также соответствует западным традициям.

Для организации свадеб сегодня выбирают только субботу или воскресенье. В Албании, например, «в соответствии с традицией, день свадьбы планировали на понедельник или четверг» (Xhemaj 2006, с. 17). Модернизация обусловила такую организацию жизни, особенно в городах, где все дни, кроме выходных, являются рабочими днями, поэтому суббота и воскресенье считаются единственными днями, когда гости могут участвовать в свадебных торжествах.

Бракосочетание реализуется между двумя гражданами, тем не менее, есть много участников со своими ролями в рамках свадебного обряда. Одним из наиболее важных фигур на свадьбе является кум, который участвует в самом обряде венчания. Кум (на македонском *кумът*, на албанском *vellum*) является самой важной фигурой в обряде венчания, и он символически «контролирует» брак, о заключении которого свидетельствует перед Богом. Кум в православных странах пользуется большим уважением. По традиции кумовство передается из поколения в поколение, кум на свадьбе, как правило, тот, кто крестил жениха, или (если его нет в живых), кумом становится его наследник мужского пола. Тем не менее, в последнее время кумовство возникает среди друзей, женихи сами выбирают своих кумовъев на основе личных дружеских отношений.

Таким образом, мы приходим к прерыванию традиционно нерушимых связей, старого кумовства, которое представляет элемент, объединяющий две семьи, которые не связаны кровными связями. Кума также является одной из ключевых фигур на свадьбе. Раньше кумой могла быть только жена самого кума, без какой-либо связи с семьёй невесты, однако западные влияния приводят к равноправию полов, так что и невеста выбирает себе куму (американская тенденция – *made of honor*). Наряду с изменением процесса выбора кума, изменилось и символическое значение этой фигуры. На современных свадьбах некоторые видные роли гостей полностью исчезли, например, старый сват – обычно дядя жениха (на болгарском: *старойко*; на македонском: *старейкот*) и *деверь* (младший неженатый брат жениха, или, если нет братьев, некоторые из родственников мужского пола, также неженатые).

Местом проведения свадьбы когда-то был дом семьи жениха, в некоторых случаях, и «двойной» свадьбы, невесты («женской свадьбы»), в то время как процесс модернизации привёл к переселению свадеб в рестораны и гостиницы, также под влиянием Запада. Нужно заметить, что в некоторых небольших городах и сёлах разных балканских стран продолжают сохраняться отдельные традиции и обычаи как желание сберечь дух нации.

Влияние процесса модернизации на национальные костюмы и музыку на свадьбах в балканских странах

Как сам свадебный процесс, так и сопутствующие элементы, такие, как народные костюмы и музыка, следовали тем же модным тенденциям Запада. Когда речь идет о стиле одежды невесты, то наблюдаются очень специфические трансформации. В настоящее время принято надевать свадебные платья белого цвета из дорогих материалов⁴. Прежние костюмы невесты были совершенно разные. Белый цвет присутствовал, но только в качестве своего рода основы для наряда. Белыми были платья или длинные рубашки, которые являлись частью и повседневных народных костюмов. Эта основа дополнялась красочными вышивками различных цветов⁵. Вместо сегодняшней фаты, девушки надевали головные уборы, часто очень богатые, украшенные вышивкой, монетами, металлическими украшениями. Современная обувь заменила прежние кожаные лапти. На самом деле, каждую модную деталь, каждый аксессуар прошлой традиции заменяют новые под влиянием модных тенденций на Западе. Сегодня во всех частях Балкан можно увидеть одинаковые платья на свадьбах в разных странах, в то время как раньше по специфике вышивки, по определённым частям народных костюмов, по доминирующим цветам можно было визуальным образом определить, о какой стране на Балканах идет речь. Все, о чем мы говорим, на самом деле легче всего проиллюстрировать следующим образом: *Конец девятнадцатого и начало двадцатого века*

Болгария

Македония

Сербия

Албания

Выбранные фотографии предполагают огромное разнообразие женских свадебных костюмов в разных балканских странах, но следует отметить, что разница была и между соседними деревнями одной и той же страны. Хотя было высказано предположение о том, что бесспорны взаимные аналогии в костюмах соседних стран Балканского полуострова, это очень далеко от уровня сегодняшней унифицированности не только свадебной, но и повседневной одежды. Сегодня почти неизбежно белое свадебное платье, которое ассоциируется со свадебным платьем из белого шелка британской королевы Виктории, в которое она была одета на своем венчании с принцем Альбертом (Howard 2006, с. 157–159).

На моду, как и на свадебную музыку, действуют глобальные изменения в этом регионе под влиянием западных стран. Обрядовые песни, которые сопровождали различные части свадебного обряда, утрачиваются. Национальные инструменты, такие, как *волынка*, *зурна*, *свираль*, *тапано*, *бубен* и другие, исчезают. Свадебное веселье проводится в сопровождении музыкальных ансамблей и популярной музыки, чей жанр изменяется в зависимости от тенденции и музыкального вкуса молодожёнов или их гостей.

Примечания

¹ Почти ежедневная фраза всех современных родителей это: «Закончи школу, получи работу, а потом женитьба / замужество».

² Традиционный сербский напиток, который получается в результате дистилляции различных фруктов. Подобный напиток присутствует и в других странах Балкан (албанское и турецкое раки), а точное происхождение не может быть определено достоверно. Исторические исследования показывают, что напиток был представлен туркам во времена Османской империи. Его подавали в трактирах с различными закусками, употребление ракии турецкая культура усвоила и перенесла на значительную территорию Османской империи.

³ Явление было зафиксировано в селе Граничане недалеко от Лепосавича на севере Косова и Метохии, в Сербии. В некоторых районах Сербии существует также обычай «давать деньги», но он относится к официальной помолвке, обручению невесты, то есть обычай, который совершается после «дачи задатка». В Албании существует традиция, когда парень даёт девушке монету «как знак помолвки» (Саро / Капо 2013, с.1).

⁴ Конечно, исключения всегда возможны, в зависимости от модных вкусов или финансовой ситуации молодожёнов.

⁵ Наиболее распространенный цвет был красный, который в народе ассоциируется со счастьем: «Красный на радость».

Литература:

1. Кулишић 1956 – Кулишић Шпиро (Кулишич Шпиро). Трагови архаичне породице у свадбеним обичајима Црне Горе и Боке Которске (Следы архаичной семьи в свадебных обычаях Черногории и в Которской бухте) // ГЗМ у Сарајеву - Историја и етнографија, нова серија, свеска XI (ГЗМ в Сараево - История и этнография, новая серия, том XI). Сарајево (Сараево). 1956. С.228-234.
2. Јанковић 1948 – Јанковић Даница; Јанковић Љубица (Јанкович Даница; Јанкович, Любича). Жена у нашим народним играма (Женщина в наших народных танцах) // Народне игре IV (Народные танцы IV). Просвета. Београд (Белград). 1948.
3. Михајловић 2015 – Михајловић Верица (Михайлович Верица). Друштвена маргинализација жена као манифест у оквиру народне традиције (Сагледавање положаја жене кроз разматрање њеног реалног позиционирања у оквиру народне игре) (Общественная маргинализация женщин, как манифест в рамках народной традиции (Рассмотрение положения женщины через её реальное положение в рамках национального танца)) // Баштина 38 (*Наследие 38*). Институт за српску културу. Приштина – Лепосавић (Институт сербской культуры. Приштина - Лепосавич). 2015. С. 161-173
4. Цветковић 2011 – Цветковић Соња (Цветкович Соня). Музика, мултикултурализам и концепт *geniusloci*: Балкански и медитерански топоси у звучном простору српске уметничке музике (Музыка, мультикультурализм и концепт *geniusloci*: Балканские и средиземные топосы в звуковом пространстве сербской авторской музыки) // Теме-часопис за друштвене науке Бр.4 (Темы – журнал общественных наук № 4). Ниш. 2011.
5. Шијаковић 2005 – Шијакович Иван (Шиякович Иван). Нова подручја сукоба између мушкарца и жене (Новые сферы конфликта между мужчиной и женщиной). *Теме (Темы)* 29/3. Ниш. 2005. С.323-334.
6. Сапо 2013 – Сапо, Ava Laboy (Капо, Ава Лабой). Wedding Traditions from Around the World (Свадебные традиции со всего мира). AuthorHouse. 2013.
7. Gasparini 1955 – Gasparini, Evel (Гаспарини, Евел). Nozze, societa e abitazione degli antichi Slavi (Свадьба, общество и дом древних Славян). Venezia: Istituto univ. di Ca Foscari. 1955.
8. Guigova 2013 – Guigova, Rozalia (Гуигова, Розалия). Anthropological Interpretation of Meaning of Ritual Objects in Contemporary Bulgarian Urban Wedding (Антропологическая интерпретация смысла ритуальных предметов в современной болгарской городской свадьбе) // Journal of Ethnology and Folkloristics (Журнал этнологии и фольклористики), Vol. 7 (1). Tartu Ülikool, Eesti Rahva Muuseum, Eesti Kirjandusmuuseum. PP.83-104.

9. Howard 2006 – Howard, Vicky (Хауард, Вики). Brides Inc.: American Weddings and the Business of Tradition (Американские свадьбы и бизнес традиции). Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2006.

10. Silverman 1989 – Silverman, Carol (Силверман, Кароль), Ethnicity, folklore, and cultural politics in Bulgaria (Этничность, фольклор и культурная политика в Болгарии), Eugene, Oregon: University of Oregon. 1989.

11. Xhemaj 2006 – Xhemaj, Ukë (Джемай, Укë). Wedding on Dukagjin plain (Свадьба на равнине Дукагджин) // Kosovar wedding European Heritage Days 2005 (Косовские свадьбы в Дни европейского наследия 2005). CHwB Kosovo office. Report Series. 4/2006.

References:

1. Kulishich 1956 –KulishichShpiro. Sledy arkhaichnoy sem'i v svadebnykh obychayakh Chernogorii v Kotorskoj bukhte // GZMvSarayevo – Istoriya i etnografiya, novayaseriya, tom XI. Sarayevo. 1956. S.228-234.

2. Yankovich 1948 – Yankovich Danitsa; Yankovich, Lyubitsa. Zhenshchina v nashikh narodnykh tantsakh // Narodnyye tantsy IV. Prosveta. Belgrad. 1948.

3. Mikhaylovich 2015 – Mikhaylovich Veritsa). Obshchestvennaya marginalizatsiya zhenshchin, kak manifest v ramkakh narodnoy traditsii (Rassmotreniye polozheniya zhenshchiny cherez yeye real'noye polozheniye v ramkakh natsional'nogo tantsa) // Naslediye 38. Institut serbskoy kul'tury. Prishtina - Leposavich. 2015. S. 161-173.

4. Tsvetkovich 2011 – Tsvetkovich Sonya. Muzyka, mul'tikul'turalizm i kontsept geniusloci: Balkanskiye i sredizemnyye toposy v zvukovom prostranstve serbskoy avtorskoy muzyki) // Temy – zhurnal obshchestvennykh nauk. №4. Nish. 2011.

5. Shiyakovich 2005 – Shiyakovich Ivan. Novyye sfery konflikta mezhdu muzhchinoy i zhenshchinoy // Temy. 29/3. Nish. 2005. S.323-334.

6. Capo 2013 – Capo, AvaLaboy. Wedding Traditions from Around the World. AuthorHouse. 2013.

7. Gasparini 1955 – Gasparini, Evel.Nozze, societa e abitazione degli antichi Slavi. Venezia: Instituto univ. di Ca Foscari. 1955.

8. Guigova 2013 – Guigova, Rozalia. Anthropological Interpretation of Meaning of Ritual Objects in Contemporary Bulgarian Urban Wedding// Journal of Ethnology and Folkloristics, Vol. 7 (1). Tartu Ülikool, Eesti Rahva Muuseum, Eesti Kirjandusmuuseum. PP.83-104.

9. Howard 2006 – Howard, Vicky. Brides Inc.: American Weddings and the Business of Tradition. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2006.

10. Silverman 1989 – Silverman, Carol. Ethnicity, folklore, and cultural politics in Bulgaria. Eugene, Oregon: University of Oregon. 1989.

11. Xhemaj 2006 – Xhemaj, Ukë. Wedding on Dukagjin plain // Kosovar wedding European Heritage Days 2005. CHwB Kosovo office. Report Series 4/2006.

Голугузова Н.И. (г. Орел, Российская Федерация)
Goliguzova N.I. (Orel, Russian Federation)

**Место и роль нравственных ценностей в процессе
межэтнического
и межгосударственного взаимодействия**

**The place and role of moral values in the process of inter-ethnic
and inter-state interaction**

Аннотация. Прирожденное нравственное чувство, воспитываемое в совместной жизнедеятельности людей моральное сознание выступают главными стабилизаторами духовной жизни личностей и социумов, служат своеобразной иммунной системой, предохраняющей межэтнические и межгосударственные взаимосвязи от энтропийного распада, от падения на лежащий ниже уровень бездуховного, животного существования. С функционально-ценностной точки зрения мораль действительно первоценность и общая основа для всей человеческой цивилизации – высшей и последней известной нам стадии эволюционного процесса.

Ключевые слова: моральные ценности, аксиология, этика, этнос, государство, политика, человек, личность, духовность.

Abstract. An Inborn moral sense, brought up in joint activity of people's moral consciousness, are the main stabilizers of the spiritual life of individuals and societies, serve as the immune system, preventing inter-ethnic and inter-state linkages from entropic decay, from falling to lying below the level of a soulless animal existences. With a functional-axiological point of view morality is really pervozdannost and a common basis for all human civilization – the highest and last known stages of the evolutionary process.

Key words: moral values, axiology, ethics, ethnicity, nation, politics, people, personality, spirituality.

Если проблема ценности является основной для аксиологии, то решение проблемы значения морали в жизнедеятельности людей есть пример ценностного подхода в этике. Ценностное сознание связано с выбором. Перед необходимостью выбора человек сталкивается уже на первых порах своей жизни. В ситуации выбора перед человеком стоит

задача признать ценностное преимущество одного из двух или из нескольких мотивов (побуждений).

По мере формирования и совершенствования человеческих обществ выбор теряет свою драматическую напряженность, потому что вся жизненная энергия и весь жизненный смысл утверждаются в предпочтении ценности. Для человека, живущего в современном мире, выбор перестаёт быть проблемой, поскольку нравственный путь выбирает не он, а те властные структуры, которые довлеют над ним. Порой ему кажется, что он самостоятельно обрёл источник подлинно этического осмысления бытия, жизненную устремленность и истину и тем самым предрешил все последующие частные выборы. Отсюда возникает столь уверенное осуждение внешней и внутренней политики ряда стран, находящихся в сложных отношениях с его государством.

Сегодня можно часто услышать мнение о том, что мораль не имеет первенствующего значения в жизни человека и общества. В современных условиях всеобщего духовного кризиса в общественном сознании всё более распространяется настроение морального нигилизма. «В обществе формируется специфическое, деформированное нравственное сознание не только у тех, кто совершил преступление, но и у всё большего числа законопослушных граждан. В неустойчивой, нестабильной социальной и правовой ситуации стираются различия между добром и злом, преступлением и сознательным следованием закону, процветают крайний индивидуализм, безразличие к делам общества» (Культура. Наука. Образование 2011, с. 23). В подобных условиях невозможно наладить добрососедские отношения не только с представителями других стран, этносов, но и сформировать крепкую внутригосударственную структуру связей между гражданами.

Традиционные духовно-моральные ценности, которые в прошлом были тесно связаны с религиозными верованиями, а потом – с идеалами социальной морали и содержали в себе такие общечеловеческие понятия, как патриотизм, коллективизм, альтруизм, трудолюбие, целомудрие и т.д., вытесняются индивидуальным и групповым эгоизмом, в лучшем случае – неким «разумным эгоизмом», якобы способным удовлетворить интересы всех. Теоретически это получило отражение в этике утилитаризма, прагматизма, предпринимательства, всевозможных приводящих к успеху технологий. При этом неизбежно переоценивается шкала моральных, эстетических, политических, мировоззренческих значений.

Традиционная точка зрения заключается в том, что в системе человеческих ценностей нравственность занимает совершенно особое место. Моральное сознание детерминирует поведение людей и их взаимоотношения – межличностные, групповые, социальные. Нравственный критерий применим в качестве оценочного основания ко

всем областям человеческой деятельности. Становление нравственных ценностей представляет собой длительный, сложный и противоречивый процесс. Любая активная форма человеческой деятельности нуждается в нравственных критериях оценки, отсутствие таких критериев или несоответствие им может свести на нет самые грандиозные успехи практической и научной деятельности, политики, экономики, идеологии.

Формирование нравственных ценностей как необходимого связующего звена между представителями отдельных этносов, социальных групп и государств знаменует собой переход от стихийных форм регулирования поведения и взаимоотношений к упорядоченным, сознательно регулируемым. Нравственные представления человека, формировавшиеся на протяжении многих веков, нашли отражение в таких категориях, как добро, справедливость, совесть, счастье, любовь, в конечном итоге это становится вопросом смысла жизни. По словам русского философа Е.Н. Трубецкого, «тут речь идет, очевидно, не о том, может ли жизнь (какова бы ни была её ценность) быть выражена в терминах общезначимой мысли, а о том – стоит ли жить, обладает ли жизнь положительной ценностью, притом ценностью всеобщей и безусловной, ценностью, обязательной для каждого» (Трубецкой 1998, с. 21). Для русского философа в мировоззренческих установках человека главную роль играет «общезначимая мысль о ценности» (Трубецкой 1998, с. 22), что ещё раз подчеркивает важность ценностных установок при мировоззренческом выборе человека.

Основополагающим и важнейшим аспектом мировоззренческого выбора современного человека является его ориентация в области этических смыслов и ценностей. Бытие открывается человеку как двойная очевидность, удостоверяющая его в том, что есть мир (окружающая среда, его страна, город, семья, коллектив и т.д.) и что его «я» существует в этом мире. Мир и «я» соединены не только физической, но и метафизической связью и воспринимаются самой личностью как нерасторжимое в пределах биографического времени бытие «я-в-мире». В этой нераздельности и неслитности бытия мира и бытия «я» заключается предпосылка ценностной ориентации человека в мире.

Отношение к себе и к миру личность определяет в таких самых изначальных и фундаментальных категориях, как категории «иметь» и «быть». Обе категории воспринимаются личностью как жизненная задача. «Иметь» и «быть» – это две важнейшие посылки, две основные категории, два вида самоопределения в общей онтологии личностного. Различаясь и связываясь друг с другом внешне и внутренне, друг друга взаимоисключая и взаимодополняя, эти две категории составляют основной стержень человеческого существования, двойную спираль тайны смысла личной и общечеловеческой жизни. Какие бы примеры ни

представляла история, речь идет о реализации этих двух принципов: «иметь» и «быть».

Задача «иметь» характерна для большинства представителей так называемых развитых стран. Она представляется как нечто очевидное, привлекательное, желанное, более доступное и осуществимое, чем базовая задача «быть», требующая умозрения и действия, связанного с напряжением и отдачей творческих сил. В отличие от эмпирически-горизонтального «иметь» задача «быть» носит идеально-возвышенный характер. На её основе зарождались человеческие цивилизации.

Категории «иметь» и «быть» соотносятся между собой, как царство нужды и необходимости с царством достоинства и свободы. Несмотря на свою недоступность и трудность, идеально-возвышенная задача «быть» никогда не забывается в повседневной человеческой жизни. Мир и блага мира суть ближайшие и очевидные ценности, которые желательны и которые поэтому важно или необходимо «иметь». Но личность как самосознающее себя «я» есть ни с чем не сравнимая, ни к чему не сводимая и ни на что не сменяемая данность, которая, несмотря абсолютно ни на что, должна следовать своему основному призванию «быть».

Рассматривая состояние человека в современном индустриальном обществе, Герберт Маркузе писал о том, что человеческая жизнь превращается в существование, когда индивиду навязываются стандартные, ложные потребности, которые Маркузе называет репрессивными. Тем самым человек лишается этико-аксиологической основы противостоять обществу, в котором главную роль играют задачи «иметь», а не «быть». Формируется модель одномерного мышления и поведения. Встаёт проблема, предполагающая ценностное суждение, суждение о том, «что человеческая жизнь стоит того, чтобы её прожить, или скорее может и должна стать таковой» (Маркузе 2002, с. 256).

Современная социальная ситуация показывает нам преимущественное стремление человека к тому, чтобы «иметь», которое является результатом сознательной ориентации личности в реальной жизненной плоскости и определяется привязанностью к потребительским ценностям. Подобную ориентацию личности Эрих Фромм назвал рыночной ориентацией, когда человек «утрачивает самоуважение и самооценку..., перестает воспринимать себя как независимое существо, забывает о понятии индивидуальности своей личности» (Фромм 2003, с. 110).

Судьба одних людей обусловлена преимущественно внешними объектами их интересов, судьба других – их собственной внутренней жизнью. Ориентация с преобладающим интересом к внешнему миру является экстравертивной установкой и определяет собой экстравертивный характер личности. Ориентация с преобладающим

интересом к внутренней жизни является интровертивной установкой и определяет собой интровертивный характер личности. Как интровертивный, так и экстравертивный характер можно встретить в реальной жизни и в описаниях художественной литературы. Всем известны те замкнутые, самоуглубленные и часто с трудом постигаемые натуры, которые составляют яркую противоположность натурам открытым, обходительным и приветливым. Нередко в одной и той же семье один ребенок обладает экстравертивным, другой – интровертивным характером. Обладая уживчивым или, по крайней мере, доступным характером, экстравертивная личность предпочитает не обременять себя чрезмерным углублением в проблему человеческих отношений. На её ясном и безоблачном горизонте нет и тени забот, тревог или сомнений. Она способна производить впечатление на окружающих и распространять на них своё влияние. Интровертивная личность в своей внутренней самоуглубленности и задумчивости, по-видимому, не проявляет особой заинтересованности не только чем-либо обладать, но и иметь внешний успех или что-либо из того, что ценится обычно среди людей.

Из приведённых различий, отмеченных в ориентациях на мир и на «я», можно предположить, что категории «иметь» и «быть» способны по-разному реализовывать себя в экстравертивной и интровертивной установках.

В экстравертивном характере, с его относительно высоким уровнем притязаний на межличностный статус, преобладающее значение приобретает категория «иметь». Человек ориентируется на данные, которые ему доставляет внешний мир: не только лица, но и вещи привлекают его интерес. Соответственно интересам его поступки обусловлены влиянием лиц и вещей. Приспособление к обстоятельствам – отличительная черта экстравертивно ориентированной личности. Предпочтительное внимание уделяется ею объектам внешнего мира и обладанию ими.

Если в системе ценностной ориентации доминирующую роль выполняет сознание и в основе отношения к жизни лежит экстравертивная установка, мы можем иметь типичный пример экстравертивного мыслительного характера. В своих крайне выраженных формах этот характер носит печать какого-то слепого, иррационального преклонения перед «принципом» и заключает в себе присутствие чего-то ограниченного, бездушного и бесчувственного. Человек этого типа придаёт не только самому себе, но и всему, что его окружает, аксиологическую значимость, вытекающую из им самим выработанной формулы, которой он измеряет добро и зло и определяет должное и недолжное. Правильно всё то, что соответствует этой формуле, неправильно то, что ей противоречит. Для человека экстравертивного мыслительного типа эта формула – мировой закон. Всё должно

совершаться не ради пользы и любви к человеку, а ради «принципа», во имя которого всех и всё нужно втиснуть в определённую схему. Чем вернее соблюдается принцип верности формуле, тем сильнее умерщвляется всякая жизнь, не соответствующая формуле. Тяжёлые последствия экстравертивной логической формулы испытывают, в первую очередь, ближайшие друзья и родственники её ревностного блюстителя, который сам чаще всего страдает от того, что у него подавлены все формы жизни, зависящие от эмоций. Однако последовательно и до конца этот принцип осуществляется редко. С помощью удобной умственной маскировки, представляющей собой наивный самообман, человек позволяет себе некоторое отступление от принципа и допускает смягчение формулы.

С другой стороны, доминирующее положение сознательно проводимого принципа, как уже было отмечено, ведёт к подавлению эмоций, которые уходят под порог сознания и затем обнаруживают себя в некоторых ситуациях. Их последующее неожиданное проявление в будущем останется для человека загадкой. Сознательный, иногда исключительный альтруизм нередко переключается с тайным, скрытым от самого человека эгоизмом: на бескорыстных с виду поступках лежит печать своекорыстия. Безотчетно действующий принцип «иметь» проявляет свою эгоистическую сущность: даже при самых чистых этических намерениях он приводит человека к такому результату, что открывается и становится ясной решающая роль иных мотивов, совсем не этических. Оказание какой-либо услуги или внимания может быть продиктовано желанием произвести эффект или стремлением подчинить кого-либо своему влиянию и зависимости. Там, где всё подчинено сознательно или бессознательно проводимому принципу «иметь», подлинного «быть» уже нет: личность не осуществляет, а лишь узурпирует достоинство принципа «быть», внешняя форма которого проявляется в тенденции, носящей эгоистическую окрашенность, в тенденции быть интересным и производить впечатление на окружающих.

Наиболее ярко стремление к реализации принципа «иметь», то есть стремление к обладанию вещами и внешними преимуществами, выражается в человеке, основную черту которого составляет ориентация на внешний, чувственно воспринимаемый мир. «Превалирует не какая-то отдельно взятая установка, а пустота, которую можно скорейшим образом заполнить желаемым свойством, пользующимся наибольшим спросом в данный момент» (Фромм 2003, с. 118). Это человек чувства, для которого ощущение жизни в её материальной конкретности означает полноту бытия. Он вовсе не должен быть человеком грубой чувственности. Напротив, он может дифференцировать своё ощущение до самой высокой степени эстетического восприятия, не изменяя своему принципу иметь объект и наслаждаться его обладанием. В обществе это

не отталкивающий человек, а наоборот, обладающий живой способностью к общению и тонким эстетическим вкусом. Он хорошо одевается, соответственно своим обстоятельствам, у него утончённый вкус принимать гостей, ему свойственно следовать комфорту, моде и преклоняться перед своим собственным правом обладать всеми возможными благами жизни. Его идеал – чувственно воспринимаемая действительность, и по отношению к ней он полон почтения. Но чем больше доминирует в нём чувственность, тем неприятнее становится этот тип. Он развивается или в грубого, стремящегося к наслаждениям эгоиста, или в скрупулёзного рафинированного эстета.

Не следует думать, что экстравертивная установка исключает возможность самоуглубления личности и погружение её в собственное переживание. Всякая личность способна мыслить категориями самооценки. Однако экстравертивно ориентированной личностью самооценка даётся с точки зрения окружающего её внешнего мира, в восприятии «другого» или «других». Экстравертивная личность мыслит себя как «я», но не в своей собственной оценке, а как это «я» является «другому» или «другим». Парадоксальным образом экстравертивная и эгоистически настроенная личность не живет своей настоящей жизнью, она рассеивается по объектам внешнего мира и забывает о своем самоформировании и становлении, о задании «быть».

Литература:

1. Культура. Наука. Образование 2011 – Культура. Наука. Образование: монография / Г.Ф. Назарова, С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, Т.В. Серегина. М.: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2011. – 248 с.
2. Маркузе 2002 – Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002. – 526 с.
3. Трубецкой 1998 – Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – 336 с.
4. Фромм 2003 – Фромм Э. Человек для себя. Мн.: «Харвест», 2003. – 352 с.

References:

1. Culture. Science. Education: monograph / G.F. Nazarov, S.I. Nekrasov, N.A. Nekrasova, T.V. Seregina. M.: Publishing House «Academy Of Natural History», 2011. – 248 p.
2. Marcuse G. Eros and civilization. One-dimensional man: a study of the ideology of advanced industrial society. – M., 2002. – 526 p.
3. Trubetskoy E.N. The meaning of life // Trubetskoy E.N. Selected works. Rostov-na-Donu, 1998. – 336 p.
4. Fromm E. Man for himself. Mn.: Harvest, 2003. – 352 p.

*Хохлова Е.И. (г. Орёл, Российская Федерация)
Khokhlova E.I.(Orel, Russian Federation)*

**Трактовка русского национализма в отечественной философии
«серебряного века» (на примере воззрений С.Н. Булгакова)**

**Interpretation of Russian nationalism in the domestic philosophy of
the "Silver Age" (based on the views of S.N. Bulgakov)**

Аннотация. В статье рассматриваются воззрения русского религиозного философа начала XX в. С.Н. Булгакова о национальности, национализме, специфике русского национализма. Выделяются подходы философа к решению указанных вопросов.

Ключевые слова: национальность, национализм, русский национализм, русская религиозная философия.

Abstract. The article examines attitudes of Russian religious philosopher of the beginning of the XXth century S. N. Bulgakov's about nationality, nationalism, specifics of Russian nationalism. Philosopher's approaches to the solution of these issues are highlighted in the articel.

Key words: nationality, nationalism, Russian nationalism, Russian religious philosophy.

Русская философия «серебряного века» – настоящий кладезь выдающихся прозрений, интереснейших и глубочайших идей, охватывающих, безусловно, весь спектр философского знания. Мыслители этого периода, называемого по праву «русским духовным ренессансом», проявили себя в богатейших по содержанию онтологических, этических, философско-антропологических, социально-философских, культурфилософских и иных размышлениях, войдя тем самым в сокровищницу мировой и отечественной философской традиции. Очевидно, что в философско-мировоззренческом плане все наиболее известные мыслители «серебряного века» являются религиозными философами, то есть, говоря словами С.Н. Булгакова, «ищут Бога разумом», мыслят отношения между Богом и миром с позиции веры в Абсолют и признания обусловленности сущего во всех его явлениях и процессах высшей божественной заданностью.

Несмотря на огромную разность и специфику философских интересов (экзистенциализм Н.А. Бердяева, софиология С.Н. Булгакова и т.п.), все религиозные мыслители «серебряного века» едины в своем убеждении о примате духовного начала над материальным, во мнении о том, что только с точки зрения религиозной веры можно рассматривать человека и мир его культуры.

Вопрос о русском национализме, его сущности, причинах и проявлениях является, несомненно, актуальным для отечественных религиозных философов «серебряного века». Эта актуальность коренится в осознании специфики культурно-исторического существования России в мире, в известном поиске «русской идеи», в традиционном для русской философии размышлении о национальном характере в свете его уникальности и во многом другом в контексте взаимоотношений общества и власти, в котором данная уникальность проявляла себя, на взгляд наших философов, историков, государственных и общественных деятелей, наиболее остро и наглядно. При этом ни один, пожалуй, из отечественных авторов не придавал идее русского национализма однозначно негативного содержания. Для иллюстрации сказанного обратимся непосредственно к работам одного из отечественных религиозных философов «серебряного века» – Сергея Николаевича (отца Сергия) Булгакова.

С.Н. Булгаков в работе «Размышления о национальности» (1910 год) предлагает относиться к данной проблематике как к проблематике философии культуры, будучи убежденным в том, что вопрос о национальном определении или самоопределении – это вопрос культуры человека и общества. Анализ культурно-исторического опыта национальной жизни, изучение её быта, нравов, учреждений позволит увидеть, как выражает себя та или иная нация, каковы её национальные чувства, как она относится к другим нациям. Однако, по Булгакову, проблема национальности имеет и глубокий метафизический смысл, заключающийся в поиске ответа на вопрос «что есть нация». И ответ на него лежит в области так называемой «метафизики нации», где спорят между собой, начиная с эпохи средневековья, два направления мысли. Первое идет от номинализма и проявляется в новейшей философии в позитивизме, эмпиризме, так называемом «трансцендентальном» идеализме, где «бытие исчерпывается непосредственной данностью состояний сознания, которая... облекается в символику общих понятий и суждений» (Булгаков 1993, с. 436). Это воззрение, по убеждению Булгакова, не даёт ответа на вопрос о сущности нации и национального, замыкаясь фактическим «препарированием» субъективного, весьма ограниченного, опыта национальности. Второе направление мысли, сторонником которого является сам отец Сергий Булгаков, идёт от средневекового реализма и выражается в современной философии в идеализме мистического толка, в спиритуализме, для которого нация есть некое «субстанциальное начало», «духовный организм», «национальный дух», а не простая «совокупность феноменологических своих обнаружений» (Булгаков 1993, с. 436-437).

Различия между этими двумя философскими подходами по отношению к нации Булгаков иллюстрирует с помощью следующего

сравнения: философ сопоставляет отношение к нации, к «отечеству» с отношением к матери и отцу. Для первого подхода (так называемого феноменологического) в этих отношениях речь идет о биологической наследственности, совместном быте, общих воспоминаниях и т.п. Для противоположного же подхода (реалистического, или спиритуалистического) в понимании Отечества, нации, национального заключается «тайна из тайн», «самообнаружение запредельного». Булгаков пишет: «Исходя из предпосылок мистического реализма, мы должны мыслить национальность как некоторое субстанциальное бытие, существующее прежде сознания и составляющее его бытийственный *grūus*. Мы сознаем себя членами нации, потому что мы *реально принадлежим* к ней как к живому духовному организму» (Булгаков 1993, с. 438).

Для религиозного философа Булгакова национальность в человеке задана по «определению Творца» и, соответственно, мы не можем ничего изменить по своему желанию в своей национальной сущности: «русскому нельзя переродиться в иностранца, хотя бы он был такой же француз в душе, как фонвизинская бригадирша» (Булгаков 1993, с. 439). Предзаданная Богом национальность распознается человеком через интуитивное переживание, мистический опыт, являясь, по сути, иррациональной сущностью. Булгаков пишет об «инстинкте национальности», который «переживается» как «мистическое влечение к своему народу», как род любви, которая находит себя в соборном единстве с другими людьми, объединёнными общим национальным духом. В процессе соответствующего национального воспитания данный инстинкт переходит в национальное самосознание, проявляющее себя в национальном творчестве. Национальное самоопределение порождает идею национального призвания – «национального мессианизма», который имеется у всех народов и представляет собой весьма сложное образование. По Булгакову, «национальный мессианизм» (очевидно, что в русском варианте речь идет о «русской идее») есть не только историческая миссия, высшая задача народа, но и осознание национальной индивидуальности, «любовь к своему народу и вера в него». В идеальном варианте «национальный мессианизм» воплощается в деятельности «святых» и «героев», людей праведных и верных в своём служении Родине и своему народу. Однако, замечает философ, во времена благополучные «национальный мессианизм» может трансформироваться в национальную исключительность, то есть «в то, что зовется обыкновенно национализмом» (Булгаков 1993, с. 445). Классический пример подобного рода Булгаков усматривает в еврейском национализме.

Русский философ убежден, что чувство национальной исключительности необходимо сдерживать, «держат в узде». Он

осуждает сознание особой национальной привилегированности, противопоставляя ему «национальный аскетизм», который выражается в обостренном чувстве ответственности за свою национальную активность, в особой требовательности не к другим народам, а прежде всего к себе, к своему народу.

Анализируя культурно-исторический путь человечества, Булгаков отмечает, что рост индивидуализма, распространение «рационалистического космополитизма» ведут к формированию таких тенденций национального сознания, как, с одной стороны, нравственное оправдание национального угнетения и, с другой стороны, «моральный бойкот» собственной национальности. Последнее явление философ видит в русском национальном сознании и объясняет его «духовной слабостью» русских, прежде всего, русской интеллигенции, считает данное явление несправедливым и ненормальным. При этом мыслитель ссылается на близкий ему по духу призыв П.Б. Струве: «Русские суть русские и имеют право и обязанность чувствовать себя русскими так же, как евреи чувствуют себя евреями» (Булгаков 1993, с. 447). Необходимо научиться уважать собственную национальность, не позволять себя унижать, притом, что и к другим национальностям нужно относиться так же. В этом видится философу смысл подлинного национализма.

Нации, согласно мысли Булгакова, не существуют без государства, которое по отношению к ним является, образно говоря, «историческим покровом». В истории государства воплощается национальный дух. Государство, его жизнь – это, по сути, выражение самостоятельности нации, её самостоятельное бытие в истории. Даже многонациональные по своему составу государства остаются национальными по своему происхождению и сущности, как, например, Россия. Булгаков пишет: «Россия ...остаётся и останется *русским* государством при всей своей многоплемённости даже при проведении самого широкого национального равноправия» (Булгаков 1993, с. 446). При этом «многоплемённость» государства создаёт большие сложности в его жизни, так как между различными нациями складываются не только отношения взаимопонимания и солидарности, но и отношения «соревнования, борьбы». В последнем случае обостряются национальные чувства, формируется сознание национальной исключительности, то есть национализм в самых худших его проявлениях.

Тем не менее, многонациональное государство есть некий «общий дом» для живущих в нём наций, которые должны это осознавать. И такое осознание тем выше, чем выше, по Булгакову, «политическая самодеятельность» различных наций в государстве, поскольку тем самым становится сильнее чувство ответственности за «общий дом», формируется «общегосударственный патриотизм». Такой патриотизм (национально-государственный эгоизм) в его жизненно-практическом

смысле представляет собой заботу наций о своем государстве и проявляется в реальных делах, связанных с его внутренним обустройством и обеспечением внешней безопасности.

Космополитизм русской интеллигенции рубежа XIX-XX веков Булгаков противопоставляет подлинному национализму, основанному на идее религиозно-культурного мессианизма. Космополитизм как «всенародность» в отличие от национализма как «народности» (глубокой и искренней любви к своему народу и веры в его культурные силы и творческие возможности) есть проявление внутренней духовной пустоты его приверженцев, «отсутствие здорового национального чувства», более того, нежелание видеть национальные проблемы и сложности межнациональных отношений. Русская интеллигенция, которая, как известно, поставила себя на службу народу не как национальной целостности, а как классовому явлению, тем самым уничтожила национальные проблемы, «растворила» их в классовой борьбе и её первостепенном социальном значении. Такая позиция Булгаковым отвергается, поскольку она ведет к отречению от Родины, формированию «бездомных, атомизированных «граждан» или «пролетариев всех стран» (Булгаков 1993, с. 336). У таких «пролетариев» «омертвляется» душа, политические и партийные задачи ставятся на первый план, подчиняя себе или вовсе игнорируя нравственно-культурное просвещение. Происходит своего рода, если можно употребить известное благодаря Х. Ортеге-и-Гассету понятие, «дегуманизация» – «дегуманизация» сознания, «дегуманизация» культуры. При этом также в качестве ещё одного, уже и не самого главного последствия распространения космополитизма среди интеллигенции важно отметить нежелание обременять себя поиском решений проблем межнациональных отношений, «сбрасывание с себя» многих трудностей, связанных с поиском практического решения национальных вопросов.

Подлинный национализм, по Булгакову, чужд идее «национальной исключительности», он должен основываться на силе нашей культурной традиции, на умении дорожить своим культурно-историческим творчеством, на искренней любви к родному и умении быть ему верным. В этом залог национально-культурного роста и процветания. Думается, что современные политики и идеологи должны внимательно ознакомиться с богатейшим наследием отечественной философской мысли в области размышления о национальности и принять его к сведению в разработке путей практического решения национальных проблем сегодняшнего дня.

Литература:

1. Булгаков 1993 – Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Булгаков С.Н. Сочинения. Т.2. С. 433-457.

2. Булгаков 1993 – Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Булгаков С.Н. Сочинения. Т.2. С. 302-342.
- 3.

References:

1. Bulgakov 1993 – Bulgakov S.N. Razmyshlenia on azionalnosti // Bulgakov S.N. Sochineniya. T.2. S. 433-457.
2. Bulgakov 1993 – Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo // Bulgakov S.N. Sochineniya. T.2. S. 302-342.

Родов Г.Д. (Комрат, Гагаузия, Республика Молдова)
Rodov G.D. (Comrat, Gagauzia, Republic of Moldova)

Роль трудов российских ученых В.А. Мошкова и В.В. Радлова в изучении истории гагаузов

The role of the works of Russian scientists V.A. Moshkova and V.V. Radlov in the study of the history of the Gagauzians

Аннотация. В работе уделено внимание выдающимся русским учёным-тюркологами, в ней описываются этапы жизни и научной деятельности ученых, посвятивших всю жизнь научному исследованию духовной культуры тюркских народов Российской Империи. Уделено внимание исследованию языка, фольклора и быта тюркских народов и особенно не изученного до них – гагаузов, переселившихся в конце 18 – начале 19 вв. в пределы России. О значении фундаментальных трудов по тюркологии В.В. Радлова и В.А. Мошкова в изучении истории малочисленного гагаузского народа.

Ключевые слова: гагаузы, Радлов, Мошков, духовная культура тюркских народов.

Abstract. This article focuses on the distinguished Russian turkologists, it describes their stages of life and scientific activities, devoting their lives to scientific research of the spiritual culture of the Turkic people in Russian empire. The attention is given to the language research, way of life and folklore of the Turkic people and the Gagauzians in particular, who resettled in Russia in the end of XVIII and the beginning of XIX century. Importance of the fundamental Turkic works of V. V Radlov and V. A. Moshkov in the study of indigenous Gagauzian minorities.

Key words: Gagauz, Radlov, Moshkov, spiritual culture of the Turkic people.

В этом году 25 марта исполнилось 163 года со дня рождения Русского ученого-этнографа, историка, члена Русского географического общества Мошкова Валентина Александровича. Своими трудами о

гагаузах В.А. Мошков оставил глубокий и яркий след в становлении изучения истории гагаузского народа. Собранные в ходе исследования языка, фольклора и происхождения этого народа материалы вызвали в начале XX в. большой интерес в исторической науке. Значителен и весом вклад Мошкова в гагазоведение, основоположником которого по существу он и является. В.А. Мошков был профессиональным военным и всю жизнь состоял на военной службе, но всё своё свободное время отдавал науке, где достиг значительных высот. В 1894-1895 гг. Мошков находился в Бессарабии, где собирал этнографический материал о гагаузах, здесь он впервые подробно изучил и описал духовную и материальную культуру гагаузов. Изучив быт, нравы и обычаи гагаузов Бендерского Уезда, Валентин Александрович совершает путешествие на Балканский полуостров, где тоже проживали тюркоязычные народы. В результате его научных исследований на свет выходят этнографические очерки «Гагаузы Бендерского Уезда» и «Турецкие племена на Балканском полуострове».

Генерал-лейтенант царской армии В.А. Мошков, открыв загадочный народ гагаузов, целиком посвятил себя его изучению. Фундаментальный труд генерала Мошкова «Наречия Бессарабских гагаузов» вышел в свет в 1904 г. в качестве 10-го тома многотомного издания В.В. Радлова.

Радлов В.В., немец по происхождению, является выдающимся российским ученым – тюркологом, этнографом и археологом, одним из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов России XIX в. За короткое время изучив разговорный тюркский язык, В.В. Радлов совершил более десяти поездок к алтайцам, телеутам, шорцам, кумандийцам, казахам, татарам, тувинцам, хакасам. В 1866 г. публикуется первый том его знаменитого труда «Обряды народной литературы тюркских племен» на тюркских языках с немецким переводом. За очень короткое время вышли в свет второй и третий том, это были выдающиеся по охвату лингвистического и фольклорного материала издания, которые сделали имя В.В. Радлова широко и хорошо известным в научном мире.

Другим изданием, не знавшим себе равных в тюркологии, является четырёхтомный «Словарь тюркских наречий», который до сих пор не переиздан. В этот сборник вошли 117 сказок, рассказов, легенд религиозного и мифического содержания, 68 анекдотов, 98 загадок, 271 пословица и поговорка, 50 песен и 11 четверостиший (маня). Тексты для этого сборника были собраны В.А. Мошковым в гагаузских селах Бессарабии и переведены им. Мошков же создал и первый в мире гагаузско-русский словарь. Труды В.В. Радлова и В.А. Мошкова нашли своё признание и практическое применение у тюркологов во всем мире. Необходимо отметить, что ценность их как исторических источников актуальна по сегодняшний день.

К сожалению, гагаузоведение как наука в Советское время была предана забвению, и только во второй половине XX в. усилиями тюрколога, профессора, член-корреспондента Академии Наук СССР Н.К. Дмитриева правительство СССР принимает постановление по обучению гагаузских детей на гагаузском языке. Это явилось началом возрождения самосознания у гагаузов, появления собственной интеллигенции, которая воспитала патриотов из народной среды, добившись автономии в начале 90-х годов. С обретением своей государственности – автономного территориального устройства «Гагауз Ери» в составе Республики Молдова – интерес к собственной истории, корням значительно вырос благодаря возможности изучения своей истории в школе, публикациям материалов и трудов по истории гагаузов в газетах и книгах. Усилиями гагаузских историков Д.Н. Танасогло, М.В. Маруневич, С.С. Курогло, С.С. Булгар широкой гагаузской общественности стали доступны материалы, собранные в конце XIX в. в гагаузских сёлах В. Мошковым.

В 2002 г. в связи с 150-летним юбилеем со дня рождения русского этнографа генерала В. Мошкова в гагаузском селе Этулия, где он провел долгое время, изучая гагаузов, были организованы международные научные Мошковские чтения. По итогам этого мероприятия был выпущен сборник статей «Этногенез и этническая история Гагаузов». Сборник был отпечатан и разослан во все учебные заведения автономии, что дало возможность учителям использовать эти материалы для преподавания истории родного края.

Образование собственной автономии способствовало развитию гагаузского языка, изучению своей истории, появлению своего университета, где студенты всех специальностей изучают как обязательную дисциплину «Гагаузский язык и культура», гагаузский язык используется также в преподавании обязательной дисциплины «История гагаузского народа». Студенты пишут курсовые и магистерские работы по истории гагаузов, используя как первоисточники работы выдающихся русских тюркологов В.А. Мошкова и В.В. Радлова, опираясь на них. С введением в 1998 г. во всех учебных заведениях автономии, начиная с 3-го класса, как обязательного предмета «История, традиции и культура гагаузского народа» значительно повысился интерес учащихся к предмету родной истории. Подготовкой и изданием этих учебных пособий занимается Научно-исследовательский центр им. М.В. Маруневич, который аккумулировал в своем составе ведущих историков и филологов, занимающихся научными исследованиями в области истории гагаузов и дальнейшего пропагандирования их в гагаузском обществе.

Литература:

1. Маруневич 1993 – Маруневич М.В. Правда о Гагаузском народе, как о самобытном этносе и его этнической территории. Комрат, 1993.
2. Мошков 1895 – Мошков В.А. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. Т. 13. Вып.2. «Этнографические гагаузские тексты». Казань, 1895. С. 70 -83.
3. Радлов 1904 – Радлов В.В. Образцы Народной Литературы Тюркских Племен «Наречия Бессарабских Гагаузов». Т.10. С-Петербург, 1904.

References:

1. Marunevich 1993 – Marunevich M.V. PravdaoGagauzskomnarode, kakosamobytnometnoseiegoetnicheskoyterritorii. Komrat, 1993.
2. Moshkov 1895 – Moshkov V.A. Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii. T. 13. Vyp.2. «Etnograficheskie gagauzskie teksty». Kazan, 1895.Str. 70 -83.
3. Radlov 1904 – Radlov V.V. Obrazcy Narodnoy Literatury Tyurkskikh Plemen « Narechiya Bessarabskikh Gagauzov». T.10. S-Peterburg, 1904.

*Леонтьева О.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Leontieva O.V. (Tiraspol,
The Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika)*

Основные характеристики политической элиты Приднестровья в контексте электорального цикла 2015-2016 гг.

Basic characteristics of the Pridnestrovien political elite in the context of the 2015-2016 electoral circle

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям развития политической элиты Приднестровья после парламентских выборов 2015 г. и президентских выборов 2016 г. Исследуются причины смены элиты, каналы рекрутирования политической элиты на современном этапе, её взаимосвязь с политическими партиями и другие аспекты.

Ключевые слова: политическая элита Приднестровья, рекрутирование политической элиты, политические партии, электоральный цикл.

Abstract. The following article deals with the peculiarities of the Pridnestrovien political elite's development after the parliamentary elections in 2015 and presidential elections in 2016. The reasons of elite's change, channels

of the political elite's recruitment at the present stage, its mutual cooperation with political parties as well as other aspects are studied in the article.

Key words: Pridnestrovie's political elite, political elite's recruitment, political parties, electoral circle.

В современных политологических исследованиях политическая элита традиционно выступает одним из основных субъектов политического процесса, неотъемлемым элементом процесса социально-политической организации и формирования устойчивых структур и взаимосвязей в обществе (Бухарин 2014, с. 60). Особое внимание политическая элита как предмет исследования в отечественной науке получила с распадом Советского Союза и либерализацией научных подходов.

При этом, как нам представляется, для целей теоретического и эмпирического изучения политической элиты как особого актора наиболее оптимален функциональный подход, при котором к политэлите относятся лица (группы лиц), непосредственно участвующие в выработке, принятии и реализации наиболее важных, стратегических государственных решений, в контроле за их исполнением или же влияющие на данные процессы. Такие аспекты, как параметры эффективности элиты, её моральные качества, уровень образования и др. влияют на эффективность элиты и в совокупности позволяют населению оценивать качество элиты, возможность привлечения её представителей к политической ответственности, в первую очередь в рамках регулярных, открытых, демократических избирательных процедур.

На постсоветском пространстве политические элиты традиционно играли определяющую роль в становлении новых независимых государств, причем, как правило, элита новых республик формировалась путем трансформации из прежней партийно-бюрократической номенклатуры, которая по мере укрепления собственных позиций занимала господствующее положение как в системе политической власти, так и в системе экономических отношений, в первую очередь прав собственности на природные ресурсы и имущественные комплексы.

Составной частью процесса формирования новой политической элиты была интеграция в нее на начальном этапе представителей некоторых иных социальных групп – в первую очередь творческой интеллигенции, особенно активно поддержавшей движения за независимость, которые нередко носили националистический характер.

Одновременно со становлением национальных политических элит в большинстве бывших союзных республик в некоторых из них возникали противоположные процессы, связанные с внутренним сопротивлением части населения, компактно проживавшего на части территории или имевшего собственную государственность в рамках республик Союза

СССР. Речь идет о феномене «самоопределившихся государств», возникших на постсоветском пространстве с распадом Советского Союза, где также происходили процессы становления и развития собственных политических институтов.

По нашему мнению, проблематика политической элиты самоопределившихся государств ещё в недостаточной степени исследуется в современной науке. Прикладной характер некоторых работ значительно опережает серьёзные теоретические исследования, что нередко приводит к абсолютизации роли политических элит в региональных процессах. Эта проблема усугубляется и тем, что функционирование политических элит в самоопределившихся государствах на постсоветском пространстве связано с неурегулированными региональными конфликтами, которые в силу повышенного внимания к элитам иногда рассматриваются как «конфликты элит» (Енин 2010, с. 12). Полагаем, что такой подход значительно упрощает суть конфликтов, делая акцент только на одной из его составляющих. В то же время такая ситуация свидетельствует об актуальности глубокого исследования проблематики политэлит в самоопределившихся государствах.

Приднестровье как одно из таких государственных образований заслуживает, как нам представляется, особого внимания. Это связано с тем, что, в отличие от других аналогичных республик (Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха), Приднестровье на момент распада СССР не имело собственной государственности и, соответственно, консолидированной политической элиты регионального уровня. Партийные органы в основном противодействовали формированию политических институтов в Приднестровье.

Кроме того, идея «национального возрождения», активно использовавшаяся при распаде Союза ССР властями Молдавии, в Приднестровье не встретила поддержки. Напротив, нарождавшаяся приднестровская политическая элита выдвинула тезис об интернациональном характере приднестровской государственности, а отсутствие межнациональных противоречий в Приднестровье, недопустимость доминирования какой-либо этнической группы стали одной из основ приднестровской государственности.

В связи с этим начальный период формирования приднестровской государственности позволяет, как нам представляется, сделать вывод о том, что в Приднестровье произошла не трансформация прежней номенклатуры в новую политэлику, а приход к власти контрэлиты, сформированной преимущественно за счет представителей предприятий промышленного комплекса. Именно промышленность составила ядро забастовочного движения 1989 г., а советы трудовых коллективов,

координировавшие деятельность бастующих, стали основой для формирования новой политической элиты.

Впоследствии политическая элита Приднестровья развивалась в рамках тенденций, присущих аналогичным политическим институтам большинства постсоветских республик. Во-первых, к началу 2000-х годов в Приднестровье произошел постепенный переход от постсоветской политэлиты к первым поколениям собственно приднестровской политической элиты. Централизация и концентрация государственной власти, усиление президентской вертикали в рамках перехода к президентской республике, произошедшего в 2000 г., создание однопалатного Верховного Совета, вместо существовавшего двухпалатного, и резкое обновление состава парламента в том же году стали неотъемлемыми элементами изменения приднестровской политической системы. При этом именно Верховный Совет, несмотря на президентскую форму правления в Приднестровье, становится одним из важнейших каналов рекрутирования политической элиты (через депутатский корпус и аппарат).

Во-вторых, постепенно приднестровская политическая элита становится более закрытой. В критериях отбора в местную политическую элиту усиливается значение таких факторов, как опыт совместной работы и (или) учёбы, географический фактор («землячество», долгое проживание в одной административно-территориальной единице), родственные и иные личные связи и т.п. Персональная лояльность становится одним из важнейших факторов при решении вопроса об инкорпорации того или иного лица в политэлиту.

В-третьих, с начала 2000-х годов стала отчетливо проявляться тенденция по интеграции крупного бизнеса в политику, что выражалось в постепенном отходе на второй план представителей промышленности, стоявших у истоков приднестровской государственности, и замещении их новой генерацией представителей бизнеса, пришедшего к необходимости лоббирования своих интересов через властные структуры.

В Приднестровье процесс институционализации участия бизнеса в политике связывают, как правило, с созданием в 2005 г. партии «Обновление», которая была преобразована из одноименного республиканского общественного движения, существовавшего с 2000 г. и уже тогда обеспечившего представительство своих интересов в Верховном Совете. Партия «Обновление», связываемая большинством местных и зарубежных экспертов с крупнейшим в Приднестровье финансово-промышленным холдингом «Шериф» (см.: напр., Коробов 2006, с. 3), на парламентских выборах 2005 г. получила большинство в приднестровском парламенте и с тех пор лишь усиливала своё представительство в законодательном органе.

Несмотря на постепенную смену поколений политической элиты Приднестровья, ряд факторов обусловил изменения в местной политической системе.

В частности, к концу 2011 г. срок пребывания на своем посту первого Президента Приднестровья составил 20 лет. Население устало от несменяемости первого лица государства, с молодым и амбициозным кандидатом Е. Шевчуком, в 2005-2009 гг. занимавшим пост Председателя Верховного Совета, председателя партии «Обновление», а затем покинувшим эти посты в результате острого внутривластного кризиса, избиратели связывали надежды на изменение ситуации. Со стагнацией во внутренней политике население связывало и высокий уровень коррупции (Пинчук 2012, с. 4).

Кроме того, мировой экономический кризис и неблагоприятные внешнеторговые условия привели к снижению уровня экспортной активности Приднестровья, падению уровня благосостояния населения.

Наконец, с 2008 г. начинается этап противостояния между президентом и парламентом Приднестровья, который вплоть до президентских выборов 2011 г. характеризовался как «период внутривластного перетягивания каната и выжидания» (Степанов 2015, с. 113).

В итоге Е. Шевчук, демонстративно подвергший критике и исполнительную власть во главе с Президентом Приднестровья, и крупный бизнес в лице бывших коллег по партии «Обновление», сумел в глазах избирателя дистанцироваться как от «старой власти», так и от крупного бизнеса и аккумулировать тем самым протестный электорат. Благодаря этому по итогам второго тура в декабре 2011 г. Е. Шевчук был избран новым президентом, а его приход к власти ознаменовал масштабную смену поколений в приднестровской политической элите.

Придя к власти, Е. Шевчук и его «команда» продолжили следовать тем же тенденциям в развитии приднестровской политической элиты, которые сложились до его прихода к власти. При этом значение такого фактора, как личная лояльность, существенно возросло.

Вместе с тем, данная генерация приднестровской политэлиты в силу ряда объективных и субъективных факторов оказалась неспособна к выполнению базовых функций любой политической элиты, в первую очередь лидерской, стратегической, консолидирующей и других. В частности, политэлита Приднестровья не смогла адекватно отреагировать на изменение внешней ситуации, включая негативную динамику на мировых рынках и украинский кризис. В управленческих институтах наблюдалась постоянная кадровая «чехарда», усугублявшаяся неготовностью новых руководителей адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Значительно возросло давление на малый и средний бизнес, в то время как в отношении крупного бизнеса, который

выступал предвыборной «мишенью», серьезных практических действий не предпринималось.

Начавшийся в 2015 г. электоральный цикл в таких условиях ознаменовался усугублением внутривнутриполитического и внутриэлитного кризиса.

Основное противостояние развернулось по линии президентской вертикали и партии «Обновление», которая, контролируя парламентское большинство, являлась объектом жёсткой критики со стороны президента. Итогом выборов стала убедительная победа тех кандидатов, которые в той или иной степени демонстрировали лояльность холдингу «Шериф» или напрямую им поддерживались, а также критиковали исполнительную власть (несмотря на то, что риторика кандидатов, поддерживаемых исполнительной властью, была значительно агрессивнее).

Мы полагаем, что динамика развития внутривнутриполитических и внутриэлитных процессов на начальном этапе приднестровского электорального цикла 2015-2016 гг. воспроизвела в значительной степени две модели, получившие распространение на постсоветском пространстве.

Президентская вертикаль стремилась действовать по условной российской модели, когда политическая власть является основной целью внутривнутриполитической борьбы и уже с её помощью реализуются иные интересы, в т.ч. в сфере бизнеса.

«Обновление», напротив, пыталось воспроизвести украинскую (молдавскую) модель, когда политическая власть являлась главным образом не целью, а средством сохранения и реализации интересов крупного бизнеса, различных бизнес-групп, которые делегируют во власть своих представителей.

Однако уже ко второй фазе электорального цикла «Обновление», сторонники которого получили в Верховном Совете конституционное большинство, стали рассматривать политическую власть как конечную цель институционализации своих интересов, своей вовлеченности в приднестровский политический процесс.

Президентский сегмент приднестровской политической элиты (по сути – политическая элита в узком смысле) вплоть до конца 2016 г. стремился обеспечить видимость социально-экономического благополучия посредством жёстких монетарных механизмов – к примеру, искусственное поддержание стабильного курса приднестровского рубля к доллару США на протяжении нескольких лет, в то время как валюты всех сопредельных государств, а также России, прошли через дефляционные процессы. Стремление избегать инфляционного давления было названо в качестве одного из обоснований для «тяжёлого, но неординарного и вынужденного решения» сократить выплаты бюджетникам. Интересы

населения были поставлены на второе место. Характерно, что на втором этапе электорального цикла, весной-летом 2016 г., стороны внутриэлитного противостояния поменялись ролями: с марта 2016 г. Верховный Совет выступал против ослабления курса приднестровского рубля, в то время как президентская вертикаль настаивала на девальвации. Очевидно, что в этом также прослеживалась логика избирательной кампании: парламентское большинство, которое поддержало своего кандидата на президентских выборах в лице спикера парламента В. Красносельского, стремилось «не допустить обнищания народа», в то время как президентская вертикаль, понимая сложности с курсообразованием, пытается набрать очки за счет борьбы с «чёрным рынком» валюты и поддержки экспортёров, которым выгодна слабая национальная валюта.

На этом фоне, с учетом крайне непопулярных решений приднестровского руководства об удержании 30% выплат бюджетникам начиная с марта 2015 г., в обществе усиливалось недовольство действиями местной политической элиты.

Неслучайно уровень доверия Президенту в апреле 2016 г. составил 16,5%, правительству – 15,2%, новому составу Верховного Совета – 21,8%¹.

Заключительный этап электорального цикла – президентская кампания 2016 г. – характеризовался жёсткой риторикой двух основных кандидатов – Президента Приднестровья Е. Шевчука и Председателя Верховного Совета В. Красносельского. Е. Шевчук активно эксплуатировал тезис о необходимости борьбы с «монополией» в лице «Обновления», говорил о катастрофической ситуации экономики на момент его прихода к власти и т.д. В. Красносельский жёстко критиковал коррупционную составляющую в деятельности власти, резко отзывался о функционировании «серых схем» в приднестровской экономике, делал акцент на наличии подготовленной, профессиональной команды и т.д.

При этом каждый из основных кандидатов активно апеллировал к российской стороне, пытаясь продемонстрировать, что Москва поддерживает именно его. Е. Шевчук и его сторонники подчёркивали значительный объём российской поддержки, которая оказывалась в рамках социальных проектов, которые курировал Заместитель Председателя Правительства России, Специальный представитель Президента РФ по Приднестровью Д. Рогозин. В свою очередь, В. Красносельский проводил многочисленные мероприятия в рамках межпарламентского сотрудничества, в первую очередь по линии приднестровской партии «Обновление» и «Единой России», имеющих прямые соглашения о взаимодействии. Кроме того, В. Красносельский и «Обновление» сыграли значительную роль в достижении «Единой Россией», включая кандидатов-одномандатников, высоких результатов во

время выборов в Государственную Думу РФ. Тем самым подтвердилась ещё одна отличительная черта приднестровской элиты: её лояльность России, а также стремление использовать российский фактор для разрешения внутриэлитных противоречий или в рамках борьбы за власть.

Российское экспертное сообщество разделилось. Высказывалось, к примеру, мнение, что отдельные сегменты, представленные в крупном бизнесе Приднестровья, ведут разрушительную и деструктивную работу по подрыву властной вертикали (Сергеев 2015, с. 76). Впрочем, такие высказывания носили отчётливый предвыборный характер и вряд ли отражали реальную позицию российской стороны относительно различных сегментов приднестровской политической элиты.

Избирательный цикл в Приднестровье завершился убедительной победой уже в первом туре президентских выборов Председателя Верховного Совета В. Красносельского. По итогам выборов он сформировал новое правительство, сохранив при этом лояльность Верховного Совета, в котором большинство по-прежнему осталось за «Обновлением» и его симпатизантами. По сути, снятие основных противоречий между законодательным и исполнительным секторами приднестровской политэлиты, достигнутое по итогам завершившегося электорального цикла, знаменует собой завершение внутривнутриполитического кризиса, начавшегося в 2008 г.

Основными отличительными чертами политической элиты Приднестровья на современном этапе можно считать следующие:

1. Высокая степень интеграции представителей крупного бизнеса в высшие органы государственной власти. Многие представители центральных органов исполнительной и законодательной ветвей власти имеют опыт работы в структурах холдинга «Шериф», партии «Обновление» и иных структурах, в той или иной степени связанных с крупным бизнесом. В итоге крупный бизнес стал ключевым каналом рекрутирования приднестровской политической элиты.

2. В числе каналов рекрутирования политэлиты Приднестровья стала востребованной такая разновидность традиционного рекрутирования, как опыт совместной работы в рамках Кабинета Министров во главе с первым президентом Приднестровья И. Смирновым, в котором В. Красносельский занимал должность Министра внутренних дел. Кроме того, наблюдается возвращение в правящий сегмент политической элиты ряда лиц, непосредственно связанных с первым президентом, хотя и не имевших до этого прямого контакта с нынешним президентом. В значительной мере это объясняется тем, что из-за крайне непопулярных решений Е. Шевчука в социальной сфере период президентства И. Смирнова стал восприниматься с ностальгией, а поддержка И. Смирновым В. Красносельского во время предвыборной кампании оказала значительную помощь последнему.

3. Усиление «удельного веса» выходцев из МВД в структуре приднестровской политэлиты.

4. Сохранение в составе действующей политической элиты некоторых представителей команды Е. Шевчука.

5. Стремление к максимально тесной интеграции с политической элитой России.

6. Формирование нового канала рекрутирования за счет членов Центральной избирательной комиссии. Большинство в Центризбиркоме составляли лица, назначенные парламентским большинством или большинством в местных советах, оппозиционным Е. Шевчуку. После избирательного цикла многие члены ЦИК, назначенные в данном формате, заняли руководящие посты в центральных и местных органах исполнительной и судебной власти.

Таким образом, на данном этапе в развитии приднестровской политической элиты можно говорить, что крупный бизнес обеспечил своё представительство в основных органах власти, по сути, взяв на себя ответственность за дальнейшее развитие Приднестровья вплоть до следующего электорального цикла.

Примечания

¹. Исследование проводилось 11-14 апреля 2016 г. кафедрой социологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко во всех административно-территориальных единицах Приднестровья.

Литература:

1. Бухарин 2014 – Бухарин С. Н., Малков С. Ю. Эволюция элиты (материалы и исследования) / С.Н. Бухарин, С.Ю. Малков. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014.

2. Енин 2010 – Енин Е.В. Обеспечение национальных интересов Украины в процессе урегулирования приднестровского конфликта / Е.В. Енин. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Киев: Национальный институт проблем международной безопасности при СНБОУ Украины, 2010.

3. Коробов 2006 – Коробов В., Бянов Г. Обновление Приднестровья / В.К. Коробов, Г.Н. Бянов. Херсон : Надднепряночка, 2006.

4. Пинчук 2012 – Пинчук А. Концепция критики приднестровской власти / А. Пинчук // НП «ПРОГНОЗ». 2012. № 1 (май). С. 4-6

5. Сергеев 2015 – Сергеев А.Л. Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности / А.Л. Сергеев. М.: РИСИ, 2015

6. Степанов 2015 – Степанов В.П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989-2014 гг.) : моногр.: научное изд. / В.П. Степанов. М., Тирасполь: Рос. ин-т стратег. исслед.; Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2015

References:

1. Bukharin 2014 – Bukharin S.N., Malkov S.Y. Evolutsia elity (materialy i issledovaniia) Evolution of elite: materials and studies. М.: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2014.

2. Enin 2010 – Enin E.V. Obespechenie natsional'nykh interesov Ukrainy v protsesse uregulirovaniia pridnestrovskogo kofliкта The provision of Ukraine's national interests in the Transdnestrian conflict settlement process. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Kiev: Natsionalnyi institut problem mejdunarodnoi bezopasnosti pri SNBOU Ukrainy, 2010.

3. Korobov 2006 – Korobov V., Bianov G. Obnovlenie Pridnestrovia The renewal of Transdnestria. Kherson: Naddneprianchka, 2006.

4. Pinchuk 2012 – Pinchuk A. Kontseptsia kritiki pridnestrovskoi vlasti The concept of critics of Transdnestrian authorities. NP "PROGNOZ". 2012. no. 2. PP. 4-6

5. Sergeev 2015 – Sergeev A.L. Pridnestrovia segodnia: problemy i perspektivy jiznedeiatelnosti Transdnestria today: the problems and perspectives of current life. М.: RISI, 2015.

6. Stepanov 2015 – Stepanov V.P. Etnopoliticheskoe konstruirovaniie grajdanskoi identichnosti na dvukh beregakh Dnestra (1989-2014) Ethno-political construction of civil identity on two banks of the Dniester river (1989-2014). Monogr., naucnoe izd. М., Tiraspol: Ross. in-t strateg. issled., Pridnestrovskii gos. un-t im. T.G. Shevchenko, 2015.

*Коренев Д.М. (г.Орел, Российская Федерация)
Korenev D.M. (Orel, Russian Federation)*

**Народный костюм как средство политического
манипулирования
(на примере Украины)**

**Folk costume as a means of political manipulation
(on the example of Ukraine)**

Аннотация. Статья посвящена изучению украинского опыта включения элементов народного костюма в процесс формирования

национальной идентичности граждан и его политическим и культурным последствиям.

Ключевые слова: вышиванка, нация, примордиализм, дресс-код.

Abstract. This article focuses on studying the Ukrainian experience of including elements of a folk costume into the nation-building process and its political and cultural consequences.

Key words: vyshyvanka, nation, primordialism, dress-code.

Нет необходимости доказывать тот факт, что народный костюм является одним из основных средств демонстрации этноконфессиональной идентичности. Неудивительно, что в условиях, требующих формирования или существенной трансформации модели национально-государственного строительства, интерес к этому объекту материальной культуры возрастает. В одночасье предметы народной одежды, ушедшие в прошлое и являвшие собой до этого исключительно иллюстрацию повседневного быта, становятся не только символами происходящих перемен, но и средством политического манипулирования.

Встав на путь суверенного строительства государственности, республики бывшего СССР должны были решить несколько весьма важных задач. Прежде всего, это вопросы сохранения и трансляции исторической памяти, что является важным компонентом для выстраивания идеологической парадигмы. В скором времени политические декларации дали понять, что строительство новых государств определяется понятиями «десоветизация» и «дерусификация». Молодыми государствами была взята так называемая примордиалистская модель в национальном и политическом строительстве. В её основе лежит поддержание национальной идентичности через межэтнические конфликты. Чем сильнее конфликт, тем крепче братство по крови. В этих условиях формирование наций в этих государствах неизбежно должно было пойти и в конечном итоге пошло по пути отождествления терминов нация и этнос. В таких условиях национальная культура воспринимается «приютом духовного противостояния», а национальный костюм, который «в современном значении... связан с одеждой коренных жителей» как средство, способное «сохранить и пронести через столетия национальное самосознание и самоуважение» (Культура Литвы // www.olitve.ru/kultura-litvy/ (дата обращения: 02.04.2017)). Однако отметим, что процесс институционализации народного костюма в качестве национального начался довольно поздно (в 2015-2017 гг.) и в настоящее время охватил 7 государств: Молдову, Украину, Беларусь, Казахстан, Литву, Азербайджан и Грузию. Наиболее ярким этот процесс оказался в Украине.

В 2006 г. на фоне очередного политического кризиса студентка факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета имени Ю. Федьковича Леся

Воронюк подала идею проведения акции «Всемирный день вышиванки». Активисты призвали в этот день всем прийти в сорочках, расшитых традиционным орнаментом. «Это важно сейчас для самоидентификации, кто мы и для чего мы, и какова наша ответственность перед страной», – заявила организатор акции (День вышиванки станет масштабным международным праздником. //24tv.ua/ru/den_vyshivanki_stanet_masshtabnym_mezhdunarodnym_prazdnikom_n674766 (дата обращения: 04.04.2017)). Однако к тому времени появление в вышитой народной сорочке уже имело не только культурный, но и политический подтекст. Ещё с конца XIX в. эта деталь украинского народного костюма стала способом манифестации украинской идентичности в среде интеллигенции. В XX столетии вышиванка то оставалась сугубо этнографическим явлением, то благодаря Н.С. Хрущёву входила в повседневность. Новая страница в истории этого предмета народной культуры связана с событиями Майдана 2004 г. и дальнейшими политическими процессами. Они вновь вывели вышиванку «за пределы этнофестивалей и музейных экспозиций» (Вышиванка — одежда политическая //day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/vyshivanka-odezhda-politicheska (дата обращения: 03.04.2017)). Началось её становление как «одежды политической» уже в независимой Украине.

Идею Международного дня вышиванки поддержало руководство Украины в лице президента В. Ющенко, чья страсть к собиранию предметов украинского традиционного быта хорошо известна. Вступив в должность, он сознательно нарушает дресс-код, принятый для официальных лиц. Это касалось не только дней праздничных, но и официальных мероприятий, связанных с историческим прошлым Украины (например, участие в церемонии почтения памяти жертв тоталитарного режима на территории Национального заповедника «Быковнянские могилы» в мае 2007 г.). В вышитых сорочках появлялся сам президент и его семья. Считая, что «всё украинское сегодня в очень сложном положении» (Ющенко вынужден признать существование «русского мира» на Украине //www.vz.ru/world/2016/8/15/826917.html (дата обращения: 06.04.2017)), он популяризирует традиции, опираясь и на вполне административные методы, пусть и выраженные в шутовском тоне. В своей речи по случаю открытия дней Сорочинской ярмарки Ющенко выразил сожаление, что чиновники отмечают праздник не в вышиванке и попросил, чтобы «они сняли галстуки и праздновали как все люди» (Ющенко считает, что без галстука министр может стать человеком //www.pravda.com.ua/rus/news/2005/08/17/4391089/ (дата обращения: 07.04.2017)). В ответ чиновники сняли галстуки.

Надо сказать, что Ющенко был равнодушен к казачьей теме. Он заявлял, что его предки из Сумской области имеют казачьи корни, а

вышиванку характеризовал как «украинский казацкий костюм» (Ющенко поблагодарил мэра Брюсселя за «Писающего мальчика» в вышиванке [//www.unian.net/politics/277520-yuschenko-poblagodaril-mera-bryusselya-zapisa-yuschego-malchika-v-vyshivanke.html](http://www.unian.net/politics/277520-yuschenko-poblagodaril-mera-bryusselya-zapisa-yuschego-malchika-v-vyshivanke.html) (дата обращения: 10.04.2017)). Отметим и тот факт, что чаще всего президента видели в вышиванке, характерной для Полтавщины. Так что не исключено, что идея возрождения украинского национального самосознания подразумевалась через привязку вышиванки к образу казака, тем более, что казачья одежда уже была институционализована в государственной символике прежним президентом Л. Кучмой. Его заслугой было введение новой парадной униформы для Батальона Почётной гвардии 1-го Отдельного полка Президента Украины. За небольшими исключениями (вместо двуглавого герба – «трезубец») она полностью копировала униформу Лейб-Гвардии Черноморской казачьей сотни по состоянию на 1812 г., что у многих вызвало недоумение. Ющенко менять её не стал. Но на фоне такого антипатриотичного копирования символов имперской России он, со своей идеей придать национальный колорит Украине, по праву заслужил ту характеристику, которую ему дала известная своими скандальными выступлениями депутат О.В. Белозир. В 2008 г. в интервью изданию «Сегодня» она сказала: «Ющенко – первый украинский президент. Именно президент начал моду на украинское. Это он нас, украинцев, одел в вышиванки» (Главной заслугой Ющенко Белозир назвала популяризацию вышиванок [//www.segodnya.ua/ukraine/hlavnoj-zacluhoj-jushchenko-bilozir-nazvala-populjarizatsiju-vyshivanok.html](http://www.segodnya.ua/ukraine/hlavnoj-zacluhoj-jushchenko-bilozir-nazvala-populjarizatsiju-vyshivanok.html) (дата обращения: 09.04.2017)). Не заставила себя ждать и реакция протеста. Годом ранее, выступая с трибуны Верховной Рады по вопросу досрочных парламентских выборов, член парламентской фракции от Партии регионов А. Герман заявила, что «сильные Президенты не угрожают одной части Украины лишь потому, что у нее нет традиций носить вышиванки» (Герман не позволит Ющенко одеть всю Украину в вышиванки [//ua-inform.com/ru/politics/2007/09/04/herman](http://ua-inform.com/ru/politics/2007/09/04/herman) (дата обращения: 10.04.2017)).

Как мы можем заметить, культурная акция сразу была переведена в политическую плоскость, а предмет народной культуры в политический символ и, что более тревожно, маркер «украинскости». Последнее наглядно проявилось в момент смены руководства страны. В 2010 г. политтехнолог С. Гайдай, размышляя по поводу будущего официального портрета президента В. Януковича, заявил: «Я бы сфотографировал Януковича в вышиванке. Она добавила бы ему украинскости» (На президентском портрете Янукович будет в вышиванке? [//gazeta.ua/ru/articles/life/_na-prezidentskom-portrete-anukovich-budet-v-vyshivanke-foto/326884](http://gazeta.ua/ru/articles/life/_na-prezidentskom-portrete-anukovich-budet-v-vyshivanke-foto/326884) (дата обращения 13.04.2017)). Общественность понимала, что Янукович выходец из той части Украины, где «нет

традиций носить вышиванки», и поэтому как некий политический троллинг можно расценивать факт обращения с открытым письмом к президенту организаторов Дня вышиванки – студентов г. Чернавцы. «В письме мы призвали его также сегодня пойти на работу в вышиванке. Но ответа так и не получили. Будем надеяться, что в вечерних новостях нам покажут, что Виктор Федорович таки пришел на работу в вышитой рубашке» (Студенты призвали Януковича прийти на работу в вышиванке //korrespondent.net/ukraine/events/1062641-studenty-prizvali-yanukovicha-prijti-na-rabotu-v-vyshivanke (дата обращения: 06.04.2017)). Не исключено, что активисты намекали на сорочки, которые ему были подарены во время его пребывания на Западной Украине.

Во время визита в качестве кандидата в президенты Украины в города Ивано-Франковск и Львов Янукович получил в подарок от горожан две вышиванки. В одном случае сорочку преподнесла жительница Старосамборского района Львовской области Анна Дюс со словами: «Дарю вам как мать своему сыну дарит сорочку-оберег» (Во Львове Януковичу подарили вышиванку //korrespondent.net/ukraine/politics/1028325-vo-lvove-yanukovichu-podarili-vyshivanuku (дата обращения: 11.04.2017)). Здесь мы видим не только напоминание на раннюю утрату Януковичем родной матери, но и коннотацию с образом матери-родины. Отдельного внимания заслуживает подарок из Ивано-Франковска. Сообщалось, что перед тем, как вручить сорочку Януковичу, её освятили в храме. Однако не все СМИ сообщили, что в Ивано-Франковске нет храмов канонической Украинской православной церкви Московского патриархата. Таким образом, вероятнее всего, что сорочку Януковича освятили либо раскольники из Киевского патриархата, либо греко-католики. Тогда кандидат пообещал, что, став президентом всей Украины, он обязательно будет носить эти сорочки и «хранить их возле сердца» (Во Львове Януковичу подарили вышиванку //korrespondent.net/ukraine/politics/1028325-vo-lvove-yanukovichu-podarili-vyshi-vanku (дата обращения: 11.04.2017)). Однако официальных фотографий Януковича и его семьи, одетыми в вышиванку, в СМИ не встречалось. Более того, первой леди Украины публично посоветовали не надевать народную одежду, поскольку «украинские костюмы и всякий намёк на этнику сделают её смешной, а не элегантной, как Катерину Ющенко», – откровенно по-хамски заявил дизайнер Ю. Варивода (Будущей первой леди Людмиле Янукович посоветовали не одевать вышиванок //ru.tsn.ua/ukrayina/pervoi-ledi-lyudmile-yanukovich-posovetovali-ne-odevat-vyshivanok.html (дата обращения: 05.04.2017)). Заметим, что речь идёт не только об украинском, но и вообще о любом народном костюме. Как и в словах С. Гайдая, здесь можно увидеть намек на пророссийскую ориентацию нового президента.

Парад вышиванок традиционно проходил в День независимости Украины, что дополнительно делало элемент народной одежды политическим символом и маркером принадлежности к нации по этническому признаку. Однако в 2015 г. эта дата была изменена. Организаторы объявили, что основная цель проведения достигнута, поскольку вышиванка вышла за пределы музейных экспозиций и стала не только праздничной, но и повседневной одеждой для многих украинцев. В связи с этим формат празднования в виде парада в День независимости был приостановлен. В 2016 г. власти Украины объявили о введении праздника **Всеукраинский День национального костюма** (празднуется в третий четверг мая). Нам кажется, что мотивация переноса праздника была несколько иной, чем та, о которой заявили организаторы. Трагические события на Украине показали, что построение нации по этническому признаку чревато самыми негативными последствиями. Русскоязычная часть Украины, её татарское коренное население в Крыму не желало принимать в качестве обязательных маркеры национальной принадлежности, опирающиеся даже не столько на общеэтнические украинские, сколько на региональные элементы в украинском костюме. (Напомним, что инициатором движения были западные и юго-западные регионы Украины.) Как им манифестировать свою принадлежность к нации, если у них есть свой региональный костюм? Во-вторых, к указанному времени вышиванка становится символом не столько объединения (как, может, того и хотел В. Ющенко), сколько объектом политической сатиры и символом политического маскарада нации. Это проявлялось не только в отказе восточных регионов массово поддержать парады вышиванок. Анализ процесса вовлечения политиков Украины в демонстрацию своей «украинскости» показывает, что вышиванка становилась для них не столько маркером носителя национальной идеи, сколько способом манипулирования массами. Яркий пример – образ Ю. Тимошенко, которая, уловив модный политический дресс-код и благодаря стараниям мастериц из Львовщины, останется ярким примером использования народных мотивов в создании политического имиджа. Чем сильнее нарастал политический кризис, тем большее можно было увидеть политиков, вовлечённых в процесс манифестации своей «украинскости» посредством вышитой сорочки. И если для партий, традиционно ориентирующихся на Центральную и Западную Украину, это было естественным ходом вещей, то появление в 2007 г. на Сорочинской ярмарке доверенного лица В. Януковича на президентских выборах 2004 г. Р. Богатырёвой вызвало недоумение (хотя её последующая политическая биография всё объяснила). Недоумение вызвало и появление главы Киева Л. Черновецкого, находившегося на тот момент (август 2008 г.) в конфликте с президентом. Получалось, что только радикальные националисты носили вышиванку «искренне» и

только из одной любви к Украине? Вышиванка всё активнее становилась политическим товаром, что признал и сам президент Ющенко, назвав стремление некоторых политиков публично выступать в вышиванке маскировкой, за которой не стоит нация и демократия. «Это способ получить власть», – заявил он в 2010 г. и добавил позднее, что «вышиванка не делает человека автоматически украинским политиком» (Ющенко думает, что Тимошенко в вышиванке – это такая игра //nikvesti.com/news/politics/11891 (дата обращения: 12.04.2017)).

Не менее активно дискредитировался символ новой Украины и самими гражданами. По образному замечанию журналистов, «Украину накрыло «вышиванкой». Массовый спрос на этот символ принадлежности к нации породил и предложение. А поскольку такой спрос украинская промышленность не в состоянии поддержать, то вышиванки повезли из Китая, что не совсем укладывалось в понятие о возрождении нации. Всё бы ничего, и Бог с ним, с качеством товара и неаутентичностью в деталях. Но производитель, а за ним и торговля, стали предлагать уже не только сорочки и юбки с вышивкой. В интернете стали появляться фото, где один из символов нации помещался на нижнем белье в интимных зонах. Кич, порождённый массовым спросом, неумолимо вёл к профанации первоначальной идеи. Кульминацией абсурда стал подарок президенту Ющенко, сделанный ему в 2009 г. от Украинской православной церкви Киевского патриархата. Подарок – икона Криворивненской Божьей Матери, на которой Богородица и Иисус были изображены в ...вышиванках. Блогерская среда разразилась комментариями и злыми шутками, причём не только (как того можно было ожидать) в России, но и в Украине.

С началом военной операции на востоке государства вышиванка стараниями ряда радикальных депутатов, которые раздавали их солдатам украинской армии, воюющим в зоне АТО, окончательно приобрела дурную репутацию. Самобытный элемент народной одежды стал символом крайнего национализма и одиозной политики новой Украины.

Какова будет судьба вышиванки как «политической одежды», покажет время. А пока вокруг неё вновь медийный шум, но теперь уже вызванный курьёзом, случившимся во время эфира российского ток-шоу «Место встречи» в январе 2017 г. Оказалось, что украинский блогер-националист Дмитрий Суворов по ошибке нарядился на эфир не в украинскую, а в белорусскую вышиванку. Сам Суворов отшутился по этому поводу, сказав: «Вышиванка – это состояние души и сердца, вот и все... Считайте её белорусской, но вы поймете, когда наденете вышиванку, какие изменения сразу происходят в голове» (Украинский националист по ошибке надел не ту вышиванку на эфир российского ТВ //www.politnavigator.net/ukrainskijj-nacionalist-po-oshibke-nadel-ne-tu-vyshivanku-na-ehfir-rossijskogo-tv.html (дата обращения: 03.04.2017)).

Может быть, и так. Остаётся теперь узнать, что происходит в голове белорусских политиков, которые дали добро на ежегодное проведение на официальном уровне Дня вышиванки – «визитной карточки белорусов и символом-оберегом нации» (В Беларуси учредили День вышиванки //korrespondent.net/world/3704373-v-belarusy-uchredyly-den-vyshyvanky (дата обращения: 13.04.2017)). Отмечаться он будет, как и ранее в Украине, накануне Дня независимости.

Литература:

1. 02.2010. – ТСН Украина. – URL: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/pervoi-ledi-lyudmile-yanukovich-posovetovali-ne-odevat-vyshivanok.html> (дата обращения 05.04.2017)

2. «В Беларуси учредили День вышиванки». – 27.06.2016. - Корреспондент.net. – URL: <http://korrespondent.net/world/3704373-v-belarusy-uchredyly-den-vyshyvanky> (дата обращения 13.04.2017)

3. «Во Львове Януковичу подарили вышиванку». – 17.12.2009. – Корреспондент.net. – URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1028325-vo-lvove-yanukovichu-podarili-vyshivanok> (дата обращения 11.04.2017)

4. «Вышиванка — одежда политическая». – 20.07.2012. – День. – URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/vyshivanok-odezhda-politicheskaya> (дата обращения 03.04.2017)

5. «Вышиванка и политика». - 05.04.2011. – Вишиванка.Net. – URL: <http://vyshyvanka.net/ru/blog/vyshyvanka-i-polityka> (дата обращения 11.04.2017)

6. «Герман не позволит Ющенко одеть всю Украину в вышиванки». – 04.09.2007. – УРА-Информ. – URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2007/09/04/herman> (дата обращения 10.04.2017)

7. «Главной заслугой Ющенко Билозир назвала популяризацию вышиванок». – 09.07.2008. – Сегодня. – URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/hlavnoj-zaslujoj-jushchenko-bilozir-nazvala-popularizatsiju-vyshivanok.html> (дата обращения 09.04.2017)

8. «День вышиванки станет масштабным международным праздником». – 07.04.2016. – 24 Канал. URL:http://24tv.ua/ru/den_vyshivanok_stanet_masshtabnym_mezhdunarodnym_prazdnikom_n674766 (дата обращения 04.04.2017)

9. «Культура Литвы». – URL: <http://www.olitve.ru/kultura-litvy/> (дата обращения 02.04.2017)

10. «Латвийский национальный костюм». – URL: http://rus-lat.ru/tautas_terps.php (дата обращения 02.04.2017)

11. «На президентском портрете Янукович будет в вышиванке?». – 11.02.2010. – Gazeta.ua. – URL: https://gazeta.ua/ru/articles/life/_na-

prezidentskom-portrete-anukovich-budet-v-vyshivanke-foto/326884 (дата обращения 13.04.2017)

12. «Несколько слов о прекрасном...». – 11.08.2015. – leib_hussar. – URL: <http://leib-hussar.livejournal.com/574198.html>

13. «Праздник вышиванки: День национального костюма». – 19.05.2016. – doroga.ua. – <http://www.doroga.ua/Pages/Events.aspx?EventID=938> (дата обращения 06.04.2017)

14. «Студенты призвали Януковича прийти на работу в вышиванке». – 01.04.2010. – Корреспондент.net. – URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/1062641-studenty-prizvali-yanukovicha-prijti-na-rabotu-v-vyshivanke> (дата обращения 06.04.2017)

15. «Украина импортирует вышиванки из Китая». – Б.д. – Б.м. – URL: <http://noviny.su/A0011226.html> (дата обращения 12.04.2017)

16. «Украинский националист по ошибке надел не ту вышиванку на эфир российского ТВ». – 26.01.2017. – Политнавигатор. – URL: <http://www.politnavigator.net/ukrainskijj-nacionalist-po-oshibke-nadel-ne-tu-vyshivanku-na-ehfir-rossijskogo-tv.html> (дата обращения 03.04.2017)

17. «Ющенко вынужден признать существование «русского мира» на Украине». – 15.08.2016. – Взгляд. – URL: <http://www.vz.ru/world/2016/8/15/826917.html> (дата обращения 06.04.2017)

18. «Ющенко думает, что Тимошенко в вышиванке – это такая игра». – 20.07.2010. – НикВести. – URL: <http://nikvesti.com/news/politics/11891> (дата обращения 12.04.2017)

19. «Ющенко о Тимошенко: Вышиванка еще не делает украинским политиком». – 05.01.2010. – URL: <http://podrobnosti.ua/656168-juschenko-o-timoshenko-vyshivanka-esche-ne-delaet-ukrainskim-politikom.html> (дата обращения 13.04.2017).

20. «Ющенко поблагодарил мэра Брюсселя за «Писающего мальчика» в вышиванке». – 16.10.2009. – УНІАН. – URL: <https://www.unian.net/politics/277520-yuschenko-poblagodaril-mera-bryusselya-za-pisayuscheho-malchika-v-vyishivanke.html> (дата обращения 10.04.2017).

21. «Ющенко подарили икону с Иисусом в вышиванке». – 22.06.2009. – РепортёрUA. – URL: <http://reporter-ua.com/2009/06/22/yushchenko-podarili-ikonu-s-iisusom-v-vyshivanke> (дата обращения 11.04.2017).

22. «Ющенко считает, что без галстука министр может стать человеком». – 17.08.2005. – Украинская правда. – URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2005/08/17/4391089/> (дата обращения 07.04.2017).

23. «Ющенко, Черновецкий и Плющ одели вышиванки». – 20.05.2007. – FORUM. – URL: <http://for-ua.com/article/205499> (дата обращения 08.04.2017).
24. «Янукович поклялся Западной Украине, что будет носить вышиванку». – 17.12.2009. – РОСБАЛТ. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2009/12/17/698221.html> (дата обращения 10.04.2017).
25. «Януковича нарядили в вышиванку, освященную раскольниками». – 17.12.2009. – REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/123627.html> (дата обращения 08.04.2017)
26. Базак О., Гамаюн Е. Украину накрыло «вышиванкой» // Московский комсомолец, 2014. № 123 (154). С. 2.
27. Колосов В.А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис, 1998. № 3. С. 95-106.

References:

1. «BudushchejpervojlediLyudmileYAnukovichposovetovalineodevat' vyshivanok». – 10.02.2010. – TSNUkraine. – URL: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/pervoi-ledi-lyudmile-yanukovich-posovetovali-ne-odevat-vyshivanok.html> (data obrashcheniya 05.04.2017).
2. «V Belarusi uchredili Den' vyshivanki». – 27.06.2016. – Korrespondent.net. – URL: <http://korrespondent.net/world/3704373-v-belarusy-uchredily-den-vyshivanky> (data obrashcheniya 13.04.2017).
3. «Vo L'vove YAnukovichu podarili vyshivanku». – 17.12.2009. – Korrespondent.net. – URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1028325-vo-lvove-yanukovichu-podarili-vyshivanku> (data obrashcheniya 11.04.2017).
4. «Vyshivanka — odezhda politicheskaya». – 20.07.2012. – Den'. – URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/vyshivanka-odezhda-politicheskaya> (data obrashcheniya 03.04.2017).
5. «Vyshivanka i politika». – 05.04.2011. – Vishivanka.Net. – URL: <http://vyshivanka.net/ru/blog/vyshivanka-i-polityka> (data obrashcheniya 11.04.2017)
6. «German ne pozvolit YUshchenko odet' vsyu Ukrainu v vyshivanki». – 04.09.2007. – URA-Inform. – URL: <http://ura-inform.com/ru/politics/2007/09/04/herman> (data obrashcheniya 10.04.2017).
7. «Glavnoj zaslugoj YUshchenko Bilozir nazvala populyarizaciyu vyshivanok». – 09.07.2008. – Segodnya. – URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/hlavnoj-zacluhoj-jushchenko-bilozir-nazvala-populjarizatsiju-vyshivanok.html> (data obrashcheniya 09.04.2017).
8. «Den' vyshivanki stanet masshtabnym mezhdunarodnym prazdnikom». – 07.04.2016. – 24 Kanal. URL: http://24tv.ua/ru/den_vyshivanki_stanet_masshtabnym_mezhdunarodny_m_prazdnikom_n674766 (data obrashcheniya 04.04.2017).

9. «Kul'tura Litvy». – URL: <http://www.olitve.ru/kultura-litvy/> (data obrashcheniya 02.04.2017)
10. «Latvijskij nacional'nyj kostyum». – URL: http://rus-lat.ru/tautas_terps.php (data obrashcheniya 02.04.2017).
11. «Na prezidentskom portrete YAnukovich budet v vyshivanke?». – 11.02.2010. – Gazeta.ua. – URL: https://gazeta.ua/ru/articles/life/_na-prezidentskom-portrete-anukovich-budet-v-vyshivanke-foto/326884 (data obrashcheniya 13.04.2017).
12. «Neskol'ko slov o prekrasnom...». – 11.08.2015.– leib_hussar. – URL: <http://leib-hussar.livejournal.com/574198.html>.
13. «Prazdnik vyshivanki: Den' nacional'nogo kostyuma». – 19.05.2016. – doroga.ua. – <http://www.doroga.ua/Pages/Events.aspx?EventID=938> (data obrashcheniya 06.04.2017).
14. «Studenty prizvali YAnukracha priyti na rabotu v vyshivanke». – 01.04.2010. – Korrespondent.net. – URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/1062641-studenty-prizvali-yanukovicha-priyti-na-rabotu-v-vyshivanke> (data obrashcheniya 06.04.2017).
15. «Ukraina importiruet vyshivanki iz Kitaya». – B.d. – B.m. – URL: <http://noviny.su/A0011226.html> (data obrashcheniya 12.04.2017).
16. «Ukrainskij nationalist po oshibke nadel ne tu vyshivanku na ehfir rossijskogo TV». – 26.01.2017. – Politnavigator. – URL: <http://www.politnavigator.net/ukrainskijj-nacionalist-po-oshibke-nadel-ne-tu-vyshivanku-na-ehfir-rossijskogo-tv.html> (data obrashcheniya 03.04.2017).
17. «YUshchenko vyzhden priznat' sushchestvovanie «russkogo mira» na Ukraine». – 15.08.2016. – Vzglyad. – URL: <http://www.vz.ru/world/2016/8/15/826917.html> (data obrashcheniya 06.04.2017).
18. «YUshchenko dumaet, chto Timoshenko v vyshivanke - ehto takaya igra». – 20.07.2010. – NikVesti. – URL: <http://nikvesti.com/news/politics/11891> (data obrashcheniya 12.04.2017).
19. «YUshchenko o Timoshenko: Vyshivanka eshche ne delaet ukrainskim politikom». - 05.01.2010. – URL: <http://podrobnosti.ua/656168-juschenko-o-timoshenko-vyshivanka-esche-ne-delaet-ukrainskim-politikom.html> (data obrashcheniya 13.04.2017).
20. «YUshchenko poblagodaril mehra Bryusselya za «Pisayushchego mal'chika» v vyshivanke». – 16.10.2009. – UNIAN. – URL: <https://www.unian.net/politics/277520-yuschenko-poblagodaril-mera-bryusselya-za-pisayushchego-malchika-v-vyshivanke.html> (data obrashcheniya 10.04.2017).
21. «YUshchenko podarili ikonu s Iisusom v vyshivanke». – 22.06.2009. – ReportyorUA. – URL: [339](http://reporter-

</div>
<div data-bbox=)

ua.com/2009/06/22/yushchenko-podarili-ikonu-s-iisusom-v-vyshivanke (data obrashcheniya 11.04.2017).

22. «YUshchenko schitaet, chto bez galstuka ministr mozhet stat' chelovekom». – 17.08.2005. – Ukrainskaya pravda. – URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2005/08/17/4391089/> (data obrashcheniya 07.04.2017).

23. «YUshchenko, CHernoveckij i Plyushch odeli vyshivanki». – 20.05.2007. – FORUM. – URL: <http://for-ua.com/article/205499> (data obrashcheniya 08.04.2017).

24. «YAnukovich poklyalsya Zapadnoj Ukraine, chto budet nosit' vyshivanku». – 17.12.2009. – ROSBALT. – URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2009/12/17/698221.html> (data obrashcheniya 10.04.2017).

25. «YAnukovicha naryadili v vyshivanku, osvyashchennuyu raskol'nikami». – 17.12.2009. – REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/123627.html> (data obrashcheniya 08.04.2017)

26. Bazak O., Gamayun E. Ukrainu nakrylo «vyshivankoj». // Moskovskij komsomolec. – 2014. № 123 (154). – S.2.

27. Kolosov V.A. «Primordializm» i sovremennoe nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo // Polis. – 1998. - №3. – S. 95-106.

*Королёв Ю.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Korolyov Yu. A. (Orel, Russian Federation)*

Путь суфия: мистический опыт ислама.

The Sufi path: the mystical experience of Islam.

Аннотация. Статья посвящена анализу духовного опыта суфизма, который является типом мусульманского мистицизма. Суфийский мистический опыт известен как Путь к Богу. На этом пути много остановок или этапов, этапов очищения души и овладения новыми божественными качествами. С каждой остановкой душа очищается все больше. Наконец, путешественник достигает цели Пути, которая является таянием души человека в божественной любви.

Ключевые слова: суфизм, дервиши, ислам, мусульманский мистицизм, душа.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the spiritual experience of Sufism which is a type of Muslim mysticism. Sufi mystical experience is known as the Way to God. There are many stops or stages on this Way, stages of the soul purification and possession of the new divine qualities. From stop to stop the soul of a traveler has been purifying more and more.

And at last a traveler attains the aim of the Way which is the melting of the man's soul in the divine love.

Key words: sufism, dervishes, Islam, Muslim mysticism, the soul.

Суфизм как разновидность исламского мистицизма возникает в период правления Аббасидов, т.е. в середине восьмого века. С начала своего возникновения он приобрёл чрезвычайную популярность в мусульманском мире. Многие известные европейские учёные – ориенталисты полагали, что этот феномен возник задолго до появления ислама в Аравии и странах Ближнего и Среднего Востока. Такие востоковеды как Сильвестр де Сасси, Джон Браун, Джон Малькольм и другие придерживались мнения, что суфизм возник на базе гностических и магических учений, проникших в Аравию в эпоху позднего эллинизма.

Повлияли на его становление также православное монашество и индийские религиозно-философские школы; в основном йога и адавайт – веданта. К тому же сам характер мусульманского учения: чувственного и метафоричного одновременно способствовал тому, что суфизм занял достойное место в исламе. По словам современного суфия Шаха Идриса : «Суфизм учит, как очистить своё «Я», как укрепиться в нравственности и построить вою внешнюю и внутреннюю жизнь так, чтобы достичь вечного блаженства».[1, с.26]

Сам термин суфизм или тасаввиф происходит от названия грубой шерстяной одежды, которую носили исламские мистики. По - арабски она называется джама – и суф. Аналогом арабского слова суфий является персидское слово дервиш (от перс. «Дер» - дверь). Дервиш, по определению самих исламских мистиков – это бедняк, отказавшийся от мира и живущий подаянием.

Все суфии или дервиши объединены в духовные ордена – «тарикаты». Тарикатом также называется учение суфиев, которое указывает путь к истине. Во главе каждого ордена стоит шейх или пир (перс.) – духовный лидер, находящийся на высшей ступени духовного развития и обладающий Божественной мудростью. Эту мудрость он получил от своего предшественника, через цепь духовной преемственности, восходящей к самому пророку Муххамеду. Исламские мистики считали Муххамеда чуть ли не божественной личностью, что заставило многих ортодоксальных мусульман обвинить суфиев в приверженности к христианству, ибо ортодоксы проводили параллель между Муххамедом и Иисусом Христом.

По мнению исламских мистиков, именно пророк Муххамед был первым суфием. Его небесное путешествие и предстояние перед Аллахом являлось символом постепенного приближения мистика к Богу. Описывая различные духовные состояния, дервиши ссылались на хадисы Пророка.

Согласно учению суфиев Муххамед получил от Аллаха тайную мудрость, которую сообщил своему зятю Али ибн Талибу, четвёртому мусульманскому халифу, для того, чтобы он, в свою очередь, передал это знание своему избраннику. Именно Али, по мнению исламских мистиков, был подлинным основателем суфизма. Духовными наследниками Али и обладателями тайной мудрости впоследствии стали руководители суфийских орденов – шейхи, которые одновременно были духовными наставниками рядовых членов суфийских общин – мюридов.

В суфизме можно выделить три аспекта: мусульманский закон – шариа, мистический путь – тарика и истину – хакика. Этим трём аспектам суфизма соответствуют три этапа совершенствования души. На первом этапе душа избавляется от своих низменных свойств, на втором – от человеческих качеств, на третьем – от своих сущностных качеств.

Целью суфия является единение с Богом. Уровни посвящения в суфизме соответствуют четырём ступеням духовного развития - «рава». Первый этап духовного развития «масут» (человечность) полностью соотносится с экзотерической, внешней стороной ислама – шариатом. Он заключается в строгом соблюдении религиозных обрядов, запретов и предписаний. Следование шариату дисциплинирует адепта, нравственно укрепляет его. На втором этапе, который называется «джэбэрут» (сила), адепт обретает духовную силу и благочестие. Его моральный уровень неизмеримо повышается, исполнение предписаний ислама уже не зависит от страха наказания ни в этой, ни в загробной жизни. Он свободно творит добро из своего внутреннего убеждения. На третьем этапе «мэлэкут» (духовность) адепт овладевает духовным знанием, он способен созерцать высший божественный мир, определяют духовное состояние других людей. Душа полностью очищается не только от второстепенных, но и от своих сущностных качеств. Четвёртого, высшего уровня, который называется «хакика», достигают лишь пиры и шейхи. На этом этапе суфий соединяется с Божеством, достигая, таким образом, состояния обожения. Для такого человека ничего недоступного нет, он проникает в сущность вещей и событий. Его слово – это слово Бога, которому следует беспрекословно подчиняться.

Поскольку целью суфия является единение с Богом, то духовное совершенствование в суфизме символически рассматривается как Путь восхождения к Аллаху. Основные этапы на этом Пути именуются стоянками. Стоянки суфизма суть следующие: покаяние, упование на Бога, нищета, любовь. Некоторые учителя суфизма в качестве стоянки выделяют ещё и гносис.

Вступившему на духовный путь ученику необходим наставник, который помогал бы ему преодолевать стоянки и направлял бы его к цели. Найти своего наставника было не так просто, поскольку считалось, что между шейхом и мюридом должна существовать духовная связь.

Часто жаждущие истины очень долго искали своего наставника пробираясь из страны в страну, и если находили его, слушались его безоговорочно. Так, суфийский шейх Зульфикар назидал: «Имея руководителя, ты можешь стать истинным Человеком. Без Руководителя ты останешься, по существу животным. Если ты ещё говоришь: «Я не могу подчиниться другому человеку», - Ты по-прежнему негоден для Пути»[1, с. 27]. Но прежде чем шейх соглашался принять мурида в качестве своего ученика, последний должен был доказать своё желание, смирение и возможность преодолевать все испытания ожидающие его на пути продвижения к Богу. Так, чтобы испытать смирение ученика, его подвергали различного рода унижениям. Например, заставляли чистить выгребные ямы или просить милостыню. Преодолев все трудности и научившись смирению, через три года ученик становился суфием и получал от своего шейха «хирку» - грубую шерстяную одежду, обычно синего цвета. Ему сообщался «зикр» (поминание имён Аллаха). После этого начиналось реальное обучение, кроме того новоиспечённый суфий мог участвовать в совместном с шейхом богослужении. С этого момента шейх непрерывно наблюдал за духовным состоянием своего подопечного.

Обучение мистицизму начиналось с сорокадневного пребывания адепта в тёмной, тесной комнате, напоминавшей гробницу, что, как и в других инициатических практиках, вероятно, символизировало духовную смерть ветхого человека и возрождение человека нового, просветлённого Божественной истиной. Время затвора суфий проводил в глубокой медитации, способствовавшей изменению сознания адепта.

Мистическое обучение предварялось изучением Корана, совершением молитвы и соблюдением поста. Изучение Корана было непременным условием подготовки суфия, поскольку в Коране содержатся слова Аллаха, в смысл которых адепт обязан был глубоко вникнуть. Текст Корана обычно подвергался символическому толкованию, в нём искали и находили знание о Боге, Его свойствах и атрибутах, которые заключены в великих именах Аллаха. Исламские мистики считали, что обретя величайшее тайное имя Бога, они смогут достичь высшего духовного уровня, как в земном, так и в загробном мире.

Коран был также необходим для нормального существования тариката на основе содержащихся там религиозных и моральных предписаний. Священная Книга являлась также источником медитативных состояний адепта, так как ритмика сур Корана часто воздействовала на подсознание суфия и он достигал экстатического состояния восхищения.

Суфий, как и всякий мусульманин, был обязан пять раз в день совершать ритуальную молитву, которая известна нам под персидским

названием «намаз», по-арабски она звучит как «салат». Считалось, что с помощью молитвы верующий доносит свои чувства и слова до Бога. Таким образом, молитва – это акт общения человека с Всевышним.

Прославляя Бога в молитве, суфий должен забыть о существовании всего остального. Сердце его при этом наполняется страхом и трепетом перед величием Создателя. Во время молитвы некоторые суфии впадали в транс. Причём это состояние могло продолжаться несколько дней. С точки зрения мусульманского закона, ритуальная молитва рассматривалась как служение Аллаху, с точки зрения мистического Пути как близость к Аллаху, и с точки зрения суфийской истины как единение с Аллахом. Мистики видели в ритуальных движениях молитвы воплощение всего Божественного творения: стояние на коленях символизировало растительный мир, склоняющийся перед Создателем, поясной поклон означал почитание Бога животными и, наконец, стояние в полный рост являлось символом стоящего перед Богом человека, как Его высшего творения.

Истинная молитва, считал, например, знаменитый суфийский поэт Руми не должна ограничиваться прочтением нескольких сур Корана, но должна пронизывать всё существование человека. Стремясь к более тесному общению с Аллахом, суфий позволял себе молиться свободно, т.е. своими молитвами. Для молитвы он выбирал наиболее подходящее время. Лучшим временем считалась ночь, ибо тогда душа суфия полностью раскрывалась для молитвы. Особая роль приписывалась постоянному произнесению молитвенных формул. Полагалось произносить ту или иную молитвенную формулу 3, 7, 15, 50, 70 или 1000 раз, поскольку считалось, что эти числа обладают магическим значением.

Суфии полагали, что Аллах также нуждается в молитве, как и человек. «Бог насылает на человека бедствия, ибо томится по его молитве»[5, с.32] , - говорил известный суфийский мистик Аль Казаруни. Обращаясь в молитве с просьбой к Аллаху, опытный суфий совсем не ждёт немедленного исполнения своей просьбы. Ему известно, что Бог не сразу исполняет молитвенную просьбу адепта, что только идёт ему на пользу, ибо ожидая Божественной помощи, суфий пребывает в состоянии страха и надежды, и это способствует его духовному продвижению. Не получая ответа от Бога на своё обращение, суфий покоряется неизбежному и полностью смиряется перед Создателем. Смирение же перед Богом ведёт к покаянию. Суфии полагали, что и молитва и смирение даётся Аллахом, при этом они ссылались на Коран, который утверждал, что все человеческие дела предопределены Богом и совершаются по Его воле. Аллах же, по мнению суфиев, призывает человека к смирению и покаянию, с тем, чтобы простить его. «Смиранные смиренны в силу неизбежности этого качества для Пути, и

хуже всего люди, являющиеся смиренными ради своей гордыни, а не в качестве средства продвижения» [5, с.36]

Намаз и свободная молитва даётся всем верующим. Исключительным достоянием суфиев является зикр – поминание Бога. Суфий мог поминать Аллаха где угодно и когда угодно. Суфии считали, что зикр – это знак любви, любящий постоянно повторяет имя объекта своей любви. Произнося зикр, суфий обычно впадает в глубокий транс; духовное напряжение во время зикра настолько велико, что температура тела суфия повышается радикально. Формула зикра сообщается адепту его духовным наставником, чей образ суфий должен постоянно держать в своей памяти. Зикр можно произносить как вслух, так и про себя, заключая его слова, помещённые в области сердца. Произнося имя Бога, суфий должен отвлечься, абстрагироваться от всех, даже самых важных для него вещей. Именно зикр отличает суфия, ставшего на мистический Путь постижения Бога от всех других людей. Так, великий исламский мистик ал-Газали рассказывает о своём посвящении в суфизм в своих воспоминаниях следующее: «Затем я обратил внимание на Путь суфиев. Я знал, что его не пройти до конца, не сочетая учения и практики, и что суть учения заключается в одолении плотских желаний, освобождении от злых намерений и низменных свойств плоти, причём сердце должно быть очищено от всего, кроме Бога; средством же очищения является зикр Аллах, т.е. памятование о Боге и сосредоточение на Нём всех своих помыслов»[5, с.42].

Суфии полагали, что зикр исходит от Бога и, поминая Аллаха, истинный мистик тем самым приближается к Нему. Для правильного произнесения зикра суфий должен овладеть различными методами дыхания. По правилам, имя Бога следовало произносить на выдохе около девяти раз и при этом мистик обязан сосредоточиться на Слове Аллах, которое пребывает у него в сердце. Среди суфиев существовали как сторонники как внутреннего, так и внешнего зикра. Последние считали, что внешний или громкий зикр помогает достичь экстатического состояния восхищения. Среди суфиев практикующих громкий зикр выделялись представители ордена Рифиййа, получившие название завывающих дервишей и последователи ордена Ясавиййа, практиковавшие так называемый «пилящий зикр», звуки которого были похожи на звуки пилы. Зикром могли быть фразы из мусульманского символа веры и хадисов, а также различные имена Аллаха, представляющие Его качества (Милостивый, Милосердный, Великий и т.д.). Каждое из имён Аллаха по мнению учителей суфизма соответствовало тому божественному качеству, какое хотел обрести суфий и тому этапу духовного совершенствования, на котором он находился.

Научившись смирению и молитве, суфий совершал свою первую стоянку на пути к Богу. Этой стоянкой было покаяние «тауба», когда суфий осознавал свои грехи и каялся в них. Суфии усматривали главную причину греха в приверженности человека к материальному миру. Поэтому раскаяние для суфия означало отказ от мира и его соблазнов. Некоторые учителя исламского мистицизма считали, что суфий, раскаявшись в своих грехах должен забыть о них, поскольку воспоминание о совершённом некогда грехе препятствует созерцанию Божества. Другие же считали, что суфий должен постоянно печалиться о своих грехах и думать об ожидающем его аде. Однако, и те и другие были убеждены в том, что человек с момента его противления Богу является грешным существом и что преодолеть грех и не совершать его вновь может далеко не каждый суфий. Уже покаявшиеся в своём грехе суфии, через какое – то время совершали тот же самый грех вновь и снова должны были каяться.

Мистики понимали, что материальный мир силён, так же как силён и зов плоти. И отказ от мира означал постоянную борьбу с плотскими влечениями и потребностями. И, поскольку тело человека связано с низшим аспектом его души, то задачей суфия на первом этапе Пути является очищение души, через преодоление своих желаний и замене низших негативных душевных качеств высшими позитивными. Душу надлежало очистить не только от животных, плотских влечений, но и от более тонких душевных страстей, таких как: лень, тщеславие, лицемерие, ложь. Основными способами борьбы со страстями являлись пост и бдение. Все ночи суфии проводили в постоянной молитве. Ночные бдения сопровождалось длительными постами. Считалось, что отказываясь от пищи или радикально сокращая её потребление, суфии существенно ослабляли действие телесных желаний и душевных страстей, что способствовало их духовному преуспеянию и переходу ко второй стоянке мистического Пути – «тававакулу»(упованию на Бога).

В основе таввакула лежит вера в то, что Бог является единственным источником существования мира и человека. Согласно учению ислама судьба каждого человека уже predeterminedена Аллахом. Бог всегда действует на благо человека. Он единственный знает, что для человека действительно хорошо, а что нет и, поэтому человек должен просто следовать воле Бога.

Суфий, полностью доверившийся Богу, находится в полной безопасности, он совершенно спокоен относительно своей собственной судьбы. Многие дервиши без страха совершали многодневные переходы через горы и пустыни, не опасаясь нападения диких зверей или разбойников. При этом суфии совсем не стремились к благоденствию и процветанию, ибо такая жизнь не может быть милостью Аллаха, напротив, благоденствие и процветание препятствуют познанию Бога.

Будучи мусульманскими мистиками, суфии считали, что, когда Бог любит человека, он посылает ему несчастье, в котором его сердце, его помыслы и его молитва искренне и горячо обращены к Богу. Так, известный учитель суфизма Фидлил ибн Йада утверждал, что когда Аллах сильно любит человека, то лишает его и близких собственности, чтобы человек мог полностью сосредоточиться на созерцании Бога, который является единственным источником спасения.

В своей преданности Богу суфий должен быть абсолютно искренним и служить Ему не в надежде на прижизненное воздаяние, ни даже на обретение рая, а с тем, чтобы доставить Ему радость. Суфии всячески старались избавиться от лицемерного благочестия, когда добрые дела совершаются с намерением приобрести славу и известность среди людей. Грех тщеславия считался у суфиев наиболее серьезным. Чтобы избежать его, многие суфии скрывали свои добрые дела и даже совершали поступки, идущие в разрез с мусульманскими религиозными законами. Эти неблагоприятные, по меркам ортодоксального ислама, поступки вызывали негативное отношение к суфиям, как со стороны верующих, так и со стороны мусульманского духовенства. Это делалось с тем, чтобы люди не прославляли их как святых, и они не подвергались бы искушению гордости и тщеславия.

Суфии, избегающие людской похвалы, впоследствии получили прозвище «маламатийя» - люди порицания. Совершая действия, приводившие к их осуждению, они руководствовались словами из Корана, согласно которым Аллах любит людей, не боящихся порицания. Таким образом, подвергаясь остракизму со стороны ортодоксальных мусульман, они хранили свою душу от лицемерия и тщеславия, и утверждались в истинной, лишённой эгоизма любви к Богу.

Следующей важной стоянкой на мистическом Пути был «факр» - нищета. Суфии рассматривали нищету как основное свойство Пророка. Некогда он произнёс фразу: «Нищета – моя гордость». Подражая Пророку, большинство суфиев жили в крайней бедности. Они считали совершенно необходимым для настоящего мистика жить согласно завету Аллаха, то есть так, чтобы их ничего не отвлекало от созерцания Всевышнего. Быть свободным от собственности и богатства есть настоящая добродетель суфия. Подлинного суфия не должны заботить бытовые реалии, касающиеся сна, еды или одежды. Выполняя ритуал очищения перед молитвой, они, тем ни менее, совсем не следили за чистотой своего тела, одежда их часто была прибежищем насекомых. Особенно это касалось странствующих дервишей. Среди этой группы суфиев – «каландаров» выделялся тип «друзей Бога» весьма близких типу христианских юродивых. По свидетельству одного из учителей суфизма Аттара, Аллах освободил их от предписаний и запретов, они упражняются лишь в совершенной любви к Богу. Таких «друзей Бога»

называли «маджзубами» - восхищенными и считали их людьми утратившими рассудок в результате сильного экстаза или под влиянием мистического видения. Эти святые безумцы жили в совершенной нищете, ходили в страшных лохмотьях или вообще нагими и существовали лишь за счёт подаваний благочестивых верующих. Отношение к ним со стороны исламской уммы (общины) было двояким: многие простые, необразованные люди почитали их как святых и считали их чудотворцами. Учёные люди, мусульманское духовенство и власть придерживающиеся относились к странствующим дервишам весьма негативно, поскольку дервиши не соблюдали религиозных законов и подвергали эмиров, кадий и мулл резкой критике. При этом «маджзубы» избегали наказания, ибо считались безумными и пророчествовали от имени Аллаха.

Настоящий дервиш отказывается не только от собственности, но и от своих мыслей, и от своей воли, полностью препоручая себя воле Аллаха. Отказ от своей воли является завершением «факра». «Факр» достигает своей полноты и адепт переходит на последнюю стоянку.

Последней стоянкой на мистическом Пути является любовь. Это состояние по - разному понималось улемами (исламскими богословами) и мистиками. Так, исламские учёные понимали любовь как покорность Аллаху, они полагали, что человеку надлежит почитать Бога как своего создателя и поклоняться Ему. Субъектом любви в их понимании является человек, а объектом любви – Бог. Суфии же считали, что Богу не менее важна любовь к Нему человека, чем человеку любовь Бога. Таким образом, в представлении суфиев, любовь человека и Бога является взаимной. Учитель суфизма Худжвири выделял два типа любви человека к Богу: первый тип любви, когда человек, видя те щедроты и благодеяния, которыми осыпает его Бог, испытывает к нему чувство благодарности, перерастающее в любовь, и, второй тип, когда человек восторженно любит Бога, безотносительно к тому, посылает ли ему Аллах благодеяния или наказания.

В чувстве любви суфии различали несколько уровней: душевное общение «унс», близость «курб», томление «шаук». Постепенно продвигаясь к соединению с Богом, суфий постепенно утрачивал свои душевные несовершенства и приобретал божественные свойства, уподобляясь объекту своей любви. Учитель суфизма Джунайд определил любовь как растворение любящего в атрибутах Возлюбленного, т.е. Бога и утверждение Возлюбленного в Его сущности.

Поэт – суфий Нури разделял любовь к Богу на взаимную любовь – «махабба», когда человек растворён в океане Божественного блаженства и любовь – томление, неразделённую любовь человека к Богу, страстное стремление к Нему. Утверждая подобно апостолу Иоанну, что Бог есть любовь, суфии даже изменили формулу мусульманского

вероисповедания и вместо формулы «Нет Бога кроме Аллаха» произносили «Нет Бога кроме Любви».

Исламские мистики воспринимали любовь как дар Бога человеку. Бог открывает себя человеку через любовь. Именно Он, а не человек является инициатором этого состояния. Самому же человеку обрести любовь невозможно, ибо он греховен и слаб. Таким образом, суфии в отличие от исламских богословов считали Бога субъектом любви. Бог посылает жажду любви тому, кого он сам любит, полагали суфии. И подтверждение этой своей мысли они искали и находили в хадисах Пророка. Особенно часто они ссылались на так называемые хадисы кудси (содержавшие не вошедшие в Коран Божественные откровения), где Пророк приводит слова Аллаха: «Воистину у меня есть рабы среди моих рабов, которые любят Меня, и Я люблю их; и они томятся по Мне, и Я томлюсь по ним; и они смотрят на Меня, и Я смотрю на них».[4, с.72]

Полное погружение в «океан Божественной любви» приводит суфия к его цели – уничтожению своего Я и растворению в Боге. Личность его исчезает, в нём остаётся один Бог. При этом человек как-бы возвращается в первоначальное совершенное состояние, в котором он пребывал до своего грехопадения и воплощения в теле. Именно сотворённое материальное тело, по мнению суфиев, является препятствием, отделяющим человека от своего Творца.

«Фана» (уничтожение в Боге) является мистическим завершением любви. Суфии полагали, что достичь этого состояния человек без помощи Аллаха не может, этот дар Он посылает лишь своим избранныкам. Из состояния «фана» суфий может совершить переход к завершающему этапу последней стоянки, который именуется «бака»(пребывание в Боге). На этой стадии суфий возвращается к земной жизни совершенно преображённым в абсолютное «Я». Это состояние характеризуется полным подчинением человека воле Бога. Действует уже не сам суфий, но пребывающий в нём Бог. Такое состояние, по утверждению суфиев обычно сопровождается даром пророчества. Суфий, находящийся в состоянии «бака» является пророком, ибо через него говорит Бог. Примером подлинного суфия, во всей полноте обладающим «бака», по утверждению исламских мистиков, является Пророк Муххамед, он же преподносится как пример истинного Божественного наставника.

Таким образом, достичь «бака» - это значит стать идеальным человеком, «совершенным Муххамедом» через усвоение его духа, который является коллективным духом всех пророков. Стоянка «бака» соответствует состоянию «лагуш» или «халь»(стояние). Достижение этой степени считаются «совершенно соединившимися с Божеством. С глаз и души этих людей сорвано теперь (материальное) покрывало и перед ними лицом к лицу предстаёт сущность не только всех вещей в природе, но и

самого Бога»[3,с.118]. Суфий, наконец, обретает желаемое единение с Богом, его цель достигнута, его Путь завершён.

Литература:

1. Идрис Шах. Путь суфия. / Шах Идрис – М.: «Эннеагон Пресс», 2011. – 416
2. Мец А. Мусульманский Ренессанс./ А.Мец – М.: «ВиМ», 1996. – 536с.
3. Позднев П.А. Дервиши в мусульманском мире./ П.А. Позднев – М.: «Либроком», 2014. – 390 с.
4. Хадисы Кудси. – М.: «Nur Book», 2009. – 136 с.
5. Alberry A.J. Sufism An Account of Mystics of Islam - London, 1950.

References:

1. Idris SHah. Put' sufiya. / SHah Idris – М.: «EHnneagon Press», 2011. – 416
2. Mec A. Musul'manskij Rennsans./ A.Mec – М.: «ViM», 1996. – 536s.
3. Pozdnev P.A. Dervishi v musul'manskom mire./ P.A. Pozdnev – М.: «Librokom», 2014. – 390 s.
4. Hadisy Kudsi. – М.: «Nur Book», 2009. – 136 s.
5. Alberry A.J. Sufism An Account of Mystics of Islam - London, 1950.

Губаненкова С.М. (г. Орел, Российская Федерация)
Gubanenkova S.M.(Orel, Russian Federation)

Роль туранского компонента в русской культуре (на основе идей представителей евразийства)

The role of Turan component in Russian culture (on the basis of the ideas of the eurasianism)

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияния туранского фактора на историю и культуру России. Основной акцент делается на изучение туранского этнопсихологического типа и его проявления в национальной психологии и политике, о чём писали как основоположники евразийства: П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, так и современные учёные России. Автор анализирует влияние туранского компонента в контексте топонимики, а также рассматривает влияние Турана на примере специфики русской философии, особенности общественно-политической жизни допетровской Руси, тонкости взаимодействия Руси и Золотой Орды и другие аспекты.

Ключевые слова: Туранские народы, топонимика, туранский этнопсихологический тип, «бытовое исповедничество»,

комплиментарность, Золотая Орда, цивилизация мирового многоуровневого синтеза.

Abstract. The article examines the questions of influence of the Turanian factor on the history and culture of Russia. The main focus is on the study of the Turanian ethno-psychological type and its manifestations in the national psychology and politics, wrote about how the founders of Eurasianism: P.N. Savitsky, N.S. Troubetzkoy, and modern scientists of Russia. The author analyzes the influence of the Turanian component in the context of place names and considers the influence of the age on the example of the specificity of Russian philosophy, especially the socio-political life of pre-Petrine Russia, the intricacies of interaction of Russia and the Golden Horde and other aspects.

Key words: the Turanian peoples, place names, the Turanian ethno-psychological type "household confession of faith", the complementarity, the Golden Horde, the civilization of the world multi-level synthesis.

Проблема национального самопознания вплоть до настоящего времени не утратила свою актуальность в России. Скорее наоборот, вопросы, озвученные представителями русского зарубежья начала XX в. о путях общественно-политического развития российского общества и государства, в современных процессах глобализации и регионализации, «вестернизации» и национальной идентификации приобретают совершенно новое звучание и остроту общественной полемики по проблеме выбора вектора российской политики. Успешное развитие общества и государства невозможно без решения проблемы национальной идентификации. Решение данного вопроса в современной России также будет способствовать более осознанному решению внутри- и внешнеполитических проблем. В центре проблемы национальной идентификации в России находятся вопросы трактовки такой категории, как «русский», её звучания в общественном и медийном пространстве и смысла данного явления.

На становление национального психологического и культурного облика русских оказали влияние восточные славяне, финно-угорские племена, балты и кочевые народы. Как правило, в традиционной науке основной акцент делается на роль именно восточнославянских племён в процессе становления русской государственности. В то же время недостаточно популярным является иной взгляд на историю России: не с Запада, а с Востока, где отмечается достаточно сильное влияние так называемого туранского элемента в русской культуре и национальной психологии. В отечественной науке о роли Турана в судьбе России много писали представители такого течения, как «евразийство» (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и др.). В связи с глубиной темы в данной статье будут обозначены лишь некоторые аспекты влияния туранского фактора на историко-политический процесс России.

Один из основоположников течения евразийства, филолог, лингвист, философ, историк, один из универсальных учёных русского зарубежья начала XX в. Н.С. Трубецкой во многих своих работах отстаивал идею о сопряжении русских с туранцами как основной факт истории России. Он отмечал, что большая часть территории современной России была заселена не славянскими племенами, занимавшими первоначально только небольшую западную часть территории речных бассейнов, связывающих Балтийское море с Чёрным, а народами, которые учёный называл «туранскими» или «урало-алтайскими». Под ними он подразумевал такие группы народов, как:

- угро-финские, по языку подразделяющиеся на западных финнов (эстов, карелов, собственно финнов и ряд мелких племен), лопарей (в Швеции, Норвегии, Северной Финляндии и в России на Кольском полуострове), мордву, черемисов, пермских финнов (зырян и вотяков) и угров (мадьяр, или венгерцев, в Венгрии и Трансильвании и «обских угров», т.е. вогулов и остяков в Северо-Западной Сибири); к той же группе угро-финских народов принадлежали и на сегодняшнее время обрусевшие древние племена – меря, весь (по языку западнофинское племя), мурома, мещера;

- самоеды, делившиеся на несколько племен, ныне почти вымершие и сохранившиеся в незначительном количестве в Архангельской губернии и Северо-Западной Сибири;

- тюрки, к которым принадлежат турки-османы, разные татары (крымские, казанские, азербайджанские, тобольские и т.д.), мещеряки, тептяри, балкарцы (карачаевцы, урусбиевцы и проч.), кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, сарты, узбеки, алтайцы, якуты, чувашаи и целый ряд древних, исчезнувших народов, из которых наиболее известными являются хазары, болгары (волжско-камские и «аспаруховы»), половцы (иначе куманы или кыпчаки), уйгуры и проч.;

- монголы, к которым принадлежат в пределах России калмыки и буряты, а за её пределами – собственно монголы в Монголии;

- маньчжуры, к которым, кроме собственно маньчжуров, принадлежат ещё гольды и тунгусы (ныне почти поголовно вымершие или обрусевшие) (Трубецкой 1925).

В рамках своей классификации Н.С. Трубецкой отмечал ряд общих антропологических и лингвистических характеристик, свойственных данным группам народов, что позволило ему объединить их под названием «туранских». Генетическое родство он считал доказанным только у угро-финской группы и самоедской, вследствие чего их объединяют под общим именем «уральской семьи языков». Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона предлагает практически такую же типологизацию народов «туранской» группы¹ (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1890-1907).

Современные энциклопедии при характеристике данной группы либо прямо ссылаются на Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, либо в обобщённом виде отражают данную типологию. Эти данные Н.С. Трубецкой использует для обоснования вывода о близком психологическом родстве этих групп народов, что позволяет ему отстаивать тезис о едином туранском психологическом типе, «по отношению к которому этнопсихологические типы тюркский, монгольский и угро-финский являются оттенками или вариантами» (Трубецкой 1925).

По мнению философа, именно у тюрков, которые сыграли в истории Евразии выдающуюся роль, явственнее всего обозначается туранский психологический облик, который находит своё проявление в языке и духовной культуре (музыке, поэзии, религии и др.). Все те черты национальной психологии, которые были обнаружены у тюрков, у монголов проступают ещё более резко. Народы угро-финской группы сохраняют все типичные черты туранской психики, но в заметно смягчённом виде и проявляют меньше психической активности, чем монголы и тюрки.

Таким образом, русский народ не является исключительно представителем славянства, в нем сильны проявления туранского Востока. Не только этнографически, но и антропологически представители евразийства подчёркивали связь русского народа с туранским, отмечая, что «в русских жилах, несомненно, течёт, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь» (Трубецкой 1921).

На основе идеи евразийцев о едином туранском этнопсихологическом типе можно проследить его влияние в истории и культуре России.

1. Племена восточных славян пришли на территорию Волго-Окского междуречья, которая уже была заселена народами финно-угорской группы, древними балтами. В результате совместного жительства происходило взаимное влияние народов друг на друга и обрусение ряда коренных народов. Отголоски данного влияния можно наблюдать в сохранившихся географических названиях – топонимах рек, озёр, населённых пунктов современной России. Например, Валдай – эстонское *vald* или ливское *valda* – «волость, область», озеро Ильмень – в первоначальной форме «Илмер»: эстонские *ilm* – «погода» и *jergv* – «озеро» и Селигер (эстонские *selg* – «плёс» и *jergv* – «озеро» (Попов 1981); гидроним *Волга*, по всей вероятности, балтийский, ср. литовское и латышское *valka* «ручей, текущий через болото»; «небольшая, заросшая травой река»; гидроним *Москва* В.Н. Топоров сопоставляет с балтийскими словами *mask-ava*, *mazg-uva*, обозначающими топкое болотистое место (Онлайн энциклопедия 2017); гидроним «Вёкса» восходит к угро-финскому «*vuoksi*» – «поток»; река Нерская в

Московской области раньше носила название «Мерьская», то есть относящаяся к меря, так же, как и город Галич в Костромской области назывался когда-то «Галич Мерьский», это такие названия, содержащие корень «-нер-», как, например, озеро Неро, реки Нерль и Нерехта (Патрикеев 2015), имеющие явно не восточнославянское происхождение.

Например, в Орловской области существует множество названий, указывающих на тюркское и финно-угорское происхождение. Достаточно подробно об этом написано в статье А.М. Сараевой «Топонимика Орловской области» (Сараева 2012). В частности, наименование г. Мценск происходит от р. Мецне, где стоит город, в финском языке «метсян» означает «лесной», т.е. указывает на местность, по которой протекают реки, когда-то знаменитую своими лесами; с. Шаблыкино происходит от древнетюркского «Саба» – вода, «Лык» – тюркский суффикс, получается Шаблыкино – село, расположенное на воде. Город Орёл, по мнению историков, получил название от реки Орел (Орлик в н.в.), т.к. при впадении в р. Оку река Орёл образует угол, развилку. Название реки Орел происходит от тюркского Орель – «угол». Или, например, реки: р. Марица – поселение финского племени мари. Происхождение и смысловое значение реки Ока относится к древнейшим финно-угорским племенам, впоследствии смешавшимися со славянами.

2. Особенности туранского психологического типа заключаются, по мнению лидеров евразийства, в ясности воспринимаемых образов и возможности группировать их в простые схемы, существующие на подсознательном уровне в качестве неосознанной причины особой психической инерции, в результате которой все элементы схемы укладываются в строго определённом порядке. Данная схематичность психики предполагает, в то же время, широкий размах и отсутствие детальной разработки концепций и понятий, а сила психической инерции направлена на разрастание вширь.

Данное влияние проявляется в нескольких характеристиках.

◆ Влияние Турана предопределило специфику русской философской мысли, которая обладает особым специфическим видением мира, что позволяет отличать её от западноевропейской или восточной философии. Русское философское мышление не приемлет западное стремление к абстрактной систематизации взглядов, ей необходима тесная взаимосвязь с реальной жизнью, практическая реализация. Теснейшая связь с жизнью русской самобытной философии и отсутствие законченных академических философских систем находит своё отражение в публицистике, по сути, и разрабатывающей основные философские мысли. Недаром философ XIX в. Волжский (Глинка А.С.) (Волжский 1906) писал, что настоящей русской философией является художественная литература, которая бедна оригинальными

философскими системами, но богата живой философией и ориентацией на поиск правды.

◆ Туранская психика, благодаря простоте и подсознательности схем, соединяет мысли, поступки и быт в одно единое, монолитное целое. Н.С. Трубецкой проявления этого в допетровской Руси называет «бытовое исповедничество», в котором вероисповедание и быт составляли одно целое. Уклад жизни в Московской Руси представлял собой особую систему, едиными частями которой были материальная культура, народное искусство, религия, ценности государства. Данная система не являлась результатом сознательного выбора общества, но пребывала в подсознании каждого жителя, от крестьянина до царя, и определяла само существование национального целого. В этом прослеживается глубинное влияние туранских ценностей. Житель Древней Руси в силу туранских элементов в национальной психологии не отделял веру от быта, сознательно не выделял из религиозных идей несущественные элементы.

◆ Представители евразийства неоднократно подчёркивали близость национальной психологии русских и туранских народов, отмечая духовное сходство между русским характером и туранским Востоком. Конечно, русский национальный характер отличается и от угро-финского, и от тюркского и имеет свои особенности, отличающие его от характеров других славянских народов. Н.С. Трубецкой писал: «...наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» (Трубецкой 1921). Евразийцы обосновывали тезис о понимании русскими глубинных мировоззренческих оснований, характерных для народов, населяющих огромные пространства Евразии. «То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими азиатами, основано на этих невидимых нитях расовой симпатии» (Трубецкой 1921).

В свою очередь, евразиец П.Н. Савицкий также утверждал, что над пространствами Евразии витает своеобразный дух особого братства народов, основывающийся на вековых исторических и культурных соприкосновениях и слияниях разных народов: англосаксонцев, германцев, славян, представителей тунгусско-маньчжурской народности (Савицкий 1997, с. 302). Данный «собор народов» отрицает противопоставление на «высшие» и «низшие» расы, здесь тенденции взаимного притяжения всё же сильнее, чем отталкивания, чему способствует «воля к общему делу». Сторонник евразийства Л.Н. Гумилёв для определения этих невидимых психических связей использовал термин «комплиментарность» – особая взаимная симпатия, которая предопределяет стереотипы поведения. Данные идеи евразийцев

имеют своих сторонников и среди современных учёных России. В частности, исследователь-якут Л.В. Федорова (Федорова 2014) отмечает близость малочисленных коренных народов Сибири и Урала, являющихся частью тюркоязычного, туранского этноса, с русскими, что в итоге способствовало установлению на обширных пространствах России межнационального мира. С некоторой долей условности подобные идеи можно отнести и к современным тюркам, которые, по мнению учёных, антропологически относятся к двум большим расам – монголоидной и европеоидной. «Монголоидные черты уменьшаются, а европеоидные усиливаются от Востока к Западу, наиболее монголоидными являются якуты, киргизы, хакасы, тувинцы, алтайцы и др., наиболее европеоидными – гагаузы, казанские татары, турки, азербайджанцы и др.» (Сайфутдинова, Сафина 2012, с.8).

◆ Н.С. Трубецкой отмечал, что удаль, характерная для героев русских народных сказок, представляет собой степную добродетель, характерную, например, для тюрков и других степных народов, но совершенно непонятную ни романогерманцам, ни славянам. Элементы туранской психики в русской культуре способствуют национальной устойчивости и силе, благоприятствуют национальному и государственному строительству.

3. Огромное влияние на историю и культуру России оказала Золотая Орда. Лидеры евразийства и современные его сторонники подчёркивали позитивные моменты влияния Золотой Орды на эволюцию русского государства (изменения навыков ведения войны с учётом степного опыта, включение в национальный фольклор, быт, язык элементов образа жизни кочевников; навыки и культура межнационального общения и др.). Одним из важнейших таких аспектов, обеспечивающих духовный суверенитет нашей страны, явилась идеологическая самостоятельность княжеств Древней Руси. Элементы системы власти и управления были заимствованы Московской Русью из Золотой Орды.

Итак, лидеры евразийства доказывали общую историческую судьбу, психологическую и духовную близость русских и туранских народов. Сущность цивилизации России-Евразии состоит в особых органичных религиозных, социокультурных связях и взаимодействиях между народами социально-цивилизационного пространства Евразии, которое соединяет несоединимое в гармоничное целое. Евразийство утверждает преимущество православия византийского образца с сочетанием туранских элементов, предопределяющих путь России как срединный между западным секуляризованным сознанием и восточной нехристианской мистикой. Русская цивилизация сочетает в себе в разных частях традиции Византии, культуру Запада, восточных и западных славян, угро-финских народов, тюрко-монгольские ценности. Это

позволило евразийству охарактеризовать Россию в качестве особой промежуточной цивилизации мирового многоуровневого синтеза.

Данные идеи, озвученные в начале XX века, находят своих сторонников и в XXI веке, особенно в условиях борьбы с современными угрозами европеизации, китаизации, мусульманизации, которые смогут противостоять современным вызовам в лице радикальных религиозных и экстремистских организаций, возникающих под влиянием непродуманной гегемонистской политики Запада.

Примечания:

¹Раздел «Урало-алтайские языки». <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 16.04.2017). «Урало-алтайские языки известны также под названием "алтайских", "туранских", "финно-угро-татарских"; на них говорят многочисленные народы, населяющие, главным образом, северо-восточную и, отчасти, центральную Азию, а также часть северо-восточной России, Финляндию и Венгрию. Кроме того, представители этих языков живут в Прибалтийском крае и кое-где на юго-востоке Европейской России. Они разделяются на пять главных групп: 1) Финно-угорские языки; ими говорят разноплеменные финны (суоми, эсты, ливы, лопари, черемисы, мордва, зыряне, вотяки, пермяки и др.), а также остяки, вогулы и венгры, или мадьяры; последние три народа говорят языками "угорскими", весьма близкими друг к другу. 2) Самоедские языки; ими говорят самоеды, живущие на берегу Ледовитого океана, отчасти в Европейской России, но главным образом в Сибири. Самоедских диалектов различается пять. 3) Турецкие языки – см. 4) Монгольские языки; ими говорят народы монгольского племени, живущие отчасти в сев.-вост. Китае, отчасти в юго-вост. Сибири, отчасти в Европ. России, в губ. Астраханской и в области Войска Донского (калмыки); главные племена – внутренние монголы, халхасцы, чахары, буряты, забайкальские монголы, калмыки. 5) Тунгусские языки; ими говорят маньчжуры и несколько тунгусских племен».

Литература:

1. Волжский (Глинка А.С.) 1906. – Волжский (Глинка А.С.). Из мира литературных исканий. Сборник статей. С.-Петербург. Издание Д.Е. Жуковского, 1906. 270 с.

2. Онлайн энциклопедия 2017. – Онлайн энциклопедия. Гуманитарные науки http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/toponimika.html (дата обращения: 17.04.2017).

3. Патрикеев 2015. – Патрикеев А.В. Мерянская Русь: Ещё о названиях рек и о людях, которые их так называли. 2015. http://merjamaa.ru/news/merjanskaja_rus_eshhjo_o_nazvanijakh_rek_i_o_ljud

jakh_kotorye_ikh_tak_nazvali/2015-10-30-1053 (дата обращения: 17.04.2017).

4. Попов 1981. – Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. 206 с.

5. Савицкий 1997. – Савицкий П. Географические и геополитические основы евразийства // *Континент-Евразия*. – М: Аграф, 1997. 464 с.

6. Сайфутдинова, Сафина 2012. – Сайфутдинова Г.Б., Сафина Д.Д. Тюрки – этническая история // *Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия: материалы II Международной научно-практической конференции 2012 года*. – Пенза – Баку – Белосток: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. 287 с.

7. Сараева 2012. – Сараева А.М. Топонимика Орловской области // *Учёные записки ОГУ. № 6. Ч.1. Орёл, 2012. С. 405-409*.

8. Трубецкой 1921. – Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры) // *Исход к Востоку*. София, 1921. С. 86-103. <http://philologos.narod.ru/trubetzkoj/trubetzkoj.htm> (дата обращения: 17.04.2017).

9. Трубецкой 1925. – Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (дата обращения: 23.04.2017).

10. Федорова 2014. – Федорова Л.В. Сакральное в идеологии евразийства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва. 2014. 31 с.

11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1890-1907. - Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С.-Петербург. 1890-1907 гг. Раздел «Урало-алтайские языки». <http://www.vehi.net/brokgauz/>. (дата обращения: 16.04.2017).

References:

1. Volzhskij (Glinka A.S.). *Iz mira literaturnyh iskanij. A collection of articles*. St. Petersburg, Russia. The Publication By D. E. Zhukovsky, 1906. 270 p.

2. Onlajn ehnciklopediya. Gumanitarnye nauki. [Online encyclopedia. Humanities] http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/toponimika.html (date accessed: 17.04.2017).

3. Patrikeev A.V. *Meryanskaya Rus': Eshchyo o nazvaniyah rek i o lyudyah, kotorye ih tak nazvali*. 2015. http://merjamaa.ru/news/merjanskaja_rus_eshhjo_o_nazvanijakh_rek_i_o_ljud_jakh_kotorye_ikh_tak_nazvali/2015-10-30-1053 (date accessed: 17.04.2017).

4. Попов А. И. *Sledy vremyon minuvshih: Iz istorii geograficheskikh nazvanij Leningradskoj, Pskovskoj i Novgorodskoj oblastej*. – Л.: Nauka, 1981. 206 p.

5. Savickij P. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva. // Continent-Eurasia. – Moscow: Agraf, 1997. 464.
6. Sajfutdinova G.B., Safina D.D. Tyurki – ehtnicheskaya istoriya // The Peoples Of Eurasia. History, culture and problems of cooperation: materials of II International scientific-practical conference 2012. – Penza – Baku – białystok: Scientific publishing center "Sociosphere", 2012. 287 p.
7. Saraeva A.M. Toponimika Orlovskoj oblasti // The scientists notes of OSU. No. 6. Part 1. Orel, 2012. P. 405-409.
8. Trubeckoj N.S. Verhi i nizy ruskoj kul'tury (ehtnicheskaya osnova ruskoj kul'tury) // Exodus to the East. Sofia, 1921. – P. 86-103. <http://philologos.narod.ru/trubetzkoy/trubetzkoy.htm> (date accessed: 17.04.2017).
9. Trubeckoj N.S. O turanskom ehlemente v ruskoj kul'ture // <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns06.htm> (date accessed: 23.04.2017).
10. Fedorova L.V. Sakral'noe v ideologii evrazijstva: abstract. dis. kand. polit. sciences. Moscow. 2014. 31 p.
11. EHnciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. St. Petersburg, Russia. 1890-1907. the category of "Ural-Altai languages". <http://www.vehi.net/brokgauz/>. (date accessed: 16.04.2017).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE PAST AND PRESENT

Финогентов В.Н. (г.Орел, Российская Федерация)
Finogentov V. N. (Orel, Russian Federation)
Кононова Е.С. (г.Орел, Российская Федерация)
Kononova E. S. (Orel, Russian Federation)

Мировоззренческая революция как императив современной эпохи

The worldview revolution as an imperative of the modern era

Аннотация. В статье обосновывается необходимость мировоззренческой революции. Утверждается, что эта революция предполагает осуществление фундаментальных мировоззренческих трансформаций: становления у современных социокультурных субъектов нового – глобального, планетарного – уровня идентичности. Особое внимание уделяется особенностям осуществления мировоззренческой революции в России.

Ключевые слова: мировоззрение, мировоззренческая революция, глобальная идентичность, теистическое мировоззрение, утопическое мировоззрение, фундаменталистское мировоззрение, современное мировоззрение.

Abstract. The article substantiates the need for an ideological revolution. It is argued that this revolution involves the implementation of fundamental ideological transformation: the formation of modern socio-cultural agents of a new global, planetary – level identity. Special attention is paid to the peculiarities of the ideological revolution in Russia.

Key words: worldview, worldview revolution, global identity, theistic worldview, utopian worldview fundamentalist worldview, the modern worldview.

Во второй половине двадцатого века научно-технический прогресс вознёс человечество на такой уровень развития, на котором оно обрело, кроме всего прочего, способность к самоуничтожению.

Несомненно, это положило начало принципиально новому периоду в развитии человечества, периоду, который мы вполне обоснованно можем назвать современным. Дело в том, что с тех пор человечество впервые в своей истории, независимо от того, осознает оно это или нет, всегда стоит

перед драматическим выбором: или продолжение исторического процесса или самоуничтожение.

Конечно, в действительности этот выбор по сей день осуществляет не человечество, его осуществляют определённые субъекты, наделённые соответствующими властными полномочиями. В качестве таких субъектов выступали и выступают, например, руководители государств, обладающих оружием массового уничтожения. Поскольку государств, обладающих оружием такого рода, с течением времени становится всё больше, постольку количество субъектов, осуществляющих выбор указанного типа, постоянно возрастает. Соответственно, постоянно возрастает, так сказать, хрупкость бытия человечества; постоянно нарастает опасность самоуничтожения человечества в результате глобальной термоядерной войны.

Отсюда следует, что непременно должны возрастать опережающими темпами качество и уровень ответственности субъектов, осуществляющих этот судьбоносный выбор. Не представляет труда убедиться в том, что характер этого выбора определяется, в первую очередь, ценностно-смысловыми (мировоззренческими) характеристиками соответствующих субъектов исторического процесса. И, следовательно, *качество мировоззрений нынешних субъектов исторического процесса приобретает в наши дни судьбоносное значение*. Ещё раз подчеркнем: именно характер и качество мировоззрений субъектов, осуществляющих в наши дни обозначенный выше выбор, задают траекторию будущего развития человечества.

Мы уже много писали о значимости мировоззренческих детерминаций в жизни человека и общества (Финогентов 2009; Финогентов 2012; Финогентов 2015). Из только что сказанного следует, что, начиная с указанного выше времени, роль мировоззренческих детерминаций в жизни человека и общества становится в определённых (важнейших!) отношениях ведущей, определяющей. И, таким образом, вопрос о качестве мировоззрения нынешних субъектов исторического процесса должен переместиться в центр внимания и исследователей, и лидеров самых разных (этнополитических, религиозных и т.д.) сообществ, и реформаторов системы образования. Более того, на мой взгляд, *продолжение достойной человека разумного истории действительно требует своего рода мировоззренческой революции*. Иначе говоря, такая революция стала в наши дни условием продолжения человеческой истории. Она стала императивом современной эпохи.

Суть этой революции состоит в необходимости срочной замены мировоззрений, доминирующих в настоящее время в духовном пространстве. Дело в том, что эти мировоззрения в основе своей сложились задолго до начала современной эпохи. Они – и в этом совсем нетрудно убедиться – не соответствуют масштабам и сложности вызовов

современной эпохи и поэтому не могут претендовать на роль современных мировоззрений. Эти мировоззрения, сформировавшиеся в прошлые, принципиально иные исторические эпохи должны быть заменены на мировоззрения современные в сущностном смысле этого слова. Современные мировоззрения – это мировоззрения в целом адекватные драматическим вызовам современной эпохи. Можно сказать также, что эта мировоззренческая революция приведет к становлению социокультурных субъектов, способных адекватно понять и оценить современные глобальные проблемы, способных выработать адекватные способы решения этих проблем.

Особо следует подчеркнуть, что наш призыв к мировоззренческой революции не следует понимать как требование полного «разрушения до основания» всех наиболее распространённых в наши дни мировоззрений и создания каких-то абсолютно новых и во всех отношениях совершенных мировоззрений. – Нет! Совершение мировоззренческой революции предполагает колоссальную и кропотливую исследовательскую и творческую работу. Осуществление такой революции прежде всего предполагает внимательный критический анализ уже имеющихся мировоззрений, а также, так сказать, их диагностику на предмет их современности. Осуществление такой революции предполагает также выявление в уже имеющихся мировоззрениях тех драгоценных элементов, которые непременно должны войти во вновь создаваемые – современные – мировоззрения. И, наконец, осуществление такой революции обязательно предполагает мировоззренческие поиски и мировоззренческое творчество: неустанные усилия сегодняшних философов, религиозных мыслителей, писателей и других творческих личностей по разработке мировоззрений, хотя бы в самых общих чертах адекватных вызовам современной эпохи.

Не имея возможности систематически обсуждать здесь проблему современной мировоззренческой революции, коснёмся лишь одного её аспекта. Мы кратко рассмотрим ниже вопрос о настоятельной необходимости формирования у современных социокультурных субъектов принципиально нового уровня идентичности: глобальной (планетарной) идентичности.

Итак, поскольку речь идет (см. выше) о выборе, определяющем судьбу каждого человека и судьбу всего человечества, постольку чрезвычайно актуальной является в наши дни задача приобщения всех и каждого к совершению этого судьбоносного выбора. Понятно, что только что сказанное не следует понимать буквально. Не следует, например, думать, что в каждый момент времени мы должны проводить опрос всех ныне живущих землян на предмет того, хотят они или не хотят продолжения исторического процесса. В конце концов, постоянно осуществлять такие опросы просто невозможно технически. Речь у нас

идёт совсем об ином. Речь идёт у нас об актуальности задачи формирования у наших современников принципиально нового уровня идентичности. Такую идентичность, видимо, следует назвать глобальной, или планетарной, идентичностью.

Здесь, несомненно, стоит напомнить, что о глобальной (планетарной) идентичности в том или ином ключе говорили уже многие авторы. Речь идет, в частности, об авторах, развивавших и развивающих различные варианты космополитизма (Бек 2008), и об авторах, отстаивающих идеи глобальной (планетарной) этики (Куртц 2007, с.8-11; Йонас 2004). Иными словами, сама по себе идея глобальной идентичности уже не является новой. В наши дни необходимо, чтобы эта идея стала достоянием и убеждением всех или хотя бы большинства социокультурных субъектов.

Наличие указанного уровня идентичности будет означать глубинную причастность (рациональную, эмоциональную, ценностную) каждого нынешнего социокультурного субъекта к человечеству как к целому. Этот уровень идентичности возвысит каждого такого субъекта до ответственности за судьбу всего человечества и даже за судьбу всей нашей уникальной планеты. Он позволит также каждому такому субъекту преодолеть рамки расовых, религиозных и национальных интересов и пристрастий. Именно эти (узкие, локальные, частные) интересы и пристрастия, как известно, и являются основным источником противоречий и конфликтов, поставивших современное человечество на грань самоуничтожения.

С другой стороны (и этот момент следует особо подчеркнуть), формирование обсуждаемого уровня идентичности совсем не отрицает существования у данного социокультурного субъекта иных уровней идентичности. В том числе этот уровень идентичности не отрицает принадлежности данного субъекта к определённой расе, нации, религии, культуре и т.п. Уровень глобальной идентичности, разумеется, не отрицает также любви данного социокультурного субъекта к его стране и культуре. Этот уровень идентичности, иначе говоря, отнюдь не противоречит патриотизму, о котором так много говорят в нынешней России. Точнее, наличие у данного социокультурного субъекта уровня глобальной идентичности не противоречит культурному, просвещенному патриотизму. Дело в том, что любовь к своей стране и родной культуре совершенно не исключает уважения этого субъекта к другим странам и культурам и тем более не отрицает глубокого осознания и переживания этим субъектом своей принадлежности к человечеству как творцу и носителю принципиально нового – ценностно-смыслового – модуса бытия универсума.

Формирование уровня глобальной идентичности, таким образом, – это не вытеснение прежних, так сказать, локальных идентичностей данного субъекта (личности, этнополитической или религиозной

общности и т.д.), а дополнение и существенное преобразование этих идентичностей. Дополнение прежних идентичностей субъекта проявляется, как уже сказано, в формировании у него нового, в некотором смысле высшего, уровня идентичности: уровня глобальной (планетарной, общечеловеческой) идентичности. Соответственно, преобразование прежних идентичностей проявляется в том, что интересы и ценности, диктуемые этими «прежними» идентичностями (персональными или групповыми), в определённом отношении ограничиваются интересами и ценностями, детерминированными новой, глобальной идентичностью.

Указанное ограничение состоит прежде всего в минимизации, а затем и исключении у нынешних социокультурных субъектов тех интересов и пристрастий, которые угрожают в наши дни самому существованию человечества. Перефразируя известную в своё время песню, сказанное можно выразить так: каждый современный социокультурный субъект должен «раньше думать о человечестве, а потом о себе». Это правило должно неукоснительно выполняться каждым сегодняшним социокультурным субъектом хотя бы потому, что только его выполнение может помочь этому субъекту в решении задачи самосохранения. Иными словами, это правило является в наше время своего рода категорическим императивом, поскольку невыполнение этого правила неминуемо повлечет за собой обострение всевозможных противоречий и конфликтов между различными социокультурными субъектами с опасностью перерастания этих противоречий и конфликтов в глобальную войну.

Следует особо подчеркнуть, что становление этого уровня идентичности у нынешних социокультурных субъектов отнюдь не гарантировано. К великому сожалению, и в наше время существует немало субъектов, которые ставят свои частные интересы выше интересов человечества как целого. Именно отчетливое осознание невероятной сложности задачи, которую надо решить для формирования обсуждаемого уровня идентичности, и даёт нам основание говорить о назревшей необходимости мировоззренческой революции. Для решения этой задачи каждый нынешний социокультурный субъект должен прежде всего отчетливо осознать остроту ситуации, в которой он находится. Он должен совершенно ясно понимать значимость выбора, который он должен сделать: или приоритет интересов человечества и продолжение истории, или приоритет его частных интересов – и в таком случае, по сути, неизбежная гибель человечества.

Если говорить по существу, то становление уровня глобальной идентичности включает в себя гармонизацию локальных, частных идентичностей самых различных социокультурных субъектов. В свою очередь, такая гармонизация состоит во взаимном учёте и уважении интересов и ценностей субъектов всех таких (локальных, частных)

идентичностей. Понятно, что такая гармонизация не может протекать гладко и беспроблемно. Но альтернативой такой гармонизации, альтернативой становления глобальной идентичности является только сползание человечества к глобальной катастрофе.

Размышляя о соотношении многообразных локальных идентичностей, с одной стороны, и глобальной идентичности, с другой стороны, может быть, стоит напомнить хорошо известную в философии диалектику единичного, особенного и общего. Эта диалектика состоит во взаимосвязи и взаимопроникновении единичного, особенного и всеобщего. Например, единичное не существует само по себе, вне связи с особенным и общим. То же самое справедливо также по отношению к особенному и общему. Так вот, эта диалектика в полной мере применима и к различным типам и уровням идентичности каждого социокультурного субъекта. Эти уровни теснейшим образом связаны друг с другом; они пронизывают друг друга. Иначе говоря, в данном социокультурном субъекте в принципе могут достаточно гармонично уживаться различные типы и уровни идентичности: персональная, национальная, религиозная, профессиональная и т.д. Соответственно, становление у этого социокультурного субъекта нового уровня идентичности (глобальной идентичности) совсем не обязательно уничтожает и отменяет другие типы и уровни его идентичности. Скорее, появление у субъекта уровня глобальной идентичности делает этого субъекта в духовном плане «на один этаж выше», делает его разумнее и дальновиднее.

Конечно, можно представить себе такого социокультурного субъекта, чья локальная (национальная, религиозная и т.п.) идентичность не приемлет, не допускает уровня глобальной идентичности, поскольку такой субъект сознательно ставит свои частные интересы выше интересов человечества. Можно также представить себе такого субъекта, который склонен свою локальную (религиозную, национальную и т.п.) идентичность навязывать всем другим субъектам в качестве глобальной идентичности. Очевидно, что и тот и другой субъект являются своего рода реликтами прошедших эпох. Очевидно также, что их мировоззрения не могут быть охарактеризованы как современные в сущностном, категориальном смысле этого слова.

Становление у большинства социокультурных субъектов уровня глобальной идентичности знаменует возникновением принципиально нового – глобального (планетарного) – социокультурного субъекта. Именно тогда человечество превратится в реального, действующего субъекта, который сможет в тех или иных формах сам определять свою судьбу, в частности, он сможет сам совершать тот судьбоносный выбор, о котором мы писали в начале статьи. И тогда уже никто не вправе будет сказать, что «человечество – это пустое слово». Напомню, что эта формулировка принадлежит О. Шпенглеру, который противопоставлял

«этому фантому» (человечеству) «множество мощных культур» (Шпенглер 1993, с. 56).

В нашу эпоху – эпоху глобализации – *человечество* давно уже перестало быть пустым словом. И, несомненно, «множество мощных культур» может продолжить своё более или менее благополучное развитие, только объединившись в нового, глобального субъекта: человечество. Ещё раз подчеркнём, что такое объединение не отрицает самобытности этих культур. Единство здесь понимается не как однообразие и монотонность, а как целостность, как «единство многообразного». Разумеется, становление глобального социокультурного субъекта потребует также осуществления многих организационных мероприятий, создания принципиально новых социальных и политических институтов и т.п.

Говоря о необходимости мировоззренческой революции, необходимо особое внимание уделить «мировоззренческой ситуации» в современной России. Несомненно, что эта ситуация является чрезвычайно сложной и противоречивой. И её глубокий анализ может быть дан только в специальном и обширном исследовании. Но два существенных момента, характеризующих эту ситуацию, можно указать, не проводя её детального анализа.

Во-первых, по отношению к современному российскому обществу в полной мере справедливо сказанное выше. А именно: прежде всего, оно также нуждается в формировании нового уровня идентичности, уровня глобальной, планетарной идентичности. Только это позволит нашему обществу избежать катастрофического по своим последствиям противостояния и столкновения цивилизаций.

Второй момент является специфическим именно для российского общества. Речь идет о том, что российское общество при всех его радикальных трансформациях на протяжении последнего столетия демонстрирует пребывание в, своего рода, «мировоззренческом круге». Чтобы стало ясно, о чём мы сейчас говорим, необходимо ввести в рассмотрение понятие фундаменталистского мировоззрения. Фундаменталистское мировоззрение – это такое мировоззрение, в рамках которого признаётся возможным окончательное (и позитивное) решение основополагающих мировоззренческих проблем: проблемы смысла жизни человека, проблемы свободы, проблемы истины и т.д. (Финогентов 2010, с. 8-22). Двумя основными вариантами фундаменталистского мировоззрения являются: а) теистические мировоззрения; б) утопические мировоззрения. Действительно, и теистические, и утопические мировоззрения утверждают возможность достижения человеком царства истины, свободы и добра. Правда, для сторонников теистических мировоззрений это царство находится в мире ином, и вход человека в него возможен только с божьей помощью, а сторонники утопических

мировоззрений надеялись и надеются на построение «рая на земле» собственными силами. Известно, что сторонники теистических мировоззрений, с одной стороны, и сторонники утопических мировоззрений, с другой стороны, весьма остро конфликтовали в прошлом и конфликтуют в наши дни. В особо ожесточенных формах этот конфликт имел место в нашей стране в советскую эпоху, когда властвовали представители утопического и культового мировоззрения.

Важно, однако, иметь в виду, что при всей своей видимой противоположности теистические мировоззрения и мировоззрения утопические принадлежат к одному и тому же типу мировоззрения. Они являются, как уже сказано, двумя основными видами фундаменталистского мировоззрения. Именно их сущностной близостью друг к другу в значительной мере и объясняется конфликтность их взаимоотношений.

Мы не собираемся здесь давать сравнительный анализ этих вариантов фундаменталистского мировоззрения. Для нас в контексте разговора о необходимости мировоззренческой революции важнее подчеркнуть другое, а именно: по нашему убеждению, российскому обществу для совершения указанной революции необходимо, наконец, вырваться из мировоззренческого круга, из круга сменяющих друг друга форм фундаменталистского мировоззрения.

Такой круг совершенно отчётливо может быть прослежен в траектории мировоззренческих трансформаций российского общества на протяжении рокового для него двадцатого века. Действительно, сначала российское общество совершило переход от одной формы фундаменталистского мировоззрения (теистического мировоззрения) к другой форме фундаменталистского мировоззрения (к утопическому, культовому мировоззрению). Это произошло после революционных событий 1917 года и гражданской войны. В это время в жесточайших формах из общественного сознания россиян вытеснялись все формы теистического мировоззрения, и взамен насаждалась весьма примитивная форма утопического и культового мировоззрения. Эта – примитивная – форма утопического и культового мировоззрения (вот ирония истории!) преподносилась в советскую эпоху в качестве научного мировоззрения.

А затем российское общество, которое в советское время, казалось бы, далеко ушло от всех форм теистического мировоззрения, совершило стремительный обратный переход от утопического мировоззрения к теистическому мировоззрению. Это произошло в конце восьмидесятых – в начале девяностых годов прошлого века, в перестроечные и первые постперестроечные годы. Кстати, стремительность этого перехода ещё раз подтверждает сущностную близость названных видов фундаменталистского мировоззрения.

Выход российского общества из его нынешнего кризисного состояния, на наш взгляд, возможен только на пути преодоления им всех форм фундаменталистского мировоззрения. Такое преодоление явится важнейшей составляющей мировоззренческой революции в России. Такое преодоление будет означать также, что наиболее распространенными и наиболее влиятельными в российском обществе станут различные формы нефундаменталистского, современного в категориальном смысле этого слова мировоззрения. Только нефундаменталистские мировоззрения помогут российскому обществу справиться с серьезнейшими социально-политическими и ценностно-смысловыми проблемами, с которыми оно столкнулось на нынешнем этапе своего развития.

Литература:

1. Бек 2008. – Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
2. Йонас 2004. – Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики технологической цивилизации. М., 2004.
3. Куртц 2007. – Куртц П. Нравственность естественна // Здравый смысл. 2007, № 4 (45). С. 8-11.
4. Финогентов 2009. – Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.
5. Финогентов 2010. – Финогентов В.Н. Фундаментализм и антифундаментализм // Философия: созерцание, рефлексия, коммуникация. Орел. 2010. С. 8-22.
6. Финогентов 2012. – Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел. 2012.
7. Финогентов 2015. – Финогентов В.Н. Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел. 2015.
8. Шпенглер 1993. – Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск. 1993. С. 56.

References:

1. Bek 2008. – Bek U. Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie. M., 2008.
2. Jonas 2004. – Jonas G. Princip otvetstvennosti: Opyt ehtiki tekhnologicheskoy civilizacii. M., 2004.
3. Kurtc 2007. – Kurtc P. Nravstvvennost' estestvenna //Zdravyj smysl. 2007, № 4 (45).S. 8-11.
4. Finogentov 2009. – Finogentov V.N. Religioznyj renessans ili filosofiya gumanizma? Mirovozzrencheskij vybor sovremennoj kul'tury. M., 2009.

5. Finogentov 2010. – Finogentov V.N. Fundamentalizm i antifundamentalizm // *Filosofiya: sozercanie, refleksiya, kommunikaciya*. Orel. 2010. S. 8-22.
6. Finogentov 2012. – Finogentov V.N. *Tragicheskij gumanizm: Ocherki ontologicheskie, antropologicheskie i aksiologicheskie*. Orel. 2012.
7. Finogentov 2015. – Finogentov V.N. *СHеловек на грани nebytiya: Filosofskie ehtyudy*. Orel. 2015.
8. SHpengler 1993. – SHpengler O. *Zakat Evropy*. Novosibirsk. 1993. S. 56.

Терехов С.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Terekhov S.V. (Orel, Russian Federation)

Философско-мировоззренческий кризис и глобальные проблемы современности

Philosophical-worldview crisis and global problems of our time

Аннотация. В статье рассматривается кризис современной философии как проявление более общего мировоззренческого кризиса, порождённого глобализационными процессами в сфере науки и культуры.

Ключевые слова: культура, кризис философии, глобализация, глобальные проблемы современности.

Abstract. The article discusses the crisis of modern philosophy as the manifestation of a more General ideological crisis generated by globalization processes in the sphere of science and culture.

Keywords: culture, philosophy crisis, globalization, global problems of modernity.

В современном обществе институт философского образования почти утратил свою социальную значимость, «рейтинг» философии как общеобразовательной дисциплины неуклонно падает, поэтому неудивительно, что философия в вузах может стать факультативным знанием. И это закономерно, так как философия остаётся интересной только для самих философов и тех, кто интересуется ею, как любители истории интересуются, например, памятниками старины. Философия становится предметом личного увлечения и интереса, но не более. Поэтому вопрос о том, «нуждается ли в философии современное общество?», становится все более актуальным.

В современном мире философов живёт больше, чем за всю историю человечества. Но какой статус обрела философия? Она позиционирует себя либо в качестве помощника науки или политической идеологии, или

теологии, обслуживающего их в качестве единственного оппонента, значение которого для современного человека, живущего в век научной рациональности, весьма сомнительно. Появление новых современных философских направлений, таких, как экзистенциализм, феноменология, философская герменевтика, философская антропология и других, по большому счёту ничего не дало миру, т.к. они так и не стали культурными лидерами эпохи, не создали соответствующую духу времени единую духовную систему. Все новые направления свидетельствуют об отчаянной попытке спасти философию, но мир, похоже, уже в философии не нуждается. Этим и объясняется обилие философских направлений, сменяющих друг друга в XX веке с фантастической быстротой, но так и не занявших доминирующего положения в сознании общества.

Для современного культурного человека философия давно уже стала собранием «мудрых изречений и мыслей», которые он цитирует часто без учёта контекста, в котором они были высказаны. Былое величие философии превратилось в руины для археологов. Но если мы выйдем за пределы философии, то увидим, что подобная ситуация почти во всех областях духовной деятельности человека. Нет больше великих писателей. Нет композиторов, на премьеры которых невозможно достать билет. Живут, конечно, и сейчас крупные композиторы, но по степени своего влияния на общество, по воздействию на меломанов и способности сделать музыку символом эпохи они не идут ни в какое сравнение с Бетховеном или Моцартом. Совершенно то же самое в архитектуре, в изобразительных искусствах. *Кризис философии – это только часть и одно из очевидных проявлений более общего, гораздо более всеобъемлющего мировоззренческого кризиса.* Специфика современной ситуации состоит в остром и хорошо обоснованном понимании того, что человеческая цивилизация в своём развитии зашла в тупик, из которого необходимо срочно выбираться. Настало время бить тревогу не только на уровне философии, но уже на уровне общечеловеческом. Современные угрозы, предсказанные, кстати, достаточно давно, стали не просто очевидны, но и превратились в реальный объект естественнонаучного анализа. Их изучают в медицине, физиологии, психологии, биологии и глобальной экологии.

Источники этих проблем очевидны. Большинство из них порождает рынок, который вышел за границы чистого хозяйства. Но если в экономике он проявляет себя как созидатель, то в сфере духовности – наоборот, как разрушитель. Цель рынка – извлечение прибыли, поэтому он стремится и из духовной культуры создать индустрию развлечения. Рынок быстро выявил, что производить и продавать культурные суррогаты гораздо прибыльнее, чем подлинные продукты культуры.

Такого массового подавления духовной культуры, какое происходит сейчас, не могли представить себе ни Ницше, ни другие критики «цивилизации» из далекого и недавнего прошлого. Подобное не могло присниться им и в самом кошмарном сне. И сейчас перед всеми нами встаёт главный вопрос: что делать?

Очевидно, что необходимо думать глобально о последствиях для всего человеческого рода. И не только думать, но и активно действовать. Некогда актуальный тезис Римского клуба «мысли глобально, действуй локально», очевидно, давно устарел, и без глобальных действий не обойтись. Без скоординированных усилий всего человеческого общества по противодействию глобальным вызовам современности оно превратится в неуправляемый рынок, который ничего, кроме хаоса, в конечном счете, не создаст (хотя сам по себе рынок, удерживаемый в необходимых границах, является мощной созидательной силой).

Поэтому современному обществу жизненно необходимы глобальные изменения в сфере духовности. Они должны способствовать более глубокому осмыслению места человека в мире, его духовных и материальных возможностей, его будущего.

Кризис современной философии является прямым следствием того, что философия постоянно действует во взаимосвязи с наукой, подобно тому, как раньше она действовала совместно с религией. Сегодня необходимо осознать, что проблемы порождает сама ставка на науку. Ведь философия не конструирует реальность, а познает её и делает это совершенно иначе, чем наука. Философия – это познание того, что нельзя обнаружить экспериментально, нельзя наблюдать ни обычным зрением, ни с помощью самых точных инструментов. Философия – это сфера идей и идеалов, которые не имеют эмпирически познаваемого предмета. И вот сейчас именно эти идеалы и идеи должны приобрести конкретную легитимную форму с учётом специфики глобализированного мира.

Мы являемся свидетелями естественного процесса глобализации. Поэтому идеалы и ценности должны стать востребованными во всех культурах современного глобального общества. К примеру, Восточные культуры рассматривают нравственность в качестве основного условия открытия истины, полагая, что истина открывается только тому, кто прошёл весь путь нравственного совершенствования. В Европейской же культурной традиции – наоборот, сначала необходимо познать истину, и только затем на её основе возможна разумная нравственность. Поэтому новые глобальные идеалы должны сблизить альтернативные подходы, не давая при этом преимуществ ни одному из вариантов, поскольку в ситуациях выбора того или иного глобального сценария развития человечества особенно важно не допускать ошибок, опасных для его существования.

Перечень уже допущенных ошибок начал формироваться несколько десятилетий назад и продолжает расширяться. В современной научной среде он получил название *глобальные проблемы современности*:

1. *Гонка вооружений*, на наш взгляд, является ключевой проблемой. Либо мировая экономика не справится с затратами на создание вооружений, либо у одной из стран возникнет желание покончить с противником одним ударом.

2. *Проблема преодоления непрерывно растущего социально-экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами*, который после начала крушения мировой колониальной системы не превышал нескольких раз, а сейчас увеличился до нескольких порядков.

3. *Продовольственная проблема* – это не просто полуголодное существование трети населения мира. Это и вытекающее из него отсутствие современного медицинского обслуживания и даже доступа к источникам чистой воды для половины населения планеты, которая обречена на массовые эпидемии.

4. *Наличие «ножниц цен»* между низкой рыночной ценой на сельскохозяйственную продукцию, производимую в развивающихся странах, и высокими ценами на промышленную продукцию развитых стран, что приводит к безнадежным долгам первых последним.

5. *Проблемы с топливом и сырьем*, а также с транспортным балансом и мировой торговлей, затрудняющие реализацию ресурсов.

6. *Рост числа погибших* в техногенных катастрофах, который для одних только автокатастроф пошел в мировых масштабах на сотни тысяч, а травмированных – на несколько миллионов ежегодно.

7. *Экологическая проблема* неуклонно приближает человечество к краю пропасти, за которым фатальные последствия загрязнения природы станут необратимыми. По мнению ряда специалистов-экологов, до этой роковой черты остаётся всего несколько десятилетий.

8. *Демографическая проблема* – это резкий рост численности населения, катастрофически увеличившийся в XX веке и обостривший дисбаланс между населением, обеспеченностью продовольствием и экологией.

9. *Проблема расселения (урбанизации)* порождает сосредоточение огромных масс населения в крупных городах при катастрофической деградации села. Это приводит к далеко идущим губительным последствиям и для природы, и общества.

10. *Проблема культуры*, деградация которой ведёт к губительным последствиям для общества, легла в основу всех наших вышеизложенных размышлений.

11. *Проблема здравоохранения*, ставящая вопрос о непрерывно возрастающей угрозе генофонду человечества и тем самым об уменьшении его шансов на выживание.

12. *Проблема антиобщественных явлений*, от наркотиков (включая алкоголь) до преступности, грозящих уничтожить человечество, возможно, даже быстрее, чем гонка вооружений.

13. *Проблема неэффективности международных организаций*, которые до сих пор не могут стать реальной силой, регулирующей взаимоотношения между странами и народами на планете. Сюда же необходимо отнести и проблему искусственно порождённых отдельными странами социально-политических изменений глобального масштаба, без решения которой любые усилия по противодействию иным глобальным проблемам заранее обречены на провал.

С позиций глобалистики как набирающей популярность в современной науке междисциплинарной формы знания, акцентирующей внимание на прикладных исследованиях различных аспектов глобализации и глобальных проблем, ввиду пассивности мирового сообщества и бездействия правительств ведущих мировых держав, глобальная катастрофа неизбежна. Найти теоретический выход из кризиса, охватившего современную цивилизацию, и наметить пути его практического преодоления помогли широкомасштабные дискуссии, развернувшиеся во второй половине XX в. среди западной научной общественности, которая в жарких спорах разбилась на два диаметрально противоположных лагеря. Первый лагерь составляли носители мажорных футурологических традиций 1960-х годов, когда массовой была вера в спасительную силу научно-технического прогресса. Наиболее ярким представителем этого течения был Герман Кан, который не смог смириться с тем, что его футурологический бестселлер «Год 2000» был раскритикован и отвергнут после появления «Футурошока» Элвина Тоффлера и первых докладов Римскому клубу. До самой своей смерти в 1983 г. он доказывал, что в XXI в. наука и техника, несмотря на временные трудности, поднимут человечество на недостижимые высоты. Данное течение общественной мысли было названо «технологическим оптимизмом». Второй лагерь составили его противники из Римского клуба и некоторые другие присоединившиеся к ним течения, названные «экологическими пессимистами». Борьба между «технооптимистами» и «экопессимистами» в итоге привела к появлению альтернативного течения.

Все концепции альтернативистики утверждают, что наиболее распространённая формула эффективности альтернативной цивилизации включает в себя: низкоэнергетичность (т.е. экономичность потребления энергии), высокоустойчивость (т.е. восстановление глобальных балансов

между человечеством и природой), экологическую чистоту, полную демилитаризацию и подлинно человеческую культуру.

Вместе с тем, независимо от нашей оценки происходящего, мы все являемся участниками нового этапа человеческой истории, когда глобализация приближается к своей завершающей стадии и вопрос идёт о судьбе цивилизации. Именно сейчас необходимо выработать новую стратегию развития не только отдельных стран, но и всего глобализующегося мирового социума. Поэтому нужна новая стратегия человеческой деятельности, которая заложит фундамент будущей культурной традиции. Речь идёт о поиске нового типа развития цивилизации, на который должны быть направлены усилия философского сообщества. Нельзя выступать только в роли критика, снимая тем самым с себя ту ответственность за состояние общества, которую должно нести и философское сообщество. Иначе как оно оправдывает своё существование. Лучше вместо критики занялись бы выработкой механизмов сотрудничества для того, чтобы решать важнейшие проблемы.

Мы можем этого пока не признавать, но энергетические потребности безопасного развития цивилизации потребуют от нас нового взгляда на проблемы организации мирового сообщества и важнейшую роль глобального подхода при анализе тенденций и перспектив мирового развития. Но новые механизмы организации человечества должны базироваться не на устаревших принципах обоснования «золотого миллиарда» или игре на конъюнктуре рынка типа «устойчивого экономического развития». В их основе должна лежать концепция, которая эволюционно приведёт к формированию равноправного социума оптимальной численности и иерархии.

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что современному философскому сообществу предстоит жить в целостном глобализированном мире, в котором каждый философ, будь то профессионал-преподаватель или любитель-интеллектуал, станет либо субъектом философии, соавтором нового мировоззрения, новой стратегии выживания человечества, либо будет жалким объектом духовной трансформации. А для этого необходимо, чтобы сама философия стала субъектом, созидающим Глобальное Мировоззрение, его идеологом, способным установить идеалы и ценности, которые и станут будущими ориентирами для глобализированного общества. В противном случае участь философии – оказаться в новом мире в качестве микроскопической броуновской частицы, производящей беспорядочные, бестолковые и бесконечные движения...

*Лысенко В.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Lysenko V.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskaia Moldavskaia Respublika)*

Особенности форм государственно-частного партнёрства

Characteristic features of state-private partnership

Аннотация. Выбор темы статьи обусловлен тем, что мировой опыт показывает важность партнёрских отношений и взаимодействия государства и бизнеса. Развитие новых принципов такого сотрудничества проявляется в формировании институциональных основ таких взаимоотношений и принятия корпорациями на себя социальной ответственности за результаты своей деятельности. В статье рассмотрены сущность и особенности государственно-частного партнёрства, обоснована необходимость его развития как механизма финансового обеспечения инвестиционной деятельности. В статье также выявлены основные проблемы, препятствующие развитию государственно-частного партнёрства, и рассмотрены возможности по их устранению.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, инфраструктурные проекты, инвестиционный климат, инвестиционный потенциал, концессия.

Abstract. The choice of the topic of the article is due to the fact that modern world experience shows the importance of establishing partnerships between the state and business. The development of new principles for such cooperation is manifested in the formation of the institutional foundations of these relationships within the framework of corporate acceptance of social responsibility for the results of their activities. The essence and peculiarities of public-private partnership are considered in the article, the necessity of its development as a mechanism of financial provision of investment activity is grounded. The main problems that hamper the development of public-private partnership have been identified, and opportunities for their elimination have been considered.

Key words: public-private partnership, infrastructure projects, investment climate, investment potential, concession.

Понятие «государственно-частное партнёрство» (далее – ГЧП) не имеет единого общепринятого определения в научной и правовой литературе. Его можно рассматривать как в узком смысле – как конкретные проекты, реализуемые совместно субъектами государственного и частного секторов, так и в широком смысле, когда подразумевается система отношений государства и бизнеса.

Существует мнение о том, что «государственно-частное партнёрство – это долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнёров, направленное на достижение задач публично-правовых образований, повышения уровня доступности и качества публичных услуг, достигаемое посредством привлечения частных ресурсов и разделения рисков между партнёрами» (Халимовский 2016, с. 52).

Особую актуальность тема ГЧП приобрела в условиях мирового финансового кризиса. В этой связи многие отрасли российской экономики почувствовали потребность в государственной поддержке. Сам термин «государственно-частное партнёрство» является дословным переводом английского термина «public-private partnership» (PPP). Он применяется в зарубежных государствах (Франции, Великобритании, США, Канаде, Австрии, Бельгии, Дании, Австралии, Испании, Израиле, Ирландии, Финляндии, Португалии, Греции, Южной Корее, Сингапуре, Чехии). Мировыми лидерами в области частно-государственного партнёрства признаны США и Великобритания, Франция и Германия (Талапина 2015, с. 73).

Государственно-частным партнёрством в России и за рубежом принято называть очень широкий спектр отношений и бизнес-моделей. В широком смысле этот термин применяется при использовании ресурсов для удовлетворения общественных нужд и потребностей. В этой связи сферы применения государственно-частного партнёрства могут быть разнообразны. Сотрудничество между партнёрами может проходить с разнообразным диапазоном задач и компетенций, в рамках различных правовых регулирований.

Практика ГЧП показывает, что они могут осуществляться в самых разнообразных отраслях: транспорт, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, эксплуатация коммунальных сетей, уборка улиц, вывоз и утилизация мусора, экология, недвижимость, общественный порядок и безопасность, телекоммуникации, финансовый сектор, образование и т.д. (Люблинский 2014, с. 35)

Основные формы ГЧП: контракты на обслуживание; контракты на управление; договоры об аренде; контракты на строительство, эксплуатацию, передачу (СЭП) и их разновидности; концессия. Ценным вкладом государства является гарантируемое государством право на использование выделенного ресурса только определённому предприятию, реализующему проект частно-государственного партнёрства.

В России определение понятия «государственно-частное партнёрство» нормативно было установлено в 2015 г. До этого широко применялось в различных нормативных актах: Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р), в

Бюджетном кодексе РФ, в ряде государственных программ. При этом в указанных документах речь идёт лишь об осуществлении деятельности на основании принципов ГЧП, участия в реализации проектов ГЧП и т.п.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 13.07.2015 N 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под ГЧП понимается «юридически оформленное на определённый срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнёра, с одной стороны, и частного партнёра, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнёрстве, соглашения о муниципально-частном партнёрстве, заключённых в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

Одной из причин привлечения бизнеса в государственную сферу является отсутствие у государства необходимых финансовых средств и опыта. С другой стороны, отдельные отрасли не могут быть переданы в собственность бизнесу в связи с тем, что имеют стратегическое значение для обеспечения безопасности государства.

В числе признаков государственно-частных партнёрств можно назвать следующие: сторонами ГЧП являются государство и частный бизнес; взаимодействие сторон закрепляется на официальной, юридической основе; взаимодействие сторон имеет равноправный характер; ГЧП имеет чётко выраженную публичную, общественную направленность; в процессе реализации проектов на основе ГЧП объединяются ресурсы и вклады сторон; финансовые риски и затраты, а также достигнутые результаты распределяются между сторонами в заранее определённых пропорциях.

Среди юристов и экономистов нет единого мнения о том, какие формы взаимодействия власти и бизнеса можно отнести к ГЧП.

Одним из важных вопросов применения ГЧП является вопрос о соотношении роли государства и бизнеса. ГЧП предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а, наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации общественно значимых проектов.

Конкретные формы партнёрства государства и частного бизнеса весьма отличаются друг от друга по используемым методам и по правовому режиму. Но, тем не менее, они воспринимаются как звенья одной системы, поскольку подчинены ряду общих принципов, которые нацеливают их на удовлетворение общественных интересов.

Широкий подход предполагает конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке и т.д. В широком смысле с экономической точки зрения к ГЧП можно отнести любые формы обоюдновыгодного взаимодействия государства и бизнеса. Например, государственные контракты, договоры о передаче прав владения и пользования, концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции.

В широком смысле к основным формам ГЧП в сфере экономики и государственного управления можно также отнести арендные отношения; финансовую аренду (лизинг); государственно-частные предприятия; соглашения о разделе продукции (СРП); концессионные отношения; любые взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса.

В рамках реализации культурной политики «в качестве форм ГЧП могут быть применимы передача в доверительное управление объектов исторического наследия в целях их реставрации за счёт частного капитала и последующей их эксплуатации, проведение культурных мероприятий, создание электронных версий библиотек, музеев, архивов, охрана авторских прав» (Зайцева 2011, с. 33).

В научной сфере могут быть применимы такие формы ГЧП, как создание внебюджетных фондов поддержки научной деятельности, в сфере инновационной деятельности – совместная реализация государством и бизнесом крупных проектов, создание инновационных кластеров, технопарков, бизнес-центров (Берестов 2012, с. 15).

В сфере политической деятельности возможны такие формы ГЧП, как проведение совместных совещаний государственных органов власти и объединений предпринимателей отдельной отрасли экономики, поддержка производителей экспортной продукции, осуществление независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов и т.д.

С правовой точки зрения формы ГЧП можно разделить на корпоративные, в основу которых положено создание проектной компании с участием государства и бизнеса. Есть и такие договорные формы, когда реализация проекта осуществляется на основании договора. С точки зрения целей реализации проектов всё многообразие типов ГЧП можно условно разделить на организационные модели, модели финансирования и модели кооперации.

В качестве примера организационной модели ГЧП можно привести договор концессии. При реализации организационных моделей партнёрства сотрудничество осуществляется за счёт перераспределения отдельных функций и обязательств между партнёрами, привлечения к участию в проекте третьих лиц, при этом в рамках таких соглашений не происходит перераспределения прав собственности.

Под моделями финансирования понимаются «проектное финансирование, договоры, предусматривающие переход прав владения и пользования имуществом (аренда, лизинг, доверительное управление)» (Аверин 2012, с. 110).

К моделям кооперации следует отнести любые формы объединения в целях реализации проекта. Сюда может входить и организация холдинговых структур с целью создания и последующей эксплуатации инфраструктурных объектов.

Особую роль концессии играют в отраслях инфраструктуры, традиционно находящихся в государственной собственности и необходимых для функционирования экономики. К таким отраслям относятся электроэнергетика, железнодорожный транспорт, автодорожное хозяйство, водный и воздушный транспорт (порты, аэропорты), магистральная транспортировка газа, коммунальное хозяйство и т.п.

Другой формой ГЧП являются контракты между государством и бизнесом на оказание технической помощи, выполнение работ, управление, оказание услуг, поставку продукции и т.д.

По контракту на управление собственностью государство оплачивает услуги частного партнёра и несёт операционные риски. С другой стороны, например, по арендному договору, государство получает арендную плату с арендатора, а операционный риск ложится на частную структуру.

Часто контракты имеют форму договоров подряда. Характерной особенностью государственных контрактов является их административная природа. Права собственности на предмет контрактных отношений не передаются государством частному предпринимателю.

В России подобные отношения регулируются Гражданским кодексом РФ, Бюджетным кодексом РФ, Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и другими законами и нормативными актами.

подавляющая часть контрактов на закупку товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд не относится к ГЧП. Такие контракты не предполагают софинансирование реализации проекта частной стороной контракта. Деятельность частного партнёра в рамках контракта осуществляется за счёт бюджетных средств и полностью регламентирована условиями контрактного договора и сметами. Таким образом, для контрактов на закупку товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд не характерны сложные схемы распределения, перераспределения рисков между сторонами, их страхование. Многообразие государственных и муниципальных контрактов на закупку

товаров и услуг, возможность сочетания различных видов таких контрактов иногда стирают грань между ними и ГЧП.

Иной формой ГЧП является соглашение о разделе продукции. Это договор, в соответствии с которым, например, «Российская Федерация предоставляет инвестору – субъекту предпринимательской деятельности – на возмездной основе и на определённый срок исключительные права на поиск, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этими правами работ, а инвестор обязуется осуществить проведение указанных работ за свой счет и на свой риск. Произведённая продукция подлежит разделу между государством и инвестором в соответствии с соглашением, которое должно предусматривать условия и порядок такого раздела» (Солдатова 2016. с.175).

При аренде государственного и муниципального имущества арендные отношения в сфере ГЧП регулируются ГК РФ, Федеральным законом от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» и иными нормативными правовыми актами. Так, согласно ст. 606 ГК РФ по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

Концепция арендных отношений в соответствии с гражданским законодательством заключается в модернизации и развитии арендуемых объектов, которые осуществляются их собственником и арендатору не передаются. Сферой ответственности арендатора является надлежащая эксплуатация объекта. Осуществлённые арендатором отделимые от объекта договора улучшения имущества являются собственностью арендатора. Если произведённые арендатором улучшения неотделимы от имущества, являющегося объектом договора, арендатор имеет право на возмещение публичным органом власти стоимости таких улучшений.

Приведённые выше характеристики договоров свидетельствуют о том, что частный предприниматель и государство находятся в сложных и многоаспектных отношениях. Отличия договоров аренды и концессии в той или иной степени касаются практически всех характеристик указанных договоров.

Участие в капитале государственного предприятия частного инвестора может представлять собой акционирование (корпоратизацию) или создание смешанного предприятия. В Российской Федерации в разной степени используются все формы ГЧП. Это связано с особенностями законодательного регулирования отдельных форм ГЧП. Те формы ГЧП, где установлены дополнительные гарантии защиты интересов сторон, являются наиболее привлекательными как для частных партнёров, так и для государства. К числу таких форм ГЧП относятся концессии, СРП, а с недавнего времени – соглашение о ГЧП.

Иные формы сотрудничества государства и бизнеса (аренда, контрактные отношения) с учетом особенностей российского законодательства в большинстве случаев в рамках отдельных проектов не могут быть классифицированы как ГЧП.

Литература:

1. Аверин 2012 – Аверин А.Н. Механизм социальной политики в современной России и некоторые результаты её реализации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 99-114.

2. Берестов 2012 – Берестов А.П. Государственно-частное партнёрство для развития сельских территорий (Государственно-частное партнёрство как одно из направлений сохранности и развития сельских территорий) // Российское предпринимательство. 2012. № 3 (201). С. 11-16.

3. Зайцева 2011 – Зайцева Н. Основные направления государственной социальной политики в интересах детей // Власть. 2011. № 4. С. 30-33.

4. Люблинский 2014 – Люблинский В. Социальная политика в странах Запада – пример для России? // Власть. 2014. № 11. С. 31-37.

5. Солдатова 2016 – Солдатова Л.А. Зарубежные модели социальной политики в отношении старшего поколения // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 172-185.

6. Талапина 2015 – Талапина Э. Концессия как форма публично-частного партнёрства // Хозяйство и право. 2015. № 4. С.72-78.

7. Халимовский 2016 – Халимовский Ю. Региональное государственно-частное партнёрство: трудности эффективного регулирования // Хозяйство и право. 2016. № 6. С. 51-59.

References:

1. Averin 2012 – Averin A.N. Mekhanizm sotsial'noy politiki v sovremennoy Rossii i nekotoryye yeye rezul'taty // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2012.№2. S.99-114.

2. Berestov 2012 – Berestov A.P. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo dlya razvitiya malogo predprinimatel'stva // Rossiyskoye predprinimatel'stvo. 2012.№3 (201). S.11-16.

3. Zaytseva 2011 – Zaytseva N. Osnovnyye napravleniya gosudarstvennoy sotsial'noy politiki v interesakh detey // Vlast'. 2011.№4. S.30-33.

4. Lyublinskiy2014 – LyublinskiyV. Sotsial'nayapolitikavstranakhZapada - primerdlyaRossii? //Vlast'. 2014. №11.S.31-37.

5. Soldatova 2016 – Soldatova L.A. Zarubezhnyy modeli sotsial'noy politikivotnosheniistarshhegopokoleniya // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2016. №3. S.172-185.
6. Talapina 2015 – Talapina E. Kontsessiyakakformapublichno-chastnogopartnerstva // Khozyaystvoipravo. 2015. № 4. S. 72-78.
7. Khalimovskiy 2016 – Khalimovskiy YU. Regional'noyegosudarstvenno-chastnoyepartnerstvo: trudnostieffektivnogoregulirovaniya / YU.V. Khalimovskiy // Khozyaystvoipravo. 2016. №6. S.51-59.

*Алымова Н.И. (г. Орел, Российская Федерация)
Alymova N.I. (Orel, Russian Federation)*

Диалог поколений: духовно-нравственные и политические ориентиры российского студенчества в начале XX и XXI вв.

Dialogue of generations: the spiritual, moral and political orientations of the Russian students in the early twentieth and twenty-first centuries

Аннотация. Рассматриваются результаты исследования, проведенного в среде студенческой молодежи СПб-го политехнического института, в Орловском университете и на историческом факультете МГУ.

Ключевые слова: студенчество, анкетирование, отношение к учебе, отношение к религии, отношение к политике.

Abstract. This article deals with the research findings conducted among student's youth of St. Petersburg Polytechnic university, Orel university and department of history of MSU.

Key words: studentship, questionnaire, attitude towards education, attitude towards religion, attitude towards politics.

В начале XX в. в России в студенческой среде распространённым явлением были так называемые самопереписи – анкеты, которые представляли собой разнотемные конкретно-социологические исследования студенчества. Исследователями было выявлено 15 подобных самопереписей (Иванов 1999, с.14). Результаты одного из таких анкетирований, проведённых среди студентов Санкт-Петербургского политехнического института в 1912 г., на своих страницах поместила радикальная газета «День», а позже и другие газеты (Вестник Союза русского народа).

В анкете в 1912 г. студентов опрашивали по трём темам: 1) отношение к религии, 2) отношение к учёбе, 3) отношение к

современным им политическим партиям. Вопросы анкеты были предложены нами в декабре 2000 г. студентам исторического факультета Орловского государственного университета (было опрошено 50 человек), факультета «Менеджмент и приборостроение» Орловского государственного технического университета (47 студентов) и на историческом факультете МГУ (43 студента). В 2017 г. анкета вновь была предложена студентам исторического факультета Орловского госуниверситета (35 человек) и Института приборостроения, автоматизации информационных технологий, который в настоящее время входит в состав ОГУ (28 студентов). Результаты анкетирования были следующими:

Отношение к религии (в %):

	1912 г.	2 000 г.	200 0 г.	20 00 г.	20 17 г.	201 7 г.
	СПб .П. ин-т	О ГТУ	МГ У Истфак	О ГУ Истфак	ОГ У Ис тфак	ОГ У ИП АИТ
Признаю т Бога	23,4	4 4,7	72, 1	52	51, 4	14,3
Колеблю тся сказать решительно	22,8	2 9,8	11, 6	28	17, 1	42,9
Отрицаю т	48,3	1 9,1	4,7	12	25, 7	35,7
Уклонил ись от ответа	5,5	6 ,4	11, 6	8	5,8	7,1

Результаты этой анкеты довольно выразительны. Начало XX в., характеризовавшееся, по общему признанию, широким распространением атеистических взглядов, материалистических учений, не могло не охватить студенческую молодежь, особенно учебных заведений технического профиля. Отсюда относительно небольшой процент студентов Санкт-Петербургского политехнического института (1912 г.), сохранивших религиозность (23,4%). Почти столько же в этом вузе было колеблющихся (22,8%) и большое количество студентов было настроено атеистически (48,3%).

В конце XX - начале XXI в., когда в обществе наметился позитивный поворот к религии, ситуация изменилась. У студентов гуманитарных факультетов университетов Москвы и Орла, детально изучающих историю церкви, её вклад в историю культуры, в духовное и нравственное развитие общества, доля верующих довольно высока (в

2000 г. 72,1% и 52% соответственно). У провинциальных студентов технического вуза количество верующих меньше (44,7%), но выше, чем у студентов технических специальностей начала XX в.

К 2017 г. последствия «религиозного бума» конца XX в. ослабели. Тем не менее, более половины студентов-гуманитариев ОГУ в 2017 г. (51,4%) так же, как и в 2000 г. (52%), по-прежнему признали себя верующими. При этом в 2017 г. среди них вдвое возросло количество неверующих (с 12% до 25,7%) и существенно уменьшилась доля колеблющихся (с 28% до 17,1%). Среди студентов технических специальностей к 2017 г. по сравнению с 2000 г. количество верующих уменьшилось с 44,7% до 14,3% и, напротив, возросло число неверующих с 19,1% до 35,7% и колеблющихся с 29,8% до 42,9%.

Отношение к учёбе (в %):

	19 12г.	2 000г.	20 00г.	20 00 г.	20 17 г.	20 17 г.
	С Пб. П. ин-т	О ГТУ	М ГУ Истфак	О ГУ Истфак	О ГУ Ис тфак	ОГ У ИП АИТ
Слушают всех профессоров	3	2 9,8	53 ,5	44	60	64, 3
Только популярных	57	6 3,8	46 ,5	54	40	14, 3
Не слушают ни одного	35	6 ,4	-	2	-	21, 4

Студенты образца 2000 г. и 2017 г. представляются более дисциплинированными, ответственными по отношению к учёбе, чем их сверстники начала XX в. Это ценно и потому, что в современную эпоху источники научной информации достаточно обширны, преподаватель не является её основным носителем. Видимо, влияют и большая мотивированность студентов, их развитые познавательные интересы, а также балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов. Следует отметить, что существующие довольно либеральные порядки во многих вузах уменьшают возможность применения деканатами взысканий к нарушителям учебной дисциплины. Поэтому яркие и содержательные лекции с явно выраженным авторским характером, эффективные методики обучения и поддержания интереса к занятиям, личные и профессиональные качества преподавателей были в нач. XX в. и остаются в нач. XXI в. главными средствами привлечения студентов к активному познавательному процессу в вузе.

Отношение к партиям начала XX в. (в %):

	19 12 г.	2 000 г.	20 00 г.	20 00 г.	20 17 г.	20 17 г.
Т	С Пб.П. ин-т	О ГТУ	М ГУ Истфак	О ГУ Истфак	О ГУ Ис тфак	ОГ У ИП АИТ
Анархистов	3	1 7	-	8	17 ,1	21, 4
Соц-дем.	23	8 ,5	7	18	28 ,5	14, 3
Соц.- рев.	12 ,2	-	16 ,3	4	-	21, 4
Трудовиков	4, 6%	-	-	10	-	-
Кадетов	15 ,5	1 0,6	18 ,6	22	17 ,1	7,1
Мирнообновл енцев	1, 2	-	-	8	2, 8	-
Прогрессистов	1 %	1 9,2	4, 6	2	8, 5	7,1
Октябристов		2 5,6	7	14	8, 5	-
Правых	5	8 ,5	-	8	8, 5	-
Беспартийных	30	1 0,6	46 ,5	6	5, 7	28, 6

Студенты начала XX в. ориентировались в многопартийной российской системе. К 1912 г. деятельность партий в 1905-1907 гг., избирательные кампании в Думы четырех созывов, деятельность российского парламента в 1906-1912 гг., думских партийных фракций давали достаточно материала для понимания политической жизни и выработки политических предпочтений. Любопытно, что почти треть студентов политехнического института Петербурга не поддержала ни одну из партий. Это может быть истолковано как индифферентное отношение к политической борьбе того времени.

В 1912 г. наибольшей популярностью у студентов пользовались социал-демократы (23%). Это, возможно, объяснялось демократическим и преимущественно разночинным составом студентов технического вуза. Партию кадетов поддерживали 15,5% опрошиваемых, партию

социалистов-революционеров 12,2%. Не пользовались популярностью у студенческой молодежи Санкт-Петербургского политехнического института умеренные и крайне правые партии.

Студенты в 2000 г. в основных чертах представляли политическую жизнь начала XX в. Большое количество студентов МГУ отнеслись к партиям начала XX в. индифферентно (46,5%). Наибольшие симпатии у студентов вызвали либеральные партии кадетов (18,6%), а из радикальных – партия эсеров (16,3%). Характерно полное неприятие анархистов и правых.

У провинциальных студентов политические предпочтения в 2000 г. обозначились несколько иначе. Наибольшие симпатии у студентов-историков ОГУ в 2000 г. вызвала партия кадетов (22%), довольно много выявилось сторонников социал-демократов (18%). Любопытно, что интерес студентов-историков ОГУ привлекли и относительно умеренные среди социалистических партий трудовики (10%) и либерально-консервативные октябристы (14%).

В позиции студентов технического университета г. Орла в 2000 г. обращают на себя внимание, с одной стороны, наибольшие симпатии к партии умеренно-либерального дворянства и российских торгово-промышленников – «Союзу 17 октября» (25,6%), к реформаторским партиям прогрессистов и кадетов (соответственно 19,2% и 10,6%). Одновременно часть студентов технического вуза предпочла анархистов (17%), социал-демократов (8,5%) и правых (8,5%).

В 2017 г. отношение провинциальных студентов к политическим партиям начала XX в. меняется. У студентов технических специальностей положительное отношение более всего вызвали радикальные партии: анархисты (21,4%), социалисты-революционеры (21,4%) социал-демократы (14,3%). Одновременно многие из них высказались за беспартийных (28,6%). В 2017 г. также выросла доля студентов истфака ОГУ, поддерживающих партии социал-демократов, с 18% до 28,5%, анархистов – с 8% до 17,1%. Одновременно выросло в суммарном выражении число студентов истфака, положительно оценивших реформаторские партии кадетов (17,1%) и прогрессистов (8,5%) – всего 25,6%.

Студентам начала XXI в. было предложено обозначить своё отношение к современным им партиям.

Отношение к партиям начала XXI века (в %):

2000 г.	2000 г.	2000 г.	2000 г.	2017 г.	2017 г.	2017 г.
Поддерживают	О ГТУ	М ГУ Истфа	О ГУ Истфа	Поддерживают	О ГУ Истфа	О ГУ ИПАИ

		к	к		к	Т
Единство	4 4,7	9, 3	40	Единая Россия	42 ,8	35, 7
Отечеств о – вся Россия	2 1,3	23 ,3	8	Справедл ивая Россия	-	-
КПРФ	4 ,2	-	12	КПРФ	11 ,4	-
ЛДПР	2 ,1	-	8	ЛДПР	8, 5	21, 4
Яблоко	6 ,4	7	2	Яблоко	2, 8	7,1
СПС	1 4,9	18 ,6	4	Родина	2, 8	-
Аграрная партия	-	-	4	Коммуни сты России	-	-
РНЕ	-	-	2	Гражданс кая платформа	-	-
				Зеленые	2, 8	-
Беспарти йные	6 ,4	41 ,8	20	Беспарти йные	28 ,5	35, 7

В 2000 г. большое количество студентов МГУ позиционировало себя стоящими в стороне от политической жизни (41,8%). Эта индифферентность сопоставима с их отношением к политическим партиям начала XX в. Другая часть в общих чертах разделяла политические симпатии московской гуманитарной интеллигенции. Наибольшей популярностью студентов МГУ в 2000 г. пользовалось объединение «Отечество – вся Россия», лидером которого был мэр Москвы Ю.М. Лужков. Следующими по популярности стояли СПС (18,6%), затем «Единство» (9,3%) и «Яблоко» (7%).

В 2000 г. у студентов исторического факультета ОГУ разброс политических симпатий был шире. Хотя предпочтение было отдано партии «Единство» (40%), 12% студентов поддержали КПРФ, по 8% – ОВР и ЛДПР. Среди студентов ОГУ оказалось и небольшое количество сторонников аграрной партии (4%). При этом 20% заявили о своей политической индифферентности. Для студентов ОГТУ в 2000 г. самой популярной партией также оказалась партия «Единство» (44,7%). Для ОГТУ также были характерны симпатии к ОВР и СПС (21,3% и 14,9% соответственно).

В 2017 г. у студентов истфака политические предпочтения оказались приблизительно на прежнем уровне, но выросло число беспартийных с

20% до 28,5%. У студентов ОГУ технических специальностей в 2017 г. политические ориентиры несколько изменились. 35,7% студентов заявили о своей поддержке «Единой России», второе место заняла ЛДПР (21,4%), третье – «Яблоко» (7,1%), более трети заявили о склонности к беспартийности (35,7%).

Несмотря на трудности сравнения ценностных ориентаций провинциального и столичного студенчества начала XX и начала XXI вв., отметим, что при всей своей пестроте студенческие мнения отражают важнейшие мировоззренческие, ценностные, политические тенденции своего времени. Однако это отражение корректируется молодым возрастом студентов, спецификой образования, информационного пространства, средой, в которой осуществляется их формирование, их собственным пусть и небольшим жизненным опытом и стремлением при всех заблуждениях и колебаниях выработать собственную позицию в системе мировоззренческих, нравственных, социальных и политических ориентиров.

Литература:

1. Вестник Союза русского народа. 1912. 28 ноября.
2. Иванов 1999 – Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

References:

1. Vestnik Soyuza russkogo naroda. 1912. 28 noyabrya.
2. Ivanov 1999 – Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii koncza KhIKh – nachala XX veka: socialno-istoricheskaya sudba. M.: ROSSPEN, 1999. 414 s.

*Вострикова В.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Vostrikova V.V.(Orel, Russian Federation)*

Проблема сохранения национальной идентичности России в отечественной либеральной мысли начала XX в.

The problem of preserving the national identity of Russia in the domestic liberal thought of the early twentieth century

Аннотация. Исследуется интерпретация проблемы сохранения национальной идентичности России идеологами отечественного либерализма начала XX в. Показано, что либералы отстаивали идею о необходимости творческого сочетания заимствований и национальной специфики.

Ключевые слова: либерализм, национальная идентичность, теория заимствования, западничество.

Abstract. The interpretation of the problems for preserving the national identity of Russia by the ideologists of Russian liberalism of the early twentieth century is examined. The article shows that liberals defended the idea of the need for creative combination of borrowing and national specifics.

Key words: liberalism, national identity, borrowing theory, Westernism.

Для России начала XXI в. проблема сохранения национальной идентичности имеет особую значимость. Это обусловлено феноменом кризиса национальной идентичности, являющимся результатом не только вовлеченности страны в процесс глобализации, объективно ведущим к повышению экономической и культурной однородности мира (т.е. ситуацией, которую переживают практически все современные государства), но и следствием системных изменений, смены вектора развития страны в конце прошлого века.

Ввиду дискуссионности понятия национальной идентичности следует отметить, что в данной статье под ней понимается ощущение личностью принадлежности к определённой нации. Национальную идентичность следует отличать от этнической. Границу между ними можно провести исходя из того, что последняя более тесно связана с культурными процессами, а национальная идентичность – с понятием государства и концепцией гражданина. В связи с этим, национальная идентичность является более широким понятием, т.к. включает в себя людей различного этнического происхождения и задаёт параметры отличия граждан одного государства от другого, одновременно позволяя людям одной этнической общности определять себя как граждан разных государств и членов разных национальных образований (подробнее об этом: Мёдова 2010, с. 119-125).

Сегодня, как и столетие назад, поиск выхода из кризиса национальной идентичности в России в значительной мере связан с продолжением спора западников и славянофилов. Эта дискуссия, начавшись в XIX в., обрела «второе дыхание» на рубеже XIX-XX в., в обстановке активизации модернизационных процессов в стране. Во вновь разгоревшемся тогда споре западников и славянофилов самое непосредственное участие приняли идеологи российского либерализма. Обращение к дискуссии столетней давности выглядит сегодня обоснованным, поскольку аргументация сторон не утратила своей актуальности.

Можно утверждать, что сущностной характеристикой мировоззрения либеральных идеологов было стремление к сочетанию западных и славянофильских формул (эту позицию отстаивают также: Селезнева 1995, с. 78-80; Попова 2004, с. 18 и др.). Так, П.Н. Милюков в предисловии к «Очеркам русской культуры» писал о своих убеждениях: «В борьбе между двумя противоположными конструкциями русской

истории, из которых одна выдвигала вперед сходство русского процесса с европейским, доводя это сходство до тождества, а другая доказывала русское своеобразие, доводя это своеобразие до полной несравнимости и исключительности, автор занимал примирительное положение. Он строил русский исторический процесс на синтезе обеих черт, сходства и своеобразия» (Милюков 1993, с. 61). «Ни пересадить Европу в Россию, ни сделать русское прошлое настоящим – одинаково невозможно», – настаивал Милюков (Там же. С. 365). Д.И. Шаховской, поддерживая западников, отмечал, что и у славянофилов он «находил родственные нотки» (Шаховской 1917, с. 13). Прежде всего его привлекала защита славянофилами «начал народности», ибо «народность» либерал считал «важным фактором в развитии человека и общества» (Там же).

Вместе с тем правомерно говорить о преобладании в мировоззрении либералов либо западных, либо славянофильских элементов, причем в первую группу входило абсолютное большинство либералов. Исходя из этого, представляется целесообразным сосредоточиться на основных параметрах либерального западничества.

Либералы отстаивали тезис о России как европейской и христианской стране, следующей, хотя и с отставанием, но по общечеловеческому пути, проложенному развитыми странами Запада. «Европеизация России, – писал, в частности, Милюков, – ... есть ... неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды» (Милюков 1990, с. 158). Вместе с тем идеологи либерализма начала XX в. рассматривали своё Отечество как нетипичную европейскую страну. Они относились к России как к восточной разновидности европейской традиции, тем самым впервые поставив, как отмечает Л.В. Селезнева, вопрос о роли и удельном весе неевропейского влияния на национальную психологию русского народа и траекторию его исторического развития (Селезнева 1995, с. 77). По мнению либералов, наиболее мощные импульсы с Востока исходили от монголов и Византии. Они наложили отпечаток на культурную жизнь, на формы экономической деятельности и социальные отношения, но прежде всего на политическую традицию. В результате на Руси закрепилась деспотическая форма правления. Задача России – преодолеть эти восточные рудименты, опираясь на западный опыт.

Восприятие достижений Запада, с точки зрения либеральных идеологов, должно было органически сочетаться с российской спецификой, более того, способствовать наиболее полному раскрытию потенциала нации. Однако либералы предостерегали от преувеличения самобытности России, полагая, что речь должна идти не об особом пути, а о стадильном отставании от передовых западных стран. Подчеркивая единство общемирового исторического процесса, Милюков указывал, что

национальные особенности, хотя и видоизменяют основную его тенденцию, но они сами «не есть нечто искони данное, а благоприобретенное... историческое явление» (цит. по: Селезнева 1995, с 71).

Осмысление западного политического опыта, его сопоставление с историей и политическими реалиями России позволило либералам разработать собственную теорию заимствования, основы которой были сформулированы Б.Н. Чичериным. В наиболее полном виде она представлена в трудах М.М. Ковалевского, Милюкова, В.И. Герье, Н.И. Кареева.

Ковалевский подчёркивал отличие заимствования от подражания. Подражание – это копирование формы явления, при которой ускользает существо последнего. Примером подражания для либерала являлись реформы Петра I. Заимствование же, по мнению Ковалевского, имеет место, когда усваивается существо явления, причём новшество приспособляется к конкретным условиям. «Единственная область, где народы действительно сплошь подражают друг другу, – писал он, – это область науки и техники; во всем остальном они, худо ли, хорошо ли, только приспособляют свои собственные учреждения к новым требованиям, которые по временам, если не постоянно, возникают в их собственной среде. Они приспособляют их, видоизменяя» (Ковалевский 1903, с. 12-13). Согласно теории Ковалевского, процесс заимствования чужого опыта проходит две стадии. Он начинается с подражания не внутренней, а внешней стороне того или иного явления и лишь на следующей – продолжительной по времени – стадии происходит приспособление новых порядков, в т.ч. и на уровне законодательства, к конкретно-историческим условиям страны-реципиента. Таким образом, по Ковалевскому, заимствование является своего рода «второстепенным творчеством» того или иного народа в русле его саморазвития, лишь вдохновляемого иностранными образцами, причём последние «только в том случае пускают в стране корни, когда не противоречат прямо всему тому наследию прошлого, которое слагается из верований, нравов, обычаев и учреждений известного народа» (Там же). Как отмечает Селезнева, формула заимствования по Ковалевскому выглядит следующим образом: заимствование = подражание + приспособление (Селезнева 1999, с. 122). При этом ключевым моментом заимствования является именно адаптационная составляющая.

Приспособление виделось Ковалевскому как долговременный процесс. «Приспособление достигается не сразу и не благодаря изобретательности того или другого бюрократа или действующей при нем канцелярии, – разъяснял либерал. – Оно является последствием постепенно проникающего сознания, что чужой кафтан сшит не по мерке, что надо его удлинить или укоротить, расшить в известных частях,

укрепить в других. Все недостатки “неладно скроенного” сказываются “по мере носки”, и я не отчаиваюсь поэтому, что те заимствования, которые не привились в жизни или стесняют правильный ход её, со временем не то что отпадут, а подвергнутся перестройке по указаниям самой жизни» (Ковалевский 1912, с. 49-50). Таким образом, по Ковалевскому, не общество приспосабливается к заимствованным порядкам, но порядки к потребностям общества.

Либерал был убежден в том, что заимствование есть естественное свойство, присущее всем народам и во все времена, отнюдь не ведущее к уничтожению национальной самобытности. Заимствование английского парламентаризма, указывал он, не мешает французам оставаться французами.

В процессе взаимовлияния роли отдельных стран разнятся. В различные исторические периоды одна или несколько стран выступают как приоритетные объекты сообщения тех или иных элементов общечеловеческого опыта для остальных народов и стран. По убеждению Ковалевского, на рубеже XIX-XX вв. в роли таких стран-доноров выступали западные демократии, а Россия находилась в ряду реципиентов в силу своей отсталости и догоняющего типа развития. На основании этого, полемизируя с приверженцами идеи о полной самобытности российских порядков, либерал замечал: «...когда нам говорят о том, что те или другие порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, национальные, истинно русские, мы вправе ответить, что утверждать нечто подобное – значит идти против уроков мировой истории, знакомящей нас с мировым процессом подражания» (Ковалевский 1997, с. 68).

Существенный вклад в либеральную теорию заимствования внес Милюков. В отличие от Ковалевского, он отводил заимствованию более скромную роль, утверждая, что оно не является логически необходимым. История народа, по Милюкову, создаётся его внутренними силами, а заимствование есть средство реализации самобытного и оригинального национального начала. Конкретизируя способы воздействия заимствования на развитие того или иного национального организма, Милюков указывал, что, во-первых, «ближайшее знакомство с чужим национальным типом бывает на практике первым толчком, вызывающим перемены в сложившейся форме национального сознания» (Милюков 1909, с. 98). Во-вторых, иностранное заимствование Милюков сравнивал с прививкой, посредством которой организм получает некую долю иноземного яда, играющую роль стимулятора собственных возможностей организма (Там же. С. 133). И, наконец, заимствование Милюков уподоблял проявителю фотографии. «Картина была собственно готова до своего “проявления” в растворе, – писал он. – Но всякий фотограф знает, что не только необходим “проявитель” для обнаружения картины, но что

до известной степени, можно повлиять на распределение света и теней на картине, видоизменяя состав раствора. Иностранное влияние обыкновенно играет роль такого «проявителя» созданной историей картины данного национального типа» (Там же. С. 95). Таким образом, по Милюкову, заимствование играет роль стимула самостоятельного национального развития. Как человек лучше понимает себя в сопоставлении с другими людьми, так и социальный организм посредством контакта с другими сообществами раскрывает свой потенциал.

Как и Ковалевский, Милюков утверждал, что заимствование зачастую начинается как внешнее подражание, но эта «внешность» есть «важнейшая часть немого языка культуры», только освоив которую можно углубиться в суть заимствуемых форм. С этих позиций Милюков подходил к оценке реформаторства Петра I. Критикуя петровский «европеизм» за импульсивность, эмоциональность и, как следствие, отсутствие глубины, либерал вместе с тем указывал, что бытовой, формальный европеизм (одежда, жилище, церемониал), которым Петр во многом ограничился, был низшим, но обязательным этапом взращивания европеизма содержательного.

Герье считал заимствование неотъемлемой составляющей исторического процесса на основании единства последнего и постоянного взаимодействия народов. Выстраивая логическую цепочку заимствований, он писал: «Греки получили семена своей культуры с Востока и воспитали римлян, римляне сделались учителями Западной Европы и т.д.» (Герье 1904, с. 178). Во многих случаях подобного рода, отмечал либерал, заимствования были чрезвычайно плодотворны и помогали народам преодолеть отставание от своих более цивилизованных соседей, но в некоторых случаях внедрение чужеродных элементов политической и иной культуры оказывалось прививкой «пустоцвета», который «...только притягивал к себе соки, необходимые для питания целого» (Там же). Исходя из этого, Герье считал, что однозначного ответа на вопрос, являются ли заимствования благом или злом, быть не может. В каждом конкретном случае надо определить природу заимствования, выяснить, будет ли оно простым подражанием тому, что выросло на совсем иной почве и не имеет шансов привиться на новой, или же родная почва уже достаточно подготовлена, чтобы заимствованная форма принесла хорошие плоды. «Нужно иметь в виду, – писал Герье, – что не всякое заимствование есть только подражание... Доступность чужеземному влиянию бывает иногда только признаком того, что в народе начинают проявляться новые потребности, и когда старые формы отжили свой век и потеряли значение, а новые ещё не выработались, общество жадно хватается за готовые формы и понятия, которые находит у других народов, и с их помощью совершает переход в новую ступень

развития» (Там же). Как на пример такого плодотворного заимствования либерал указывал на рецепцию римского права в Германии в XV в. (Там же. С. 179). Таким образом, как и Милюков, при условии подготовленности государства к заимствованию, Герье отводил восприятию иностранного опыта роль катализатора исторического развития.

Кареев, обосновывая свою позицию по вопросу о взаимовлиянии различных культурных форм, критиковал теорию Н.Я. Данилевского о существовании замкнутых культурно-исторических типов. Либерал указывал, что между культурными типами всегда происходили контакты и пробивались культурные «туннели», шел процесс интенсивного взаимного обмена политическими, юридическими и экономическими культурными формами. При этом объективное препятствие на пути заимствования Кареев видел в «базисе» общества – совокупности инстинктов, привычек, навыков, обычаев, нравов, объективируемых в политические, юридические и экономические отношения. Отсюда, по Карееву, вполне возможно, чтобы Италия и Франция переняли формы политического устройства Англии, но это совершенно нереально по отношению к зулусским племенам. Как закон взаимовлияния культур либерал постулировал разделявшееся его политическими единомышленниками утверждение о том, что предрасположение к восприятию какой-либо культурной формы другой нации является результатом внутреннего развития нации-реципиента (Кареев 1992, с. 174).

Идеологи российского либерализма начала XX в. были убеждены в том, что характер усвоения иностранного влияния и его результат зависит от нескольких факторов и прежде всего от субъекта заимствования, от его культуры восприятия иностранного опыта, уровня осмысления и интерпретации последнего. Они предостерегали от попыток привить на национальную почву политические институты, противоречащие исторической традиции. «Нельзя думать, – писал Ковалевский, – что можно навязать стране учреждения и нравы, переворот в которых стоит ей многих усилий и жертв, сжиться с которыми она более не в состоянии иначе как под условием отказа от своего прошлого» (Цит. по: Осипов 1996, с. 136). Аналогично высказывался И.И. Петрункевич. По его мнению, «государство, исторически сложившееся в течение многих веков, создавшее свою национальную культуру, свой умственный и духовный склад, налагающий свою особую печать на весь индивидуальный характер народа и на его общественный строй, ...не может по щучьему велению перестраиваться по любому трафарету, по любой теоретической схеме» (Петрункевич 1993, с. 213).

Одновременно либеральные мыслители были против ускоренного заимствования, насаждения тех культурных форм, для эффективного

функционирования которых условия ещё не созрели. Так, В.А. Маклаков призывал Россию идти по дороге, проторенной западной цивилизацией, «не мечтая всего сразу достигнуть», ибо «для роста всего живого есть своё положенное время. Раньше его вырастают только уроды» (Маклаков 1954, с. 104). Таким образом, теория заимствования русских либералов базировалась на идее эволюционизма.

По убеждению Герье, заранее предположить будущие результаты заимствования можно, но только в том случае, если не ограничиваться оценкой привлекательности тех или иных форм с современных позиций, а делать это «...в союзе с научным историческим методом», ибо только историческая наука может определить, соответствует ли перенимаемая форма «почве», подготовленной предшествующим развитием, или же «заимствование находится в противоречии с понятием органического развития народной жизни» (Герье 1904, с. 179).

Переходя в практическую плоскость, разрабатывая модель переустройства России начала XX в., либералы обращали внимание прежде всего на ведущие западные страны: Англию, Францию, Германию и США, причем ни одна из них не рассматривалась в качестве единственного образца для подражания: предполагалось заимствовать отдельные элементы в каждой из них. Однако внимательнее всего изучался политический опыт Германии, поскольку либералы полагали, что созданная Бисмарком конституционная монархия более всего соответствует российским историческим традициям. Это не подтверждает тезис об англomanии отечественных либералов, долгое время господствовавший в советской историографии. Англофилом среди них можно признать только Ковалевского. Однако и он не считал британскую модель парламентаризма идеальной, указывая прежде всего на неограниченную власть парламента, являющуюся угрозой правам граждан. Французская политическая модель привлекала Маклакова. Исходя из этого, более обоснованным представляется утверждение В.В. Шелохаева о том, что среди русских либералов были сторонники как англосаксонской, так и континентально-европейской модели (Шелохаев 1998, с. 31).

Следует отметить, что либералы ограничивали предмет заимствования лишь «передовыми» странами, недооценивая важность изучения романских, балканских и скандинавских стран. Некоторым исключением может стать обращение Милюкова к конституционному опыту Болгарии.

Ориентируясь на эффективно проявившие себя в странах Запада политические институты, либералы недостаточно внимания уделяли негативному опыту развития представительной демократии.

Таким образом, можно утверждать, что российскими либералами начала XX в. была разработана достаточно целостная теория

заимствования, ориентированная на сохранение национальной идентичности страны. Однако попытка руководствоваться этой теорией в реальной политике в начале XX в. потерпела неудачу по целому ряду причин.

Литература:

1. Герье 1904 – Герье В.И. Идея народовластия и французская революция 1789 г. М., 1904.
2. Кареев 1992 – Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992. С. 171-184.
3. Ковалевский 1912 – Ковалевский М.М. Законодательные заимствования и приспособления // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 47-72.
4. Ковалевский 1997 – Ковалевский М.М. Социология и конкретные науки об обществе // Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Социология. СПб., 1997.
5. Ковалевский 1903 – Ковалевский М.М. Теория заимствования Тарда. М., 1903.
6. Маклаков 1954 – Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
7. Мёдова 2010 – Мёдова Ю.А. О соотношении этнической и национальной идентичности // Философия и общество. 2010. № 4. С. 119-125.
8. Милюков 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.
9. Милюков 1993 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М., 1993.
10. Милюков 1909 – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1909.
11. Осипов 1996 – Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX-начала XX веков. СПб., 1996.
12. Петрункевич 1993 – Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: В 22-х т. Т. 21. М., 1993.
13. Попова 2004 – Попова А.В. Политико-правовые взгляды П.Н. Милюкова. Дисс... к.ю.н. М., 2004.
14. Селезнева 1995 – Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов/н/Дону, 1995.
15. Селезнева 1999 – Селезнева Л.В. Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 121-129.
16. Шаховской 1917 – Шаховской Д.И. Автобиография. М., 1917.

17. Шелохаев 1998 – Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-40.

References:

1. Ger'e V.I. Ideya narodovlastiya i francuzskaya revolyuciya 1789 g. M., 1904.
2. Kareev N.I. O duhe russkoj nauki // Russkaya ideya. M., 1992, pp. 171-184.
3. Kovalevskij M.M. Zakonodatel'nye zaimstvovaniya i prisposobljeniya // Herald Of Europe. 1912, no. 5, pp. 47-72.
4. Kovalevskij M.M. Sociologiya i konkretnye nauki ob obshchestve // Kovalevskij M.M. Sochineniya v 2-h t. Vol. 1. Sociologiya. Saint Petersburg, 1997.
5. Kovalevskij M.M. Teoriyazaimstvovaniya Tarda. M., 1903.
6. Maklakov V.A. Iz vospominanij. New York, 1954.
7. Myodova U. A. O sootnoshenii ehtnicheskoj i nacional'noj identichnosti // Philosophy and society, 2010, no. 4, pp. 119-125.
8. Milyukov P.N. Vospominaniya. Vol. 1. M., 1990.
9. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. V 3 t. Vol. 1. M., 1993.
10. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. Vol. 3, no. 1. Saint Petersburg, 1909.
11. Osipov I.D. Filosofiya russkogo liberalizma XIX-nachala XX vekov. Saint Petersburg, 1996.
12. Petrunkevich I.I. Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya // Arhiv russkoj revolyucii: V 22-h t. Vol. 21. M., 1993.
13. Popova A.V. Politiko-pravovye vzglyady P.N. Milyukova. Diss... k.yu.n. M., 2004.
14. Selezneva L.V. Zapadnaya demokratiya glazami rossijskih liberalov nachala XX veka. Rostov-on-Don, 1995.
15. Selezneva L.V. Rossijskij liberalizm i evropejskaya politicheskaya tradiciya: sozvuchiya i dissonansy // Russkij liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M., 1999. P. 121-129.
16. SHahovskoj D.I. Avtobiografiya. M., 1917.
17. SHelohaev V.V. Russkij liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema // Questions of history, 1998, no. 4, pp. 26-40.

*Райлян Н.Р. (г. Тирасполь
Приднестровская Молдавская Республика)
Raylyan N.R. (Tiraspol,
Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika)*

Социокультурная принадлежность приднестровцев

Socio-cultural belonging of Transnistrians

Аннотация. На основе данных социологического исследования автор приводит интересную статистику того, как население Приднестровья видит свою социокультурную принадлежность.

Ключевые слова: Россия, Приднестровье, социокультурная принадлежность, интеграция, форпост, молдо-приднестровский конфликт.

Abstract. Based on the data of sociological research the author gives interesting statistics of how the population of Transnistria sees its socio-cultural identity.

Key words: Russia, Transnistria, socio-cultural identity, integration, Outpost, the Moldovan-Transnistrian conflict.

Все государства, возникшие в результате распада СССР, с момента своего рождения попали в ситуацию острого дефицита исторической легитимности. По большей части, они не имели опыта государственного существования в тех границах, которые придала им советская власть, и получили собственную независимость в результате констелляции внешних сил, а не собственных мобилизационных усилий, создающих жизнеспособную национальную общность. То есть, по существу, они возникли как государства без естественных границ и политических наций, поставленные перед необходимостью доказывать свою историческую состоятельность. Перспектива исторической состоятельности Молдавии, по всей видимости, всецело связана с её будущей интеграцией в Румынию в той или иной форме. Осознание того, что борьба за Приднестровье лишь препятствует этому процессу, есть задача для ответственной части молдавских элит.

На сегодняшний день главным препятствием в изменении статуса Приднестровской Молдавской Республики население видит в действиях Республики Молдова, поддерживаемой западными структурами, такими, как ООН, ОБСЕ, НАТО. Более того, отказ ОБСЕ и других западных структур признавать независимость Приднестровья в общественном мнении связан со стремлением запада разрушить славяно-православную цивилизацию.

Нами был проведён опрос, который показал, что в общественном мнении приднестровцев отказ ОБСЕ, ООН и других западных структур от признания Приднестровья связан: с отсутствием демократии в Приднестровье – 4,53%; с присутствием российской армии на территории ПМР – 3,78%; с тем, что Приднестровье является форпостом славяно-православной цивилизации, – 84,33 %; затруднились ответить – 7,36 %. На взгляд экспертов, Приднестровье действительно является геостратегическим форпостом российского присутствия в юго-восточной Европе. Сегодняшний выбор России по вопросу о признании итогов референдума 2006 г. в Приднестровье и признании самой ПМР есть, по сути дела, выбор модели дальнейшего существования славяно-православной цивилизации.

Своим главным союзником приднестровцы почти единогласно выбрали Россию. Кроме того, большинство граждан Приднестровья связывают свои надежды на признание и независимость республики именно с Российской Федерацией. Ответы на вопрос «С кем Вы связываете признание Приднестровья?» распределились таким образом: Россия – 96,9%; Украина – 1,5%; Молдова – 1,3%; Румыния – 0,1%; США – 0,1%. По результатам прослеживается и то, что низким рейтингом в этом распределении, помимо Молдовы, Румынии и США, обладает и Украина. Это является следствием экономической блокады, которая состоялась при поддержке Украиной Молдовы. А значит, и уровень доверия к юго-восточному соседу понижается.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что граждане Приднестровья обладают единым мнением на тему того, какое государство действительно поддерживает республику во всех сложных ситуациях. Приднестровское общество абсолютно не чувствует принадлежности к Республике Молдова. Оно идентифицирует себя по культурному, историческому признакам только с Россией. Более того, огромная часть населения желает видеть в качестве своего второго гражданства именно российское. Эту линию можно проследить по вопросу: «Если у Вас появится возможность получить ещё одно гражданство (*помимо ПМР*), то гражданство какого государства Вы примите?» Ответы распределились следующим образом: Россия – 60,2%; Молдова – 9,9%; Украина – 27,3%; Польша – 0,9%; Румыния – 1,7%.

Ключевым вопросом в молдо-приднестровском конфликте является территориальный. Правительство Республики Молдова посягает на приднестровскую землю, зная, что население выразило свою отрицательную позицию относительно вхождения в состав Молдовы на референдумах 1991 г. и 2006 г. В нашем исследовании это отражает вопрос: «Какое из перечисленных высказываний Вам по душе?» Мы получили следующие результаты: ПМР – самостоятельное, суверенное государство – 35,8 %; ПМР – часть России (вторая Калининградская

область) – 54,2%; ПМР – часть Молдовы (вторая Гагаузия) – 5,5%; ПМР – часть Евросоюза – 4,4%.

Ярким подтверждением социокультурной направленности приднестровцев стали выборы Президента ПМР 11 декабря 2016 г. При явке населения в 59,16%, сокрушительную победу одержал Вадим Николаевич Красносельский, за него проголосовали 62,3% явившихся на избирательные участки. А ведь огромная часть предвыборной кампании Красносельского базировалась именно на единстве с Россией. В каждом интервью Вадим Красносельский отмечал, что для Приднестровья остаются весьма значимыми тесные контакты с Россией и партией «Единая Россия». Это подтверждает и тот факт, что российская правящая партия открыла свою первую общественную приёмную за пределами Российской Федерации именно в Приднестровье. «Для меня Россия – день вчерашний, сегодняшний и завтрашний. В этой интеграции спасение нашего народа. Однажды наступит день нашего добровольного вхождения в Россию, и мы работаем над этим», – заявляет Вадим Красносельский.

А новости прошлой недели говорят о серьёзной направленности не только населения Приднестровья, но органов власти. 12 апреля Верховный совет Приднестровья одобрил инициативу правительства республики, в соответствии с которой российский триколор будет приравнен по статусу к государственному флагу страны. Согласно одобренному в первом чтении законопроекту, флаг Российской Федерации будет размещён на административных зданиях. Кроме того, предусматривается его использование на торжествах и официальных мероприятиях.

По мнению авторов инициативы, этот шаг укрепит государственность республики и ознаменует новый этап интеграции с Россией.

Подводя итог всему вышесказанному, с абсолютной уверенностью можно утверждать, что Приднестровье идентифицирует себя исключительно со славянским миром. Приднестровцы чётко осознают, что территория, которую они населяют, любят, называют своей Родиной, является важным геостратегическим объектом – форпостом российского присутствия в юго-восточной Европе.

Литература:

Научные труды и монографии.

1. Абдулатипов 1996 – Абдулатипов Р.Г., Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М.: Гардарики, 1996.

2. Бабилунга, Бомешко 1998 – Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь, 1998.
3. История Приднестровской Молдавской Республики / отв. редактор В.Я. Гросул. Т. 2, ч. 1, Тирасполь: «РИО ПГУ», 2001.
4. Сорокин 1992 – Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Владос, 1992.
5. Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издадельство АСТ», 2003.

Научные журналы, публикации и социологические исследования.

1. Арутюнян 1999 – Арутюнян Ю.В. О национальных отношениях в постсоветских обществах: межнациональный аспект // Социс, 1999, № 4.
2. Берил С.И., Галинский И.Н., Благодатских И.М (ред. коллегия). Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002.
3. Фукуяма 1998 – Фукуяма Ф. Конец истории? // Русский журнал, 1998, № 3.
4. Фукуяма 1998 – Фукуяма Ф. Жизнь после истории // Русский журнал, 1998, № 7.

References:

Scientific papers and monographs.

1. Abdulatipov R.G. Rossiya na poroge xxi veka: sostoyanie i perspektivy federativnogo ustrojstva. [Russia on the threshold of XXI century: status and prospects of the Federal structure.] М.: Gardariki, 1996.
2. Babilunga N.V., Bomeshko B. G. Pridnestrovskij konflikt: istoricheskie, demograficheskie, politicheskie aspekty. [The Transnistrian conflict: historical, demographic, political aspects]. tiraspol, 1998.
3. Grosul V.Ya. (otvetst. redaktor) Istoriya pridnestrovskoj moldavskoj respubliki. t. 2,ch. 1, tiraspol: «rio pgu», [The History Of The Pridnestrovian Moldavian Republic] 2001.
4. Sorokin P. chelovek. civilizaciya. obshhestvo. [People. Civilization.] Society m.: vlados, 1992.
5. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. [The clash of civilizations] m.: ooo «izdadelstvo ast», 2003.

Scientific journals, publications and case studies

1. Arutyunyan Yu.V. O nacionalnyx otnosheniyax v postsovetskix obshhestvax: mezhnacionalnyj aspekt // Socis, [On the ethnic relations in post-Soviet societies: international aspect] 1999, № 4.

2. Beril S.I., Galinskij I.N., Blagodatskix I.M (red. kollegiya). Pridnestrove v geopoliticheskoj sisteme koordinat xxi veka. [Transnistria in geopolitical system of coordinates of the XXI century] Tiraspol, 2002.
3. Fukuyama F. Konec istorii? // Russkij zhurnal, [The end of history?] 1998, № 3.
4. Fukuyama F. Zhizn posle istorii // Russkij zhurnal, [Life after history] 1998, № 7.

*Ковалева М.В. (г. Мценск Орловской области,
Российская Федерация)
Kovaleva M.V. (Mtsensk, Oryol region, Russian
Federation)*

Разрывы памяти о прошлом на территории Мценского края в этническом и культурном аспектах

Historical-memory breaches in the territory of the Mtsensk region in ethnic and cultural aspects

Аннотация. Статья рассказывает об истории города Мценска, расположенного в Орловской области РФ. На протяжении своей истории Мценск входил в разные государственные образования. Критические периоды истории Мценска сопровождались сменой состава населения и массовой гибелью предметов культуры.

Ключевые слова: история России, история Литвы, историческая память, культурные ценности.

Abstract. The article tells about the history of the city of Mtsensk located in the Orel region of the Russian Federation. Mtsensk was a member of various state entities throughout its history. Critical periods in the history of Mtsensk were accompanied by a change in the composition of the population and the massive loss of cultural objects.

Key words: the history of Russia, history of Lithuania, historical memory and cultural values.

Изучающий историю города Мценска Орловской области всегда бывает поражён несколькими обстоятельствами: 1) практически абсолютным отсутствием сохранившихся письменных исторических источников на территории самого района; 2) полным разрушением, сильным повреждением или значительной перестройкой старинных зданий за все периоды истории; 3) массовой гибелью фресковых и живописных изображений религиозного характера; 4) минимальной сохранностью фотографических изображений конца XIX в. – пер. пол. XX в.

Причиной подобного положения дел является особенность исторического развития Мценского края. Она заключается в периодической гибели всего культурного пласта, накопившегося за определённый период на данной территории, которая, как правило, сопровождалась значительной сменой состава населения, так что новоприбывшие жители оказывались генетически не связанными с предыдущей стадией развития местной культуры.

Не углубляясь в дописьменную историю, отметим, что Мценский край входил в ареал расселения славянского племени вятичей. В период феодальной раздробленности Киевской Руси он вошёл в Черниговское княжество, а затем в Новгород-Северское княжество.

По мнению белорусских историков, Мценск впервые попал под влияние Великого княжества Литовского (ВКЛ) в 1362 г., после победы великого князя Ольгерда (1345-1377 гг.) над татарами в битве у Синих Вод, а окончательно – в правление князя Витовта (1392-1430 гг.), после войны ВКЛ в 1406-1408 гг. с Московским государством. С 1409 г. город стал столицей наместничества Мценского и Любуцкого (Любутского) (Города, с. 223-224). На настоящий момент известны несколько наместников мценских и любуцких:

– Григорий Протасьев, в 1422 г. участвовавший в освобождении пленных из рук хана Барака, а в 1424 г. – в разгроме хана Куйдадата. В Белёвской битве 1437 г. между войсками князей Д. Шемяки и Д. Красного с ханом Улу-Мухаммедом мценский наместник тайно перешёл на сторону татар, способствовав поражению московского войска. В 1439 г., когда сведения об этом дошли до московского князя Василия II, Протасьев был казнён.

– Миколай Немерович (ок.1467 г.) – упоминается в направленном великим князем Казимиром на его имя листе от 12 марта 1467 г. как наместник смоленский, любуцкий и мценский (Lietuvos Metrica 1998, с. 44).

– Дмитрий Путятич Друцкий (? – 1486 г.), князь, в 1486-1487 гг. – брянский наместник, с 1492 г. воевода киевский, ум. в 1506 г. (Кром, М., с.166) В 1486 г. сообщал великому князю Казимиру о набегах жителей Московского и Рязанского княжеств. В ответ Казимир отправил посольства в вышеназванные княжества с просьбой наказать виновных, проявляя готовность наказать и своих людей за подобные проступки (Lietuvos Metrica 2004, с. 139). В 2007 г. был опубликован свод памятников русской сфрагистики, где в числе находок упоминалась «литая медная с позолотой матрица печати некоего князя Дмитрия», которую И.О. Хоруженко на основе «типологического соответствия знакам уже известных и точно атрибутированных печатей князей Друцких», идентифицировал как печать мценского и любуцкого наместника: «Золочёная наместничья печать, вероятно, относится к числу

трофеев, захваченных и спрятанных в кладе рязанцами или москвичами в ходе одного из многочисленных, судя по всему, набегов на Любутск» (Хоруженко, с. 122, 126).

– Иван Юрьевич Трубецкой (род. ок. 1435 г. – ум. ок. 1499 г., годы правления – 1486-1490), князь, в 1495 г. получил подтверждение на владение половиной города Трубчевска (Акты 1848, с. 149).

– Борис Семенович Александров (до 1492 г.), в 1492 г. был уведён в плен после взятия города московскими войсками (Акты 1846, с. 123).

– Немира Якубович (ум. в 1494 г.), известен как получатель денежных пожалований в 1486 и 1488 гг. от великого князя с корчем в Емшишках, Волковыске и с мыта в Берестье (Lietuvos Metrica 2004, с. 28, 56).

– Богдан Семенович Сапега (1494-1496), крупный магнат, в 1471-1488 гг. служил господарским писарем великого князя Казимира IV, происходил из богатого феодального рода, владевшего поместьями возле Полоцка и Витебска. В 1504 и 1507 гг. Сапега участвовал в посольствах в Москву, где в 1508-1509 гг. оказался в плену, пока не был обменян на семейство М. Глинского (Андреев, 2017, с. 199; Иоасафовская летопись, 1957, с. 150).

Литовский наместник соединял в себе административные, хозяйственные и судебные функции. Хотя выявлено ограниченное количество документов, относящихся к Мценску, по аналогии можно предположить, что у него был двор, состоящий из каштеляна – помощника по военным делам, подвоеводы – помощника по административно-судебным делам, ключника – сборщика налогов, городничего, отвечавшего за содержание и ремонт замка, конюшего. Основным классом служилых феодалов были бояре, наделяемые имениями за службу, причём не только в окрестностях Мценска. Так, боярин Логвин Курьянов в 1488 г. получил от великого князя два боярских селища в Брянске, а некий Роман Александрович – половину Вышегорода (Lietuvos Metrica 2004, с. 131; Lietuvos Metrica 1998, с. 44).

В документах упоминаются и денежные пожалования мценским боярам. В 1488 г. бояре Василько и Ивашка были пожалованы 10 копами (в копе – 60 грошей) с мыта в Смоленске, а Логвин Курьянов – 3 копами грошей с мыта и корчмы в Брянске. В 1488 г. мценский наместник князь Трубецкой был пожалован 10 копами грошей с мыта и с корчмы в Брянске, а в 1489 г. совместно с мценскими боярами (видимо, прибывшими с ним ко двору) был пожалован с мыта минского, смоленского и брянского «ему ж тридцать коп, а бояром 15 коп» (Lietuvos Metrica 2004, с. 66, 70, 76, 84).

Мценск был господарским городом. Следовательно, в его окрестностях находились великокняжеские имения, обрабатываемые невольной челядью и управляемые старостами из числа феодалов. По

аналогии с другими частями государства, в боярских поместьях трудились крестьяне, имевшие право перехода и не имевшие такового. Бояре обладали правом вотчинного суда с произвольным наказанием, за исключением особо тяжких преступлений.

Вероятно, в литовский период на территории Мценского района появились поселения оседлых татар, характерные и для других частей данного государства (Алаевские дворики, Подтатарское, Якшино) (Пассова 2010, с.135).

С 1480-х гг. Мценск стал испытывать возрастающее давление со стороны Московского княжества и его вассалов. Взаимное противостояние выражалось в набегах, сопровождавшихся уводом в плен жителей, грабежом имущества, поджогами. Несколько раз город брался штурмом. В 1503 г. он окончательно вошёл в состав Московского княжества. Об упадке крепости и уменьшении числа жителей, частично переведённых в глубь русских земель, частично разбежавшихся или погибших, сообщает «Описание Московии» А. Гваньини, где упоминается «местность Мценск, в которой некогда была построена крепость того же названия (развалины которой видны и сейчас). Вокруг этой крепости жили в маленьких хижинах некие люди, которые обычно бежали на эту болотистую равнину как в убежище под натиском татар» (Гваньини 1997, с. 23). Разрыв прежних связей и исчезновение постоянного, связанного корнями с данной местностью населения выразилось в полном официальном забвении этого отрезка истории Мценска. Лишь в местной легенде смутно упоминалось о том, что на горе Самород стоял замок, где жил литовский князь.

Следующие двести лет существования Мценск был пограничной русской крепостью, оборонявшей южную границу от крымских татар. Его гарнизон составляли дети боярские и дворяне, наделяемые именьями в окрестностях и денежным окладом за военную службу, а также казаки и стрельцы, проживавшие в примыкавших к крепости поселениях. Феодалы Мценска отсылались для несения службы в другие крепости, в то же время в самом Мценске служили дети боярские из Болхова, Белёва, Орла, Брянска, Стародуба, Рыльска, Чернигова. По мере того, как татарская опасность ослабевала, город обрастал посадом и пригородными слободами. Последовательное проживание нескольких поколений на одном месте позволило вновь возродить традицию исторической памяти, которая проявилась в сохранении первого каменного здания – Петропавловской церкви, топонимах Караулова гора, Стрелецкая слобода, улица Новоприборная, Становое, Сорожевое. Слабость этих нитей объясняется тем, что в период Смутного времени в Мценске было острое столкновение между сторонниками и противниками самозванца, сопровождавшееся убийствами и разграблением имущества его противников (Крестьянские войны 1974, с. 138). Позже, в 1654 г., моровая

язва унесла в могилу половину жителей, а пожар 1695 г. уничтожил множество имущества, включая церковные здания со всей их утварью (Ковалева 2015).

В XVIII в. Мценск представлял собой город, где на 1000 домов приходилось 14 церквей и 2 монастыря. Путешественник В. Зуев отмечал отсутствие у местных жителей представлений о связях с отдалённым прошлым своего края. Они принимали славянские курганы в окрестностях города за могилы некоей мордвы, побитой их предками с помощью св. Николая (Зуев 1787, с. 210).

В XIX в. Мценск превратился в хлебный торговый центр. В лучшие времена мценская пристань вмещала до 300 барок, полубарок и паромов, а также давала работу 6000 бурлаков, лоцманов, грузчиков, коноводов. Кроме хлеба, город экспортировал конопляное масло, пеньку, сало, солонину и мёд. Эти товары шли в Москву, на Волгу, в столицу. Среди женщин Мценска получило широкое распространение кружевоплетение. Типичность и русскость Мценска отмечали многие современники, что делало его особенно привлекательным в глазах знаменитых местных писателей – И.С. Тургенева и А.А. Фета.

В городе имелась дворянская и купеческая элита, двухэтажными особняками которой застроен центр. Купцы охотно вкладывали средства в строительство и украшение церквей, но слабо уважали образование. Вокруг Мценска располагались усадьбы помещиков, часто не лишённые архитектурных достоинств, но их владельцы почти не влияли на окрестное крестьянское население, являвшееся носителем традиционной культуры. Фольклор, записанный в нашей местности, к сожалению, поздно, показывает, что под внешним благополучием между образованными слоями общества и крестьянством существовала глубокая стена непонимания и неприятия.

Закат хлебной торговли, связанный со строительством железной дороги в 1868 г., выразился в упадке города: «Базары Мценска опустели, деятельность на пристани притихла, и купеческие амбары, которых так много в Мценске, стоят теперь большей частью пустые» (Чаславский 1873, с. 146).

Окончательное крушение местного культурного уклада началось с бедствий 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны. Полностью была сметена дворянская прослойка населения. Крестьяне разгромили и разграбили большинство усадеб. Шло активное перемещение больших масс населения, бежавшего, скрывавшегося или, напротив, переезжавшего в места выделения советской властью крестьянам земли. Одновременно война, голод и болезни стали причинами его сокращения. С фронта не вернулось 37% призванных мужчин губернии, которая превратилась в одну из самых отсталых в Центральном Черноземье. В мае 1924 г. Мценск из-за малочисленности

жителей был ненадолго преобразован в поселок. Уровень образованности широких масс, и до того невысокий, стал ещё ниже. Кроме того, многим было что скрывать относительно своего прошлого или своего участия в последних событиях. Материальный уровень населения не позволял ему заказывать фотографии, возводить значительные постройки, украшать город. Все официальные учреждения располагались в зданиях XIX века.

Непродуманное проведение политики государства госслужащими Орловской губернии привело к тому, что даже в самые благоприятные годы НЭПа местный рынок не смог выйти за рамки мелкой розничной торговли и не был в достаточной мере наполнен промышленными товарами (Гончарова 2001, с. 36, 71, 85). Наряду с государственными мероприятиями по поднятию грамотности и развитию местной инфраструктуры, следует отметить глубокое молчание источников относительно параллельно продолжавшейся гибели памятников культуры прошлого. Мы не знаем, кто и как отдавал приказы о разрушении местных церквей, куда девались хранившиеся в них ценности. Начавшееся вскоре свертывание НЭПа с дальнейшей коллективизацией привели к дезорганизации рынка, регрессу товарно-денежных отношений, «увлечению» властей массовым возбуждением судебных преследований и к новому витку перемещения населения в результате репрессий или попыток затеряться (Гончарова 2001, с. 181-187, 192, 227-256). В итоге в 1940 г. в Мценском районе проживало 50 тыс. жителей, а в самом Мценске – 7500 жителей. Крайняя бедность жителей и их стремление укрыться от политических бурь первой половины XX в. привели к тому, что мало кто был способен вести какие-то записи и заказывать фотографии. Культура большинства крестьян и горожан – это культура умолчания и молчания, стремления к забвению и растворению. Более того, поздние записи фольклора свидетельствуют о возвращении архаичных форм сознания, веры в колдовство и религиозно-фантастического восприятия окружающего.

Великая Отечественная война стала завершающим этапом уничтожения прежней культуры Мценского края. В течение десяти дней Мценск и его окрестности стали местом интенсивных боёв при наступлении немецкой армии на Москву. В их ходе погибли городские музей и библиотека. Архив, вероятно, был уничтожен местными властями ещё накануне подхода врага. Сильные повреждения получили церкви, так как колокольни многих из них использовались солдатами отступающих советских войск как оплот их последнего сопротивления. Предметы народного искусства и материальной культуры массово гибли, закопанные хозяевами в землю в надежде спасти их. Город был занят фашистами, которые решили очистить его от населения, замученного или угнанного в Германию, так что на момент освобождения в нём оказались только два человека.

В послевоенный период основное население города составили жители окрестных деревень, а также других районов страны, прибывшие на строительство промышленных предприятий. Восстановление Мценска местными властями проходило через процесс освобождения от разрушенных зданий. Под этим предлогом были уничтожены пострадавшие в результате боёв, но ещё вполне пригодные к реставрации церкви, находившиеся в центре города. Чудом была спасена нижняя часть церкви Вознесения, так как находившийся среди военных потомок поэта А.С. Пушкина выдал её за дом своего предка боярина Пушки (Неделин 1998, с. 101).

В современном Мценске крайне небольшое количество (скорее единицы) населения может сказать, что они являются коренными жителями. Само исследование истории города и района началось только в 1950-е гг. Мы открываем её, как неизвестную планету, пытаемся по сохранившимся мелким осколкам восстановить картину прошлого, в то же время понимая, насколько многое утрачено и останется для нас недоступным навсегда.

Литература:

1. Акты 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1.1340-1506. СПб, в типографии II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1846.
2. Андреев 2017 – Андреев А., Андреев М. Выдающиеся белорусские политические деятели Средневековья. М.: Litres, 2017.
3. Гваньини 1997 – Гваньини, А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997.
4. Гончарова 2001 – Гончарова И.В. НЭП в Орловской губернии: диссертация. Орел, 2001.
5. Города 2009 – Города, местечки и замки Великого княжества Литовского. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі», 2009.
6. Зуев 1787 – Зуев В. Путешественные записки Василья Зуева от Петербурга до Херсона в 1781-1787 году. СПб: Императорская академия наук, 1787.
7. Иоасафовская летопись 1957 – Иоасафовская летопись. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
8. Крестьянские войны 1974 – Крестьянские войны в России: проблемы, поиски, решения / отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1974.
9. Кром 2010 – Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010.
10. Ковалева 2015 – Ковалева М.В. Повседневная жизнь Мценской крепости в XVII веке // Записки философского факультета

Орловского государственного университета. 2015. № 3 (4). Режим доступа:<http://filos.univ-orel.ru/issue/4/7>

11. Неделин 1998 – Неделин В.М., Ромашв В.М. Архитектурные древности Орловщины. Орёл, 1998.

12. Пассова 2010 – Пассова Р.Н. Топонимика Мценского района // Национальные ценности России. Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции. Орел – Мценск, 2010.

13. Хоруженко 2014 – Хоруженко О.И. «Печать князя Дмитрия» XV в.: проблемы интерпретации // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. №3 (57). С.122-128.

14. Чаславский 1873 – Чаславский В. Хлебная торговля в Центральном районе России. Ч.1. Торговля в Примосковном районе. СПб: в типографии Безобразова и комп.,1873.

15. Lietuvos Metrica 1998 – Lietuvos Metrica (1479 – 1491). Книга 3. Vilnius, 1998.

16. Lietuvos Metrica 2004 – Lietuvos Metrica (1479 – 1491). Книга 4. Vilnius, 2004.

References:

1. Akty 1846 – Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii.T.1.1340 – 1506. – SPb, v tipografii II otdelenija Sobstvennoj E.I.V. kanceljarii, 1846.

2. Andreev 2017 – Andreev A., Andreev M. Vydajushhiesja belorusskie politiche-skie dejateli Srednevekov'ja. – M.: Litres, 2017.

3. Gvan'ini 1997 – Gvan'ini, A. Opisanie Moskovii.– M.: Greko-latinskij kabinet J.A. Shichalina, 1997.

4. Goncharova 2001 – Goncharova I.V. NEP v Orlovskoj gubernii: dissertacija. – Orel, 2001.

5. Goroda 2009 – Goroda, mestechki i zamki Velikogo knjazhestva Litovskogo. – Minsk: Belaruskaja Jencyklapedyja imja Petrusja Brouki, 2009.

6. Zuev 1787 – Zuev, V. Puteshestvennyja zapiski Vasil'ja Zueva ot Peterburga do Hersona v 1781 – 1787 godu.– SPb: Imperatorskaja akademija nauk, 1787.

7. Ioasafovskaja letopis' 1957 – Ioasafovskaja letopis'. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957.

8. Krest'janskie vojny 1974 – Krest'janskie vojny v Rossii: problemy, poiski, reshenija. / otv. Red. L.V. Cherepnin. – M.: Nauka, 1974.

9. Krom 2010 – Krom M.M. Mezh Rus'ju i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca XV - pervoj treti XVI v. – M., 2010.

10. Kovaleva 2015 – Kovaleva, M.V. Povsednevnaja zhizn' Mcenskoj kreposti v XVII veke. // Zapiski filosofskogo fakul'teta Orlovskogo

gosudarstvennogo universiteta. 2015. №3 (4). Rezhim dostupa: <http://filos.univ-orel.ru/issue/4/7>

11. Nedelin 1998 – Nedelin V. M., Romashv V.M. Arhitekturnye drevnosti Or-lovshhiny. Orel, 1998.

12. Passova 2010 – Passova R.N. Toponimika Mcenskogo rajona. // Nacional'nye cennosti Rossii. Sbornik nauchnyh statej vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orel – Mcensk, 2010.

13. Horuzhenko 2014 – Horuzhenko, O.I. «Pечат' knjazja Dmitrija» XV v.: problemy interpretacii. // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2014. №3(57). S.122-128.

14. Chaslavskij 1873. – Chaslavskij, V. Hlebnaja trgovlja v Central'nom rajone Rossii. Ch.1. Torgovlja v Primoskovnom rajone. – SPb: v tipografii Bezobrazova i komp.,1873.

15. Lietuvos Metrica 1998 – Lietuvos Metrica (1479 – 1491). Kniga 3. Vilnius, 1998.

16. Lietuvos Metrica 2004 – Lietuvos Metrica (1479 – 1491). Kniga 4. Vilnius, 2004.

*Негруль В.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Negrul V.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskaia Moldavskaia Respublika)*

**Экономическое сотрудничество как инструмент «мягкой силы»
в решении политических межрегиональных конфликтов**

**Economic cooperation as a tool of «soft power»
in political inter-regional conflict**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению усиления роли экономического фактора в разрешении межрегиональных конфликтов, а также повышению роли «мягкой силы» – экономической, показаны задачи и методы её реализации в условиях Приднестровской Молдавской Республики.

Ключевые слова: глобализация, экономическая политика, дипломатия, конфликт, «мягкая сила», экономическое развитие, инвестиции.

Abstract. Article is devoted to consideration of strengthening role of economic factor in permission of the interregional conflicts, and also to increase in a role of «soft power» – economic, tasks and methods of realization in the conditions of the Transnistrian are shown.

Key words: globalization, economic policy, diplomacy, conflict, «soft power», economic development, investments.

В условиях глобализации экономика и экономическое сотрудничество играют серьёзную роль в международных отношениях. Усиление взаимосвязей между государствами происходит в силу усиления процессов углубления международного разделения труда, развития внешнеторговых отношений и ускорения научно-технического прогресса. Степень открытия национальных рынков регулируется путем многосторонних переговоров, в результате чего растущая экономическая взаимозависимость может выступать главной гарантией безопасности и оказывать влияние на политическое развитие стран (Батурич 2014, с. 54).

Однако процесс расширения экономического сотрудничества часто сталкивается с рядом проблем. Многие современные государства в силу политических преград не могут полноценно участвовать в переговорном процессе, что впоследствии отражается на правовой адаптации к различным международным требованиям. Данные политические предпосылки формируют необходимость поиска альтернативной модели развития государства, которая позволила бы в условиях современного информационного общества создать образ привлекательной, уникальной, конкурентоспособной страны.

В последние годы всё чаще в условиях поиска возможностей развития звучит термин «мягкая сила» («soft power»). Как категория политической науки данный термин появился сравнительно недавно, в начале 90-х годов прошлого века в книге Дж. Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American». Исследователь определил «мягкую силу» как «способность достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение или плату» (Казаринова 2012, с. 5-6). Эффект «мягкой силы» на данный момент в мировой политике реализуется по различным направлениям: сфера коммуникаций, экономика, социальная сфера, культура, туризм.

Исследования, непосредственно связанные с измерением «мягкой силы» основных государств современного мира, стали появляться с середины 2000-х годов. Одним из первых стал проект «Мягкая сила в Азии 2008» Чикагского совета по глобальным вопросам (CCGA) (Whitney C.V., Shambaugh D. 2009, p. 16). Одновременно с этим Денверская исследовательская группа (DRGI) запускает проект под названием «Барометр глобальной мощи» (GPB) в качестве инструмента для оперативной оценки и визуального представления показателей, отражающих силу влияния отдельных стран (Global Power Barometer, 2009). В 2010 г. Дж. Макклори представляет результаты совместного исследования Института государственного управления (IG) и журнала «Монокль», посвящённого глобальному измерению «мягкой силы» и

ранжированию основных государств мира по данному показателю (McClory J. 2010). В 2012 г. результаты измерений и оценки «мягкой силы» группы государств были представлены компанией «Эрнст & Янг» совместно с Московской школой управления и Институтом исследования развивающихся рынков Сколково (Rapid-growth Markets Soft Power Index 2012). Данные исследования позволили разработать общие критерии и сформировать рейтинг «мягкой силы» среди современных государств и отразить динамику и изменения за каждый год.

Преимущество «мягкой силы» в том, что она даёт возможность обойти «жёсткие» политические требования и разрешить проблемы национального масштаба. В данной связи особый интерес представляет применение «мягкой силы» в сфере экономики, которая при грамотном использовании даёт возможность наращивать ВВП и технологичность экономики, улучшать инвестиционный климат, понижать уровень безработицы, регулировать миграционные потоки и создавать привлекательный образ товаров экспорта.

Наиболее успешными примерами применения «мягкой силы» в сфере экономики называют США, Швейцарию, Великобританию, Францию, Японию, Италию, Швецию и др. В политике стран по развитию экономического сектора условно можно выделить три направления: поддержка национального бизнеса, бизнеса страны-партнёра и двустороннее сотрудничество. К примеру, основными направлениями деятельности, обеспечивающими высокий рейтинг Швейцарии с позиции использования инструментов «soft power», являются: банковское дело, туристический сервис, известные бренды авиалиний, образовательная сфера, часовое производство и производство сыров (Глухова 2014, с. 182).

К основным приоритетам итальянской политики «мягкой силы» можно отнести следующие: наращивание торгового и экономического сотрудничества с развивающимися странами; интернационализацию итальянских предприятий; распространение итальянской культуры и итальянского языка за рубежом (МАЕ 2011).

Существуют также примеры эффективного применения «мягкой силы» и непризнанными государствами. К примеру, Тайвань является процветающим государством и смог этого достичь благодаря инструментам «мягкой силы». Ставка была сделана на развитие международных известных торговых марок, достижение больших высот в области науки, техники, искусства, моды, и даже в кулинарном искусстве (Тайвань мягкая сила 2010).

Аландские острова являются одним из самых богатых регионов Европейского Союза. Экономика Аландских островов основана на судоходстве и туризме. Регион является одним из самых автономных среди непризнанных стран в пределах всей Европы. Отношения, установленные между ним и государством Финляндия, являются

наглядным примером модели взаимовыгодного сотрудничества. Экономика региона базируется на производстве и переработке продукции растениеводства, туризме, услугах торговли и транспортировки товаров (Ефимова 2012, с. 82-94).

Данные положительные примеры приводят к необходимости анализа возможностей применения представленных механизмов на территории Приднестровской Молдавской Республики. С момента политического самоопределения Приднестровской Молдавской Республики прошло более 25 лет. В настоящее время безопасность в зоне конфликта обеспечивают Совместные миротворческие силы России. В ходе многочисленных переговоров при посредничестве России, Украины и ОБСЕ достигнуть соглашения по поводу статуса Приднестровья не удалось. Отношения между сторонами конфликта остаются напряжёнными (Харитоновна 2008).

Ситуация усугубляется тем, что представления сторон по ряду позиций, в частности, по вопросу о собственной безопасности, радикально разнятся (Перевозкина 2012). Приднестровье обвиняет Молдавию в многомиллионных долгах, отрицательном импортно-экспортном сальдо, потребляющем характере экономики. Исходя из этих суждений, в Приднестровье господствует мнение о невыгодности и убыточности объединения с Молдавией. Молдавская сторона, в свою очередь, представляет ПМР в виде так называемой «чёрной дыры», зоны контрабанды и криминального режима (Кожокина 2004).

К обвинениям прибавляются и такие объективные факторы, как то, что за более чем 25 лет фактической независимости друг от друга в ПМР и Молдавии успели сложиться две самостоятельные экономики и социально-политические системы, а также независимые элиты с зачастую противоположными интересами, которые ни одна из сторон уже не может игнорировать. В итоге по состоянию на 2017 г. конфликт остаётся неразрешённым, и, по мнению некоторых политологов, отсутствуют какие-либо предпосылки для его политического разрешения в ближайшем будущем.

В связи с непреодолимыми сложностями переговорного политического процесса и его влиянием на экономическую ситуацию в республике, для которой характерно застойное и кризисное состояние, давно назрела необходимость в поиске альтернативных путей урегулирования конфликта и возможного признания ПМР. Приднестровские управленцы и экономисты в последние годы всё чаще говорят о том, что эффективным инструментом урегулирования и влияния на конфликт может стать экономическое сотрудничество и развитие с целью повышения инвестиционной привлекательности региона. Именно инструмент «мягкой силы» («soft power») в условиях жёсткого политического противостояния выглядит наиболее

привлекательным и перспективным. В этой связи наиболее важным приоритетом Приднестровской Молдавской Республики должно стать формирование привлекательной деловой репутации для всех возможных бизнес-партнёров.

В ближайшем будущем судьба экономики Приднестровья во многом будет определяться изменениями, происходящими в регионе. Европейский союз, реализуя политику соседства, стремится интегрировать Молдову и Приднестровье в крупные экономические проекты, которые служат начальным этапом европейской интеграции региона (Харитоновна 2013, с. 136). Наряду с этим в последние несколько лет Российская Федерация также реализовала несколько крупных инвестиционных проектов в регионе, которые способствовали укреплению связей. Однако импульсы к взаимодействию и трансформациям должны приходить не только от потенциальных бизнес-партнёров, а зарождаться в самой республике, что будет способствовать инициированию переговоров и возможному налаживанию вариантов сотрудничества. Это позволит выработать новую концепцию развития региона экономическими инструментами, несмотря на политическую нестабильность. Пошаговое расширение экономических связей, укрепление деловой репутации, создание нового «образа» инвестиционно привлекательного государства может дать возможность восстановить экономику страны, а в дальнейшем даже наращивать её потенциал.

Для того, чтобы привести в действие инструмент «мягкой силы» в сфере экономики, следует использовать ряд преимуществ, которыми обладает Приднестровская Молдавская Республика.

Во-первых, это удобное транспортно-географическое положение и развитая транспортная инфраструктура. Через Приднестровье проходит Пан-Европейский транспортный коридор – самый длинный из десяти общеевропейских транспортных коридоров, который протянулся от Финляндии до Болгарии и Греции, с веткой до Одессы (Украина). Через территорию Приднестровья проходят две международные железнодорожные и две магистральные автодороги международного значения.

Во-вторых, энергогенерирующие предприятия Приднестровья ЗАО «Дубоссарская ГЭС» и ЗАО «Молдавская ГРЭС» не только в полном объёме обеспечивают потребности промышленного производства и населения, но и осуществляют экспортные поставки.

В-третьих, наличие достаточно развитой банковской системы. В сфере банковских розничных услуг получили развитие внутренние и международные карточные платёжные системы.

В-четвертых, Приднестровье располагает собственным ресурсно-сырьевым потенциалом для ведения строительства: металл, цемент, кирпич, известняк, песок, известь, гравий и пр. На территории

республики функционируют крупные предприятия – ОАО «Молдавский металлургический завод» (г. Рыбница) и ЗАО «Рыбницкий цементный завод».

В-пятых, высокое качество трудовых ресурсов. Это высококвалифицированные кадры специалистов в области машиностроения, металлургии, энергетики, ткацкого, швейного и обувного производств, винодельческой, садоводческой и консервной промышленности.

В-шестых, Приднестровье располагает значительным промышленным потенциалом. В состав промышленного комплекса входят следующие отрасли: электроэнергетика; чёрная металлургия; лёгкая промышленность; машиностроение и металлообработка; производство строительных материалов; электротехническая, химическая, деревообрабатывающая, мебельная, полиграфическая, стекольная промышленность.

В-седьмых, Приднестровье располагает условиями для развития интенсивного сельского хозяйства (Сафронова 2011, с. 230).

Существует, конечно, на данный момент и ряд объективных негативных факторов, ограничивающих развитие республики.

Во-первых, Приднестровье не обладает международным политико-правовым статусом, что негативно сказывается при налаживании торгово-экономических связей.

Во-вторых, республика находится в зоне негативных геополитических условий. Республика Молдова систематически вводит в отношении предприятий Левобережья Днестра экономические санкции в форме разного рода экономических блокад и эмбарго, в основе которых лежит политическая мотивация.

В-третьих, национальная валюта ПМР является абсолютно неконвертируемой, что не только ограничивает внешнюю торговлю, но и приводит к сильной зависимости экономики от наличия валютных резервов (Федоров 2012, с. 66).

Таким образом, объективные внешнеполитические факторы являются наиболее значимыми препятствиями к хозяйственному процветанию региона. Однако внутренние проблемы субъективного характера также играют существенную роль. За более чем 25-летний период существования руководство государства, имея в руках множество необходимых инструментов и рычагов управления, а также ресурсы, полученные в ходе приватизации, не сумело провести комплекс эффективных реформ, ориентированных на диверсификацию экономической системы и сокращение внешней зависимости. Однако при значительном числе ограничений, стоящих перед Приднестровьем на сегодняшний день, страна обладает всеми необходимыми предпосылками, чтобы развиваться темпами, существенно

превышающими среднемировые, а именно – 8-10% в год. В связи с этим ключевые моменты будущей стратегии развития уже активно обсуждаются приднестровскими специалистами и схематично представлены в следующем виде:

- обеспечение макроэкономической стабильности, в частности, недопущение взрывного роста цен на ключевые группы потребительских товаров;

- улучшение делового климата;

- содействие формированию новых для Приднестровья отраслей, таких, как информационные технологии, аутсорсинг бизнес-услуг и др.;

- стимулирование ускоренного развития малого бизнеса в Приднестровье.

- определение видов сырья и конкретных потребителей произведенной в ПМР продукции;

- увеличение на 50% к 2025 г. числа рабочих мест, сокращение трудовой миграции вдвое к 2020 г.;

- анализ подхода к распределению земли, конкретные меры по обеспечению равного доступа к земле;

- развитие новых отраслей, таких, как туризм, социальные услуги;

- создание условий для качественного роста инвестиций в ПМР (Терзи 2013, с. 239).

Для стабилизации экономики и улучшения инвестиционного климата требуется принятие ряда кардинальных мер, направленных на формирование в стране как общих условий развития цивилизованных рыночных отношений, так и специфических, относящихся непосредственно к решению задачи привлечения иностранных инвестиций. Необходимо учесть, что имидж государства и инвестиционная привлекательность зависят и от успешного позиционирования непризнанного государства через СМИ (Сафронова 2011).

Несмотря на то, что «жесткая сила» и военная мощь продолжают играть важную роль в мировой политике, глобальные перемены всё более настойчиво утверждают новые стратегии поведения на международной арене. В этой связи очевидный рост интереса к «мягкой силе» как инструменту внешней политики и средству обеспечения национальной безопасности можно считать скорее закономерным, нежели случайным, особенно в условиях политического конфликта (Песцов, Бобыло 2015, с. 113). В будущем эффективная политика может включать комплексную реализацию всех направлений «мягкой силы»: культуру; сотрудничество в области образования; научно-техническое сотрудничество; развитие общественной дипломатии и др.

Литература:

1. Батурин 2014 – Батурин Л.М. Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 54-56.
2. Казаринова 2012 – Казаринова Д.Б. Мягкая сила в мировой политике // Вестник РУДН. Серия Политология. 2012. № 4. С. 5-34.
3. Whitney C.B., Shambaugh D. 2009 – Whitney C.B., Shambaugh D. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion. Chicago, The Chicago Council on Global Affairs, 2009. 41 p.
4. Global Power Barometer 2009 – Global Power Barometer. URL: <http://www.drgi.com/globalpowerbarometer.html> (дата обращения: 17 апреля, 2017)
5. McClory J. 2010 – McClory J. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. London, Institute for Government, 2010. 13 p.
6. Rapid-growth Markets Soft Power Index 2012 – Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. EYGM Limited, 2012. 24 p.
7. Глухова 2014 – Глухова Е.В. Политика soft power в Швейцарской конфедерации // Дискурс-Пи. 2014. № 2-3. С.182-183.
8. MAE 2011 – MAE 2011 La nuova Farnesina per il Sistema Paese, 2011 // Ministero degli Affari Esteri: <http://www.esteri.it/mae/ministero/pubblicazioni/allegati/20110615FarnesinaSistemaPaese.pdf> (дата обращения: 17 апреля, 2017)
9. Тайвань мягкая сила 2010 – Повышение мировой известности Тайваня посредством «мягкой силы». <http://panzer83.livejournal.com/tag/Тайвань%20мягкая%20сила> (дата обращения: 17 апреля, 2017)
10. Ефимова 2012 – Ефимова Е.Г. Особенности развития бизнеса на островных периферийных территориях Западной Европы (на примере Аландских и Фарерских островов) // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2012. № 3. С. 82-94.
11. Харитонова 2008 – Харитонова Н.И. Приднестровье: война и перемирие (1990—1992 гг.) // Журнал РГГУ. Новый исторический вестник. № 17 (1). 2008.
12. Перевозкина 2012 – Перевозкина М. Конфликт глубокой заморозки // «Московский комсомолец». № 26009. 08.08.2012.
13. Кожокина 2004 – Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития // Молдавия. Современные тенденции развития / Под ред. Кожокиной Е.М. М., РОССПЭН, 2004. С. 349-350.
14. Харитонова 2013 – Харитонова Н.И. Социально-экономическое развитие Приднестровской Молдавской Республики: проблемы и перспективы (1990–2012 годы) // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 41. С. 119-141.

15. Сафронова 2011 – Сафронова Л.М. Конкурентные преимущества Приднестровья для иностранных инвестиций // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 229-231.

16. Федоров 2012 – Фёдоров П.П. Оценка экономико-географического положения и социально-экономического развития Приднестровской Молдавской республики на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2012. № 3. С. 61-69.

17. Терзи 2013 – Терзи Н.В. Особенности социально-экономической политики в Приднестровской Молдавской республике // Бизнес в законе. 2013. №1. С. 237-240.

18. Песцов, Бобыло 2015 – Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2015. № 2 (34). С. 108-114.

References:

1. Baturin L.M. *Vestnik JuUrGU*. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2014. no. 3. pp. 54-56.

2. Kazarinova D.B. *Vestnik RUDN*. Serija Politologija. 2012. no. 4. pp. 5-34.

3. Gluhova E.V. *Diskurs-Pi*. 2014. no. 2-3. pp. 182-183.

4. Povyshenie mirovoj izvestnosti Tajvanja posredstvom «mjagkoj sily». [Increase in world fame of Taiwan by means of «soft power»]. [http://panzer83.livejournal.com/tag/Тайвань% 20мягкая%20сила](http://panzer83.livejournal.com/tag/Тайвань%20мягкая%20сила) (accessed April 17, 2017)

5. Efimova E.G. *Vestnik SPbGU*. Serija 5: Jekonomika. 2012. no. 3. pp. 82-94.

6. Haritonova N.I. *Zhurnal RGGU. Novyj istoricheskij vestnik*. no.17 (1). 2008.

7. Perevozkina M. «*Moskovskij komsomolec*». no. 26009. 08.08.2012.

8. Kozhokina E.M. *Moldavija. Sovremennye tendencii razvitija*. [Moldova and Transnistria: problems and tendencies of development]. М.: ROSSPJeN, 2004. pp. 349-350.

9. Haritonova N.I. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*. 2013. no. 41. pp.119-141.

10. Safronova L.M. *Problemy sovremennoj jekonomiki*. 2011. no. 2. pp.229-231.

11. Fjodorov P.P. *Vestnik RUDN*. Serija: Jekonomika. 2012. no. 3. pp.61-69.

12. Terzi N.V. *Biznes v zakone*. 2013. no. 1. pp.237-240.

13. Pescov S.K., Bobylo A.M. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istorija*. 2015. no. 2 (34). pp.108-114.

Бойко О.А. (Орёл, Российская Федерация)
Boiko O.A. (Orel, Russian Federation)

Этнические архетипы «свои» - «чужие» в современной культуре
Ethnic archetypes of «one's own» - «alien» in modern culture

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные модели понимания и проявления в современной культуре этнической составляющей архетипической дихотомии «свои» и «чужие».

Ключевые слова: архетипы коллективного бессознательного, этнические архетипы, архетипы «свои» - «чужие», этнический Другой.

Abstract. This article discusses the basic models of understanding and manifestations in contemporary culture the ethnic component of the archetypal dichotomy of «one's own» and «alien».

Key words: archetypes of the collective unconscious, ethnic archetypes, the archetypes of «one's own» - «alien», ethnic Other.

Как известно, деление мира на «своих» и «чужих» – неотъемлемая часть любого человеческого бытия, связанная с невозможностью жизни в обществе без осознания своей идентичности (причастности к определённым социальным группам, взглядам, интересам, принципам). С точки зрения концепции швейцарского психолога и мыслителя К.Г. Юнга, становление данных архетипов связано с архаическим развитием человеческого сознания и выделением его из сферы бессознательного. С интенсификацией самосознания и личностного начала коллективная и индивидуальная психика теряет изначальную целостность, в ней возникают противопоставления субъективного и объективного мира, близкого и далёкого, родственного и пугающего. На этом фоне и возникает архетипическая дуальность мировосприятия. Не случайно, древние мифы, сказки, по К. Юнгу, М. Элиаде, К. Леви-Строссу, В.Я. Проппу и др. исследователям, несущие в себе архетипический материал, строятся на противопоставлении бинаризов героя и чудовища, добра и зла, света и тьмы, «людей» и «не людей». Не многим от этой схемы мировосприятия отличаются и современные продукты массовой культуры. В широком смысле всё это соотносится с базовыми архетипами «свои - чужие».

Биологически идентичность со «своими» позволяет придерживаться той среды, которая более безопасна для индивида. В современном мире это прослеживается на уровне воспитания детей, которых учат несколько опасаться незнакомцев, поскольку это может навлечь на ребёнка реальную опасность. Для подростка первостепенной задачей является занять достойное место в компании своих сверстников. У детей и

подростков часто возникает негативная реакция по отношению к людям, которые отличаются от членов привычного сообщества.

Во взрослом состоянии идентичность не менее важна. Какие бы высокие гуманистические идеалы ни провозглашались в обществе, каждый индивид биологически ориентирован прежде всего на самосохранение и сохранение своей семьи и группы, и только потом на сохранение жизни всего человечества. В современном мире люди каждый день сталкиваются с «чужими»: представителями других рас, народов, культур, вкусов, интересов, половых ориентаций и мировоззренческих позиций. Важнейшей задачей человека для выживания в новом глобальном социуме является умение сосуществовать с этими людьми.

Нужно отметить, что с точки зрения концепции коллективного бессознательного, эти архетипические структуры, в стабильном состоянии общества проявляющиеся через безобидные формы культуры (миф, религия, искусство и т.д.), в кризисные периоды приводят к прорыву на социальный уровень негативной энергии древних бессознательных архетипов, доселе скрытой за маской цивилизованного общества (Сикевич, Крокинская, Поссель 2005, с. 9, с. 133-134). В качестве примера такого состояния К.Г. Юнг описывает массовое безумие современной ему Германии времён Гитлера, когда в одной из самых просвещённых стран мира вдруг пробудились теневые этноцентристские архетипические установки (Юнг 2004, с. 361-377). К сожалению, приходится констатировать, что события в современном мире (особенно на Украине) показывают, что не поддающиеся рациональному контролю этнические противостояния сегодня более чем актуальны. Этнические противопоставление и идентичность являются одним из древнейших и самых острых вариантов дихотомии «свои-чужие», чему мы уделим внимание в данной статье.

Отметим, что по исследуемому вопросу в научной традиции сложилось, по крайней мере, три основных подхода: эволюционистский, универсалистский и релятивистский. Согласно *эволюционистской парадигме* считается, что развитие человеческого мышления идёт путём постепенного изживания мифологических форм, предшествующих логическому, аналитическому мышлению. А если таковые и встречаются, то они существуют как «пережитки» (Сикевич, Крокинская, Поссель 2005, с. 17). Следовательно, иррационально-мифологическая сторона антитезы «своего» и «чужого» к нашему времени должна давно уже исчезнуть как устаревшая. Вторая модель отношения к этому вопросу была разработана в рамках *парадигмы универсализма*, согласно которой деление на «своих» и «чужих» – это некая методологическая условность, а разнообразие и различия в культурах – лишь видимость. При всех внешних особенностях культур их внутренние черты (культурные коды) очень похожи. Именно к этой модели относится подход К. Юнга, который

предполагает выделение общечеловеческих структур психики – архетипов коллективного бессознательного. Вслед за этой теорией последовала теория социального бессознательного Э. Фромма, выраженная в его работе «Из плена иллюзий» при описании вытесненных сфер и элементов, свойственных большинству членов общества (Фромм 2017, с. 10-218). Эти аспекты бессознательного человечества достаточно быстро привлекли внимание широкого круга исследователей.

В настоящее время в рамках универсалистского подхода интересующие нас бинаризм изучаются в том числе посредством рассмотрения такого междисциплинарного предмета исследования, как «социальное бессознательное». Важным его аспектом являются именно категории социальной идентификации и дистанцирования как факторы самоопределения группы как целого. При этом могут рассматриваться группы самого разного масштаба: от семьи до этноса и нации (Сикевич, Крокинская, Поссель 2005, с. 8). Именно последние группы интересуют нас.

На наш взгляд, общую характеристику современного состояния архетипов «свои-чужие» с точки зрения универсалистского подхода можно обозначить следующими актуальными тенденциями. Во-первых, данный бинаризм играет важную роль при поддержании социального порядка. Это особенно проявляется в идентификации и дистанцировании «своих и чужих» в системе социального. Во-вторых, действие этих архетипов проявляется в антропологическом оценивании, чувстве «мы» и «не-мы», общественных стереотипах и предрассудках и т.д.

В-третьих, массовое сознание характеризуется стереотипизацией и неразличением лиц «чужих», что происходит в современном информационном обществе по принципу экономии мышления. Инертность восприятия зачастую приводит к негативизму и предрассудкам в отношении этнических «чужих».

В-четвёртых, отмечается сознательное формирование этнических предрассудков, их нагнетание некоторыми конкретными политическими силами с целью манипулирования обществом. Технологией создания отрицательного стереотипа этнического «чужого» являются ксенофобская риторика, усиление страха перед «чужими» как перед враждебной силой и интенсификация этнических предрассудков в СМИ, что мы видим, в частности, на примере формирования отрицательного стереотипа мигранта (Скребцова 2007, с. 115–118; Шерман 2014, с. 41-45).

В-пятых, с точки зрения архетипического подхода К. Юнга, мы можем проследить проявления в восприятии этнического «чужого» архетипа «тени», когда акцент критики этнического чужого смещается в сторону неосознанных или осознанно допустимых в себе, но не в других качествах «своего» народа. Интересно, что исторически связанные, некогда

братские народы чаще наделяют друг друга негативными чертами, обвиняя в своих собственных проблемах, находя таким образом «козла отпущения» (Сикевич, Крокинская, Поссель 2005, с. 148). Архетип тени в этническом противостоянии обнаруживается постоянно. Так, во времена холодной войны СССР и США видели в своем противнике зеркально идентичные отрицательные черты (Бессонова 2016, с. 163-168).

В-шестых, по нашему мнению, сегодня в мире этнический «чужой» достаточно отчётливо рассматривается с позиции маргинальности, все его негативные качества в сознании коренного населения связаны с его социальной, профессиональной и экономической неустроенностью и, как следствие, отторжением. Здесь проявляется ещё одна актуальная дихотомия – извечное противостояние богатых и бедных.

И наконец, не следует недооценивать детерминированность отношений к этническим «своему» и «чужому» идеологией. Проявления этого в современном постсоветском пространстве мы видим в активных попытках переписывания истории, в основе которых лежит мифологическая героизация «своего» этноса и низвержение кумиров советского прошлого. Ранее влияние идеологии на образ этнического «чужого» чётко прослеживалось на примере СССР, когда этнически «чужой» принимался как часть коммунистического будущего, если он «свой» по политическим взглядам. После перестройки, в период социальной нестабильности, негативное отношение к этническим «чужим» сильно обостряется.

Рассмотренные тенденции с точки зрения универсалистского подхода, на наш взгляд могут быть сведены к следующему: этнические «свои» и «чужие» в современной культуре имеют характер политического противостояния, что находит опору в архетипическом бессознательном противопоставлении частей данного бинаризма и поиске «козла отпущения».

Релятивистский подход основан на принципе культурного плюрализма, равенстве культур, максимального изучения их разнообразных особенностей. Эта парадигма хорошо соотносится с постмодернизмом, абсолютизируя фрагментированность поля культуры, отказываясь от любого структурирования. Данная модель влечёт за собой и отказ от чёткости противопоставления различного рода «своего» и «чужого», в том числе и в этническом ракурсе. Важно отметить, что сторонники этого направления в интересующей нас дихотомии принципиально заменяют концепт «чужой» на «Другой». Такая переориентация ведёт к замене смысла: не противостояние, а диалог с уважаемым, равным партнёром. Именно такой терминологией мы и будем пользоваться, характеризуя ниже эту модель.

Выступая одним из теоретиков этого подхода, Е.Н. Шапинская пишет об этничности как характеристике «Другого» следующим образом:

«...это понятие, обозначающее особый способ групповой ассоциации, является сравнительно новым (впервые фиксируется в словаре в 1972 г.) и относится к целому ряду характеристик современного общества. Этот термин характеризует определённого рода сообщества и определяет конфигурации социокультурных элементов и показателей (языка, образа жизни и др.), которые служат основой дистинктивной идентичности» (Шапинская 2012, с. 61).

Остановимся на некоторых тенденциях осмысления этнического «Другого» с точки зрения релятивистской модели. Во-первых, новый взгляд на оппозицию «своего-другого» вызвал взрыв межкультурного общения, произошедший в XX в., что побуждает исследовательский интерес не столько к описанию «своего» и «Другого», сколько к поиску глубинных связей между ними, к интенции взаимодействия. Во-вторых, современное состояние взаимодействующей структуры «свои – другие» отражает новые особенности социальной реальности. Расширение поля человеческих взаимодействий за счёт включения в структуру бытия виртуального мира привело к новому формированию идентичностей. Интернет создаёт сообщества и пространства культуры, в которых размываются прежние модели взаимодействия и восприятия других субъектов. Как пишет знаменитый канадский философ Г.М. Маклюэн, «в такой культуре, как наша, издавна привыкшей расщеплять и разделять вещи ради установления контроля над ними, люди иногда испытывают своего рода небольшой шок, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, приносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» (Мак-Люэн, 2003. с. 10).

В-третьих, в современной постмодернистской картине мира анализируемые конструкты приобретают выраженные черты симулякров. В этом ключе «свой» и «Другой» становятся товарами в символическом обмене, заменяя, искажая саму реальность, а порой и вовсе маскируя полное её отсутствие. Это касается и культуры как набора популярных медиатекстов или туристических символов. Символы экзотической «дружести» активно потребляются в современном мире. Основатель концепции символического обмена Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Пришёл конец отличиям грубым, резким, связанным с расами, безумием, нищетой, смертью» (Бодрийяр, 2000, с. 183). Интересно его мнение, что различие, как и всё остальное, попало под закон рынка (Там же). Как справедливо отмечает Е.Н. Шапинская, в потребительском обществе «дружость» является выгодным товаром, который получил статус массового именно в информационном обществе, поскольку

большая часть этнической другости потребляется виртуально или в виде симулякра. Это связано с тем, что медиаобразы этнических культур доступнее, чем их физическая реальность (Шапинская 2012, с. 79).

В-четвёртых, по законам существования симулякров, происходит гиперболизация изначальных образов «своего» и «Другого». При этом обнаруживается такая черта современной культуры, как усиленная экзотизация «Другого». По словам Ж. Бодрийяра: «Обольщение и экзотика – это избыток «Другого», избыток отличия, это помутнение разума тех, кто чужды друг другу по самой своей природе, это то, что неумолимо, то, что являет собой подменный источник энергии» (Бодрийяр 2000, с. 208).

В-пятых, экзотизация «Другого» находит своеобразное преломление в современном глобальном мире. Известен факт, что обратной стороной глобализации является обострение этнических конфликтов. В этих условиях этнические группы не только не скрывают свои отличия, но зачастую выставляют их напоказ и даже преувеличивают. Культура с позиции сосуществования в ней разных этичностей рассматривается Е.Н. Шапинской как ряд динамических полей, где постоянно идёт работа кодирования, перекодирования и ретерриторизации, тем самым выявляется подвижность границ в культуре и социуме (Шапинская 2012, с. 61-62).

В-шестых, интересным представляется отношение к «Другому» в культурных текстах, которое характеризуется как амбивалентное. С одной стороны, это отторжение «Другого», враждебность к нему, коренящаяся в принципах этноцентризма, перенесённых и на другие типы «других». С другой стороны, происходит присвоение «Другого», что тоже может носить двойной характер: наделение его «своими» качествами и признание «другости» без сопутствующей враждебности. Распространённой культурной практикой стало «присвоение» «Другого», особенно в массовой культуре, легко заимствующей культурные формы, ещё недавно считавшиеся экзотическими и вызывавшие недоумение или усмешку. Этому можно найти примеры в области моды, кулинарии, музыки, рекреации (Шапинская 2009, с. 52).

Таким образом, мы видим, как в релятивистской модели этнический «чужой» размывается, переходя от образа врага в состояние экзотического товара. В области отношения к этнически «Другому» в современной культуре прослеживаются плюралистические тенденции – отторжение, присвоение, создание пространства диалога, переход на позицию «Другого» и дистанцирование от него (Шапинская 2012, с. 83). В то же время архетип «свои» тоже всё больше мифологизируется (в самых разных целях: политических, манипулятивных, патриотических, коммерческих и т.д.). Всё больше стереотипизируется отношение народов к себе самим.

Подтверждением этого могут служить данные нашего опроса, проведённого в апреле 2017 года среди 150 студентов 1 и 2 курса разных направлений подготовки Орловского государственного университета. Опрашиваемым предлагалось быстро написать свои ассоциации со словом «русский», которое в отечественной культуре традиционно соотносится с архетипом этнически своего. В ответах опрошенных неожиданно обнаружилась такая интересная тенденция: большинство студентов дало ассоциацию на слово «русский» с такими стереотипами, которые традиционно можно было бы ожидать только со стороны иностранцев: 25% опрошенных проассоциировали слово русский со словами «медведь», «балалайка», «водка», «матрёшка», «шапка-ушанка». Даже если допустить это как шутку, то с точки зрения теории бессознательного эта шутка не случайна, тем более, если так, не сговариваясь, пошутило большинство. Думается, что этот результат как раз отражает тенденцию к восприятию своей собственной культуры через симулякры (Ж. Бодрийяр) в образах стереотипных отечественных сувениров. Именно такие данные наводят нас на гипотезу, требующую дальнейшего исследования, о том, что, наряду с экзотизацией «Другого», в современной культуре происходит и экзотизация «своего». Интересно, что ассоциацией «свой, родной, брат» на слово-стимул «русский» ответило только 8% опрошенных. Этот факт опроса в очередной раз подтверждает, что бинаризм «свой - чужой» в современном мире размывается. Однако отметим, что, если некоторое число опрошенных всё же стабильно даёт такую реакцию, полного стирания бинаризма ещё не происходит. Другая тенденция, которую выявляют результаты опроса, показывает, что положительные (11%) и отрицательные качества (6,5%) русских названы только с небольшим преобладанием первых. Это подчёркивает амбивалентность русского самосознания, в котором отмечаются одновременно общительность и суровость русских; их оптимизм и хмурость, меланхоличность; трудолюбие и лень; открытость и загадочность русской души. Фиксирование опрошенными негативных качеств русских при незначительном количестве патриотических эмоций (всего у 3% опрошенных) свидетельствует о слабой степени этноцентризма опрошенных, что, на наш взгляд, является положительной тенденцией.

Анализ приведённых интерпретаций архетипических моделей «свои-чужие» и «свои - другие» приводит к вопросу о том, меняются ли в реальности эти архетипы. По нашему мнению, этого не происходит. Дихотомия остаётся, находя для себя более завуалированные формы, в частности, этноцентризма и этнорелятивизма, толерантности и интолерантности. Сегодня в теории не принято открыто говорить о неприятии этнического «Другого», зато в повседневном обиходе современных русских людей часто можно слышать о неприятии

западной ценности толерантности в самых разных его аспектах. Думается, это есть не что иное, как противопоставление «своих» и «чужих», но уже не столько в этническом, сколько в геополитическом и аксиологическом аспектах.

Литература:

1. Бессонова 2016 – Бессонова М.Н. Зеркальные образы холодной войны// Журнал: Новое прошлое. № 3. Ростов-на-Дону: Издательство: Южный федеральный университет, 2016. С.163-168.
2. Бодрийяр 2000 - Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
3. Мак-Люэн 2003 – Мак-Люэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: "КАНОН-пресс-Ц", 2003.
4. Сикевич 2005 – Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. СПб.: Питер, 2005.
5. Скребцова 2007 – Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 115–118.
6. Фромм 2017 – Фромм Э. Из плена иллюзий. М.: АСТ, 2017
7. Шапинская 2012 – Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: КРАСАНД, 2012.
8. Шапинская 2009 – Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации/ Журнал: Обсерватория культуры № 3. М.: Издательство: РГБ, 2009
9. Шерман 2014 – Шерман Е.М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного? // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 30. Современная Россия и мир: альтернативы развития: сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014.
10. Юнг 2004 – Юнг К.Г. Психология нацизма// К.Г. Юнг Душа и миф. Шесть архетипов. Мн.: Харвест, 2004. С.359-378.

References:

1. Bessonova 2016 – Bessonova, M. N. (2016). Novoye proshloye. [The New Past]. № 3. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo: Yuzhnyy federalnyy universitet. P.163-168.
2. Bodriyyar 2000 – Bodriyyar, Zh. (2000) Prozrachnost zla. [The transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet.
3. Mak-Lyuen 2003 – Mak-Lyuen, M. (2003) Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka. [Understanding media: the extensions of man]. Moscow: Zhukovskiy: "KANON-press-Ts".

4. Sikevich 2005 – Sikevich, Z.V. Krokinskaya O.K. Possel Yu.A. (2005) Sotsialnoye bessoznatelnoye. [The social unconscious]. Sankt-Peterburg: Piter.
5. Skrebtsova 2007 – Skrebtsova, T.G. (2007) Politicheskaya lingvistika. [Political Linguistics]. No. 3(23). Ekaterinburg. P. 115–118.
6. Fromm E. 2017 – Fromm, E. (2017) Iz plena illyuziy. [From the captivity of illusions]. Moscow: AST.
7. Shapinskaya 2012 – Shapinskaya, E. N. (2012) Obraz Drugogo v tekstakh kultury. [The image of the Other in the texts of culture]. Moscow: KRASAND.
8. Shapinskaya 2009 – Shapinskaya, E. N. (2009). Observatoriya kultury No. 3. [Observatory of Culture]. Moscow: Izdatelstvo: RGB.
9. Sherman 2014 – Sherman E.M. (2014) Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy. [The Diary of the Altai School of Political Studies]. No. 30. PP.41-45
10. Yung 2004 – Yung, C.G. (2004) Psikhologiya natsizma. [The Psychology of Nazism]. C.G. Yung Dusha i mif. Shest arkhетipov. [Soul and myth. Six archetypes]. Minsk: Kharvest. P.359-378.

Антонова М.А., Коськов С.Н. (г. Орел, Российская Федерация)
Antonova M.A., Koskov S.N., (Orel, Russian Federation)
Лебедев С.А. (г. Москва, Российская Федерация)
Lebedev S.A. (Moscow, Russian Federation)

Современный социум и мировоззренческая проблематика

Modern society and philosophical perspectives

Аннотация. В настоящей статье вводится новая философская категория – мировоззренческая программа. Даётся её общий анализ, а также анализ разнообразных конкретных проявлений в современных социальных технологиях. Социальные сети, информационные потоки вовлекают в свою зону воздействия всё больше и больше людей разных национальностей, разного возраста, разного уровня образованности, разного типа мировоззрения, с большим различием интересов и их многообразием. Проблема осложняется тем, что современная европейская культура находится в кризисе. Кризис – это не только когда трудно в экономическом и социальном плане. Кризис культуры – это прежде всего неработоспособность прежних мировоззренческих программ и смыслов, интенсивный поиск новых духовных оснований культуры. Этот процесс переосмысления прежних фундаментальных мировоззренческих ориентиров европейской культуры с необходимостью требует

внимательной и глубокой рефлексии лежащих в её основе христианских ценностей. Духовным источником христианской мировоззренческой программы является Библия, анализ её основных положений составляет важнейшую и необходимую часть создания современной мировоззренческой программы, в которой должно быть органично соединено религиозное, философское и научное знание.

Ключевые слова: мировоззрение, культура, мировоззренческая программа, христианские ценности, социальные технологии, просветительская парадигма, романтическая парадигма.

Abstract. In this article we introduce a new philosophical category - ideological program. its overall analysis and a variety of specific manifestations in modern social technologies is also given. Social networks, information flows involved in his area of influence more and more people of different nationalities, different age, different level of obrazovannoi, different type of world with lots of different interests and their diversity. The problem is complicated by the fact that modern European culture is in crisis. The crisis is not only when it is difficult in economic and social terms. The cultural crisis is, first of all, the unworkability of the old ideological programs and meanings, an intensive search for new spiritual foundations of culture. This process of rethinking the old fundamental philosophical reference points of European culture necessarily requires careful and deep reflection of the underlying Christian values. The spiritual source of Christian belief is the Bible program, analysis of its main provisions is the most important and necessary part of the creation of a modern ideological program, which should be inherently linked to religious, philosophical and scientific knowledge.

Key words: worldview, culture, worldview program, Christian values, social technologies, educational paradigm, romantiska paradigm.

Введём следующие базовые понятия – мировоззрение, социальные ценности, мировоззренческая программа. Мировоззрение – это совокупность принципов и понятий, образов и представлений, через которые человек осознает себя, мир и своё место в этом мире. Ценность – мировоззренческие смыслы, установки, конституирующие личность и её социальные связи.

Чтобы представить христианские ценности не как застывшие формы, а как работающие социальные ценности и константы бытия, необходимо представить их как процесс (и функционирование как процесс, и становление как процесс), потому что жизнь – это тоже процесс (что является предметом отдельной темы). С этой целью предлагаем ввести новое понятие – мировоззренческая программа.

Мировоззренческая программа – это основные мировоззренческие положения в своём становлении и развертывании, сопряжённые или предполагающие определённые цели: критика вкуса или

незаинтересованность эстетических суждений у Канта (Кант 1994, с. 75), незаинтересованность в литературной критике и в критике вообще как рефлексии культуры, достижение объективности в науке, эффективности в прикладных исследованиях, беспристрастность в оценках себя, других людей, событий; в обыденной жизни – жить без трудов и забот, стать большим и добрым начальником, заниматься творческой работой, человеколюбием, попасть в рай... Эти цели могут служить критериями эффективности в различных областях деятельности, так, например, в обыденной жизни – успешности, в прикладных исследованиях – полезности, в предпринимательской деятельности – прибыльности и т.д. В идеальных случаях полные совпадения такого рода положений – целей и критериев эффективности.

Понятие мировоззренческая программа можно определить и следующим образом: мировоззренческая программа – это мировоззренческие идеи и социальные технологии их реализации (воспитание, обучение, воцерковление, агитация, пропаганда, идеологическая работа, информационные потоки, сети социальных коммуникаций и т.д.). Так, к примеру, в тоталитарных сектах применяются социальные технологии на уровне сетевого маркетинга и поварских рецептов до обидного эффективно, быстро происходит разрушение личности.

Социальные технологии реализации мировоззренческий смыслов бывают самые разные. В современных условиях это прежде всего манипуляции с сознанием, внедрение в мировоззрение отдельного человека, социальных групп, как правило, негативных, неконструктивных ценностей через средства СМИ. В этой связи особо нужно выделить такое явление, как информационные войны: попытку представить идеологию и практические интересы отдельной социальной группы как панацею, спасение человечества во имя очередных светлых идеалов с помощью современных средств информационного и силового воздействия. К примеру, американская демократия. Такие явления, как глобализация (она же американизация) не только экономики, но и культуры тоже требует глобального информационного обеспечения. Если раньше у отдельных людей это сводилось к изданию отдельных книг, статей, то с развитием СМИ, мировой паутины в эти процессы вовлекается большинство населения земного шара непосредственно или опосредованно.

В мировой экономике происходят не менее интересные явления – появление виртуальной экономики, где наблюдается оборот огромных финансовых потоков, куда вовлечены миллионы людей; появление новых виртуальных товаров, к примеру, цифровые кладбища; продажа прав на собственность участков астрономических объектов, за которые платятся реальные деньги и т.п. Назвать «надувательством» такие явления было бы слишком просто.

К таким категориям классической политэкономии, как потребительная и меновая стоимость, необходимо добавить такое новое понятие, как виртуальная стоимость. В условиях зависимости национальной, мировой экономик от финансовых спекуляций биржевых игр, узаконенного мошенничества и незаконченного мошенничества в мировом масштабе (именно так) становится совершенно непонятно, где реальная стоимость той же нефти, бриллиантов, национальной валюты, а где виртуальная. Какова на самом деле стоимость нефти, бриллиантов, денег, тех же брендовых товаров и не брендовых товаров? После того, как виртуальная стоимость материализовалась, стала входить составной частью в стоимость товара, отказ от неё стал невозможен. Хотя бы потому, что такой отказ повлечёт обвал на нефтяном рынке, бриллиантовом рынке и на других рынках, а этого никому не хочется. Игровая ситуация более стабильна, более спокойна, чем глубокий кризис. Более чем сто лет назад американский доллар был обеспечен золотым эквивалентом, затем производством, затем силой, затем информационной, идеологической активностью. Но как выйти из этой ситуации? Монополия доллара – это плохо, как и другая монополия, но и отказ от него тоже ничего хорошего не предвещает.

Заслуживает внимания, анализа такое новое явление, как виртуальный мир социальных сетей. Зачастую происходит подмена реальностей, участники этих сетей вольно или невольно порождают своё другое «я» и вместе с этим виртуальную реальность в совокупности с другими виртуальными «я». При наличии нескритичности, возрастных особенностей, свойств характера теряется дистанция между реальным миром и виртуальным миром.

Отсюда, в частности, всплеск завышенных самооценок, особенно у молодежи на фоне инфантилизма, новых форм зависимостей, непринятие общественным сознанием своих поступков, когда нарушаются буквально все заповеди Моисея. Если их было бы не десять, а тысяча и десять заповедей, то имеется вероятность того, что сегодня могут быть нарушены и все тысяча десять заповедей. Напомним эти: «И изрек Бог [к Моисею] все слова сии, Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой –

суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботный и освятил его. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:1-17) (Библия 1876, с. 247).

Вне зависимости от исторических условий мировоззренческая христианская программа всегда обращена к отдельной личности. Всё хорошее в этом мире выдерживается на уровне личности. Социальные технологии мировоззренческой христианской программы заключаются в призывах, в побуждении человека к милосердию, к человеколюбию и т.д. Если у Моисея в Левите «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18) звучит как приказ, как нормативное требование в повседневной практике, то у Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мт. 22:39) по сути тождественно возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими (Вт. 6:5). Здесь: «...нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужественного пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3: 28, 29). Нет никаких социальных, национальных ограничений. Это нельзя приказать, это нельзя и требовать.

Заповеди блаженства – это тоже не устав гарнизонной службы, это Благие пожелания и призывы. Вы не найдете в Евангелиях дорожной карты счастья. В первый день – первый шаг...второй день – второй шаг... и Вы окей и я окей. В середине третьего века в Северной Африке началась жуткая эпидемия. Историки медицины до сих пор спорят, какая именно, распространилась вплоть до Британии и выкосила половину империи. В Александрии эта страшная эпидемия свирепствовала более двенадцати лет. Начальство сбежало, воинские гарнизоны сбежали, убивать христиан стало некому, хотя угроза введения карателей из соседнего гарнизона была актуальна. Немногочисленная христианская община под руководством св. Дионисия Великого начала борьбу с этой мировой язвой, а больше и некому было. Всегда в кризисные явления в Римской империи при нашествии варваров, междуусобицах, эпидемиях порой никого и ничего не оставалось на территории, жизнь продолжала теплиться только в виде немногочисленных христианских общин под руководством епископа. Эти общины становились структурно

организуящим началом для жизни, вокруг них собирались оставшиеся выжившие люди независимо каких конфессий, так и в этом случае. Одни христиане начали ухаживать за больными, другие подбирать трупы и хоронить, третьи организовывали больницы, четвертые организовывали морг. Проводились вскрытия без всяких мистических завываний, делались описания, анализы заболевания, разрабатывались лекарства, организовывались профилактические мероприятия и т.д. В эту деятельность вовлекались не только христиане, но и язычники, богатые и бедные, не было между ними вражды; не было противоречия между наукой и религией, между христианским и эллинской премудростью, между работами Галена и писанием святых отцов и т.д. В результате эпидемия была побеждена, заложена структура по сути дела современной клиники. Отсюда началось движение госпитальеров как движение милосердия, а никак не воинского ордена. В IV в. в Каподокии Василий Великий создал современную в структурном отношении клинику, куда входила больница, лаборатория, морг. Если Римское государство создавало госпитали для гражданского начальства и воинов, то в госпиталиях, которые организовывались при христианских общинах, милость оказывалась каждому просящему её.

Понятие научное мировоззрение хорошо бы взять в кавычки. Строго говоря, научного мировоззрения быть не может. Наука нам дает картину мира, но какую? Мир науки – это мир научных абстракций, взаимосвязанных формальным дискурсом или другими словами мир научных объектов плюс формально логический дискурс. Здесь нет самого главного – отношения человека к этому объектному знанию, следовательно, нет мировоззрения. Мы по привычке, как правомерные наследники эпохи Просвещения, употребляем понятие научное мировоззрение. Просветительская парадигма культуры угасает, но угасает её конкурент – романтическая парадигма. Абсолютному большинству (мы имеем в виду образованных людей) всё равно, есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, есть ли вода в жидком виде или нет. Более того: социологические опросы показывают, что существенное количество людей в той же Англии убеждены в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Это в первую очередь указывает на падение уровня образованности в целом. Есть и другой аспект – угасание познавательного интереса, его незначимость для «я», для экзистирующего человека. Понятно, что за исследованием Космоса стоят новые технологии, новые возможности, но если «я» не включён в этот процесс, то что мне до этого. У меня нет никакого отношения к этому. Это вне меня и помимо меня.

Последнее время идет обсуждение возможности полёта за пределы Солнечной системы, возможности обустройства стационарных объектов для проживания на других планетах. Есть добровольцы для таких полётов

с билетом в один конец. Но что движет этими людьми: познавательный интерес, самоотверженная преданность науке, авантюризм, экстрим, игра, необычность ощущений..? Просветительский задор жюль-верновских фантазий уже здесь явно неуместен.

Хотелось бы закончить статью пафосно: наступила эпоха экзистирующего человека. Это было бы гениально, но сто лет тому назад. На рубеже XIX-XX веков произошла обвальная смена научной картины мира. Объектный мир, мир научных абстракций, стиль научного мышления, дискурс стали другими, а жизнь осталась прежней (в культурологическом смысле).

На рубеже XX-XXI веков, конечно же, происходит смена научной картины мира, научного мировоззрения. Но уже или пока не стремительно, а вот жизнь меняется. Практически все поколения задействованы в той или иной степени, пассивно или активно, сознательно или несознательно, в меняющейся системе ценностей, создании нового типа мировоззрения, отношения к жизни.

Литература:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.// Синодальные издания 1876. М.: Российское Библейское Общество, 1995. - 1372. Синодальные издания 1876.

2. Кант 1994 – Кант И. Собрание сочинений в 6-ми томах. Том 5. Критика способности суждения, 1994.

References:

1. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta.// Sinodalnye izdaniya 1876. M.: Rossiyskoe Bibleyskoe Obshchestvo, 1995.-1372. Sinodalnye izdaniya 1876.

2. Kant 1994 – Kant I. Sobraie sochineniy v 6-mi tomakh. Tom 5. Kritika sposobnosti suzhdeniya, 1994.

*Бойко А.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Boyko A.A. (Orel, Russian Federation)*

Глобальные проблемы человечества сквозь призму ноосферной концепции

Global problems of mankind through the prism of the noosphere concept

Аннотация. В результате развития процесса ноосферогенеза и становления информационного общества возникает необходимость рефлексии глобальных проблем человечества, связанных с

информационно-коммуникационной сферой. В качестве методологической и мировоззренческой базы решения данных проблем может выступать ноосферная концепция В.И. Вернадского.

Ключевые слова: ноосфера, глобальные проблемы человечества, цифровой разрыв, информационная война, виртуальная реальность.

Abstract. Abstract: the development process of noospherogenesis and the establishment of information society is a reflection of global problems of mankind related to information and communications sector. V.I. Vernadsky's noospheric concept as an example of a methodological and philosophical bases to address these issues.

Key words: noosphere, global problems of mankind, the digital divide, information warfare, virtual reality.

Современная цивилизация, достигшая своих высот во многом благодаря развитию науки и техники, сегодня сталкивается с неразрешимыми проблемами, требующими пересмотра научно-технической, материально-производственной, философской и культурной базы человечества. К данным проблемам относятся прежде всего вопросы планетарного масштаба, от решения которых зависит судьба человечества в целом. Их отличие заключается в необходимости комплексного рассмотрения, т.к. они затрагивают все стороны человеческой жизни и не могут быть разрешены в рамках одного государства, но требуют международного сотрудничества. К ним можно отнести глобальные экологические проблемы, энергетический кризис, проблемы преодоления «общества потребления», проблемы развития науки и техники и многое другое.

При анализе глобальных проблем необходимо опираться на системную методологию, учитывающую тенденции развития современной цивилизации и её влияние на развитие биосферы. Подобным системным видением обладал В.И. Вернадский, предложивший идею единства, целостности и взаимообусловленности микро- и макромиров, космичности жизни и разума, необходимости духовно-нравственного совершенствования человека, лежащие в основании его ноосферной концепции. Учёный понимает ноосферу как завершающую стадию развития биосферы, как сферу разума, составными частями которой являются человечество, живая и неживая природа, объединённые и преображённые деятельностью человека.

Согласно В.И. Вернадскому, ключевую роль в процессе становления ноосферы играет развитие науки и техники, создающее основу для качественного преобразования биосферы. По его мнению, рост науки и техники не может привести к отрицательным результатам, т.к. в принципе он уже не зависит от интересов и воли отдельных людей, но представляет собой тенденцию развития всей биосферы.

Оригинальная ноосферная концепция была разработана В.И. Вернадским в 1930-1940-е гг. и стала трудом всей его жизни, однако современное развитие науки и техники, особенно в информационной сфере, приводит к серьёзным изменениям всех сфер жизни общества. Создание компьютера, микропроцессора, мобильного телефона, Интернета, мультимедийных технологий, разработки в области искусственного интеллекта и робототехники преобразуют окружающую нас социальную и природную действительность. Современный мир пронизан информационными потоками и электромагнитными полями. Количество информации и скорость информационного обмена в обществе постоянно возрастают. Появляется всё больше информационных ресурсов. Развивается информационный сектор экономики. Благодаря развитию технологий преодолевается пространство и время, создаются виртуальные миры, которыми повелевает человек.

Рассматривая глобальные проблемы современности, мы можем наблюдать постепенное смещение внимания исследователей с анализа привычных экологических и ресурсных проблем на проблемы, связанные с развитием информационного общества. Одной из таких проблем является так называемый digital divide, или «цифровой разрыв», под которым понимается как неравенство в доступе граждан к информации, так и различный уровень развития и использования информационно-коммуникационных технологий в странах мирового сообщества (Рожкова 2004, с. 69-70).

Цифровое неравенство можно рассматривать в трёх различных видах. Учитывая глобальный характер информатизации, данный процесс является экономическим и политическим критерием, определяющим положение страны на международной арене. Развитые страны являются монополистами в сфере производства информационно-коммуникационных технологий. Подавляя конкуренцию и захватывая рынок, они диктуют свои условия развивающимся странам, ставя их в зависимое положение. Преодоление данного неравенства возможно на основе разработки грамотной стратегии информатизации, опирающейся не только на опыт других стран, но и учитывающей своеобразие и специфику собственного общества.

Другим видом информационного разрыва является социальная дифференциация внутри общества, проявляющаяся в преимущественном доступе к информации и информационным технологиям определённых слоев населения. В данном случае информационное неравенство является следствием экономического и социального неравенства. Состоятельные слои общества, имеющие доступ к информационным ресурсам, имеют большую возможность получить качественное образование, что способствует их конкурентоспособности на рынке труда, получению высокого дохода. Однако процесс информатизации общества

подразумевает расширение сферы социальной информации, проявляющейся в доступности информационных ресурсов для всех членов общества.

Третий вид информационного неравенства можно назвать региональным. Центральные и более развитые регионы имеют преимущество в доступе к информационным ресурсам. Данная проблема должна решаться политикой децентрализации, предоставляя равные возможности и необходимую поддержку удалённым регионам.

Другой значимой проблемой является правовое регулирование в информационном пространстве, прежде всего в Интернете. Доступность Интернета позволяет преодолеть проблему цифрового неравенства, углубить процессы межкультурной интеграции, превращая мировую цивилизацию в единое информационное общество. С развитием информационных технологий неизбежно возникают проблемы правового характера, связанные с цензурой, авторскими правами, мошенничеством, несанкционированным доступом к конфиденциальной информации и др. Учитывая глобальный характер Интернета, справиться с этой проблемой возможно лишь в рамках международного сотрудничества.

С 16 по 18 ноября 2016 года в китайском городке Учжэнь провинции Чжэцзян прошёл 3-й Всемирный конгресс по вопросам Интернета. Это самый крупномасштабный и самый высокий по уровню конгресс по вопросам Интернета, проводящийся Китае. Тема нынешней конференции обозначена как «Инновации на благо человечества – вместе к формированию сообщества с единой судьбой в киберпространстве». Это уже третья по счету конференция. В ней приняли участие около 1200 руководителей государственных ведомств, ведущих компаний, международных организаций и научно-исследовательских институтов со всего мира.

На предыдущем конгрессе, среди вопросов информационно-экономического характера, активно обсуждались проблемы кибертерроризма, безопасности и кооперации в киберпространстве, конструирования мирного, безопасного, открытого, основанного на сотрудничестве киберпространства и др.

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с программной речью, заявил о необходимости уважать суверенитет каждой страны в интернет-сфере, уважать выбранный путь развития Интернета и модель управления Сетью, право на участие в управлении международным киберпространством. Нельзя допустить, чтобы киберпространство стало «ареной противостояния» между странами и тем более новым рассадником преступности.

Интернет-пространство – это общее пространство человеческой деятельности, его будущая судьба должна решаться всеми странами мира, подчеркнул глава китайского государства, призвав все страны учащать

контакты, расширять спектр вопросов, по которым достигнуто единство взглядов, углубить сотрудничество во имя построения в интернет-пространстве сообщества с единой судьбой (Китай. Электронный журнал).

За прошедший год Учженьская инициатива получила международное признание. Активное развитие инфраструктуры Интернета и цифровой экономики привело к доступности и дешевизне электронных устройств и высокоскоростного и мобильного интернета. Вместе с этим увеличилось количество различных интернет-угроз, что говорит о несовершенстве законов и правопорядка в данной сфере. Ведущие страны осуществляют активный поиск способов сближения международного и национального законодательства, определяющего основные параметры правового регулирования информационного обмена. Интернет-технологии развиваются стремительными темпами, поэтому законодательство, основанное на прецедентном принципе, не успевает подстроиться под данный рост.

В современном международно-политическом пространстве на первый план выступает проблема информационной войны. Информация как средство политической борьбы использовалась на протяжении всей истории человечества, но, учитывая глобальный характер информационных процессов и развитие информационных технологий, современное общество переходит на новый тип политического противостояния, который можно назвать информационной войной. Информационная война отличается от обычной направленностью не на физическое подавление и устранение противника, а на воздействие на общественное сознание с целью управления людьми.

Авторы монографии «Война после войны: информационная оккупация продолжается» В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин длительное время занимались вопросами прогнозирования и экологии, однако пришли к выводу, что экологическая угроза не является наиболее актуальной проблемой современной цивилизации. В условиях развития современного общества наибольшую опасность составляет проблема информационной войны. (Лисичкин, Шелепин 2005). Авторы раскрывают основные методы информационно-психологического воздействия.

Информационно-психологическое воздействие работает по принципу вирусного заболевания, внедряясь в систему противника и заставляя её синтезировать необходимые идейные установки, разрушающие и подрывающие систему изнутри.

Для проведения информационной войны можно использовать прямые и косвенные методы воздействия на сознание людей. К прямым методам можно отнести рациональное и иррациональное внушение, грамотно преподнесенную правду и ложь. К косвенным методам относят

различные способы воздействия на человека с помощью электромагнитных и акустических волн и т.д.

Одним из эффективных методов является внедрение мифов в массовое сознание, искажение и манипуляция историческими сведениями с целью формирования определённой картины мира, создание и оперирование символами, побуждающими к определённым действиям и поведению.

Примеры использования данных методов мы видим в информационном противостоянии России и Украины.

Подобное противостояние может быть реализовано на разных уровнях организации и в разных сферах общества. На данный момент активно используются такие методы информационной борьбы, как формирование общественного мнения с помощью агитации, дезинформации, пропаганды через источники массовой информации. Однако особенно опасным для современного общества может быть несанкционированный доступ, контроль и выведение из строя электронных систем управления, которыми пронизана вся система государственной инфраструктуры.

Ещё одной проблемой современной цивилизации является проблема личности в условиях развития информатизации.

Развитие науки и техники в области информационных технологий продвигается ускоренными темпами, но философская рефлексия данных достижений и их последствий осуществляется *post factum* и в недостаточной степени. Современное общество сталкивается с глобальной проблемой унификации массового сознания, культурной экспансией и потерей национальной идентичности, деградацией языка и ценностных ориентиров.

Потеря языка непосредственно связана с потерей культурной самоидентификации. В современном информационном обществе происходит размывание культурно-языковых границ. Причинами данного процесса являются доминирование одного языка (например, английского) и вытеснение и исчезновение других языков, в основном малочисленных народов, которые не способны подстраиваться под бурно развивающуюся информационную реальность. Вымирание языков сопоставимо с вымиранием видов, вследствие чего возникают нарушения в экосистеме. Залог устойчивого развития экосистемы – это её биоразнообразие. Языковое и культурное разнообразие способствует успешной адаптации и эволюционному развитию. Однако с этой же точки зрения можно предположить, что вымирание языков – это естественный процесс в развитии информационного общества.

Одной из малоисследованных проблем является виртуализация.

Феномен виртуальной реальности активно проникает в разные сферы человеческой жизни.

Дать определение виртуальной реальности достаточно сложно, однако можно выявить ряд отличающих её свойств. Прежде всего, виртуальная реальность является порождённой, второстепенной, относительно «реальной», изначальной реальности. Она является актуальной, поскольку существует «здесь и сейчас», благодаря активности порождающей её реальности. В то же время, виртуальная реальность является автономной. Она имеет свои собственные закономерности существования. Виртуальная реальность активно взаимодействует с другими видами реальности, она интерактивна (Носов 2000, с. 16).

Исходя из данных характеристик, можно выделить множество проявлений виртуальной реальности, начиная от знакомых всем психических состояний сновидения до погружения в киберпространство. Не имея возможности рассмотреть все проявления виртуальной реальности, мы ограничимся анализом современных компьютерных технологий виртуальной реальности.

Одним из наиболее распространённых примеров виртуальной реальности является Интернет и социальные сети. Они стали частью повседневной жизни современного человека, но по сути это виртуальная социальная реальность. Социальные сети являются отражением реальной социальной среды. Мы общаемся, передаем различную информацию, работаем, развлекаемся, но «удалённо». Привычные пространственно-временные закономерности человеческой коммуникации здесь изменяются. Ниточки информационных потоков соединяют города и страны, информация передается практически мгновенно на любые расстояния. Вместо реальной коммуникации, которую довольно сложно контролировать, в социальных сетях у каждого есть возможность практически полной свободы и контроля над исходящими информационными потоками.

Регистрируясь в социальных сетях, мы создаём виртуальную личность, которая существует на нашей «страничке» как в своём собственном мире. Виртуальная реальность позволяет имитировать, отыгрывать любую социальную роль, гарантируя анонимность реальной личности. Высокая степень свободы и отсутствие личной ответственности проявляет бессознательные мотивы человеческой деятельности. Скрываясь за виртуальной личностью, человек раскрепощается, проявляет свое Альтер-эго.

Социальные сети являются, по сути, симуляцией реального общения. В этом мире слабо ощущается необратимость человеческих действий и поступков. Если что-то пошло не так, всегда можно удалить свою «страничку» и завести новую. Часто виртуальный мир социальных сетей позволяет скрыться и убежать от реальных социальных проблем.

Феномен бегства от реальности ярче всего проявляется в виртуальной реальности компьютерных игр. Одним из следствий распространения компьютерных игр является симуляция реальности до состояния стирания границы между «виртом» и реальным миром. Одной из наиболее популярных игр подобного рода является World Of Tanks. Это многопользовательская онлайн-игра в жанре аркадного танкового симулятора. События игры разворачиваются во время Второй мировой войны.

Классический пример симулятора жизни – это игра The Sims, в которой можно управлять одним или несколькими персонажами, выстраивая их личную жизнь, карьеру, развивая навыки и т.д.

На сегодняшний день многочисленные симуляторы боевых действий, различных видов спорта, профессий позволяют погрузиться в любую из возможных жизненных ситуаций, проиграть её в виртуальном мире. Виртуальная реальность способствует адаптации человека. Люди, имеющие различного рода проблемы в сфере реальной коммуникации, могут успешно проявлять себя в виртуальном пространстве.

Реальный мир всегда является проблемным для человека, он не разумен, не устроен по прихоти человека. В виртуальном мире мы отражаем человеческое видение реальности. Это не объективный мир в его классической понимании, это объективно-субъективный мир, созданный человеком. В данном мире мы можем выбирать расу и начальные характеристики своего персонажа. При желании, можем удалить прошлого персонажа и создать нового. Необратимость событий реальной действительности не распространяется на виртуальную реальность, однако в ней существуют такие же причинно-следственные связи, но более рациональные и предсказуемые. Погружаясь в виртуальную реальность, мы перестаём воспринимать реальную действительность как естественную, близкую нам.

Как мы видим, в результате развития процесса информатизации и становления информационного общества рефлексия глобальных проблем человечества смещается с эколого-ресурсной тематики на информационно-коммуникационную сферу. В качестве методологической и мировоззренческой базы решения данных проблем может выступать ноосферная концепция В.И. Вернадского.

Литература:

1. Китай. Электронный журнал.
http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-12/17/content_710063.htm (Дата обращения: 2 апреля 2017).
2. Лисичкин, Шелепин 2005 – Лисичкин ВА., Шелепин ЛА. Война после войны: информационная оккупация продолжается. М., 2005.

<http://www.x-libri.ru/elib/lsshl002/index.htm> (Дата обращения: 2 апреля 2017).

3. Носов 2000 – Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаб. виртуалистики. Выпуск 7. Труды Центра профориентации. М., 2000. С. 16.

4. Рожкова 2004 – Рожкова А.И. Глобальные проблемы современности и информационное общество // Успехи современного естествознания. 2004. № 9. С. 69-70.

References:

1. Kitaj. Elektronnyj zhurnal. http://www.kitaichina.com/se/txt/2015-12/17/content_710063.htm (accessed: April 2 2017).

2. Lisichkin, Shelepin 2005 – Lisichkin VA., Shelepin LA. Vojna posle vojny: informacionnaya okkupaciya prodolzhaetsya. М., 2005. <http://www.x-libri.ru/elib/lsshl002/index.htm> (accessed: April 2 2017).

3. Nosov 2000 – Nosov N.A. Slovar virtualnyx terminov // Trudy lab. virtualistiki. № 7. Trudy centra proforientacii. М., 2000. P. 16.

4. Rozhkova 2004 – Rozhkova A.I. Globalnye problemy sovremennosti i informacionnoe obshhestvo // Uspexi sovremennogo estestvoznaniya. 2004. no. 9.P. 69-70.

*Рябцев И.А. (г. Кишинев, Республика Молдова)
Ryabtsev I.A. (Chisinau, Republic of Moldova)*

Политические потрясения и миграции русского населения Бессарабии в 1897-1930 гг.

Political turmoil and migration of the Russian population of Bessarabia in 1897-1930

Аннотация. Присоединение Бессарабии к Румынии привело к демографической аномалии, частью которой был отток местного русского населения за пределы края, а также из городов в села.

Ключевые слова: миграции, русские, Бессарабия, популяция, румыны, городское, сельское, население.

Abstract. The accession of Bessarabia to Romania led to a demographic anomaly, part of which was the outflow of the local Russian population outside the province, and also from cities to villages.

Key words: migration, Russians, Bessarabia, population, Romanians, urban, rural, population.

Великие потрясения начала XX века: мировая и гражданская войны, присоединение Бессарабии к Румынии – привели к серьёзному изменению состава и структуры русского населения Бессарабии. Одной из важнейших причин данных структурных изменений стала миграция. Потрясения оказали серьёзное влияние как на миграции из/и в Бессарабию, так и на внутренние миграции в системе село-город. Данная работа является попыткой продемонстрировать важнейшие изменения в структуре миграционных процессов, к которым привели эти события.

Довоенная миграция

Исторически сложилось, что русское население Бессарабии сосредотачивалось преимущественно в городах. Уже статистические материалы десятой ревизии, прошедшей в 60-е годы XIX в., показывают некоторое преобладание городского русского населения над сельским (Табак 1990, с. 55). По утверждению В.С. Зеленчука, более 50% русского населения в конце XIX в. жило в городах (Зеленчук 1973, с. 24). А.Ю. Скворцова говорит о «почти половине» (Скворцова 2009, с. 127). Вместе с тем сельское русское население также было значительным. В.С. Зеленчук обнаружил для конца XIX в. 24 чисто русских села и 40 смешанных (Зеленчук 1973, с. 24).

Достоверные данные о демографическом развитии Бессарабии в первые два десятилетия XX в. отсутствуют. Несовершенство статистических источников не позволяет с достоверной точностью определить количественные характеристики населения Бессарабии в начале исследуемого периода, в том числе и русского населения края. Исследователи лишь сходятся во мнении, что за 20 лет, прошедших после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., численность русских в крае значительно увеличилась (Скворцова 2002, с. 120).

Среди русского населения Бессарабии в конце XIX в. были представители всех общественных классов, как привилегированных слоев населения: дворянства, священников, чиновничества, так и более низкого социального положения: купцов, мещан, цеховых ремесленников, крестьян (Абакумова-Забунова 2006, с. 229). При этом русские составляли непропорционально большую, по сравнению с их долей в населении Бессарабии (в 1897 г.), часть обладателей более престижных профессий: согласно данным переписи 1897 г., русские в Бессарабии составляли 66,3% персонала государственно-судебных учреждений и полиции, 54,2% общественной и сословной службы, 58,3% осуществлявших частную юридическую практику, 47% занимавшихся врачебной и санитарной деятельностью, 27% преподавателей и воспитателей (Абакумова-Забунова 2006, с. 270).

Мировая война

В ходе мировой войны происходил значительный приток населения в Бессарабию в качестве промышленных рабочих, в том числе работников железнодорожных предприятий. Это происходило по причине обширной программы строительства новых железнодорожных путей, необходимых для обслуживания потребностей фронтов, что способствовало увеличению городского русского населения (Шорников 2011, с. 45).

Присоединение Бессарабии к Румынии и дальнейший период

В результате событий, последовавших за присоединением Бессарабии к Румынии, соотношение русского населения в городах и сёлах в последующие годы значительно изменилось. Если в норме миграция в развивающемся и индустриализирующемся социуме направлена из села в город, то в данном случае мы видим, что в межвоенный период наблюдалось общее уменьшение численности населения городов Бессарабии, которое сопровождалось оттоком населения в сельскую местность (Скворцова 2002, с. 128). Миграция русского населения была частью данного процесса и вместе с тем имела свою специфику, связанную, в первую очередь, с его относительно привилегированным положением в предшествующий период.

Миграция из городов в сёла обусловила быстрый рост численности сельского населения русского происхождения в 20-е гг. Число русских жителей села к 1930 г. выросло в 3 раза по сравнению с концом XIX в., составив десятую часть всего сельского населения Бессарабии.

Можно назвать некоторые причины данного явления – миграцию из города в село в поисках возможностей для получения дохода, уклонение иммигрантов, которые жили в основном в городах, от регистрации, а также неопределённое положение части коренного русского населения городов, по тем или иным обстоятельствам не оформивших румынского подданства и избегавших регистрации из-за опасения быть высланными из Румынии. Конечно, следует учитывать и более высокую миграционную активность городских жителей, а также уменьшение общей численности городского населения в Бессарабии в межвоенные годы. В этом смысле отток русского населения является частью общей тенденции (Скворцова 2009, с. 130).

Косвенным свидетельством активной миграции из городов в сёла служат данные переписей, свидетельствующие об увеличении числа русских, занятых сельскохозяйственным трудом, и об уменьшении числа тех, кто был занят в сугубо городских отраслях, таких, как торговля и кредит или государственная и частная служба (Скворцова 2002, с. 128). Если в 1897 г. сельским хозяйством занимались 41,4%, а служили 25,4% русских (Скворцова 2009, с. 130), то уже по материалам переписи 1930 г. в сельское хозяйство и сельскохозяйственные промыслы оказались вовлечены 74,3% всех русских, проживающих в Бессарабии, в то время

как на государственной и частной службе было занято лишь 3,5% русских. Уменьшилась также доля русского населения, занятого в промышленности и строительстве, торговой и кредитной сферах (Скворцова 2009, с. 130).

Перепись 1930 г. отмечает, что из общего числа записавшегося как русские населения Бессарабии в 351,9 тыс. – 99,5 тыс. проживало в городах и 252,4 тыс. в сельской местности. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что значительную часть «русского» населения составляли записавшиеся как русские украинцы, а действительное число этнических русских в Бессарабии в 1930 г. не превышало 200 тыс. человек (Табак 1990, 71). Впрочем, даже если поправка И.В. Табак и соответствует действительности, то всё равно ясно просматривается превышение числа сельского населения над городским. В Аккерманском и Измаильском уездах русские составляли пятую часть от всего сельского населения. Необходимо учитывать, что целые сёла русских крестьян фиксируются в этих уездах уже в первой половине XIX в. (Скворцова 2009, с. 132).

В то же время в Хотинском, Сорокском и Бельцком уездах ранее было лишь несколько этнически однородных русских сёл – небольшие по численности Новая Грубна и Липованка в Бельцком уезде, а также более крупные Грубно Хотинского уезда и Покровка и Кунича в Сорокском уезде. Во всех остальных сёлах этих уездов русские жили небольшими группами и соседствовали с другими этносами, которые численно преобладали над ними, что способствовало сильному ассимиляционному воздействию. В конце XIX в. в этих уездах доля русского населения составляла 4–5%. Тем значительнее тот факт, что перепись 1930 г. показывает: доля русского населения во всём сельском населении увеличилась втрое, а их абсолютная численность – в 4 раза. Это труднообъяснимо, поскольку массовых организованных переселений русских в сельскую местность Бессарабии в первые десятилетия XX в. не наблюдалось. По мнению А.Ю. Скворцовой, долю русского населения могли повысить те украинцы, которые назвали себя русскими (Скворцова 2002, с. 129). В абсолютном выражении число занятых в сельском хозяйстве русских по сравнению с 1897 г. выросло в 4 раза, в процентном — в 2,5 раза. Рост тем более значительный, если учитывать, что новые эмигранты из России оседали преимущественно в городах (Скворцова 2009, с. 132). Если в 1897 г. в сёлах проживала половина русских бессарабцев, то в 1930 г. сельские жители составляли более двух третей русского населения края.

Исследователи рассмотрели ряд факторов, способствовавших миграции русского населения Бессарабии из городов в сельскую местность. Например, горожане были вынуждены переезжать в село из-за продолжающегося упадка в промышленности, на транспорте и в связи, в

финансово-кредитной деятельности, то есть в отраслях, которые служили основными сферами занятости русских бессарабцев в условиях царской России (Абакумова-Забунова 2006, с. 270; Скворцова 2009, с. 131). Одновременно русские искусственно вытеснялись из государственных учреждений и системы образования (Зеленчук 1973, с. 32), а большое число бывших военнослужащих русской армии так и не смогли найти себе применения на рынке труда. Утратившим прежние позиции бывшим военнослужащим, чиновникам, учителям приходилось искать иные средства существования (Скворцова 2009, с. 131).

Уровень безработицы в Бессарабии был крайне высок, по некоторым оценкам, для русских он превышал половину взрослого населения данной территории (Кустрябова 1986, с. 33). Лишившиеся постоянной, привычной для них работы, люди пополняли ряды своеобразного «пролетаризировавшегося» деклассированного населения. Они добывали себе средства к существованию промыслами, мелочной торговлей, подённой или сезонной работой. Во многих случаях находить данные занятия было легче в деревне, чем в городе.

Судя по воспоминаниям современников, бывшие офицеры и чиновники совместно с семьями работали на виноградниках подёнщиками, чтобы хоть как-то прожить. Кроме того, многие люди пытались заниматься сельским хозяйством и промыслами в городах, особенно небольших. Доля русского населения, занявшегося этим, достигала: в городе Тузла 90%, Кагул 71,8%, Вилково 76, 1%, Килия 69,9% (Скворцова 2002, с. 153, 165). Здесь необходимо учитывать, что крестьянские занятия в городах были распространены и в начале столетия, хотя и не в таких больших масштабах (Абакумова-Забунова 2006, с. 273). К тому же данные населённые пункты были объявлены городами уже при румынской власти.

Вместе с тем переход к аграрному образу жизни и изменение социального статуса ещё не означали гарантированного приобретения благополучия. Хотя горожанам приходилось тяжело, но и крестьянские хозяйства тоже не процветали. По данным П.М. Шорникова, к 1940 г. 68% крестьянских хозяйств были разорены либо находились на пороге разорения, а треть самостоятельного сельского населения – 550 тыс. человек – не имела работы (Шорников 2011, с. 51).

Кроме внутренних миграций, важным фактором, способствовавшим изменению соотношения численности русского населения Бессарабии в системе село-город, была миграция в Бессарабию и из неё. В результате Гражданской войны в России в Бессарабии оказалось значительное количество российских эмигрантов. Эмиграция в определённых масштабах продолжалась и в последующий период пребывания этой территории в составе Румынии. При этом для большого количества мигрантов Бессарабия представляла только транзитную точку на их пути.

Исследователями отмечается значительный приток русского населения с востока. Он был, по мнению занимавшихся данным вопросом исследователей, более существенным, чем фиксируют переписи, так как многие из русских эмигрантов уклонялись от регистрации в качестве таковых. Значительная часть этих внешних мигрантов концентрировалась в городах, способствуя (наряду с общим сокращением городского населения) тому, что, несмотря на массовый отток русского населения в сельскую местность, в процентном отношении доля русских среди горожан к 1930 г. не только не уменьшилась по сравнению с 1897 г., но и выросла (с 24,4% до 26,8%) (Скворцова 2002, с. 128). Власти Румынского королевства неодобрительно относились к такой категории населения, как белоэмигранты, прибывшие в Бессарабию в ходе Гражданской войны и после неё. Результатом их дискриминационной политики (включавшей как экономические, так и законодательные и политические ограничения) по отношению к прибывшим в Бессарабию после 1914 г. стало стремительное сокращение числа эмигрантов с 35-40 тысяч в 1922 г. до 11 тысяч в 1937 г. (Скворцова 2002, с. 140-143). Существовала и обратная миграция, достаточная для формирования в Советском Союзе крупного эмигрантского сообщества, известного как «Общество бессарабцев» и имевшего определённый политический вес. Оно использовалось советской властью для психологического и пропагандистского воздействия как на бессарабцев, так и на международную общественность (Скворцова 2002, с. 145).

По расчётам В.С. Зеленчука, с 1922 по 1930 г. Бессарабию покинули 300 тысяч жителей. Понятно, что значительная их часть была представителями национальных меньшинств, в том числе русского населения (Зеленчук 1973, с. 32).

Я считаю важным тот факт, что даже в существовавших достаточно тяжёлых условиях значительная часть русского населения сумела сохранить свой статус городских жителей. Русские не только сохранились как важный компонент городского населения, но и имели достаточно влияния в жизни Бессарабии, что, по мнению ряда исследователей, приводило к тому, что большое число представителей других национальных меньшинств меняло свою этническую самоидентификацию и начинало определять себя как русских (Скворцова 2002, с. 152).

После присоединения Бессарабии к Румынии на данной территории сложилась неблагоприятная экономическая обстановка, сопровождавшаяся политическим давлением с ассимиляционными целями на этнические меньшинства. Ухудшение экономических условий негативно воздействовало на все этнические группы Бессарабии, но русские, ранее занимавшие преимущественное положение, испытали особенно болезненное падение и были вынуждены идти на серьёзные

изменения своего положения, как социального, так и территориального, для того, чтобы выжить. Точное соотношение влияния миграционных и ассимиляционных факторов на изменение распределения русского населения Бессарабии может стать предметом дальнейших исследований.

Литература:

1. Абакумова-Забунова 2006 – Абакумова-Забунова Н.В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006. 520 с.
2. Зеленчук 1973 – Зеленчук В.С. Население Молдавии: Демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973. 64 с.
3. Кустрябова 1986 – Кустрябова С.Ф. Города Бессарабии 1918-1940. Кишинев, 1986. 589 с.
4. Скворцова 2009 – Скворцова А.Ю. Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Москва, 2009. С. 119-138.
5. Скворцова 2002 – Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918-1940). Кишинев, 2002. 276 с.
6. Табак 1990 – Табак И.В. Русское население Бессарабии. Численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев, 1990. 137 с.
7. Шорников 2011 – Шорников П.М. Бессарабский фронт 1918-1840. Тирасполь, 2011. 288 с.

References:

1. Abakumova-Zabunova 2006 – Abakumova-Zabunova N.V. Russkoe naselenie gorodov Bessarabii XIX v. Kishinev, 2006. 520 s.
2. Zelenchuk 1973 – Zelenchuk V.S. Naselenie Moldavii: Demograficheskie processy i ehtniceskij sostav. Kishinev, 1973. 64 s.
3. Kustryabova 1986 – Kustryabova S.F. Goroda Bessarabii 1918-1940. Kishinev, 1986. 589 s.
4. Skvorcova 2009 – Skvorcova A.YU. Rol' migracii v izmenenii kolichestvennyh i kachestvennyh harakteristik russkogo naseleniya Bessarabii v mezhvoennyj period // V poiskah luchshej doli. Rossijskaya eh migraciya v stranah Central'noj i YUgo-Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina HKH v.). Moskva, 2009. S. 119-138.
5. Skvorcova 2002 – Skvorcova A.YU. Russkie Bessarabii: opyt zhizni v diaspore (1918-1940). Kishinev, 2002. 276 s.
6. Tabak 1990 – Tabak I.V. Russkoe naselenie Bessarabii. CHislennost', rasselenie, mezhehtniceskie svyazi. Kishinev, 1990. 137 s.
7. SHornikov 2011 – SHornikov P.M. Bessarabskij front 1918-1840. Tiraspol', 2011. 288 s.

*Маслеников А.А. (Орловская область,
Мценский район, Российская Федерация)
Maslenikov A.A. (Orel Region,
Mtsensk District, Russian Federation)*

**О необходимости экстраполяции методологических принципов
концепции И. Лакатоса на культурные традиции**

**About the necessity of extrapolation of the methodological principles
of the concept of I. Lakatos to the cultural traditions**

Аннотация. О необходимости экстраполяции методологических принципов концепции И. Лакатоса на культурные традиции.

Ключевые слова: культурные традиции, концепция научно-исследовательских программ, защитный пояс, деформация культуры, этническая идентичность.

Abstract. It's about need to extrapolate the methodological principles of I.Lakatos's concept to cultural traditions.

Key words: cultural traditions, the concept of scientific research programs, protective belt, deformation of culture, ethnic identity.

Имре Лакатос, он же Аврум Липшиц, автор теории и методологии научно-исследовательских программ, родился в еврейской семье, на своем опыте испытал, что значит быть преследуемым за то, что представляешь другой народ, другую национальность. Его мать и бабушка погибли в Освенциме. Этот факт биографии учёного послужил предпосылкой для размышлений о том, почему возможно экстраполировать его теорию и методологию научно-исследовательских программ на культурные традиции.

Согласно Лакатосу, эволюция конкретной программы происходит за счёт видоизменения и уточнения «защитного пояса», разрушение же «жесткого ядра» теоретически означает отмену программы и замену её другой, конкурирующей. В качестве ядра выступает совокупность утверждений (гипотез), которые составляют сущность научно-исследовательской программы. «Защитный пояс» – набор вспомогательных гипотез. «Защитный пояс» должен выдержать главный удар со стороны любых проверок, приспособливаясь к новым контраргументам, чтобы ядро – основная составляющая научной-исследовательской программы – не было изменено (Цыганков 2012, с. 95-101).

Экстраполируя концепцию Лакатоса на культурные особенности, необходимо рассмотреть в качестве ядра ту или иную культуру. В качестве защитного пояса можно рассматривать традиции, быт, обряды и

другие элементы культуры. В теории и методологии научных программ защитный пояс выполняет сдерживающую функцию, не даёт трансформировать ядро научно-исследовательской программы. В случае с культурой уместно говорить о том, что защитный пояс позволяет сохранить, к примеру, национальную идентичность, самобытность и уникальность того или иного народа.

При рассмотрении указанных аспектов хотелось бы пойти ещё дальше и рассуждать не о том, как укрепить защитный пояс, чтобы сохранить ту или иную культуру недеформированной, а о том, как этот пояс разрушить. С расселением человека по земному шару в мире существовали и успешно сосуществовали различные культуры. Поэтому неправомерно будет сравнивать «жёсткое ядро» научно-исследовательской программы с культурой какого-либо народа, потому как оно по определению не может быть жёстким. Тем не менее, уместно говорить о том, что в ходе исторического развития различные культуры обрели свойственные им черты, которые характеризуют их в наибольшей степени, несут определённый культурный код, который позволяет с высокой точностью идентифицировать представителей разных этносов и конфессий.

Конечно, набор этих черт нередко носит характер стереотипов и заблуждений. Американцы – McDonald's, русские – водка, балалайка и матрёшка, канадцы – лесорубы в красных клетчатых рубашках, а итальянцы – представители организованной преступности, которые не выходят из дома без гарроты и музыки в плеере с плей-листом из саундтреков к «Крестному отцу». Тем не менее с большой долей вероятности на одно и то же событие, на один и тот же вопрос от представителей разных национальностей мы получим разные ответы. Процесс глобализации стремительно стирает эти различия, но в ближайшем будущем мы всё ещё сможем отличать представителей различных этносов по характерным для них особенностям.

Защитный пояс позволяет в той или иной степени сохранить эти особенности. Очень много усилий в нашей стране направлено как раз на сохранение национальных традиций, причём зачастую в очень странном формате квасного патриотизма. Сегодня актуально говорить о том, что человечество уже начало, пусть и пока медленными шагами, отказываться от данной парадигмы. Вероятно, в недалеком будущем «звериный оскал патриотизма» станет притчей во языцех. Мы уже постепенно отходим в своём мышлении от деления людей на своих и чужаков. На микроуровне может создаваться видимость того, что на определённую группу культур, которые интегрируются в мегакультуру, приходится одна мегакультура, дифференцирующаяся на разные составляющие. Золотая Орда экспроприировала почти всю Азию и существенную часть Европы, но быстро (по историческим меркам)

распалась. Христианство вобрало в себя миллионы адептов – и само разделилось на многочисленные секты. Латынь стала консолидирующим языком Западной и Центральной Европы – и трансформировалась в итоге в массу локальных диалектов, из которых в дальнейшем формировались национальные языки. Но этапы распада в сущности своей являются лишь переходными ситуативными задержками на неотвратимом пути к формату космополитизма будущего.

Проанализировать вектор исторического развития можно лишь с адекватно избранной обзорной точки. Если мы поднимемся на Эмпайр-стейт-билдинг и посмотрим на минувшие несколько веков, нам сложно будет осознать, к интеграции движется история или к дифференцированию. Но если взобраться выше и обозреть тысячелетия с космической станции, станет абсолютно ясно, что история неотвратимо идёт к единству, а отделение сект от христианства и падение Золотой Орды – не что иное, как выбоины на дороге истории (Харари 2016, с. 205-206).

Но как разрушить, как ускорить этот процесс, как деформировать защитный пояс культур, если нашей итоговой целью будет являться объединение различных стран и проживающих в них народов в единый культурный пласт, в нечто, что способно рано или поздно привести нас к той или иной форме космополитизма. Как уже отмечалось, с процессом глобализации этот переход значительно ускорился. Но это началось задолго до того, как глобализация начала расти такими стремительными темпами. И одним из основных орудий человека на этом пути стали деньги.

Столетиями мудрецы, ученые и пророки так или иначе нивелировали значимость денег, принимая их за абсолютное зло. В действительности же они являются самым компетентным проявлением толерантности. Деньги вызывают к большей открытости мышления, нежели язык, законодательные своды, культурные коды, конфессиональные убеждения и социальный строй. Деньги – единственная сотворённая человечеством система доверия, которая помогает людям преодолеть любые разногласия и не подразумевает дискриминации по религиозному или гендерному признакам на основании этно-национальных критериев, возраста или сексуальных наклонностей. С помощью денег индивиды, которые друг с другом даже не знакомы и не имеют никаких причин питать доверие друг другу, могут продуктивно взаимодействовать. Безусловно, у денег имеется и негативная сторона. Они, несомненно, воспитывают доверие между «чужаками», но это доверие вкладывается не в индивидов, не в социум, не в духовность и значимые для людей ценности, а в сами деньги. Тем не менее, игнорировать аспект материального благополучия не стоит (Харари 2016, с. 227-230).

В современном мире доминирующая культура, которая, как правило, достигает господства путём контроля социальных институтов, таких, как образовательные учреждения, социальное взаимодействие, массовая культура, юриспруденция, политический процесс и бизнес, подавляет культуры более слабого порядка. Не последнюю роль в этом процессе играет материальное могущество конкретной культурной среды (Зотов, Спицына 2014, с. 14-16). Таким образом, целесообразно интегрировать остальные культуры вокруг доминирующей культуры. Тем не менее, не все культуры можно подвергнуть унификации. Одни культуры содержат в себе черты, которые вступают в неразрешимую конфронтацию с отдельными чертами других культур либо полностью несопоставимы и вступают друг с другом в открытые конфликты. Разрушение защитного пояса культур, освоение подобной технологии позволит людям сводить на нет такие противоречия, менять стереотипы в сознании людей, которые враждебно настроены по отношению к «чуждому».

Но необходимо ли этот процесс ускорять, необходимо ли разрушать защитный пояс культур, чтобы все люди стали прозелитами одной единственной культуры и идентифицировали себя не как русских, французов, японцев и т.д., а как представителей одного вида? Вероятно, да. Современная западная культура не беспрецедентна в нашей истории. Древняя Римская империя распространяла огромное влияние и объединяла под собой множество народов и национальностей, но она не выстояла перед вызовами, которые бросила ей история.

Это значит, что современная известная нам культура тоже умрёт, по крайней мере, частично, в таком виде, в каком мы знаем её сегодня. История преподносит нам хорошие уроки и говорит, что не всегда на смену приходит более гуманная, развитая, духовная культура. Именно поэтому необходимо найти пути для разрушения «защитного пояса», чтобы ускорить этот процесс. Но эту деформацию культуры, конечно, необходимо контролировать, а не пускать на самопроизвольное стихийное изменение, чтобы не допустить смены доминирующей культуры на более упадническую. Орудием в поступательном и осмысленном разрушении защитного пояса для более адекватного и постоянно совершенствующегося взаимоотношения культур может стать, уже активно становится Интернет. Подразумевается не только его использование в образовательных и искореняющих предрассудки целях, речь идет о глобальном изменении мышления. В мире, где в ближайшем будущем человеку будут доступны технологии, позволяющие моделировать в виртуальном пространстве то, что нам казалось неотъемлемой и неизменной частью нас, предоставленной каждому от рождения, – изменять свой цвет кожи, вес, возраст – мировоззрение человечества столкнётся с серьёзной проблемой: сопротивляться будущему (что бессмысленно и бесполезно) или принять его, пусть не

сразу. Это будущее не найдет времени и места стереотипам, которые можно преодолеть, экстраполируя методологические принципы концепции И. Лакатоса на культурные традиции, если ответственно и сознательно подойти к этой задаче.

Таким образом, именно экстраполяция методологических принципов концепции И. Лакатоса на культурные традиции представляется нам одним из возможных адекватных способов преодоления тех культурных различий, которые способны приводить к эскалации конфликтов глобального и локального характеров в мире. Преодоление подобных противоречий позволит, используя всё лучшее от различных культур, объединиться перед глобальными вызовами, которые бросает человечеству современная действительность.

Литература:

1. Зотов, Спицына 2014 – Зотов В.В., Спицына А.О. Доминирующая культура в структуре современной культуры // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 14-16.
2. Харари 2016 – Харари Ю.Н. Sapiens Краткая история человечества // Издательство Синдбад. М., 2016. С.205-206.
3. Харари 2016 – Харари Ю.Н. Sapiens Краткая история человечества // Издательство Синдбад. М., 2016. С.227-230.
4. Цыганков 2012 – Цыганков В.В. Миросистемный анализ: «Твердое ядро» и «Защитный пояс» // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 95-101.

References:

1. Zotov, Spicyna 2014 – Zotov V.V. Spicyna A.O. Dominiruyushchaya kul'tura v strukture sovremennoj kul'tury // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. №5. S.14-16.
2. Harari 2016 – Harari YU.N. Sapiens Kratkaya istoriya chelovechestva // Izdatel'stvo Sindbad. Moskva 2016. S.205-206.
3. Harari 2016 – Harari YU.N. Sapiens Kratkaya istoriya chelovechestva // Izdatel'stvo Sindbad. Moskva 2016. S.227-230.
4. Cygankov 2012 – Cygankov V.V. Mirosistemnyj analiz: «Tverdoe yadro» i «Zashchitnyj poyas» // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2012. №4 (20). S. 95-101.

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА GENDER FACTOR AS A CHALLENGE TO THE MODERN WORLD

Луценко Э.М. (г. Москва, Российская Федерация)

Luschenko E.M. (Moscow, Russian Federation)

*Некрасова У.С. (Австралия) Nekrasova U.S.
(Australia)*

*Некрасова Н. А. (г. Москва, Российская Федерация),
Nekrasova N.A. (Moscow, Russian Federation)*

Роль женщины в обществе: традиции и инновации

The role of women in society: traditions and innovations

Аннотация. В статье анализируется соотношение традиций и инноваций, особенности изменения роли женщины в традиционном обществе под влиянием современных процессов социальных трансформаций.

Ключевые слова: женщина, традиция, инновация, трансформация, семья, эмансипация

Abstract. The article analyzes the correlation of traditions and innovations, especially the changing roles of women in the traditional society under the impact of contemporary processes of social transformation.

Key words: woman, tradition, innovation, transformation, family, emancipation

В современной культуре наблюдается как противопоставление, так и единение традиций и новаторства. Смешение традиций и инноваций наблюдается в системе ценностей человека, его жизненных ориентиров. Традиции и новации в культуре – процессы, которые нельзя рассматривать в полном отрыве друг от друга, так как они представляют собой единство двух противоположностей, суть одного и того же процесса, проявление одних и тех же явлений. Всякая традиция когда-то была новацией, а всякая новация претендует на роль традиции в культуре.

С давних пор во всех мировых культурах женщине отводилась роль хранительницы домашнего очага. Традиционно это понятие включает в себя ведение хозяйства, создание уюта, заботу о муже и, конечно, воспитание детей. Глобализация современного мира неизбежно ведет к эмансипации – сегодня женщина активно вовлечена в социально-экономические и политические процессы наравне с мужчиной.

Женщина – хранительница очага и домашнего уюта. Ухоженный дом, чистая посуда, вкусный ужин и красивые шторы в тон комнаты – это

всё заслуги женщины. Если в доме отсутствует женская рука, то вся обстановка лишена уюта. Дети тоже не могут родиться без женщины. Воспитываясь без мамы, ребенок не получает всех знаний и умений, его психология сильно отличается от психологии других детей.

В древние времена женщина не касалась добычи пищи, её обязанностью было ждать мужа в пещере, жарить пойманного мужчиной мамонта, обустраивать семейное гнездо, воспитывать детей. В то время люди жили группами, женщина не могла выбрать себе мужчину. Мужчина был инициатором создания семьи и выбирал себе здоровую самку. В дальнейшем женщины стали участвовать в охоте, их задачей было камнями загонять зверя в ловушку, а дальше мужчины его валили.

По мере развития общества женщинам во многих странах поклонялись, их берегли и слушали, доверяя полностью власть. В Древней Греции роль женщины в семье и обществе была сугубо государственного назначения. Её задачей было подсказывать мужу, что и как правильно делать, направлять его. В то время не было браков по любви, все отношения и семьи строились по политическим интересам. Рождение детей тоже было задачей, поставленной государством. Если женщина не могла иметь детей, то мужчина имел полное право привести в дом другую. На ней он, конечно, не женился, жена оставалась прежняя, но и отношения были на глазах у всех, и это считалось нормой. Если такая гражданская жена рожала детей, то они становились полноправными наследниками (Голофаст 1974, с. 58).

Во времена советской власти именно женщина отвечала за сохранность семьи, воспитание детей и их дальнейшую жизнь. В то время женщина не выносила сор из избы, скрывала от подруг и родственников все проблемы, ведь психология советских граждан была построена так, что женщина отвечала за все мужские неудачи. Считалось стыдом, что женщина не может справиться с хозяйством, угодить мужу. Развестись в советское время или родить ребенка вне брака было позором для нее. Всё, чего добивался муж и ребёнок, считалось заслугой женщины, тогда она считалась примерным гражданином, хорошей хозяйкой. Дети не смели ослушаться мать. Общественное сознание советских времен свидетельствует о том, что мужчина трудился на благо Родины, а женщина – на благо семьи. От того, чего в семейной жизни добивалась женщина, напрямую зависели достижения мужчины. В семье лад и достаток – мужчина спокоен и хорошо работает.

Роль женщины в современном мире такая, какая сейчас есть, – заслуга самих женщин. Ещё не в такие давние времена, в XX в., женщина не имела права участвовать в выборах и голосованиях. Если мужчинам позволялось всё, то женщинам разрешалось только всё позволять мужчинам. Они не могли носить открытую одежду и брюки, длина юбки должна была быть такая, чтобы прикрывать колени. Со временем это

неравенство в обществе вызвало недовольство и гнев женщин. Они начали устраивать парады и митинги, чтобы добиться равноправия. Не сразу, но это было достигнуто. Первое достижение феминисток – женщина могла голосовать, выбирать и занимать государственные посты наравне с мужчинами.

Роль семьи в жизни женщины важна. Природой заложено в этот пол рвение о ком-то заботиться, иметь семью и детей. Многие девушки в раннем возрасте торопятся выйти замуж, чтобы создать свой очаг. Семья им необходима, как воздух. Если мужчины могут долгое время вести холостяцкий образ жизни, то женщинам не нужна эта свобода, им необходимы стабильные и крепкие отношения, рождение и воспитание детей. Без семьи представительница прекрасной половины человечества не чувствует себя полноценной, ей необходимо свить своё гнездышко, ждать мужа с работы и детей из школы.

Проблема положения и роли женщины в обществе стоит на втором месте для разрешения после эколого-экономических глобальных вопросов и проблем современности. Сегодняшняя женщина – продукт женского самотворчества. Она независима во всех сферах жизни: она самостоятельно планирует собственную жизнь, получает высшее образование и право на трудовую деятельность, сама решает, выходить ли ей замуж или жить в гражданском браке, она выбирает себе мужчину, имеет право на сексуальную свободу и на контроль над рождаемостью. Женщина научилась быть ещё красивее благодаря новым медицинским технологиям. Она стремится идти в ногу со своей бурной эпохой – эпохой бесспорного прорыва в истории женщин. Женщина научилась быть не только мудрой, но и умной. Только в активной, производительной деятельности женщина обретает свою трансцендентность. Всё в существовании женщины стало предметом выбора, ей не запрещается ни один вид деятельности, никто и ничего не принуждает её занимать определённое место в социальной среде. В современном мире женщина стала уже наравне с мужчиной (Мид 2008, с. 220).

Сегодня новый социальный стандарт поведения определяет место и общественное назначение женщины. Новая модель женского пола становится более сильной и независимой в социальном и нравственно-этическом обществе. Первую женщину можно охарактеризовать как демоническую, колдовскую с губительными способностями, её презирали и боялись; вторую женщину превозносили до статуса венца творения, она полностью объективируется и переходит в разряд означающего. Но, тем не менее, женщина была зависима от мужчины, её детерминировали по отношению к нему: она была такой, какой хотел её видеть мужчина. Сегодня эта эпоха подходит к концу с пришествием «третьей женщины». Перед ней новые возможности, бремя патриархальных предрассудков, устаревших заблуждений и отживших свой век стереотипов – это

ушедший век. Современная женщина не хочет ограничиваться ролью самки, но ведь отказ от особенностей своего пола – тоже некое увечье.

Современная женщина – жена, которая создает домашний очаг, создаёт уют в семье, порядок и чистоту в доме, добрую атмосферу и тепло человеческих отношений, а также сексуальные отношения, улучшающие взаимопонимание, здоровье полов.

Также современная женщина – работник, сотрудник, ей присуща гибкость в принятии решений, отходчивость и более внимательное отношение к мелочам, чувство ответственности, несмотря на такой минус, как излишняя эмоциональность в поведении. Она добивается серьёзных успехов на любом поприще, осваивает сложные науки, вносит конструктивные предложения в развитие компаний разного профиля. Хотелось бы отметить, что женщины играют более значительную роль в экономике развивающихся стран. Быстрый экономический рост развивающихся стран привел к пропорциональному росту возможностей для женщин в бизнесе (Колесова, Сучкова 1998, с. 25).

Сейчас женщина – творец, она вдохновляет и созидает. Для сотворения мира женщине необходимо не замыкаться в себе, не носить в сердце обиды, разочарования, а уметь сочетать в себе всё самое необходимое, что позволит ей в реализации творческого подъема и успеха.

Учёные, интересующиеся тенденциями, степенью равноправия полов и экономическим ростом, изучают ситуацию в 17 странах на основании двух критериев: 1) традиционность семейного менталитета и 2) уровень рождаемости (Мортвик, Спант 2006, с. 46).

В странах, где доминируют традиционные взгляды на роль мужчин и женщин в обществе (Германия, Италия, Испания, Япония) и уровень рождаемости относительно низок, отмечается более существенное замедление экономического роста, чем в странах, где господствует представление о равноправии мужчин и женщин и где уровень рождаемости имеет более позитивный характер, а демографическая структура более сбалансирована (это США, Швеция, Норвегия и др.). В таких странах меньше проблем, связанных со старением населения, а также более высокие показатели экономической активности населения. Всё это способствует усилению экономики.

Мир очень изменился, появилось много возможностей, столько всего интересного, и женщинам хочется быть в центре событий, делать что-то важное. И такая возможность им предоставляется. Исключение составляют страны с традиционным укладом. Теперь женщины учатся в вузах; как всем известно, женский пол преобладает над мужским, так что можно сказать, образованная женщина – образованная нация. Образованная женщина в разы больше даст своим детям, а это очень важно. Женщина с широким кругозором умственных способностей будет

интересна не только мужу, но и окружающим её людям. Она теперь настроена не на одну только семью и детей, а может позволять себе заниматься реализацией мечты, делать карьеру. При этом она способна всё успевать, хотя и претерпевает некоторые трудности (усталость, нервное перенапряжение от возложенных обязательств).

В настоящее время наиболее популярной становится такая модель семьи, где женщина, так же, как и мужчина, ставит на первое место карьеру и лишь потом семью. На второй план отходят дети, а материальное благополучие семьи становится наиболее важным фактором. Мы не говорим о том, что женщина совсем не стремится к созданию семьи, она обязательно её создаст. Однако даже после появления детей она будет стараться всё своё время отдавать улучшению материального состояния семьи, отдавая детей на попечение бабушек и нянь. Такая роль женщины зачастую устраивает мужчин, однако не все мужья захотят делить данную роль с жёнами.

Второе, на что стоит обратить внимание, затрагивая роль женщины в современном обществе, – это то, что женщина стремится к финансовой независимости. Такие женщины стремятся создать блестящую карьеру, чтобы чувствовать себя материально независимыми. Таким образом, женщины снова занимают роль мужчины, они становятся трудолюбивыми и вместе с этим становятся более подверженными стрессам, болезням и даже вредным привычкам.

Женщина с удовольствием примеряет на себя новую роль, и в этом ей способствуют изменения в самом бизнесе. Долгое время руководящие посты занимали преимущественно мужчины, однако в последнее время эта тенденция стала существенно меняться. Наглядные примеры этому мы можем увидеть в политике. Дипломатичность, острый ум, находчивость и рассудительность женщины делает её незаменимым лидером и успешным главой крупных фирм и предприятий.

По данным исследования Grant Thornton, проведенного среди 6,6 тыс. частных компаний из 45 стран, доля женщин на руководящих постах в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР) составляет 30%. Для сравнения: аналогичный показатель в странах G7 равняется 20%, в мире в целом – 24% (Белинская 2002, с. 48).

Среди причин столь достаточно высоких показателей – большой процент женщин, получающих высшее образование, который в некоторых странах превышает аналогичный показатель у мужчин.

Современная женщина, в отличие от традиционной женщины, – не слабое подобие мужчины, а равная противоположность. Она уважаема, свободна, перспективна, её роль так же велика, как и мужская. Она сочетает в себе всё самое необходимое, она лучше переносит нагрузки, сильнее, не физически, а морально (психологически), хоть и считается слабым полом человечества. Одновременно она неосознанно является

носителем изящества, несёт в мир гармонию, украшает жизненное пространство.

Итак, женщина – равная противоположность мужчине, обладающая социальным положением, правами, обязанностями и другими аспектами человеческой жизни. Но, несмотря на это, мужчина и женщина взаимодополняют друг друга, взаимодействуют как в социальной, межличностной, так и в биологической форме.

Литература:

1. Белинская 2002 – Белинская Е.П. Исследования личности: традиции и перспективы // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002, с. 42-56.
2. Голофаст 1974 – Голофаст В.Б. Функции семьи // Семья и личность. М., 1974. С. 57-68.
3. Колесова, Сучкова 1998 – Колесова А., Сучкова В. Женщина и общество: вчера, сегодня, завтра // Правозащита, 1998, № 19, с. 24-26.
4. Мортвик, Спант 2006 – Мортвик Р., Спант Р. Способствует ли равенство полов экономическому росту? / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: экономика. Реферативный журнал . Санкт- Петербург, 2006, N 2891, с. 46–48.
5. Мид 2008 – Мид М. Мужское и женское исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2008. С. 215-225.
- 6.

References:

1. Belinskaya 2002 – Belinskaya E.P. The Study of personality: traditions and prospects//Social psychology in the modern world/ Under the editorship of G.M. Andreeva, A.I. Dontsov. M.: Aspect Press, 2002.P. 42-56.
2. Golofast 1974 – Golofast V.B. Functions of the family // Family and identity. M., 1974. P. 57-68.
3. Kolesov, Suchkova – 1998, Kolesov A., Suchkov V. women and society: yesterday, today, tomorrow // human Rights, 1998, No. 19, pp. 24-26.
4. Martwick,Spanta 2006 – Martic R., Spanta R. Does gender equality promote economic growth? / Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 2: economy. Abstract journal. Saint Petersburg, 2006, N 2891.P. 46-48.
5. Mead 2008 – Mead M. Male and female a study of the sexual question in a changing world. M., 2008.P. 215-225.

Баркова Л.А., Некрасов С.И. (г. Москва, Российская Федерация)
Barkova L.A., Nekrasov S.I. (Moscow, Russian Federation)

Понятия пол и гендер применительно к российской действительности

Concepts of sex and gender applying to Russian activity

Аннотация. Статья посвящена проблемам разграничения понятий пола и гендера в научной литературе и в социальной действительности.

Ключевые слова: пол, гендер, маскулинность, феминность, самоидентификация

Abstract. The article is devoted to the problems of differentiation of gender and gender concepts in scientific literature and in social reality.

Key words: gender, gender, masculinity, femininity, self-identification

Сегодня большую популярность имеют разнообразные вопросы и исследования, связанные с понятиями «пол» и «гендер». Попробуем разобраться с их значением в контексте российской культуры, базируясь на материалах российских учёных, непосредственно занимающихся этой проблематикой – М.Л. Бутовской и Н.Л. Пушкарёвой.

Важным является само определение исходных понятий. Что же такое пол и в чём его отличие от гендера? Биологический пол – это характеристика организма, основанная на его морфофункциональном строении, позволяющем отличать самцов от самок. Биологический пол формируется в шесть этапов: генетический, гонадный, внутриутробный гормональный пол, внутренний морфологический пол, половая дифференциация головного мозга, пубертатный гормональный или внешний морфологический пол.

Формирование пола происходит и в дальнейшем, как бы добавляя две дополнительные ступени, не имеющие биологической природы – психологическая и социальная самоидентификации. Вот как раз на этом этапе можно обратиться к понятию гендера. Гендер можно употреблять в широком и узком смыслах. В самом широком смысле гендер – это социокультурная константа, которая обозначает различные социальные аспекты взаимоотношений между полами. В психологии понятие гендера используют для обозначения феминных или маскулинных качеств человека. В узком смысле понятие гендера часто встречается в значении социального пола – то есть ожидаемых поведенческих актов, соответствующих «мужскому или женскому характеру» в данной культуре.

Часто в феминистической литературе встречаются представления о том, что формирование гендера полностью зависит от культурных

детерминант. Это неверно, так как гендер в этом случае, во-первых, понимается исключительно в узком значении, и на это необходимо указывать; а во-вторых, представляется сомнительным формирование гендера исключительно на основе воспитания, поскольку известно, что различные гормоны, воздействующие на мозг плода ещё в утробе, определяют формирование и развитие его по мужскому или женскому типу.

Знаменитое высказывание Симоны де Бовуар: «Женщиной не рождаются, ею становятся», таким образом, не является верным, можно сказать точнее: женщиной сначала рождаются, а затем развиваются соответственно.

Формирование гендерной идентичности полностью завершается к четырём годам. Это возраст, в котором ребенок осознает себя принадлежащим к определённому полу, который является характеристикой, не поддающейся изменениям внешними средствами. Пол и гендер соотносятся между собой, но даже внешнее определение пола не всегда однозначно (именно поэтому возникла необходимость в шестиступенчатом биологическом определении пола), и ещё сложнее на практике оказывается определение гендера.

Мир стремительно меняется, и то, что вчера казалось очевидным, сегодня подлежит совершенно новой интерпретации. Например, представления о том, что женщина является «недомужчиной», сменились сегодня знанием о том, что женский пол является базовым для развития особей и женского, и мужского полов. Критика врождённых поведенческих стереотипов, обусловленных биологически, очень убедительно разбивается о нарастающее количество исследований, демонстрирующих, какое значимое влияние на поведение индивидуумов оказывает их предшествующее развитие в зависимости от преобладания женских или мужских гормонов в пренатальном периоде.

Можно отметить также, что, несмотря на социальное продвижение «мужского декрета», лишь незначительное количество мужчин действительно комфортно ощущают себя в роли матери, не говоря об автоматическом лишении ребенка, выращиваемого папой, грудного вскармливания.

Человек, *Homo sapiens* – наиболее полиморфный вид приматов, но очевидно, не всё поддается изменчивости, поскольку многие характеристики поведения человека, по утверждению М.Л. Бутовской, предопределены рамками эволюционировавших внутривидовых стратегий.

Что касается вопросов различий женской и мужской ментальностей, то они представляются неизбежными. Исходя из этих позиций, нужно подробно изучать поведение всех членов социума для понимания и создания условий оптимального развития индивидуумов обоих полов.

Очевидно, что сегодня модель современного динамического общества не приемлет фиксированных гендерных ролей, и, начиная с Америки XIX в., происходят существенные сдвиги в мировоззрении, когда женщина, которая «просто сидит дома с детьми», представляется некоей культурной аномалией. Кроме того, большой интерес вызывают исследования, о которых упоминает Н.Л. Пушкарева, касающиеся изучения домашней женской повседневности и её корреляции с образом жизни горожанки, постепенное осуществление «признания ценности женской субъективности, преодоление патриархальных воззрений, критика андроцентризма в науке» (Российская повседневность 2013, с.16).

Развитие гендерного подхода к анализу истории – достижение феминисток второй волны, обративших наконец внимание публики на эмоциональное, микроскопическое, лишённое пафоса доминирующей над бытом социальной реальности, т.е. категории «женского». Удивительным образом от учёных-мужчин долгое время ускользал не только факт необходимости существования женского пола для самой возможности осуществления социальных инвестиций в виде основной – человеческого ресурса, но и то, что, «дав образование мальчику, ты даёшь образование мужчине; а дав образование девочке, даёшь образование всей общине».

Взаимодействие образованной женщины с обществом меняет его облик, придавая ему ту степень культуры, которой удалось напитать девочку. Игнорирование эмоционального, женского подхода к анализу отношений в обществе часто оправдывалось тем, что таким образом не ограничиваются возможности для рационального (мужского) решения действительно значимых и крупных социальных проблем, например, войны или иных глобальных социальных катастроф. То есть анализ общественных отношений совершался исключительно с применением маскулинного взгляда на историю. Что изменилось сегодня?

Наша страна имеет очень необычное прошлое в сфере решения гендерных вопросов. Несмотря на доступность для женщин практически любых сфер производства в течение ста лет, всё же они до сих пор лишены реального политического влияния. Исторически, уже в 1908 г., в России сложились два феминистических лагеря: так называемые «равноправки» – сторонницы эгалитарного понимания феминистических задач – и представительницы буржуазно-либерального феминизма, которые ратовали за равенство в различии. Затем, Конституция 1918 года была очень многообещающей, так как закрепляла юридически равенство мужчин и женщин. Последовавшая за Конституцией череда декретов была призвана осуществить полноценное освобождение женщин от власти патриархальных традиций. Впервые за всю историю Европы официально был признан гражданский брак, т.е. брак, заключённый вне церкви с сохранением девичьей фамилии. Кроме этого, признавался и так

называемый фактический брак без регистрации в каком бы то ни было порядке, также был упразднён институт незаконнорожденных, так как для признания отцовства было достаточно заявления матери; были разрешены аборт; была упрощена процедура развода. При этом патерналистскую роль, т.е. роль мужа и отца, как подчеркивали «равноправки», принимало на себя государство. Это был шаткий союз. Появилась знаменитая «двойная нагрузка», которая и сейчас в России является актуальной проблемой. Репродуктивные стратегии государства оказались настолько провальными, что в 1936 г. запретили аборт, но это привело не к увеличению рождаемости, а к смертности среди женщин из-за криминальных абортов. Тотальное вовлечение женщин в производство, особенно в период Великой Отечественной Войны, тоже не способствовало исправлению демографической ситуации. Так мы постепенно пришли к «русскому кресту» – стабильному, продолжающемуся из года в год превышению смертности над рождаемостью.

Нельзя сказать, что правительство ничего не предпринимает: в 2007 г. был введен «материнский капитал», в 2018 г. в Санкт-Петербурге планируют оказывать дополнительную материальную поддержку молодым матерям в сумме 50 000 рублей за рождение ребенка в возрасте до 24 лет. Однако думается, что единовременная выплата на второго ребенка в семье или выплата пособия в пределах одного административно-территориального округа не сможет исправить ситуацию во всей стране.

Очевидно, что сегодня косметические меры и пропаганда семейных ценностей не являются действенным инструментом воздействия на социально-демографическую катастрофу. Страх перед внедрением нового законодательства, например, «Национальной стратегией действий в интересах женщин на 2017-2022 годы», подписанной 8 марта настоящего года премьер-министром Дмитрием Медведевым и вызвавшей экстренное совещание, препятствует пониманию необходимости разрабатывать новые стандарты социальной жизни, прежде всего для женщин. Безусловно, отсутствие экспертов по стратегическому планированию государственной репродуктивной политики не приведёт к положительным сдвигам, и с нашей точки зрения, такими экспертами должны быть женщины, для чего, в частности, необходимо их физическое, а не гипотетическое присутствие в органах власти. Именно поэтому пункт о гендерном квотировании мест в органы государственной власти – не самая бесполезная идея. Конечно, некоторые моменты в стратегии небезупречны, например, необходимость во всеобщей диспансеризации девочек, но подобные вопросы должны направляться специалистам-медикам, в компетенцию которых входит их исследование и вынесение решения.

В заключение хотелось бы только указать на всё усиливающийся, к сожалению, эффект Даннинга-Крюгера во всех сферах деятельности российских специалистов из-за пренебрежения вопросами образования. В результате возникает метакогнитивное искажение, заключающееся в низком уровне квалификации специалистов, которое не позволяет им понять, что они делают ошибочные выводы и заключения, приводящие в последующем к ошибочным действиям.

Литература:

Российская повседневность 2013 – Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сборник статей. Новое литературное обозрение / Ответ. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013.

References:

Rossijskaya povsednevnost 2013 – Rossijskaya povsednevnost v zerkale gendernyh otnošenij. Sbornik statej. Novoe literaturnoe obozrenie / Response. ed. and comp. N.L. Pushkareva. M., 2013.

Санькова С.М. (г. Орел, Российская Федерация)
Sankova S.M. (Orel, Russian Federation)

Трансформация представлений о семье в современном западном обществе

Transformation of ideas of a family in modern western society

Аннотация. В статье анализируется нуклеарная семья в системе современной западной культуры. Показана закономерность перехода к отказу от семейной жизни и деторождения.

Ключевые слова: семья, нуклеарная семья, чайлдфри, постмодерн, трансгуманизм.

Abstract. In the article the nuclear family in system of modern western culture is analyzed. Regularity of transition to refusal of family life and child-bearing is shown.

Key words: family, nuclear family, childfree, postmodern, transhumanity.

Говоря «семья», современный человек представляет себе папу, маму и одного или нескольких детей. Такой тип семьи в настоящее время является самым распространённым в странах европейской цивилизации, и для него уже появилось название – «нуклеарная». Но само это название предполагает, что это не вся семья, а лишь её часть, так как происходит от латинского слова «nucleus», означающего «ядро». Если есть ядро, то

предполагается и более широкий круг родственников вокруг этого ядра, на протяжении почти всей истории человечества именно довольно широкий круг родственников и считался семьёй. Сейчас подобная широкая трактовка «семьи» в европейской культуре, пожалуй, сохранилась только в понятии «мафия». Показательно, что создатель термина «нуклеарная семья» антрополог Джордж Мердок также отмечал в своем исследовании 1949 г., что «нуклеарная семья служит универсальным видом человеческих групп, как единственная преобладающая форма семьи либо элемент более сложных семейных форм» (Мердок 2003, с. 20), признавая, что, хотя «нуклеарная семья знакома читателю, как единственно признанный тип семьи в нашем (североамериканском – прим. переводчика) обществе. Однако среди большинства народов мира нуклеарные семьи существуют не изолированно, а в составе более крупных семейных объединений, выступающих как молекулы, состоящие из атомов – нуклеарных семей» (Мердок 2003, с. 19).

Однако вскоре, во многом и с подачи самого Мердока, это понятие стало всё чаще применяться именно к обособленной семье, состоящей из двух поколений (родители и дети, не состоящие в браке). Современные отечественные исследователи института семьи в качестве отечественного аналога термина «нуклеарный» предлагают понятие «простая» семья (Бид-Бад, Гавров 2010, с. 34), которое, на наш взгляд, более наглядно отражает утрату семьёй своей сложносоставной структуры.

Безусловно, «нуклеарная», или «простая», семья как часть социальной организации родственных отношений начала выделяться в самостоятельную социальную структуру давно. В сущности, это порождение городской культуры, где уклад жизни, в отличие от сельского труда, больше способствовал распаду родовых отношений. Однако до момента широкого распространения различных современных способов контрацепции и легализации абортов, даже нуклеарная семья состояла не из 3–4-х, а гораздо большего количества человек. Семья, имеющая троих детей, в современной России официально считается многодетной, в то время, как ещё в начале XX в. такая семья расценивалась бы как «малодетная». Таким образом, говоря о типе семьи, присущем современной европейской культуре, следует отметить, что это уже социальный институт, ориентированный на небольшое количество людей, ведущих совместное хозяйство, принципиально обособленное от круга не только дальних, но и ближних родственников (в первую очередь, бабушек, дедушек, тётей и дядей).

По моему мнению, именно нуклеарная семья, стремящаяся к минимальному количеству людей в своем составе (не только за счёт малого количества детей, но и за счёт отказа от совместного проживания одного из родителей) и экономически обособляющаяся от своих

родственников, стала первым звеном в процессе, который в настоящее время привел к таким явлениям, как «фричайлд» и «жизнь соло». Рассмотрим каждое из этих явлений по отдельности.

Чайлдфри – следующая логическая ступенька в развитии нуклеарной семьи. Какова была мотивация большинства родителей, получивших возможность контролировать количество рождаемых детей, когда они в подавляющем большинстве быстро свели это число к одному, максимум двум детям? В первую очередь экономическая. Родители, ощущая свою социальную ответственность за обеспечение своим детям благополучного детства и хорошего будущего, приходили к выводу, что иметь больше детей им просто «не по карману». При этом, безусловно, эти родители не собирались обделять материально и себя, ведь в современной модели семьи все её члены равны, а значит, имеют право на равное распределение материальных благ. Для подобной этической установки учёные тоже уже придумали название – «эгалитарная семья», или «демократическая семья» (Николаева 2013, с. 197).

В дело численного сокращения семьи внёс свою лепту и технический прогресс, который породил феномен массового производства, вызвавшего массовое потребление. Весь XX век соблазнительные технические новшества неуклонно сменяли друг друга, вызвав к началу века XXI почти тотальную покупательную истерию. Каждый тренд существует лишь один сезон, следовательно, каждый новый год требует новых покупок. В данной ситуации срабатывает простая арифметика, показывающая, что если ещё сократить число членов нуклеарной семьи, то средств на каждого оставшегося члена будет приходиться гораздо больше, следовательно, он сможет больше тратить на себя лично. Произвести такое сокращение имеет смысл только лишь методом исключения детей, так как, отказавшись от одного из родителей, но сохранив хотя бы одного ребенка, другой родитель ничего не выигрывает для себя. Так мы и получили новое течение «чайлдфри», набирающее всё большее число сторонников не только в Европе и Америке, но уже и в России. Бездетные пары декларируют свою принципиальную честность, заявляя, что они не готовы жертвовать своим временем, деньгами, а женщины ещё и здоровьем ради сомнительного удовольствия обзавестись потомством. Идеал их жизни – саморазвитие, которому дети, по их мнению, только мешают. Как сформулировала одна из сторонниц течения «фричайлд» на одном из Интернет-форумов: «Игра в работу мне нравится больше, чем игра в маму». В странах западного мира многих останавливает нежелание тратить на детей не столько финансы, сколько личное время. В настоящее время не только актеры, чьё ремесло традиционно плохо совмещается с семейными обязательствами, но и политики открыто заявляют о своей приверженности идеям чайлдфри, не опасаясь, что подадут тем самым пример своим согражданам. Последними

примерами на этом поприще являются Кондолиза Райс и Ангела Меркель. На настоящий момент 6% россиян сознательно отказались от продолжения рода, но, безусловно, эта цифра будет постоянно расти (Чайлдфри 2014). В основе такого восприятия себя в мире лежит провозглашенная ещё гуманистами Возрождения свобода самовыражения личности как основная человеческая ценность. Не случайно новомодным современным идейным течением стал «трансгуманизм», который как раз провозглашает ценность отдельной личности до такой степени, что этой личности уже не вменяется в этическую норму забота о других людях, смысл жизни трансгуманиста сводится к обеспечению собственного благополучного и приятного существования, причем как можно большее количество лет.

Следующим логическим шагом в эволюции нуклеарной семьи стал полный её распад. Отдельная личность, имеющая в современном мире достаточно возможностей для самообеспечения, уже не видит смысла в том, чтобы проживать с кем-то вместе и тратить свои душевные и физические силы на поддержание взаимоотношения в паре. Тем более, что подавляющее большинство рабочих мест в современном мегаполисе как раз и требуют от человека практически всех его сил и энергии, если он хочет хоть как-то продвинуться в карьерном плане или добиться иного профессионального, а следовательно, и материального успеха.

Так европейская цивилизация пришла к новой модели жизни, и в ближайшем будущем основной ячейкой общества будет не семья, а «домохозяйство, состоящее из одного человека», как определил этот статус Э. Кляйненберг в своем социологическом исследовании, проведенном в 2012 г. и описанном в книге с характерным названием «Жизнь соло» (Кляйненберг 2014). В этой работе он показывает, что современные социально-экономические условия делают жизнь, прожитую независимо (без семьи), более выгодной и более приятной. Единственное, что омрачает жизнь людей, выбравших путь «соло», так это всё ещё сохраняющиеся в западной культуре рудиментарные представления о том, что жизнь без семьи и детей – это безответственно, эгоистично и бессмысленно. Но подобные стереотипы прошлого очень стремительно разрушаются, так что скоро данный жизненный выбор будет подвергаться больше не порицанию, а одобрению. Тем более, что в глобальных масштабах подобная мода на «жизнь соло» сможет некоторым образом смягчить проблему перенаселения планеты.

Но вернемся к нуклеарной семье, которая всё ещё продолжает существовать как социальный институт. Какие здесь имеются проблемы и перспективы?

Во-первых, проблема воспитания детей. Чаще всего в такой семье работают оба родителя, а бабушки и дедушки такой формой семьи предусмотрены лишь на расстоянии как сторонние наблюдатели, да и те

могут работать или реализовывать себя в любимом хобби. Ввиду того, что работа в современной экономической организации жизни общества занимает большую часть жизни, времени на общение с ребёнком у родителей практически не остается. Эту работу переключают на специальные организации (детские сады, школы и другие образовательные и культурные учреждения). В результате, приобретая навыки социальной жизни, ребёнок имеет очень мало возможности научиться жизни семейной. Да и сами родители, находясь на работе в лучшем случае 8 часов, имеют ничтожно мало времени для личного общения, что не способствует прочности даже такой маленькой семьи. Такое немаловажное основание для создания семьи, как стабильные сексуальные отношения, в настоящее время утрачивают свою актуальность, так как свободные сексуальные отношения стали нормой. А время после работы, потраченное на решение бытовых семейных проблем, значительно сокращает время, которое супруги могут потратить на секс.

В результате, как только были узаконены разводы, их количество в так называемых развитых странах постоянно возрастает (в среднем мировом значении распадается каждый второй брак), а психолог В. Франкл даже ввёл понятие «воскресный невроз», характеризующее вид депрессии, «которым страдают люди, осознающие отсутствие содержания в их жизни, когда натиск рабочей недели прекращается и становится явной своя внутренняя пустота» (Франкл 1997, с. 49), в том числе и люди, имеющие семьи.

Не случайно социолог Л. Мамфорд был уверен, что «в идеале» общество, которое обслуживает созданную техническим прогрессом «мегамашину», должно «состоять из людей безбрачных, лишенных всякой семейной ответственности, общинных связей и просто человеческих привязанностей» (Мамфорд 2001, с. 279).

Напрашивается вывод о том, что современная техногенная цивилизация, особенно в своей урбанистической составляющей, не только не формирует благоприятных условий для сохранения классической модели семьи хотя бы в её нуклеарной форме, но, напротив, всё более разрушает основания такой семьи.

В то же время, если принять точку зрения М. Маклюэна, уверявшего, что благодаря прогрессу средств коммуникации человечество вернётся к отношениям первобытности, хотя и на принципиально ином техническом уровне, то можно надеяться, что те же средства коммуникации создадут возможность изменить условия труда людей, что поможет выстраивать новые семейные отношения. В настоящее время подобный опыт представлен в первую очередь так называемым фриланстерством, связанным с работами, которые возможно выполнять и пересылать заказчику, не выходя из дома, при помощи Интернета. Родители-

фрилансеры имеют возможность работать дома, по очереди присматривая за своими детьми. Спектр профессий, в которых возможна «удалённая работа», пока невелик, но он неуклонно растёт. Так что остаётся надеяться, что на новом витке технического прогресса западное общество сможет воссоздать если не семью как род, то хотя бы нуклеарную семью в первичном её значении, не зря же термин «нуклеус» применяется в археологии для обозначения типа первобытного орудия труда, получающегося вследствие откалывания от него пластин, служащих также орудиями.

Литература:

1. Бид-Бад, Гавров 2010 – Бид-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: Макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Интеллектуальная книга - Новый хронограф, 2010.
2. Кляйненберг 2014 – Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность / Пер. с англ. Андреев А.В. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
3. Мамфорд 2001 – Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Азаркович Т. М.: Логос, 2001.
4. Мердок 2003 – Мердок Д.П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003.
5. Николаева 2013 – Николаева Е.И. Психология семьи: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013.
6. Франкл 1997 – Франкл В. Доктор и душа / Пер. с англ. Бореев А.А. СПб.: Ювента, 1997.
7. Чайлдфри 2014 – Чайлдфри. Наедине со всеми. Первый канал. Выпуск от 15.10.2014. Электронный режим доступа: <http://www.1tv.ru/shows/naedine-so-vsemi/vypuski/chayldfri-naedine-so-vsemi-vypusk-ot-15-10-2014> (Дата обращения 5 апреля 2017).

References:

1. Bid-Bad, Gavrov 2010 – Bid-Bad B.M., Gavrov S.N. Modernizaciya institute sem'ji: Makrosociologicheskij, jekonomicheskij i antropologo-pedagogicheskij analiz. M.: Intellektual'naya kniga – Novyj hronograf, 2010.
2. Klyajnenberg 2014 – Klyajnenberg E. Jizn' solo: Novaya social'naya real'nost' / Per. s angl. Andreev A. V. M.: Al'pina- fikshn, 2014.
3. Mamford 2001 – Mamford L. Mif mashiny. Tehnika I razvitie chelovechestva / Per. s angl. Azarkovich T. M.: Logos, 2001.
4. Merdok 2003 – Merdok D.P. Social'naya struktura. M.: OGI, 2003.

5. Nikolaeva 2013 – Nikolaeva E.I. Psihologiya sem'ji: Uchebnik dlya vuzov. SPb.: Piter, 2013.
6. Frankl 1997 – Frankl V. Doktor I dusha / Per. s angl. Boreev A. A. SPb.: Uventa, 1997.
7. Childfree2014 – Childfree. Naedine so vsemi. Pervyj kanal. Vyjpusk 15.10.2014. Jelektronnyj rezhim dostupa: <http://www.1tv.ru/shows/naedine-so-vsemi/vypuski/chayldfri-naedine-so-vsemi-vypusk-ot-15-10-2014> (accessed, April, 5, 2017).

*Желтикова И.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Zheltikova I.V. (Orel, Russian Federation)*

Женская утопия: гендерная специфика жанра

Feminist Utopias: the gender specificity of the genre

Аннотация. В статье рассматривается современная женская утопия. На примере романов У. Ле Гуин и М. и С. Дьяченко выявляются такие отличительные черты этого жанра, как синтез признаков утопии и антиутопии, актуализации проблем, возникающих перед идеальным социумом, парадокс невозможности построения совершенного общества и неспособности отказаться от стремления к нему.

Ключевые слова: утопия, женская утопия, антиутопия, социальный идеал, социальные ожидания.

Abstract. This article is devoted to the consideration of modern female utopia. The author analyzes novels by Ursula Kroeber Le Guin and M. and S. Dyachenko and reveals such distinctive features of the genre as the synthesis of the signs of utopia and dystopia, the actualization of the problems that arise before the ideal society, the paradox of the impossibility of building a perfect society and the inability to abandon the desire for it.

Key words: utopia, female utopia, anti-utopia, social ideal, social expectations.

В свете устойчивого интереса к гендерным исследованиям, сложившегося в гуманитарных науках в последние десятилетия, нам представляется интересным и полезным обратиться к анализу женских утопий, их своеобразию и новациям, которые они привнесли в утопическую литературу. Женские утопии попали в зону внимания западных учёных несколько раньше, нежели отечественных, что не удивительно, если учесть разницу в развитии феминистических исследований в целом. Специфика женских утопий и критика мужского видения социального идеала находилась в центре внимания зарубежных исследователей с начала 70-х годов XX в. (Sargent 1977, Mellor 1982,

Diamanti 2001, Davis 2008). Среди русскоязычных авторов, обращавшихся к исследованию женкой утопии, следует назвать В.А. Суковатую (Суковатая 2014), Ю.А. Жаданова (Жаданов 2013), Л.Э. Семёнову (Семёнова 2013), Д.И. Постникову (Постникова 2015). В этой статье мы хотели бы продолжить разговор о специфике жанра женской утопии.

Начать его необходимо с определения утопии. Есть разные подходы к этому вопросу. Так, Д.Е. Мартынов насчитывает 13 значений термина, функционирующих в настоящем научном и научно-популярном русскоязычном дискурсе (Мартынов 2009, с. 156). Негли Г. и Патрик Д., трактуя утопию как литературный жанр, который описывает вымышленное государство или сообщество, уделял особое внимание политической структуре этого социума (Negley 1952). Н.В. Ковтун склонен видеть в утопии метажанр, форма которого эволюционирует от публицистики и философской прозы к литературному роману и эссе (Ковтун 2004, с. 179). Для нас важно, что при всех различиях в использовании понятия «утопия» для него существует устойчивый референт – коллективные представления о совершенном социальном состоянии, выраженные в образной, чаще текстовой форме. В рамках этой статьи мы будем рассматривать утопию как особого типа повествование, главной или одной из основных тем которого выступает идеальный социальный порядок, создаётся образ лучшего из возможных миров. Среди отличительных черт утопии можно назвать: ориентацию на образ совершенного общества, а не совершенного человека; инородность описываемой социальной реальности, которая может носить как временной (идеальное будущее/прошлое), так и территориальный (иное пространство) характер; в то же время утопия – это идеал конкретного общества, которое, хотя бы и в принципе, но может быть построено, а не общества вне времени и пространства; утопия как образ совершенного мира может быть ориентирована на такие идеалы, как счастье, справедливость, свобода.

При анализе жанра утопии ему часто противопоставляют антиутопию. Жанровая дифференциация антиутопии не менее проблематична, чем трактовка термина «утопия», обсуждение этой темы не входит в задачи данной статьи. Мы будем исходить из понимания антиутопии как модели наихудшего из возможных миров, при этом вариантами антиутопии могут выступать и контрутопия, и дистопия, и какотопия. Хотя Э.Я. Араб-Оглы считает, что антиутопия отличается от негативных утопий тем, что демонстрирует практическую реализацию утопических проектов, указывает не только на их многочисленные недостатки и недоработки, коренным образом противоречащие человеческой свободе (Араб-Оглы 1989, с. 3), мы полагаем, что для данного исследования это различие не является принципиальным. Контрутопия создаётся в качестве оппозиции утопии, демонстрируя, как

утопический проект мог бы выглядеть со стороны в случае его реализации. Важным здесь является то, что утопию можно отнести к «первичному моделированию», как «Государство» Платона, а контрутопию – к размышлениям по мотивам уже созданной модели, как «Утопию» Т. Мора (Баталов 1989). Негативные утопии, дистопия и какотопия, рисуют заведомо нежелательное, но возможное общество. При этом, что негативность дистопии заключается в сатирически перевернутом изображении традиционных для утопий социальных порядков, тогда как авторы какотопий разрабатывают собственный вариант социального зла по всем показателям «плохой страны» (Петрихин 2009, с. 151-154).

Рассматривая расцвет жанров утопии и антиутопии, можно заметить, что антиутопии приходят на смену утопиям. Во всяком случае, появляются значительно позже утопий, а появившись, начинают активно завоёвывать популярность среди авторов. В свою очередь расцвет женской утопии таким же образом приходит на смену антиутопиям. Отечественный исследователь Ю.А. Жаданов выделяет три основных этапа развития женской утопии: на первом этапе, приходящемся на 17-18 век, появляются первые «немужские» варианты утопической мысли (М. Кэри, М. Кавендиш, И. Скотт); второй этап, конец 19 – начало 20 в., характеризуется как «эпоха качественного прорыва», в который женские утопии достигают мирового уровня (Ш. Гилман); на третьем этапе, конец 30-х – начало 40-х гг., появились первые феминистские антиутопии (К. Бурдекин, К. Бойне), «которые представили два варианта возможного женского решения антиутопической проблематики» (Жаданов 2013, с. 83).

Говорить о женской утопии можно в узком и широком смысле. В широком смысле женская утопия – это утопия, в которой особое место отводится «женскому вопросу» – стиранию в идеальном социуме различий в гендерных ролях (с этой позиции первой женской утопией можно считать «Государство» Платона); определению особой роли женщины и «её мира» в построении идеального общества (показательный пример – роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?»). Подходя к женской утопии с широких позиций, можно говорить об утопических элементах в женской прозе, о конкретных социальных идеалах, отстаиваемых женщинами (например, на страницах печати). В узком смысле под женской утопией понимаются произведения, соответствующие признакам утопического жанра, написанные женщинами. В.А. Суковатая выделяет следующие отличия женских утопий от классических «маскулинистских»: «1) акцент на женском субъекте и женской субъективности; 2) обращение нарративной методологии (“point of view”) к женской аудитории, с опорой на женский опыт желания, физиологии и потребностей; 3) гендерная структура общества является изначально

предметом изображения и точкой отсчета в сюжете» (Суковатая 2014, с. 1).

Продолжая хронологию, предложенную Жадановым, мы можем сказать, что со второй половины 20 века начинается четвертый этап развития женской утопии. Утопические произведения этого периода создаются главным образом в жанре фантастики и фэнтези. Произведения Урсулы Ле Гуин «Левая рука тьмы» (1969), «Город иллюзий» (1967), «Обделённые» (1974), «За день до революции» (1974), Дорис Лессинг «Канопус в Аргосе» (1979-1983), Марии и Сергея Дьяченко «Пещера» (1998), «Пандем» (2002), Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» (1989), «Орикс и Коростель» (2003), «Год потопа» (2009), «Безумный Адам» (2013) по праву могут быть отнесены к утопиям. Социальные отношения составляют основу этих повествований, выступают в них не просто фоном для развития сюжета, а одной из ключевых тем. Можно сказать, что общество (его устройство, принципы сосуществования граждан) выступает одним из действующих лиц, с которым герой или герои выстраивают свои отношения. Названные произведения обнаруживают новый аспект обращения с социальным идеалом – оценку возможности его построения. Эта существенная черта женских утопий может дополнить особенности, выделенные Суковатой.

Достижимость социального идеала – одна из сквозных идей творчества Урсулы Ле Гуин. В своих произведениях автор создаёт галерею «возможных миров», многие из которых могут претендовать на статус «лучшего из возможных». Особую привлекательность романам Ле Гуин придаёт именно стремление изобразить лучший мир, мир, в котором хотелось бы остаться, мир притягательный сам по себе, о котором хочется узнавать больше вне зависимости от сюжетных поворотов. Однако ни в одном из романов писательницы мы не найдем статически застывшего мира ранних утопий. Множество культурных и социальных моделей демонстрируют вариативность общественных отношений, каждое из которых обнаруживает свои сильные и слабые стороны.

В романе «Левая рука Тьмы» действие разворачивается на планете Гетен (Зима), которую стремится склонить к вступлению в межгалактическую Эйкумену её посланник. Основная изюминка романа заключается в изначальном гермафродитизме или, лучше сказать, бесполости жителей заснеженного мира, у которых лишь в определённые периоды обнаруживаются женские или мужские половые признаки. При такой биологии гендерные различия заключаются не в половых ролях, а в периодах наличия или отсутствия половой дифференциации. При общих культурных началах мир Гетена разделен на две враждующие коалиции, между которыми путешествуют главные герои романа – землянин-наблюдатель и гетенианский экс-премьер-министр. В этом произведении проблема возможности реализации социального идеала только

намечается. Оба социальных уклада на Гетене: и традиционное, строго дифференцированное сословное общество Кархайда, и относительно модернизированное, бюрократически централизованное общество Оргорейне – далеки от идеала. Более совершенный социальный порядок олицетворяется посланником Эйкумены. Трудности его миссии – это трудности, которые ждут общества, ставшие на путь к совершенству, и основная из них – это нежелание части общества отказаться от сложившегося уклада, устоявшихся веками традиций. В этом романе мы видим одну из особенностей женских утопий – в них изображается не «готовый к употреблению» социальный идеал, а путь, который должен к нему привести. Социальный идеал зачастую остаётся в них возможностью, действительность которой обсуждается.

В полной мере проблема воплощения идеала и нравственных дилемм, возникающих перед членами таких обществ, обсуждается в более позднем романе Ле Гуин «Обделённые». Перед читателями разворачивается творческий и нравственный поиск гениального ученого Шевека, не только стремящегося завершить создание математической модели, лежащей в основе технологии мгновенной связи миров, но и желающего обеспечить равный доступ к этой технологии представителям всех миров Эйкумены. Проблемы, которые вынужден решать Шевек, это в первую очередь социальные проблемы. Будучи жителем планеты Анаррес, физик сталкивается с такими негативными сторонами анархического общества, как авторитет некомпетентных координаторов, косность социальной структуры, неэффективность хозяйственной деятельности. На планете, заселённой потомками революционеров, успешно построено безгосударственное общество, воплотившее принцип индивидуальной свободы. Однако реализация анархического идеала существенно отличается от проекта: консультанты Синдикатов, призванные координировать деятельность отдельных социальных институтов, допускают не меньше произвола, нежели государственные чиновники; упразднение института брака во имя свободы отношений партнёров оборачивается негласным запретом на устойчивое сексуальное партнёрство; свобода творчества попадает в зависимость от личных симпатий и антипатий консультантов соответствующих Синдикатов. Роман Ле Гуин мог бы стать традиционной антиутопией, если бы не вторая его часть, в которой Шевек в надежде на преодоление обострившихся социальных проблем из-за враждебного отношения к нему на Анаресе не улетает на Уррас, прародину своих соотечественников, покинувших её в поисках социального идеала. Общество Урраса основано на рыночных отношениях и принципах эгалитарной демократии, но этот мир ещё более далёк от воплощения социальной справедливости. Шевек настолько потрясён новым для себя общественным укладом, что не может работать. Если Анаррес в глазах

родившегося там Шевека несовершенен и не позволяет в полной мере проявиться его таланту, то общество с явно выраженной социальной структурой повергает его в творческий кризис. Сюжет романа строится вокруг поиска главным героем общественного порядка, лишённого явных социальных недостатков, свидетелем которых он является. Своеобразным разрешением внутреннего и внешнего конфликтов является для героя участие в рабочих выступлениях, которые воспринимаются им как провозвестник лучшего мира и знакомство с посланниками Земли. Именно земляне помогают физику обнародовать своё открытие и рассказывают об относительно гармоничном социальном порядке на планете, где жёстко очерчены рамки дозволенного поведения.

В романах Ле Гуин акцентируется неслучайность напряжённого характера отношений человека и общества. Любые социальные взаимодействия, как на уровне небольших групп, так и в масштабах целого общества, предполагают определённые ограничения. Это могут быть самоограничения и отказ от собственных интересов для возможности реализации интересов окружающих тебя людей или ограничения со стороны закона, устанавливающего чёткую меру дозволенного поведения. И никакое общество, реальное или воображаемое, не может гармонично совместить интересы отдельных своих членов и интересы общества в целом. Любопытный аспект этой проблемы мы находим в романе Ле Гуин «Город иллюзий». Местом действия здесь выступает Земля, захваченная инопланетянами. Это не традиционное изображение инопланетной агрессии с подавлением или уничтожением коренного населения. Напротив, усилиями пришельцев Сигов на Земле прекращены войны, эксплуатация, социальные конфликты, вражда, решены экологические проблемы. Мир Земли, по которому путешествует потерявший память герой, относительно равномерно заселён небольшими общинами, органически вписанными в естественный ландшафт. Этот мир по своему даже гармоничен, демонстрируя возможность ведения натурального хозяйства в информационную эпоху. Благодаря развитым технологиям уровень жизни в таких поселениях достаточно высок и жители способны без особых усилий обеспечивать себя всем необходимым. Из «притеснений» Сигов можно назвать запрет на расширение поселений, концентрацию производства, существенное развитие науки. Объясняется это тем, что именно эти факторы едва не погубили землян в междоусобных войнах и экологических катастрофах. Не стоит говорить, что такое положение устраивает далеко не всех землян, которых возмущают не столько Сиги, очень малочисленная замкнутая группа, сконцентрированная в городе Эс Тох, сколько само наличие запретов, ограничивающих естественное развитие общества. При этом герои романа признают, что приход инопланетян совпал с экономическим, военным и экологическим

кризисом, поэтому в какой-то мере Сиги действительно спасли Землю. Однако их модель обеспечения социальной стабильности путем устранения самих социальных отношений показывается автором как несостоятельная.

Моделирование приближенных к идеалу социумов отличает и творчество Марии и Сергея Дьяченко, где именно Марии, по замечаниям супругов, принадлежат замыслы интересующих нас работ. Возможность избавиться от насилия в обществе осмысливается ими в романе «Пещера». Мир «Пещеры» – это мир, знакомый всем нам, но лишённый агрессии, мир, в котором двери не закрывают и насилия друг против друга не применяют. Природная агрессия людей находит выход в ночной Пещере – особого рода сновидениях, где люди предстают теми или иными животными. Рационально мыслящие в дневном мире люди превращаются во снах о Пещере в инстинктивных животных – кто в хищников, а кто в жертв. Смерть приходит из сна, где жертва настигается хищником, а хищник может быть убит егерем – человеком, остающимся собой и в ночном мире Пещеры. Егери призваны сохранять баланс между хищниками, жаждущими крови, и жертвами, наполненными страхом, для того, чтобы насилие и страх не выплеснулись в дневной мир. Иррациональный мир Пещеры – это как бы изнанка безопасного дневного мира, в нем не актуален вопрос справедливости, он не мир людей. Справедливость – это аспект дневного мира, он, казалось бы, находит в нём неукоснительное своё воплощение. Авторы романа задаются вопросом – какова цена, которую готово платить общество за Пещеру. Героиня романа Павла своей везучестью в Пещере – её ночной двойник травоядная Сарна неоднократно спасается от хищника – нарушает её природный баланс. Собственно, Павла – это цена, которую общество должно заплатить за свою стабильность. Но убрать везучую Павлу-сарну могут только люди, так как принцип «сильного» в Пещере на неё не действует. И здесь оказывается, что проблема справедливости только на первый взгляд снята для мира «Пещеры». Егери и совет координаторов, поддерживающие равновесие дневного и ночного миров, – члены этого же общества, и по крайней мере они остаются в поле актуальности справедливого/несправедливого мира и днем, и ночью. Проблема жертвы во имя общего блага – это всё тот же вопрос о счастье, купленном слезинкой ребёнка, которую вновь приходится решать героям романа.

Одно из самых удачных произведений, демонстрирующих новую установку утопий, – это «Пандем» Марии и Сергея Дьяченко. Этот роман описывает процесс движения мира к совершенному состоянию, опасения, которые возникают у людей на этом пути, ловушки, которые подстерегают отдельных личностей и общество в целом. По форме роман близок к панорамным утопиям А. и Б. Стругацких «Полдень XXI век» и «Далекая Радуга», тоже представляющих собой множество историй,

скрепленных общей временной парадигмой – наступлением нового мира. Новый мир в романе Дьяченко приходит с Пандемом, своеобразной персонификацией ноосферы – сферы разума. Пандем не всеведущ, но его знания стремятся к абсолюту, он не всемогущ, но сила его приближается к всемогуществу, он меняется и развивается, и при этом не имеет другой цели, кроме счастья всех людей, так как является производным от них. Усилиями Пандема, который способен говорить с каждым отдельно и со всеми вместе, за несколько лет на земле прекращаются войны и болезни, природа не использует против человека свой агрессивный потенциал, уходят социальные девиации, отпадает необходимость в правительстве, армии, полиции, тюрьмах. В короткий период под руководством Пандема человечество совершает гигантский технологический скачок. Даже смерть потесняется Пандемом, для рождённых при нем вообще, для стариков отодвигается на очень долгое время. Наступает состояние, о котором писал Платон в своей утопии «Государство»: внутренний закон регулирует поведение людей, и необходимость во внешнем законе отпадает, с той только разницей, что в качестве «внутреннего закона» выступает сам Пандем. Даже вечная мечта утопистов о главенстве в обществе личности наставника-педагога воплощается в Пандеме – гениальном педагоге, знающим задатки каждого своего воспитанника и создающим оптимальные условия для их реализации.

Мир Пандема гораздо привлекательнее большинства утопических картин, однако герои романа находят множество возражений против вмешательства Пандема. Первая линия опасений землян связана со свободой человека, главным выразителем этого типа опасений выступает Ким Каманин. До какой степени человек сможет сохранять свободу действий и свободу мыслей, если в его сознании постоянно присутствует персонифицированный моральный закон? Не приведет ли вмешательство Пандема к модификации человеческой личности за счёт подтягивания её к совершенству? Как в мире Пандема смогут существовать люди низкой социальной ответственности, имеющие природную склонность к девиантному поведению? Вторую группу опасений актуализирует жена Кима Арина, талантливая художница, счастливая мать, которая постепенно вступает в столь «тесный эмоциональный контакт» с Пандемом, что перестаёт ощущать необходимость в окружающих её людях, в том числе и членах семьи. Целый ряд персонажей демонстрирует подобную эмоциональную зависимость от Пандема, который выступает одновременно другом и наставником, информационным ресурсом и моральным ориентиром. Эта линия романа перекликается одновременно с «Городом иллюзий» Ле Гуин и «Концом социального» Ж. Бодрийера и возвращает нас к мысли, что прекращение социальных конфликтов не обязательно свидетельствует о найденном универсальном соотношении интересов индивида и общества,

социальный порядок может свидетельствовать и о том, что ткань социального разорвана, люди больше не нуждаются друг в друге, так как перенесли свои ожидания на Пандема или технику.

Но самые серьёзные возражения против мира Пандема, безопасной среды, гарантированного здоровья, бесконфликтного научно-технического развития, внутренних «моральных подсказок» находит сам Пандем. Он убеждается, что для того, чтобы люди развивались, они должны сами преодолевать трудности, реальные, а не созданные внешним наблюдателем как полоса препятствий на полигоне. Для того, чтобы люди могли ценить здоровую жизнь, должны сохранить актуальность боль и смерть. Для того, чтобы люди могли по-настоящему взрослеть, они должны сами обеспечивать социальный порядок. Поэтому Пандем уходит. Не сразу, а постепенно. Подготавливая людей к своему уходу. Создает всемирный координационный совет, различные элементы которого могли бы обеспечивать порядок во всех сферах беспандемного мира. В конце романа мы видим серию картин, иллюстрирующих проблемы идеального общества, которые обнаруживаются, когда общество перестаёт курироваться «свыше». Отученные от ответственности за свои поступки, люди демонстрируют полную неготовность и нежелание считаться со своими согражданами. Сбивший пешехода водитель, отказавшийся от автоматического управления для развлечения, искренне не понимает, какие к нему могут быть претензии, если пешеход сам стоял возле дороги. Родители, привыкшие к заботе Пандема о детях, забывают их кормить, следить за ними, оберегать. Вновь вспыхивает подростковая жестокость, апеллирующая к тому, что «люди по-настоящему не умирают». Граждане выступают против запретов, которые направлены на поддержание социального равновесия.

Роман М. и С. Дьяченко подводит читателя к мысли, что проблема утопического мира – это не проблема удачности и жизнеспособности той или иной его модели, а нерешаемость проблемы бесконфликтного соединения интересов общества и личности, одного и множества, индивидуальной свободы и коллективного порядка. Проблема утопии как жанра не в том, что, реализовавшись, любой социальный идеал превращается в свою противоположность, а в том, что реализовать идеальный социальный порядок, который бы устраивал всех членов, на которых распространяется, – невозможно. Но при этом невозможно и отказаться от поиска такого идеала. Женские утопии высвечивают именно этот аспект социального моделирования – невозможность утопии и невозможность отказа от нее.

Таким образом, женская утопия обнаруживает новую черту утопии, черту, которая позволяет говорить о женской утопии как новой стадии развития утопической мысли. Женские утопии отходят от простой трансляции социального идеала, от выработки универсальной модели

лучшего состояния социума. Женские утопии обнаруживают своеобразный диалектический синтез утопии и антиутопии. Их авторы сосредотачиваются на осмыслении возможности совершенного социального порядка. Если утопию можно представить как ответ на вопрос «каким должно быть совершенное общество», антиутопию – как ответ на вопрос «каким не должно быть совершенное общество» или «что получится, если совершенное общество окажется несовершенным», то женская утопия отвечает на вопрос «какие проблемы возникают при построении или функционировании совершенного общества». В этом плане женская утопия объединяет то, что до этого существовало в рамках отдельных произведений: утопию – проект идеального общества – и антиутопию – критику этого проекта, поиск слабых мест идеального мироустройства.

Литература:

1. Араб-Оглы 1989 – Араб-Оглы Э.Я. Антиутопия. М.: Мысль, 1989.
2. Баталов 1989 – Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
3. Жаданов 2013 – Жаданов Ю.А. Женская утопия 17-18 веков как особая разновидность позитивной утопии // Инновации в науке: материалы Международной научно-практической конференции. М.: Автономная некоммерческая организация содействия развитию современной отечественной науки Издательский дом «Научное обозрение». 2013. С.82-93.
4. Ковтун 2004 – Ковтун Н.В. Роман В.Ф. Обоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 5. С. 179–183.
5. Мартынов 2009 – Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. №10. С.156.
6. Петрихин 2009 – Петрихин А.В., Курочкина Л.Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т5. № 11. С. 251-254.
7. Постникова 2015 – Постникова Д.И. Социолингвистические характеристики феминистской утопии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. №4 (32). С.190-198.
8. Семенова 2013 – Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Социальная утопия и феминизм // Женщина в российском обществе. Ивановский государственный университет. 2013. 31 (66). С. 45-52.

9. Суковатая 2014 – Суковатая В.А. Гендерный проект в русской утопии: феминистские интервенции // Культура культуры. 2014. №2. С.1-10.
10. Davis 2008 – Davis, L. H. Natural Resistance: Margaret Atwood as Ecofeminist or Apocalyptic Visionary / Louise H. Davis // Women Writing Nature: A Feminist View / [ed. Barbara J. Cook]. Lanham, MD: Lexington, 2008. P.81–94.
11. Diamanti 2001 – Diamanti F. The Treatment of the “Woman Question” in Radical Utopia Political Thought // The Philosophy of Utopia. London, Portland: Ed. by B. Goodwin. Frank Cass, 2001.
12. Mellor 1982 – Mellor A.K. On Feminist Utopias // Woman’s Studies. 1982. Vol. 9.
13. Negley 2004 – Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.
14. Pearson 1977 – Pearson C. Woman’s Fantasies and Feminist Utopias // Frontiers. 1977. Vol. II. № 3.
15. Sargent 1973 – Sargent L.T. Woman in Utopia // Comparative Literary Studies. 1973. Vol. X, № 4.

References:

1. Arab-Ogly 1989 – Arab-Ogly E.Y. Antiutopiya. M.: Mysl', 1989.
2. Batalov 1989 – Batalov E.Y. V mire utopii: Pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentah. M.: Politizdat, 1989. 319 s.
3. Zhadanov 2013 – Zhadanov Y.A. Zhenskaya utopiya 17-18 vekov kak osobaya raznovidnost' pozitivnoj utopii // Innovacii v nauke: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya sodejstviya razvitiyu sovremennoj otechestvennoj nauki Izdatel'skij dom «Nauchnoe obozrenie». 2013. S.82-93.
4. Kovtun 2004 – Kovtun N.V. Roman V.F. Oboevskogo «4338 god» i tradicii intellektual'noj utopii v Rossii // Izvestiya tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2004. T. 307. № 5. S. 179–183.
5. Martynov 2009 – Martynov D.E. K rassmotreniyu semanticheskoy ehvolyucii ponyatiya «utopiya» (HKH v.) // Voprosy filosofii. 2009. №10. S.156.
6. Petrihin 2009 – Petrihin A.V., Kurochkina L.YA. Plyuralizm traktovok fenomena «Utopiya» v kontekste edinoj evropejskoj utopicheskoy tradicii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2009. T5. № 11. S. 251-254.
7. Postnikova 2015 – Postnikova D.I. Sociolingvisticheskie harakteristiki feministskoj utopii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2015. №4 (32). S.190-198.

8. Semenova 2013 – Semenova V.H., Semenova L.EH. Social'naya utopiya i feminizm // ZHenshchina v rossijskom obshchestve. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. 2013. 31 (66). S. 45-52.
9. Sukovataya 2014 – Sukovataya V.A. Gendernyj proekt v ruskoj utopii: feministskie intervencii // Kul'tura kul'tury. 2014. №2. S.1-10.
10. Davis 2008 – Davis, L. H. Natural Resistance: Margaret Atwood as Ecofeminist or Apocalyptic Visionary / Louise H. Davis // Women Writing Nature: A Feminist View / [ed. Barbara J. Cook]. Lanham, MD: Lexington, 2008. P.81–94.
11. Diamanti 2001 – Diamanti F. The Treatment of the “Woman Question” in Radical Utopia Political Thought // The Philosophy of Utopia. London, Portland: Ed. by B. Goodwin. Frank Cass, 2001.
12. Mellor 1982 – Mellor A.K. On Feminist Utopias // Woman's Studies. 1982. Vol. 9.
13. Negley 2004 – Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.
14. Pearson 1977 – Pearson C. Woman's Fantasies and Feminist Utopias // Frontiers. 1977. Vol. II. № 3.
15. Sargent 1973 – Sargent L.T. Woman in Utopia // Comparative Literary Studies. 1973. Vol. X, № 4.

*Грошовкина Н.А. (г. Тирасполь
Приднестровская Молдавская Республика,
Groshovkina N. A. (Tiraspol, Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika)*

Гендерный подход к анализу целостности общества

Gender approach to the analysis of integrity of society

Аннотация. В статье рассмотрена проблема социально-философского анализа гендерных факторов сохранения и упрочения целостности приднестровского общества как предпосылки его устойчивого развития.

Ключевые слова: целостность, устойчивое развитие, социализация, гендерная асимметрия, гендерный потенциал, социокультурные стереотипы, поликультурная личность.

Abstract. In the article the problem of the social and philosophical analysis of gender factors of preservation and consolidation of integrity of the Dnestr society as prerequisites of his sustainable development is considered.

Key words: integrity, sustainable development, socialization, gender asymmetry, gender potential, sociocultural stereotypes, polycultural personality.

Адекватное современным общественным потребностям понимание социально-философских проблем в XXI в. развивается под влиянием противоречивого отношения к ценности человеческой жизни и деятельности отдельной личности. С одной стороны, наблюдается возрастание разобщённости и повышение уровня конфликтности в обществе, с другой – несомненен рост интегративных процессов, увеличивающих степень целостности. Целостность и разобщённость современного мира, тесная переплетённость его основных противоположно направленных тенденций обуславливают формирование такой социальной среды, сущностной характеристикой которой становится противоречивая взаимозависимость всё более атомизирующихся субъектов, социальная значимость активной деятельности которых возрастает в условиях усиления разрыва между мужской и женской культурой.

Источником устойчивого развития целостности общества является социализация личности как процесс усвоения каждым поколением основополагающих качеств, необходимых для функционирования и развития системных социальных взаимодействий, для интеграции жизнедеятельности людей в единое целое. При этом свойства целостности распространяются на все элементы общества (личности, группы, институты), приобретающие способности обновления и приспособления к динамически изменяющейся среде. Только при этих условиях система приобретает качества, соответствующие критериям целостности, таким как стационарность, стабильность, адаптивность, выносливость, сопротивляемость, толерантность.

Содержание процесса социализации, который начинается с первых минут жизни человека, протекает в трёх сферах: деятельности, общения, самосознания, и может быть понят только как единство изменений этих трёх сфер. Методы современной науки, призванные изучать объекты такой сложности, нуждаются в особо тщательном изучении всех аспектов целостности, в том числе гендерных.

Разделение гендерных функций лежит в основе полоролевого подхода, сформулированного Т. Парсонсом в 40-50-х годах XX столетия в трактовке структурного функционализма, где роль женщины преимущественно в качестве домохозяйки объясняется объективными параметрами её социального положения: отсутствием экономической независимости и самостоятельного источника существования, выполнением супружеских и материнских функций (Parsons, Bales 1955, P. 23).

В парадигме полоролевого подхода женщине принадлежат экспрессивные функции поддержания морально-культурного климата в семье, ведения домашнего хозяйства, заботы о всех членах семьи, а мужчина играет важную инструментальную роль. «При этом исходным

основанием поло-ролевого подхода, – подчеркивают Е.М. Здравомыслова и А.А. Темкина, – является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах» (Здравомыслова, Темкина 2000, с. 16). Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе интериоризации норм или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных нравственно-психологических и властно-принудительных подкреплений.

В концепции структурного функционализма Т. Парсонса можно выделить два ответа на этот вопрос о достижении целостности устойчивого развития. Первый заключается в том, что члены общества приходят к согласию относительно основных ценностей в процессе социализации и в результате строят своё поведение в соответствии с общезначимыми социальными нормами и ценностями. Второй ответ на основной вопрос своей социологии – вопрос о социальном порядке – Т. Парсонс даёт в социологической системной теории, которая объясняет социальный порядок через функциональность самой социальной системы. Иначе говоря, социальные системы сохраняют устойчивое равновесие благодаря выполнению функциональных требований.

Но разделение общества на подразделы и функции, которое было предложено Т. Парсонсом как метод изучения целостности и развития, не отражает специфику целостности. Невозможно воссоздание целостного механизма во всём его многообразии из изолированных фрагментов и процессов. Как подчеркивает В. Визгин, «...функциональное системное поведение только в простейших случаях может быть “разобрано” на отдельные связи и описано в аналитических понятиях. Расчленение нарушает именно ту предпосылку – целостность системы, – на которой базируется анализируемое поведение» (Визгин 1991, с. 187).

Гендерная асимметрия закладывается в сознании с раннего детства и затем закрепляется в течение всей жизни индивида системой гендерной социализации. Гендерное неравенство коренится в представлении, что два пола естественно различны, и сохраняется благодаря процессу гендерной социализации, который означает освоение людьми социально-половых ролей. В этом процессе участвует сам человек, идентифицируя себя с мальчиками (мужчинами) или девочками (женщинами).

Важными институтами, участвующими в гендерной социализации, являются семья, школа, различные учреждения (например, магазин, предлагающий разную одежду, принадлежности, игрушки для девочек и мальчиков), СМИ. Однако не менее сильными агентами гендерной социализации являются язык и искусство, местные традиции. Под влиянием институтов семьи, образования, экономики, культуры, средств

коммуникации мужчина и женщина социализируются как антагонистически различные, что становится основой для гендерного разделения труда – главного фактора социальной дифференциации полов. Именно выполняя разную работу, мужчина и женщина окончательно становятся гендерно полярными – социально и экономически. В результате гендерного распределения труда, а не сексуального различия возникает противоположность и дополнительность между полами. Эти различия, в свою очередь, создают основу для брака, в котором задачи женщин и мужчин также являются противоположными и дополняющими.

В этих условиях принципиально важной становится открытость дискурсов в сфере гендерных отношений, где одновременно продолжает действовать структурный подход в марксистском или функционалистском понимании. Представляется, что весьма перспективной является объединительная методология, которая может быть названа структурно-конструктивистским изучением гендера. Речь идет о концептах гендерной композиции и гендерного конструирования. В первом особое внимание обращается на структурный характер гендерных взаимосвязей и отношений, а во втором речь идёт прежде всего о динамике, возникновении, изменении гендера в ходе социальных взаимодействий.

Региональные особенности половых ролей в гендерном потенциале формировались под влиянием российской ментальности и культуры, а также единых для всех этносов Приднестровья исторических условий социального бытия, общей и национальной культуры. «Своеобразная историческая судьба Приднестровья и населявших его людей на протяжении многих веков и тысячелетий определялась тем обстоятельством, что эти земли представляли собой контактную зону, т.е. территорию, где проживают и смешиваются, ассимилируются многие народы и цивилизации» (Бабилунга, Берил, Бомешко 2003, с. 11).

Постоянная борьба с нашествием разных племён отвлекала основную часть мужского населения. Все тяготы по поддержанию хозяйства и воспитанию детей ложились на плечи женщин. В таких нелёгких жизненных условиях формировался независимый, сильный, решительный характер приднестровской женщины, способной не только самостоятельно выполнять любую необходимую для жизнедеятельности семьи работу, но и проявлять готовность постоять за себя, за своё личное достоинство перед кем угодно, в том числе перед мужем, если он допускает в отношениях с женой произвол, насилие и несправедливость.

В Приднестровье нет доминирующей по численности населения национальной культуры. Три основных этноса представлены здесь почти поровну: молдаване составляют 32% от общей численности населения, русские – 29%, украинцы – 27%, остальные – 12%, из которых болгары и

евреи – по 2% (Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики 2011, с. 30).

Это служит одной из предпосылок для равноправного диалога культур, без навязывания своих духовных ценностей другим этносам. Отсутствие численного преимущества у представителей какой-либо из трёх самых многочисленных национальностей, постоянное общение в среде проживания, учёбы и трудовых занятий обеспечивают взаимообогащение национальных культур и их интеграцию в региональную поликультурность с сохранением обычаев и традиций, в том числе в сфере гендерных отношений.

Социокультурные стереотипы «повседневного жизненного мира», включая гендерную ментальность приднестровского народа, коренятся в самом генезисе его формирования в процессе широкого распространения русского народа на территории правобережья Днестра, особенно в период российско-турецких войн и советской индустриализации края.

Интегрирующим ядром и критерием целостности многонациональной культуры Приднестровья выступает русская культура, источником выдвижения которой на ведущую роль в культурно-образовательном пространстве республики является не навязывание её другим этносам внутри региона при помощи административно-правовых механизмов насилия, а внешний духовный фактор – огромный интеллектуальный потенциал русской культуры с её материальной базой книгоиздательства, телевидения, прессы. Этому способствует также геополитический курс приднестровского руководства на союз с Россией, принятие российских образовательных стандартов в учебных заведениях региона, широкое применение здесь опыта культурного развития, накопленного в России.

Главным принципом формирования поликультурной личности является поддержание равносубъектного диалога культур в контексте межличностного общения. Именно в обыденном диалоге культур на индивидуальном уровне проявляется сегодняшняя общность духовности многонационального населения Приднестровского региона, его гуманистические и патриотические ценности. Всё это нашло яркое отражение в гендерных отношениях, социальном статусе и независимом духе женщин и мужчин Приднестровья.

Региональная социокультурная специфика, воспринимаемая людьми в социальных практиках, оказывает существенное влияние на выбор мужчинами и женщинами жизненных траекторий, гендерных стратегий, способов и средств достижения жизненно значимых целей. Компаративистский подход к анализу формирования гендерного потенциала в Приднестровье позволяет выявить доминантные типы гендерных отношений в регионе на основе учёта тождества и различия в социокультурных и исторических ситуациях, в которых формировался

жизненный опыт выживания и сохранения идентичности многонационального народа этого края.

В исследовании В.П. Степанова приводится типичный диалог из книги А.С. Афанасьева-Чужбинского, ярко характеризующий взаимоотношения между мужем и женой в традиционном молдавско-украинском обществе Приднестровья XIX в.: «И всегда, – решительно заявляет супруга своему мужу, – буду брать рогач и всё, что попадет под руку, если захочешь бить понапрасну: я уж тебе это не раз говорила. Коли я виновата, разве я защищаюсь?» Позиция в споре, занятая женой, была настолько убедительной и справедливой, что муж, хотя и напомнил, что всё хозяйство и сама она полностью принадлежат ему, вынужден был согласиться с ней (Степанов 2010, с.114).

Вероятно, такой сильный тип женщины сформировался именно в условиях, когда мужчина часто находился в ратных походах. Длительное его отсутствие дома привело к усилению традиционного влияния женщины в семье. Можно предположить, что в силу традиции женское поведение, адекватно воспринимаемое в одних социально-культурных условиях, представляется необычным и неестественным в других.

Типичны и темпоральные гендерные изменения, отражающие устойчивые тенденции в требованиях отдельных эпох к выполнению половых социальных ролей. Женщины Приднестровья сыграли большую роль в противостоянии нашей республики и Молдовы в 1990–1992 годах, выступив неоднократно живым заслоном между противоборствующими сторонами, предотвратили в ряде случаев кровопролитие, проявили огромную силу воли в политической забастовке, принудив в конечном счёте прорумынских националистов отказаться от военных средств для решения политических вопросов (Бомешко 2012, с. 169).

В эти тревожные годы особенно ярко проявился организаторский и патриотический потенциал женщин, самоотверженно ставших вместе с мужчинами на защиту своих семей и своей многонациональной культуры от попыток их уничтожения прорумынскими националистами.

Можно предположить, что в основе такого социального поведения женщин в чрезвычайных и опасных для существования приднестровского народа ситуациях лежат характерные для женской психики свойства – повышенная эмоциональность, импульсивность, интуитивность в реагировании на подобные испытания судьбы. Но социально-исторический анализ показывает, что и в обычных условиях гендерные свойства как женщин, так и мужчин Приднестровья отличаются достаточной гибкостью, динамичностью, приспособляемостью к обстоятельствам, затрагивающим витальные потребности сохранения рода. Только у женщин эти адаптационные способности проявляются нагляднее. Женские типы работниц, крестьянок, представительниц умственного труда демонстрируют всем известные характерные черты и

по телосложению, и по физической силе, по стилю поведения, речи, и по степени эмоциональности. Специфика труда и быта оказывает решающее воздействие на внешний облик и менталитет людей, в особенности женщин, повышая их трудовой и социальный потенциал.

Сегодня женщины Приднестровья принимают всё более активное участие в разработке и реализации государственных решений, в деятельности Правительства ПМР, где они занимают более половины постов министров, в руководстве средствами массовой информации, в которых им теперь принадлежит большинство ключевых должностей. Повышается статус женщины и в повседневной жизни, в семье.

Часто это связано с тем, что муж уезжает на заработки, а женщине, оставшейся основной кормилицей в семье, необходимо хоть как-то сводить концы с концами. В других случаях налицо желание продемонстрировать собственную успешность другим, стать независимой и богатой. Специалисты, работающие в налоговых органах Приднестровья, замечают, что предприниматели-женщины больше склонны к ведению бизнеса без конфликта с законом. При анализе налоговых деклараций выясняется, что женщины в отличие от мужчин, занятых аналогичным бизнесом, декларируют доходы более честно. Это ещё раз подтверждает мнение, что коррупция чаще свойственна мужским взаимоотношениям. Но женщины не уходят из своих традиционных областей самореализации – лёгкой промышленности, торговли, сферы общественного питания, спорта, искусства семейной жизни (Mickolişina 2009, P. 88).

Тем не менее, существование патриархальных стереотипов относительно традиционной роли женщины в обществе, её ответственности за семью и воспитание детей до сих пор нередко блокирует личную и профессиональную самореализацию женщин, их продвижение на руководящие должности. Гендерные стереотипы часто оказывают негативное влияние и на социальное поведение мужчин, ограничивая их участие в воспитании детей, в работе по дому и в других «женских» сферах (Бодруг-Лунгу 2012).

Значительная часть женщин, особенно в сельской местности, ещё не избавилась полностью от доминировавших веками личностных черт пассивности, покорности, терпеливости в частной, семейной жизни, в основном традиционно закрытой для внешнего общественного влияния. Такие женщины по-прежнему мирятся с унижением, физическим и экономическим насилием со стороны своих мужей, любовников и даже взрослых детей. Больше половины женщин подвергаются агрессии кого-либо из близких мужчин (нынешнего или бывшего мужа, жениха, любовника) (Женский правовой центр 2016, с. 14).

Нищенский уровень жизни многих семей обостряет отношения, создаёт конфликтные ситуации, способствует увеличению

миграционных потоков. По данным Управления государственной службы занятости г. Тирасполя в 2016 г. среди зарегистрированных и признанных безработными граждан преобладают женщины, их удельный вес в общем числе безработных составляет около 70%. Для того чтобы сохранить уверенность в себе, жизнерадостность и оптимизм, безработной женщине приходится прилагать чрезвычайные усилия. Немногие справляются с этой задачей, особенно когда спрос на рабочие руки и интеллект в Приднестровье крайне низок.

Проведённые под руководством автора социологические исследования в Приднестровье позволяют сделать вывод о том, что представления о социальных функциях пола достаточно динамичны и подвержены изменениям под влиянием жизненных ситуаций. Исторически традиционный общественный потенциал женщины в приднестровском обществе, характеризующийся многогранностью её функций вопреки сохраняющимся до сих пор элементам социального неравенства: женщина – хранительница домашнего очага и воспитательница детей, женщина – защитница рода и национальной культуры, женщина – субъект народной нравственности и традиций, будет и в дальнейшем способствовать сохранению целостности общественных отношений.

Литература:

1. Бабилунга, Берил, Бомешко 2003 – Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. – 2-е изд., перераб. и доп. Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. 336 с.
2. Бодруг-Лунгу 2012 – Бодруг-Лунгу В.И. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/> (дата обращения: 23.08.2012).
3. Бомешко 2012 – Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры: Полиграфист, 2012. С.169-179.
4. Визгин 1991 – Визгин В.П. Традиции и инновации (взгляд историка науки) // Традиции и революции. М.: Политиздат, 1991. С. 187-203.
5. Здравомыслова, Темкина 2000 – Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-23.
6. Положение женщин в Приднестровье: Проблемы, анализ ситуации, перспективы // Исследование. Женский правовой центр. Тирасполь: Окно в Мир, 2016.
7. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2011: Статистический сборник (за 2006–2010 гг.) /

Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР. Тирасполь, 2011.

8. Степанов 2010 – Степанов В.П. Грани идентичностей: Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989–2009 гг.). Кишинев: «Elan Inc» SRL, 2010. С. 114-115.

References:

1. Babilunga, Beril, Bomeshko 2003 – Babilunga N.V., Beril S.I., Bomeshko B.G. i dr. Fenomen Pridnestrovyua. – 2-e izd., pererab. i dop. Tiraspol: RIO PGU, 2003. 336p.

2. Bodrug-Lungu 2012 –Bodrug-Lungu V.I. Gendernyie stereotipy i izmenenie povsednevnosti (opyit Moldovyi) [Elektronnyiy resurs]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/> (data obrascheniya: 23.08.2012).

3. Bomeshko 2012 –Bomeshko B.G. Sozdanie, stanovlenie i zaschita pridnestrovskoy gosudarstvennosti. 1990–1992 gg. Benderyi: Poligrafist, 2012. P.169-179.

4. Vizgin 1991–Vizgin V.P. Traditsii i innovatsii (vzglyad istorika nauki) // Traditsii i revolyutsii. M.: Politizdat, 1991. P. 187-203.

5. Zdravomyislova, Temkina 2000–Zdravomyislova E.A., Temkina A.A. Sotsiologiya gendernyih otnosheniy i gendernyy podhod v sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. № 11. P. 15-23.

6. Mickolişina 2009 – Mickolişina A. În: Simpozionul Internaţional al tinerilor cercetători. Ediţia a VII-a. 10-11 aprilie 2009. Chişinău: ASEM, 2009, № I. P. 87-90.

7. Parsons 1955 – Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, Ill.: FreePress, 1955. 422 p.

8. Polozhenie zhenschin v Pridnestrove: Problemyi, analiz situatsii, perspektivy // Issledovanie. Zhenskiy pravovoy tsentr. Tiraspol: Okno v Mir, 2016. 155p.

9. Statisticheskiy ezhegodnik Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki - 2011: Statisticheskiy sbornik (za 2006–2010 gg.) / Gosudarstvennaya sluzhba statistiki Ministerstva ekonomiki PMR. Tiraspol, 2011. p.189.

10. Stepanov V.P. Grani identichnostey: Etnograzhdanskiye protsessy v srede natsionalnykh menshinstv Respubliki Moldova na primere ukrainskogo naseleniya (1989–2009 gg.). Kishinev: «Elan Inc» SRL, 2010. P. 114-115.

Романова С.Я. (Комрат, АТО Гагаузия Республика Молдова)
Romanova S.Y. (Comrat, ATU Gagauzia Republic of Moldova)

Проблемы гендерной социализации в Гагаузии

Issues of gender socialization in Gagauzia

Аннотация. В наши дни чрезвычайно актуальны вопросы гендерной социализации, взаимоотношения полов и другие гендерные исследования. И это не случайно. Изменились представления о ролевом статусе мужчин как «кормильца», «добытчика», а женщины – как матери, жены и хозяйки, о том, что личность мужчины реализуется в общественном «служении», а женщины – в узких рамках семейных обязанностей. Все эти изменения затронули и гагаузское общество и привели к появлению ряда проблем гендерной социализации.

Ключевые слова: гендер, социализация, ролевой статус, гендерная социализация, пол, проблема.

Abstract. In our days the importance of gender socialization on gender studies and gender research are very acute. And this is not accidental. Understanding of the role status of men as «kormilets», and women as mothers, wives and housewives have changed. The identity of the man is realized in public «service», and women in the narrow confines of family responsibilities have also changed. All these changes affected the Gagauz society and led to the emergence of a number of gender socialization.

Key words: gender, socialization, status, role, gender socialization, gender, problem.

Для характеристики проблем гендерной социализации нам необходимо вспомнить, что социализация рассматривается, с одной стороны, как процесс адаптации и интеграции человека в обществе, а с другой – как процесс саморазвития и самореализации личности в социальной среде, тогда как гендерная социализация учитывает обе эти тенденции. Гендерная социализация (полоролевая социализация) – целостный процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живёт, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Социальные психологи также используют термин дифференцированная социализация, подчеркивая тем самым, что в общем процессе социализации мужчины и женщины формируются в различных социально-психологических условиях. Гендерная социализация включает две взаимосвязанные стороны:

а) освоение принятых моделей мужского и женского поведения, отношений, норм, ценностей и гендерных стереотипов;

б) воздействие общества, социальной среды на индивида с целью привития ему определённых правил и стандартов поведения, социально приемлемых для мужчин и женщин.

Таким образом, гендерная социализация включает в себя два взаимосвязанных процесса:

– усвоение индивидом социального опыта, психосексуальных установок и ценностных ориентаций, определённых способов поведения и деятельности, присущих представителям того или другого пола;

– процесс формирования полового самосознания (половой идентичности), который включает познание своего сходства и различий с представителями своего и противоположного пола; эмоциональную оценку себя как представителя определённого пола; самоутверждение Я как представителя определённого пола в общении и деятельности.

В наши дни активная личность, стремясь к свободе и независимости, расширяет свой личный опыт и обеспечивает реализацию своей индивидуальности, иногда отходя от принятого эталона. В последние десятилетия в обществе отчетливо прослеживаются изменения, касающиеся вопросов пола (гендерная социализация). Исходя из данной социальной терминологии, отметим, что важными институтами, участвующими в гендерной социализации, являются:

- семья (девочка следует примеру матери, получает представления о «женских» обязанностях по обслуживанию членов семьи, о нормах девичьего поведения, а мальчик, соответственно, следует примеру отца, выполняет «мужские» обязанности, получает представление о нормах дозволенного мужчинам...);

- школа (педагоги, учебники, воспроизводящие гендерно-традиционные установки, разные программы для девочек и мальчиков...);

- различные учреждения (например: магазин, предлагающий разную одежду, принадлежности, игрушки для девочек и мальчиков);

- СМИ (воспроизведение гендерно-традиционных ролей, образов...) (Захарова 2011, с. 140).

Рассмотрим несколько ключевых проблем, связанных со стереотипами гендерной социализации:

– стереотипы маскулинности/фемининности или устойчивые нормативные социальные представления о соматических, психологических, поведенческих характеристиках личности;

– стереотипы, касающиеся распределения семейных ролей;

– стереотипы, связанные с различиями в характере и содержании профессиональных ролей и труда;

– стереотипы, связанные с представлениями об отношении к любви и дружбе;

– стереотипы, связанные с выбором увлечений.

Так, стереотипы маскулинности/фемининности или устойчивые нормативные социальные представления о соматических, психологических, поведенческих характеристиках личности значительно изменились в гагаузском обществе. В. Мошков в своем труде «Гагаузы Бендерского уезда» (Мошков 2004) в главе «Семейные и общественные отношения у гагаузов» описывает отношения в семье и среди других родственников, характеризует положение женщины в семье и обществе, отношение к детям.

В. Мошков пишет о незамужней женщине/девушке, что если «парень полюбит девушку, то он становится крайне ревнивым», это делает её положение в обществе щекотливым – ей необходимо быть очень осторожной в выражениях и в поступках. Так, например, если случайно девушка не заметит парня и перейдет ему дорогу, то он думает, что она не только разлюбила меня, но и потеряла ко мне всякое уважение. И это может служить поводом для мщения со стороны молодого человека (Мошков 2004, с. 130). Еще более униженным было положение замужней женщины. Как отмечает Мошков, битьё мужем своей жены считается обыкновенным и практикуется как с целью её наказать или исправить, так и без вины с её стороны, для порядка. Такую картину, как рукоприкладство, можно наблюдать и в современной семье. До сих пор от некоторых мужчин можно услышать такое выражение: «небитая жена – это словно не вытрусенный коврик». В. Мошков указывает, что за советами муж к жене обращается крайне редко, потому что он слишком невысокого мнения о женском уме (Мошков 2004, с. 131), и приводит ряд пословиц, одна из них: «Муж может выслушать только одно слово из её десяти».

В наши дни картина значительно изменилась, и практически без одобрения жены большая часть мужчин не принимает самостоятельное решение. Главная причина изменения стереотипов кроется в том, что женщина стала основной «добытчицей и кормилицей». Большая часть мужчин безработны, и это изменило их статус в семье и поведение.

Говоря о взаимоотношениях мужа и жены, можно сказать, что раньше положение гагаузской женщины было в семье униженным. Во главе всякой благоустроенной семьи стоял мужчина. Главой семьи считался дед с отцовской стороны, а если его нет в живых, то глава семейства – отец. Если умер отец, то его заменяет старший брат или сын.

Привилегированное положение мужчины в семье основывалось, с одной стороны, на том, что он являлся владельцем земли, так как земля и другое недвижимое имущество передавалось по наследству по мужской линии. С другой стороны, большое значение сохраняли традиционные нормы, основанные на принципе патриархальности.

Сейчас же в большей степени вся забота о семье лежит на плечах женщины и действуют современные нормы права.

Особенно уязвимой женщина становилась при отсутствии мужа рядом (в армии, на заработках и т.д.). Все права над ней до возвращения сына получала свекровь, которая строго контролировала любое общение замужней женщины с кем-либо в отсутствие мужа (Шабашов 2002, с. 83).

Несмотря на столь жестокое отношение к женщине, разводы были чрезвычайно редким явлением. По результатам исследований, в наши дни разводы стали обычным явлением, что негативно сказывается на детях, так как они растут в неполных семьях и, естественно, у них искажается представление о полноценной семье.

Претерпели изменения стереотипы, касающиеся распределения семейных ролей.

Если раньше ни один мужчина не смел в обществе женщин и детей вести нескромные разговоры, то сейчас брань и нецензурная лексика стали обыденностью не только среди молодежи, но и среди подростков и детей.

Произошли изменения в статусе мужчин как «кормильца», «добытчика», а женщины – как матери, жены и хозяйки, в том, что личность мужчины реализуется в общественном «служении», а женщины – в узких рамках семейных обязанностей», – говорит Т. Легенина в своем исследовании «Гендерная социализация в современной российской семье: социокультурный анализ» (Легенина 2004, с. 30). Всё чаще мы наблюдаем обратную картину – жена как «кормилец», «добытчик», а муж как домохозяйка.

Раньше у гагаузов даже женатые сыновья жили вместе с отцом в одном доме, и даже если сыновья и жили отдельно, они оказывали как внешние признаки уважения, так и подчинялись отцу во всем, советовались с ним и до весьма почтенного возраста чувствовали над собой власть отца даже в случае полной материальной от него независимости (Мошков 2004, с. 174).

В наши дни отец практически может посоветовать что-либо семье сына, но не вмешивается, даже если материально молодая семья зависит от родителей. Нередко можно видеть картину в магазине, когда подросток или юноша выбирают бытовую технику или гаджеты, а отец им беспрекословно подчиняется.

Об отношении родителей с детьми можно сказать, что раньше родители придерживались строгого воспитания детей, не давали им ни малейшей поблажки. Каждый из детей имел свои обязанности. За малейший проступок сын или дочь должны были понести строгое наказание.

Но наказание детей, как и наказание жены, производилось таким образом, чтобы оно не было заметно для людей посторонних. В. Мошков отмечал, что бешалминские гагаузы не знают случая, чтобы в их селе жена или дети жаловались на побои мужа или отца в суд. Такие жалобы

считались доказательством неуважения к главе семейства, что являлось величайшим грехом (Мошков 2004, с. 204).

Всё это кануло в лету, и родители превратились в основных финансистов и обеспечителей прихотей молодого поколения. Нам удалось стать свидетелями манипуляции мамой, чтоб получить желаемую обновку. Так, первокурсница дома заявила, что для того, чтоб продолжить обучение, ей нужна специальная одежда. Прибывшая из села мать просила не отчислять дочь и гарантировала, что через пару дней, когда приедет отец с заработков, купят одежду.

В этой ситуации меня возмутила бездушность и жестокость девушки и покорность мамы. Всё чаще такая вседозволенность и стремление любой ценой угодить молодому поколению приводит к иждивенчеству и отсутствию умения адекватно оценить действительность, неумению нести ответственность за свои слова и поступки.

Значительные изменения претерпели стереотипы, связанные с различиями в характере и содержании профессиональных ролей и труда.

Статус женщины повышается – она выходит из-под наблюдения свёкра и свекрови, мужа, дети уже к ней приходят за советом, а уже будучи взрослыми, стыдятся совершать на её глазах осуждаемые в народе поступки. Что сыновья могут позволить себе перед женой, они не позволяют себе перед матерью.

Сейчас женщины-гагаузки работают во всех сферах: полиция, армия, учителя, врачи, водители, строители, торговля и политика. Практически нет ограничений и в домашних обязанностях. Большая часть директоров гимназий, лицеев, детских садов – женщины. Всё чаще гагаузская женщина приоритет отдаёт работе и карьере – пример этому Мария Маруневич, Анна Харламенко, Ирина Влах в политической и административной работе.

Женщина стала зарабатывать больше мужчины, и это меняет психологию взаимоотношений и статус ролей в семье – «кто приносит деньги, тот главный». Это разрушило патриархальный характер семьи и ликвидировало ряд обычаев, таких, как целование руки, выход девушки и женщины за ворота в платке и фартуке и др.

Так, у гагаузов был распространен обычай целования руки. Если в дом приходит молодой, но уже женатый гость, то все холостые парни, девушки и дети в доме целовали ему руку, если же гость холостой, то руку целовали только маленькие дети. В случае, когда гагауз сам приходит в дом, то он также целует руки у всех старше себя. На улице один у другого руки не целовали. Исключением являлось, когда встречались по дороге крёстные родители, им крестник должен целовать руку, где бы он их ни встретил (Мошков 2004, с. 179).

Обычай целования в губы считался неприличным даже между женщинами. А сегодня это стало нормой среди молодого поколения.

Обратим внимание на стереотипы, связанные с выбором увлечений. Этому нам помогут произведения Н. Бабогло. В рассказе «Tanaslan Nadi» Н. Бабоглу описывает отношения невестки и свекрови. Непонимание между ними возникло из-за пения невестки всегда и всюду. Это приводит к тому, что сын с невесткой уезжают из дому в город Кишинёв. Через некоторое время родители взяли на постой молодого учителя. Он привез с собой магнитофон и телевизор. Как-то вечером по телевизору должны были показывать концерт Надежды Зимбач, квартирант спросил, не знают ли они артистку-однофамилицу и кем она может им приходиться. Хозяин ответил, что это их невестка. Вечером, сидя перед телевизором, хозяин сказал жене, что не надо было с невесткой ругаться, пусть бы пела. Но свекровь всё равно стояла на своём и возмущалась невесткиным поведением и недостойным заработком. Рассказ показывает не только взаимоотношения между женщинами в семье, но и то, как обычаи ломали судьбы и как непокорность могла возыметь положительные результаты (Бабогло 1981).

В рассказе «Gaydacî» («Волынщик») главные герои – семейная пара, очень отличающаяся от соседей, – Андрей и Кирана. Андрей играет на волынке, и не просто играет, а не расстаётся с ней буквально ни днем, ни ночью и не успевает следить за хозяйством. Для Андрея она была увлечением, а не основным занятием. Кирана испытывает противоречивые чувства к мужу: она любит Андрея и ей нравится его музыка, но, с другой стороны, живут они достаточно бедно, так как музыка доходов не приносит, а женщине хотелось жить не беднее односельчан. Но терпение и любовь её к мужу, традиционная покорность жены не позволили Киране перечить Андрею. Она терпела все лишения и пошла за ним. Терпение Кираны увенчалось успехом. Так, спустя много лет автор пошел на концерт фольклорного ансамбля в большом городе и в зале среди зрителей увидел Кирану. А на сцене среди музыкантов был Андрей со своей неизменной волынкой, солировал (Бабогло 1981).

Если раньше привычным занятием были посиделки или хору, где молодежь знакомилась, делали предложения, и всё под надзором старших. Сейчас главными развлечениями являются бары, кафе, рестораны, дискотеки, поездки в турне. Это приводит к ряду негативных последствий: ранняя половая жизнь, курение, пьянки, распущенность.

Казалось бы, что патриархальные устои гагаузов, незыблемые традиции и обычаи архаичны, но они позволяли адаптироваться к реальной жизни, социализироваться в обществе. Сейчас на первом месте айфон, смартфон, крутая тачка, «бабло», фирменные «шмотки» и т.п.

Говоря о гендерной социализации гагаузов, можно сказать, что гагаузы остаются глубоко верующим народом с особенным укладом жизни. Отношения между родными, базировавшиеся на обычаях и

традициях, ломаются и меняются, что приводит к обострению морально-нравственных проблем и проблемы коммуникаций.

Как и пять лет назад, основными проблемами, не позволяющими социализироваться в обществе, являются:

- высокие цены на продукты, товары, услуги;
- низкие заработки, неблагоприятное материальное положение;
- постоянный рост тарифов на коммунальные услуги;
- ощущение незащищенности, безразличие со стороны государства, общества;
- состояние здоровья и отсутствие возможностей для хорошего лечения;
- плохие жилищно-бытовые условия;
- ограниченные возможности дать детям хорошее образование;
- проблемы в воспитании детей;
- проблемы на работе;
- непонимание в семье;
- отъезд матери или отца на заработки за пределы р. Молдова;
- развод в семье;
- пьянство, наркомания;
- нехватка свободного времени;
- опасение потерять работу.

Подводя итог, следует отметить, что в современном обществе идёт процесс гендерной социализации, всё более широкое распространение получает незарегистрированный брак (gagauziya. md Соцопрос: Большинство жителей Гагаузии считают, что семья – это самое ценное в жизни).

Большинство молодежи указывает на недостаток средств как на свою главную проблему; опасение безработицы в той или иной степени испытывают около 70% молодых людей; проблемой современной молодежи является недовольство обществом, в котором нет порядка, нет гарантированного будущего.

Анализ современной ситуации показывает необходимость государственной поддержки молодого специалиста и молодой семьи через создание благоприятного пространства для функционирования семьи, условий для самореализации её интересов.

Литература:

1. Бабогло 1981 – Бабогло Н. Гвоздики расцвели вновь: Повесть, рассказы / Николай Бабоглу; [Худож. П. И. Фазлы]. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – 231 с.
2. Захарова 2011 – Захарова И.В. Роль родителей в гендерной социализации ребенка // Молодой ученый. – 2011. – № 5. Т. 2. – С. 140-142.

3. Квилинкова 2007 – Квилинкова Е.Н. Обычное право гагаузов XIX – первая половина XX в.// ж. Русин № 1(7) 2007, с.51-59.
4. Квилинкова 2005 – Квилинкова Е.Н. Отражение элементов обычного права в гагаузском фольклоре // Закон и жизнь №11, 2005
5. Легенина 2004 – Легенина Т.Б. Гендерная социализация в современной российской семье: социокультурный анализ // Автореферат на соис. канд. социолог. наук. Ставрополь, 2004 г. С. 30
6. Мошков 2004 – Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы. Кишинев, 2004.
7. Шабашов 2002 – Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002
8. Гендерная социализация – Гендерная социализация: проблемы и пути решения//https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2043

References:

1. Baboglo 1981 – Baboglo N. Gvozdiki rascveli vnov': Povest', rasskazy / Nikolaj Baboglu; [Hudozh. P. I. Fazly]. – Kishinev: Lit. artistikeh, 1981. – 231 s.
2. Zaharova 2011 – Zaharova I.V. Rol' roditelej v gendernoj socializacii rebenka // Molodoj uchenyj. – 2011. – № 5. Т. 2. – S. 140-142.
3. Kvilinkova 2007 – Kvilinkova E.N. Obychnoe pravo gagauzov XIX – pervaya polovina XX v.// zh. Rusin № 1(7) 2007, s.51-59.
4. Kvilinkova 2005 – Kvilinkova E.N. Otrazhenie ehlementov obychnogo prava v gagauzskom fol'klore // Zakon i zhizn' №11, 2005.
5. Legenina 2004 – Legenina T.B. Gendernaya socializaciya v sovremennoj rossijskoj sem'e: sociokul'turnyj analiz // Avtoreferat na sois. kand.sociolog. nauk, – Stavropol', – 2004 g. S. 30.
6. Moshkov 2004 – Moshkov V.A. Gagauzy Benderskogo uezda: EHtnograficheskie ocherkii materialy. Kishinev, 2004.
7. SHabashov 2002 – SHabashov A.V. Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdenie naroda. Odessa, 2002.
8. Gendernaya socializaciya – Gendernaya socializaciya: problemy i puti resheniya//https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2043

*Ноздрунов А.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Nozdrunov A.V. (Orel, Russian Federation)*

**Статус «гендера» в модальности традиционного типа регуляции:
прошлое и настоящее**

**«Gender» status in a modality of traditional type of regulation:
its past and present**

Аннотация. В статье анализируется гандарная асимметрия в модальности традиционного регулятивного типа (в историческом и современном контексте).

Ключевые слова: гендер, традиционный тип регуляции; нормы гендерной фиксации.

Abstract. In the article gendarny asymmetry in a modality of traditional regulatory type is analyzed (in a historical and modern context).

Key words: gender, traditional type of regulation; norms of gender fixing.

Одной из аксиологических аксиом современного мира является тезис о правовом равенстве всех индивидов между собой. Человек и его жизнь признаётся первичной ценностью, вне зависимости от его национальных, религиозных, гендерных, расовых и иных характеристик. В некоторой степени данное положение осуществимо на уровне законодательного регулирования, при котором законодательные ограничения теоретически касаются не самого индивида или определённой социальной группы, а только специфики его или их деятельности.

Однако сами по себе данные характеристики имеют не равнозначную оценку внутри различных социокультурных образований. Исходя из этого контекста, отношение социума к правам и социальным ролям такого индивида во многом подвергается значительной коррекции. Более того, на уровне традиционного типа регуляции данные нормы способны иметь доминирующее значение относительно законодательного типа регуляции.

В данном исследовании речь пойдет о гендере как одной из ключевых характеристик современной личности. Несмотря на формальное признание абсолютного равенства, в культуре большей части территории постсоветского пространства гендерная иерархия имеет значительную неопределённость, которая открывает большой простор для всевозможных спекуляций. В качестве наиболее наглядного примера можно привести радикальные формы феминизма, стоящего на позициях превосходства «женщины» над «мужчиной», или же его противоположность, например, высказывание депутата В. Милонова, опубликованное в издании «Частный корреспондент»: «Удел женщины –

материнство...». Разумеется, проблема не исчерпывается только одними её крайними формами, а включает в себя множество скрытых, неочевидных комбинаций, что, например, видно в анализе Р. Барта: «Итак, всё к лучшему в лучшем из миров – мире журнала «Эльль»: женщина может быть уверена, что ей, как и мужчине, открыт доступ к высшему рангу творца. Но и мужчине нечего беспокоиться: никто при этом не отнимает у него жену, и она несмотря ни на что останется при нём в своём природном качестве...» (Барт 2008, с. 119). Целью данного исследования будет попытка рассмотреть некоторые причины такой неопределённости.

В первую очередь стоит обратить внимание на историческую ретроспективу, при которой асимметричность гендерной иерархии являлась одним из основных детерминантов стабильного существования и функционирования социума и культуры. На ранних этапах развития общества категория «гендер» ещё является тождественной биологическому полу, и, следовательно, социальная роль изначально задаётся рождением. Данное положение наглядно видно из следующего примера: «Так, в архаических обществах с допроизводящей экономикой, особенно с охотнически-собираТЕЛЬСКИМ укладом, рождение девочки приветствовалось в меньшей степени, чем в земледельческих культурах, где уже появляется моногамная семья и женский труд (воспроизводство рода, выхаживание, воспитание и т.п.) получает более высокую оценку. Известны случаи, когда детей в соответствии с полом просто уничтожали» (Всемирная энциклопедия 2001, с. 221). Механизмы поддержания и обоснования гендерной роли функционируют в модальности традиционного типа регуляции.

В свою очередь, гендерная дифференциация также обусловлена физиологическими различиями. С одной стороны, мужчина по своей природе обладает большей физической силой. С другой стороны, способность женщины к продолжению рода наделяет её особыми магическими свойствами, которые в дальнейшем экстраполируются на весь феномен «возрождения», «обновления» и «рождения» (как правило, в качестве оргиастического ритуала) (Элиаде 1999, с. 329). Наиболее наглядно проявления женского эротизма связаны с плодородием (Элиаде 1999, с. 308-309), а также образом матери (как позитивным, так и негативным), нашедшим своё отражение в многочисленных символах (Юнг 2008, с. 340-619). При этом в некоторых культурах роль мужчины в процессе зачатия имеет редуцированный или нивелированный характер (Малиновский 2011).

В современной науке нет однозначного мнения относительно основных детерминантных факторов перехода к постепенному доминированию патриархального строя в культурах, расположенных на территории Европы. В качестве рабочей гипотезы остановимся на двух из

них. Во-первых, данный процесс мог быть связан с усовершенствованиями орудий труда: «Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно, и право собственности на последние» (Энгельс Происхождение семьи). В процессе этого усовершенствования, с одной стороны, возрастала потребность в физической силе, а с другой – увеличение производства. Во-вторых, в процессе становления полноценных мифологических систем постепенно происходит некоторая «десакрализация» образа женщины, с отчуждением её позитивных магических качеств (с относительным сохранением негативных) в пользу трансцендентных сил.

Данные тенденции обуславливают возникновение правовой асимметрии, при которой мужчина априори считается более совершенным, нежели женщина. Подтверждение такой позиции мы находим уже у Аристотеля: «Так, домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу. Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» (Аристотель 2008, с. 8-9). Подобное отношение получает своё дальнейшее развитие в культуре христианства, где, лишившись своих позитивных сакральных способностей, женщина становится олицетворением порока и грехопадения (через образ Евы), и также, в некоторой степени, нечистой силы. В качестве одного из многочисленных примеров приведём цитату из обобщающей работы Я. Шпренгера и Г. Инститориса (Крамера) «Молот Ведьма» (*Malleus Maleficarum*): «Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством» (Шпренгер 2008, с. 123).

Параллельно с этим в культуре начинают формироваться нормы традиционного типа, непосредственно фиксирующие и гиперболизировано подчеркивающие гендерные качества и модели поведения, тем самым создавая между данными феноменами различие. Подчёркнутая мужественность имеет биполярный эффект: с одной стороны, «слабая» женщина не способна составить конкуренцию «сильному» мужчине. С другой стороны, «слабая» женщина нуждается в покровительстве и защите «сильного» мужчины, а значит, также возникает необходимость в подчёркнутой женственности (слабости). Для жизнеспособности данного механизма каждый гендер получает набор собственных определённых норм и правил поведения, нашедших своё отражение, в частности, в этикете. Квинтэссенцию данной модели мы можем увидеть на примере кодекса куртуазной любви, составленной Андреем Капелланом около 1220 года, послужившего основой рыцарской

куртуазной культуры (Люшер 1999). При этом, несмотря на то, что, по всей видимости, реальное функционирование «суда любви» осуществляется только в области литературы, его значение для культуры высокого и позднего средневековья весьма высоко, так как, как отмечает А. Люшер, они «не являются и целиком вымышленными: они свидетельствуют об особом умственном настрое...» (Люшер 1999). Европейская гендерная модель практически полностью заимствуется культурой России. Во многом данный процесс обуславливается заимствованием христианства с его аксиологическими установками, а также тесным взаимоотношением с европейскими странами. В качестве одного из подтверждений можно привести отрывки из работы «Моление Даниила Заточника»: «Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях ёж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в жёнах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для жёнок повоз возить. Послушайте, жёны, слова апостола Павла: крест – глава церкви, а муж – жене своей. Жёны, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице; а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жён своих, ибо нелегко найти хорошую жену» (Даниил Заточник).

В период СССР гендерные отношения подвергаются некоторой трансформации. По-прежнему официально продолжает существовать только два основных гендерных выражения (мужской и женский), но их правовое отношение видоизменяется. Например, доктор политических наук С.Г. Айвазова отмечает, что «в главных своих чертах советский гендерный порядок был для всех единым. Его можно определить как государственный патернализм, основанный на формальной норме равноправия полов и скрытой дискриминации женщин» (Айвазова 2014, с.12). При этом сам образ женщины также становится вариативным и, за исключением женственности, способен включать в себя ярко выраженные маскулинные черты, что находит отражение в советском кинематографе, например, в фильме «Трактористы».

В результате аксиология гендерной асимметрии жёстко фиксируется в нормах законодательного (в меньшей степени) и традиционного (в большей степени) типа. И в качестве последних, за счет устойчивости традиционных регуляторов, сохраняются на территории средней части России, в том числе и до наших дней, при этом включая в себя нормы традиционной регулятивной системы из различных эпох.

При этом важно понимать, что эклектическое сочетание гендерных норм традиционного типа выходит за рамки чисто культурного аспекта, оказывая влияние на все институты и сферы жизни общества. В частности, М. Кастельс анализирует и выделяет роль данного феномена в процессе трансформации трудовых взаимоотношений: «...разделение

труда в условиях его новой организации носит гендерный характер, но это динамический процесс, в котором женщины, разворачивая преобладающие структурные тенденции в противоположном направлении, стимулируют бизнес ставить мужчин в такие же условия, которые ранее были участью женщин (а именно: гибкость, профессиональная незащищенность, сокращение и перенос производства в оффшоры). Таким образом, скорее, чем женщины поднимутся до уровня работников-мужчин, многие мужчины опустятся до уровня большинства работающих женщин, в то время как высокопрофессиональные женщины достигнут более высокого уровня коннективности, использовавшейся в сетях профи-парней. Эти тенденции оказали глубокое влияние как на классовую структуру общества, так и на отношения между мужчинами и женщинами на работе и в семье» (Кастельс 2016, с. 49).

С другой стороны, в современном (постинформационном или сетевом) обществе гендер полностью утрачивает какое-либо устойчивое объективное онтологическое состояние, тем самым становясь всецело зависимым от субъекта. Наиболее наглядно это видно на примере сетевого общества: «...в Интернете вам лучше позаботиться о том, чтобы все знали, что вы собака, а не кошка, или же вы окажетесь погруженным в интимный мир кошек. Ибо в Интернете вы будете тем, кем, или чем вы себя назовёте, поскольку именно на основе этого ожидания со временем создаётся сеть социального взаимодействия» – отмечает М. Кастельс (Кастельс 2004 с. 157). В этом контексте категория «гендер» приобретает культурно-аксиологическую модальность, функционирующую в рамках регулятивной системы традиционного типа.

В результате, лишаясь унифицированного восприятия гендера, а также того, что индивид является частью всевозрастающего количества различных социальных групп, его понимание своей гендерной роли начинает представлять собой эклектику из различных традиционных норм, свойственных разным эпохам, культурам или заимствованных из других гендерных моделей. Зачастую такая эклектика приводит к парадоксу или противоречию. Наиболее ярко это можно проиллюстрировать на одном из канонических примеров современного общества, когда девушка, активно выступающая за равноправие с мужчинами, тем не менее требует от них снисходительного и джентльменского обращения к своей или любой другой женской персоне. В основе такого парадокса лежит конфликт двух традиционных систем регуляции: с одной стороны, это ценности более раннего, патриархального общества, сохранившиеся в основе большинства классических культур, а с другой стороны, вновь образовавшиеся нормативы, базирующиеся на принципе эмансипации и равноправия.

Аналогичным образом ситуация складывается вокруг восприятия индивидом гендера другого, и соответственно, выстраивании

собственной модели поведения с ним. За счёт отсутствия чётких норм гендерной фиксации восприятие конкретного гендера также осуществляется субъектом на основании определённых динамичных критериев, таких, например, как пол, сексуальная ориентация, тип трудовой деятельности, внешний вид, собственные симпатии или антипатии, и так далее. А так как данные критерии не имеют чёткой приоритетной иерархии в контексте современного традиционного нормативного комплекса, то они аналогичным образом вступают в конфликт между собой.

По этой причине на данный момент на территории постсоветского пространства нет чётких критериев, при помощи которых можно не только определить правовой и социокультурный статус различных гендеров, но даже сконструировать унифицированные критерии для отделения одного гендера от другого, тем самым избавляясь от субъективизма. Но в то же самое время культура не способна и отказаться от гендерного статуса и гендерной роли, так как гендерная идентификация другого по-прежнему является одним из определяющих факторов социокультурной коммуникации, в основе которой помещается «имитация или «игра в гендер» (Айвазова 2007). В результате большое количество всевозможных гендерных вариантов измеряются одним бинарным нормативным и правовым критерием «мужчина – женщина», так что состояние современной неопределённости приводит к увеличению социальной агрессии, а также возможности использования данного феномена в корыстных целях.

Литература:

1. Айвазова 2007 – Айвазова С.Г. «Игра в гендер» на поле Российской политики: возможности институциональных изменений. // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 319-331. <http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2007/Igra%20v%20gender.pdf>
2. Айвазова 2014 – Айвазова С.Г. Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: Институциональные факторы и эффекты массовой политики / Женщина в российском обществе: Ивановский государственный университет (Иваново), № 4; 2014. С. 11-23.
3. Аристотель 2008 – Аристотель. Политика//https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения (26.10.2016)
4. Барт 2008 – Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект. 2008. с. 351.
5. Всемирная энциклопедия 2001 – Всемирная энциклопедия: философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

6. Даниил Заточник
http://royallib.com/read/zatochnik_daniil/molenie_daniila_zatochnika.html#40960 – Даниил Заточник. Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу. Пер. Лихачев Д.С.
http://royallib.com/read/zatochnik_daniil/molenie_daniila_zatochnika.html#40960
7. Кастельс 2016 – Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. С. 564.
8. Кастельс 2004 – Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-ти), 2004. 328 с.
9. Люшер 1999 – Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. СПб.: Евразия, 1999.
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Luscher/12.php [дата обращения 28.10.16]
10. Малиновский 2011 – Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. М.: Высшая школа экономики, 2011. 224 с.
11. Милонов Частный Корреспондент – Милонов В. Частный Корреспондент.
http://www.chaskor.ru/article/milonov_ukazal_rossijskim_zhenshchinam_na_mesto_32784 [Дата обращения 11.11.2016]
12. Шпренгер 2008 – Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. СПб.: Амфора. ТИД Амфора. 2008. 524 с.
13. Элиаде 1999 – Элиаде Мирча. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир. 1999. 488 с.
14. Энгельс Происхождение семьи – Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. http://www.1917.com/Marxism/Engels/Origin_of_Family_/2.html (дата обращения 21.10.2016)
15. Юнг 2008 – Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. с. 731.

References:

1. Ayvazova S.G. «A game in a gender» in the field of the Russian policy: possibilities of institutional changes//Russia which is reformed. Year-book / Otv. Edition M. K. Gorshkov. – Issue 6. – М.: Institute of sociology of RAS, 2007. Page 319-331.
<http://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2007/Igra%20v%20gender.pdf>
2. Ayvazova S. G. Transformation of a gender order in the CIS countries: Institutional factors and effects of mass policy. / The woman in the russian society: Ivanovo state university (Ivanovo) No. 4; 2014. P. 11-23.

3. Aristotle. Policy.
https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (date of the address (10/26/2016))
4. Barth River. Mythologies. M.: Academic Project. 2008. 351p.
5. World encyclopedia: philosophy. M.: Nuclear heating plant, Mn.: Харвест, Modern writer, 2001. 1312 p.
6. Daniil Zatochnik. Daniil Zatochnik's word written to them to the prince Yaroslav Vladimirovich. Likhachev D. S.
http://royallib.com/read/zatochnik_daniil/molenie_daniila_zatochnika.html#40960 Lane
7. Кастельс М. Vlast of communication. M.: Prod. House of Higher School of Economics 2016. 564p.
8. Кастельс М. Galaktika Internet: Reflections about the Internet, business and society. Yekaterinburg: The U-trading station (with the assistance of publishing house Humanitarian un-t), 2004. 328 p.
9. Lyusher A. French society of times of Philip-Augustus. SPb.: Eurasia, 1999. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Luscher/12.php [date of the address 28.10.16]
10. Malinovsky B. Sex and replacement in the company of savages. M.: Higher School of Economics. 2011. 224p.
11. Milonov V.Chastny Korrespondent.
http://www.chaskor.ru/article/milonov_ukazal_rossijskim_zhenshchinam_na_mesto__32784 [Date of the address 11/11/2016]
12. Shprenger Ya., Institoris G. Molot of witches. SPb.: Amphora. TID Amphora. 2008. page 524
13. Eliade Mircha. Chosen compositions. Sketches of comparative religious studies. M.: Ladomir. 1999. 488 pages.
14. Engels F. Origin of a family, private property and state.
http://www.1917.com/Marxism/Engels/Origin_of_Family/2.html (date of the address 10/21/2016).
15. Jung K. G. Transformation symbols. M.: Nuclear heating plant: Nuclear heating plant MOSCOW, 2008. page 731.

*Мясникова Н.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Myasnikova N.V. (Tiraspol,
Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika)*

Гендерная политика в ПМР и РМ: тенденции и риски

Gender policy in the DMR and the RM: trends and risks

Аннотация. В статье рассматривается тема гендерной политики в самопровозглашённой Приднестровской Молдавской Республике. Тема освещается в контексте анализа процессов, проистекающих в Республике Молдова, с которой Приднестровье находится в состоянии неразрешенного конфликта.

Ключевые слова: гендерная политика, Приднестровье, женщины, гендерное равенство.

Abstract. This article considers the topic of gender policy in the self-proclaimed Pridnestrovian Moldavian Republic. The topic is highlighted the context of analysis of the ongoing processes in the Moldovan Republic with which Pridnestrovie is in a state of unresolved conflict.

Key words: gender policy, Pridnestrovie, women, gender equality.

Проблематика гендера за короткий исторический период стала одной из самых актуальных и востребованных в общественно-политических дискуссиях. Связано это прежде всего с новым подходом к проблеме права в демократическом государстве, а точнее, с созданием равных условий и равных возможностей для его реализации. Большинство государств Западной Европы безболезненно перешли к процессу корректировки законодательства и определения стратегий установления гендерного равенства во всех сферах общественной жизни. Однако в Восточно-европейских странах этот процесс столкнулся с рядом препятствий экономического, культурного и ментального характера. Следует отметить и разность в актуальности гендерной политики для этих стран. В странах, вошедших или претендующих на вхождение в состав Евросоюза, проблемы гендерного равенства на политической повестке являются одними из приоритетных. В странах, ориентированных на Евразийский союз, проблемы гендерного равенства обсуждаются, регулируются, но не являются приоритетными направлениями национальной политики. В данном отношении весьма показателен сравнительный анализ тенденций гендерной политики в Приднестровской Молдавской Республике и Республике Молдова.

Политический вектор РМ, направленный на вхождение в состав европейского Союза, обусловил постановку молдавского

законодательства и права на «европейские рельсы». Иначе говоря, Правительством был взят курс на гармонизацию законодательства РМ и ЕС, в том числе и законодательных норм, касающихся гендерного равенства. На самом деле в РМ, как и в ряде других постсоветских государствах, действовали нормы гендерного равенства. Например, в Конституции, устанавливающей равенство прав граждан независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения, а также законов «о государственной службе» и «о партиях и других общественно-политических организациях», содержащих установки гендерного паритета, но не имеющих механизма контроля и ответственности за их невыполнение (Конституция Республики Молдова 1994).

В 2000 г. Молдова присоединилась к Декларации тысячелетия, а также Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, взяв на себя обязательство обеспечить гендерное равенство в политике.

Однако ситуация по обеспечению гендерного равенства не изменилась. Связано это было прежде всего с экономическими причинами, не позволяющими женщинам реализовать себя в общественной жизни, с одной стороны, и сложившейся традиционной культурой, в которой для женщины характерна второстепенная роль в семье и обществе, – с другой.

Вхождение в ЕС требовало от Молдовы выполнения ряда условий, в числе которых и преодоление гендерного неравенства. Поэтому в 2006 году в рамках европейского проекта ЮНИФЕМ парламент принял Закон об обеспечении равных возможностей для женщин и мужчин. Документ формулировал принципы обеспечения равных возможностей для женщин и мужчин в публичной сфере, в социально-экономической сфере, в сфере образования и здравоохранения, институциональный механизм по обеспечению равных возможностей, но в силу объективных причин (экономические возможности и традиционная культура молдавского общества) не позволил парламентариям «оживить» закон, т.е. закон не предусматривал квоты, не был прописан механизм привлечения к ответственности за совершение гендерной дискриминации, не был назначен омбудсмен по вопросам гендерного равенства, недостаточно чётко было прописано финансирование реализации закона. Таким образом, инициированный проевропейскими организациями (НПО «Гендер-Центр») и направленный на сближение с ЕС закон был принят, но реального воплощения, как и его предшественники, не получил. Соответственно европейские гендерные ценности на территории Молдовы не получили своего распространения.

Вместе с тем к началу второго десятилетия 2000-х гг. в Молдове на политическом поле появляются сторонники Евразийской интеграции. А так как евразийская культура, мировоззрение и экономические связи близки молдаванам, евразийцы довольно быстро становятся реальной политической силой.

Переориентация Молдовы на курс Евразийского союза не входила в планы ЕС. Поэтому ЕС активизировал курс на приближение Молдовы путем подписания экономических соглашений, введения безвизового режима, координации реформирования законодательства. Одним из таких «шагов к сближению» стало принятие Правительством РМ Национальной программы по обеспечению гендерного равенства на 2010-2015 годы (Постановление Правительства РМ № 933 2010 г.). В программе прямо было указано, что её создание и реализация обусловлены выполнением международных обязательств, принятых в контексте стратегических целей по обеспечению прав человека с акцентом на гендерную политику. В программе анализируются острейшие проблемы молдавского общества: миграции, дистантные семьи, увеличенный пенсионный возраст, низкие пенсии, феминизация образования, проблемы воспитания и образования детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, социально обусловленные заболевания и пр. Решение этих проблем программа предполагает через установление гендерного равенства в политическом представительстве, создании гендерно-чувствительного бюджета и преодолении «предрассудков и стереотипов» молдавского общества.

Реализация программы продвигалась с помощью инициатив некоммерческих организаций Молдовы, таких как Платформа для гендерного равенства, Гендер-Центр, Политический клуб женщин 50/50, Восточно-европейский фонд, Программа равенства и гражданского участия Фонда Сороса в Молдове, и направлена была прежде всего на обеспечение представительства женщин на уровне принятия политических решений. В то же время гендерная политика в Европе выдвинула новые приоритеты и ценности, в корне не соответствующие сложившимся традиционным ценностям православной культуры. И требования продвижения «европейских ценностей» стали на повестке политической дискуссии молдавских парламентариев. Таким образом, несмотря на массовые протесты населения, был принят в РМ закон «Об обеспечении равенства», содержащий статьи, нивелирующие традиционные ценности семьи и гендерных отношений (Об обеспечении равенства 2012).

На фоне выдвигаемых требований гендерных программ и законов несколько озадачивает закон 2014 года о предоставлении декретного отпуска для мужчин. С одной стороны, подобные законы приняты и в европейских странах, и в России и позволяют мужчинам вместо супруги взять оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Причём сроки отпуска

варьируются от одного месяца до полутора лет. В Молдове у отца новорожденного есть возможность получить такой отпуск только на 2 недели (Мужчины в Молдове 2014), что, по нашему мнению, не соответствует заявленным Правительством РМ требованиям о реализации Национальной программы по установлению гендерного равенства.

Несмотря на множество программ и законодательных изменений, ситуация с гендерным паритетом на уровне принятия решений в Молдове практически не изменилась. Так, из общего числа руководителей (члены правительства, другие высокопоставленные чиновники, главы органов публичного управления, и т.д.) 57% – мужчины, остальные 43% – женщины.

Из данных статистики следует, что женщины по-прежнему недостаточно представлены в процессе принятия решений. К примеру, в парламенте Молдовы число дам – всего 20,9% (на момент избрания в 2014 г. из 101 депутата 21 женщина), в отличие от требуемых ЕС 35% (Воронцова <http://esp.md/podrobnosti/2017/02/10/mnogo-li-zhenshchin-na-rukovodyashchih-postah-v-belcah>). Следует заметить, что в первом десятилетии 2000-х гг. эта цифра составляла 13% для исполнительной власти и порядка 20% для законодательной (Бодруг-Лунгу, Мардарович Gender-Centru. <http://www.gender-centru.md/ru/situation.html>).

Та же картина и на местном уровне. В должности мэра, вице-мэра, председателя и заместителя председателя района количество женщин в процентном соотношении составило в 2015 г. 21% (Участие женщин//<http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf>). По сравнению с рубежом тысячелетия эта цифра выросла на 10%, но так же далека от требуемых 35-40%. Лишь на выборах в местные советы представительство женщин приблизилось в 2015 г. к отметке 30% (Участие женщин//<http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf>).

Статистика показывает, что за четверть века представительство женщин в системе органов власти несколько увеличилось. Однако улучшилось ли качество жизни населения, как предполагалось Национальными проектами по установлению гендерного равенства? Как видно из расклада политических сил в сегодняшней Молдове, проевропейский вектор не оправдал себя. Всё больше молдаван выбирают евразийскую интеграцию и связывают свой выбор с реальными перспективами экономического развития и общими культурными ценностями. Что касается реализации задач Национальной программы по реализации гендерного равенства, то сколь-либо значимые результаты выделить сложно. Например, разница в оплате труда мужчин и женщин сохраняется (Дискриминация 2016), что в дальнейшем скажется и на неравном пенсионном обеспечении. Неравенство в пенсионном обеспечении имеет вполне обусловленные причины, среди которых большее представительство женщин в бюджетной (а следовательно,

низкооплачиваемой) сфере, меньший стаж работы (ввиду отпуска по уходу за ребенком и более раннего выхода на пенсию), большей продолжительностью жизни женщин по сравнению с мужчинами. Сократить неравенство в пенсионном обеспечении представляется возможным только при условии сокращения разницы пенсионного возраста мужчин и женщин. Но соответствующего законопроекта предложено пока не было. Тем не менее ответственными за реализацию задач программы были приняты некоторые меры: проведены консультации, семинары, исследования, даны рекомендации, заключены соглашения и пр.

Сложная экономическая ситуация в РМ не позволяет принимать те меры по установлению гендерного равенства, которые требуют значительных финансовых затрат. Однако органами государственной власти были приняты законодательные изменения, не требующие финансовых вливаний, но направленные на реализацию задач по преодолению гендерных стереотипов, искоренению дискриминации в рекламных продуктах, устранению сексизма в СМИ, расширению прав мужчин в семейном праве и охране здоровья, устранению дискриминации в трудовой деятельности и при найме на работу, а также предоставлению мужчинам 2-х недельного отпуска по уходу за новорожденным ребёнком и другие. Важной политической мерой стало установление в избирательном кодексе 40% квоты для представителей обоих полов в списках кандидатов для парламентских и местных выборов (Закон Республики Молдова 2016). Вместе с тем закон предусматривает достаточно мягкую ответственность за невыполнение данных норм, а контролирующая выполнение закона гендерная комиссия имеет возможность выносить рекомендации руководителям организации и заявлять о нарушениях в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства в РМ.

Европейские правозащитные организации действуют на территории РМ уже более 20 лет. Однако основные проблемы безработицы, трудовой миграции, выполнения социальных гарантий, защиты материнства и детства в большинстве своем остаются нерешёнными. А ведь эти проблемы в основном и вызывают гендерную дискриминацию. Возникает дилемма о целеполагании деятельности данных организаций. Так, как мы видим, вместе с политикой гендерного равенства активно продвигаются интересы и ценности сексуальных меньшинств и раннего полового воспитания. Сегодня парады ЛГБТ сообществ вызывают лишь возмущение общественности, а завтра станут показателем морально деградированного и развращённого общества. А как известно из исторического опыта, общество без нравственных устоев легко поддаётся управлению и уничтожению.

Следует отметить, что проблема гендерного равенства для Молдовы решается также и естественным образом, модернизацией самого общества. Изменения вызваны сложившимися условиями жизни и обстоятельствами. Низкий уровень жизни, рост численности незамужних женщин, повышение уровня их образования, концентрация способностей к выживанию ввиду массовой миграции мужчин формируют в женщинах «мужские» качества, а вместе с этим и буквально «выталкивают» женщин на политическое и экономическое поле. Эти реалии общественной жизни характерны и для Приднестровья.

Проблема установления гендерного равенства и паритета в Приднестровской Молдавской Республике не выведена в ранг приоритетных государственных задач. Поэтому правительством не разрабатываются подобные программы и проекты, Верховным Советом ПМР не инициируются гендерные законы. Обуславливается это рядом факторов:

1. Приднестровская Молдавская Республика – непризнанное государство, и в этой связи международное взаимодействие республики с субъектами международной политики, в том числе и правозащитными организациями и ООН, ограничено. Кроме того, деятельность иностранных организаций на территории ПМР строго регламентируется законодательством, что создаёт им препятствия для влияния на приднестровское общество.

2. Приднестровье позиционирует себя как неотъемлемую часть Русского мира, продолжая его культурные ценности и традиции в процессе организации общества и воспитании подрастающего поколения. Поэтому европейские ценности и традиции современности, выпячивающие гендерную обособленность, не представляются актуальными и приемлемыми для граждан республики. В отношении семейных ценностей и традиций взаимоотношений мужчины и женщины приднестровское общество достаточно консервативно (Грошовкина 2013).

3. Особенностью приднестровского общества является тот факт, что проблемы половой дискриминации не являются актуальными для жителей республики. Дело в том, что условия жизни приднестровцев (в историческом контексте и сегодня) обуславливают формирование активной жизненной позиции, высокой ответственности женщин за судьбы семьи и детей. Как показывают результаты социологического исследования, женщины в Приднестровье отмечают в себе преобладание таких качеств, как дисциплинированность, активность, ответственность, честность, надёжность, способность к лидерству, коммуникабельность (Грошовкина 2013), что позволяет им быть равными с мужчинами участниками общественно-политического процесса.

4. Участие приднестровских женщин в политике обусловлено теми социальными и политическими реалиями, которые предлагает время и историческая ситуация. В период образования и становления Приднестровской государственности женщины Приднестровья показали себя как мощная политическая сила и оказали во многом определяющее влияние на ход политических процессов. В период мирного, стабильного развития государства представительство женщин в системе высших органов власти было невелико, но это компенсировалось более широким представительством женщин на местном уровне, в руководстве экономическими субъектами, государственными организациями и пр. Гендерный политический паритет в ПМР отмечался в 2011-2016 гг. Сегодня в Правительстве ПМР женщины занимают 5 из 22 мест. В Верховном Совете женщин всего 5%, но в районных и муниципальных советах женщины составляют 22,5%.

5. Приднестровское право адаптировано к правовому полю Российской Федерации. В целом законодательство ПМР в отношении мужчин и женщин соответствует общемировым нормам и не противоречит тенденциям становления правового государства. Как пояснили приднестровские эксперты, проблема защиты прав женщин для Приднестровья не является столь актуальной, так как в отдельных случаях приднестровские женщины законодательно защищены даже больше, чем мужчины (ООН намерена изучить 2012). Этот факт подтверждается содержанием докладов Уполномоченного по правам человека в Приднестровье: обращений, претензий, нареканий граждан по поводу гендерной дискриминации в Республике нет.

Ввиду обозначенных факторов мы можем констатировать, что обеспечение гендерного равенства не стоит на повестке дня национальной политики в Приднестровье. В то же время игнорирование на государственном уровне проблем гендерной дискриминации (связанных с недостаточной представленностью женской позиции на уровне принятия политических решений, безработицей, насилием, миграцией и др.) усугубит имеющиеся в республике социальные проблемы, усложнит процесс воспитания и образования, культурного развития приднестровского общества, не позволит сформировать современную правовую культуру граждан и, наконец, станет серьезным препятствием в деле построения правового, демократического государства.

Литература:

1. Бодруг-Лунгу, Мардарович – Бодруг-Лунгу В., Мардарович Е. Положение дел в Молдове // Gender-Centru. <http://www.gender-centru.md/ru/situation.html>

2. Воронцова – Воронцова В. Много ли женщин на руководящих постах в Бельцах // СП–Бельцкий независимый портал. <http://esp.md/podrobnosti/2017/02/10/mnogo-li-zhenshchin-na-rukovodyashchih-postah-v-belcah>
3. Грошовкина 2013 – Грошовкина Н.А. региональные особенности гендерных отношений в Приднестровье Научные ведомости. Серия: Философия, Социология. Право 2013. № 23. С.215-222. С.219.
4. Дискриминация 2016 – Дискриминация по признаку пола сохраняется в Молдове // Информационный портал Noi.md 21.11.2016 http://www.noi.md/ru/news_id/94650
5. Закон Республики Молдова 2016 – Закон Республики Молдова «ро внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» №71 от 14 апреля 2016 года // Законодательство стран СНГ web-версия http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85807 Официальный монитор Республики Молдова, №140-149, 27 мая 2016 года, Ст.291.
6. Конституция Республики Молдова 1994 – Конституция Республики Молдова, 1994, ст. 16 п.2; Закон о государственной службе, № 443-ХІІ от 4 мая 1995, ст.4 (f); Закон о государственной службе, № 443-ХІІ от 4 мая 1995, ст.4 (f)
7. Мужчины в Молдове 2014 – Мужчины в Молдове смогут брать двухнедельный отпуск по уходу за ребенком // Комсомольская правда. 2014. 18 июля. <http://www.kp.md/online/news/1795407/>
8. Об обеспечении равенства 2012 – Об обеспечении равенства. Закон РМ от 25 мая 2012 года №121 [Электронный ресурс] // Электронная база законодательных актов. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=56517. – 2.04.2016
9. ООН намерена изучить 2012 – ООН намерена изучить ситуацию с соблюдением прав женщин в Приднестровье // Сайт инициативной группы «За феминизм» 28. мая 2012 г. <http://www.feminisnts.info/4407.html>
10. Постановление Правительства РМ №933 2010 – Постановление Правительства РМ №933 от 31.12.2009 «Об утверждении Национальной программы пообеспечению гендерного равенства на 2010-2015 годы» //Monitorul Oficial №5-7, Ст. 27. 19.01.2010
11. Участие женщин//<http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf> – Участие женщин в избирательном процессе в республике Молдова <http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf>

References:

1. Bodrug-Lungu, Mardarovich Gender-Centru. <http://www.gender-centru.md/ru/situation.html> – Bodrug-Lungu V., Mardarovich E. Polozhenie

del v Moldove //Gender-Centru. <http://www.gender-centru.md/ru/situation.html>

2. Voroncova – Voroncova V. Mnogo li zhenshchin na rukovodyashchih postah v Bel'cah // SP – Bel'ckij nezavisimyj portal. <http://esp.md/podrobnosti/2017/02/10/mnogo-li-zhenshchin-na-rukovodyashchih-postah-v-belcah>

3. Groshovkina 2013 – Groshovkina N.A. regional'nye osobennosti gendernyh odnoshe-nij v Pridnestrov'e Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya, Sociologiya. Pravo 2013.№23. S.215-222. S.219.

4. Diskriminaciya 2016 – Diskriminaciya po priznaku pola sohranyaetsya v Moldove //Informacionnyj portal Noi.md 21.11.2016 http://www.noi.md/ru/news_id/94650

5. Zakon Respubliki Moldova 2016 – Zakon Respubliki Moldova “o vnesenii izmeneij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty» №71 ot 14 aprelya 2016 goda//zakonodatel'stvo stran SNG web-versiya http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85807 Oficial'nyj monitor Respubliki Moldova, №140-149, 27 maya 2016 goda, St.291.

6. Konstituciya Respubliki Moldova 1994 – Konstituciya Respubliki Moldova, 1994, st. 16 p.2; Zakon o gosudarstvennoj sluzhbe, № 443-XII ot 4 maya 1995, st.4 (f); Zakon o gos-udarstvennoj sluzhbe, № 443-XII ot 4 maya 1995, st.4 (f)

7. Muzhchiny v Moldove 2014 – Muzhchiny v Moldove smogut brat' dvuhnedel'nyj otpusk po uho-du za rebenkom // Komsomol'skaya pravda. 2014. 18 iyulya. <http://www.kp.md/online/news/1795407/>

8. Ob obespechenii ravenstva 2012 – Ob obespechenii ravenstva. Zakon RM ot 25 maya 2012 goda №121 [EHlektronnyj resurs] // EHlektronnaya baza zakonodatel'nyh aktov. – Rezhim dostupa: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=56517. – 2.04.2016

9. OON namerena izuchit' 2012 – OON namerena izuchit' situaciyu s soblyudeniem prav zhenshchin v Pridnestrov'e // sajt iniciativnoj gruppy «za feminizm» 28maya 2012 g. <http://www.feminisnts.info/4407.html>

10. Postanovlenie Pravitel'stva RM №933 2010 – Postanovlenie Pravitel'stva RM №933 ot 31.12.2009 «Ob utverzhdanii Nacional'noj programmy poobespecheniyu gendernogo ravenstva na 2010-2015 gody» //Monitorul Oficial №5-7, St. 27. 19.01.2010

11. Uchastie zhenshchin//<http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf> – Uchastie zhenshchin v izbiratel'nom processe v respublike Moldova <http://cesko.ge/res/docs/32050.pdf>

*В.В. Петрунин (г. Орёл, Российская Федерация)
V.V. Petrunin (Orel, Russian Federation)*

Гендерная проблематика социальной доктрины Московского Патриархата

Gender Issues in the Social Doctrine of the Moscow Patriarchate

Аннотация. В статье рассматривается гендерная проблематика, представленная в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»

Ключевые слова: пол, гендер, гендерные исследования, социальная доктрина, русское православие

Abstract. The article considers the gender perspective presented in the "Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church"

Keywords: sex, gender, gender studies, social doctrine, Russian Orthodoxy

В современной науке все большую популярность приобретают гендерные исследования (gender studies), ставшие самостоятельным научным направлением в конце 80-х годов XX в. Особое внимание в рамках гендерных исследований уделяется критическому анализу представлений о поле и межполовых отношениях в различных религиозных традициях, в частности, в православном христианстве. Прежде чем мы обратимся к гендерной проблематике социальной доктрины Московского Патриархата, стоит имплицировать понятие «гендер», которое «до сих пор вызывает множество споров и трактуется по-разному различными концепциями феминистской теории (которой он во многом обязан своим появлением), социологии гендера, гендерной психологии, постфеминизма, лесбийской философии и т. д.» (Введение в гендерные исследования 2005, с. 8-9).

За основу можно взять определение современного британского социолога Энтони Гидденса, который считает, что «социологи используют термин пол для обозначения анатомических и физиологических различий, определяющих тела мужчин и женщин. Напротив, гендер характеризует психологические, социальные и культурные различия между мужчинами и женщинами. Гендер связан с социологическими понятиями мужественности и женственности и не обязательно является непосредственным продуктом биологического пола индивида. Различие между полом и гендером является фундаментальным, поскольку многие различия между мужчинами и женщинами не являются биологическими по своей природе» (Гидденс 2005, с. 101).

Актуальность гендерной проблематике придает политика мультикультурализма, проводимая целым рядом стран Западного мира, нацеленная на легитимизацию различного рода идентичностей, в том числе и гендерных. Подобная политика привела к формированию гендерной идеологии (Куби 2008), которая активно заявляет о себе в публичном пространстве. Более того, подобно феминистской идеологии, гендерная «достигла статуса идеологии не менее амбициозной и тотальной, чем те политические идеологии, которые неоднократно подвергались критике с ее стороны» (Шварцмантель 2009, с. 195).

В то же время, кризис секуляризма в современном мире (в рамках которого и стала возможна гендерная идентичность), способствует распространению новой, постсекулярной парадигмы, что обуславливает внимание к изучению религии и религиозных представлений по широкому кругу социально-политических проблем, актуальных для современного общества. Данное обстоятельство способствует актуализации изучения религиозного, в нашем случае, православного взгляда на гендерную проблематику.

Объективная информация об отношении Московского Патриархата к гендерной проблеме содержится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» – документе, отражающем официальную позицию русского православия, принятом на Юбилейном Архиерейском Соборе Московского Патриархата в 2000 г.

Сам документ не содержит раздела, непосредственно посвященного гендерной проблематике. Интересующая нас проблема затрагивается, в основном, в следующих разделах социальной концепции: X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности; XII. Проблемы биоэтики.

На основе содержания этих разделов, рассмотрим основные принципы гендерного подхода Русской Православной Церкви.

Прежде всего, обратимся к проблеме соотношения мужского и женского – основному вопросу гендерных исследований. Стоит отметить, что представители гендерной идеологии предпочитают оперировать понятиями «феминность» и «маскулинность», хотя они «так и не смогли найти критерии различия. Неудачи поисков обусловлены таким объективным обстоятельством: между мужским и женским “началами” не существует жесткой биологической демаркации; они рассредоточены между полами ... а социальные роли мужчин и женщин часто перекрещиваются» (Юлина 2010, с. 559-560).

Основная информация о взгляде Московского Патриархата на данную проблему содержится в разделе X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности (Основы социальной концепции 2000, с. 56-66). Прежде всего, Церковь подчеркивает, что половое различие есть Божественное установление, но, вместе с тем, заявляет о том, что

«особенности полов не сводятся к различиям телесного устройства. Мужчина и женщина являются собой два различных образа существования в едином человечестве» (Основы социальной концепции 2000, с. 56). Данное определение указывает на то, что Церковь не сводит различие между мужчиной и женщиной к половым особенностям, тем самым акцентируя внимание на социо-культурных характеристиках двух полов. Исходя из этого, формулируется различное видение роли мужчины и женщины в жизни общества и государства, которое можно назвать видением в контексте традиционных ценностей, отличных от гендерных представлений. Мужчина рассматривается как глава семьи, которому должна повиноваться жена, вместе с тем, подчеркивается, что главенство мужа должно строиться на любви к жене. Семья, в отличие от гендерного видения, представляется как основной социальный институт, более того, она есть «домашняя церковь ... единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви» (Основы социальной концепции 2000, с. 62-63).

Особый интерес представляют положения социальной концепции, непосредственно посвященные женщине. Авторы документа указывают на то, что именно христианство уравнило мужчину и женщину, «во всей полноте раскрыв достоинство и призвание женщины, дав им глубокое религиозное обоснование» (Основы социальной концепции 2000, с. 63). Образцом земной жизни для женщины выступает Пресвятая Богородица, что приводит к особенному отношению Церкви к материнству, к постулированию фундаментального значения женщины как супруги и матери. В то же время Церковь «высоко оценивая общественную роль женщины ... приветствует ее политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами» (Основы социальной концепции 2000, с. 64).

Другое важное положение указанного раздела касается школьных программ «полового просвещения», которые активно внедряются в ряде стран мира (Куби 2008). Русская Православная Церковь прямо выступает против тех программ, «которые признают нормой добрые связи, а тем более различные извращения. Совершенно неприемлемо навязывание таких программ учащимся. Школа призвана противостоять пороку, разрушающему целостность личности, воспитывать целомудрие, готовить юношество к созданию крепкой семьи, основанной на верности и чистоте» (Основы социальной концепции 2000, с. 66).

Важные гендерные проблемы затрагиваются в разделе XII. Проблемы биоэтики (Основы социальной концепции 2000, с. 73-85). В нем Церковь ясно заявляет о своем неприятии намеренного прерывания беременности (аборта) и рассматривает данное действие как убийство. Эта позиция идет вразрез с современными представлениями об аборте, прежде всего, феминистскими, которые склонны оправдывать его совершение посредством отнесения намеренного прерывания

беременности к проблеме социокультурной, а не религиозно-этической или биологической.

Кроме того, Церковь подчеркивает что «ответственность за грех убийства нерожденного ребенка, наряду с матерью, несет и отец, в случае его согласия на производство аборта (Основы социальной концепции 2000, с.74). Выступая против аборт, русское православие понимает нравственную опасность их легализации, которая автоматически дает право на существование различных методов фетальной терапии, например, «изъятию и использованию тканей и органов человеческих зародышей, абортированных на разных стадиях развития, для попыток лечения различных заболеваний и “омоложения” организма» (Основы социальной концепции 2000, с.81).

Еще одно положение социальной концепции Московского Патриархата, которое негативно воспринимается представителями гендерной идеологии, касается гомосексуализма. Церковь ясно заявляет о гомосексуальных половых связях как о «порочном искажении богозданной природы человека» и «решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как “норму”, а тем более как предмет гордости и пример для подражания ... Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма» (Основы социальной концепции 2000, с. 83, 84).

Эта позиция русского православия нашла свое практическое воплощение в целом ряде официальных документов. Например, в Заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с принятием «Закона об обеспечении равенства» в Республике Молдова. В данном законе содержится понятие «сексуальная ориентация», что, по мнению священноначалия, может привести к «ограничению критики гомосексуализма, запрета именовать гомосексуальное поведение грехом. Закон весьма широко трактует понятие дискриминации, не принимая во внимание традиционные религиозные представления» (Заявление Священного Синода 2013).

Подобное негативное отношение высказала Украинская Православная Церковь Московского Патриархата в связи с принятием на Украине в мае 2014 г. Закона «О внесении изменений в законодательные акты Украины относительно предотвращения и противодействия дискриминации». Еще в процессе обсуждения данного законопроекта Священный Синод Украинской Православной Церкви Московского Патриархата обратился с призывом к государственной власти не принимать данный закон (Журнал заседаний УПЦ МП 2013).

Жесткую позицию Московский Патриархат занимает и в межрелигиозных отношениях, разрывая общение с теми конфессиями, которые официально разрешают благословение однополых союзов, либо допускают до пастырского служения женщин и открытых

гомосексуалистов. Например, в 2005 г. Русская Церковь приостановила отношения с Лютеранской Церковью Швеции в связи с установлением последней официального обряда благословения однополых пар, что было расценено как «отход от основополагающих норм христианской нравственности» (Журнал заседаний 2005).

Так же отрицательно Русская Православная Церковь относится к транссексуализму (Основы социальной концепции 2000, с. 84-85), что позволяет говорить об осуждении Московским Патриархатом гендерного многообразия, ставшего квинтэссенцией современной гендерной идеологии.

Подводя итог рассмотрению гендерной проблематики социальной доктрины Московского Патриархата, мы можем отметить следование Церкви традиционному взгляду на пол и межполовые отношения, получившие в гендерных исследованиях на Западе наименование «гетеросексизм». Более того, современные авторы склонны рассматривать гетеросексизм «не просто как личную установку или систему ценностей, но фундаментальную идеологическую систему, подобную расизму и сексизму» (Созаев 2014, с. 51). Очевидно, что такое соотнесение православного взгляда на мужчину и женщину с расизмом и сексизмом, негативно воспринимается в церковной среде.

Подход Церкви к гендерной проблематике мыслится в рамках более широкого противостояния религиозной традиции и секулярного глобализма. В этом противостоянии Русская Православная Церковь «стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний» (Основы социальной концепции 2000, с. 104-105).

Литература

1. Введение в гендерные исследования 2005 – Введение в гендерные исследования: Учебное пособие для студентов вузов / Костикова И.В. и др. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Гидденс 2005 – Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Журнал заседаний РПЦ 2005 – Журнал заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2005 года. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1501491.html> (дата обращения 20 июня 2017 г.).
4. Журнал заседаний УПЦ МП 2013 – Журнал заседаний Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата от 15 марта 2013 года.

<http://sinod.church.ua/2014/01/15/zasidannya-5-bereznaya-2013-roku/#more-1203> (дата обращения 20 июня 2017 г.).

5. Заявление Священного Синода 2013 – Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с принятием «Закона об обеспечении равенства» в Республике Молдова. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2270817.html> (дата обращения 21 июня 2017 г.).

6. Куби 2008 – Куби Г. Актуализация гендерной проблематики – секретная революция. <http://pravoslavie.ru/45514.html> (дата обращения 10 июня 2017 г.).

7. Основы социальной концепции 2000 – Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 5-105.

8. Созаев 2014 – Созаев В. Пол, телесность, сексуальность у отцов восточной церкви // Гомосексуальность и христианство в XXI веке: сборник статей разных лет. СПб.: Б. и., 2014. С. 51-66.

9. Шварцмантель 2009 – Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

10. Юлина 2010 – Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010.

References:

1. Vvedeniye v gendernyye issledovaniya: Uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov / Kostikova I.V. i dr. М.: Aspekt Press, 2005.

2. Giddens E. Sotsiologiya. М.: Yeditorial URSS, 2005.

3. Zhurnal zasedaniy Svyashchennogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi ot 27 dekabrya 2005 goda. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1501491.html> (accessed June 20, 2017).

4. Zhurnal zasedaniy Svyashchennogo Sinoda Ukrainskoy Pravoslavnoy Tserkvi Moskovskogo Patriarkhata ot 15 marta 2013 goda. <http://sinod.church.ua/2014/01/15/zasidannya-5-bereznaya-2013-roku/#more-1203> (accessed June 20, 2017).

5. Zayavleniye Svyashchennogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v svyazi s prinyatiyem «Zakona ob obespechenii ravenstva» v Respublike Moldova. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2270817.html> (accessed June 21, 2017).

6. Kubi G. Aktualizatsiya gendernoy problematiki – sekretnaya revolyutsiya. <http://pravoslavie.ru/45514.html> (accessed June 10, 2017).

7. Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi // Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata. 2000. № 8. S. 5-105.

8. Sozayev V. Pol, telesnost', seksual'nost' u ottsov vostochnoy tserkvi // Gomoseksual'nost' i khristianstvo v XXI veke: sbornik statey raznykh let. SPb.: B. i., 2014. S. 51-66.
9. Shvartsmantel' D. Ideologiya i politika. Khar'kov: Izd-vo Gumanitarnyy Tsentr, 2009.
10. Yulina N.S. Filosofskaya mysl' v SSHA. XX vek. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2010.

Грибакина Т.Э. (г. Орел, Российская Федерация)
Gribakina T.E. (Orel, Russian Federation)

Проблема андрогинности в социокультурной динамике

The problem of androgyny in the socio-cultural dynamics

Аннотация. В статье исследуются развитие и истоки феномена андрогинности в античной мифологии, религиозной философии, в творчестве философов – литераторов Нового времени – и в современной психологической науке. Производится попытка осмысления роли и актуальности андрогинности в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: андрогинность, феминность, маскульность, пол, гендер, гендерные стереотипы, психологический андрогин, «окно Овертона».

Abstract. The article explores the development and origins of the phenomenon of androgyny in ancient mythology, religious philosophy, in the work of philosophers - writers of the New Age and in modern psychological science. An attempt is made to understand the role and acuity of androgyny in the conditions of modern Russian society.

Key words: androgyny, femininity, masculinity, sex, gender, gender stereotypes, psychological androgyny, «Overton window».

Тема андрогинности известна исследователям издревле. К ней обращались такие мыслители прошлого, как Платон, Максим Исповедник, Я. Бёме, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев. Не потеряла она актуальности и для современных философов (Т.И. Ерошенко, Л.М. Богатова), культурологов (М.В. Чистова, И.А. Едошина) и психологов (М. Аммон, Р. Крукс, С. Бем). При этом приходится констатировать отсутствие чёткого и однозначного определения понятия «андрогинность», места этого феномена в бытии культуры, его социальных функций, а также значения в процессе генезиса человечества.

На наш взгляд, исследование андрогинности представляется значимым в силу ситуации, складывающейся с гендерным

самоопределением современного общества. Подвижность и размывание границ между социальными ролями порождает необходимость личностной стабилизации. Андрогинность представляется тем жизненным пунктом, который позволяет найти точку опоры неопределившимся личностям. В данной статье мы рассмотрим возможность опереться на андрогинную самоидентификацию в ситуации гендерной нестабильности.

Термин «андрогинность» имеет своими корнями древнегреческие *andros*- «мужчина» и *gynai*- «женщина». Его возникновение относят к 385-380 гг до н.э. В самом общем виде феномен андрогинности можно определить как сочетание мужского (маскулинного) и женского (феминного) начал в индивиде, единство их духовных и социально-психологических черт без учёта анатомических особенностей. Феминность, или женственность, – это этическая категория, выступающая как совокупность качеств, которые включают биологические и социокультурные аспекты без прямой связи с биологическим полом женщины. Верность, хрупкость, искренность, нежность, являясь главными качествами женщин, вызывают у мужчин желание заботиться и оберегать «слабый» пол, в этом и заключается квинтэссенция феминного гендерного стереотипа. Противоположностью феминности выступает маскулинность, или мужественность, – понятие, которое раскрывается с помощью таких качеств, как твердость, агрессивность, стойкость, выдержка и т.п. (Грошовкина 2015, с. 125). С философской точки зрения эти понятия нельзя называть антиподами, ведь они являются скорее проявлением гендерных особенностей в бытии каждого индивида, который в разной степени обладает и маскулинными, и феминными качествами.

Впервые в философии с понятием «андрогин» мы сталкиваемся в диалоге Платона «Пир». Он повествует нам о предках людей, которые по силе и могуществу были подобны титанам, а по своей гармоничности и идеальному состоянию сравнивались с богами. Однако, обладая таким превосходством, «андрогины питали великие замыслы и даже посягали на власть богов» (Платон 1993, с. 98), за это Зевс наказал их, разделив пополам. Так андрогинны, по словам Платона, представлявшие собой единое, идеальное и совершенное состояние человека, утратили свою целостность и теперь вынуждены скитаться по миру в поисках своей половины, желая вновь воссоединиться. Платон считал, люди лишились своего главного качества – андрогинности, являющегося величайшим благом и способом исцеления человеческой природы.

В библейских легендах также присутствуют рассуждения об андрогинности как о высшей форме духовного совершенствования человека. Некоторые мыслители, занимающиеся толкованием Библии, рассматривают легенду о грехопадении человека с позиций дихотомии

Первочеловека. Например, Иоанн Скот Эриугена утверждал, что изначально разделение субстанций началось в Боге и продолжалось до тех пор, пока не разделилась природа человека. Но из-за того, что Первочеловек пренебрёг своей возможностью жить в счастье, пошел на поводу у своей гордыни, произошло его падение, и сущность его распалась на бесконечное множество мелких частей. Однако поскольку Бог милосерден, он замыслил создание нового человека, способного вернуться к своему первоначалу, для этого «он решил родиться в мире от мира, то есть родиться человеком от человека и ради людей». Отмечая несовершенство человека и мира в целом, Эриугена повествовал о необходимости воссоединения в первоначальную целостность для преодоления всех возникших несовершенств (Гутова 2011, с. 118).

Слова св. Максима Проповедника: «...если бы первый человек соблюдал заповедь и не сбросил бы себя самого в скотское состояние, обрешки себя тем самым на различие на мужской и женский пол и на разделение природы», также указывают на то, что первый человек по сути своей имел андрогинный характер, который затем утратил (Гутова 2011, с. 118).

В целом, в период Средневековья, как и в более раннее время (Платон), андрогинность трактовалась как признак духовного совершенства человека, как некая целостность, отражающая божественное совершенство Всего в Одном.

В период Возрождения тема андрогинности исследовалась в основном религиозными мистиками, такими как Якоб Беме и Франц Баадер. Философы в своих размышлениях придерживались концепции Платона и верили, что андрогин является первоначалом всего сущего, который обязательно появится снова в конце времён.

В духе средневековой мистики идей Платона рассуждали и русские религиозные философы В.С. Соловьев и Н.А. Бердяев. В.С. Соловьев в своём труде «Смысл любви» провозглашает высшим смыслом и конечной целью половой любви создание богочеловека, или, по-другому, андрогина. Философ считал, что «истинный человек в полноте своей идеальной личности ...не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» (Копылова 2014, с. 35). По его мнению, человек воплощает в себе идеал изначальной целостности, являясь при этом образом и подобием Бога.

Н.А. Бердяев рассматривал андрогинность как избавление человека от тиранических оков пола, которые делают его ущербным и раздробленным. Освободившись от власти пола, человек обретает свободу и познаёт истинный смысл жизни. Философ отмечает, что ни женщина, ни мужчина не являются подобием и образом Божиим; только андрогин – дева – юноша или бисексуальный человек может считаться богоподобием человека.

В условиях Нового времени происходит трансформация религиозных идей Средневековья и философов эпохи Возрождения. Образ андрогина начинает раскрываться в фантастических жанрах, которые рисуют новое будущее человеческого общества, в котором существуют лишь андрогины. Одним из таких произведений является фантастический роман Оноре де Бальзака «Серафита» (Бальзак 1996), который признан величайшим произведением европейской литературы. В нем описывается сущность андрогина и раскрывается его природа через призму темы любви. Главный персонаж Бальзака – Серафита, или Серафитус – любим одновременно мужчиной и женщиной, которые видят в нем противоположные своей природе черты: мужчины – женские, женщины – мужские. В нём их привлекает загадочность происхождения, духовная и физическая сила. В романе андрогин является реальным существом, который живёт на земле, любит и одновременно любим земными людьми, имеет родителей, которые являются образцом слияния духовного и природного начал в человеке. А его целостность и духовность объясняются духовно-психологической стороной, которая не зависит от какого-либо пола.

В этот исторический период тема андрогинности рассматривается не только как проблема трансформации души, но и как переустройство существующей природы и государства. В основном это выражается в виде утопий, которые повествуют нам о возможности существования новых видов взаимоотношений между мужчинами и женщинами в новом идеальном государстве будущего с новыми формами политического, экономического и культурного устройства.

В науке XX века отмечается подъем интереса исследовательской деятельности, посвящённой проблеме андрогинности. В 70-х гг. XX века американский психолог Сандра Бем вводит понятие «психологический андрогин» для обозначения людей, успешно сочетающих в себе не только традиционные мужские и женские качества, внешние признаки, но и психологические качества, которые обычно приписываются женскому и мужскому полам (Коваленко 2014, с. 107). По мнению С. Бем, андрогинный тип человека является наиболее выигрышным, так как андрогинные личности отличаются более гибким поведением, высокой степенью адаптации, творческими наклонностями, имеют высокую самооценку и являются наиболее психически благополучными.

Концепция психологической андрогинности послужила неким толчком к целой серии исследований, которые были направлены на выявление взаимосвязи между андрогинной сущностью человека и стабильности его психологического состояния. Позже в своей книге «Линзы гендера» Сандра Бем признается, что в реальной жизни концепция андрогинности трудновыполнима, так как переход человека к андрогинности – это не столько изменение личностных особенностей,

сколько в большей степени трансформация структуры общественных институтов.

На сегодняшний день, в условиях глобализации и модернизации, мы отмечаем явление медленного, но постепенного проникновения андрогинии во все сферы человеческого бытия, затрагивающие не только личность и межличностные отношения, но и целые государства, межгосударственные и международные связи. Так, по мнению Е.Ю. Шишловой, ярким примером маскулинно-феминного взаимодействия на фоне цивилизационных представлений является Россия, которая в отношении к Востоку – маскулинна, а в отношении к Западу – феминна. «Включая в себя феминное и маскулинное начала, «объединяя в себе и собой Восток и Запад», Россия потенциально андрогинна и может способствовать успешному диалогу цивилизаций» (Шишлова 2014, с. 250).

На индивидуальном уровне наиболее активно андрогинность выражается в виде внешней, привлекательной и уникальной оболочки, которая открывает многие горизонты самовыражения и самореализации. Люди-андрогины востребованы на театральных подмостках, в кинематографе, в музыкальных клипах, а также в мире моды. Андрогинная модель характеризуется умением сочетать в своей внешности и демонстрировать черты обоих полов, при этом комфортно и естественно ощущать себя. Представительницам женского пола, обладающим андрогинным внешним видом, присуще мальчишеское телосложение, грубоватые черты лица и маленькая грудь, в то время как для представителей мужского пола с андрогинной внешностью характерно наличие хрупкого строения тела, миловидных черт лица, нешироких плеч. Самым известным андрогином считается молодой австралийский манекенщик – Андрея (Андреа) Пежич, который в 2011 году был включен в список «100 самых сексуальных женщин», по версии журнала FHM, и в список 50 мужских топ-моделей (Коваленко 2014, с. 108).

К андрогинам также причисляют Донателлу Версаче, Тильду Суинтон, Дэвита Роберта Джонса, Билла Каулитца, Фрею Беха Эриксен, Данилу Полякова и Дмитрия Рублевского, который является жителем города Орла.

Проникая во множество слоёв общества, андрогинность так или иначе видоизменяет нормы морали, стереотипы поведения и типы взаимоотношений между мужчинами и женщинами. В связи с этим возникает вопрос: готово ли наше общество принять андрогинов вне шоу-бизнеса?

Несомненно, мы не можем не отметить положительных изменений в гендерном стереотипе поведения у российского мужского населения: уменьшение в нём наличествующих ранее типично мужских качеств

(агрессивность, смелость, решимость) и обогащение качествами, традиционно присущими женскому стереотипу: тактичностью, эмпатийностью, уступчивостью. Делегировав часть своих властных полномочий и, разделив заботы о материальном благополучии с женским полом, российский мужчина смог в значительной степени избавиться от постоянного стресса, испытываемого на протяжении длительного времени и оказывающего негативное влияние на психологическое состояние и здоровье мужского населения россиян.

С другой стороны, индивиды, активно эксплуатирующие андрогинную внешность, подвергаются критике, нападкам и агрессии, так как не все готовы расширять границы своего понимания «других» людей и коренным образом менять сложившиеся представления о виде мужчин и женщин в силу традиционных стереотипов.

Однако не стоит забывать о существующих технологиях манипуляции общественным мнением, социальным и гендерным поведением, которые позволяют последовательно, на протяжении длительного времени незаметно для индивида изменять суть явления в интересах определённых слоев общества – политиков, олигархов, сексуальных меньшинств и т.п. – от совершенно чуждого этой культуре до вполне уместного и нормального. Одной из таких технологий является методика Джозефа Овертона – бывшего вице-президента Макинского центра публичной политики, разработанная им в 90-е годы в XX века, именуемая как «окно Овертона» (Гуливатенко 2015). Её применение способно продемонстрировать, что для каждой табуированной на данный момент реализации идеи могут существовать «окна возможности», в рамках которых идея может широко обсуждаться, открыто поддерживаться или пытаться закрепиться в виде законодательной нормы. Возможно, масштабное тиражирование этой проблемы в сфере массмедиа является одним из этапов теории Овертона, которая направлена на формирование толерантного отношения к сексуальным меньшинствам и бисексуальному типу взаимоотношений, на их закрепление как нормы в культуре нашей страны.

После проведённого исследования мы вправе отметить, что изменения в мужском гендере, его «женотипизация», возможно, есть не усиливающийся процесс деградации мужественности, а некое стремление к андрогинности с её преимуществами и недостатками, которые чужды обществу на данном этапе его развития. Таким образом, андрогинность можно признать переходным типом гендера, активизирующимся в ситуации социальной нестабильности и позволяющим найти растерявшимся личностям точку опоры.

Конечно же, представления о гендерах нельзя назвать устойчивыми и зафиксированными, они постоянно находятся в процессе переосмысления и становления, поэтому сложно спрогнозировать, как

будет дальше развиваться общество: откажется ли оно самостоятельно или под влиянием внешних факторов от традиционных представлений о мужских и женских ролях или андрогинность запомнится лишь как один из этапов fashion-индустрии, не имеющих связей с действительностью.

Однако мы с уверенностью можем заключить, что, став популярной темой в мире моды, проблема андрогинности вновь привлекла внимание многих ученых, мыслителей и психологов, которые с интересом стали не только исследовать потенциал андрогинной личности в процессе совершенствования человека и общества, но и сам феномен, формируя при этом объективное мнение о нем.

Литература:

1. Бальзак 1996 – Бальзак О. Серафита. М.: Энигма, 1996. 288 с.
2. Грошовкина 2015 – Грошовкина Н.А. Гендерный потенциал андрогинности // Вестник ВГУ. 2015. № 4 (18). С. 123-129.
3. Гуливатенко 2015 – Гуливатенко А.П. «Окно Овертона» в социально-философской практике// Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 1. С. 170-175.
4. Гутова 2011 – Гутова С.Г. Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: (коллективная монография) // Междунар. филос.-космолог. общ-во. Киев: Кондор, 2011. Т. 1. С. 113-123.
5. Коваленко 2014 – Коваленко М.В., Ольхов П.А. Андрогинность и андрогиния в молодежной культуре начала XXI века: информационно – аналитические заметки // Экономика. Общество. Человек. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2014. С. 106-119.
6. Копылова 2014 – Копылова Н.А. Идея андрогинности как способ преодоления дихотомии мужского и женского начал в Декаденстве и культуре Серебрянного века // Сборник научных трудов. Курск, 2014. С. 33-38.
7. Платон 1993 – Платон. Собр.соч.: в 4 т.-М.: Мысль, 1993. Т.2. С.528.
8. Шишлова 2014 – Шишлова Е.Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «постгендера» // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1. С. 244-253.

References:

1. Bal'zak 1996 – Bal'zak O. Serafita. M.: ENigma, 1996. 288 s.
2. Groshovkina 2015 – Groshovkina N.A. Gendernyj potentsial androginnosti// Vestnik VGU.-2015. № 4 (18). S. 123-129.

3. Gulivatenko 2015 – Gulivatenko A.P. «Okno Overtona» v sotsial'no-filosofskoj praktike// Sotsial'no-ehkonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika. - 2015. № 1. S. 170-175.
4. Gutova 2011– Gutova S.G. Obrazchelovekabudushhego: KogoiKakvospityvat' vpodrastayushhikhpokoleniyakh: (kollektivnaya monografiya)// Mezhdunar. filos.-kosmolog. obshh-vo. – Kiev: Kondor, 2011. - T. 1. - S. 113-123.
5. Kovalenko 2014 – Kovalenko M.V., Ol'khov P.A. Androginnost' i androginiyav molodezhnoj kul'ture nachala KHKH I veka: informatsionno – analiticheskie zametki. // V sbornike: EHkonomika. Obshhestvo. CHelovek. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2014. S. 106-119.
6. Kopylova 2014 – Kopylova N.A. Ideya androginnostikak sposob preodoleniya dikhotomiimuzhskogo i zhenskogo na chaly Dekadenstve kul'ture Serebryannogo veka// Sbornik nauchnykh trudov. Kursk, 2014. S. 33-38.
7. Platon 1993 – Platon. Sobr.soch.: v 4 t.-M.: Mysl', 1993. T.2. S.528.
8. SHishlova 2014 - SHishlova E.EH. Psikhologicheskaya i filosofskaya refleksiya fenomena androgina kak «postgendera»// Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 1. S. 244-253.

**СЛОВО И ЭТНИЧНОСТЬ:
В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ
A WORD AND ETHNICITY:
IN THE SEARCH FOR CONSENSUS IN A MULTI-ETHNIC
CULTURE**

*Ефтимиевич-Михайлович М.С.
(г. Приштина / Лепосавич, Сербия)
Efthymievich-Mikhailovich M.S.
(Pristina / Leposavic, Serbia)*

**Традиционное и современное как вызовы поэтического
искусства
(Влияние Арсения Тарковского на поэзию современного
сербского поэта Желько Медича)**

**Traditional and modern as challenges of poetic art (The influence
of Arseniy Tarkovsky on modern Serbian poet Zeljko Medic's poetry)**

Аннотация. В статье рассматривается поэтическое родство и лирические параллели между двумя стихотворениями А. Тарковского и Ж. Медича, написанными в разное историческое время.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, Желько Медич, русская поэзия, сербская поэзия, влияния, поэтические родства, традиционное, современное, религиозность, духовность.

Abstract. The article deals with poetic kinship and lyrical parallels between two poems by A. Tarkovsky and J. Medic, written at different historical times.

Key words: Arseniy Tarkovski, Zeljko Medic, Russian poetry, Serbian poetry, influences, poetic affinity, traditional, modern, religious, spirituality.

О творческих и литературных импульсах, которые из русской литературы доходили в сербскую, свидетельствуют научные исследования, систематизированные в ряде докторских диссертаций и компаративных трудов по славистике, написанных в XX – начале XXI вв. Речь идёт о тождественных духовных «образцах», идеях, поэтическом родстве, об общих тематическо-мотивационных и стилистических формах выражения. В принципе, сербско-русские, и шире, сербско-восточнославянские культурные связи основываются на генетическом родстве сербского, русского, белорусского и украинского языков; на родстве сербского и восточнославянского народного творчества; на

принадлежности сербского, русского, белорусского и украинского языков одному руслу христианства; на некотором совпадении международной позиции стран – то есть на сходстве сложившейся исторической судьбы, начиная со времени христианизации и последующего развития письменности славянской христианской культуры. Фундаментом этих связей является язык, который, в определённой мере модифицированный, был в употреблении в русской, украинской и белорусской культуре до середины XVIII в., а в сербской вплоть до середины XIX в. На этом языке («наднациональный» славянский язык, по мнению некоторых языковедов) до сих пор в православных храмах совершается богослужение (Сибиневич 2015).

О сербской переводной литературе русских поэтов, о восприятии современной русской поэзии, начиная с православного мировоззрения и искусства с конца XIX – начала XX вв. до современных философских и художественных течений, характерных для новой литературы XX в., серьёзно и систематично писали Станислав Винавер, Мила Стойнич, Милица Николич, Миодраг Сибиневич, Сава Бабич – авторы, переводы которых в этом плане и сами являются неоценимым вкладом.

Начиная с первой антологии русских поэтов, которая на сербском языке появилась ровно век назад, *Звуци руске лире – Звуки русской лиры* (1914) автора Риста Одавича, до антологийных сборников и переводов русских поэтов XIX-XX вв. Кирилла Тарановского *Из руске лирике – Из русской лирики* (1927), на протяжении прошлого века в сербской литературе издавалось большое количество выдающихся сборников, среди которых несомненно выделяются переводчики и авторы: Миодраг Сибиневич, Сава Бабич, Десанка Максимович, Стеван Раичкович, Владимир Ягличич, Александар Петров, Милован Данойлич, Данило Киш, Ибрагим Хаджич. Самый большой взлёт переводов российских поэтов XX в. в сербской культуре наступил в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах, когда, кроме антологий, появился ряд многотомных изданий, избранных или полных собраний сочинений на нашем языке поэтов С. Есенина (пять и шесть книг), В. Маяковского (пять книг), Б. Пастернака (пять книг) и М. Цветаевой (три книги). В последнее время сербская переводная литература особое внимание уделяет тематике и системам философского рассуждения (о жизни, мире, месту человека), основанных на христианской православной мысли.

Если вернуться к сборникам поэзии и критериям, на основании которых они отбирались, т.е. тому общеизвестному факту, что авторский выбор зависит не только от качества выбранного поэта и стихов, но и от составителя и его «личного», субъективного чувства, на основании которого он решает, заслуживают ли стихи место в его сборнике, или наоборот, не заслуживают. В таком ключе роль сборников антологий намного важнее, чем это на первый взгляд кажется, так как литературной

общественности предлагается выбор, существенный и незаурядный, с акцентом на ответственность составителя, потому что каждый выбор неминуемо, между прочим, есть и *личный*, и зависит от собственных пристрастий к определённым стилистическим, поэтическим и духовным течениям (даже и в поэзии одного автора), к которым и сам составитель близок. Так и получается, что некоторые действительно хорошие стихотворения одного поэта не вошли в сборники, тем самым такой выбор никак не нельзя принимать в качестве единственного *источника* и единственного мерил при оценке творчества определённого поэта. Антологии в определённом смысле внушают публике и общественности значимость поэтических имён и, соответственно, их незначительность в случае отсутствия какого-либо поэтического имени, внушая в таком случае, что этих поэтов *не надо читать*, иными словами – их творчество не заслуживает места в сборниках высокого ранга. Поэтому крайне полезно и желательно читать отдельные издания поэтических переводов для составления более широкой картины об их поэтике, а в случае отсутствия таких публикаций необходимо прочитывать переводы, опубликованные в литературных журналах и альманахах.

До сих пор на основании существующих антологий русских поэтов на сербском языке явно «утвердился» уровень их значимости, говорящий о том, что в них в основном представлены поэты, являющиеся самой вершиной русской литературы, в то время как для других не было места соразмерно качеству их творчества или, как иногда бывает, соразмерно данному им месту или количеству страниц, которым ограничено издание книги. Поэтому бывает, что некоторых действительно хороших поэтов мы узнаем на основании нескольких стихотворений, не всегда самых лучших в их творчестве.

В антологиях, вышедших из-под пера известных славистов и знатоков русской литературы из бывшей Югославии и сегодняшней Сербии, поэт Арсений Тарковский представлен незначительным количеством стихотворений, или его вовсе нет в таких изданиях. Затрудняет оценку его творчества и знакомство с ним не только факт скромного присутствия этого великого поэта в сборниках, но и выбор стихотворений, которые не презентуют полноту и широту его творчества. При этом в объёмных научных трудах о русской поэзии на сербском языке об Арсение Тарковском сказано, что он в период после смерти Анны Ахматовой (эта смерть явилась для Тарковского большим личным горем) являлся самым авторитетным лириком, рефлексивным поэтом, аутентичным лириком, поэтом «звёздных реляций», находящимся в недрах древних культур, на стыках эпох, называют его ночным стражем, ориентированным на любовно-лирические циклы стихотворений (Йованович 1978, с. 460), однако количество его стихотворений в антологиях, как и исследования его поэзии, явно свидетельствуют о том,

что он у нас не нашел то место, которое заслуживает, тем самым и сербская литературная общественность не имела возможности по-настоящему оценить его творчество. Конечно, некоторый толчок в этом плане дали фильмы его сына Андрея Тарковского и отцовские стихи, нашедшие своё место в них. На самом деле, мы с великой уверенностью скажем, что речь идёт об очень схожей поэтике обоих авторов, высказанной иными художественными средствами.

Среди многочисленных переводов стихов Арсения Тарковского, публикуемых в последнее время не только в сборниках, но и в журналах, альманахах или в электронном виде (чаще всего переводчиками являются Владимир Ягличич, Петар Шумски, Ибрагим Ходжич, Александар Миркович, Кристина Радованович), самым большим достижением мы считаем книгу избранных стихов **«Быть самым собой»**, которую подготовил и перевёл **Владимир Ягличич** в издании Белградского графического завода в 1995 г. Очевидно, что выбор сделан по модели опубликованной в России книги, но и в таком виде сборник презентует и надлежащим образом приближает поэтику Арсения Тарковского, в отличие от тех стихотворений, вошедших в антологии, которые в основном посвящены России.

Поэзия Арсения Тарковского намного шире национальных рамок, в которых она у нас до сих пор была представлена. Его поэзия – подтверждение (аффирмация) человеческого бессмертия, соприкосновение ко всему, что создали природа и человеческий ум, причём само поэтическое творение понимается как творческое доказательство бессмертия в духе-ключе Заболоцкого (от которого, считают литературоведы, он «перенял» концепцию природы) – два основных направления, в которых движется поэтическая мысль Арсения Тарковского, опираясь на русские поэтические традиции, античную культуру, поучения Древнего Востока, на Византию, Возрождение и мудрость Священного Писания. Большую часть поэтического завещания Тарковского составляют стихотворения, в которых он пытается самые ранние представления о мире восстановить в памяти. Переводчик и подготовитель стихотворений Арсения Тарковского на сербский язык, Владимир Ягличич, считает, чем глубже и дальше, к самой невинности ребячьей, спускает Тарковский свой якорь, тем он становится убедительнее, тревожнее, истиннее (Ягличич 1995, с. 10). Для Тарковского детство не та родная гавань, в которой, со слов Ф. Гельдерлина, жилось в окружении богов. Картины детства в его стихах напоминают райские просторы, но их своды, сооружённые из картин будущего, не так уж светлы. Поэтому Ягличич называет Тарковского «поэтом старости», в поэзии которого время в качестве главного героя (бодлеровский враг) релятивизируется. Стремление к возвращению в пору, когда «жизнь не измерялась возрастом», ведёт Тарковского к

невинности (к бессловесности) природы. Природа – та учительница, у которой надо брать уроки, учиться, освобождаясь от желаний, от собственности, осознавая себя во фразе «быть самим собой». Блоковское требование жить «нищим бедняком», считает Ягличич, Тарковский полностью принял и провёл в жизнь. Оттуда не только тоска по общению с миром, который живет в тишине, с глубиной лесов, бесконечностью степей, чистотой райской воды, но и моральная необходимость стать на сторону «униженных и оскорблённых».

Хотя поэтическая концепция «обезвременности» времени, данного нам на земле, во многих его стихах встречается и подчёркивается, особенно на последних десятилетиях его жизни, на «поздней зрелости» (как гласит одно из его стихотворений), наше внимание уделим стихотворению «Первые свидания», в котором этот миг «вне времени», чистое мгновение, даётся через любовное переживание. Одновременно это «мгновение чистого состояния» послужит основой для установления поэтической близости, родства, яркого лирического и поэтического сходства с современным сербским поэтом Желько Медичем², что позволяет сделать сопоставление стихотворения Тарковского «Первые свидания» со стихотворением Медича «Той, которой прекрасное снится». То есть мы хотим выявить, в какой мере и каким образом влияние поэта предыдущей эпохи (прямое или косвенное, сознанное или неосознанное) может повлиять на оформление картины мира на стихотворной базе, написанной полвека спустя, в иных общественных, литературных и духовных условиях.

Между двумя поэтами из разных эпох, отдалённых по времени своего существования и текущей литературы, не всегда должны быть различия в поэтике, потому что речь идёт о «духовном сродстве», со слов Г. Гессе, той охранной зоне, в которой происходит преобразование личности. Темы у обоих поэтов тождественны, воспеты «вечным способом», как сказал бы Х.Л. Борхес. Речь идёт о возврате «к началу вещей» или к собственному первоначалу, или, как Медич в своем стихотворении скажет, «в состояние до знания». В любом случае, очевидно то, что о прямом влиянии Тарковского на стихи Медича ни в коем случае речи быть не может, но можно говорить об их глубоком бессознательном представлении о *первоначалах* бытия, в которое можно вступить только посредством любовного переживания, как считают оба автора.

Что ещё объединяет наших двух поэтов, вопреки географическим, языковым и культурологическим различиям? Конечно, мы не проведём сравнительный анализ для определения их качеств, но на примере двух стихотворений из разных эпох постараемся указать на то, как одно переживание в стихах может быть почти идентичным. Где младший поэт не прикасался к стихам старшего коллеги, и как такое переживание

становится частью литературной традиции, ценностью, без которой она (традиция) стала бы намного беднее? Если речь об их «современном» подходе к «вечным темам», тогда более ясным становится то, что их поэзию характеризует *воспевание сущностей*.

Сознание таких поэтов глубоко внедрено в поэтические традиции, их высокоразвитое сознание говорит о том, что с них ничто не начинается, они лишь продолжатели одного пути. «Оперированием сущностями» сербский лауреат Нобелевской премии по литературе Иво Андрич назвал направление художника на существенные вопросы (взгляды на мир и место человека в нём); на его стремление находить ответы, скрытые внутри нас, потому что ответов вне нас нет; путь к познанию (не смешивать познание со знанием), *стремление к целостности, смыслу*, значит и к *богоисканию*, дающее художественному произведению духовный, часто и религиозный характер. В этом смысле можно понять мысль Андрея Белого о том, что «Смысл искусства – только религиозен», то есть искусство не имеет иного характера, кроме религиозного, потому что, «отказываясь от религиозного смысла искусства, мы лишаем его всякого смысла. Смысл искусства – пересоздает природу нашей личности, но только тогда отразится в нас смысл любого образа, когда этот образ будет безукоризненно воплощён в ряде технических приёмов» (Белый 2008, с. 43). Искусству можно приписывать одну или другую сущность, но мы эту сущность ей приписываем «как нашу веру» (Белый 2008, с. 43).

Относительно стихосложения и стиля их стихотворений, скажем, что между поэтами существуют некоторые верификационные и стилистические сходства, так как оба поэта не любят строгую форму, наоборот – находят себя в верлибре. Хотя встретим и рифмованный стих, его присутствие не нарушает значение стихотворения и не звучит «навязчиво». Сочетание звука и значения у обоих авторов гармонично творит одно «поющее» совершенное целое. Итак, благозвучность мелодии – характеристика поэзии обоих поэтов, дающая глубину, сохраняющая равенство значений, не отстраняя глубокий, «заумный» смысл – она его раскрывает. «Свободный стих – поэзия только тогда, когда рождается из опыта и вдохновения» (Груичич 2004, с. 169).

В любовной лирике Арсения Тарковского или Желько Медича (в основном он и пишет любовную поэзию) опыт любви есть путь познания Бога через опыт Единого. *Бессознательное* (обозначенное категориями «сон», «предчувствие», «мгновение») здесь необходимо понять и как *религиозное бессознательное*. В поэзии Медича редко встретим открытые ссылки на религиозность, на Библию, с другой стороны, у Тарковского больше религиозных мотивов, хотя их чаще находим в подтексте, чем на первом плане, поэтому делаем вывод о религиозном бессознательном. Религиозное бессознательное определяется как сфера интуитивного

богопознания, интуиция святого, т.е. как *подсознательная религиозность*, часто далёкая от сознательного призыва, для её охранения от грубости и искажений (Эпштейн 1998, с. 10). В этом смысле любовная поэзия обоих поэтов несёт в себе тихую религиозную скромность, ощущение переживания «вечности» посредством кратких, чистых и светлых мгновений *памяти о рае*. Лиричная, полная глубокой чувственности, но в корнях этого чувства стоит Логосность, «ощущение Бога» – чувство, проникнутое и исполненное Богом Логосом.

Н. Бердяев утверждает, что «творчество есть преодоление мира в евангельском смысле, преодоление иное, чем аскетизм, но равноценное ему» (Бердяев 2011, с. 129). Оба поэта стремятся к красоте и совершенству, а их высший смысл проявляется в произведениях искусства, то есть в поэзии, так как только литература даёт возможность «переосмысления (метанойя) и пересоздания собственной души в окружающем нас мире, и после такой перемены ума в экзистенции, можно жить Поэзией» (Олах 2014, с. 75).

Отношение к традиции у обоих поэтов базируется на уважении к своим предшественникам, хотя у Тарковского его находим и в других формах творчества (статьи, очерки, поэтические записи), учитывая его годы жизни и то, что большинство вещей написано в более позднем возрасте. В известном очерке «Традиция и индивидуальный талант» Томас Стерн Элиот писал: «Ни один поэт, ни один художник, представляющий свой вид искусства, взятый сам по себе, не исчерпывает своего значения. Его значение, его оценка является оценкой его отношения к поэтам и художникам прошлого. Нельзя оценить только его одного, необходимо, ради контраста и сравнения, рассматривать его в сопоставлении с предшественниками» (Элиот 1991, с. 470). Таким образом, доходим до процесса «постоянного самоотречения, поскольку с этого момента он посвящает себя чему-то более важному. Путь писателя к совершенству означает каждодневное самопожертвование, утрату индивидуальности» (Элиот 1991, с. 472). Искусство служит духовному развитию человека, где «познание предопределено творчеством» (Белый 2008, с. 26). Это практически означает, что творчество, равно как познание, *заполняет бытие*, «претворяя образы жизни в образы ценностей, хотя и не реализует эти ценности (как религия), но указывает пути реализации; то, что начинается в искусстве, заканчивается в религии» (Белый 2008, с. 27). Искусство способно творить ценности, преобразовывать, возбуждать к исканию *смысла*, ведя к *целостности личности*.

Такую позицию высказал и сам Арсений Тарковский в статье «О поэтическом языке» и в одном интервью в 1982 г. Эти записи, конечно, не решающие, все-таки свидетельствуют о том, что его поэтическая мысль уходит корнями в пласты коллективного опыта, имеющие крепкие связи с

религиозным. О значении поэзии в жизни и преобразовании жизни сам поэт сообщает: «Что входит в моё понимание поэзии. Какая необходимость заставляет нас прибегать к этому роду искусства. Почему поэзия, а не проза или драматургия наиболее привлекательна для меня. Почему жизнь и поэзия так стремятся к постоянной связи. Жизнь есть сложная категория в силу своего неизбранного изобилия. Познать её можно только посредством выбора, избрания, гармонизации. Поэзия есть искусство и познавательное». Особенно яркими являются его слова, в которых религиозное бессознательное узнаётся как его вера в «бессмертие души» (Тарковский 1991).

Значит, поэзия перестаёт быть опытом самого поэта, она движет дух читателя, побуждает к исканию, к проверке, ищет путь к себе и к самой высшей степени этого подвига – к преобразованию. В этом процессе поэт и читатель становятся одним целым, узнавая себя через поэтическое переживание, которое, изменяя них, делает их иными. Если личные особенности преобладают в художественном произведении, это уже не искусство, считал К.Г. Юнг, подчеркивая, что истинное искусство – это что-то сверхличное и говорит из духа и сердца за дух и сердце человечества (Юнг 1977, с. 50).

Поэтическая традиция поэтов, независимо от того, что их голоса звучат «современно» в периоде, в котором они творили, понимается как стремление к праосновам человека, к коллективному и архетипному через представления о создании мира, о прародителях, первородному греху и «памяти о рае», о чём пели и поют все великие поэты мира. Поэт – такое существо, которое в состоянии «видеть» и предчувствовать намного больше и глубже некоторые пласты человеческого опыта, чем, например, учёный³. Высокая поэзия и есть мистический опыт, как и опыт Любви, о которой поют Тарковский и Медич. Конечно, речь не о рационалистическом методе, но об эстетической силе познания. Убежденность в том, что искусство в состоянии найти, поймать и раскрыть *действительность*, была отличительной чертой всех великих поэтов и художников. Без силы искусства, может быть, они не смогли бы проникнуть в суть действительности. Оно, как сказал М. Пруст, «единственно реально прожитая жизнь». Сновидения, предчувствия, мгновения, создающие атмосферу заумности, чего-то кажущегося, нереального, которое можно назвать *религиозным бессознательным*, – ключ к их поэзии. Поэт из той области «абсолютного знания» (Франц 2010, с. 23), как из собственного Тёмного пространства, извлекает на свет *память о пережитом мгновении вечности*. Этот миг вечности, безвременный, бессознательный, – не что иное, как сильнейшее ощущение обособленности, *изоляции* от мира и *единения с божественным* поэта.

Для более ясного восприятия переживания *мига*, в котором двое становятся *Единым*, приводим стихотворения обоих авторов:

Желько Медич
ТОЙ, КОТОРОЙ ПРЕКРАСНОЕ СНИТСЯ

Для кого мы святые
На этом месте
Святом

Под деревом
Где тени нет
Все плоды уже осеменены грехом

«Молчат плотью»
И ты меня плотью
Вернешь в «состояние до знания»

Когда любовь была
Святейшая сила
И первая
Вне нашего осознания
(2016)

Арсений Тарковский
ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ
Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной

К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — Боже правый! — ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полно звучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.

На свете всё преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось пред глазами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.⁴
(1962)

Об этом чудесном мгновении «вне времени» писал Морис Метерлинк, утверждая, что миг, «когда небеса открываются», бывает в жизни каждого человека. С него начинается *истинная духовность существа*, формируя «невидимый и вечный образ, который, не зная того, показываем ангелам и душам» (Метерлинк 2007, с. 32-33). Глубокая духовность поэзии Тарковского и Медича зиждится именно на том *чистом мгновении* и на *чистом мгновении* нас пронизывает абсолютное счастье, ощущение Единого. Уверенность в том, что вполне возможно постигнуть это *чистое мгновение*, можно охарактеризовать как веру в бессмертие, как исконную религиозность. Пору счастья, время без смерти, без чувства вины или страха, *миг в чистом состоянии* и не должны назвать временем, так как оно само себя превосходит, жизнь

преодолевают смерть, переходя в бессмертие. В христианстве любовь не только «сильна как смерть» (Песнь песней), она сильнее смерти, она источник и залог бессмертия, «любовь желает вечной жизни тому, кто любит, она «аффект бытия». Она стремление к совершенному, к абсолютному, к вечному: она само переживание вечного совершенства. Всё проходящее может упраздниться, но вечное и совершенное упраздниться не может (Вышеславцев 2008, с. 22). Поэтому в гимне любви апостол Павел мог сказать: «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13,8). Память об этом мгновении «в чистом состоянии» становится онтологической категорией, или, как сказал Тарковский, «духовным понятием» (Тарковский 1999, с. 12). В этом контексте, когда момент ведёт к преобразованию времени и «пересоздаёт природу нашей личности», подразумевается религиозный характер искусства, о чём писал Андрей Белый (Белый 2008).

Пространственные и временные рамки в стихотворении Медича, где лежит картина самого мира, сжимаются и концептуализируют самое лучшее от его идей, картин, значений. Одновременно пространственные и временные «ограничения» теряют свою функцию, так как момент *вечности* становится *абсолютной, безмерной* точкой, простирающейся в бесконечности. *Возврат в состояние до знания* обозначает абсолютизацию *сверхумного, сверхрационального* (опыта) посредством Любви как верховного познания бытия. Мир за пределами «нашего познания» – это мир ближе к божественному, чем человеческому, постигаемый только через верховное (само)познание, то есть узнаванием собственного отражения в другом. От этого «другого», от существа, которое мы «во сне узнали» как своё собственное, начинается наше просвещение, достигнутое «утро познания», как сказал бы Бенедетто Кроче. Поэтому стихотворение становится гимном любви, Песнь песней Медича, существенно повторяя такой же опыт. Опыт, его стремление к целостности, всегда сопровождается страданием. К.Г. Юнг писал, что мир – страдание Бога и каждый отдельный человек, желающий хоть приблизительно достичь своей целостности, должен нести свой крест. Но *страдание* у Медича можно видеть и как «светлое страдание», просвещение, означающее путь к Целостности, который не что иное, как путь обожения.

Для разумения стихотворения «Первые свидания» необходимо задержаться на самом названии. На первый взгляд, парадоксальное и нелогичное словосочетание «первые свидания» (по сути, только *одно* свидание является и может быть *первым*) содержит многообразие значений, где необходимо понять, что переживание всех свиданий тождественно первому. Второе важное значение, которое также можно отнести к категории «первый», – это символическое *первое* свидание

мужчины и женщины «на целом свете». От этой встречи, от этого *прикосновения миров* рождается *мир* во всей своей видимости. Память об этой встрече близка к «сновидению», которое встречаем у Медича, хотя у Тарковского «мгновенье» указывает на отсутствие сознательного, рационального или того, что именуем как «действительное». Если встреча – «мгновение», тогда она не существует, тогда её нет, тогда она существует в сфере «не от мира сего», принадлежит не реальному, но потустороннему, божественному. Слово *Богоявление* подтверждает настоящее. В стихах Медича мы находим чистый *миг*, принадлежащий *божественному*, у Тарковского это мгновение *распространяется* на все свидания и приобретает значение «явления Бога». Именно потому, что каждый раз заново «Бог является», свидания всегда *первые*, значит, и глубоко преобразовывающие нас. «Видеть Бога» указывает на преобразование личности, происходящее при свиданиях, имеет широкое, философское и теологическое объяснение. «На свете всё преобразилось» – говорит поэт. Преображение *всего* внешнего является отражением внутреннего преобразования, когда вещи и явления получают новые и иные значения. Быть однажды «С той стороны зеркального стекла» – значит перейти на ту сторону, в которой все «ограничения», данные человеку, отменяются; значит прикоснуться к вечности, раствориться в ней, *преображенным* вернуться обратно, в мир.

Любовь – не только религиозный, но глубоко мистический акт, переживание, словами невыразимое. Любовное чувство, о котором Тарковский поёт, – бессловное, как и любое мистическое переживание, и отсюда вся его значимость поместилась в слове Богоявление, в то время как между мгновением (в котором Бог явился), на котором он не задерживается, и чувством *благословения* после него стоит большая тишина, молчание, пустота, заполненная самым высшим Смыслом – ощущением Единого. От той достигнутой самой высокой точки как самой высокой точки духа, названной *царский престол* (небесный царский престол), начинается истинное преобразование существа. *Первое свидание* – мистическое и религиозное чувство; переживание высшего преобразования повторяется *бесконечно* при любом свидании, когда можно познать, «видеть» Бога, Его явление (Богоявление), собственное *бессмертие*, как и душа, потому что с *ней* связан акт *преобразования*. *Покорение* природы силами Любви через картины воды, трав и птиц (но и судьбы, как выражения демонических, «бесовских» сил, «с бритвою в руке») определяет целое стихотворение как апологию любви, где любовь приравнивается к Богу, Бог обнаруживается как Любовь, а стихотворение Арсения Тарковского как его Песнь песней.

Если интерпретацию поэтического родства этих двух поэтов распространить и на остальные их стихотворения (за исключением тех, у которых нет ничего общего), станет очевидным не только сходство

миропонимания и места человека в мире, философии жизни, но и философии творчества. Выразительная черта поэзии Медича – его лиризм, что можно сказать и о Тарковском. Лиризм – первая степень поэзии. Так как лирика в тесной связи с традицией, на самом деле речь идёт о последовательности и опоре на эту линию поэтической традиции, которая лелеет не только лиричность, но и родную мелодию как существенную особенность поэзии. Это, конечно, не значит, что современная поэзия лишена лиричности. Наоборот, хотя здесь лирика часто уступает место герметизму, интеллектуализму, логическим процессам; в таких стихах упразднена духовность. У наших двух поэтов из разного времени и литературных эпох узнаваем образец *современного* воспевания, не лишённого лиричности, эмоциональности. Здесь лиричность не поверхностная (как показал компаративный анализ их стихов, основанный на религиозном переживании любви), здесь нет пафоса романтики. Эмоциональность всегда связана с сердцем, а сердце, говорит Вышеславцев, «необходимо признать основным органом религиозных переживаний», ... «человек без сердца есть человек без любви и без религии, безрелигиозность есть в конце концов бессердечность» (Вышеславцев 2008).

Если лиричность является первой ступенью поэзии, а второй – вопрошаемость (в древнефилософском понятии), то самая высшая её ступень – религиозность. Религиозное мироощущение характерно для истинных поэтов, во все времена и во всех общественно-политических системах. На примере этих двух стихотворений видно, насколько становятся релятивными все временные, культурологические, общественные различия. Релятивизируются и мерил для оценки одного поэта, если переоценка основана на *общем* «опыте поэзии» и «опыте поэта», то есть на тех составляющих, которые действуют во всех эпохах и в любой литературе. С другой стороны, это обозначает абсолютизацию переживания в ключе религиозного миропонимания, общего и узнаваемого и у малоизвестных, но истинных художников, поэтов, на основании чего необходимым является установление иных мерил при выборе стихов, потому что речь идёт об устойчивых, неизменных, иначе говоря – абсолютных ценностях.

Примечания

Стоит процитировать Стевана Раичковича, поэта, переводчика и составителя антологии русской поэзии под названием *Словенске риме - Славянские рифмы*, который выбор обосновывает словами: „В первую очередь составитель выбрал стихи поэтов, которые сочиняли в нашем, двадцатом веке. Схожесть их поэтического мира совпадает во многом с миропониманием самого переводчика, поэтому он надеется, что они могли бы стать близкими и читателю, которому сборник и

предназначается на сегодняшний день“ (Славянские рифмы, изд. „Рад“, Белград, 1976, с. 193).

² Желько Медич Жац, родился в 1970 г., в г. Задар. Он изучал литературу в университетах в Задаре и Белграде. Член Общества сербских писателей. Автор пяти сборников поэзии.

³ Во время пребывания в Белграде (1926) читаем в *Политике*, где опубликовано интервью, данное Тагором Светиславу Винаверу, в котором великий индийский писатель сказал, что на санскрите слово *поэт* обозначает того, кто видит, того, кто может узреть и то, бывшее до него, и шире, и глубже других, помогая, «чтобы и мы все видели». В этом смысле и Фрейд считал, что «поэты – драгоценные союзники психологии» и психологов, их свидетельства необходимо «высоко уважать», так как «у них больше сведений о вещах между землей и небом, о том, о чём наше знание и мечтает». В этом заключается мысль, что «поэты были пионерами науки и научной психологии», вплоть до глубинной психологии, так как их знания и познания мира исходят из сверхличного, архетипного в них (Иван Настович., *Архетипный мир Десанки Максимович*. Прометей, Новый Сад, 2003. С. 157).

⁴ Для этой работы я пользовалась переводом Александра Мирковича, *Сизиф*, *Литературный журнал*. Кралево, март-апрель 2017, с. 96-97.

Литература:

1. Белый 2008 – Белый А. Смысл искусства / перевод на сербский Людмиоа Йоксимович. Белград, 2008.
2. Бердяев 2011 – Бердяев Н. Смысл творчества // Бердяев Н, *Опыт оправдания человека* / перевод с русского языка Небойша Ковачевич. Белград, 2011.
3. Вышеславцев 2008 – Вышеславцев Б. П. Сердце в православной и индийской мистике / переводчик Добрило Аранитович. Белград, 2008.
4. Груичич 2004 – Груичич Н. Судьба и язык // *Сербские писатели о сербском стихе*, выбор и послесловие Милош Ковачевич. Белград, 2004.
5. Йованович 1978 – Йованович М. Русская советская литература // *Русская литература*. Т.2, Сараево-Белград, 1978.
6. Медич 2016 – Медич Ж. Апноэ. Белград, 2016.
7. Метерлинк 2007 – Метерлинк М. Пробуждение души / переводчик Боян Лалович. Белград, 2007.
8. Олах 2014 – Олах К. Искусство как *религия* внутреннего пересоздания // *Литературная теория*, № 154 (2014).
9. Сибинович 2015 – Сибинович М. *Умножение миров: русские писатели в сербской переводческой литературе*. Белград, 2015.

10. Тарковский 1991 – Тарковский Арсений. Собрание сочинений // Поэмы. Стихотворения разных лет, в 3-х тт. Т. 2. Москва 1991.
11. Тарковский 1999 – Тарковский Андрей. Ваяние из времени. Белград, 1999.
12. Франц 2010 – Франц М.Л. Фон. Сновидения / перевод с немецкого Даниела Ткалей. Белград, 2010.
13. Элиот 1991 – Элиот Т.С. Традиция и индивидуальный талант // Теоретическая мысль, подготовил Петар Милосавлевич // Новый Сад, 1991.
14. Эпштейн 1998 – Эпштейн М. Вера и образ: религиозное бессознательное в русской культуре 20-ого века / перевод с русского языка Радмила Мечанин // Новый Сад, 1998.
15. Юнг 1977 – Юнг К.Г. Психологические обсуждения // Избранные произведения К.Г. Юнга. Кн. 4 / переводчик Томислав Бекич // Новый Сад, 1977.
16. Ягличич 1995 – Ягличич В. Арсений Тарковский и умение тихой лирики // А. Тарковский. *Быть самым собой*, избранные стихи. Белград, 1995.

References:

1. Belyy 2008 – Belyy A. Smysliskusstva // perevodnaserbskiyLyudmiaoYoksimovich.Belgrad, 2008.
2. Berdyayev 2011 – Berdyayev N. Smysl tvorchestva // Berdyayev N, Opyt opravdaniya cheloveka // perevod s russkogo yazyka Neboysa Kovachevich. Belgrad, 2011.
3. Vysheslavitsev 2008 – Vysheslavitsev B.P. Serdtse v pravoslavnoy i indiyskoy mistike // perevodchik Dobrilo Aranitovich. Belgrad, 2008.
4. Gruichich 2004 – Gruichich N. Sud'ba i yazyk // Serbskiye pisateli o serbskom stikhe, izbor i poslesloviye Milosh Kovachevich. Belgrad, 2004.
5. Yovanovich 1978 – Yovanovich M. Russkaya sovetskaya literatura // gruppa avtorov, Russkaya literature. T.2, Sarayevo-Belgrad, 1978.
6. Medich 2016 / Medich ZH. Apnoe // Belgrad, 2016.
7. Meterlink 2007 – Metrink M. Probuzhdeniye dushi // perevodchik Boyan Lalovich. Belgrad, 2007.
8. Olakh 2014 – Olakh K. Iskusstvo kak religiya vnutrennego peresozdaniya // Literaturnaya teoriya, 46YU № 154 (2014).
9. Sibinovich 2015 – Sibinovich M. Umnozheniye mirov: russkiye pisateli v serbskoy perevodcheskoy literature. Belgrad, 2015.
10. Tarkovskiy 1991 – Tarkovskiy Arseniy. Sobraniye sochineniy // Poemy. Stikhotvoreniya raznykh let, v 3-kh tt. T. 2. Moskva, 1991.
11. Tarkovskiy 1999 – Tarkovskiy Andrey, Vayaniye iz vremeni. Belgrad, 1999.

12. Frants 2010 – Frants M. L. Fon. Snovideniya // perevod s nemetskogo Daniyela Tkaley. Belgrad, 2010.
13. Eliot 1991 – T. S. Eliot, Traditsiya i individual'nyy talant // Teotericheskaya mysl'ye, podgotovil Petar Milosavlevich // Novyy Sad, 1991.
14. Epshteyn 1998 – Epshteyn M. Vera i obraz: religioznoye bessoznatel'noye v russkoy kul'ture 20.-ogo veka // perevod s russkogo yazyka Radmila Mechanin // Novyy Sad, 1998.
15. Yung 1977 – Yung K. G. Psikhologicheskiye obsuzhdeniya // vybrannyye proizvedeniya K. G. Yunga, kn. 4 // perevodchik Tomislav Bekich // Novyy Sad, 1977.
16. Yaglichich 1995 – Yaglichich V. Arseniy Tarkovskiy i umeniye tikhoy liriki // A. Tarkovskiy Byt' samym soboy, vybrannyye stikhi // Belgrad, 1995.

Мартинкус П.П. (Москва, Российская Федерация)
Martinkus P.P. (Moscow, Russian Federation)

Развитие навыков межкультурной коммуникации в процессе преподавания философии в техническом ВУЗе

Development of skills of intercultural Dialogue in the course of philosophy in Technical University

Аннотация. В статье предложен вариант практико-ориентированного занятия. Методика предполагает 4 этапа: вызов, мысленный и реальный «эксперименты», рефлексия.

Ключевые слова: ксенофобия, дискриминация, толерантность, практико-ориентированная методика, «сократический» метод.

Abstract. This article proposes the variant of the philosophy training. The method of the training assumes 4 stages: a challenge, mental and real «experiments», a reflexion.

Keywords: xenophobia, discrimination, the tolerance, the training, «Socratic» method.

Требования к подготовке бакалавров и магистров, закреплённые в стандартах высшего образования по различным направлениям (в т.ч., например, направление подготовки 03.03.02 Физика (Приказ № 937 2014)), фиксируют необходимость развития навыков межкультурной (и межличностной) коммуникации как одной из общекультурных компетенций.

Действительно, навыки межкультурного взаимодействия – актуальная задача, связанная с двумя обстоятельствами. Во-первых, в связи с развитием в российском обществе ксенофобии, иногда даже

расистского толка (Шнирельман 2011, с.172-336). Во-вторых, в связи с предпочтением (в том числе вузовской молодежью) дискриминационных стратегий поведения по отношению к Другому. Так, при опросе студентов из 22 регионов только 40% сообщили, что никогда сами не встречались с фактами дискриминации, а опрос московских студентов показал, что 18% из них столкнулись с дискриминацией по месту учебы, а 31% – в общении с другими людьми (Бараш 2014).

Естественно, только на занятиях философией решить проблемы, связанные с ксенофобией и дискриминацией, невозможно. Навыки межкультурного взаимодействия необходимо развивать, начиная с ранних этапов социализации. Необходимо создавать специальные программы для дошкольников и школьников, учитывая возрастные особенности обучающихся¹. Однако фактически подобные программы в школе не распространены, в вузовском образовании интолерантностью скорее интересуются в связи с профилактикой экстремизма (Селиванова 2012).

Что конкретно в этой связи можно сделать на занятиях по философии? Если предполагать, что основная «цель курса философии – в систематической форме изложить основные этапы исторического развития философской мысли, а также представить ключевые проблемы современной философской теории» (Иванова 2015), то, пожалуй, ничего. Курс философии, предлагаемый аудитории технического вуза в таком информирующем виде, принципиально не может решать задачи коммуникации. Поскольку студентам часто непонятно, что с предоставляемой информацией можно делать, постольку отсутствует коммуникация между самим преподавателем и аудиторией (Волкова 2015). Думаем, поэтому необходима практико-ориентированная перестройка курса философии (по крайней мере, семинарских занятий) в «сократическом» ключе. Мы, собственно, имеем в виду не просто диалог как метод обучения (диалогичность – это то условие *sine qua non*, которое превращает собственно информирование в преподавание), сколько «иронию» и «майевтику» Сократа.

Иначе говоря, преподаватель должен ставить аудиторию в тупик не сложностью системы философских понятий (этим, впрочем, можно осторожно заниматься на лекциях), а показом несовместимости (кажущейся или реальной) некоторых утверждений (поступков) с другими утверждениями (поступками). Цель Сократа и состояла в том, чтобы быть тем «невыносимым оводом», который разбудит граждан, задавая неудобные вопросы. Обнаружение у студентов предпочтения использовать дискриминационные (и даже силовые) методы для решения проблем, которые совершенно их не требуют, и могло бы стать тем «неудобным положением», в которое попадает аудитория в связи с отсутствием навыков межкультурной (и межличностной) коммуникации.

Каждый преподаватель может придумать свой (и более философский, чем наш) пример. Мы предложим следующий: на тестовый вопрос о способе решения case-ситуации, касающейся уменьшения случаев аварийности на некотором участке дороги, студенты МИФИ (будущие инженеры-физики, математики и программисты) часто предлагают ужесточить наказание для нарушающих правила дорожного движения, хотя в задании сказано, что подобные попытки уже предпринимались и ни к чему не привели. Готовность к использованию альтернативных вариантов: социальных технологий (т.е. манипулятивные техники) или неких технических решений (например, принудительное ограничение скорости без вмешательства человека) демонстрируют меньшинство студентов. Рационалистические же способы решения ситуации (т.е. решения, основанные на предположении о разумности индивидов-нарушителей) практически отсутствуют. Здесь и надо показать аудитории, что предложенные решения либо исходят из непонимания ограниченной эффективности наказания, либо из понимания человека как пассивного существа, не способного к рациональной деятельности. При том, что практически каждый студент себя лично таким «существом» не считает.

После прохождения в «ироническом» ключе стадии «вызова», которая является обязательным этапом обучения в образовательной технологии «развитие критического мышления через чтение и письмо» (Загашев, Заир-Бек 2003), на которую мы также ориентируемся в предлагаемом нами «сократическом» подходе, можно переходить к деятельностной фазе занятия, состоящей из двух этапов.

Часто говорят о проблемном характере обучения, но философские проблемы носят прежде всего теоретический (т.е. абстрактно-логический) характер, что чаще всего не вызывает отклик аудитории. Мы же говорим о таком затруднении, которое для учащегося носит личный характер. Здесь и необходима практико-ориентированность, т.е. организация деятельности учащихся по решению некоторой задачи «здесь-и-сейчас». Естественно, нужно предлагать такие конкретные (хотя, возможно, и гипотетические) ситуации, которые требуют рефлексии, ведь философия в первую очередь – способность к мысленной остановке и рациональному обсуждению в связи с личным выбором. Психологическое дистанцирование студентов от рассматриваемой ситуации, конечно, в случае такого личного «мысленного эксперимента» всё равно происходит, но оно уже не носит абсолютного характера вневнепригодности («где мы и где философия»). Например, на основе небольшого учебного текста (Stangroom 2015, p. 15-16) можно предложить обсудить проблему «Мизантропия или сексизм. Что лучше?».

Студенческая группа в связи с личным выбором делится на подгруппы (даже если они совсем не равные), пытающиеся в совместном обсуждении

найти рациональное обоснование своей позиции, и предъявляют аргументы, которые противоположная сторона может подвергнуть критике. Задача преподавателя в этой ситуации не давать «нужные» ответы, а выступать в роли модератора, т.е. фиксировать позиции и направлять дискуссию в конструктивное русло. Обсуждение можно проводить и в более формализованном виде, например, в технике «сократического диалога» (Сидоренко 2004. с.78, 146-149), когда «партии» каждое утверждение должны начинать со слов: «Согласны ли Вы, что...». В случае если противоположная сторона мотивированно не соглашается с предъявленным доводом, его следует переформулировать. В результате не только будут обсуждены доводы, обосновывающие (и отвергающие) дискриминацию по половому признаку, учащимся придётся применять (и тем самым развивать) навыки «активного слушания» и аргументированного диалога.

Но можно выйти и за пределы «мысленных экспериментов». Они будут напоминать «технарям» схоластические диспуты, высмеянные (хотя и не вполне справедливо) ещё Эразмом. Нужно предложить студентам ситуации, в которых необходимо реально продемонстрировать себя в новых для них условиях. Например, проделать цепочку упражнений «Замороженный», «Как быть толерантным в общении», «Я-высказывание, Ты-высказывание» и/или ролевые игры типа «Карамбия»/«Неведомые миры», предложенные Г.У. Солдатовой (Искусство жить с непохожими людьми 2009, с. 52-53, 56-60). Поскольку философия – деятельность по созданию логически возможных миров, то игра в стиле «Неведомый мир» (с акцентом на создание философско-значимого мира, например, мира, подобного стоическому, атомистическому, ницшеанскому и т.п. вплоть до создания своего собственного «философского мира»), поможет обучающимся не только приобрести соответствующий опыт толерантности, но и понять связь антропологической и онтологической проблематики (Мёдова 2011).

Естественно, любые формы деятельности необходимо рефлексировать, а потому процесс краткого обсуждения в ситуации «здесь-и-сейчас» тех выводов, к которым пришли студенты в результате занятия, является его обязательной окончательной фазой. Кроме того, с целью добиться углубленного осознания проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, можно предложить студентам выполнить домашнее задание, написав работу в стиле эссе на соответствующую тему (например: «Могу ли я ненавидеть Другого?», «Они не похожи на меня! Что мне делать?», «Современный расизм», «Моё отношение к ЛГБТ-сообществу», «Адольф Гитлер или мать Тереза: кто лучше?», «Что я думаю о концепции «русского национализма» А. Дугина»², «Думайте и позволяйте другим думать тоже», – написал Вольтер в «Очерках о нетерпимости». А Вы что думаете?», «Готовы ли

Вы отдать свою жизнь, чтобы фашисты могли свободно высказывать свои убеждения?» и т.п.).

На следующем занятии студенческую группу можно разбить на подгруппы, раздав им случайным образом эссе. В подгруппе студенты выбирают «лучшую» работу и делают её презентацию, т.е. не только зачитывают, но и поясняют причины, по которым изложенные в эссе идеи им импонируют. Естественно, в зависимости от проблем, затронутых на предыдущем занятии и в эссе, можно перейти к другим философским проблемам: этическим, антропологическим, социально-философским, политическим и т.п. Иначе говоря, от проблем коммуникации можно перейти к любым другим философским проблемам вполне органично (и, наоборот, от любых других философских проблем можно органично перейти к проблеме коммуникации). Такая связь между проблемами позволит развернуть курс семинарских занятий по философии в систему, а не в простой набор мало связанных друг с другом тем.

Понятно, что в рамках подобного курса требования, предъявляемые к личностным качествам преподавателя, приобретают особую специфику (Митина 2003, с. 87). На занятии же, посвящённом межкультурной коммуникации, сам преподаватель не может проявлять нетерпимости (по крайней мере, в смысле абсолютного неприятия) к тем «неправильным» выводам, которые студенты вполне могут сделать. В конце концов, целью обучения, на наш взгляд, не может быть навязывание правильных выводов. Естественно, полностью отказывать преподавателю в праве высказывать оценочные суждения (естественно, не по поводу личности, а только по поводу несовместимых с толерантностью позиций) вряд ли возможно, но при этом подобные оценки должны быть не просто утверждениями, а демонстрацией того факта, что дискриминационные стратегии вредят не только процветанию сообщества, но и нашему стремлению к комфортному и безопасному общению, поскольку пытаются устранить неустранимое, т.е. Другого (Галимова 2015; Зиновьева 2011). Собственно анализу современной философии Другого и проблеме Диалога можно посвятить последующее лекционное занятие.

Примечания:

1. Прекрасным пособием для преподавателей средней школы служит методичка, разработанная коллективом Г.У. Солдатовой (Искусство жить с непохожими людьми 2009). Поскольку предложенные в книге занятия предполагают в качестве аудитории старших школьников, то при адаптации (о её возможных принципах см., например: Фопель 2010) некоторые из них можно использовать и в вузовской практике. Тем более, что преподаватели средней школы, проводившие занятия, отмечали, что тренинги подобного типа нужны прежде всего им самим (Искусство жить с непохожими людьми 2009, с. 20).

2. В данном случае предполагается анализ ранней (1993 г.) статьи известного философа-евразийца А.Г. Дугина «Апология национализма» (Дугин 1994). Если давать в качестве задания для эссе анализ некоторого текста, то чем «нетерпимее» (но при этом обоснованно) будет высказываться автор, тем лучше, поскольку это позволит обсудить рациональную сторону дела.

Литература:

1. Stangroom 2015 – Stangroom J. Réveillez le philosophe qui sommeille en vous! – P., 2015 [Stangroom J. Would you eat your cat? – L., 2010].
2. Бараш 2014 – Бараш Р.Э. Ощущение дискриминации и межэтническая толерантность // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Под. ред. Тишков В.А. и др. – М., 2014. С. 205-214.
3. Волкова 2015 – Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузе // Современное образование. №2. 2015. С. 80-115.
4. Галимова 2015 – Галимова А.К. К проблеме «Другого» в философии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2015. №2. С. 102-111.
5. Дугин 1993 – Дугин А.Г. Апология национализма [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://arctogaia.net.ru/article/29> (дата обращения: 06.04 2017).
6. Загашев, Заир-Бек 2003 - Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб, 2003.
7. Зиновьева 2011 – Зиновьева А.А. Проблема «Другого» в философии М.М. Бахтина // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. 2011. №1. С.13-22.
8. Иванова 2015 – Иванова А.С. Специфика преподавания философии в техническом университете [Эл. ресурс] // Universum: общественные науки. 2015. №5(15) Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2169> (дата обращения: 05.04.2017).
9. Искусство жить с непохожими людьми 2009 - Искусство жить с непохожими людьми: психотехника толерантности / под ред. А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой, А.В. Макаручк. – Подольск, 2009.
10. Мёдова 2011 – Мёдова А.А. Проблема понимания онтологических концепций студентами технических специальностей // Философия в техническом вузе. СПб., 2011. С. 51-52.
11. Митина 2003 – Митина А. Рефлексивно-игровая технология обучения // Высшее образование в России. №4. 2003. С.86-90.
12. Приказ №937 2014 – Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 N937 «Об утверждении федерального государственного

образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 03.03.02 Физика (уровень бакалавриата)» [Эл. ресурс] Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/030302_Fisika.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

13. Селиванова 2012 – Селиванова О.А. Основные направления профилактики интолерантности и экстремизма в среде современного регионального вуза // Образование и наука. 2012. № 3 (92). С.74-89.

14. Сидоренко 2004 – Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб., 2004.

15. Фопель 2010 – Фопель К. Психологические принципы обучения взрослых. М., 2010.

16. Шнирельман 2011 – Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т.-2. М., 2011.

References:

1. Barash 2014 – Barash R.E. Oshhushhenie diskriminacii i mezhetnicheskaja tolerantnost' [Feeling of discrimination and interethnic tolerance] // Rossijskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskij potencial / Ed. Tishkov V.A. i dr. М., 2014. P. 205-214.

2. Volkova 2015 – Volkova E.G. Osnovnye problemy prepodavanija filosofii v vuze [The main problems of teaching philosophy in the university] // Sovremennoe obrazovanie. №2. 2015. P. 80-115.

3. Galimova 2015 – Galimova A.K. K probleme «Drugogo» v filosofii [To the problem of the Other in the philosophy] // Vestnik VGU. Serija: Filosofija. 2015. №2. Pp. 102-111.

4. Dugin 1993 – Dugin A.G. Apologija nacionalizma [The Apology of Nationalism]. URL: <http://arctogaia.net.ru/article/29> (accessed: April 06, 2017).

5. Zagashev, Zair-Bek 2003 - Zagashev I.O., Zair-Bek S.I. Kriticheskoe myshlenie: tehnologija razvitija [Critical thinking: the technology of development]. – SPb, 2003.

6. Zinov'eva 2011 – Zinov'eva A.A. Problema «Drugogo» v filosofii M.M. Bahtina [The Problem of the Different in philosophy of M.M. Bakhtin] // Izvestija TGU. Gumanitarnye nauki. 2011. №1. P.13-22.

7. Ivanova 2015 – Ivanova A.S. Specifika prepodavanija filosofii v tehničeskom universitete [Specificity of philosophy teaching in technical University] // Universum: obshhestvennye nauki. 2015. №5(15) URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2169> (accessed: April 06, 2017).

8. Iskusstvo zhit' s nepohozhimi ljud'mi 2009 – Iskusstvo zhit' s nepohozhimi ljud'mi: psihotehnika tolerantnosti [The art of living with dissimilar people] / Ed. A.G. Asmolov, G.U. Soldatova, A.V. Makarchuk. – Podol'sk, 2009.

9. Mjodova 2011 – Mjodova A.A. Problema ponimanija ontologicheskikh koncepcij studentami tehničkih special'nostej [The problem of understanding ontological concepts by students of technical specialties] // *Filosofija v tehničeskom vuze.* – SPb., 2011. P. 51-52.

10. Mitina 2003 – Mitina A. Refleksivno-igrovaja tehnologija obuchenija [Technology of learning through reflection and games] // *Vysšee obrazovanie v Rossii.* №4. 2003. P.86-90.

11. Prikaz №937 2014 – Prikaz Minobrnauki Rossii ot 07.08.2014 N937 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 03.03.02 Fizika (uroven' bakalavriata)» [Order N937 of the Ministry of Education and Science of Russia (August 07, 2014) «On approval of the federal state educational standard of higher education by speciality 03.03.02 Physics (bachelor's level)]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/030302_Fizika.pdf (accessed: April 06, 2017).

12. Selivanova 2012 – Selivanova O.A. Osnovnye napravlenija profilaktiki intolerantnosti i jekstremizma v srede sovremennogo regional'nogo vuza [The Ways of Preventing Students' Extremism and Intolerance in the Regional Educational Institutions] // *Obrazovanie i nauka.* 2012. №3 (92). P. 74-89.

13. Sidorenko 2004 - Sidorenko E. V. Trening vlijanija i protivostojanija vlijaniju [Training of influence and resistance to influence]. SPb., 2004.

14. Fopel' 2010 - Fopel' K. Psihologičeskie principy obuchenija vzroslyh [Psychological principles of adult learning]. M., 2010.

15. Shnirel'man 2011 - Shnirel'man V.A. «Porog tolerantnosti»: Ideologija i praktika novogo rasizma [Limit of Tolerance]. Vol.-2. M., 2011.

*Зайковская Т.В. (Кишинев, Республика Молдова)
Zaikovskaya T.V. (Kishinev, Republic of Moldova)*

**Этнокультурные особенности цветообозначений (на материале
русского и румынского языков)**

**Ethnocultural features of color descriptions (on the material
of Russian and Romanian languages)**

Аннотация. В исследовании представлена специфика этнохроматических парадигм русского и румынского языков, в том числе на основе ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: языковая картина мира, цвет, система основных цветов, этнокультурные коннотации, идиоматический и паремиологический слой, свободный ассоциативный эксперимент.

Abstract. The study presents the specifics of the ethno-chromatic paradigms of the Russian and Romanian languages, including associative experiment as the basis.

Key words: linguistic picture of the world, colour, basic colours system, ethnocultural connotations, idiomatic and paremiological layer, free associative experiment.

Цвет является одним из основных объектов мировосприятия, как индивидуального, так и коллективного. Окружающий мир поражает обилием красок, богатством цветовых оттенков. Разные социумы в различные эпохи по-своему воспринимают цветовое пространство и в соответствии с этим вычленяют из всего многообразия только актуальные для себя элементы, закрепляя их в языке.

Дать название предмету, действию, признаку и т.п., в том числе цвету, обозначить его словом – значит актуализировать его в мировосприятии носителей языка, выделить, утвердить его значение и закрепить в языковом сознании. При недостаточной ясности причин, лежащих в основе членения цветового пространства отдельными этносами, фактом остается то, что даже наборы так называемых *basic colours* (основных цветов), или, иначе, цветов-прототипов (Coteanu et al. 1985, p. 140) в различных языках неодинаковы как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах.

Системы цветообозначений в русском и румынском языках на современном этапе не совпадают. Так, румынской лексеме *albastru* в русском языке соответствуют корреляты *синий* и *голубой*, а русской лексеме *серый* – *sur* и *senișiu*.

Человек, владеющий двумя и более языками, не всегда осознаёт национальное своеобразие цветовых этноэдем в неродном языке. Это происходит потому, что «он склонен приписывать им феномены, относящиеся к его собственной культуре и языку, поскольку большинство цветообозначений имеют словарные соответствия в другом языке» (Белов 1988, с. 51).

Причина вычленения того или иного цвета, а также интуитивно ощущаемого предпочтения определённых оттенков или их сочетаний людьми, принадлежащими к различным социальным, половозрастным или этническим коллективам, остается невыясненной. Совершенно очевидно, что именно такие цвета и их сочетания играли определяющую роль в геральдике, при формировании традиционных образов фольклора, поэтической символики и паремиологического слоя (см. Маринеску, Фодор 1994; Хелльберг 1989), при появлении у слова вторичных,

переносных значений и развитии некоторых его устойчивых коннотатов – так называемое «отягощение историческим прошлым» (термин Р.В. Алимпиевой) (Алимпиева, 1986).

Понятие «этноэидемы», введенное Л.А. Шейманом и лежащее в основе его психолого-литературоведческой концепции, определяется им как сквозной образ, значимый для конструирования национальных картин мира (Шейман, Варич 1976), считается наиболее адекватным для описания явлений указанного рода. Этому способствует сопоставительный аспект: «Инструментом исследования национальной словесно-художественной картины мира является парное (бинарное) противопоставление образов, то есть разноязычной пары коррелирующих этноэидем или их развёрток (в нашем случае, например, синий/голубой – *albastru* – Т.З.), способствующих созданию условий для наиболее естественного сопряжения двух культур» (Белов 1988, с. 50).

Примерами подобного рода пронизан каждый язык, приведём несколько из русского и румынского: *белый свет, чёрный день, чёрный мор, белая ворона, чёрная кость, красный петух* (о пожаре), *голубая кровь, Красная книга* (русск.), *săptămîna albă* (масленица), *vin negru* (красное вино), *a vedea cai verzi pe perete* (говорить попусту, болтать), *a spune verzi și uscate* (с тем же значением), *a spune verde-n ochi* (говорить прямо, без обиняков), *a strînge bani albi pentru zile negre* (откладывать деньги на чёрный день, досл. собирать белые деньги на чёрные дни) (рум.). Последний пример показывает, что в эквивалентном русском выражении утрачивается антитеза, наличествующая в устойчивом словосочетании румынского языка, дословно: собирать белые деньги на чёрные дни. Аналогичное выражение, также основанное на противопоставлении, существует и в болгарском языке: *пестя (спестявам, скътвам, турям настрана) бели пари за черни дни*.

Известно, что цветообозначения занимают неодинаковое место в языковой картине мира различных народов. Это проявляется по-разному. В частности, именно цветообозначения, составляющие этнохроматическую парадигму, входят в наименования различных объектов окружающей действительности: водоемов, населённых пунктов, растений и т.д. Относительно последних нами получены любопытные сведения. На основе почти двух тысяч названий лекарственных растений в русском и румынском языках было выяснено, что непосредственное указание на цвет как на признак выделяется в 4,8% румынских наименований и в 11% русских; в русском языке по убывающей расположены *белый, чёрный, красный, жёлтый, синий/голубой*, а в румынском – *alb, galben, roșu, negru, albastru* (*белый, жёлтый, красный, чёрный, синий/голубой*).

Хотя в строгом, физическом смысле белый и чёрный цветами не являются (их принято называть ахроматическими), в обыденной жизни

они традиционно называются цветами, как таковые и воспринимаются наряду с прочими.

В культурологическом, семиотическом, психолингвистическом и других интересующих нас в данном исследовании аспектах они, также согласно традиции, рассматриваются как цвета. Более того, необходимо отметить, что они входят вместе с красным цветом в так называемую основную цветовую триаду, присутствующую во многих культурах, являясь компонентами цветовой символики, в значительной мере пронизывающей всю систему представлений: «Основной общечеловеческий треугольник словесных наименований цветов совпадает с триадой цветковых символов в различных мифологиях и ритуалах» (Хелльберг 1989, с. 5).

«Национально-культурным рейтингом» в рассматриваемых языках по нисходящей линии обладают следующие цветообозначения: *белый, чёрный, красный, синий, голубой, зелёный, жёлтый* (рус.); *alb, negru, verde, galben, albastru, roşu* (Маринеску, Фодор 1994, с. 21). Ср. также мнение А.И. Белова: «Изучение различных литературных источников, словарей, опрос информантов и анализ данных ассоциативных экспериментов дают нам основание утверждать, что в традиционной русской культуре к цветовым этноэидемам следует прежде всего относить такие цветообозначения, как красный, белый, чёрный и голубой (отчасти синий)» (Белов 1988, с. 50). Как видим, относительно набора выделяемых в русском языке цветообозначений, которые обладают культурно-национальной значимостью, у исследователей нет единодушного мнения.

Между тем, можно с достаточным основанием подвергнуть сомнению правильность исключения А.И. Беловым из русских цветовых этноэидем таких цветообозначений, как *жёлтый* и *зелёный*.

В связи с этим важно отметить следующее. Известно, что сами эти цвета были выделены предками русских значительно позже, чем, например, красный, белый, чёрный, а потом из чёрного синий. Выделение из спектра указанных цветов произошло лишь к XIII в. «Фактически же вплоть до XVII века синим кончается видимый спектр. Всё, что дальше, казалось чёрным» (Колесов 2005, с. 35), то есть постепенно и позже других основных цветов. «В одном сборнике 1073 года цвета радуги ограничиваются всего четырьмя: “В радуге свойства суть – червеное и синее и зелёное и багряное...” Слово багряный и слово червеный одинаково передавали впечатление от красного цвета. Вот и весь спектр, три цвета: червеный, зелёный, синий. В первом соединены красный и оранжевый, во втором – жёлтый, зелёный и голубой, в третьем – синий и фиолетовый» (Колесов 2005, с. 35).

Таким образом, в XI в. сами наименования цветов имели другое значение и соотносились с другими денотатами. В сущности, зелёный

включал в себя самую светлую часть спектра, и у древних славян слово *зелёный* означало ‘светлый’ (ср. выражение из русского фольклора *выпить чаю зелена вина*). Выделение из спектра трёх указанных цветов происходило постепенно и позже других основных цветов (Колесов 2005, с. 36).

Имеющиеся в русском языке устойчивые словосочетания, поговорки, топонимы, наименования бытовых реалий, в которые в качестве компонентов входят слова *жёлтый* и *зелёный* – многочисленные примеры приводят М. Маринеску и Е. Фодор (Маринеску, Фодор, 1994, с. 32-34) – не являются столь древними, как образования с другими вышперечисленными обозначениями цветов. Но они существуют, и существуют достаточно давно, постоянно пополняясь новыми ярко выраженными этнокультурными коннотациями, в том числе соотносимыми с нехроматическими значениями данных прилагательных, подтверждая право этих цветообозначений быть включёнными в русскую цветовую этнопарадигму.

В рассматриваемых языках по богатству этнолингвистического слоя, а также по способности образовывать бинарные оппозиции на первый план выдвигаются *белый – чёрный* (*alb – negru*). *Белый* как символ высшего, светлого, положительного начала противостоит *чёрному* как началу низшему, тёмному, отрицательному, порой с примесью социального фактора: *белый день – чёрный день*, *белая кость – чёрная кость*, *белая зависть – чёрная зависть* (русск.), *Post alb* (пост, досл. белый пост) – *Post negru* (строгий пост, досл. чёрный пост), *a avea zile albe* (жить припеваючи, досл. иметь белые дни) – *a avea zile negre* (иметь неприятности, досл. иметь чёрные дни) и т.п.

В ряде устойчивых словосочетаний в данной оппозиции частично или полностью десемантизируется дифференциальный (цветовой) признак: русск. *белая горячка*, *чёрная немочь*, *чёрный мор*, *белый гриб*, *белый лес*, рум. *noapte albă* (бессонная ночь, досл. белая ночь), *armă albă* (холодное оружие, досл. белое оружие) и др. Приведем подобные примеры и с цветообозначением *красный*, являющимся частью основной цветовой триады: *красный угол*, *красна девица*, *Красная площадь*, *красная рыба*, ‘*Не красна изба углами, красна пирогами*’ и т.д. Заметим, что подобное явление наблюдается не только в отношении вышеуказанной триады, но и – реже – всякого другого цветообозначения, модифицирующего своё прямое значение в переносное, сохраняя, однако, значение символическое – это очень ярко видно из анализа ассоциативных связей.

Во множестве неоднословных номинаций происходит семантическая замена понятий ‘белый’ и ‘чёрный’ другими, из параллельной оппозиции – ‘светлый’ и ‘тёмный’: русск. *белый/чёрный хлеб*, *белый/чёрный виноград*, *белая/чёрная черешня*, *белое вино*, рум. *pîine albă/neagră*, *cireșe*

albe/negre, poată albă/neagră, vin alb/negru. Непривычно воспринимаются на этом фоне устойчивых словосочетаний и устоявшихся для носителей языка представлений специально актуализированные индивидуально-художественные описания подобных реалий, несмотря на то, что они являются более точными: «Маленький упрямый ослик, исчезающий под горою жёлтого и синего винограда, <...> ревел раздирающим голосом» (Мережковский).

С целью выявления этнокультурной специфики цветообозначений было предпринято межъязыковое сопоставление материалов свободных ассоциативных экспериментов, проведённых с жителями Молдовы – носителями русского и румынского языков.

Всего в эксперимент было включено 12 цветов: *красный, чёрный, белый, синий, голубой, зелёный, жёлтый, серый, коричневый, оранжевый, фиолетовый, розовый* – *roșu, negru, alb, albastru, verde, galben, sur, cenușiu, cafeniu, portocaliu, violet, roz.*

Как было показано выше, не все так называемые основные цвета входят в этнохроматическую парадигму (а). Однако в исходные материалы эксперимента был осознанно вовлечён и ряд таких наименований *basic colours*, которые, хотя и не вычлениются специалистами в качестве компонентов вышеназванной парадигмы, тем не менее позволяют выделить многие национально-культурные коннотации, связанные с ними (б). Кроме того, в эксперимент были включены и такие цвета, как *розовый, оранжевый, фиолетовый*, вообще не входящие в *basic colours* (в), с тем, чтобы проследить реакцию испытуемых на них и тем самым оттенить их соответствующие ассоциативные реакции на цветообозначения двух других групп (а, б). Таким образом, всего было рассмотрено три группы цветообозначений, предложенных участникам эксперимента в качестве слов-стимулов.

Испытуемые сопоставляемых групп оказались единодушными в ряде случаев, увязав белый цвет с *молоком, снегом и полотном (lapte, zăpadă, rînză)*, жёлтый – с *солнцем, цыплёнком, яичным желтком (soare, puiul de găină, gălbenuș de ou)*, зелёный – с *травой, листом, полем, лесом (iarbă, frunză, câmp, pădure)* и т.п. У всех групп эталоном оранжевого цвета оказываются цитрусовые – *апельсин, мандарин (portocal, mandarină)*, эталоном розового цвета – *роза (trandafir)*, а фиолетового – *фиалки (violete)*. Молдаване видят *солнце* (в зависимости от его положения на небосклоне в разное время суток) *жёлтым, оранжевым и розовым*, носители русского языка – *красным и жёлтым*. Русские последовательно ассоциируют *небо* с *голубым* цветом, а *море* – с *синим*, тогда как молдаване, располагая единственным коррелятом этих цветообозначений в своем языке, связывают слово *albastru* прежде всего с *небом (cer albastru)* и только в единичных случаях – с *морем (mare albastră)*.

Во многих чертах результаты экспериментов совпали. Это и понятно при учёте известной общности географических и культурно-исторических факторов, хотя, разумеется, причины этого не исчерпываются только ими. Существуют и общечеловеческие, универсальные реакции, восходящие к архетипам. Однако, как и ожидалось, множество ассоциаций оказались различными, несущими в себе определённый культурно-языковой компонент.

Известно: когда одно и то же явление рассматривается с различных точек зрения, это позволяет отобразить его более адекватно.

В подтверждение сказанного рассмотрим цветообозначения в аспекте связи литературно-художественного творчества с языковой картиной мира. Индивидуальность автора, определяющая его стиль, его идиолект, так или иначе опирается на языковую картину мира – то есть картину мира, отражённую в том языке, которым он пользуется как посредником в своём диалоге с читателем. Если вернуться к перечням наиболее культурно значимых цветообозначений в русском и румынском языках, можно увидеть, что на первых двух местах в них находятся *чёрный (negru)* и *белый (alb)*, но уже на третьем мы сталкиваемся с различием: в русском – *красный* (который, кстати, в румынском задвинут в самый конец), а в румынском *verde* (зелёный).

Рассмотрение цветообозначений в перцептуальном аспекте также заслуживает внимания. Ведь стремление автора создать и передать определённое настроение, вызвать у читателя ответную реакцию имеет первостепенное значение. Вот небольшой, но очень ёмкий по психологической наполненности отрывок из «Машеньки» В. Набокова о бегстве Ганина в Турцию:

«На второй день, *оранжевым* (здесь и далее выделено мной – Т.З.) вечером, показался Стамбул и медленно пропал в сумраке ночи, опередившей судно. На заре Ганин поднялся на капитанский мостик: *матово-чёрный* берег Скутари медленно *синел*. Отражение луны суживалось и бледнело. *Лиловая синева* неба переходила на востоке в *червонную красноту*, и, мягко светлея, Стамбул стал выплывать из сумерек. Вдоль берега заблестела шелковистая полоса ряби; *чёрная* шляпка и *чёрная* феска беззвучно проплыли мимо. Теперь восток *белел* и ветерок подул, солёной щекоткой прошел по лицу. На берегу где-то заиграли зорю, промахнули над пароходом две чайки, *чёрные*, как вороны, и с плеском легкого дождя сетью мгновенных колец прыгнула стая рыб. И потом пристал ялик. Тень под ним выпускала и втягивала щупальцы. Но только когда Ганин вышел на берег и увидел на пристани *синего* турка, спавшего на огромной гряде апельсинов, только тогда он ощутил пронзительно и ясно, как далеко от него теплая громада родины...» (Набоков).

Автор передаёт чувства героя, прямо не называя их. За счёт чего же у нас остаётся ощущение, что Ганин испытывает безысходность, тревогу, даже страх перед неизвестностью при соприкосновении с чужим (и чуждым) миром? Конечно же, это достигается не только за счёт мастерского использования цветообозначений, но благодаря им в первую очередь: не зря ими так изобилует данный отрывок. Дело здесь, по-видимому, в их глубинной семантической наполненности, имплицитных национально-культурных, а порой и общечеловеческих, универсальных (вследствие частичного совпадения отдельных компонентов различных языковых картин мира) ассоциациях, вызываемых ими. Да, созданию спектра ощущений, тревожного настроения здесь способствуют и такие слова, как *сеть, кольца, щупальцы* (что-то сдавливающее, затягивающее) и *рябь, сумерки* (нечто зыбкое, неопределённое), но рядом читаем: *лиловая синева неба, чёрный Стамбул, чёрная феска* и даже *две чайки*, (в языковом сознании русских – белокрылые), *чёрные, как вороны*. И в довершение всего этот *синий турок на груди апельсинов*. Синий на оранжевом. Совершенно непривычное, дикое сочетание цветов для русского сознания, для которого оранжевый и сам-то по себе экзотика. Не случайно именно после этого Ганин осознает, как далеко он от родины.

Ряд подобного рода примеров тоже можно было бы продолжить.

Проведённое исследование цветообозначений в русском и румынском языках, включающее в себя анализ идиоматического и паремиологического слоя, свободный ассоциативный эксперимент, подкреплённое краткой характеристикой использования этнохроматической парадигмы в художественном творчестве, позволяет сделать ряд выводов относительно этнокультурных особенностей цветообозначений в русском и румынском языках, которые были представлены по мере изложения результатов исследования в данной работе.

Литература:

1. Алимпиева 1986 – Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
2. Белов 1988 – Белов А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С. 49-58.
3. Колесов 2005 – Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб.: Авалон. Азбука-классика, 2005.
4. Маринеску, Фодор 1994 – Маринеску М., Фодор Е. Культурологический аспект цветообозначений в русском и румынском языках // Filologie rusă. Referate și comunicări. XIV/ Editura Universității București. 1994. P. 21-35.

5. Мережковский – Мережковский Д. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. Электронный режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=267&p=1> (Дата обращения – 12 февраля 2017)
6. Набоков – Набоков В. Машенька. Электронный режим доступа: http://www.100bestbooks.ru/files/Nabokov_Mashenka.pdf (Дата обращения – 28 марта 2017)
7. Хелльберг 1989 – Хелльберг Е. Цветовая триада в народной традиции // Литературный процесс: внутренние законы и внешние взаимодействия. Уч. Записки Тартуского ун-та. Вып. 897. Тарту, 1989. С. 5-14.
8. Шейман, Варич 1976 – Шейман Л.А., Варич Н.М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Вып. 6. Фрунзе, 1976. С. 38-49.
9. Coteanu et al. 1985 – Coteanu I., Forăscu N., Bidu-Vrănceanu A. *Limba româna contemporana*. Bucuresti: Editura Didactica si Pedagogica, 1985.

References:

1. Alimpieva 1986– Alimpieva R.V. *Semanticheskaja znachimost' slova i struktura lexico-semanticheskoy gruppy*. L.: Izd-vo LGU, 1986.
2. Belov 1988–Belov A.I. *Cvetovyje jetnojejdemy kak ob'ekt jetnopsikholingvistiki* // *Jetnopsikholingvistika*. M., 1988. S. 49-58.
3. Kolesov 2005– Kolesov V.V. *Istorija russkogo jazyka v rasskazakh*. SPb.: Avalon, Azbuka-klassika, 2005.
4. Marinescu, Fodor 1994– Marinescu M., Fodor E. *Kul'turologicheskiy aspekt cvetooboznachenij v russkom i rumynskom jazykakh* // *Filologie rusă. Referate și comunicări*. XIV/ Editura Universității București. 1994. P. 21-35.
5. Merezhkovskij– Merezhkovskij D. *Voskresshie bogi. Leonardo da Vinci*. Jelektronnyj rezhim dostupa: <http://www.100bestbooks.ru> Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. (accessed, February, 12, 2017)
6. Nabokov– Nabokov V. *Mashen'ka*. Jelektronnyj rezhim dostupa: <http://www.100bestbooks.ru> Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. (accessed, March, 28, 2017)
7. Hell'berg 1989–Hell'bergE. *Cvetovajatriadavnarodnojtradicii* // *Literaturnyjprocess: vnutrenniezakonyivneshnievzaimodejstvija*. Uch. zapiskiTartuskogoun-ta. Vyp. 897. Tartu, 1989. S. 5-14.
8. Shejman, Varich 1976–ShejmanL.A., VarichN.M. О«Nacional'nykhkartinakhmira»iobikhznacheniidljakursarusskogoiazykailiteraturyvkirgizskojshkole // *Voprosypredavanijarusskogoiazykailiteraturyvkirgizskojshkole*. Vyp. 6. Frunze, 1976. S. 38-49.

9. Coteanu et al. 1985: Coteanu I., Forăscu N., Bidu-Vrănceanu A. *Limba româna contemporana*. Bucuresti: Editura Didactica si Pedagogica, 1985.

Родина В.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Rodina V.A. (Orel, Russian Federation)

К вопросу о существовании лингвистической относительности в виртуальном пространстве

To a question of existence of linguistic relativity in virtual space

Аннотация. В статье рассматривается понятие лингвистической относительности с позиций современного состояния данной концепции. Проанализированы как классический вариант гипотезы, предложенный Э. Сепиром и Б. Уорфом, так и взгляды других последователей данной концепции. Критика лингвистической относительности также включена в модус нашего анализа. Однако не подвергается критике взаимосвязь культуры и языка.

Ключевые слова: лингвистическая относительность, культура, язык, мышление, несоизмеримость языков, метафора.

Abstract. In the article the concept of linguistic relativity from positions of the current state of this concept is considered. Both classical option of a hypothesis offered by E. Sepir and B. Uorf as well as opinions of other followers of this concept are analysed. The critic of linguistic relativity is also included in a mode of our analysis. However, dependence of culture and language isn't criticized.

Key words: linguistic relativity, culture, language, thinking, incommensurability of languages, metaphor.

Категория «лингвистическая относительность», или же «лингвистический релятивизм», занимает одно из ключевых мест в этнолингвистике, – дисциплине, изучающей феномен языка в контексте его взаимоотношения с мышлением. Концепция лингвистической относительности возникает на рубеже XIX-XX вв. в модальности релятивизма как всеобщего методологического принципа. Данная гипотеза находит своё выражение как в гуманитарных, так и в естественных дисциплинах, в которых данный принцип трансформируется в допущение того, что эмпирическое восприятие окружающей индивида или социальной группы социокультурной действительности во многом детерминруется его ментальными перцепциями, которые, в свою очередь, способны трансформироваться при воздействии языковых конструкций. Но за счет того, что каждая

отдельная языковая система конструируется вариативными факторами, основные ментальные перцепции представителей различных социокультурных групп принципиально не совпадают между собой.

Безусловно, предположение о том, что естественные языки способны представлять собой несколько адекватных, но не тождественных друг другу концептуальных схем, было сформулировано и раньше. Так, например, уже в XIX в. данный тезис был обоснован В. фон Гумбольдтом (Гумбольдт В. фон 1984, с. 307-323). Однако данное положение не нашло достаточной поддержки у современников.

Проблема различия между разными языковыми конструкциями возникала в большей степени в контексте практического перевода текста с одного языка на другой, то есть в герменевтической, и в особенности экзегетической модальности изучения культур неевропейского типа. Однако сам факт такого адекватного перевода, а также его корректной интерпретации возможен только при допущении существования определённой универсальной перцептивной системы, общей для всех языковых и культурных конструкций (или же наличие таковой между исходным языком и читателем переведённого текста). С другой стороны, значительные языковые и культурные различия способны наглядно продемонстрировать, в каких случаях актуальность выбранного языкового выражения детерминирована конвенцией внутри языковой структуры, а не объективными свойствами его обозначения. В последнем случае возможность прямого перевода или хотя бы косвенной интерпретации такого языкового выражения затрудняется или же становится принципиально невозможной. В качестве примера можно привести отсутствие или наличие некоторых грамматических элементов, таких как герундий в английском языке, наличие падежей или родов в русском. Также присутствие фразеологизмов, характерных для одной языковой группы.

Во второй половине XIX в. Европа начинает делать попытки осознанного изучения и интерпретации культур «неевропейского» типа (например, культур Индии, Океании и Америки), всё больше и больше сталкиваясь с принципиально иными мировоззренческими, языковыми и социокультурными системами, что побуждает лингвистов к значительному расширению своего методологического и теоретического аппарата.

Рассматривая лингвистический релятивизм как принципиальную невозможность выделить определённые соотношения между различными языковыми системами, основоположник данного направления Э. Сепир вводит категорию «несоизмеримости языков», при которой языковые конструкции различных языковых групп, с одной стороны, дифференцированно закрепляют внутренний культурный опыт, а с другой — дают уникальные возможности к его интерпретации и

восприятию. Сам Э. Сепир пишет по этому поводу следующее: «В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками. Понимание, например, простого стихотворения предполагает не только понимание каждого из составляющих его слов в их обычном значении: необходимо понимание всего образа жизни данного общества, отражающегося в словах и раскрывающегося в оттенках их значения. Даже сравнительно простой акт восприятия в значительно большей степени, чем мы привыкли думать, зависит от наличия определённых социальных шаблонов, называемых словами. Так, например, если нарисовать несколько десятков линий произвольной формы, то одни из них будут восприниматься как «прямые» (straight), другие – как «кривые» (crooked), «изогнутые» (curved) или «ломаные» (zigzag) потому только, что сам язык предполагает такое разбиение в силу наличия в нем этих слов. Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир 1993, с. 259-265). В дальнейшем данная идея подхватывается и развивается его учеником Б. Уорфом.

Сравнивая и анализируя языковые конструкции американских индейцев, Б. Уорф обращает внимание на их значительные различия касательно европейского восприятия действительности вообще и языка в частности. В свою очередь, различия между языковыми конструкциями европейских языков являются малозначимыми (разумеется, при сравнении с внеевропейскими мировоззренческими системами). На этом основании Б. Уорф выделяет особый тип европейского языка, получивший название «стандартный среднеевропейский язык» (SAE – Standard Average European) (Уорф 1960).

В качестве инструмента концептуализации Б. Уорф использует, с одной стороны, набор формальных единиц, выделяемых из текста (такие, например, как единичные слова и грамматические показатели), а с другой – правила сочетания данных единиц между собой, то есть наличие (возможность) или отсутствие той или иной языковой конструкции.

Анализируя данные правила, Б. Уорф предлагает дифференцировать грамматические категории на два типа: в различных языках смысловая нагрузка одного и того же определённого выражения способна проявляться либо в качестве регламентированного набора грамматических правил (быть открытой), либо же обнаруживать своё

косвенное проявление (быть скрытой). Например, конкретная либо неконкретная референция может проявляться по-разному: «Она хочет выйти замуж за профессора» может быть перифразировано как «Тот, за кого она выйдет замуж, должен быть профессором», а при «конкретном» понимании – «Тот, за кого она хочет выйти замуж, профессор».

Наличие скрытой формы подразумевает некоторую недосказанность, или, говоря иными словами, метафоричность языка. Данный тезис получает своё дальнейшее развитие. В частности, восприятие метафоры выносится за пределы только поэтического языка и экстраполируется на весь обыденный язык в целом, структурируя тем самым человеческое мышление и восприятие. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Теория метафоры» предлагают различные подходы к метафоризации языка: «счастье-верх, грусть-низ» в таких метафорах, как «Я в *приподнятом настроении*», «Я *упал духом*» (Лакофф Дж., Джонсон 2004).

Данный подход к языку вызвал немалый интерес у исследователей, а теория лингвистической относительности нашла как сторонников, так и критиков. Рассмотрим их более подробно. В качестве примера одного из сторонников теории Сепира-Уорфа мы приведем исследования Дж. Лакоффа (Лакофф Дж., Джонсон 2004), изучавшего метафоризацию человеческих эмоций. В большинстве исследуемых языков эмоции маркировались на основании универсального представления о человеческом теле, а также связывались с его различными частями. Однако «вместилище» эмоций, а также их визуализированная форма допускали значительные вариации в зависимости от той или иной социокультурной традиции.

Еще одним примером служат работы Д. Хаймса (Hymes 1972, с. 269-293), в которых он вводит дополнительный принцип функционального релятивизма языка, при котором существующие различия между разными языковыми структурами обуславливаются характером их коммуникативных функций.

Примером критического отношения к данной теории является позиция Б.А. Серебренникова, который считает, что преувеличена значимость языковых различий, о чём свидетельствует прежде всего ограниченность примеров, которыми оперируют авторы рассматриваемых теорий. Б.А. Серебренников обосновывает своё отношение к этой гипотезе следующими положениями: 1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе – результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период

первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох. «Вне внимания остаётся то обстоятельство, что «относительность» системы, её ограниченность или избыточность нейтрализуется при актуализации в речи за счёт возможностей синтагматики, в том числе суперсегментных (просодических) средств» (Серебренников 1970, с. 393).

Таким образом, существуя в современном варианте, лингвистическая относительность имеет как сторонников, так и противников. Однако даже ученые, рассматривающие её критически, не могут отрицать большой фактический материал, а также тезис о зависимости мышления и языка.

Литература:

1. Hymes 1972 – Hymes, D. On Communicative Competence. In J.V. Pride and J. Holmes (eds.), *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269-293.
2. Гумбольдт 1984 – Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 394.
3. Лакофф Дж., Джонсон 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Едиториал УРСС. 2004. С. 256
4. Сепир 1993 – Сепир Э. Статус лингвистики как науки \ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 259-265. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/sep_stat.php [Дата обращения 14.03.2017]
5. Серебренников 1970 – Серебренников А.Б. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: НАУКА, 1970. С. 602
6. Уорф 1960 – Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

References:

1. Hymes 1972 – Hymes, D. On Communicative Competence. In J.V. Pride and J. Holmes (eds.), *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972.P. 269-293.
2. Humboldt 1984 – Humboldt V. Background. The chosen works on linguistics. M, 1984. P. 394.
3. Lakoff Dzh., Johnson M. 2004 – Lakoff Dzh., Johnson M. Metaphors which we live. Editorial URSS. 2004. P. 256.
4. Sepir 1993 – Sepir E. Status of linguistics as sciences. \Sepir E. The chosen works on linguistics and cultural science. M, 1993. P. 259-265. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/sep_stat.php [Date of the address 3/14/2017]
5. Serebrennikov 1970. – Serebrennikov A. B. General linguistics. Forms of existence, function, language history. M. Science, 1970. P. 602.

6. Uorf 1960 – Uorf B. L. Relation of standards of behavior and thinking to language. New in linguistics. Issue 1. M, 1960.

7. Uorf B. L. Relation of standards of behavior and thinking to language. New in linguistics. Issue 1. M, 1960.

*Кривошанова Н.В. (г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика)
Krivoshanova N.V. (Tiraspol, Pridnestrovskaiia
Moldavskaia Respublika)*

**Слово и этничность. Атрибутивная этничность
как определяющий фактор в образовании этниконов**

**Word and ethnicity. Attributive ethnicity as the determining factor
in the formation of ethnic groups**

Аннотация. В докладе рассматривается специфика образования этниконов в русском языке на примере самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики.

Ключевые слова: этничность, этникон, Приднестровье, приднестровцы.

Abstract. The report considers the specifics of the formation of ethnic groups in the Russian language on the example of the self-proclaimed Pridnestrovskaiia Moldavskaia Respublika.

Keywords: ethnicity, ethnicity, Transdnistria, Transdnistriians.

Термин «этничность» заимствован у западной антропологии в начале 1990-х годов. В российской науке данное понятие не получило точного определения. Выделяют два основных подхода к толкованию понятия «этничность». Представители первого подхода рассматривают этничность как эквивалент или суть этнического вообще – совокупность признаков и свойств, отличающих один реально существующий этнос от другого. Э.Х. Панеш делит этничность на объективную – ту, что характеризует объективные признаки этноса, и субъективную – представления о чертах и свойствах своего народа. Представители второго подхода трактуют этничность как синоним этнической идентичности. Речь идет о двух значениях этничности. В узком смысле этничность – это форма социальной идентичности, отождествления с этнической группой. В широком значении – это всё, что отличает один этнос от другого, его историко-культурное своеобразие, условно говоря, «портрет» этноса.

В последние десятилетия намечены различные попытки синтеза различных подходов к проблеме этничности.

Существует три основные парадигмы проявления этничности в современной этносоциологии (данная систематизация была предложена Н.Г. Скворцовым):

- атрибутивная (этничность как качество группы);
- субъективно-символическая (этничность как этническая идентичность);
- интеракционная (этничность как форма межгруппового взаимодействия) (Моручков // http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234).

Подробнее остановимся на проявлении атрибутивной этничности как качестве группы в образовании этниконов.

Этничность как атрибутивный аспект рассматривается среди отечественных исследователей Ю.В. Бромлеем, среди западных – Дж. де Вое, Э. Смит, С. Олзак. Согласно этому подходу этничность рассматривается как проявление культурных качеств, которые выступают основой для формирования общности (язык, этноним (этниконы), историческая память, особенности материальной культуры, ритуалы, модели поведения, религия и др.) (Шакурова <https://superinf.ru/>).

Уважаемые приднестровчане! Хотя правильнее было бы написать, уважаемые приднестровцы! Мы обращаемся ко всем жителям прекрасных городов нашей республики: каменцам, рыбничанинам, дубоссарчанам, григориопольчанам, тираспольцам, бендерцам, днестровчанам, слободзейчанам!

Увидев подобный заголовок в одной из местных газет, мы решили выяснить, каково вербальное выражение одного из компонентов этничности – этникона, по какому принципу и согласно каким правилам образуется данная группа слов.

Авторитетные литературные источники отчасти прояснили ситуацию: названия жителей населённых пунктов – это «этниконы» (от греч. «народ» + «местность» + «название, имя»), соотнесённые с топонимами. Топонимы – это собственные имена, обозначающие названия географических объектов (названия городов, сел, дорог, озер, рек и т.д.).

Таким образом, слова «Тирасполь», «Бендеры» и т.д. – это топонимы, а вот «тираспольчане» и «бендерчане» – это уже этниконы.

Правила образования этниконов ещё раз подтвердили тезис о том, что русский язык – один из самых сложных и многогранных в мире.

В русском языке есть группа ложных этниконов.

Хорошо известно, что: *испанец* – человек, а *испанка* – грипп; *американец* – человек, а *американка* – бильярд; *индеец* – человек, а *индейка* – птица; *кореец* – человек, а *корейка* – еда; *болгарин* – человек, а *болгарка* – инструмент; *финн* – человек, а *финка* – нож; *поляк* – человек, а *полька* – танец; *турок* – человек, а *турка* – посуда; *голландец* – человек, а

голландка – печка; *венгр* – человек, а *венгерка* – слива; *ленинградец* или *сочинец* – человек, а *ленинградка* или *сочинка* – преферанс; *чехи* и *вьетнамцы* – люди, а *чешки* и *вьетнамки* – обувь; *китаец* – человек, а *китайка* – яблоко; *молдаванин* – человек, а *молдаванка* – район Одессы. И только одно исключение: *москвичка* – человек, а *москвич* – ведро с гайками.

Дело в том, что чётких правил по образованию названий жителей городов, сёл, посёлков нет. Нельзя дать 100% гарантии, что *слободзейцы* – именно *слободзейцы*, а не *слободчане*. Интересно и то, что порой сами жители называют себя одними словами, а нормативными являются совершенно другие. В борьбе за правильное словоупотребление принимают участие даже современные артисты (если можно их так назвать), которые всячески пытаются рассказать не только о своей малой родине, но и о том, как правильно следует называть их земляков.

Необходимо отметить, что в данном случае словари предлагают свою норму: жителей города Пензы называют *пензяками*, а жителей одного из городов Астраханской области – *камызяками*.

К примеру, в электронном словаре М. Королевой и О. Северской говорится: «*Вообще, на самом деле, образование имен жителей городов – это абсолютно уникальная вещь, закономерностей там, в принципе, нет никаких...*» (Северская 2004).

Действительно, чётких правил не существует. Однако есть общие закономерности, о которых следует знать.

Для названий, заканчивающихся на *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ено* и др., используется суффикс *-и-* (*ивановцы* – от *Иваново*; *ильинцы* – от *Ильино*).

Если к названию можно присоединить суффикс *-ец*, то это практически всегда используют в речи (*Борисоглебск* – *борисоглебец*; *Благовещенск* – *благовещенец*).

Для названий, заканчивающихся на *-тск*, *-цк*, *-ск* и др., чаще всего используются суффиксы *-ан-*, *-чан-*, *-ян-* (*иркутяне* – от *Иркутск*; *хабаровчане* – от *Хабаровск*). Также суффикс *-(ч)анин* присоединяется к основе, если названия жителей образованы от названий городов и поселков на *-ец*, *-ич*, *-ач* (*Трускавец* – *трускавчанин*; *Череповец* – *череповчанин* и т.п.); и от основ на *к*, *ц*, *ч* (*Бронницы* – *бронничанин*; *Клинцы* – *клинчанин* и т.п.).

Названия жителей с другими суффиксами (кроме *-ец* и *-анин*) единичны, обычно это традиционные названия жителей старых городов: *москвич*, *вятич*, *костромич*, *тверитин*, *туляк*, *пензяк*, *одессит*, *уфимец*, *киевлянин* и т.п.

Часто названия жителей образуются не напрямую от названия географического пункта, а от производного прилагательного (*грязинцы* – *грязинский* – *Грязи*; *красницы* – *краснинский* – *Красное*).

Также есть следующее правило: если название города или села состоит из 2-х слов, которые пишутся раздельно или через дефис, то названия жителей этих населенных пунктов будут писаться слитно. Например, *ньюйоркцы* – от Нью-Йорк; *старооскольцы* – от Старый Оскол).

Больше всего проблем, конечно, с жительницами городов и сел. Чаще всего именно их невозможно никак назвать, и приходится говорить описательно (то есть «*жительница города такого-то*»).

Получив определённый багаж знаний по вопросам образования этниконов, попытаемся применить эти правила к населённым пунктам нашей республики и к их жителям.

Название города	Жители	Житель	Жительница
Каменка	каменчане	Каменчанин	каменчанка
Рыбница	рыбничане	Рыбничанин	рыбничанка
Дубоссары	дубоссарцы	Дубоссарец	дубоссарка
Григориополь	григориопольцы	григориопольец	-
Тирасполь	тираспольчане	тираспольчанин	тираспольчанка
Бендеры	бендерчане	Бендерчанин	бендерчанка
Слободзея	слободзейцы	Слободзеец	слободзейка
Днестровск	днестровцы	Днестровец	днестровка

В мире есть такие потрясающие названия жителей городов, что даже не каждый учёный смог бы догадаться так их назвать.

Например: **Пенза** – *пензяки*; **Курск** – *куряне*; **Архангельск** – *архангелогородцы*; **Кривой Рог** – *криворожане, криворожцы*; **Камчатка** – *камчадалы*; **Ржев** – *ржевляне*; **Торжок** – *новоторы*, **Кипр** – *киприоты*; **Мценск** – *амчане* или *омчане* (но жители **Омска** – *омичи*), **Косово** – *косовары* и так далее.

Так или иначе, ко всему приходится относиться с приличной долей изобретательности. Но если не хотите вызвать обиду или гнев за неправильное название кого-либо (например, *польки* очень негативно реагируют, если их называют *полячками*), то лучше уж говорите описательно. «Житель Днестровска» или «жительница Слободзеи» – это в любом случае верно.

Сам этноним «приднестровец» появился задолго до образования Приднестровской Молдавской республики (далее ПМР). Фактически данный термин обозначал территориальную принадлежность людей,

проживающих в районе восточного берега Днестра. Подобные названия часто дают жителям определённых районов по принципу их проживания: «кузбасовец», «краснодарец», «белогородец». Однако именно термин «приднестровец», в связи с событиями начала 90-х, перешел из разряда самоназвания жителей определённой территории в разряд объекта государственной национальной политики. На данный момент сказать «приднестровец» то же самое, что сказать «гражданин ПМР» (как известно, слово *ПМРовец* не имеет широкого распространения в массах). Однако термин «приднестровец» ещё задолго до трагического конфликта 1989-1992 годов имел значительную этническую, экономическую и политическую подоплеку: в данном случае мы можем констатировать факт длительного процесса консолидации жителей Приднестровья не только по территориальному принципу, но также по ряду других объективных факторов.

Термин «приднестровец» имеет под собой не просто политическое (или конъюнктурное) значение, используемое властью в качестве аспекта национальной политики. Консолидация полиэтничного населения левого берега Днестра под единым этнонимом «приднестровцы» является в какой-то мере исторически и экономически обусловленным процессом.

Под этничностью мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определённые черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Особенно показательным является рассмотрение функционирования этнонимов в рамках диалектного дискурса, отражающего региональную картину мира жителей определённой территории.

Однако многие факты говорят о том, что государственные интересы населения ПМР зачастую стоят выше национальных. Например, молдавская диаспора Приднестровья выступает с резкой критикой румынизации населения Республики Молдова (далее РМ), а также не одобряет многие действия Кишинёва, направленные на попытки давления на правительство ПМР. Также украинцы Приднестровья не одобряют политику Киева, направленную на экономическую блокаду ПМР. Подобных примеров можно перечислить много, и все они говорят о том, что в Приднестровье происходит процесс осмысления гражданской идентичности. Ведь, как известно, процесс идентификации государства как политически независимого образования во многом зависит от самоидентификации его граждан (Моручков//http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234).

По словам Е.А. Погорелой, «несмотря на различную этническую самоидентификацию, культурные ориентации и предпочтения

подавляющего большинства приднестровцев связаны с таким интернациональным контекстом социального взаимодействия, который формирует потребность в русском языке и русской культуре; они выступают неотъемлемым компонентом их мироощущения и способа существования» (Погорелая//<http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl>).

Для государства недостаточно быть просто признанным или не признанным мировым сообществом: важнее, чтобы население осознавало себя частью единого механизма. Исходя из этого, можно констатировать факт вхождения в обращение термина «приднестровец», употребляющегося именно в смысле принадлежности индивида к ПМР. Просто на территории Приднестровья произошло естественное слияние территориального обозначения населения с политическим названием граждан пока непризнанного государства, что, безусловно, обеспечило термину «приднестровец» популярность.

Литература:

1. Моручков//http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234 – Моручков И. Этноним «приднестровец» и его социальный аспект в формировании самоидентификации граждан Приднестровской Молдавской республики. Режим доступа: http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234
2. Погорелая//<http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl> – Погорелая Е.А. Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl>
3. Северская 2004 – Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. – 256 с.
4. Шакурова <https://superinf.ru/> – Шакурова Г.Р. Современные подходы к изучению этничности. Режим доступа: <https://superinf.ru/>

References:

1. Moruchkov//http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234 – Moruchkov I. Ethnonim «pridnestrovec» i ego social'nyj aspekt v formirovanii samoidentifikacii grazhdan Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki. Rezhim dostupa: http://ia-centr.ru/archive/public_details8c3c.html?id=234
2. Pogorelaya//<http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl> – Pogorelaya E.A. Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika: Russkij yazyk

v Pridnestrov'e. Rezhim dostupa:
<http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWILnl>

3. Severskaya 2004 – Severskaya O. Govorim po-russki s Ol'goj Severskoj. M.: SLOVO/SLOVO, 2004. – 256 s.

4. SHakurova <https://superinf.ru/> – SHakurova G.R. Sovremennye podhody k izucheniyu ehnichnosti. Rezhim dostupa: <https://superinf.ru/>

*Рожкова Н.В. (г. Орел, Российская Федерация)
Rozhkova Natalia (Orel, Russian Federation)*

**О роли художественной литературы в межкультурном диалоге
(на материале произведений Германа Гессе)**

**About a role of artistic literature in intercultural dialogue
(based on the works of Hermann Hesse)**

Аннотация. В статье рассматривается творческое наследие Германа Гессе как результат синтеза двух традиций – восточной и западной.

Ключевые слова: диалог культур, Герман Гессе, Восток, Запад.

Abstract. In the article the creative heritage of Hermann Hesse as result of synthesis of two traditions east and western is considered.

Key words: dialogue of cultures, Hermann Hesse, East, West.

Художественная литература в рукописной, печатной и электронной версиях сыграла исключительную роль в установлении контактов между локальными и глобальными культурными образованиями. При этом роль отдельных представителей художественной культуры требует особой оценки и внимательного изучения. В самом широком варианте интерес Западной Европы к восточной культуре, от торговли до философии, можно рассматривать как проявление наметившегося критического пересмотра оснований собственной культуры, её саморефлексию и самокритику. Стремление к чему-то иному может быть продиктовано разными факторами, в том числе потребностью обновления в условиях угасания собственных созидательных и преобразовательных потенциалов. Персона немецкого писателя Германа Гессе в этом смысле особенно примечательна: он испытал серьёзное влияние Востока и опосредованно, через творчество, внедрил некоторые идеи и представления, свойственные восточной культуре, в сознание европейцев, а позже и американцев.

Семейные корни писателя очень глубоко проникли в культуру Индии: дед, Герман Гундерт, учёный-индолог, переводчик Библии на язык малаями; мать родилась в Индии, знала восточные языки и

традиции; отец также начинал миссионерскую деятельность и прервал её только по причине болезни. В автобиографическом рассказе «Детство волшебника» Гессе пишет о родном доме как о месте скрещения лучей разных миров и культур, месте, где «... молились и читали Библию, здесь занимались индийской филологией, здесь играли много хорошей музыки, знали о Будде и Лао-Цзы, из многих стран приходили гости, неся на своей одежде дуновение чужбины..., звучали иноземные языки, ... учёность и сказка уживались здесь совсем близко друг от друга» (Гессе 2004, с. 36). Множество предметов восточного быта: ткани, книги, запахи, фигурки танцующих божков – окружали мальчика и формировали интерес к загадочной Индии и другим дальним странам. Встреча с Индией была для Германа Гессе предопределена и его интересами в области художественного творчества: Гёте, Новалис, самый широкий круг романтической поэзии (в основном, немецкой) формировали его эстетические вкусы и мировоззрение. Именно поэтому Г. Гессе обошёл своим вниманием мусульманский Восток, влиятельный и значительный сегодня.

Сложная внутренняя работа, духовно-эстетические поиски Германа Гессе в его писательской и личной ипостасях были сосредоточены вокруг решения разных проблем, среди которых особое место занимает *проблема восстановления целостности бытия*. Христианское мировоззрение с его идеей принципиального онтологического различия между бытием Творца и творением не удовлетворяет писателя. Мироощущение целостности бытия становится одной из глубинных потребностей на этапе юношеского становления и не покидает его в течение всей жизни. В публицистике, эссеистике и эпистолярном наследии Гессе содержатся многочисленные упоминания о литературных памятниках и их авторах, попавших в категорию «бессмертных» по причине высокой общечеловеческой значимости, не отменяемой историческими перипетиями. Чаще других встречаются «Бхагават-Гита», «Упанишады», Конфуций и Лао-Цзы, удовлетворившие неоромантические устремления Г. Гессе к иным мирам, образам и смыслам.

Второй не менее важный психологический посыл для возникновения восточной тематики в творчестве немецкого писателя коренится в том огромном внимании, которое восточная мудрость уделяет внутреннему миру человека, жизни души, механизмов функционирования и развития психического. Истину о человеке, с точки зрения немецкого писателя, следует искать в нём самом. Писатель заинтересованно и упорно идёт к собственной сущности, обращается к «самости», заглядывает в глубины своей души и раз за разом убеждается в единстве бытия. Утверждение тождества внутреннего и внешнего открывает пути преобразования действительности, которая не соответствовала идеалу духовного

совершенства и нравственной чистоты, потребность в котором отчётливо проступает в художественных произведениях писателя. Следует отметить, что мировосприятие Гессе эволюционировало от острой критики социальной жизни европейского общества, вызывавшего у него настоящее отвращение, к пониманию жизни как потока, в котором неизбежно смешаны все цвета этических и эстетических проявлений человека. Г. Гессе не пошёл на поводу у деконструктивных настроений нарождающегося постмодерна, противопоставив ему верность гуманистическим представлениям о человеке.

В творчестве Гессе достаточно много примеров *симбиотического сочетания восточного и западного взаимовлияния*, которое даёт незабываемые результаты. В «Индийском жизнеописании», которое входит в роман «Игра в бисер», чисто восточный сюжет не является таковым при более детальном рассмотрении. Персонажи включены в событийный ряд, навеянный индийской мифологией и историей культуры, но проблемы, возникающие на их жизненном пути, как и психологическая окраска событий, могут быть характерны и для европейца. Боль и горечь описаны как один из аспектов любви к близким, как плата за семейное счастье, за возможность видеть единственного сына, что полностью соответствует учению Будды. Герой повести втянут в борьбу за власть, за обладание любимой женщиной, в ненужную ему войну. Его жизнь, построенная вокруг удовлетворения желаний жены, терпит крах, но Даса понимает, что она «...не виновата, она не причина, а жертва, ... что она лишь пылинка в солнечном луче, лишь капля в потоке» (Гессе 1994, с. 524), а ответственность за кровопролитие и «свистопляску страстей» лежит на нём самом. Эти рассуждения, подобная постановка вопроса характерна именно для европейца. Ситуация в «Индийском жизнеописании» с точки зрения носителя индуистского, буддийского или иной разновидности «кармического» миропонимания укладывается в рамки закономерности, и вопрос о виновности человека просто не возникает. Но выросший под влиянием христианской (а следовательно, и древнеиудейской) традиции человек непроизвольно, неосознанно привносит психологический аспект, характерный для западной культуры.

Другая проблема, затронутая Гессе, касается взаимодействия человека и природы в границах разных цивилизаций. В повести «Сиддхартха» главный герой посвящает свою жизнь поиску Атмана, Единого, который есть в каждом человеке. Из брахмана он становится аскетом и нищим, совершает паломничество к Будде Гаутаме. Сиддхартха не принимает его учение. Нельзя стать Буддой при помощи учения, эта цель должна быть достигнута посредством собственного опыта (обратим внимание на совпадение индивидуалистических установок, принятых в буддизме, и западной этико-прагматической традиции, не забудем и об идее личного спасения в христианстве). У реки

Сиддхартха встречает паромщика Васудеву, который учит внимательно слушать реку и учиться у неё. Тема гармонии с природой, её благодарного и восхищённого созерцания – одна из сквозных в творчестве Гессе. Жизнь на лоне природы, способность чувствовать её красоту и величие являются важным условием духовной деятельности и творчества. С одной стороны, писатель видит, что западный мир окончательно разучился слушать голоса рек, птиц и цветов – шуршание купюр ему гораздо ближе. Элементы романтического мироощущения не изглаживаются в творчестве Гессе окончательно. С другой стороны, откровенная эстетизация и идеализация мира природы – черта именно европейской культуры, так как для восточного мирозерцания характерно либо слияние с природой, либо восприятие её красот как иллюзии, майи, которую следует преодолеть, чтобы достигнуть истинного бытия.

Как справедливо замечает Е. Маркович, для Г. Гессе Восток не является географическим понятием, «...это страна романтики, которая везде и нигде, это – страна духовности, красоты и добра в душе человека» (Маркович 1969, с. 16). Именно так осознаёт и описывает Восток главный герой повести «Паломничество в Страну Востока»: это умозрительное шествие к источнику вечного света, это путь Духа к своим истокам, к своей родине. Восток – это источник вдохновения, фантазии, образов и символов, запускающих механизмы творческого воображения. Поэтому Гессе неоднократно пользуется образами, имеющими символический подтекст, например, образ Майи, отшельника, путешественника – скитальца.

Несмотря на все жизненные перипетии, у Гессе всегда хватало мужества следовать словам Книги о Дао, что путь, а не цель составляет смысл жизни. Преклоняясь перед образцами христианской святости (в сравнительно молодом возрасте он написал художественную биографию Франциска Ассизского), Гессе никак не может следовать им на практике, о чём откровенно пишет, например, в романе «Курортник» и других произведениях. Так мировоззренческие ориентиры детства и юности оказываются умозрительными идеалами, восхищение которыми входит в противоречие с основами экзистенциальности. Те выводы, к которым писатель приходит в почтенном возрасте – отказ от социального реформаторства, изживание зла на уровне индивидуальности – близки восточному мировосприятию и занимают в его жизни важное место.

При этом Гессе считает неправильным «смешивать» мировоззренческие ориентиры разных культур, о чём свидетельствует одно из писем, которое он опубликовал после II Мировой войны. В письме молодому японскому коллеге Гессе сформулировал своё выстраданное творческое кредо в отношении к *инокультурию*: «Так с удивлением смотрим мы друг на друга, Вы, молодой японец, и я, пожилой европеец»,

каждый с симпатией к другому, каждый чуть очарован экзотичностью другого и каждый в другом предполагает такое, что ему самому было доступно всегда лишь отчасти. Надеюсь, дзэн Вас убережёт от экзотики и псевдоидеализма, а меня – при нынешней духовной ситуации у нас – надёжная традиция античности и христианства удержит от того, чтобы, презрев свои устои, ринуться в объятия индийской или какой-нибудь другой йоги. Ибо ныне, чего отрицать, такой соблазн существует. Но моё европейское воспитание учит не доверять непонятым или полупонятым разделам в азиатской культуре, несмотря на их чары, и придерживаться лишь того, что я в них действительно понял. Именно этот подход органичен опыту и учениям моей, и только моей духовной отчизны» (Гессе 1990, с. 157). Вот так в 1947 г. писатель определяет своё отношение к иной культурной традиции. Налицо эволюция взглядов на восточную культуру и её богатства: от юношеского увлечения, через восторги и творческую «эксплуатацию» восточных мотивов и идей в художественном творчестве к достаточно чёткой демаркации в системе «мы – они». Немецкий писатель возвращается в привычное русло западноевропейской культуры, выделяя две её доминанты – античность и христианство. Время удачных художественных экспериментов позади, мировоззренческие поиски хотя и не окончены совершенно, но их интенсивность явно снижается. Многие фундаментальные идеи, характерные для восточной традиции, критически рассмотрены и отвергнуты немецким писателем. В частности, Герман Гессе так и не согласился с отождествлением жизни и страдания. Он предпочитает опровергать этот буддийский постулат на практике, включившись в сознательные поиски радости, света, высокой духовности в человеке. Его поздний роман «Игра в бисер» пронизан восхищением жизнью, её многообразием и неукротимостью. Только человек, воспитанный в христианском отвращении от уныния в дни всеобщих страданий мог написать: «Не там глубина мира, где облачно и черно, глубина в прозрачно-весёлом» (Гессе 1994, с. 300). В своём последнем масштабном произведении Г. Гессе постоянно напоминает читателям о вечно изменяющемся, самообновляющемся и животворящем Духе. В его понимании все культуры суть модификации и воплощения этого творческого начала, которое никогда не исчерпает свои возможности.

При этом изучение глобальных типов культуры позволяет Г. Гессе выявить их смысловое. Э. Хильшер пишет о том, что для Гессе «Дао Дэ Цзин» – выражение этического идеала, напоминающего христианский, «Беседы» Конфуция сравнивал с идеями Сократа, что вовсе не исключает критического анализа и понимания глубинных различий. Глубокое уважение к богатству и высоте достижений философии Древней Индии не должно мешать пониманию специфики её идей и смыслов. «Индийское жизнеописание» (одна из частей романа «Игра в бисер»)

является художественной иллюстрацией траектории духовной деятельности йогина, стремящегося познать сущность бытия. Настойчивые попытки выпростаться из колеса перерождений связаны прежде всего с нежеланием человека переносить страдания, хотя именно способность к страданию Г. Гессе считал одним из высших проявлений человека. Бегство от мира потребовало от человека значительных усилий, оформившихся в религиозно-этические системы, культы и религиозно-философские тексты, и эти усилия сопоставимы с энергетическими затратами человечества по преобразованию самой действительности (наука и медицина, образование и социальные институты гуманитарной направленности и многое другое).

Предваряя глобализацию, Г. Гессе размышляет о возможностях преодоления военно-политических и социальных конфликтов гуманитарными (умозрительными, педагогическими, художественными) способами. Ответ находится, по его мнению, в сфере духа: спасительная *идея единства бытия* может быть принята как мировоззренческая основа новой эпохи – эпохи мировых войн. В эссе «Война и мир» он рассуждает о сути библейской заповеди «Не убий!», изменившей ход человеческой истории. Непричинение вреда другому важно для человека именно потому, что мир есть единое целое, отношение к другим людям суть отношение к себе самому. Противоречия, ставшие причиной войны, поверхностны, так как сущность мира в его единстве: «Истина едина, хотя её могут высказать тысячи людей на тысячи ладов. Это – познание живого в нас, в каждом из нас, познание тайного волшебства, тайной божественной силы, которую каждый из нас в себе носит. Это – познание возможности примирения в этой сокровеннейшей точке всех противоречий, превращения белого в чёрное, зла в добро, ночи в день. Индус называет это «атман», китаец – «дао», христианин говорит о благодати. Там, где обретается это высшее знание (как у Иисуса, у Будды, у Платона, у Лао-цзы), там переступается некий порог, за которым следуют чудеса. Там прекращается война и вражда» (Гессе 1987, с. 36).

Э. Хильшер пишет о посреднической роли Г. Гессе в диалоге культур Запада и Востока (Хильшер 1975, с. 191), и этот подход подтверждается практикой издания произведений Гессе: в Западной Европе и Америке популярны «Сиддхардтха», «Игра в бисер», «Путешествие в страну Востока», в то время как в Японии велик интерес к «Демьяну», повести «Под колесом» и т.д. А.В. Михайлов идёт ещё дальше и решается написать о том, что Гессе не слишком самостоятелен и оригинален, он «... не боялся сказать то, что, собственно говоря, сказано было до него другими» (Михайлов 1986, с. 59). При этом «особая отчётливость, пластическая замкнутость» формы, которую он придавал своим произведениям, сделала их привлекательными и доступными для понимания читателей.

Творчество Германа Гессе в первой половине XX века представляет своеобразный экзистенциальный итог диалога двух глобальных типов культур в умозрительной плоскости. Заслуга писателя состоит прежде всего в эффективном синтезе взаимодополняющих религиозно-этических установок Востока и Запада, своеобразной ассимиляции систем ценностей двух культур, выявлении потенциала их активного взаимодействия, раскрытии возможностей взаимного обогащения и осмысления. Художественные произведения немецкого писателя могут оцениваться как формы эффективного использования содержания иной культуры на фактическом, идейно-тематическом и мировоззренческом уровнях. При этом наиболее отчётливо и конкретно влияние восточной культуры на фактическом уровне. Идейно-тематический пласт творчества писателя при внимательном рассмотрении представляет собой синтез восточных и западных идей и представлений, которые порой трудно дифференцировать. Анализ, представленный в данной статье, позволяет сделать вывод о том, что не следует переоценивать влияние Востока на личность и творчество писателя. Доминанты мировоззрения автора сохранились на протяжении всей его личной и творческой биографии: гуманизм, вера в единое духовное основание бытия, дуальное восприятие человека (в сочетании с верой в победу добра), любовь как индивидуальная и социальная ценность.

В творчестве Г. Гессе происходит адаптация форм восточной мудрости к когнитивным и психологическим потребностям европейцев на фоне мировоззренческого кризиса западноевропейской культуры. Глобализация и универсализация первоначально имела форму идейно-художественных заимствований и преобразований, происходивших в обеих культурах. Первоначальный этап мифологизации иной культуры сменился более трезвым и прагматичным восприятием.

Проблема самобытности национальных и этнических культур, обострившаяся в XX веке, имеет длительную историю, поучительность которой может сравниться лишь поучительностью притч и легенд, сложившихся в рамках этих культур. Физическое выживание, сохранение языковых и религиозных традиций, обрядовой стороны быта – всё это и многое другое обеспечивало историческую перспективу народов в древней и средневековой истории. Но расширение географии путешествий, технологический рост, выход коммуникаций на иной качественный уровень отменили возможность «индивидуального» бытия культур и народов.

Сегодняшнему Западу в его широком восприятии очевидны преимущества того взгляда на мир, который принято называть восточным. Так, понимание неизбежности страданий и терпеливое отношение к ним является в равной степени проявлением мудрости и залогом успеха в самой длительной перспективе. Экономическое

чудо, совершившееся в Китае, Таиланде, Сингапуре, удивительное мужество, проявленное японцами при ликвидации последствий аварии на Фукусиме, как и многие другие факты современной истории, можно считать аспектами эмоциональной устойчивости и жизнеспособности народов, населяющих великий и могучий Восток.

Гуманитарное знание пока не выработало методологии формирования экологического сознания как единственного условия решения глобальных проблем. Но некоторые промежуточные результаты практического «столкновения» глобальных типов культуры имеют место: свобода личности как одна из доминант межкультурного полилога и её баланс с интересами общества – проблема и Востока, и Запада, а точнее, уже человечества в целом. Там, где невозможна полная и жёсткая демаркация, начинается взаимодействие в виде борьбы, полемики, дискуссий и всего прочего. Оптимизация и универсализация охватили настолько разные сферы человеческой деятельности, что закрадываются мысли об их либо неизбежности, либо изначальной заданности, обусловленной внутренней логикой бытия.

На определённых этапах развития человечества бесконечное разнообразие, возникавшее в рамках этнических и национальных культур, способствовало выживанию и развитию человечества. На новом, глобальном, этапе бытия требуется осознать, выделить и применить на практике некую совокупность всеобщих «правил общежития» в их этическом, политическом, экономическом выражении. Поэтому тенденции смешения, сближения и переосмысления двух макрокультур – востока и запада – по сути неизбежны и необходимы.

Несмотря на крах политики мультикультурализма в Западной Европе, показавшей, насколько реальность отличается от теории, этот самый мультикультурализм является единственной реальностью современной цивилизации. Следует констатировать, что изменились парадигматика мышления представителей западной культуры: отказ от «единственности» истины, заключённой в христианском мировоззрении, привело к возникновению плюралистического мировосприятия, что косвенно способствовало продвижению ислама (там от своих истин никто отказываться не собирается). Восточное влияние существенно изменило вектор развития цивилизации, в которой некоторое время (пару тысячелетий) доминировал христианский компонент. Ещё сравнительно недавно было справедливым суждение Макса Вебера о том, что «...конфуцианский рационализм есть средство «приспособления к миру», в то время как Западу свойственно стремление к «овладению миром». Эту точку зрения отстаивал философ Фэн Юлань в «Истории китайской философии» и кембриджский учёный Джозеф Нидем в многотомном труде «Наука и цивилизация в Китае» (Фергюсон 2014, с. 65). Сегодня мы можем наблюдать, как Китай ползучей миграцией товаров

приспосабливает мировые рынки к своим потребностям, а активная в прошлом западноевропейская культура перестраивает собственный социальный уклад в угоду мигрантам из стран Востока. Возможно, пока рано говорить о том, что культуры поменялись ролями, просто мы открываем одни и те же истины в разных вариантах и в разное время.

Литература:

1. Гессе 1990 – Гессе Г. Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле: Пер. с нем. М.: Книга, 1990.
2. Гессе 2004 – Гессе Г. По следам сна. М.: АСТ, 2004.
3. Гессе 1994 – Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4: Игра в бисер: Роман. Пер. с нем. СПб.: Северо-Запад, 1994.
4. Маркович 1969 – Маркович Е. Герман Гессе и его роман «Игра в бисер». – Предисловие к изданию романа. – М., «Художественная литература», 1969.
5. Гессе 1987 – Гессе. Г. Письма по кругу / Г.Гессе; пер. с нем.; сост., авт. предисл. и коммент. В.Д.Седельник. М.: Прогресс, 1987.
6. Михайлов 1986 – Михайлов А.В. Мир Германа Гессе// Литературное обозрение, 1986, № 5. С. 59-71.
7. Фергюсон 2014 – Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. Пер. с англ. Константина Бандуровского под ред. И. Кригера. Москва: АСТ: CORPUS, 2014.
8. Хильшер 1975 – Хильшер Э. Поэтические картины мира. Генрих Манн. Томас Манн. Герман Гессе. Роберт Музиль. Лион Фейхтвангер // Пер. с нем. Е. Грин. М., Художественная литература, 1975.

References:

1. GermanGesse. Magiya knigi: Ehsse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle. Moscow: “Kniga”, 1990.
2. German Gesse. Po sledam sna. Moscow: “AST”, 2004. p.36.
3. German Gesse. Sobranie sochinenij v 4 –h tomah. T.4: Igra v biser. St. Petersburg: “Severo-Zapad”, 1994. p. 300, p. 524.
4. Markovich E. German Gesse i ego roman «Igra v biser». – Predislovie k izdaniyu romana. Moscow: “Hudozhestvennaya literatura”, 1969. p. 16.
5. German Gesse. Pis'ma po krugu. Moscow: “Progress”, 1987. p.36.
6. Mihajlov A.V. Literaturnoe obozrenie [Literary Review], 1986, no. 5, pp. 59-71.
7. Fergyuson N. Civilizaciya. SChem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira. Moscow: “AST CORPUS”, 2014. p. 65.

8. Hil'sher E.H. Poehlicheskie kartiny mira. Genrih Mann. Tomas Mann. German Gesse. Robert Muzil'. Lion Fejhtvanger. Moscow: "Hudozhestvennaya literatura", 1975. p. 191.

*Щукина О.В. (г. Тирасполь,
Придестровская Молдавская Республика)
Shchukina O.V. (Tiraspol,
Pridestrovskaya Moldavskaia Respublika)*

**Особенности обучения иностранному языку в контексте
развития этноязыковых процессов в поликультурной среде**

**Features of teaching a foreign language in the context of the
development of ethno-linguistic processes in a multicultural environment**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния языковой ситуации в государстве на процесс изучения иностранного языка. В качестве примера приводится поликультурная среда Приднестровья с тремя официальными языками – русским, украинским и молдавским.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, этноориентированная методика, интерференция, билингв, поликультурная среда.

Abstract. The article deals with the influence of the language situation in the state on the process of studying a foreign language. As an example, the multicultural environment of Transdnistria with three official languages Russian, Ukrainian and Moldavian is given.

Key words: ethno-linguistic processes, ethno-oriented methodology, interference, bilingual, multicultural area.

Развитие любой языковой системы характеризуется различными, часто противоречивыми тенденциями. В качестве одной из них выступает унификация коммуникации на региональном и национальном уровнях. Одновременно с этим существует обратная тенденция, которая характеризуется стремлением этнических групп, проживающих на одной территории, сохранить свой родной язык. В результате различного рода языковых контактов происходит неизбежное взаимовлияние и взаимодействие контактирующих языков.

«На формирование и развитие языка, структурных элементов национального сознания определённое влияние оказывает единая территория этноса и совместное проживание на ней людей различных национальностей» (Эфендиев 1999). Этноязыковые процессы определяются, как правило, как «процессы функционального развития языков» (Губогло 1984).

Осуществляя свою национально-языковую политику, определяя свою языковую ситуацию с учётом национального состава, особенностей культуры, традиций народов, каждое государство решает также и вопросы образования на родном языке либо с учетом родного языка. Процесс обучения иностранному языку в этом отношении требует пристального внимания в силу необходимости сопоставления двух, трёх, а иногда четырёх контактирующих языков.

Принцип учета родного языка, выступая в качестве одного из ведущих в методике обучения иностранному, в условиях многоязычия приобретает особое толкование. Возникает вопрос о том, какой язык или языки будут выступать в качестве основы для трансференции – положительного переноса, либо явятся причиной интерференции – отрицательного переноса. Степень интерферирующего воздействия будет определять наличие акцента в иноязычной речи.

Вместе с тем, с учётом одной из важнейших тенденций современного языкового образования, направленной на формирование основных черт вторичной языковой личности в процессе изучения языка и культуры, в настоящее время возникает необходимость в формировании поликультурного характера языковой личности. Билингв, с детства привыкший к неоднородной языковой среде, как правило, оказывается в большей степени восприимчив к изучению иностранных языков. Наряду с этим, языковая база билингва даёт больше возможностей для положительного переноса в процессе обучения.

Современные этноязыковые процессы в Приднестровье определяют особенности функционального развития русского, украинского и молдавского языков в республике; ставят вопрос о реальных и потенциальных возможностях этих языков как официальных; актуализируют проблему поиска наиболее оптимальных методов обучения на этих языках и этим языкам. Развиваясь исторически в тесной взаимосвязи на территории Приднестровья, указанные языки оказываются в центре языковой ситуации, характеризующейся поликультурностью. Применительно к территории Приднестровья можно говорить, как минимум, о четырех сложившихся видах двуязычия: молдавско-русского, украинско-русского, русско-молдавского, русско-украинского, в зависимости от того, какой язык считать родным.

Особенность Приднестровского многоязычия заключается в том, что доминирующим языком в данной ситуации является русский язык. Несмотря на это, другие официальные языки Приднестровья: молдавский и украинский – играют немаловажную роль в жизни данного региона.

В определённой степени языковая ситуация в Приднестровье может быть определена как «национально-русское двуязычие»: «массовое двуязычие нерусских этносов России и стран СНГ» (Большой толковый словарь русского языка). Большинство проживающих на территории

Приднестровья этносов владеет как родным, так и русским языками. При этом владение русским становится преимущественным, особенно в общении на научные, публицистические темы. Активное владение родным языком и пассивное – русским наблюдается преимущественно в сельской местности и среди лиц преклонного возраста.

Ряд экстралингвистических и интралингвистических факторов легли в основу разработки так называемой этноориентированной методики обучения иностранным языкам. При разработке модели обучения иностранным языкам и культурам в условиях многоязычия и поликультурности учитывается специфика образовательной среды и функциональные характеристики контактирующих языков как родных, вторых родных, иностранных, либо языков-посредников.

Основным средством преодоления трудностей в процессе формирования коммуникативных навыков является сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем, выявление сходств и различий в контактирующих системах.

При двуязычии два языка уже влияют друг на друга, например, русский и молдавский, а при изучении третьего языка происходит взаимодействие всех трёх языков. Трудность заключается в том, что предугадать, какой язык и как повлияет на третий, сложно. Так как украинский и русский языки входят в одну языковую группу, а также подгруппу, то интерференция будет не так велика, в отличие от молдавского языка. Молдавский язык входит в романскую группу языков, что сильно отличает его систему от русского, предполагает более сильную интерференцию. Однако в то же время знание грамматической системы молдавского языка очень полезно при изучении английского в силу схожести на определённых участках системы. Наличие большого количества латинских и французских заимствований в лексической системе английского языка делает его более благоприятным для усвоения носителями молдавского языка.

Являясь русскоговорящими, представители большей части населения Приднестровья, тем не менее, представляют собой билингвов, чистых или смешанных, очень часто естественных билингвов, двуязычных с раннего детства. При этом в ходе изучения иностранного языка они чаще всего опираются на русский, второй родной для них, выступающий как язык-посредник.

Цель обучения иностранному языку в условиях многоязычия часто определяется как обеспечение передачи базового образования и этнокультуры и создания на их основе условий для развития личности. При этом в ходе данного процесса мы часто имеем дело с так называемой «страноведческой интерференцией» или «культурно-страноведческой интерференцией», которая особенно очевидна в поликультурной среде и многоязычной аудитории. С культурно-страноведческими различиями в

коммуникации, которые возникают в связи с переносом норм своего коммуникативного поведения в иноязычное культурное пространство, учащиеся сталкиваются, как только приступают к изучению языка.

Использование естественного билингвизма учащихся, учёт их фоновых знаний в ходе изучения иностранного языка требует как системной подготовки учителя, включающей сопоставительный анализ языков, так и наличие необходимых методических материалов. В том случае, когда опора может быть сделана на русский язык как родной или второй родной для всех участников группы, могут быть использованы национально-ориентированные методики обучения иностранному языку. Однако в неоднородной в языковом отношении аудитории необходим другой подход, основанный либо на использовании языка-посредника, либо на учёте типологических трудностей иностранного языка.

У. Вайнрайх отмечает, что «с лингвистической точки зрения явление двуязычия требует описания языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявление различий между этими системами, затрудняющими одновременное владение ими, и предсказание, таким образом, наиболее вероятных проявлений интерференции» (Вайнрайх 1953).

Формирование вторичной языковой личности студента-билингва при изучении иностранного языка есть формирование навыков владения иностранным языком с опорой на оба языка, которыми он владеет с детства. Л.В. Щерба говорил, что мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры (Щерба 2007).

Будучи нацеленным на коммуникацию, точнее на межкультурную коммуникацию, изучение иностранного языка предполагает диалог культур посредством языка. Здесь важно отметить тот факт, что культурная ошибка намного опаснее речевой. Одним из условий изучения иноязычной культуры является толерантное отношение к другим культурам. В связи с этим одной из особенностей обучения иностранным языкам в поликультурной среде является наличие необходимого условия – толерантного отношения к представителям других лингвокультур. Воспитывающий характер занятий по неродному языку вытекает из самой сущности учебного предмета, поскольку, по словам Л.В. Щербы, «ничто так не воспитывает в духе интернациональной солидарности, как изучение языков» (Щерба 2007).

Поликультурная ситуация Приднестровья в этом плане представляет огромные возможности для обучаемых, изучая новый язык, узнавать глубже культуру представителей других национальностей нашего края. Изучение же иностранных языков расширяет кругозор обучаемых и

позволяет ближе познакомиться с культурой, традициями народов Европы. Богатство и красота русского, украинского, молдавского языков, высокий художественный уровень образцов художественных произведений, написанных на этих языках, а также лучшие художественные произведения мировой европейской литературы – это всё является благодатным материалом для воспитания толерантного отношения в первую очередь к представителям тех национальностей, которые проживают в нашей республике.

Таким образом, для обеспечения качественного образования необходимо учитывать все факторы, оказывающие влияние на процесс обучения, в том числе и фактор сосуществования нескольких языков в рамках одного образовательного пространства.

Литература:

1. Эфендиев 1999 – Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик: Эль Фа, 1999. 304 с.
2. Губогло 1984 – Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984. 288 С.
3. Щерба 2007 – Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: КомКнига, 2007. – 427 с.
4. Weinreich 1953 – Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2014.

References:

1. Efendiev F.Nalchik, Etnokultura I natsionalnoye samosoznaniye. 1999. 304. 304p.
2. Guboglo M. Sovremennye etnoyazykovye protsessy v SSSR. 1984. 288 p.
3. Shcherba L. Yazykovaya systema I rechevaya deyatelnosti. 2007. 427 p.
4. Weinreich 1953 - Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. – New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.
5. Bolshoy tolkoviy slovari russkogo yazyka. 2014.

*Ильина Ю.А. (г. Орел, Российская Федерация)
Irina Yu.A. (Orel, Russian Federation)*

Интернет как медиа среда в системе современной коммуникации

The Internet as media environment in the system of modern communication

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению глобальной сети как новой медиа среды в системе современной коммуникации. Особое внимание акцентируется на особенности воздействия Интернета на когнитивные способности человека.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, средства массовой информации, Интернет, коммуникативная деятельность.

Abstract. The article is devoted to reviewing of a wide area network as new media of the environment in system of the modern communication. Special attention is focused on specific feature of impact of the Internet on cognitive abilities of a person.

Key words: mass media, Internet, communicative activity.

Настоящее время принято называть информационной эпохой. Несмотря на то, что информация – это одна из самых главных ценностей в современном мире, сама по себе она ничего не стоит без коммуникативной практики, предполагающей общение, обмен информацией.

В современном мире наряду с естественной коммуникацией, выраженной в форме устного общения, мимики, жестов и т.п., доминирующее положение занимает искусственно созданная – техническая, которая явилась закономерным результатом научно-технической революции, приведшей к появлению новых информационных технологий.

Традиционные средства массовой информации: периодические печатные издания, сетевые издания, телеканалы, радиоканалы, телепрограммы, радиопрограммы, видеопрограммы, кинохроникальные программы и иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (Закон РФ, Статья 2. «Средства массовой информации») – получили своё «новое звучание» в пространстве Массмедиа. Если главная функция средств массовой информации заключается в способе передачи данных от источников к широкой аудитории, то средства массовой коммуникации предполагают «взаимоотношения, для которых необходимы как минимум два человека, которые понимают друг друга» (Доминик Вольтон, 2012). Разница между СМИ и Массмедиа – это разница между простым донесением

информации адресантом до адресата (адресатов) и их активной обратной связью, взаимным общением при помощи новых средств общения; разница между просмотром представления и участием в нём.

Современные медиа исследования показывают трансформацию всей структуры коммуникативного опыта человека. Колоссальные изменения средств массовой коммуникации во многом обязаны формированию всемирной компьютерной сети Интернет как новой медиа среды. В современных условиях человек получает большую часть информации из Интернета. Можно сказать, что Интернет – это интерактивная среда бытия информации. Развитие Интернета переместило все традиционные формы дискурса в киберпространство. Часть читателей перестаёт пользоваться печатной литературой, обращаясь к их аналогам в Интернет-ресурсах, многие телезрители переключаются на Интернет. Последний меняет весь образ жизни людей, стиль мышления человека, модель коммуникативного поведения.

Первоначальной целью создания глобальной компьютерной сети, позже превратившейся в Интернет, было объединение ресурсов и информации от нескольких машин, находящихся в различных точках земного шара, для решения широкого круга задач. По мере своего развития Интернет стал включать в себя всё новые и новые серверы, со временем превратившись в огромное хранилище колоссального объёма самой разнообразной информации.

С каждым годом количество интернет-пользователей растёт. Появление и бурное развитие мобильного интернета позволило практически не расставаться с сетью вне зависимости от нашего местоположения. В настоящее время многие учёные констатируют появление у людей некой эмоциональной зависимости от Интернет-ресурсов – так называемой «интернет-аддикции», потребности получать всё новые дозы новостей, боязнь остаться в стороне и не узнать чего-то важного. Это делает вопрос влияния глобальной сети на коммуникативные характеристики современного человека ещё более актуальным.

В первую очередь хотелось бы отметить особенности воздействия Интернета на когнитивные способности человека, т.е. способности воспринимать и прорабатывать информацию, без чего невозможен продуктивный коммуникативный процесс. Согласно одним учёным (О.К. Тихомиров, Ю.Е. Бабаева, А.Е. Войкунский и др.), Интернет ресурсы положительно воздействуют на когнитивную сферу, способствуют развитию познавательных потребностей личности. Немаловажный фактор здесь отводится возможности мультимодально воспринимать информацию, что способствует более глубокому осмыслению информации и формированию более развитого мышления.

В то же время можно встретить и противоположную позицию. Первые попытки доказать отрицательное влияние Интернета на мозг человека и ряд важнейших параметров его деятельности были предприняты ещё в 2008 году журналистом Николасом Карром в его резонансном эссе «Google делает нас глупее?» Позднее, в 2009 году, на сайте одного из наиболее авторитетных научных журналов «Science» были опубликованы данные исследований влияния длительного использования компьютеров, Интернета и, в частности, разнообразных социальных сетей на когнитивные способности человека. В предложенном исследовании анализируются данные социологических опросов и тестирований, направленных на оценку творческого и логического мышления испытуемых, а также способность к запоминанию новой информации. Результаты исследований показали, что большинство испытуемых, сталкиваясь с какой-либо сложной задачей или необходимостью поиска ответа на тот или иной вопрос, в первую очередь обращались к Интернет-ресурсам. При этом после того как испытуемый находил ответ на вопрос или решение задачи, делалась определённая временная пауза, а затем испытуемого просили повторить все то, что он говорил ранее, но уже без использования каких-либо Интернет-помощников. Удивительно, но большая часть испытуемых не смогла справиться с этой, казалось бы, простой задачей. По мнению исследователей, причиной таких плачевных результатов является то, что условия современного мира требуют постоянно обрабатывать огромный, зачастую непрерывный поток информации, а также быстро переключаться с одной задачи на другую. Иными словами, у современного человека устойчиво формируется так называемое ленточное мышление, которое заключается в том, что в большинстве своем в течение дня мы затрагиваем только кратковременную память, аналогичную оперативной памяти компьютера, которая имеет сравнительно небольшой объем и не может запомнить большое количество информации. Напротив, возможности долговременной памяти практически безграничны, а информация, сохранённая в ней, запоминается практически без искажений на протяжении длительного периода.

Тем самым, в процессе поиска ответа на интересующий нас вопрос мы сталкиваемся с огромным количеством абсолютно ненужной информации, засоряющей нашу кратковременную память. Когда же мы, наконец, находим конкретное решение поставленной перед нами задачи и переходим к поиску решения следующей, мы вынуждены вновь перерывать огромное количество самого разнообразного материала, в то время как наш мозг ещё не успел обработать решение предыдущей задачи и занести её в долговременную память. В итоге мы имеем ситуацию, при которой человек постоянно переключает своё внимание с одного объекта на

другой, не запоминая действительно важной информации. Человеческий мозг попросту не успевает обработать такой обширный поток данных из сети, в результате чего у людей, длительно пользующихся Интернетом, значительно ухудшается внимание, человек становится раздражительным, от процесса работы его отвлекают любые, даже самые незначительные, мелочи, ему тяжело отсеять ненужную информацию и уловить суть вопроса, снижается способность к концентрации.

Более того, глобальная сеть предоставляет в большинстве своем готовые ответы на вопросы, в результате чего теряется способность мыслить глобально, творчески, создавать что-то новое на основе имеющихся данных. Таким образом, формируется так называемый поверхностный тип мышления. Незрелость культуры мышления проявляется в неуверенности в собственных знаниях даже при ответах на простейшие вопросы. Трудно оценивать что-то новое при отсутствии конкретных знаний. А если отсутствует критическая оценка собственных знаний, пользователи Интернета быстро начинают считать себя «знатоками» во всех вопросах, а тем самым зачастую высказывать ошибочные суждения.

Можно сказать, что современная коммуникативная деятельность страдает не от недостатка, а от переизбытка информации, что влечёт за собой возникновение кризиса понимания. Как точно заметил И.М. Ильинский, «на обыденном уровне сложилось представление, что мы сегодня очень много знаем, а значит, если не всё, то многое понимаем. На первый взгляд так оно и есть. Но спросим себя: «Что мы знаем?» Сплошь и рядом мы знаем слова и названия явлений, событий, процессов, но не их содержание, не глубинный смысл, то есть сущность. В данном случае мы говорим о подмене знания сущности предметом знанием его названия, которое принимается за понимание. На самом деле это иллюзия знания, иллюзия понимания» (Ильинский 2002, с. 32).

Понимание – это творческий, мыслительный процесс, направленный на постижение смысла, сущности. В нём можно выделить два уровня, тесно граничащие друг с другом: интерпретирующий и логико-методологический. Интерпретирующий уровень связан с активизацией познавательного интереса, где центральным оказывается некое единство стремления приобретения истинных знаний и воздействий, способствующих процессу добывания таковых знаний. Логико-методологический уровень направлен на формирование и развитие культуры мышления, «воспитание мышления». Объединяющим методом, связывающим два выше отмеченных уровня познавательной активности на пути формирования навыков работы с информацией, развития способности понимания того или иного материала в противовес его механическому запоминанию, мастерству творить, а не воспроизводить материал, выступает рационализированный диалог. В основе последнего

лежит практика столкновения разных позиций, разных мнений и точек зрения с целью получения нового знания.

Диалоговая форма развития знания и мышления базируется на сомнении и критицизме, которые, выступая основой творческого мыслительного процесса, являются необходимыми инструментами понимания и защищают от того, чтобы слепо поддаваться авторитетам. Такие мыслители, как Декарт, Гуссерль, К. Поппер и многие другие справедливо говорили о сомнении как о средстве, ведущем к рождению нового знания. К. Маркс сделал сомнение основным методологическим принципом своей творческой исследовательской деятельности, т.к. именно критика является необходимым инструментом в решении познавательных противоречий.

Диалог нельзя рассматривать исключительно как инструмент передачи информации между коммуникаторами. Сам процесс понимания в рационализированном диалоге будет неполон без личностного духовного диалога человека с самим собой, другими людьми, миром, т.е. экзистенциального диалога, диалога «Я-Другой». Не случайно в настоящее время понятие «диалог» используется для обозначения многих явлений бытия человека и общества. Всё чаще можно встретить размышления, касающиеся диалога культур, диалога с природой, межличностных диалогов и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что нельзя как преуменьшать, так и преувеличивать пользу Интернет-ресурсов для коммуникативного опыта человечества. Современное общественное развитие немыслимо без новейших цифровых технологий и Интернета. Положительная роль компьютерных технологий и технических средств, их обеспечивающих, как фактора социального и экономического развития современного общества не вызывает никаких сомнений. Средства мультимедиа позволяют более полно использовать возможности зрительных и слуховых анализаторов познающего субъекта. В то же время бездумный «серфинг» по просторам Интернета формирует иллюзию осведомленности во всех вопросах. По факту, в нашей долговременной памяти откладываются лишь сотые доли процента всего потока информации, которая окатывает нас ежедневно, не говоря уже о снижении концентрации, внимания, а также способности к творческому и логическому мышлению. В огромном потоке информации, предоставляемой нам глобальной сетью, теряется глубина её восприятия, что не может не отражаться на коммуникативном процессе в целом. Поэтому с появлением свободной информации и быстротой её распространения должно возрастать и количество специалистов, способных верифицировать эту информацию, ограничивать правду от лжи.

Литература:

1. Ильинский 2002 — Ильинский И.М. XX век: кризис понимания. Доклад на Международной научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А.А. Зиновьева // М.: Изд-во Моск. гуманит. Ун-та.2002. 32 с.
2. Effect of long-term use of computers and social networks on the cognitive abilities of people [Электронный ресурс] // Science AAAS: [Официальный сайт]. URL: <http://www.sciencemag.org> // (дата обращения 25.01.2017).
3. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) / Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия // Российская газета - Федеральный выпуск. № 6510 (238).
4. Коммуникация vs. информация: традиционные и новые медиа / [Электронный ресурс] // Полит.ру: [Официальный сайт]. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/07/communication/> (дата обращения 25.01.2017).

References:

1. Ilnskiy 2002 – Ilinskiy I.M. XX vek: krizis ponimaniya. DokladnaMezhdunarodnoynauchnoykonferentsii «Itogi XX veka», posvyaschennoy 80-letiyu A.A. Zinoveva // M.:Izd-voMosk. gumanit. Un-ta. 2002. 32 s.
2. Effect of long-term use of computers and social networks on the cognitive abilities of people [Электронный ресурс] // Science AAAS. URL: <http://www.sciencemag.org> // (dataobrascheniya25.01.2017).
3. Zakon RF ot 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 03.07.2016) «O sredstvahmassovoyinformatsii» (s izm. idop.,vstup. v silu s 15.07.2016) / Statya 2. Sredstvamassovoyinformatsii.Osnovnyieponyatiya // Rossiyskayagazeta – Federalnyiyyipusk.№ 6510 (238).
4. Kommunikatsiya vs. informatsiya: traditsionnyieinovyie media / [Elektronnyiyrresurs] // Polit.ru: [Ofitsialnyiysayt]. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/07/communication/> (dataobrascheniya 25.01.2017).

**Организационный комитет международной научно-
практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы
современности»**

19 – 21 апреля 2017 г.

Председатель:

О.В. Пилипенко, д.т.н., профессор, ректор Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Сопредседатели:

В.П. Степанов, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой социальной антропологии и этнонациональных процессов Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

В.Н. Бабилунга, к.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

В.И. Клименко, д.и.н., профессор, председатель Конгресса русских общин Республики Молдова

В.В. Кочин, исполнительный директор Фонда «Русский мир»

С.Ю. Пантелеев, директор Института русского зарубежья

В.М. Аванесян, д.и.н., профессор, проректор по науке и международному сотрудничеству Арцахского государственного университета

М.Н. Кушаков, к.ю.н., доцент, первый заместитель министра образования ДНР

Члены оргкомитета:

А.А. Федотов, к.т.н., доцент Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

А.В. Коськин, д.т.н., профессор, директор департамента информатизации и перспективного развития Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

С.А. Аронова, д.э.н., профессор, директор департамента по международным связям Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Т.В. Серегина, к.ф.н., профессор, декан философского факультета Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Л.И. Пахарь, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

К.В. Старостенко, д. полит. н., профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Т.Н. Гелла, д.и.н., профессор, декан исторического факультета Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

С.М. Губаненкова, к.ф.н., ст. преподаватель кафедры общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

О.С. Городнина, к.полит.н., доцент кафедры общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

И.В. Желтикова, к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

В.А. Родина, ст. преподаватель кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

С.В. Терехов, к.ф.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Г.Ф. Назарова, к.ф.н., профессор кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

А.П. Алексеев, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В.И. Коваленко, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой российской политики государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.И. Костин, д.ф.н., профессор кафедры сравнительной политологии государственного университета имени М. В. Ломоносова

Список участников международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» г. Орел, 19-21 апреля 2017 г.

1. **Абрамов Михаил Александрович**, д. культурологии, профессор, ст. преп. кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации.

2. **Аванесян Валерий Михайлович**, д.и.н., профессор, проректор по науке и международному сотрудничеству Арцахского государственного университета (Нагорный Карабах).

3. **Алексеев Александр Петрович**, д.филос.н., профессора, зав. кафедрой философии гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

4. **Алексеева Ирина Юрьевна**, д.филос.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

5. **Алымова Нина Ивановна**, к.и.н., доцент кафедры истории России ОГУ им. И.С. Тургенева.

6. **Антонова Марина**, магистрант кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И. С.Тургенева.

7. **Бабилунга Николай Вадимович**, к.и.н., профессор, зав. кафедрой Отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

8. **Бабурова Надежда Борисовна**, к.полит.н., эксперт Института Русского зарубежья.

9. **Берил Степан Иорданович**, д.ф.-м.н., профессор, ректор Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье).

10. **Букарский Владимир Валерьевич**, исполнительный директор молдавского отделения Изборского клуба.

11. **Заркович Божидар**, д.и.н., доцент кафедры истории философского факультета Университета Приштины с временным пребыванием в Косовской Митровице, г. Косовска Митровица, Сербия.

12. **Бойко Алина Александровна**, ст. преподаватель кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И.С. Тургенева.

13. **Бойко Ольга Александровна**, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. И.С. Тургенева.

14. **Вострикова Влада Владиславовна**, к.и.н., доцент Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

15. **Газинский Бенон**, профессор Университета Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша).

16. **Гелла Тамара Николаевна**, д.и.н., профессор, декан исторического факультета ОГУ им. И. С. Тургенева.
17. **Голигузова Наталья Ивановна**, диспетчер деканата философского факультета ОГУ им. И. С. Тургенева.
18. **Голубев Александр Владимирович**, к.и.н., руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН.
19. **Городнина Ольга Сергеевна**, к.полит.н., доцент кафедры общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.
20. **Грибакина Татьяна**, магистрант 1-го года обучения направления подготовки «Педагогическое образование» философского факультета ОГУ имени И.С. Тургенева.
21. **Грошовкина Наталья Александровна**, к.филол.н., доцент кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.
22. **Губаненкова Светлана Михайловна**, к.филол.н. ст. преподаватель кафедры общей и прикладной политологии ОГУ им. И. С. Тургенева.
23. **Гашич Деян**, мастер истории, ассистент кафедры истории философского факультета Университета в Приштине с временным пребыванием в Косовской Митровице, г. Косовска Митровица, Сербия.
24. **Ежова Ольга Анатольевна**, к.филол.н., доцент кафедры философии и культурологии, ОГУ им. И.С. Тургенева.
25. **Ефтимиевич-Михайлович Мария С.**, д.ф.н., научный сотрудник Отдела литературы Института сербской культуры, г. Лепосавич, Сербия.
26. **Желтикова Инга Владиславовна**, к.филол.н., доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. И. С. Тургенева.
27. **Зайковская Татьяна Викторовна**, доктор филологии, заведующая отделом этнографии русского населения Республики Молдова Института культурного наследия АН Молдовы.
28. **Заркович Весна**, д.и.н., научный сотрудник Отдела истории Института сербской культуры, г. Лепосавич, Сербия.
29. **Ильина Юлия Андреевна**, к.филол.н., доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. И.С. Тургенева.
30. **Кассае Ныгусие В Микаэль**, д.и.н., профессора кафедры теории и истории международных отношений РУДН.
31. **Клепикова Любовь Владимировна**, Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II.
32. **Клименко Валерий Иванович**, д.и.н., профессор, председатель Конгресса русских общин Республики Молдова (Республика Молдова).

33. **Ковалева Елена Витальевна**, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. И. С. Тургенева.

34. **Ковалева Марина Вячеславовна**, к.и.н., ОГУ им. И.С. Тургенева (Мценский филиал).

35. **Коськов Сергей Николаевич**, д.филос.н., профессор кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И. С.Тургенева.

36. **Коренев Дмитрий Михайлович**, к.и.н., доцент кафедры российской истории исторического факультета ОГУ им. И. С. Тургенева.

37. **Кривошапова Наталья Викторовна**, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко.

38. **Круглов Сергей Валерьевич**, к.соц.н., начальник кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации.

39. **Куракина Ольга Даниловна**, д.филос.н., профессор Московского физико-технического института (ГУ).

40. **Кушаков Михаил Николаевич**, первый заместитель министра образования и науки ДНР.

41. **Лебедев Сергей Александрович**, д.филос.н., профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

42. **Леонтьева Ольга Васильевна**, ст. преподаватель кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

43. **Лысенко Владлена Владимировна**, д.ю.н., профессор, проректор по инновационно-проектной деятельности Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

44. **Луценко Эльмира Мансуровна**, к. философ. н., Московский государственный университет путей сообщения.

45. **Мапельман Валентина Михайловна**, д.филос.н., профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Государственного автономного образовательного учреждения города Москвы «Московский городской педагогический университет».

46. **Мартинкус Петр Петрович**, к.филос.н., доцент кафедры философии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

47. **Михайлович Верица**, научный сотрудник Отдела этномузыковедения Института сербской культуры, г. Лепосавич, Сербия

48. **Маслеников Александр Александрович**, аспирант кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ имени И.С. Тургенева.

49. **Мясникова Наталия Владимировна**, к.полит.н., доцент кафедры политологии и политического управления факультета общественных наук, начальник Управления научной деятельностью Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

50. **Назарова Галина Федоровна**, к.ф.н., профессор кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И.С. Тургенева.

51. **Никифорова Светлана Михайловна**, к.и.н., доцент кафедры истории России, ОГУ им. И. С. Тургенева.

52. **Негруль Виктория Владимировна**, ст. преподаватель кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

53. **Некрасова Нина Андреевна**, д.филос.н., профессор Московского государственного университета путей сообщения МИИТ.

54. **Некрасов Сергей Иванович**, д.филос.н., профессор кафедры социологии и ювеноальной политики ОГУ им. И.С. Тургенева.

55. Некрасова Ульяна Сергеевна, к. филос. н, Австралия.

56. **Ноздрунов Александр Владимирович**, к.филос.н., ст. преподаватель кафедры философии и культурологии ОГУ имени И.С. Тургенева.

57. **Пантелеев Сергей Юрьевич**, директор Института русского зарубежья, эксперт Фонда «Русский мир».

58. **Пахарь Людмила Ивановна**, д.филос.н., профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии ОГУ им. И. С. Тургенева.

59. **Пилипенко Ольга Васильевна**, д.т.н., профессор, председатель оргкомитета, ректор ОГУ им. И.С. Тургенева.

60. **Петракова Людмила Еремеевна**, старший преподаватель кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

61. **Петрунин Владимир Владимирович**, к.ф.н., доцент кафедры религиоведения и теологии ОГУ им. И.С.Тургенева.

62. **Райлян Наталья Радиславовна**, преподаватель кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

63. **Рожкова Наталья Васильевна**, к.филол.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина.

64. **Родина Валерия Андреевна**, ст. преподаватель кафедры логики, философии и методологии науки философского факультета ОГУ имени И.С. Тургенева.

65. **Родов Григорий Дмитриевич**, научный сотрудник отдела Истории и этнографии НИЦ Гагаузии им. М.В. Маруневич.

66. **Романова Светлана Яковлевна**, научный сотрудник научно-исследовательского Центра Гагаузии (Республика Молдова).
67. **Рябцев Иван Андреевич**, магистр антропологии, м.н.с. Института культурного наследия АН Молдовы.
68. **Сальников Евгений Вячеславович**, д.филос.н., доцент начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.
69. **Санькова Светлана Михайловна**, д.и.н., профессор кафедры философии и культурологии ОГУ им. И.С. Тургенева.
70. **Серегина Тамара Владимировна**, к.филос.н., профессор, декан философского факультета ОГУ им. И.С. Тургенева
71. **Симиндей Владимир Владимирович**, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память».
72. **Слободенюк Руслан Викторович**, преподаватель кафедры социологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.
73. **Сорока Ирина Александровна**, к.филос.н., кафедра общей и прикладной политологии ОГУ им. И.С. Тургенева.
74. **Срибный Василий Николаевич**, к. культурологии, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного Краснознамённого института войск национальной гвардии Российской Федерации.
75. **Старостенко Константин Викторович**, д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной политологии ОГУ им. И.С. Тургенева.
76. **Степанов Вячеслав Петрович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой социальной антропологии и этнонациональных процессов ОГУ им. И.С. Тургенева.
77. **Терехов Сергей Васильевич**, к.филос.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И.С. Тургенева.
78. **Финогентов Валерий Николаевич**, д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина.
79. **Хохлова Елена Ивановна**, к.филос.н., доцент кафедры философии и культурологии ОГУ им. И. С. Тургенева.
80. **Чекулаев Александр Александрович**, к. полит. н., доцент кафедры общей и прикладной политологии ОГУ им. И.С. Тургенева.
81. **Шевченко П.А.**, магистрант 1-го года обучения направления подготовки «Философия» ОГУ им. И.С. Тургенева.
82. **Шорников Александр Петрович**, преподаватель Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.
83. **Шорников Петр Михайлович**, к.и.н., доцент Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

84. **Шумилкина Оксана Геннадьевна**, к.филос.н., доцент кафедры логики, философии и методологии науки ОГУ им. И. С. Тургенева.

85. **Щукина Ольга Викторовна**, к.п.н., доцент, заведующая кафедрой английской филологии, декан филологического факультета, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

86. **Щукина Наталья Викторовна**, к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права юридического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

87. **Янковский Виталий Валентинович**, глава Официального представительства Государства Алания в Приднестровье.

Научное издание
под общ. ред. В.П. Степанова, Т.В. Сергиной
Материалы международной научно-практической конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности» (г. Орел, 19-21 апреля 2017 г.)
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 36,5. Тираж 500 экз.